

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 2
Гуманитарные науки

2014

№ 2 (127)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 2
Humanities and Arts

2014

№ 2 (127)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- М. Б. Хомяков**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
- В. А. Виноградов**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнев**, чл.-корр. РАН
- С. В. Голынец**, акад. РАН
- К. Н. Любутин**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- М. М. Гиршман**, проф. (Украина)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- А. Ковач**, проф. (Румыния)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

Т. В. Куц,
докт. ист. наук, доц.

Заместители главного редактора

Е. П. Алексеев,
канд. искусствоведения, доц.

Ю. В. Матвеева,
докт. филол. наук, доц.

Ответственный секретарь

Н. В. Мосеева

Ответственные за направления

История

Н. Н. Баранов,
докт. ист. наук, доц.

Е. М. Главацкая,
докт. ист. наук, доц.

Ю. А. Русина,
канд. ист. наук, доц.

А. В. Шаманаев,
канд. ист. наук, доц.

Филология

О. В. Зырянов,
докт. филол. наук, проф.

А. В. Маркин,
канд. филол. наук, доц.

А. М. Плотникова,
докт. филол. наук, доц.

Д. В. Спиридонов,
канд. филол. наук, доц.

Искусствоведение и культурология

Л. А. Будрина, канд.
искусствоведения, доц.

Г. В. Голынец, канд.
искусствоведения, чл.-корр. РАН

М. В. Капкан, канд.
культурологии, доц.

Л. С. Лихачева, докт.
социол. наук, проф.

Перевод на английский

Т. С. Кузнецова,
канд. филол. наук

СОДЕРЖАНИЕ

П. П. БАЖОВ — ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА.
К 135-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПИСАТЕЛЯ

Литовская М. А. «Фабульные крючочки и петельки»: поэтика компромисса в творчестве П. П. Бажова 8

Васильев И. Е. Пути и способы формирования региональной идентичности в творчестве П. П. Бажова и А. П. Бондина 18

Быков Л. П. Бажов и Шергин 27

Григорьев Г. А. Исторические взгляды П. П. Бажова (на материале эпистолярного наследия) 32

ТЕМА НАРОДА И НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX И XX ВВ.

Житкова Л. Н. Народность как эстетическая категория в русской литературной критике XIX в. 45

Слободянинова Л. М. Образ народа в творчестве писателей демократического направления второй половины XIX в. 52

Пращерук Н. В. «Онегины в лаптях и зипунах» и «подпольные» люди в рассказах И. А. Бунина 1909–1913 гг. 60

Накарякова А. А. К вопросу о национальной идентичности героев В. Набокова: «русские» среди «призрачных иностранцев» 67

Снигирева Т. А., Снигирев А. В. Доказательство «от противного»: Россия, русский язык и характер в романах Б. Акунина 75

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОГРАФИИ И ТЕКСТОЛОГИИ ФОЛЬКЛОРНЫХ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Грамотчиков Н. Б. Фольклорный архив УрФУ: методика проведения студенческой практики и перспективы репрезентации архивных материалов 84

Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Локальные фольклорные архивы и учебный процесс 92

Власкина Н. А. «Казачий бренд» поселений Ростовской области: вопросы идентичности и культуростроительства 100

Ушаков Н. В. Система учета и описания современных цифровых полевых этнографических материалов 108

ФИЛОЛОГИЯ

Турьшева О. Н. Грета или Грегор? О субъекте речи в одном фрагменте «Превращения» Ф. Кафки 117

Сатовская С. Н. Автобиографический аспект романов «данцигской трилогии» Г. Грасса 122

Дубовцев А. Н. Эсхатологический миф в прозе Н. С. Гумилева (на материале рассказа «Девкалион») 128

Комаров К. М. Текстуализация телесности в поэме В. Маяковского «Про это» 133

Борисова Е. О. Специфика воплощения наивных представлений о скорости в лексике русского языка 144

Боброва М. В. Фразеологизмы в диалектных словарях Пермского края 157

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Будрина Л. А. Забытые имена уральских камнерезов: Иван Сергеевич Стебаков 172

Макарова А. Л. Миф о Жанне д'Арк как культурный контекст оперы П. И. Чайковского «Орлеанская дева» 187

ИСТОРИЯ

Слядзь А. Н. Святослав II — союзник Михаила VII? К вопросу о достоверности одного эпизода «Истории Российской» В. Н. Татищева 200

<i>Возчиков Д. В.</i> Религиозные практики Индии и Юго-Восточной Азии в отчете венецианского путешественника XV в.	210
<i>Семенов О. В.</i> Туринский ям в конце XVI — первой трети XVII в.: возникновение и функционирование	223
<i>Морозан В. В.</i> Составление бессарабской дворянской родословной книги ...	233
<i>Титаренко А. С.</i> Представления о Китае в русском народном сознании (вторая половина XIX — начало XX в.)	243
<i>Мазур Л. Н.</i> Становление и эволюция сельской бюрократии в России во второй половине XIX — начале XX в.	251
<i>Нефедов С. А.</i> История Урала в контексте трехфакторной модели исторического процесса	268
<i>Збоев А. В.</i> Активизация политики США на Балканах в начале 1941 г.: визит полковника У. Донована в Софию	280

РЕЦЕНЗИИ

<i>Козлов А. С.</i> Рец. на кн.: Марцеллин Комит. Хроника / пер. и коммент. Н. Н. Болгова. Белгород : БелГУ, 2010	293
<i>Сидорова О. Г.</i> Жизнь как роман — или как пьеса? Рец. на книги: Томалин К. Жизнь Джейн Остин: биография / пер. с англ. А. Дериглазовой. М. : Колибри ; Азбука-Аттикус, 2013; Шайтанов И. О. Шекспир. М. : Молодая гвардия, 2013	301

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции

II Павермановские чтения. Литература. Музыка. Театр. Международная научно-практическая конференция (<i>Л. А. Назарова</i>)	308
--	-----

Информация

Новые публикации по филологии	309
Список сокращений	311
Сведения об авторах	312
Summary	316

TABLE OF CONTENTS

<p>P. P. BAZHOV — YESTERDAY, TODAY, TOMORROW. THE WRITER'S 100th BIRTHDAY</p> <p><i>Litovskaya M. A.</i> The Intricacies of the Plot: Poetics of Compromise in the Works of P. P. Bazhov ..... 8</p> <p><i>Vasilyev I. E.</i> The Ways and Means of Regional Identity Formation in the Creative Work of P. P. Bazhov and A. P. Bondin..... 18</p> <p><i>Bykov L. P.</i> Bazhov and Shergin ..... 27</p> <p><i>Grigoryev G. A.</i> P. P. Bazhov's Historic Views (with Reference to his Epistolary Legacy)..... 32</p> <p style="text-align: center;">THE THEME OF THE FOLK AND NATIONAL CHARACTER IN 19th–20th CENTURY RUSSIAN LITERATURE</p> <p><i>Zhitkova L. N.</i> Folk Origins as an Aesthetic Category in 19th Century Russian Literary Criticism..... 45</p> <p><i>Slobozhaninova L. M.</i> The Image of the Folk in the Works of Demo- cratic Writers (2nd Half of the 19th Century) ..... 52</p> <p><i>Prashcheruk N. V.</i> 'Bast-Shoed Onegin's' and 'Underground' People in I. A. Bu- nin's Short Stories of 1909–1913 ..... 60</p> <p><i>Nakaryakova A. A.</i> Towards the Issue of Nabokov's Characters' National Identity: Russians among Illusory Foreigners..... 67</p> <p><i>Snigireva T. A., Snigirev A. V.</i> Proof by Contradiction: Russia, the Russian Language and Character in B. Aku- nin's Novels ..... 75</p> <p style="text-align: center;">FOLKLORE ARCHIVAL MATERIALS: PROBLEMS OF ARCHAEOGRAPHY AND TEXTOLOGY</p> <p><i>Gramatchikova N. B.</i> The UrFU's Folklore Archive: Student Internship Methods and New Archival Material Representation Prospects..... 84</p>	<p><i>Vladykina T. G., Glukhova G. A.</i> Local Folklore Archives and Educational Process..... 92</p> <p><i>Vlaskina N. A.</i> The 'Cossack Brand' of Settlements of Rostov Region: Issues of Identity and Culture-Building ..... 100</p> <p><i>Ushakov N. V.</i> Record and Description System of Modern Digital Field Ethnographic Materials..... 108</p> <p style="text-align: center;">PHILOLOGY</p> <p><i>Turyшева O. N.</i> Greta or Gregor? On the Subject of Speech in an Excerpt of F. Kafka's <i>The Metamorphosis</i>..... 117</p> <p><i>Satovskaya S. N.</i> The Autobiographic Aspect of G. Grass's <i>Danzig Trilogy</i>.... 122</p> <p><i>Dubovtsev A. N.</i> The Eschatological Myth in N. S. Gumilev's Prose (with Reference to <i>Deucalion</i>)..... 128</p> <p><i>Komarov K. M.</i> The Textualization of Corporality in V. Mayakovsky's Poem <i>About This</i> ..... 133</p> <p><i>Borisova E. O.</i> The Realization of the Naive Ideas of Velocity in the Russian Word-Stock ..... 144</p> <p><i>Bobrova M. V.</i> Phraseopantoms in Dialectal Dictionaries of Perm Region ..... 157</p> <p style="text-align: center;">ARTS AND CULTURAL STUDIES</p> <p><i>Budrina L. A.</i> Forgotten Names of Ural Stonecutters: Ivan Sergeevich Stebakov ..... 172</p> <p><i>Makarova A. L.</i> The Myth of Joan of Arc as P. I. Tchaikovsky's <i>The Maid of Orleans</i> Opera Context ..... 187</p> <p style="text-align: center;">HISTORY</p> <p><i>Slyadz' A. N.</i> Sviatoslav II — an Ally of Michael VII? Towards the Accuracy of an Excerpt of V. N. Tatishchev's <i>Russian History</i> ..... 200</p>
--	---

<i>Vozchikov D. V.</i> Religious Practices of India and Southeastern Asia: an Account of a 15 th Century Venetian Traveller	210
<i>Semenov O. V.</i> The Turinsk Mail Staging Post in the Late 16 th – 1 st Third of the 17 th Century: Its Establishment and Functioning	223
<i>Morozan V. V.</i> Compiling a Genealogy Book of the Bessarabian Nobility	233
<i>Titarenko A. S.</i> The Idea of China in Russian Folk Consciousness (2 nd Half of the 19 th – Early 20 th Century)	243
<i>Mazur L. N.</i> The Emergence and Evolu- tion of Rural Bureaucracy in Russia in the 2 nd Half of the 19 th – Early 20 th Century	252
<i>Nefedov S. A.</i> The History of the Urals within the Context of a Three-Factor Model of the Historical Process	268
<i>Zboev A. V.</i> The Escalation of US Policy in the Balkans at the Beginning of 1941: a Visit of Colonel W. Donovan to Sofia	280

REVIEWS

<i>Kozlov A. S.</i> Review of Marcellinus Comes. A Chronicle / Translation and Commentary by N. N. Bolgov. Belgorod: BelGU, 2010.	293
<i>Sidorova O. G.</i> Life as a Novel – or as a Play? Review of: Tomalin C. Jane Austen: A Life / Translated from English by A. Deriglazova. M.: Kolibri ; Azбуka-Attikus, 2013; Shaitanov I. O. Shakespeare. M.: Molodaya Gvardiya, 2013	302

ACADEMIC CURRICULUM

Conferences

2nd Readings in Memory of V. M. Pa- verman. Literature. Music. Theatre. An International Applied Research Conference (L. A. Nazarova).....	308
---	-----

Information

New publications in philology	309
List of abbreviations	311
On the authors	312
Summary	316

П. П. БАЖОВ — ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА. К 135-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ

УДК 821.161.1 Бажов-3 + 82-31

М. А. Литовская

«ФАБУЛЬНЫЕ КРЮЧОЧКИ И ПЕТЕЛЬКИ»: ПОЭТИКА КОМПРОМИССА В ТВОРЧЕСТВЕ П. П. БАЖОВА*

Рассматривается своеобразие творческого поведения П. П. Бажова, анализируются причины успеха писателя у профессиональных и непрофессиональных читателей, показаны различные способы жанрово-стилевой организации текста, помогающие писателю обойти цензурные препоны, реализовать альтернативный вариант истории Урала.

Ключевые слова: русская литература XX в.; беллетризованная история Урала; П. П. Бажов; советский конформизм; художественный историзм.

П. П. Бажов, являющийся для русского Урала своего рода «гением места», занял в отечественной литературе уникальное положение человека, чьи художественные тексты были восприняты как приемлемые для советской власти в период самого жесткого идеологического надзора, оказались созвучны представлению жителей региона о себе и своем месте в мире, органично вписались в историю развития отечественной словесности, благополучно пережив смену общественного строя и доминирующих культурных парадигм. Причина этого редкого совпадения лежит, на наш взгляд, как в сугубо эстетических достоинствах бажовских сказов, так и в сложившейся на протяжении жизни писателя творческой стратегии, позволившей ему при жизни органично балансировать между государственными требованиями и насущной потребностью аудитории, а его текстам занять нишу нестареющей классики — главного представителя Урала в мировой культуре более чем через полвека после их создания.

---

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 13-23-08002 «Трансформации в литературных полях СССР и Франции: циркуляция “левой идеи” в период с середины 1920-х — середины 1950-х годов».

Бажов, родившийся в семье рабочего в 1879 г., получил типичное для гуманитарно одаренного мальчика из социальных низов духовное образование и стал преподавателем словесности. Когда подошло время революций, он начинает заниматься политической деятельностью: поддерживает эсеров, потом большевиков, работает в «подполье», выпускает газету, налаживает народное образование на Алтае, а после возвращения на Урал в 1921 г. ведет журналистскую и редакторскую деятельность, занимая в том числе и непростые административные посты заведующего отделом писем «Крестьянской газеты» и начальника Уралобллита.

Судьба, постоянно сталкивая Бажова с кардинальным несовпадением социальных ожиданий и наличной реальности, сформировала у него выношенную мировоззренческую установку, определившую, среди прочего, и писательские приоритеты. Непреходящими ценностями для него стали оседлость, привязанность к месту своего жительства, крепкая семья, умение продуманно и с отдачей выполнять свою работу. Убежденность в том, что локальное является частным случаем универсального, что человек не только формируется местом и временем, но сам формирует место и время, что свое видение мира необходимо последовательно отстаивать, лежит в основе всего творчества Бажова.

Бажов обратился к профессиональным литературным занятиям, когда ему было уже за сорок, и досказовое его творчество носило, на первый взгляд, конъюнктурный характер. Он начинает с очерковых книг на исторические темы. «Уральские были. Из недавнего быта Уральских заводов» (1924), «За советскую правду» (1925), «К расчету!» (1925), «Пять ступеней коллективизации» (1930), «Бойцы первого призыва» (1934), «Формирование на ходу. К истории Камышловского 254-го 29-й дивизии полка» (1936) — все эти книги современным читателем воспринимаются как типичная актуальная журналистика, где автор занят беллетризацией спущенных сверху тезисов об обязательности изображения тяжелой жизни рабочих до революции, нарастания революционных настроений в фабрично-заводской среде, триумфального шествия советской власти и преодолемых трудностей строительства нового социалистического хозяйства. Можно было бы ограничиться подобными интерпретациями, но комментарии Бажова к его собственным книгам и возможность ретроспективно оценить сделанное им в контексте как эпохи в целом, так и дальнейшего его творческого пути, позволяют уточнить прямолинейные оценки.

Бажов осознавал социальную ответственность писателя и — что немало важно, — видимо, не испытывал особых иллюзий по поводу независимости литературного творчества. Он честен перед собой, сдержанно оценивает свои возможности, но при этом последовательно ведет одну линию, всеми доступными и возможными средствами привлекая внимание читателя к важным для себя проблемно-тематическим поворотам. Сам имея цензорский опыт, правя письма раб- и селькоров, сочиняя заметки в газеты, Бажов понимал важность балансировки между открытостью авторской позиции и возможностями, предоставляемыми литературным полем, между частной честностью пишущего и жесткими государственными требованиями. Поэтому такое место в его творчестве занимает поиск форм, позволяющих в наличных условиях выразить

то, что он считает значительным, даже если оно идет вразрез с сиюминутными политическими установками.

Ценность первых книг при нашем повороте темы состоит в том, что они позволяют увидеть, как журналист ищет возможности выйти за пределы выполнения актуального заказа, чтобы выразить важное для себя содержание. Сам Бажов в конце творческого пути свои первые книги не без иронии именовал «простейшим мемуарным родом, — “чему свидетель я в жизни был”», «продукцией летописного порядка» [Батин, с. 48]. Так, книгу «Уральские были», имеющую подзаголовок «Из недавнего быта Сысертских заводов», содержащую богатейший исторический материал, Бажов начинает с бытовой зарисовки, тема которой — очередное временное увольнение отца с завода. Это отвечает условиям рассказа о прошлом, создаваемого для советского издательства, где в воспоминаниях человека из рабочей среды важно было показать тяготы жизни пролетариев в дореволюционной России.

При этом в название книги включена жанровая номинация «быль». Сдержанность этого жанра предполагает ряд условий: историческую дистанцию между временем действия и временем создания текста, ориентацию на локально ограниченный, известный немногим материал, неразличение реально бывшего и вымышленного вплоть до фантастического и, наконец, установку на коллективную культурную память. Автор последовательно придерживается «коллективной» точки зрения, противопоставляющей интересы рабочих и «бар», скрывая за авторитетной позицией народа свой взгляд, в том числе и на острые идеологические проблемы.

Последующее досказовое творчество оказалось куда более жестко сковано актуальными политическими требованиями. К первой книге были добавлены недостающие с точки зрения государственно-партийных органов фрагменты: изображение не просто спонтанного недовольства уральских рабочих происходящим на заводах, но также их политической борьбы за свои интересы, по сути, последовательный рассказ о революционном движении в одном из регионов России. Бажов книгу с вынесенным в заголовок ключевым для классово-борьбы на Урале понятием «К расчету!» выпускает, но акцент делает не на личных воспоминаниях и преданиях, а на разного рода официальных свидетельствах. Так же дисциплинированно, но сдержанно будут написаны последующие его очерковые книги.

Бажов, принимая заказ, заведомо не должен был нарушать предложенную заранее партийную интерпретацию событий. Единственное, что он мог допустить, — показать внутренний зазор между нею и позицией свидетеля, публицистически выравнивая бывшее — то, что вспомнили повествователь и его информанты, — и должное. Бажов-повествователь наблюдателен и достаточно честен, поэтому картина, созданная им, в любом случае многограннее им же проведенного ее толкования. Он старается соблюсти полноту в описании социальной реальности прошлого (экспроприации, рейды карательных отрядов с обеих сторон и т. п.), одновременно пропагандистски сухо оправдывая все действия красных в соответствии с политической конъюнктурой середины 1930-х гг. Тогда же он на собственном опыте убедится в опасности

такого подхода: в случае смены политического вектора в тогдашних условиях «из оборота» изымалась не только книга, но и ее автор.

На известное внутреннее сопротивление «заказу» Бажов указывает, характеризуя жанровую природу своих «заказных» книг как исторический очерк: «Род литературы, в котором я работаю, это исторический очерк. Писать документальную историю полка я не берусь» [Бажовская энциклопедия, с. 529]. Противопоставление «истории» и «очерка» подчеркивает специфичность той жанровой формы, которая казалась Бажову в тот период наиболее адекватной его возможностям как литератора. Бажов был опытным партийным журналистом, а до этого его готовили к карьере священника и, конечно, он отчетливо осознавал, что история предполагает цельную концепцию, которая не столько определяется видимой автором «объективностью», сколько изначально задается «сверху». Документальные факты, так или иначе, автору приходится непротиворечиво в нее вписывать. Обязывающей жесткости Бажов стремился избегать, предпочитая жанры с заложенной в них установкой на описание события, а не на его однозначное концептуальное осмысление.

Возможно, именно поэтому Бажов постоянно говорит о «мемуарности» (= подчеркнутой субъективности) своих книг. Поэтому же он настаивает на очерке, жанре более свободном, допускающем и субъективность, и прерывистость изображения, и неполноту предлагаемого читателю знания. Объяснения, данные Бажовым уже в первой его книге, подчеркивают принципиальную неполноту его знания, не дающую права на окончательные выводы: «...мне за детские годы пришлось пожить — и не по одному разу — во всех заводах Сысертского округа. Не порывал связи с заводами и потом, хотя надо сказать, что эта связь была случайной. Знал лишь о выдающихся фактах заводской жизни: о смене начальства, о крупном недоразумении с рабочими, о каком-нибудь заводском “казусе”. С такой внешней стороны жизнь Сысертского округа была мне известна приблизительно на протяжении тридцати лет... Многое из этой жизни, как я убедился, было типичным для всего горнозаводского Урала, поэтому я и решаюсь воспроизвести сохранившиеся в памяти обрывки картин заводского быта за последние три десятка лет перед революцией. Должен оговориться, что постоянного касательства к заводскому делу я никогда не имел, поэтому многое, может быть, очень важное, ускользнуло от моего внимания» [Бажов, 1952, т. 3, с. 10].

Бажова активно привлекают к созданию советского варианта истории края. Он целое десятилетие отдает выполнению этого задания, пока не предпринимает редкую по тем временам попытку пойти вразрез с официально навязываемой интерпретацией, создав свой вариант «уральского» нарратива, опираясь на иное, чем в государственном варианте, основание — коллективную память.

В 1930-е — первой половине 1940-х гг., когда П. Бажов как писатель работал наиболее активно, несовпадение коллективной памяти с историей как нарративом проявлялось особенно отчетливо, т. к. в этот период шло открытое формирование новых общественных стереотипов, которые должны были обуславливать возникновение в коллективном сознании схематизированных образов разнородных явлений. В частности, непротиворечивую целостную

«картину прошлого» создавали и поддерживали символическими скрепами, постоянный повтор которых делал незаметными отбор значимых исторических фактов, а также их иерархическое выстраивание. В итоге формировалось совокупное представление о прошлом, которое на определенном этапе начинало восприниматься значительной частью общества как естественное [подробнее см.: Добренко, с. 266–306].

Бажов всю творческую жизнь собирал данные по истории Урала, многое помнил сам, сопоставление знания с известным по литературе, как до-, так и послереволюционной, судя по всему, вызывало у него глубокое раздражение. По мнению писателя, события прошлого и настоящего постоянно подвергаются переосмыслению, искажающему и принижающему прошлое. Не случайно в письме к Л. Скорино он пеняет ей, что хорошо бы при анализе его биографии «сконцентрировать внимание на малоизвестном материале и среде, которая в прошлом освещалась неправильно» [Бажов, 1955, с. 157]. Это неправильное может быть обусловлено не обязательно злым умыслом, но и несовпадением опыта пишущего и тех, кого он описывает. Так, комментируя путевые заметки Вередревского, иронизировавшего по поводу «ограниченности» провинциалов, Бажов замечает: «Дело вовсе не в ограниченности вкуса к комфорту, а в другом понимании этого комфорта» [Бажов, 1955, с. 177]. Писатель, заставший исчезающий на глазах уклад, ощущает свою ответственность за сохранение его в слове.

Воссоздание образа Урала, запечатленного коллективной и индивидуальной памятью, и становится сверхзадачей писателя. Естественная историческая память социальных групп в XX в. серьезно трансформировалась. Большую роль в этом процессе играла профессиональная историография, достижения которой в эпоху всеобщего образования, подвергаясь предварительно известному упрощению, транслировались в широкие народные массы. События прошлого отбирались и типологизировались для истории не теми, кто долгое время хранил живую память о них. Спасти воспоминания о том, что было важно для уходящей с арены истории социальной группы, можно, только письменно зафиксировав их в форме связного рассказа [Хальбвакс].

Стремление рассказать читателям о своем мире и восстановить правду взаимосвязаны, в такой постановке вопроса заложен мощный протестный потенциал. Бажов стремится актуализировать в регионе свой вариант исторических событий, основанный на собственных воспоминаниях и рассказах, бытовавших в уральских заводах, решается создавать тексты, опирающиеся на его мнение, а не на готовые интерпретации, с которыми он ведет осторожную, но неуступчивую борьбу. Он стремится сделать общедоступной, т. е. авторитетной, свою интерпретацию доступного исторического материала, для чего необходимо было найти максимально яркую форму, способную организовывать исторический материал.

В середине 1930-х гг. Бажов возвращается к материалу «Уральских былей» под двумя существенно отличными друг от друга и от всего ранее им написанного углами зрения. Первый был вполне традиционным. Бажов пишет автобиографическую повесть «Зеленая кобылка».

В автобиографической повести, рассказывающей о детях рабочих уральского завода, писатель опровергает принятое в литературе изображение жизни дореволюционных рабочих как страшное нищенское существование. Преодоление поверхностного видения истории — один из важнейших посылов бажовского творчества. Позже он объяснит, что в его повесть пришло от внутренней протестной потребности, а что — наоборот — от необходимости сделать «проходимый» текст. «Приключения мальчуганов, помощь революционеру — все это лишь фабульные крючочки и петельки. Главным ставилось другое и совсем не маленькое. Хотелось по-другому показать воспитание ребят в средней рабочей семье, в противовес тому, что у нас нередко изображалось. Да, была темнота, но не такая беспросветная, как в “Растеряевой улице”, в подъячевских рассказах или даже в чеховских “Мужиках”. Была и нужда, и материальная ограниченность, но ребята не дистрофиками росли: из них ведь выходили те мастера и подмастерья, которые играючи ворочали клещами шестипудовые крицы и подбрасывали в валок тяжелые полосы раскаленного железа» [Бажов, 1955, с. 164].

Бажов, как видим, прекрасно понимает роль компромисса в современной ему литературе: создание текста по готовым фабульным моделям позволит не только издать его, но и помочь читателю обнаружить в нем принципиальную новизну интерпретации, по сути, включить мемуары в готовую популярную схему рассказа о детях, спасающих революционера. Однако содержательный ореол жанра не позволяет писателю достичь генерализующего результата: автобиографическое повествование слишком локализовано и недостаточно авторитетно для того, чтобы стать базой потенциальной региональной истории. Бажов хочет преодолеть ограниченность, заложенную в структуру жанра. «Хотелось бы заменить свою биографию биографией той заводской среды, фольклор и говор которой привлекли внимание читателей к вещам за моей подписью... Это гораздо важнее, чем привлекать внимание к географическим пунктам и хронологическим датам своей жизни, которая ничем не примечательна», — писал П. П. Бажов в письме Л. И. Апарникову 30 октября 1946 г. [цит по: Бажовская энциклопедия, с. 551]. Позже в рамках того же автобиографического нарратива будет создана книга «Дальнее — близкое», но сомнения писателя не снимаются: «габариты биографии», помогая уйти от predeterminedенной публицистичности, в то же время чреваты «узкой односторонностью» [Бажов, 1955, с. 56].

Второй путь в направлении создания новой истории оказался более продуктивным. Бажов кардинально меняет используемый им жанр и начинает работать с формой сказа, которая к этому времени отошла на периферию русской литературы. Если первый сказ «Про водолазов» (1935) еще является переходным между сказом и очерком, где разрабатываются возможности новой повествовательной формы, то в последующих сказах Бажов строго разводит эти формы. В собранную им книгу сказов «Малахитовая шкатулка» включается и авторский очерк «У караулки на Думной горе», и статьи «О речевых особенностях округа и сказителя», и «Объяснения отдельных слов, понятий, выражений, встречающихся в сказах».

Специфическая сказовая художественная условность активизировалась в советской литературе в начале 1920-х гг. и была связана с выходом на

историческую арену героев принципиально нового типа [Белая]. К середине 1930-х гг. сказ отошел на периферию русской литературы, так что Бажов очевидно «запаздывал» по отношению ко всему литературному процессу, хотя появление подобной формы на фоне нарастающего доминирования авторитетного слова делало бажовские тексты более заметными. Художественный потенциал сказа позволял Бажову решить принципиально важную задачу: включить свое понимание исторических событий в границы «чужого» видения происходящего. Главной особенностью художественной структуры сказа является, как известно, его специфическая субъективность, возведенная в основной формообразующий принцип [Бажовская энциклопедия, с. 376]. В случае Бажова он базируется на имплицитном противопоставлении истории как сознательно сформированной в определенных интересах системы объяснения и группировки определенных фактов и памяти как спонтанно возникающей формы сохранения неких актуальных для индивида или группы фактов и их оценок. Идеологические требования к памяти как явлению сознания, в соответствии с советскими установками легко подвергающемуся перестройке, не были столь жесткими, как к истории. Следовательно, было возможно, зафиксировав тексты как тексты памяти, предложить существенно отличный от официального вариант описания прошлого.

Рассказчиком в сказах выступает старый рабочий-мастер. Караульщик дед Слышко, собирающий ребятишек на Думной горе и рассказывающий им увлекательные истории об их родном крае, как и другие бажовские рассказчики, относится к «заводским старикам», основной общественной функцией которых была передача социально значимой информации последующим поколениям¹. Жизненный опыт рассказчика заведомо делает значимым в глазах читателя то, что он рассказывает, ведь он является носителем уникального образа прошлого, выработанного предками современных обитателей Урала. Рассказчик Бажова наделен стремлением открыть слушателю глаза, восстановить сокрытую истину, связанную с прошлым: «Про наших Златоустовских сдвна сплетка пущена, будто они мастерству у немцев учились. <...> И в книжках будто бы так записано. Только этот разговор в половинку уха слушать надо, а в другую половинку то лови, что наши старики сказывают. Вот тогда и поймешь — как дело было, — кто у кого учился» [Бажов, 1952, т. 3, с. 22]. Он, по сути, является долитературным «голосом» своего сословия: «Наше семейство из коренных невьянских будет. На этом самом заводе начало получило <...>. Тоже, поди, за эти годы наши семейные что-нибудь видели. И глухонемых в роду не бывало. Одни, значит, рассказывали, другие слушали, а потом сами рассказывали. Если такое собрать, много занятного окажется» [Бажов, 1952, т. 2, с. 97].

Бажов, ориентируясь на речевую манеру заводского старожила, рассказывает историю Урала не через «историю фабрик и заводов» или народных бунтов, а через историю мастеров — горщиков, золотоискателей, гранильщиков, металлургов. Историческое время в рассказах, конечно, маркируется именем того,

---

¹ Об «институте заводских стариков» и специфике уральской несквозной прозы см.: [Бажовская энциклопедия, с. 442–449]. Себя П. П. Бажов периода создания сказов, судя по всему, хотел представить в подобном же свете, что подчеркивалось, в частности, его характерным обликом.

кто в тот период стоял у власти, или каким-то общенародным событием, но содержательно наполняется достижением того или иного мастера — сделанной вазой, найденным самородком, отчеканенным узором или чудесным событием, тесно связанным с Тайной Силой — персонифицированными творческими возможностями природы. Мастер, по собственной инициативе и воле осваивающий тонкости профессии, внутренне свободный, проходящий все этапы личностной реализации, жизненная философия которого основана на его повседневном опыте, до этого героем литературы не был [подробнее см.: Лукьянин; об эволюции образа мастера в творчестве П. П. Бажова см.: Жердев]. Рабочий человек, живущий насыщенно и творчески, испытывающий глубочайшие чувства свободы, тоски, ярости и радости, лишенный обывательской ограниченности, обладающий ярким незаемным словом, — Бажов показывает неидеальных героев в сложнейших жизненных ситуациях, неизменно вызывая восхищение их верностью себе. Этот социальный тип, воплощенный во множестве бажовских персонажей, получает, благодаря найденной форме, не просто возможность высказаться, но передать более молодому человеку из другого — социалистического — времени цельную и не утратившую актуальности систему ценностей.

То, что сказ выполнял у Бажова в известной степени «защитные» функции, подчеркивалось стремлением писателя выдать свои тексты за фольклорные, с опорой на народную коллективную память. Фольклористы до сих спорят, какова все же степень самостоятельности созданных писателем сюжетов. Художественные тексты вызвали подозрение как не вполне самостоятельные, и этому подозрению сам Бажов немало способствовал: и когда в начале своей деятельности как автора художественных текстов называл их фольклорными записями, и когда ближе к концу жизни неоднократно утверждал, что может писать только на основании готового «чужого» материала². Воссоздавая чужое видение, Бажов закономерно передает его рабочему — тому, ради кого, согласно официальной пропаганде, происходили все изменения в России. Сказ у Бажова становится формой выражения коллективного знания, которое в контексте времени и идеологических установок эпохи не может подвергаться пересмотру; рабочий, по крайней мере официально, считался носителем безусловно правильной точки зрения. Кроме того, в фольклорном контексте вся сказочная символика, разработанная Бажовым, отчасти сконтаминированная, отчасти изобретенная им самим, также становится более авторитетной как порождение не авторской, но народной фантазии.

Найденный Бажовым способ говорить о прошлом оказался для всех жителей Урала как нельзя более кстати, т. к. индустриализация лишила край запечатленного в дореволюционном искусстве своеобразия. В результате модернизационной

---

² Характерны в этом смысле опасения Бажова оказаться непонятым в случае его полного отказа от фольклорной (коллективной) основы. В письме к своему биографу Л. Скорино, анализируя отклики на московское издание «Зеленой кобылки», он не без раздражения пишет, что «о главном никто даже не упоминает». И высказывает предположение, почему так произошло: «О чем это говорит? Только о том, что изучаемый Вами объект, как осенний листок, совершенно беспомощен, оторвавшись от дерева — фольклора. Беспомощен настолько, что даже редактирующие его люди не очень отчетливо понимают, что же он хотел сказать» [Бажов, 1955, с. 164]. Подробнее о фольклоризме Бажова см.: [Блажес].

политики СССР составлявшие его регионы кардинально меняли свой облик и вследствие этого как будто теряли свою уникальность. Переустройство жизни шло очень трудно, требовало от большинства участвующих в нем сверхусилий, необходимы были опоры, которые могли бы помочь людям — как местным, так и многочисленным добровольным и насильственным приезжим — преодолеть углубляющийся социальный и идентификационный кризис. В такой сложный для Урала период П. П. Бажов создает «Малахитовую шкатулку». Текст, являющий собой образец синтеза профессионального и стихийного словесного искусства, создаваемый в формате литературы «для народа», написанный от лица людей труда, предложил доступные сознанию широкого читателя образы, созвучные представлению людей региона о себе и своем месте, возбуждающие национальную гордость и способствующие формированию региональной идентичности [Литовская, 2006]. Неудовлетворенность настоящим нередко порождает особую потребность в мифологическом обосновании общего прошлого. Не случайно в периоды национальных или региональных кризисов в качестве своеобразной компенсации создаются так называемые авторские эпосы — тексты, основанные на коллективной памяти, представляющие приемлемую для широкого круга воспринимающих интерпретацию исторического развития народа или региона и анализ его специфики. Иными словами, автор подобного эпоса творит текст, который затем выступает в обществе в качестве носителя «знаков» идентичности. Опираясь на дописьменные жанры коллективного творчества, историческую науку, собственный житейский опыт, Бажов создал своего рода авторский эпос горного Урала, воспроизведя единственный по-настоящему востребованный, не навязанный, а «естественно» сформированный, а значит — легко воспринятый образ региона.

Переживший революцию и Гражданскую войну, преследования за свои политические взгляды и всесоюзную славу, Бажов явно не был радикалом в отстаивании собственной позиции. Сложная и неизбежная система компромиссов, характерная для его деятельности в качестве редактора газеты, депутата Верховного Совета СССР, председателя Свердловского отделения СП СССР, обычно именуемая мемуаристами мудростью, проявлялась и в творчестве. Незаметное, но постоянное стремление Баждова уточнить региональную историю, сделать видимым и авторитетным свое мнение о ней, предложить альтернативу тем образам, что закрепляли его предшественники и формировало современное государство, сделало свое дело.

П. П. Бажов выиграл борьбу за право памяти. Уже в первой книге очерков демонстрируя сформированное понимание цели своего литературного высказывания, он создает свой публичный образ одновременно как историка — фольклориста — автора художественных текстов с исторической тематикой [подробнее см.: Литовская, 2010]. Бажову удалось выразить ожидания аудитории, иными словами, выполнить социальный заказ. По справедливому замечанию И. Плотникова, Бажов, не претендуя на то, чтобы считаться профессиональным историком, «не следует общепринятым нормам ссылок на архивы, их фонды, единицы хранения и соответствующие листы. Тем не менее, и сейчас многие историки и журналисты используют данные его работ» [Плотников, с. 88].

В 1930–1940-е гг. актуальной была и проблема прохождения через цензурные препоны. Тексты П. Бажова, создаваемые в формате популярной литературы «для народа», не вызвали недовольства официальной критики: он предложил ясные и доступные сознанию широкого читателя исторические образы, которые возбуждали национальную гордость и способствовали формированию регионального самосознания.

Бажов П. П. Соч. : в 3 т. / под общ. ред. В. А. Бажовой и др. М., 1952. [Bazhov P. P. Soch. : v 3 t. / pod obsh. red. V. A. Bazhovej i dr. M., 1952].

Бажов П. П. Публицистика. Письма. Дневники. Свердловск, 1955. 272 с. [Bazhov P. P. Publicistika. Pis'ma. Dnevniki. Sverdlovsk, 1955. 272 s.].

Бажовская энциклопедия. Екатеринбург, 2007. 640 с. [Bazhovskaja jenciklopedija. Ekaterinburg, 2007. 640 s.].

Батин М. А. Павел Бажов. Свердловск, 1983. 209 с. [Batin M. A. Pavel Bazhov. Sverdlovsk, 1983. 209 s.].

Белая Г. А. Закономерности стиливого развития советской прозы двадцатых годов. М., 1977. 255 с. [Belaja G. A. Zakonomernosti stilevogo razvitija sovetskoj prozy dvadcatykh godov. M., 1977. 255 s.].

Блажес В. В. П. П. Бажов и рабочий фольклор : учеб. пособие по спецкурсу для студ. филол. фак. Свердловск, 1982. 102 с. [Blazhes V. V. P. P. Bazhov i rabochij fol'klor : ucheb. posobie po spekursu dlja stud. filol. fak. Sverdlovsk, 1982. 102 s.].

Добренко Е. Политэкономию соцреализма. М., 2007. 592 с. [Dobrenko Ye. Politekonomia sotsrealizma. M., 2007. 592 s.].

Жердев Д. В. Поэтика сказов П. П. Бажова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. 1997. 21 с. [Zherdev D. V. Pojetika skazov P. P. Bazhova : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. 1997. 21 s.].

Литовская М. А. Проблема формирования региональной мифологии: проект П. П. Бажова // Михаил Осоргин: Художник и журналист. Пермь, 2006. С. 188–197. [Litovskaja M. A. Problema formirovaniya regional'noj mifologii: proekt P. P. Bazhova // Mihail Osorgin: Hudozhnik i zhurnalist. Perm', 2006. S. 188–197].

Литовская М. А. Жанровая система творчества П. П. Бажова // Эволюция жанров в литературе Урала XVII–XX вв. в контексте общероссийских процессов. Екатеринбург, 2010. С. 434–452. [Litovskaja M. A. Zhanrovaja sistema tvorcestva P. P. Bazhova // Jevoljucija zhanrov v literature Urala XVII–XX vv. v kontekste obshherossijskih processov. Ekaterinburg, 2010. S. 434–452].

Лукьянин В. П. Труд. Характер. Время. Свердловск, 1985. 219 с. [Luk'janin V. P. Trud. Karakter. Vremja. Sverdlovsk, 1985. 219 s.].

Плотников И. Ф. Павел Петрович Бажов как политик и историк. Екатеринбург, 2004. 152 с. [Plotnikov I. F. Pavel Petrovich Bazhov kak politik i istorik. Ekaterinburg, 2004. 152 s.].

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 20.02.2014). [Hal'bvaks M. Kollektivnaja i istoricheskaja pamjat' // Neprikosnovennyj zapas. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 20.02.2014)].

Статья поступила в редакцию 21.02.2014 г.

УДК 821.161.1 Бажов-3 + 821.161.1 Бондин

И. Е. Васильев

**ПУТИ И СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ
П. П. БАЖОВА И А. П. БОНДИНА**

В статье изучаются пути и способы формирования региональной идентичности в творчестве П. П. Бажова и А. П. Бондина. Показано, что самоопределение этих уральских прозаиков протекало в условиях интериоризации ценностей, связанных с приобщением к истории, культуре, природным особенностям края. Активизация регионального фактора способствовала становлению творческой индивидуальности писателей.

Ключевые слова: регион; идентичность; идентификационный ресурс; история; миф; фольклор; природа; диалект.

Региональная идентичность, проявляющаяся в чувстве сопричастности к жизни той или иной территории, любви к «малой родине», преломляет базовые ценности, личностные смыслы, которыми человек руководствуется в своей деятельности, поведении и взаимоотношении с людьми. Она генерирует пассионарность писателей, которые, решая свои художественные задачи, хотят сохранить местную специфику, передать дух региона, выразить собственную сращенность с устремлениями жизненных сил Урала. Попробуем рассмотреть пути и способы формирования региональной идентичности в творчестве П. П. Бажова и А. П. Бондина.

Хотя писатели эти разные и по жанровому профилю, и по масштабу художественного дарования, их объединяет любовь к родному краю, интерес к людям, природе, истории и культуре Урала. Они познакомились в 1923 г., когда обоим уже было за 40 лет, но литературная деятельность каждого только еще начиналась. «У нас завязалось знакомство, перешедшее в дружеские отношения, — вспоминал П. П. Бажов в статье “В начале пути”. — При посещении города Алексей Петрович неизменно находил время, чтобы заглянуть ко мне в редакцию или на квартиру и поговорить по вопросам литературы» [Бажов, 1989а, с. 297–298]. Бондин ценил в собеседнике образованность, знание истории и народной культуры, а Бажова привлекали пролетарская жилка тагильского самородка, доскональное «знание производства и быта». Бажов позже писал в одной из своих статей: «...у него было редкое преимущество: жизнь рабочего на производстве и в семье Бондин знал не “понаслышке”, не “с чужих слов”, не “на основе более или менее длительных наблюдений”, а как непосредственный участник этой жизни, известной ему во всех тонкостях» [Бажов, 1955, с. 97].

Но и сам Павел Петрович появился на свет и получил импульс к личностному становлению и развитию в поселково-заводской среде: он был сыном мастера пудлингово-сварочного цеха Сысертского металлургического завода. Из таких рабочих поселений, как Сысерть, и образовалась горнозаводская цивилизация на Урале. Историческое освоение территории, развитие и укрепление потенциала

промышленности стимулировало расширенное воспроизводство горнозаводского населения региона со своим бытом, культурой, типом ментальности. Это особое «сословие», впитавшее свойства аграрного и промышленного образа жизни. Социальная психология горнозаводчан формировалась и характером труда — работой на руднике, заводе, фабрике. Жизненный уклад и ментальность уральского рабочего во многом определялись поиском профессиональной состоятельности, обретением мастерства, вдумчивым отношением к своему делу. Это не просто наемный работник, способный с легкостью менять местожителство и производство, а житель заводского поселка, со своим домом, огородом, приусадебным участком и домашним хозяйством. Знаковыми для территории стали города-заводы, шахты и рудники, лесные промыслы и уголья. Растянувшийся на многие километры Уральский хребет, поросший лесом, богатый полезными ископаемыми, предоставивший возможность для добрососедского проживания многим народностям, выполнял и выполняет функцию границы Европы и Азии и одновременно соединяет разные социо- и этнокультурные сообщества в некую целостность.

Перед Бажовым и Бондиным, живущими и творящими на Урале, с неизбежностью вставала необходимость осмыслять эту укорененную в природе и истории жизненную целостность и собственную к ней причастность. Эта ситуация запускала программу поиска и репрезентации региональной идентичности — самоопределения каждого относительно региона, осознания собственной территориальной принадлежности. Постепенно приходило убеждение, что «они самодостаточны в своем жизненном опыте, знании народной психологии, языка, культуры, что нельзя отходить от локального уральского материала и нужно одно — писать» [Блажес, 2006, с. 4]. По мере того, как убеждение в собственной состоятельности крепло, писатели все более активно разворачивали свою творческую деятельность.

У Бондина к этому времени уже был драматургический задел: первую свою пьесу «Беззаконница» он написал еще в 1916 г., в 1919 г. продолжил драматургическую линию пьесой «На пороге великих событий», незамедлительно вошедшей в репертуар нескольких местных театров и изданную в 1924 г. под названием «Враги», вскоре список пьес пополнился новыми произведениями («Недоразумение», «Энтузиасты», «Сон красного воина», «Из недавнего прошлого», «Эмигранты»). Со временем Бондин перестает осознавать себя драматургом и принимается за прозу. Будучи слесарем тагильского железнодорожного депо, Бондин прекрасно знал жизнь рабочего люда. К середине 1920-х гг. он создает серию небольших рассказов о тружениках-железнодорожниках: машинистах и стрелочниках, табельщиках и сторожах. Основанные на доподлинном знании профессиональных забот и быта рабочих, незатейливые по форме, добрые по тональности, рассказы создают почву для повестей «Уходящее», «Связчики», «Матвей Коренистов», появление которых свидетельствовало о писательском росте автора, расширении его художнического кругозора. А в следующем десятилетии Бондин принимается уже за романы «Лога» и «Ольга Ермолаева». В 1934 г. Бондин пишет повесть о детстве «Моя школа», получившую высокую оценку М. Горького, ставившего это произведение в один ряд

с автобиографическими созданиями Льва Толстого и Сергея Аксакова. Второй детской книгой стал сборник охотничьих рассказов «В лесу», наполненный увлекательными сюжетами общения с природой, внимательным, теплым отношением к миру детства.

Бажов начинает как журналист. Он пишет в 1920-е гг. публицистическую прозу, очерки, историко-документальные исследования прошлого. Таковы книги «Уральские были», «К расчету», «Пять ступеней коллективизации», «Бойцы первого призыва», «Формирование на ходу». Историко-публицистические книги Бажова, выросшие на сибирско-уральском материале, воспринимаются как части единого исторического полотна, освещенного светом пытливого внимания автора-исследователя. Однако уже в «Уральских былях» Бажова интересуют не только исторические реалии, но и приметы жизни, повороты судеб, народные характеры и реалистически осмысленные типы и личности. Изобразительная палитра Бажова-писателя расширилась в его повестях «За советскую правду», «Потерянная полоса», «Зеленая кобылка» и в полную силу обнаружила свои возможности в сказах.

В названных произведениях преломилась телеология уральского культурного ландшафта, определившая содержательное наполнение произведений, стратегии творческого поведения и писательские предпочтения П. Бажова и А. Бондина. Однако региональное не могло и не может существовать в отрыве от общекультурного. Быть писателем, выражающим современные стандарты, — значило мыслить и творить определенным образом: в соответствии не только с внутренними порывами, но и с вызовами времени. А время выдвигало на первый план мобилизационные задачи развития. Здесь необходимо сделать отступление в сторону характеристики общих литературных тенденций развития в 1920–1930-х гг. и показать отношение к ним со стороны наших уральских авторов.

Советская литература, начавшая свой путь после 1917 г., оказалась политически и идеологически ангажированной, подчиненной форсированной модернизации, инициируемой силами централизованной государственной власти. На Урале создавались писательские объединения, развивалась творческая самодеятельность, широко использовалась пресса, действовали книжные издательства. Развитие литературы протекало в условиях острой социально-идеологической конфронтации, одновременных попыток групп и отдельных игроков литературного поля продвинуться на доминирующие общественно-политические позиции с целью участия в коммунистических проектах развития страны на равных с центром основаниях. Однако творческие элиты, не допущенные до реальных рычагов управления, вынуждены были довольствоваться местным рынком обмена скромными символическими ценностями. Возникающие формы литературной жизни дублировали на местах то, что предлагал центр, писатели копировали столичные эталонные модели творчества. Исследователь культурных процессов на Урале отмечает: «В послереволюционный период в духовной жизни провинции начала усиливаться тенденция к потреблению готовой культурной продукции из центра. Самодеятельная культура превращалась в средство агитации, к тому же явно

проигрывала образцам столичной культуры в зрелищности и богатстве эффектов» [Добрейцина, с. 282].

Тоталитарный режим правления, опирающийся на монополизм партийного командования во всех сферах общества и репрессивные органы власти, подчинил литературу своим целям, довольно быстро превратив ее в орудие воздействия на действительность и средство контроля над общественным сознанием. Литература стала проводником ритуализированной, существующей вне критики государственной политики. Проведенная в начале 1930-х гг. коллективизация коснулась и уральских писателей, оказавшихся в отделениях одного союза советских писателей и начавших исповедовать единые принципы социалистического реализма.

Осуществляющаяся в стране индустриализация выдвинула на первый план топику технических преобразований, мифологию коллективного труда, производственническую космогонию, продолжающую линию воспевания революционных «перемен» и созидания «нового мира», возникшую сразу после революции 1917 г. Урал как промышленная зона в 1930-е гг. стал местом распространения востребованных литературных технологий и обращенных к массовому сознанию актуальных писательских практик (производственная литература, очеркистика, литературное «ударничество», «бригадные» методы работы).

В этих условиях особую важность приобретали попытки ассимиляции нивелирующих тенденций центра. Осознавая, что значимое положение в обществе можно занять, только владея нужными культурными кодами, писатели выстраивали стратегии самореализации оптимальным для местных условий образом. Всплески активности побуждали к поиску альтернатив, и тогда провинциальная культура обнаруживала собственную духовно-символическую содержательность и креативность, разрабатывая, например, ценностно-смысловую перспективу с опорой на душевную близость и теплоту, соучастие, одомашненное видение природы и человека как средство получения доступа к символическим ценностям и реальным благам. Философия отчего края, впитанная с молоком матери, утверждала видение мира как родного, обладающего неповторимостью природно-климатических, географических, национально-исторических примет. Земля уральская и населяющие ее люди со своим неповторимым самосознанием и «духовной оседлостью» (Д. С. Лихачев) фокусировали художественный интерес на себе, что во многом и определяло характер и направленность творчества П. Бажова и А. Бондина.

Урал входил в их творчество прежде всего темой истории. Важность исторического компонента в процессах самоидентификации замечательно выразил Мартин Хайдеггер: «Люди — волей-неволей — вглядываются в прошлое, или точнее, в некий образ прошлого. Возможно, того и не осознавая, они делают это постоянно... Наше существование имеет темпоральный характер: мы не можем осмыслить его, если будем пытаться думать о нем как об обособленном от времени. Поскольку наше существование темпорально, оно имеет собственную историю. Отнюдь не тривиальная или незначительная, эта история образует то, что мы есть. Мы являемся тем, что мы есть в настоящий момент... сама наша идентичность возникает из историчности...» [Хайдеггер, с. 332].

Историей Урала и рабочим фольклором П. П. Бажов начал увлекаться, еще будучи учителем русского языка в Екатеринбургском епархиальном женском училище. Став сотрудником редакции «Крестьянской газеты» в Екатеринбурге, П. П. Бажов продолжил сбор фольклорных материалов, рассматривая устные рассказы старых уральских рабочих «как своего рода историко-бытовые документы», начал заниматься архивными разысканиями. Его интересует история родных с детства Сысертских заводов, что нашло свое отражение в книгах «Уральские были» (1924) и «К расчету!» (1926). В них П. П. Бажов осветил историческое бытие Урала, показал роль труда в жизни уральских народных масс, изобразил думы и чаяния простых людей. Устное народное слово и исторические свидетельства послужили источником для изучения прошлой жизни. Опираясь на бытующие среди рабочих легенды, предания и поверья, Бажов через десять лет начал создавать и свои замечательные сказы.

Бондин в романе «Лога» изобразил судьбы золотоискателей конца XIX — начала XX в., их надежды на фарт и горькие разочарования, а в романе «Ольга Ермолаева» — жизнь рабочих медного рудника до и после победы пролетарской революции. Тяга к историческому дискурсу проявлялась у него в стремлении быть как можно ближе к натуре, избегая вымысла и фантазийных деталей. Установка на конкретность сюжетов видна уже в подзаголовках рассказов: «Рассказ старого рабочего», «Из жизни маленькой станции», «Из цикла портретов некоторых лиц». Аналогично мыслит и Бажов. Правда, по отношению к публицистике. Сошлюсь на мнение В. В. Блажеса, который относительно «Уральских былей» замечал: «...для П. Бажова “были” — это широкое жанровое определение, содержащее указание на прошлое, былое, и одновременно — на правдивость, достоверность, документальность...» [Блажес, 2007, с. 120]. Таким образом, история, организуя содержательное единство произведений уральских авторов, несла в себе идентификационные начала, фиксирующие базовые жизненные ценности и положительные, продуктивные смыслы.

Второй момент, объединяющий Бажова и Бондина в их творческом поиске, — вдумчивое изображение человека труда, осмысление труда как творчества, способного изменять мир. Так, героиня романа Бондина Ольга Ермолаева овладевает мужской профессией токаря и в азарте рационализаторства становится многостаночницей: «Я прошу и буду настаивать — решительно заявляет она, — чтобы мне дали два или три станка, и я докажу вам, товарищи, что я смогу на них работать одна. Есть у нас и строгальные станки, на которых тоже можно работать одному на двух» [Бондин, с. 529]. Это, конечно, не чисто уральский мотив — скорее, советский, в духе времени, тиражирующий трудовые подвиги стахановцев. Но вот у Бажова трудолюбие, репрезентирующее уральский характер, осмыслено с большей идентификационной нагрузкой. Главными героями многих своих сказов он делает уральских мастеров, любящих красоту и добивающихся совершенства в избранном деле. Осмысляя связь труда и творчества в жизни уральцев, Бажов отмечал: «...Камнерезы, гранильщики имели культ искусства. Люди чувствовали, что у одного удастся лучше, чем у другого, а третий выделяется из среды всех остальных, и это уже настоящий мастер» [Бажов, 1989б, с. 310]. Народные умельцы — камнерезы

и гранильщики, доменщики и углежогои, рудознатцы и старатели — изображаются как соль земли уральской, как люди достойные и праведные. Художник-гравер Иван Бушуев, мастер булата Швецов, литейных дел мастер Василий Торокин создают шедевры, которые становятся выражением уральского умения. И Бондин, и Бажов чувствуют солидарность со своими положительными героями как представителями именно Уральского региона. Эти герои — носители референтных стилей жизни, концептуальное воплощение художественной типизации. Они репрезентируют черты своеобразной личности, сформированной определенными общественно-историческими условиями, существовавшими на территории Урала.

Следующий идентификационный ресурс — природные условия края и региональная мифология. Каждая территория порождает свои локальные мифы об особых качествах пространства, ставшего местом для человеческого обитания. «Место в значительной степени предписывает способы поведения, мышления, организацию жизни и отношения людей и в то же время определяет картину мира, являясь естественным источником метафор для социального конструирования реальности», — замечает современный исследователь [Черняева, с. 117]. Но существует и обратный ход, в рамках которого культурная рефлексия строит модель действительности с помощью нарративных самоосмыслений. Воображаемый образ местности существенно зависит от развитости коллективной памяти, сложившихся традиций, имеющихся ценностей и норм. Издавна общим местом в восприятии Урала, его геоприродных и социально-исторических особенностей было выделение «старости», первозданной «дикости» и «угрюмости», сказочной таинственности, мощи и величия. Фантастическая составляющая в изображении окружающего мира обусловлена древними поверьями, культом природы. В горной местности, каковой является территория Урала, естественно появление мифопоэтических представлений, связанных с поиском, добычей и переработкой минералов, руд, драгоценных камней и других полезных ископаемых, хранящихся в хтонической толще земли. На такие коллективные представления активно опирался Бажов, используя народные предания, легенды о «тайной силе»: демонологических персонажах типа Хозяйки Медной горы, Великого Полоза и др.

У Бондина таких мифологических деталей значительно меньше. Среди немногих актуализаций образов «нечистой силы» — Полудница в виде старухи с клюкой, в лохмотьях в четвертой главе романа «Лога» (Полудницей пугали ребятишек, чтобы они раньше времени не рвали в огороде горох, бобы и др.), словосочетания со словом *чомор* ‘черт’ («А куда он к чомору денется?», «А этих захребетников к чомору», «Пошла к чомору», [Бондин, с. 22, 83, 150]), словообозначение *шиликун* ‘черт, домовый, водный дух’ в начале повести «Школа». Бондин связывал иррациональное с бытовыми суевериями своих персонажей. Так, в романе «Лога» золотоискателю Якову Скоробогатову соседка предсказывает удачу, поскольку его сын родился и в сорочке, и в рубашке одновременно. Желая пристроить ему в долю своего мужа, она сопровождает просьбу дареньем змеиной шкуры — «выползка», с помощью которого, по поверьям, легче найти золото: «Вот я и говорю своему: бери да

присоединяйся к Якову Елизарычу. У него сын в сорочке и рубашке родился. Да оба, да вместе и отправляйтесь на рудник. Клад найдете, а я уж заговорю то и другое. Невиданное дело откроете. Эко, право. Ну, не слыхала я... Знаю, видывала, ребята в сорочке рожаются, а уж еще и в рубашке... не видала... А выползок-от, Яков Елизарыч, лучше разрыв-травы действует. Твое счастье к золоту приведет, а наше — объявит» [Бондин, с. 18]. Герои Бондина верят в «сглаз» и «уроки», удачу («фарт») или, наоборот, в неудачу. Все, связанное с покойниками и загробным миром, наделяется сакральными смыслами: «...Я вечор видела, как во двор к вам спустилась звезда... Покойники или звездой, или огненным змием прилетают домой, а потом ударяются о землю и оборачиваются человеком» [Бондин, с. 298].

Налет таинственности сохраняется у Бондина и при изображении отдельных картин уральской природы, благодаря олицетворениям, метафорике описаний. Вот, например, сравнение панорамного вида просторов Урала с бушующим (т. е. проявляющим некую свою волю, как живое существо) морем: «Макар взобрался на вершину самого высокого шихана. Точно взбунтовавшееся море, застывшее с гребнями огромных валов, раскинулось перед его взглядом» [Бондин, с. 69]. Вот сравнение речки с живым существом: «Она то выбегала на елань и тихо, отражая небо, расстилала голубые плесы в травяном ковре, густо расшитом цветами, то забегала в темный ельник под тяжелые лапы вековых деревьев и ползла там черной беспокойной змеей, а в иных местах она сердито рокотала, точила камни, звенела, заворачивала в заводину, крутила омота. Были места, где она таинственно шепталась с голубоглазыми незабудками. Все это было дико, красиво-задумчиво, тихо, чутко настораживало ухо, шаг делало легче, бесшумней, осторожней, как у рыси, подстерегающей свою добычу» [Бондин, с. 70].

Региональная идентичность базируется не только на чувстве истории, гео-поэтических символических проекциях, культурных наслоениях и ментальных ориентациях, формирующих принадлежность к «малой родине», но и на лингвокультурных факторах. Особенно это важно для писательского самоопределения. Разработка собственного идиостиля для писателей, стремящихся не оторваться от родной почвы, требовала опоры на локальный речевой опыт¹. Художественный «региолект» (концептуально-содержательное выражение региональной идентичности, осуществляемое вербально) так или иначе оказался у Бажова и Бондина связан с территориальными особенностями языка. Но уральскими говорами и местными речениями писатели пользовались весьма дозированно, с чувством меры.

Бажов мотивировал ввод разговорных пластов лексики и диалектизмов художественной формой используемого нарратива — повествования от вымышленного лица. Бажовский рассказчик во всех своих основных модификациях — это представитель мира уральских горнозаводских рабочих, старый человек, умудренный опытом и знающий множество жизненных случаев, происшествий.

---

¹ Отметая упреки в языковом натурализме, связанном с использованием местных слов, А. П. Бондин вполне логично парировал выпады оппонентов: «Раз пишешь на Урале и об Урале, должен отразить и особенности речи» [Бажов, 1989б, с. 299].

Его языковое сознание обладает целостностью, определяемой условиями существования, народными представлениями о счастье, труде, мастерстве, а речь несет на себе печать уральского колорита.

Речевая манера рассказчика является следствием тех социально-психологических напластований, которые создавали его как личность, имеющую свои возрастные особенности, принадлежащую к определенному социальному кругу, сформированную соответствующим укладом жизни. Совокупность этих социально-исторических и индивидуально-психологических черт рассказчика нужна Бажову как жизненная позиция человека, удобная для ведения рассказа и освещения событий. Скромность, юмор, житейская умудренность, осуждение неприемлемых форм поведения (хищничества, стяжательства, аморальности, лени и т. д.) — все эти качества характеризуют рассказчика как представителя народной среды (поэтому нет дистанции между ним и положительными героями из народа). В его облике многое определяют и уральская родословная, и связь с фольклором, и органическое произрастание из горнозаводского быта, и владение устно-разговорным способом речеведения. Вместе с тем бажовский повествователь это и сам автор, писатель Бажов, умеющий «быть в образе» без театральщины. Речь поэтому идет не об имитации, подражании и даже стилизации (хотя без всех этих моментов бажовские повествования так или иначе не обходятся), а об органической способности к перевоплощению и художественной самоидентификации с воображаемым образом сказителя. Именно такого рода репрезентации самобытности и позволили Бажову стать не только носителем, но и, по выражению А. Иванова, «творцом уральской идентичности» [Иванов, с. 153].

Бондин использовал диалектизмы в основном в речи героев. В прилагательных к изданию его произведений «Словарях местных слов и специальных терминов» можно прочесть, что *бурак* — это «цилиндрический сосуд из бересты», а *восет-та* означает «недавно, на днях», *гайно* то же самое, что «логово зверя, гнездо белки», *хаврулька* — «большой самородок золота», *связчик* — не специалист по связи или связыватель каких-либо предметов, вещей, а «компаньон по совместной добыче золота». Такого рода словоупотребления выполняют познавательную функцию, расширяя представление об изображаемом уральском материале. Экспрессия, свойственная нелитературной лексике, динамизирует повествование, привлекая и задерживая на себе внимание читателя, выражая отношение автора к описываемому явлению либо персонажу. Уральские диалектные компоненты у Бондина используются для речевой характеристики персонажа, его индивидуализации и создания художественного обобщения, а также помогают реалистическому отображению создаваемой художественной картины.

Завершая разговор о путях обретения и развития региональной идентичности Бажовым и Бондиным, заметим, что список их писательских идентификационных возможностей, конечно же, не исчерпывается приведенными в статье иллюстрациями. В наши задачи входило намерение лишь привлечь внимание к основным проблемам творческого самоопределения двух уральских прозаиков.

Бажов П. П. Публицистика. Письма. Дневники / сост. В. А. Бажова, М. А. Батин. Свердловск, 1955. [Bazhov P. P. Publitsistika. Pis'ma. Dnevniky / sost. V. A. Bazhova, M. A. Batin. Sverdlovsk, 1955.]

Бажов П. П. В начале пути // Бажов П. П. Дальнее — близкое: Повести, очерки, статьи, выступления / подгот. текста, послесл. и коммент. Л. М. Слобожаниновой. Свердловск, 1989а. [Bazhov P. P. V nachale puti // Bazhov P. P. Dal'nee — blizkoe: Povesti, ocherki, stat'i, vystupleniya / podgot. teksta, poslesl. i komment. L. M. Slobozhaninovej. Sverdlovsk, 1989a.]

Бажов П. П. Выступление на Уральской межобластной научной конференции «Настоящее и прошлое Урала в художественной литературе» // Бажов П. П. Дальнее — близкое: Повести, очерки, статьи, выступления / подгот. текста, послесл. и коммент. Л. М. Слобожаниновой. Свердловск, 1989б. [Bazhov P. P. Vystuplenie na Ural'skoj mezhoblastnoj nauchnoj konferentsii «Nastoyashee i proshloe Urala v khudozhestvennoj literature» // Bazhov P. P. Dal'nee — blizkoe: Povesti, ocherki, stat'i, vystupleniya / podgot. teksta, poslesl. i komment. L. M. Slobozhaninovej. Sverdlovsk, 1989b.]

Блажес В. В. Литературные Петровичи // Тагильский рабочий. 2006. 9 авг. [Blazhes V. V. Literaturnye Petrovichi // Tagil'skij rabochij. 2006. 9 avg.]

Блажес В. В. Константин Боголюбов и Павел Бажов (из истории литературы Урала 1930–1940-х гг.) // Литература Урала: История и современность : сб. ст. Вып. 3. III Всерос. науч. конф. «Литература Урала: автор как творческая индивидуальность (национальный и региональный аспекты)», Екатеринбург, 11–13 окт. 2007 г. : в 2 т. Т. 2. Екатеринбург, 2007. [Blazhes V. V. Konstantin Bogolyubov i Pavel Bazhov (iz istorii literatury Urala 1930–1940-kh gg.) // Literatura Urala: Istoriya i sovremennost' : sb. st. Vyp. 3. III Vseros. nauch. konf. «Literatura Urala: avtor kak tvorcheskaya individual'nost' (natsional'nyj i regional'nyj aspekty)», Ekaterinburg, 11–13 okt. 2007 g. : v 2 t. T. 2. Ekaterinburg, 2007.]

Бондин А. П. Избранное : в 2 т. Т. 2. М., 1958. [Bondin A. P. Izbrannoe : v 2 t. T. 2. M., 1958.]

Добрейцина Л. Е. Художественная жизнь Нижнего Тагила в первой половине XX века : дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2002. [Dobrejtsina L. E. Khudozhestvennaya zhizn' Nizhnego Tagila v pervoj polovine XX veka : dis. ... kand. kul'turologii. Ekaterinburg, 2002.]

Иванов А. Хребет России. СПб., 2010. [Ivanov A. Khrebet Rossii. SPb., 2010.]

Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. [Khajdegger M. Bytie i vremya. M., 1997.]

Черныяева Т. Город: производство идентичностей // Гражданин мира или пленник территории? К проблеме идентичности современного человека : сб. материалов второй ежегодной конф. в рамках исслед. проекта «Локальные истории: научный, художественный и образовательный аспекты». М., 2006. [Chernyaeva T. Gorod: proizvodstvo identichnostej // Grazhdanin mira ili plennik territorii? K probleme identichnosti sovremennogo cheloveka : sb. materialov vtoroj ezhegodnoj konf. v ramkakh issled. proekta «Lokal'nye istorii: nauchnyj, khudozhestvennyj i obrazovatel'nyj aspekty». M., 2006.]

Статья поступила в редакцию 02.02.2014 г.

УДК 821.161.1 Бажов-3 + 821.161.1 Шергин + 398

Л. П. Быков

БАЖОВ И ШЕРГИН

В XX веке авторские создания П. П. Бажова (1879–1950) и Б. В. Шергина (1893–1973) демонстрировали качества, характерные для «дописменной» поры отечественной словесности. В их сказах народное слово обнаруживает на книжных страницах естественность и выразительность устного высказывания. Сказ возвращает литературу в ту среду, из которой литература «увела» ее в сферу условности. Региональными акцентами в этих сказах, осуществляющих результативный диалог литературы и фольклора, подчеркивается национальная устойчивость художественного сознания.

Ключевые слова: сказ; фольклор; устное слово; региональный уклад; биография.

Более точной, более глубокой смысловой рифмы к Бажову, чем Шергин, в русской литературе нет.

Начнем с биографических очевидностей. Словесник епархиального женского училища Павел Бажев стал писателем Павлом Бажовым. Не слишком востребованный художник-реставратор Борис Шергин оказался писателем Борисом Шергиным. При этом, где бы ни звучало в этих фамилиях ударение, они оказываются значимыми, с прозрачной для местных говоров семантикой: Бажов (или Бажев) — от глагола *бажить*: ‘колдовать, предсказывать, желать’; Шергин (или Шергин) — от существительного *ше́реген*: ‘говорун, краснобай’. Так что к словесному искусству оба были predeterminedены, можно сказать, антропонимически.

В XX в. бородатые мужи (и литераторы тут — не исключение) — редкость. Бажов почти на всех фотографиях и на всех портретах и Шергин на своих изображениях предстают не просто бородатыми, а седобородыми. Бажов — этот, по выражению Д. Бедного, «колдун уральский бородатый» — выглядел дедушкой задолго до того, как таковым стал, а Шергин не случайно напоминал мемуаристам то Сергия Радонежского (Ю. Коваль), то старца Зосиму (Ф. Абрамов), то архангелогородского Гомера (Ал. Михайлов). Стерн когда-то удивлялся: «Как мог Гомер писать с такой длинной бородой...» — а героям этого сопоставления борода, что называется, показана: именно такая внешность и должна быть у авторов ими созданных произведений. Седобородием акцентированы житейский опыт и жизненная мудрость.

Почти ровесники — пятнадцатилетняя разница уроженцев XIX в. (Бажов родился в 1879 г., Шергин — в 1893 г.) ныне почти не замечается, — они рано стали собирать местный фольклор. Причем эта заинтересованность в первые советские годы выглядела если не чудачеством, то чем-то факультативным. «Старое народное искусство вместе со старым бытом и укладом ушло безвозвратно из нашей жизни. На его место пришла цивилизация...» [Шергин, 1924, с. 3], — подобное представление, зафиксированное в начале вступительной заметки А. К. Покровской к первой книге Б. Шергина, было тогда почти само

собой разумеющимся. Так же, как и в случае с публикацией дебютных бажовских сказов в журнале «Красная новь» (1936, № 11) и сборнике «Дореволюционный фольклор на Урале» (Свердловск, 1936), тексты Шергина были первоначально представлены фольклорными записями. Он свидетельствовал: «...это ведь запись устного репертуара моей матери» [см.: Коваль, с. 159]. Да и Бажов утверждал, что эти его сказы записаны по памяти от В. А. Хмелинина, на что, как известно, и отреагировал Д. Бедный, воспринявший эти сказы как фольклорный первоисточник, открытый для авторской переработки.

И Шергин, и Бажов утвердили в русской литературе XX в. художественный авторитет сказа. Не сказовой манеры, как у И. Бабеля или М. Зощенко, а именно сказа как жанра. В годы, когда из фольклорных жанров оставались продуктивными разве что частушка и анекдот, создания Бажова и Шергина демонстрировали качества, характерные именно для «дописьменной» поры отечественной словесности. В их сочинениях самое важное — это «живинка в слове»: народная речь на книжных страницах обнаруживает выразительность и анонимность устного сказывания. Не без лукавosti притворяющийся бесхитростной фиксацией услышанного в действительности, сказ и уральца, и помора возвращает словесность в ту изначальную среду, из которой литература увела ее в сферу книжной условности. «В Архангельске, где я родился, провел молодость, юность, живо было устное народное творчество. Кругом там пели еще былины и рассказывали сказы, предания. <...> Говорят, что в детстве усвоил, то остается на всю жизнь. А я усвоил в детстве подлинное, былинное звучание, сказы северные, подлинные» [Там же, с. 162–163], — это признание Шергина. А вот как комментировал свои первые сказы Бажов: «Воспроизведенные по памяти, притом почти через полвека, сказы Хмелинина, конечно, потеряли ценность фольклорного документа. Неизбежно кое-что могло прийти и от других сказителей, и от производившего запись» [Бажов, т. 1, с. 538]. Подобные оговорки того и другого, что они, де, взяли на себя роль прежде всего записывателей, были не столько данью скромности (хотя избыточной амбициозностью оба, в отличие от многих членов советского писательского союза, не отличались), сколько свидетельством отталкивания от сочинительства как такового, от литературности и книжности, от всего, по шергинскому выражению, «бумажного, чернильного» [Шергин, 1988, с. 144]. Сами создатели сказов, как и дорогие им персонажи их созданий, отстаивали красоту в прикладных ее проявлениях, связанных с повседневностью, а не в эстетических концентратах, именуемых искусством. Ценя «художество, с которым можно жить» [Там же, с. 138], они ставили на искусность, не совместимую с искусственностью.

И поморы, живущие в сказках Шергина рекой и морем, и уральцы, породненные в сказках Бажова с горой и ее дарами, воспринимают свой вседневный труд не как повинность или зарабатывание на жизнь — он им дорог прежде всего творческим началом, он их одаряет сердечной радостью. Они — мастера своего дела, и трудовая этика у них породнена с эстетикой. Воспринимая работу на верфи как «художество», пожилой кораблестроитель в сказе Шергина говорит ученику: «Наш брат думает топором. <...> Ты ведь художник. Твоего дела тесинку возьмешь, она как перо лебединое. Погладишь — рука как по бархату

катится» [Шергин, 2013, с. 214] («О кормщице Маркеле Ушакове»). А вот какой творческой гордостью, единящей рассказчика с персонажами, исполнен зачин самого известного бажовского сказа: «Не одни мраморски на славе были по каменному-то делу. Тоже и в наших заводах, сказывают, это мастерство имели. Та только различка, что наши больше с малахитом вожгались, как его было довольно, и сорт — выше нет. Вот из этого малахиту и выделявали подходяще. Такие, слышь-ко, штучки, что диву дашься: как ему помогло» [Бажов, т. 1, с. 51] («Каменный цветок»).

И свои собственные создания сказители воспринимали в такой же неразрывности художественного и жизненного. Еще в 1946 г. В. Перцов отмечал диалектику жанра, когда подчеркивал, что «сказы П. П. Бажова не фольклор, но нельзя ни понять, ни оценить их по-настоящему вне связи с фольклором...» [Перцов, с. 199]. Вместе с тем известно, что образ Хозяйки Медной горы имеет литературную предшественницу — Горную деву из новеллы «Руненберг» (1802) немецкого романтика Л.-И. Тика. В книге Ю. Шульмана [Шульман] развернуты примеры того, как его герой и земляк «раскнижничвал» литературные сюжеты, переводя их на язык народных преданий, и преображал фольклорные истории, творя из них балладные тексты, сохраняющие родовые черты фольклора. То, что сказывали Шергин и Бажов, не было мистификацией — это было парадоксальным и вместе с тем убедительным свидетельством исчезнувшего, казалось бы, животворения. В 1947 г. Шергин стал героем скандальной истории, вызванной тем, что у опубликованной им «копии» «Морского уставца...» не обнаружилось оригинала. Да и Бажов вспоминал: «Предполагалось “разделить” меня, как фальсификатора фольклора...» [Бажов, т. 2, с. 408]. В своем «Слове о П. П. Бажове» М. Никулина резонно подчеркнула: «Он слушал МОЛВУ, тот самый фольклор, который, по его словам, еще не устоялся, “еще не сложился в полной мере”...» [Никулина, с. 12].

Бажов и Шергин не собирателями были, а художниками. И ко всем источникам относились не с научной скрупулезностью, а с творческой свободой, всегда открытой вымыслу и воображению. Они сами себя записали, сократив в себе эту промежуточную единицу — фольклориста. Талантом и усилиями таких уникалов, как Шергин и Бажов, и создавалось столетиями то словесное богатство, которое томится в фольклорных кладовых на правах музейных экспонатов (а музейные реликвии, известно, неприкасаемы).

Письменное по бытованию, слово и того, и другого устно по сути. Написанное, а звучит! Язык здесь себя в самом прямом смысле выговаривает. И потому тут, подобно поэзии, *как* не менее важно, не менее содержательно, чем *что*. Читатель, пробуждая в себе слушателя, погружается в это «веселье сердечное», получая эстетическую радость в равной степени как от сюжетных, так и от языковых перипетий.

Слово в советской литературе себя обуславливало прежде всего временем. А у Шергина и Бажова оно диктуется всецело местом. Темпоральность у них редуцирована и заземлена региональным укладом. Уралец во всем: в сюжетах и обстоятельствах, характерах и судьбах, бытовых и пейзажных картинах, Бажов прежде всего уралец в слове. В словаре, в интонации. Устами Бажова,

выросшего на почве уральской истории, местного быта, здешних традиций и бытовавших тут преданий, о себе ведает сам Урал — Каменный пояс во всей его «долговековой» протяженности. И то же самое — только с поправкой на Архангелогородчину — справедливо в отношении Шергина. Он создавал, что «многие усмехнутся»: «Не велики, скажут, твои масштабы, не широки твои горизонты...» [Шергин, 1988, с. 137]. Меж тем прочными региональными «привязками» бажовские и шергинские сказы акцентируют не больше и не меньше как национальную устойчивость художественного сознания, не зависящего от «какого-то периода времени». «Глубокое, ценное слово о родимой стороне может сказать только тот человек, для которого его родина не есть “край”, а центр... Я исхожу из родимого дома в Архангельске» [Шергин, 1998, с. 61]. Но в этом же был убежден и автор «Малахитовой шкатулки», с той лишь разницей, что его дом находился в Екатеринбурге, временно называвшемся Свердловском.

Уральцы живут на земле Бажова. Поморы живут на земле (и воде¹) Шергина. Однажды А. Битов обмолвился, что питерец — это «чуть-чуть национальность». В сказах Шергина и Бажова себя манифестируют, соответственно, поморский и уральский этнос.

Непоказной патриотизм живого слова этих кудесников, их «русская народная линия» (Шергин) — это действенная антитеза патриотизму начетническому, казенному, конъюнктурному, фарисейскому. И закономерно сказы того и другого, не предназначавшиеся, за единичными исключениями, изначально для юной аудитории, вошли в золотой фонд отечественного детского чтения.

Но любая рифма, какой бы точной она ни была, предполагает и несовпадение рифмующихся реалий, оттеняющее их неповторимость. Отличник духовной семинарии, имевший виды и на духовную академию, Бажов священником не стал, а стал деятельным практиком социалистической нови. Как журналист, а одно время и как заведующий облитом (т. е. областной цензурой) он много лет работал, по его же выражению, «рядом с историей»². У Шергина тоже были «новины» с оглядкой на календарь. Но идеалы у него были не партийные, а христианские, что особенно отчетливо обозначилось, когда опубликовали — сначала фрагментами, а потом и книгой — его «Дневник» [Шергин, 2009]. Бажов в своих дневниковых записях мировоззренческих аспектов старался не затрагивать, равно как в сказах не касаться того, что определялось им как «религиозно-мистические мотивы» [Бажов, с. 656]. Горному миру он явно предпочитал горный. Мир горы. И там, где у Шергина угадывается Бог, — у Бажова выведены боги, божки, тайная сила. Евангельская мифология в его сказах замещена языческой.

Если Шергин, как он сам признавался, «чувствовал в себе творческую радость до пятидесяти лет» [Шергин, 1988, с. 145], то Бажов ощутил себя

¹ «А в нашей стране — вода начало и вода конец. Воды рождают, и воды погребают. Море поит и кормит... Не по земле ходим, но по глубине морской» [Шергин, 2013, с. 19].

² Едва ли можно безоговорочно согласиться с М. А. Батыным, утверждавшим, что «в работе над газетными жанрами, а в них, прежде всего, над диалогом, у Бажова формировались навыки сказовой речи, приемы и черты сказового стиля» [Батин, с. 30].

художником на исходе шестого десятка. По-разному итожились земные дни этих мастеров. Бажов, после выхода «Малахитовой шкатулки» принятый в Союз писателей, удостоился вскоре Сталинской премии и ордена Ленина, стал Депутатом Верховного Совета СССР, много лет руководил Свердловской писательской организацией. И когда Павла Петровича не стало, в последний путь его провожал, без преувеличения, весь город. Подобных траурных процессий в столице Урала не было и не будет. А Борис Викторович, делегат Первого съезда советских писателей, доживал свой век (он ушел 80-летним), можно сказать, в одиночестве. Почти ослепший (очень рано его «глаза начали дрейфить» [см.: Коваль, с. 167], плохо слышавший, с протезом вместо ноги, — он говорил о себе: «Сижу как приколоченный» [Там же, с. 154]. А когда он умер, в прощании участвовало не более двух десятков человек, среди которых был лишь один литератор (Ю. Коваль)...

Музею Бажова — 45 лет. Мемориальная комната Шергина была открыта в Москве пять лет назад. А недавно было предпринято издание 4-томного собрания его сочинений (пока вышло два тома). Тому и другому посвящены специальные сайты в Интернете (<http://www.bazhov.ru>; <http://www.boris-shergin.ru>). Тому и другому есть памятники. Но главные им памятники — и нам, для укрепления национальной памяти, памятки — их опровергающие книжность книги. Книги, помогающие жить.

Бажов П. П. Избранные произведения : в 2 т. М., 1964. [Bazhov P. P. Izbrannye proizvedeniya: v 2 t. M., 1964.]

Батин М. А. Павел Бажов. М., 1976. [Batin M. A. Pavel Bazhov. M., 1976.]

Коваль Ю. Веселые сердечные // Новый мир. 1988. № 1. [Koval' Yu. Vesel'e serdechnoe // Novyj mir. 1988. N1.]

Никулина М. Слово о П. П. Бажове // Бажовская энциклопедия. Екатеринбург, 2007. [Nikulina M. Slovo o P. P. Bazhove // Bazhovskaya entsiklopediya. Ekaterinburg, 2007.]

Перцов В. Подвиг и герой: Этюды о советской литературе. М., 1924. [Pertsov V. Podvig i geroy: Etyudy o sovetskoj literature. M., 1924.]

Шергин Б. У Архангельского города, у карабельного пристанища. М., 1924. [Shergin B. U Arkhangel'skogo goroda, u karabel'nogo pristanischa. M., 1924.]

Шергин Б. Из дневников // Новый мир. 1988. № 1. [Shergin B. Iz dnevnikov // Novyj mir. 1988. N1.]

Шергин Б. Слово о родимой стороне: Из дневников разных лет // Белый пароход. 1998. № 1(11). [Shergin B. Slovo o rodimoj storone: Iz dnevnikov raznykh let // Belyj parokhod. 1998. N1 (11).]

Шергин Б. Проведное солнце: Дневники разных лет. СПб., 2009. [Shergin B. Provednoe solntse: Dnevniki raznykh let. SPb., 2009.]

Шергин Б. В. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 2 : Сказы. М., 2013. [Shergin B. V. Sbranie sochinenij : v 4 t. T. 2 : Skazy. M., 2013.]

Шульман Ю. Борис Шергин: запечатленная душа. М., 2003. 288 с. [Shul'man Yu. Boris Shergin: zapechatlennaya dusha. M., 2003. 288 s.]

Статья поступила в редакцию 01.04.2014 г.

УДК 821.161.1 Бажов-3 + 94(470.5)

Г. А. Григорьев

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ П. П. БАЖОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ)

Впервые на материале эпистолярного наследия П. П. Бажова рассматриваются исторические взгляды писателя. Очерчивается круг его основных исторических интересов, выявляются характерные особенности его исторического мышления.

Ключевые слова: П. П. Бажов; эпистолярное наследие; история Урала; литература Урала.

Фрагменты писем, в которых П. П. Бажов так или иначе касается вопросов исторической тематики — одни из самых объемных и многочисленных в эпистолярном наследии, что, кроме всего прочего, отражает расстановку внутренних приоритетов писателя. История как одна из фундаментальных составляющих творческого пути П. П. Бажова осознана исследователями практически с первых значительных работ о его жизни и творчестве [Скорино; Батин; Гельгардт]. Формулировка «Бажов как историк» [Дублённых; Гаврилов] также возникает совершенно не случайно: историко-публицистический очерк — жанр, с которого начинается литературная деятельность П. П. Бажова. Отметим, что все работы в этом направлении — преимущественно обзорные (попытки анализа предпринимает лишь М. А. Батин, который обсуждает некоторые исторические взгляды, высказанные П. П. Бажовым в его письмах, во вступительной статье к изданию «Публицистика. Письма. Дневники» [Бажов, с. 5–29]). И. Ф. Плотников, автор единственной на сегодняшний день монографии, посвященной непосредственно историческому дискурсу в жизни и творчестве писателя, достаточно подробно характеризует историко-публицистическую деятельность П. П. Бажова, но, к примеру, принципиально не касается сказовой прозы и ее исторической основы. Кроме того, в поле зрения данного исследователя попадает лишь одно письмо (письмо к А. А. Суркову, датированное 1945 г.) [Плотников, с. 88–92].

Несмотря на то, что к вопросу роли истории в творчестве П. П. Бажова обращались многие, как правило, это выражалось в попытке проанализировать историческую основу того или иного сказа [см., например, Езовских, с. 52–63; Гельгардт, гл. 2, 4]. В связи с тем, что некоторые эпистолярные высказывания писателя исторического характера довольно прочно вошли в научный оборот, нередко исследователи обращаются и к ним. Однако выборочное цитирование; отсутствие исторического и биографического контекста, в котором была высказана та или иная мысль; произвольно расставленные акценты — такая манера использования писем делает из них достаточно аморфный материал, в котором собственно автор попадает почти в полную зависимость от исследователя. Чрезвычайная фрагментарность таких обращений вкупе с почти полным отсутствием аналитических работ по нашей заглавной теме не позволяет признать

проблему исторических взглядов П. П. Бажова в его эпистолярном наследии хоть сколько-нибудь исследованной.

Основная задача данной статьи — на материале эпистолярных текстов П. П. Бажова восстановить круг исторических интересов писателя и попытаться упорядочить многочисленные фрагменты исторической тематики (писатель крайне редко посвящает сугубо историческим вопросам целое письмо, как правило, интересующие нас фрагменты соседствуют с обсуждениями самых разных вопросов и тем) путем выделения нескольких групп с доминированием той или иной исторической проблематики в каждом из этих фрагментов¹.

Одна из наиболее распространенных — ситуация, в которой П. П. Бажов рассуждает на исторические темы в связи с неким внешним фактором. Чаще всего, это реакция на появление новых работ, так или иначе связанных с историей Урала или России (мировой истории он касается крайне редко). В первую группу, выделяемую нами, можно отнести фрагменты писем, в которых П. П. Бажов, в основном, ограничивается комментариями и замечаниями по поводу конкретно-исторических фактов или исторических фигур.

Например, в письме от 10 июля 1946 г. к Л. И. Скорино писатель высказывает замечание по поводу работы В. А. Соловьева: «В пьесе Соловьева “Великий государь” монах-обличитель выходит с четырехконечным крестом на груди, тем самым “латынским крыжем”, который в те времена был ненавистен московскому населению не менее, чем свастика советскому человеку. Появись такой наглый крыженосец на улицах Москвы времен Грозного, такого бы разорвали на куски, а тут ничего, — к царю допустили!» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: КП 21329 (Подлинник письма П. П. Бажова к Л. И. Скорино, 10.07.1946 г.), л. 2].

В том же письме П. П. Бажов критикует и роман В. И. Костылева «Иван Грозный»: «Следовало бы по-новому посмотреть на первую жену Грозного. Ее голубиные свойства ведь не случайно раздувались в прошлом, т. к. она была звеном связи дома Романовых с так называемыми Рюриковичами. Отсюда и шла ее идеализация. Почему же нам принимать это на веру? Экзотика Темрюковны тоже выскакивает за исторические габариты. Московские цари, случалось, женились и на гречанках, и на полячках, и на черкешенках, но все эти женщины одинаково становились теремницами и обязательно принимали “московскую веру” и московские обычаи. Допустить, чтоб такой ревностный блюститель царского ритуала, каким должен быть Грозный, любовался на то, как его царица в татарских штанах скачет на аргамаче по кремлевскому двору, и сам снимает ее с седла — это, конечно, исторический нонсенс. Нонсенс кричащий, но его печатают не в Балахне или Пензе, а в ГИХЛе. У Сурикова есть незабываемый контраст одухотворенного, подвижнического лица митрополита Филиппа с звероподобным Малютой Скуратовым. Для Сурикова это было

¹ Все цитаты из писем П. П. Бажова в данной статье приводятся по подлинникам или копиям, сохранившимся в фондах Объединенного музея писателей Урала, в современной орфографии.

вполне закономерно, но когда это гориллоподобное существо переносится целиком, вплоть до расцветки частей его костюма, в роман Костылева, то остается удивляться исторической девственности тех, кто это делает» [Там же, л. 3–4].

В другом письме, к А. А. Суркову (1945 г.), П. П. Бажов обращает внимание на исторические нестыковки в романе Е. А. Федорова «Демидовы»: «Автор, рассказывая о строительстве невянской башни, говорит: забивались дубовые сваи в обхват. Каждый читатель пройдет это место спокойно. Что ж, дуб не баобаб, не фиговая пальма. Крепкое дерево, в нашей стране растет. Бывает еще “мореный”, или томленный. А вот растет ли это дерево на Урале, или нет ли там другого, более пригодного для сваи — это можно и не знать. В результате, получается хорошо усваиваемая развесистая клюква» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: КП 11218 (Авторская копия письма П. П. Бажова к А. А. Суркову, 1945 г.), л. 3].

«Приходят скитники из Сибири, просят отлить им колокол и за услугу обещают показать медные и серебряные руды. Сделка состоялась. Доверенный Демидова обследовал место, колокол отлили, прочитывается легко, но и рассыпается того легче, если задать вопрос, зачем сибирским скитникам пришло в голову обзаводиться колоколом, когда они употребляли лишь било и клепало» [Там же, л. 4].

Подобные примеры можно множить, но единая линия просматривается уже и здесь. Фрагменты такого характера могут быть интересны исследователю, к примеру, в качестве наглядного доказательства той эрудированности, которая восхищала современников П. П. Бажова. Проявляются в них и черты редакторской манеры писателя. Но, вероятно, самое интересное здесь — именно черты исторического сознания П. П. Бажова. Для него привычен ход мыслей, при котором, во-первых, любая историческая деталь проверяется, подвергается критике. Во-вторых, источник исторического знания П. П. Бажов трактует весьма широко — ботанические сведения о природе Урала, бытовые детали жизни сибирских скитников, картины художников и т. п. являются, по П. П. Бажову, обязательными источниками информации, необходимой для осмысления исторического прошлого.

Сколь бы ни были многочисленны фрагменты приведенного, фактографического рода, все же самым характерным типом эпистолярного фрагмента исторической тематики является следующий: размышления исторического порядка. Несомненно, что более всего П. П. Бажова занимает история как наука обобщающая, осмысляющая и интерпретирующая крупные, значительные явления в жизни. Проблемам и успехам научного освоения «страниц» исторического прошлого посвящены, очевидно, самые эмоциональные, актуальные для самого автора фрагменты писем.

Продолжая разбирать книгу Е. А. Федорова о Демидовых, П. П. Бажов пишет: «А открытие медных и серебряных руд в Сибири разве мало значит? Оно ведь не так легонько пришло, как придумано в романе. Опять новая, никем не читанная страница истории (здесь и далее в цитатах разрядка наша. — Г. Г.), связанная с Петром и его ревностным сподвижником Акинфием Демидовым» [Там же, л. 13].

В письме к Е. А. Пермяку писатель рассказывает о праздновании 200-летия золотопромышленности на Урале: «"Уральский рабочий" отвел все-таки страничку, где, как полагается в таких случаях, помещены статьи руководящих работников союза рабочих добычи золота и платины. (Так и пишут: рабочих добычи!). Одна из них меня положительно умилила своей исторической частью. Такое соединение самоуверенного тона с чисто детской наивностью в истории встречается не часто. Может служить примером. Отрицательным, конечно. И хуже всего, что это никто, кроме двух-трех человек, не заметит. С историей Урала у нас плохо так, что и хуже не может быть. Займется же когда-нибудь наш университет этим непаханным полем, над которым теперь увидишь лишь малюсенькую горсточку людей, вооруженных доисторическими орудиями производства» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: НВФ 5108 (Копии писем П. П. Бажова Е. А. Пермяку, 1940-е гг.), л. 32].

П. П. Бажов, вероятно, очень пристально следит за появлением в печати любых работ, связанных с историей, и следует отметить, что не все вызывают у него негативную реакцию. Так, 8 января 1946 г. он пишет А. В. Астафьеву: «Большое Вам спасибо за посылку номера "Большевистское слово", посвященного 130-летию граверного искусства в Златоусте. Прекрасный, очень содержательный разворот, где удалось показать и старых и молодых мастеров. Жаль, что такие вещи встречаются в наших газетах лишь по случаю юбилейных дат. А как бы все это надо!» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: КП 18847 (Подлинник письма П. П. Бажова к А. В. Астафьеву, 8.01.1946 г.), л. 1].

Безусловно, наибольший интерес у П. П. Бажова вызывает ситуация с историей Урала. За ней он следит пристально, мнение о ней сформировано более чем определено. Приведем большой, но важный своей цельностью фрагмент из письма к Л. И. Апарникову от 30 октября 1946 г.: «Относительно того, что читать по истории культуры Урала ответить трудно. Можно, конечно, перечислить немало книг, но все это более или менее случайно, не всегда научно, а иногда и вовсе спорно. Вернее сказать, что ничего фундаментального по истории культуры Урала нет.

Надо сказать, что эта часть государства развивалась односторонне, как индустриальная. Здесь было довольно большое количество технических работников, но гуманитарные науки почти не имели своих представителей. Достаточно сказать, что за двести с гаком лет заводской жизни средний Урал (основной в металлургическом производстве) выделил только одного историка Н. К. Чупина, который оставил доведенный до буквы К историко-географический и статистический словарь и ряд статей по колонизации Урала. Написанная на основе его работ книга Н. Колюпанова "История колонизации и горного дела" так и не вышла отдельным изданием. Ей пользуются лишь в виде выборок из журнала "Беседа" за 1878г. Молотовской части (по-прежнему — Пермской) более посчастливилу. Там работали Н. Попов ("Хозяйственное описание Пермской губернии"), В. Н. Шишонко ("Летописи", 5 томов), Смышляев, Дмитриев ("Пермская старина"), Новокрещённых, Волегов, Сигов и др. Большинство из них дилетанты, занимавшиеся историей на досуге. Шишонко, например, врач по образованию, инспектор народных училищ по работе,

Смышляев — председатель управы, Волегов и Новокрещённых — управляющие именными Строгановых.

Все это заставляет утверждать, что подлинная история Урала еще не начиналась, и уральцы вправе ждать помощи от центра, где в настоящее время сосредоточены архивы, а также обеспечена возможность пользоваться всем вышедшим в печати материалом.

По истории заводской техники положение лучше. Тут есть такие ценные книги, как Струмилин, Бакланов². В современности по этому разделу много работает В. В. Данилевский.

В художественной литературе полнее всего Урал отображен Д. Н. Маминым-Сибиряком, о северном Урале хорошо сказано у К. Д. Носилова. Там, правда, чувствуется струя миссионерских взглядов, но все же источник прекрасный. Из других уральских писателей можно назвать Кирпищикову, Колотовкина, Заякина-Уральского, А. Погорелова (Сигова), Туркина, Казанцева» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: КП 11218/1164 (Авторская копия письма П. П. Бажова к Л. И. Апарникову, 30.10.1946 г.), л. 2–3].

В своих размышлениях П. П. Бажов, хоть и не часто, но выходит на уровень российской истории. Например, в письме к Е. А. Пермяку он делится впечатлениями от книги Е. А. Вердеревского «От Зауралья до Закавказья» (1857), обсуждая некоторые сентенции автора: «Дело вовсе не в ограниченности вкуса к комфорту, а в другом понимании этого комфорта. Кедровое бревно, дающее мало щелявости и хорошо поддающееся чистке — это комфорт, а резное дерево внутри помещения — это клоповодство. Браная скатерть — комфорт, а вязаные, плетеные или иным способом продырявленные тряпки пригодны только для нежилых помещений и попали в наш обиход как отрывка барства, которое меньше всего думало о тех, кому приходилось возиться со всей этой штуковиной сомнительной значимости. Словом, люди тоже не без голов ходили, и смотреть на них надо не всегда сверху вниз, а может быть, наоборот. Погодите вот, напишет еще кто-нибудь поэму о русской избе. Не о коньках и резьбе, а о том гениальном использовании малых объемов для сложнейшего комбината, где не только жили, но и пекли, и варили, стирались и хомуты сушили, хлеб рассолаживали и овощ хранили, да еще ухитрялись таких ребят выращивать, которых прямо в сказку ставь» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: НВФ 5108 (Копии писем П. П. Бажова к Е. А. Пермяку, 1940-е гг.), л. 111]. Но и здесь осмысление истории жизни именно народа, основ его культуры и быта является ведущей темой для суждений П. П. Бажова.

Писатель редко высказывает ту или иную мысль в отрыве от своего основного интереса — истории Урала. Довольно характерным мотивом является попытка нащупать грань, и соединяющую, и отделяющую уральскую историю от истории русской. В уже упомянутом письме к А. А. Суркову от 1945 г. П. П. Бажов так подытоживает свои рассуждения: «Попутно хотелось высказать и свою точку зрения на Демидовых и посоветоваться, не время ли показать их в полный государственный, а не уральский только рост и по-новому раскрыть

² Имеется в виду [Струмилин; Бакланов].

тайну Невьянской башни» [цит. по: Бажов, с. 156]. Другой пример, из письма к Л. И. Скорино по поводу работы над статьей о Свердловске: «Ведь нет у нашего города полно записанной истории, а он стоит. И как еще стоит! Путь развития этого города настолько своеобразен, что надо удивляться близорукости наших историков и экономистов, которые до сих пор не догадались заняться всерьез этим городом. Главное, он рос за счет инициативы “нижних слоев” и, может быть, даже в какой-то степени за счет “людскости тамошних женщин”, чему в свое время дивились разные “знатные путешественники”. А печать? Ведь в этом уездном городе постоянно действующий печатный орган появился с 1879 года. Попробуйте посмотреть в справочных изданиях и Вы убедитесь, что это показатель для уездного города тех дней совершенно исключительный. А комбинированная Биржа начала нынешнего столетия? Из 71, какие имелись тогда во всей империи! Это ведь тоже штука! Словом, одно раздражение» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: КП 21327 (Подлинник письма П. П. Бажова к Л. И. Скорино, 18.09.1945 г.), л. 4].

По П. П. Бажову, Урал и его историю ни в коем случае нельзя отделять от истории национальной, и все же на Урале происходили процессы, выделяющие этот край на фоне многих других регионов страны. Эта специфика, не увиденная, не изученная хоть в сколько-нибудь полной мере — вероятно, важнейший предмет исторических изысканий писателя. Оттого общая неудовлетворенность состоянием как уральской, так и русской исторической науки зачастую вызывает у П. П. Бажова реакцию даже личного порядка («Наворочали вон романищев, что до конца не доберешься, а нового в них только то, что одно поставлено на другое место, да выброшены кой-где красненькие флажки “для советскости”. Старикам часто не удается выпутаться из-под власти прежних исторических образцов, а люди основного возраста, как известно, не очень-то занимались историей» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: КП 21329 (Подлинник письма П. П. Бажова к Л. И. Скорино, 10.07.1946 г.), л. 1]). Писатель пытается понять истоки такого состояния науки («Понятно, что при таких условиях надо прописать большое воздержание от исторической тематики» [Там же, л. 2]). И в следующем письме тому же адресату развивает свою мысль, пишет о «каком-то календарном определении истории и современности. Поставлен на перелицованном “Детстве Никиты” 1946 г. — современность, поставлена на вещи, написанной на самую острую тему современности, дата прошлого — старина, история» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: КП 21330 (Подлинник письма П. П. Бажова к Л. И. Скорино, 17.09.1946 г.), л. 2]). Писатель не игнорирует роль государственной политики в этой ситуации, но коренную причину видит в другом: «Раз выдержал свою длинную полосу боязни демонического в советской литературе, то дождусь и демаркации, что в истории нам всегда нужно, что вовсе не нужно. Думаю, что это не заставит долго ждать» [Там же, л. 2–3]; «В руководящих статьях, правда, говорится, что история вовсе не отвергается, нужна лишь пропорция, но ведь практически вопрос будут решать те, кто порой не могут заметить даже крыжа. Из боязни ошибиться начнут действовать обычным способом. Сказка? Нет, не нужно. Легенда? Что Вы, батенька, газет разве не читаете? Сказ? Ну, знаете, подальше от всяких сказов! Нам нужна

современность! Понимаете — современность, а не какие-то там посказульки из старины» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: КП 21329 (Подлинник письма П. П. Бажова к Л. И. Скорино, 10.07.1946 г.), л. 2].

Не слишком стройная государственная позиция, бюрократическая путаница и связанные с ней несуразности лишь усиливают главное — отсутствие научно-исторической культуры, некоей этики в работе с историческими темами. Критическое отношение к любым источникам, необходимость работы с архивами и первоисточниками, специальная теоретическая подготовка к работе с историей — об этом П. П. Бажов пишет много и настойчиво. Так, отвечая начинающему писателю, дает совет: «Если хотите заняться историей города, то надо начинать не с литературных источников, а с работы в архивах, получив предварительную подготовку к работе этого рода. Лучше все-таки делать это нормальным путем, т. е. в школьные годы учиться как можно лучше, потом пройти высшую школу, выбрав ее с учетом своих склонностей. Тогда, смею верить, Вы при желании и усидчивости найдете в наших уральских архивах столько нового, что принятая теперь история будет вызывать лишь улыбку» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: КП 11218/1148 (Авторская копия письма П. П. Бажова к начинающему писателю, 29.09.1947 г.), л. 8].

По поводу замыслов Е. А. Пермяка о книге, связанной с историей горы Благодати, П. П. Бажов пишет не раз, ему чрезвычайно близка эта тема, он искренне желает помочь прежде всего методологически: «Ваши гороблагодатские письма читаю с нарастающим удовольствием: чувствуется, что гора захватывает по-серьезному, как и следует по положению магнитной горы. Штука, что говорить, большая. Мотив “денежки-погонялочки” еще звучит, но уже его заметно приглушили мелодии из Геннина, Белова, Струмилина. Того гляди, за Беловым пойдут Беляев и Фирсов, за Струмилиным — Бакланов, за Туганом — Сигов и т. д. вплоть до Колюпанова и Чупина³, а за ними выплывает и то, о чем давно говорю — историю Урала надо поднимать с архивов и народных преданий. Какая-нибудь запись бергшворена [присяжного надзирателя рудника] Волкова 2-го “о словах, употребляемых в Кушвинском заводе при доменном производстве” дает больше, чем самая кричащая запись расходов Штемберга, проматывавшего тот же завод. Поэтому желаю Вам еще больше увлечься первоисточниками» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: НВФ 5108 (Копии писем П. П. Бажова к Е. А. Пермяку, 1940-е гг.), л. 79].

Проблема пренебрежения историей как наукой, требующей немалых усилий, но и заслуживающей трудов, возникает и в этом письме: «Охотников искать “стоящие пласты” у нас крайне мало. Как работающему рядом с историей, мне это особенно видно. Перелопачивают, что полегче, а копнуть заново боятся и не хотят, и получается не лучше того, что мне как-то предлагал покойный профессор Чернявский. У него была диссертация на тему “История Оренбургской епархии”, вот он и говорит: “Давайте напишем теперь о Пугачёвском бунте. Материалу у меня много, а Вы марксистского соуса прибавьте и там всяких пейзажей”. Так ведь Чернявский был старик и профессор богословия!

³ Имеется в виду [Геннин; Белов; Фирсов; Туган-Барановский; Сигов; Колюпанов; Чупин].

С него не взыщешь. А когда такое же почти видишь в историческом романе, то становится не по себе. Да еще хотят “всего достичь, не утруждая ни глаза, ни зада”, — за счет “голого таланта”, а не выходит. И никогда не выйдет без большого участия глаз и сиденья даже при самой большой одаренности» [Там же, л. 73–74].

Как уже отмечалось, одна из наиболее распространенных — ситуация, в которой П. П. Бажов рассуждает на исторические темы в связи с внешними событиями. Однако, сохранились эпистолярные размышления иного направления, связанные с собственным творчеством и историческими вопросами, с которыми П. П. Бажов сталкивается в своей художественной практике. В таких случаях наиболее обоснованным будет также выделение двух типов авторских дискурсов, подобных тем, которые рассматривались нами выше.

- Первый тип связан с некими единичными свидетельствами, характеризующими метод работы писателя. В этом случае невозможно проникновение в глубинные процессы творчества, но наглядно просматриваются приемы предтекстовой подготовки П. П. Бажова. В переписке с одним из своих переводчиков писатель разъясняет значения и происхождение отдельных слов: «Ботанического названия конотопа не знаю. Это стелющееся растение, которое встречалось в местах скопления дорожной пыли: на обочинах мостовых, около канав и мостиков. Растет на плотно утрамбованной почве. Порой затягивает все полотно мало проезжих дорог и даже держится на “конском ходу”, т. е. между коленями, там, где ступает лошадь. Отсюда, очевидно, и название конотоп»; «В Берёзовском руднике золото содержится в особых гранитопорфировых жилах (дайках). Гранитопорфир имеет свое название — березит, принятое в мировой геологической номенклатуре. Местами березитовые жилы пересекаются кварцевыми прожилками. Такие пересечения, где иногда можно встретить золотые крупинки в более свободном состоянии, и называются рассечками. Причем по сопровождающим породам заранее можно определить, в какой рассечке можно ждать золота, в какой — нельзя»; «Дайки. Здесь игра слов. Английское Дайж — столбик звучит сходно с русским “Дайже”, то есть давай. Это омонимирование слов, вероятно, и послужило основой сказа»; «Жабреем у нас называется сорняк, растущий в хлебах. Ботаническое его название, кажется, галеопсис. Зовут это растение еще курятным шпультником. Цветок желтый. Растение к поре созревания становится очень колючим. Отсюда переносное значение — колючий, неприветливый» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: КП 11218/1162 (Авторская копия письма П. П. Бажова к К. М. Федоровичу, 27.08.1947 г.), л. 2, 5]. Обращает на себя внимание уже знакомый нам широкий диапазон знаний, участвующих в формировании словесного образа. Можно заметить, что мышление Бажова-писателя здесь сливается с мышлением Бажова-историка.

О работе с архивами и первоисточниками свидетельствуют такие фрагменты: «Последний сказ предполагался началом специального цикла (о Берёзовском золотом руднике), но, думаю, едва ли выйдет, не сумел найти времени, чтобы посидеть в Берёзовске месяц-два. Долго возился со статьей о Свердловске.

Написал листа три, даже с гаком, который пришлось сбросить. Работа не далась. Получилось что-то вроде крошки из личных мемуаров и попыток описать город на разных этапах его жизни. Но предварительная возня с материалом сильно растревожила» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: КП 21327 (Подлинник письма П. П. Бажова к Л. И. Скорино, 18.09.1945 г.), л. 4].

Более того, в письме к школьникам г. Нижние Серги писатель формулирует правила фиксации фольклорных текстов, ставшие нормой в наше время, которые далеко не всегда соблюдались во времена П. П. Бажова, что лишний раз доказывает осознанность и системность применения научных принципов самим писателем: «Еще раз напоминаю, не смущайтесь тем, что не сразу будут получаться занимательные вещи. Это придет потом, а пока надо заботиться о другом, чтоб как можно больше сделать записей. Я вот говорил Вам о горе Шелом и береговых скалах речки Серьги, но это вовсе не обязательно. Если рассказывают о другом, то это и записывайте. Причем всегда отмечайте, от кого слышали (имя, отчество, фамилия, возраст, занятие). Это называется паспортизацией записи. Такая паспортизация очень нужна. Она помогает собрать людей для дополнительной беседы, где, помогая один другому, а иногда и жестоко споря друг с другом, припоминают многое, о чем раньше не говорили. В результате и начинают получаться такие предания и сказы, которые уже можно печатать» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: КП 11218/1116 (Авторская копия письма П. П. Бажова к учащимся средней школы № 2 г. Нижние Серги, 1940-е гг.), л. 1].

• Второй тип предоставляет нам более или менее развернутую авторефлексию П. П. Бажова в сфере историзма его творчества. Пожалуй, образцовым примером такого фрагмента является следующий. В нем писатель делится своим опытом, связанным с работой по истории открытия магнитного железняка на горе Благодати охотником вогулом Степаном Чумпиным:

«Сказ о Чумпине надо искать не на горе Благодати, а гораздо севернее. О нем давно думал, но выходит совсем по-русски, и это неправильно. О нем, как и о первооткрывателях горы Высокой, Ницинского рудника и Соймановских месторождений писано много, но нигде не видно ни одной национальной черточки, а они ведь должны быть. С Благодатью крепко связан и В. Н. Татищев, но у меня за последнее время, в связи с раскопками по Акинфию Демидову, родилось какое-то еще не вполне осознанное желание связать эту историческую фигуру с двором Анны больше, чем это принято. Это, конечно, пустяк, что русским названием горы прикрывается тонкий вид придворного подхалимства. Важнее другое — отношение Татищева к организации берг-директориума, который разбазарил все Петровские заводы. Этот вот туман и мешает мне заняться материалами, больше других связанными с Татищевым. Сказ ведь, знаете, штучка ажурная, которая может держаться лишь на очень прочном фундаменте, а не на тумане. Между прочим, этот вопрос у меня теперь стоит поперек дороги, многому мешает. И хуже всего, — не вижу выхода, т. к. ковыряться в подлинниках не имею физической возможности, а в литературе пестрота и полемика, которой нельзя верить» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.:

НВФ 5108 (Копии писем П. П. Бажова Е. А. Пермяку, 1940-е гг.), л. 75–76]. В этом фрагменте присутствует все — книжные источники, размышления о контексте события в рамках государственного устройства, невозможность работы со столичными архивами. Представляется, что сказ не состоялся не только из-за физической невозможности «ковыряться в подлинниках», здесь писателю не хватило еще одного — некой интуитивно ощущаемой историко-художественной компоненты, без которой невозможен «очень прочный фундамент» сказа. К этой компоненте, по мысли П. П. Бажова, содержащейся в любом удачном литературно-историческом произведении (например, размышляя о романе И. С. Сигова «На старом Урале» (1941), П. П. Бажов пишет: «Даже самый обалделый от литературных канонов не может не почувствовать в этой работе струю той первозданной красоты и силы, которую никому не дано выдумать, кроме самого великого художника, именуемого жизнью» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: НВФ 5108 (Копии писем П. П. Бажова Е. А. Пермяку, 1940-е гг.), л. 53]), он периодически возвращается в своих письмах.

В одном случае писатель указывает на то, что, по замыслу, должно было составить художественно-исторический фундамент повести «Зеленая кобылка»: «Приключение мальчуганов, помощь революционеру — все это лишь фабульные крючочки и петельки. Главным ставилось другое и совсем не маленькое. Хотелось по-другому показать условия воспитания ребят в средней рабочей семье в противовес тому, что у нас нередко изображалось. Да, была темнота, но не такая беспросветная, как в “Растеряевой улице”, в подъячевских рассказах, или даже в Чеховских “Мужиках”. Была и нужда, и материальная ограниченность, но ребята не дистрофиками росли: из них ведь выходили те мастера и подмастерья, которые играючи ворочали клещами шестипудовые крицы и подбрасывали в валок тяжелые полосы раскаленного железа. Была и детская беспризорность, но она значительно ослаблялась тем, что ребята очень рано начинали себя сознавать ответственными членами семьи. Пойти на рыбалку — значило “добыть на ушку, а то и на две”, сходить в лес — принести ягод или грибов. Причем количественные и качественные показатели нередко проверялись совсем посторонними людьми. “Ну-ка, покажи, что наловил? Сколько набрал?” И ты волнуешься, что скажет этот неожиданный судья. А дома эти показатели подвергаются дополнительному обсуждению с привлечением масс: Смотри-ка, Петюнька полнѣхоньку корзинку приволок, ягода на отбор! — А у Санухи вот Митька до десятого году дожил, а все кружку набрать не может! Этого, правда, в книжке нет, но оно сказано по-иному. Разве это не интересные явления общественного воспитания? А спорт и соревнование прошлого? Спорта в привычном для современного читателя виде не было, но ребята все же знали, кто сильнее, кто ловчей, кто лучше плавает, лучше бегаёт, кто более меток не только среди своих ближайших товарищей, но и у “врагов”, — в соседних улицах. Ведь это же все измерялось, проверялось, всячески взвешивалось. Большая надежда возлагалась и на “заединщину”. Это не то же, что школьная дружба, и это явление не городское и не сельское, а именно заводское, — своего рода отражение в детской жизни того, что у взрослых выражалось понятием “наша смена”, “человек нашей смены”. Но оказалось

все это непонятым, не привлечшим ничьего внимания» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: КП 21328 (Подлинник письма П. П. Бажова к Л. И. Скорино, 27.10.1945 г.), л. 1–2].

В другом письме Бажов пытается выразить некую аналогичную, но более абстрактную компоненту для корпуса современной национальной русской литературы: «Думаю, что ни одному историку будущего не разгадать загадки, как могла эта площадка (Тагильский вокзал. — Г. Г.) вынести нагрузку военного времени. Если к этому добавить, что все это проходило не без участия блата и всякой бестолковщины, то получается нечто вовсе фантастическое, где действует уже не хозяйка горы, а кто-то более сильный и привлекательный. У старых писателей этот некто поименован по-разному, но все названия либо стерлись от долгого употребления, либо безнадежно испорчены украшительными привесками и ненужным подмалевыванием. Поэтому всем, “кому сие мощно”, надо искать новый обобщающий образ. Может статься, что жизни не хватит, чтоб выпрыгнуть за пределы березки, нивы или таких широких категорий, как русский дух, родина и т. д., но этим смущаться не приходится. Пусть даже каждому такому искателю в конце придется со вздохом повторить: “Умом Россию не понять”, но производное от этих поисков все-таки будет всегда ценным» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: НВФ 5108 (Копии писем П. П. Бажова Е. А. Пермяку, 1940-е гг.), л. 22].

Подытоживая, необходимо сказать, что проблема «Бажов как историк» имеет место и требует своих исследователей, но не должна заслонять собой, пожалуй, более продуктивную проблему «исторического сознания» писателя. Как историк Бажов, по большому счету, не реализовался. Мы не в состоянии анализировать его исторический научный метод, общие теоретические основания, на которых базируются его исторические работы (если считать его очерки, к примеру о гражданской войне, именно историческими). Показательно, что и сам Бажов последовательно отвергает звание профессионального историка, предпочитая оставаться «неутомимым советчиком и мудрым собеседником» [Горловский, с. 558] для историков по образованию и профессии (в среде историков, к примеру, демонстративно именует себя именно литератором).

Совсем другое возникает при постановке вопроса об историческом сознании Бажова — материалы его выступлений на исторических конференциях, его исторические суждения из воспоминаний о нем, своеобразный и специфичный характер историзма сказов и, прежде всего, материалы его переписки — свидетельствуют о весьма незаурядном историческом мышлении, сформированном в рамках его занятий историей. Привычная для П. П. Бажова работа с архивными источниками, попытки довольно серьезных и оригинальных обобщений в области уральской истории, необычная для его круга начитанность (о которой вспоминают очень многие его современники), в конце концов, влияние его деятельности на историческую науку того времени — все это еще не делает Бажова профессиональным историком, но, очевидно, выводит его историческое сознание из ряда характерных для его эпохи. Бажовский феномен может стать интереснейшим объектом для исследователя так называемой истории исторического знания.

Эпистолярный материал исторической тематики с филологической точки зрения наибольшую актуальность приобретает, безусловно, в контексте художественной практики П. П. Бажова. Критическое наложение эпистолярных размышлений писателя на его произведения, как кажется, способно обеспечить серьезный сдвиг в осмыслении специфики историчности сказовой прозы. При всем уважении к истории как науке и интересе к деятельности профессионального историка П. П. Бажов остается прежде всего литератором: занятия историей — будь то систематическая начитанность по уральской истории или работа с архивными источниками — в конечном счете оказываются подчиненными прежде всего художественным задачам П. П. Бажова. С другой стороны, историческая основа сказов — неотъемлемая часть художественного метода писателя. Поэтому чрезвычайно аккуратное, точное выявление характера взаимосвязи, взаимопроникновения фактического, исторического и историсофского пластов с чисто художественным, поэтическим содержанием сказов — задача, важность решения которой сложно переоценить.

По нашему мнению, с помощью приведенной классификации нам удалось охарактеризовать наиболее существенную часть переписки П. П. Бажова по заглавной проблеме. Важнейшей задачей данной статьи является привлечение внимания исследователей к представленному выше материалу.

Бажов П. П. Публицистика. Письма. Дневники. Свердловск, 1955. 272 с. [Bazhov P. P. Publitsistika. Pis'ma. Dnevniki. Sverdlovsk, 1955. 272 s.]

Бакланов Н. Б. Техника металлургического производства XVIII века на Урале. М. ; Л., 1935. 323 с. [Baklanov N. B. Tekhnika metallurgicheskogo proizvodstva XVIII veka na Urale. M. ; L., 1935. 323 s.]

Батин М. А. Павел Бажов : критико-биографический очерк. Свердловск, 1983. 208 с. [Batin M. A. Pavel Bazhov : kritiko-biograficheskij ocherk. Sverdlovsk, 1983. 208 s.]

Блажес В. В. «Ермаковы лебеди», сказ // Бажовская энциклопедия. Екатеринбург, 2007. С. 127–129. [Blazhes V. V. «Ermakovy lebedi», skaz // Bazhovskaya entsiklopediya. Ekaterinburg, 2007. S. 127–129.]

Белов В. Д. Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1896. 177 с. [Belov V. D. Istoricheskij ocherk ural'skikh gornyx zavodov. SPb., 1896. 177 s.]

Гаврилов Д. В. П. П. Бажов как историк // Творчество П. П. Бажова в меняющемся мире : материалы межвуз. науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения П. П. Бажова, 28–29 января 2004 г. Екатеринбург, 2004. С. 53–59. [Gavrilov D. V. P. P. Bazhov kak istorik // Tvorchestvo P. P. Bazhova v me-nyayuschemsya mire : materialy mezhvuz. nauch. konf., posvyasch. 125-letiyu so dnya rozhdeniya P. P. Bazhova, 28–29 yanvary 2004 g. Ekaterinburg, 2004. S. 53–59.]

Гельгардт Р. Р. Стиль сказов Бажова. Пермь, 1958. 482 с. [Gel'gardt R. R. Stil' skazov Bazhova. Perm', 1958. 482 s.]

Геннин де В. Описание уральских и сибирских заводов: 1735 / предисл. акад. М. А. Павлова. М., 1937. 656 с. [Gennin de V. Opisanie ural'skikh i sibirskikh zavodov: 1735 / predisl. akad. M. A. Pavlova. M., 1937. 656 s.]

Горловский М. А. Встречи П. П. Бажова с историками Урала // Мастер, мудрец, сказочник. Воспоминания о П. Бажове / сост. В. А. Стариков. М., 1978. С. 552–558. [Gorlovskij M. A. Vstrechi P. P. Bazhova s istorikami Urala // Master, mudrets, skazochnik. Vospominaniya o P. Bazhove / sost. V. A. Starikov. M., 1978. S. 552–558.]

Дублѣнных В. В. П. П. Бажов как историк // *Летописцы родного края : (очерки об исследователях истории Урала)*. Свердловск, 1990. С. 126–142. [Dublennykh V. V. P. P. Bazhov kak istorik // *Letopistsy rodnogo kraja : (ocherki obissledovatelyakh istorii Urala)*. Sverdlovsk, 1990. S. 126–142.]

Езовских Н. А. Здравствуйте, Павел Петрович! : очерки и размышления. Невьянск, 2000. 171 с. [Ezovskikh N. A. Zdravstvujte, Pavel Petrovich! : ocherki i razmyshleniya. Nev'yansk, 2000. 171 s.]

Колупанов Н. П. Колонизация Пермской губернии и распространение горного промысла // *Беседа*. 1871. Кн. 8, 9, 12. [Kolyupanov N. P. Kolonizatsiya Permskoj gubernii i rasprostranenie gornogo promysla // *Beseda*. 1871. Кн. 8, 9, 12.]

ОМПУ. Ф. 2 (Фонд Бажова). [ОМПУ. Ф. 2 (Fond Bazhova).]

Плотников И. Ф. Павел Петрович Бажов как политик и историк. Екатеринбург, 2004. 152 с. [Plotnikov I. F. Pavel Petrovich Bazhov kak politik i istorik. Ekaterinburg, 2004. 152 s.]

Сигов С. П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936. 292 с. [Sigov S. P. Ocherki po istorii gornozavodskoj promyshlennosti Urala. Sverdlovsk, 1936. 292 s.]

Скорино Л. И. Павел Петрович Бажов. М., 1947. 275 с. [Skorino L. I. Pavel Petrovich Bazhov. M., 1947. 275 s.]

Струмилин С. Г. Черная металлургия в России и в СССР: Технический прогресс за 300 лет // *Труды Института истории науки и техники*. М. ; Л., 1935. 322 с. [Strumilin S. G. Chernaya metallurgiya v Rossii i v SSSR: Tekhnicheskij progress za 300 let // *Trudy Instituta istorii nauki i tekhniki*. M. ; L., 1935. 322 s.]

Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование. СПб., 1900. 561 с. [Tugan-Baranovskij M. I. Russkaya fabrika v proshlom i nastoyaschem. Istoriko-ekonomicheskoe issledovanie. SPb., 1900. 561 s.]

Фирсов Н. Н. Чтения по истории Сибири. Вып. 1. М., 1915. 101 с. [Firsov N. N. Chteniya po istorii Sibiri. Вып. 1. M., 1915. 101 s.]

Чупин Н. К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Т. 1. Пермь, 1873. 577 с. [Chupin N. K. Geograficheskij i statisticheskij slovar' Permskoj gubernii. T. 1. Perm', 1873. 577 s.]

Статья поступила в редакцию 27.03.2014 г.

ТЕМА НАРОДА И НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX И XX ВВ.

УДК 7.011.26 + 140.8 + 82(091)

Л. Н. Житкова

НАРОДНОСТЬ КАК ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ XIX В.

Исследуются основные этапы формирования и развития категории народности/национальности в литературно-критической практике XIX в. Особое внимание уделяется эстетической позиции В. Белинского, И. Киреевского, В. Майкова, Ап. Григорьева, а также Н. Чернышевского, А. Скабичевского, Н. Шелгунова.

Ключевые слова: категории народности и национальности; тип русского мировоззрения; славянофильская и культурологическая критика; народный реализм.

Романтическая эстетика особо культивировала, как известно, принцип индивидуально-особенного, что обуславливало художественную концепцию личности, но также и нации, которая трактовалась как своего рода личность в составе человечества, обладающая такой же духовной неповторимостью. В русской литературно-критической практике 1820–1830-х гг., вплоть до позднего Белинского, понятия «народ» и «нация» воспринимались по преимуществу как тождественные.

Сложилось так, что категория народности/национальности стала в русской критике XIX в. важнейшей.

В 1820–1830-е гг. это стало проблемой философско-исторического значения, которая переживалась русскими интеллектуалами глубоко драматически, поскольку в конечном итоге она восходила к проблеме судьбы русской культуры и русской истории вообще.

Определявшие тогда русскую эстетику шеллингианские идеи представляли историю человечества как историю духа, запечатлеваемого в искусстве как универсальной сфере духовного бытия. Именно в искусстве воплощается образ нации в ее самобытности, долженствующей свидетельствовать о ее творящих

способностях, определяющих место той или иной нации в общечеловеческой истории. Если же нация не обладает самобытно-народным искусством, то это свидетельствует о ее творческом бессилии и исторической обреченности.

Коль скоро русская литература до Пушкина носила главным образом подражательный характер и специфически русское в ней отсутствовало, то это становилось аргументом едва ли не для всех критиков в утверждении того, что у нас нет литературы (по тогдашней терминологии — поэзии). Закономерно поэтому, что понятие народности/национальности становилось во главу угла всех суждений критиков о литературе, притом что относительно конкретного семантического наполнения его не было ясности, вследствие чего оно приобретало в некотором роде характер мистического заклинания. На вопрос о том, возможно ли в России самобытно-национальное искусство, ответы были единодушно положительными, поскольку было точное сознание того, что духовные ресурсы России богаты: героическая история народа, русский фольклор, природа и т. д.

Варианты обретения искомой народности/национальности предлагались различные: критики-декабристы полагали, что национальная самобытность обретается на пути политической борьбы, Н. Полевой осмыслял этот вопрос в контексте своей общественно-социальной концепции, согласно которой процесс демократизации общества (используя новейшую терминологию) и есть основа для обретения искусством качества народности: романтизм, как считал критик, и является искусством нового времени, в лоне которого вызревает чаемая самобытность. В начале 1830-х гг., упрекая Пушкина в аристократических пристрастиях и равнодушии к читательским запросам, Полевой идет дальше в своих методологических опытах и социально, если не сказать классово, акцентирует проблему народности, предвзято Белинского. Раньше других достаточно глубоко точку зрения на проблему народности/национальности высказал Д. Веневитинов в программной статье «О состоянии просвещения в России» (1826). Он считал, что причиной отсутствия самобытности в нашей литературе является «бездействие мысли», каковая рождается непосредственно в процессе познания национальной действительности, тогда и формируется национальная «система мышления». Из логики рассуждений Веневитинова следует, что национально-народная самобытность воплощается в определенном, специфическом типе сознания, особом воззрении на мир, его восприятии и понимании. Для «любомудров» Веневитинова и Киреевского историческим событием стало появление трагедии А. Пушкина «Борис Годунов». Они почувствовали в ней ту самую самобытную «систему мышления», каковую должна была явить со временем русская литература, отметив при этом такое эстетическое качество ее, как объективность, что является непосредственно исходным принципом «истинного познания». На объективности пушкинского поэтического дара Киреевский акцентировал внимание несколько позднее в своей статье «Нечто о характере поэзии Пушкина» (1828). Он заметил здесь, что русский поэт обладает исключительной «способностью забываться в окружающих предметах и текущей минуте» и что эта способность есть также «основание русского характера» [Киреевский, с. 54]. Этот новый период в творчестве Пушкина Киреевский

называет русско-пушкинским — он же одновременно знаменует и новый период в русской литературе, когда, наконец, обретается самобытность.

Категория народности/национальности — одна из важнейших в эстетике Белинского. При этом в теоретических поисках его стимулирует не только проблема национальной самоидентификации литературы, но и новые тенденции в самой литературе, актуализировавшие вопрос об отношении искусства к действительности.

В своей дебютной статье «Литературные мечтания» (1834), стремясь целостно представить современный литературный процесс в его типологических проявлениях, Белинский ищет ответ на вопрос о том, почему у нас нет литературы, имея в виду ее по преимуществу подражательный характер. Ответ его таков: наша литература не является выражением нации в ее целостности, она не запечатлевает в себе ее образ, поскольку «масса» (слово у Белинского графически выделено) не включена в процесс духовного творчества. Правда, есть исключения — это Державин, Крылов, Грибоедов, Пушкин, которые интуитивно, в силу своей гениальности, выражают общенациональное. Но исключений недостаточно — нужно, чтобы литература стала необходимым компонентом национальной жизни, общенациональным делом.

С проблемой национального/народного Белинский окончательно определяется в последние годы жизни — это цикл статей о Пушкине и статья «Взгляд на русскую литературу 1847 г.».

В статье восьмой о романе «Евгений Онегин» (1844) критик, называя пушкинский роман «первой истинно национально-русской поэмой» [Белинский, с. 366], разводит понятия «народность» и «национальность». Отвечая, хотя и с запозданием, Полевому, имевшему претензии к «аристократизму» Пушкина, его «классовым» предпочтениям в отношении выбора героев для своих произведений, что будто бы делало его творчество антинародным и наднациональным, Белинский пишет, полемически заостряя вопрос: «...русский поэт может себя показать истинно национальным поэтом, только изображая в своих произведениях жизнь образованных сословий» [Там же, с. 368]. Это означает, что истинную национальность определяет не предмет изображения, а характер его истолкования. Более того, Белинский убежден, что поскольку носителем национального сознания в данную историческую эпоху являются представители образованных сословий, а не народ, то «истинно национальных произведений должно искать у нас только между такими поэтическими созданиями, которые содержание взяли из жизни сословия... усвоившего себе формы образованного общества» [Там же, с. 365]. Изображение же простонародья неизбежно будет носить в этом случае внешний характер и означать псевдонародность.

Качество национального закрепляется за гениями — по градации литературных дарований, по Белинскому. В последней статье «Взгляд на русскую литературу 1847 г.» в новой литературной и общественной ситуации актуализируется и дифференцируется категория народности и определяются ее критерии: 1) обращение к народной жизни как таковой, 2) авторская пронародная позиция, 3) доступность произведения народному восприятию. Это было защитой литературы «натуральной школы» и одновременно попыткой направить писательское

внимание в сторону вопроса, который волновал в ту пору европейское общество, — вопроса о защите интересов низших слоев. Система эстетических категорий у Белинского была весьма динамичной, менялась и зависела как от того, с явлением какого рода имеет дело критик, так и от того, какой исторической эпохе принадлежит писатель. Из логики Белинского вытекало, например, что категория народности исторична и, актуальная в данный момент и в данном случае, она в другой ситуации может терять свое значение.

Таким образом, критерий национальности — это инструментарий для анализа гениальных феноменов, каково, например, явление Пушкина, а категория народности — для анализа литературного процесса.

Оригинальна в отношении исследуемой проблемы позиция В. Майкова, отвергавшего эстетическое значение категорий народного и национального на том основании, что они, с его точки зрения, способствуют консервации в жизни всего реакционного. Антрополог, он во главу угла ставил личность как психофизиологическую уникальную сущность — поэтому Кольцов для него не народный поэт, который на самом деле изображал не крестьянскую жизнь, а общечеловеческую: не случайно, например, героиня лирики Кольцова чувствует и думает совершенно аналогично Татьяне Лариной («...характер любви Татьяны и история ее страсти совершенно такие, что и у крестьянки Кольцова» [Майков, с. 167]).

И Веневитинов, и Киреевский, и Белинский в конечном счете национальное в искусстве определяли как воплощение национального типа сознания, «русского мышления», «русской системы воззрения». Но далее возникает вопрос, на который не было дано ответа: в чем же специфика именно русского типа сознания, русского «воззрения» на мир, русского духовного феномена? На этот вопрос ответили славянофилы 1840–1850-х гг. — К. Аксаков, А. Киреевский, А. Хомяков и др.

По их представлениям, национальное определяется не в сфере образования и просвещения, как думал Белинский, а в сфере органического проживания жизни — таковой именно жизнью живет народный коллектив. Сознание наций формируется в народной среде и усваивается затем образованными классами. И если литература улавливает, чувствует и запечатлевает этот исключительный опыт познания, то тогда мы и имеем дело с истинно народной, или истинно национальной, литературой. Славянофилы и в 1840-е гг. констатировали, что такой культуры и литературы у нас пока нет, хотя есть уже некоторые предпосылки ее рождения. То, что предлагает современная литература о народе («натуральная школа»), — это взгляд на народ со стороны, который не затрагивает коренных начал русской субстанциальности, требующей погружения внутрь феномена. Киреевский писал: «...у нас еще нет полного отражения жизни народа, у нас еще нет литературы» [Киреевский, с. 77–78]. К пониманию специфики русского типа мирозерцания славянофилы шли от истории. Здесь важно указать на следующие моменты. Главное состояло в том, что русская духовность формировалась на основе Византийской православной традиции, в отличие от Европы, для которой основополагающее значение имела античность с ее культом физического. Затем Киреевский в ряде работ описал различия двух

типов культур по следующим параметрам: государственное устройство, частная собственность, юридическое право, психология личности и др. В результате оказалось, что русская ментальность на всех уровнях проявляла свою сущность как сущность соборную (принцип неслиянности-нераздельности).

Концепция соборной природы русской национальной феноменальности неизменно подтверждалась всей литературной классикой и русской философией во главе с В. Соловьевым.

Идеи славянофилов своеобразно воспринял Ап. Григорьев. В его эстетике категория национального имела первостепенное значение, при этом он предпочитал не разводить понятия «народ» и «нация», отождествляя их. Но различал народность «тесного» и «обширного» смысла, когда полемизировал с оппонентами из лагеря «реальной критики» (Добролюбов), и считал первый критерий ложным, исходя из того, что он ориентирует литературу на внимание к части нации, но не к ее целому, а это нарушает закон органической целостности искусства и жизни [Григорьев, с. 257–259].

Так же, как и славянофилы, Григорьев ищет нужные качества народности/национальности в героях произведений, но, в отличие от славянофилов, считавших именно человека из народа носителем соборного типа сознания, Григорьев полагает, что «типичное» русское может воплощать представитель любой социальной среды. Такими типами были, например, Лаврецкий Тургенева и Обломов Гончарова. Для Григорьева важнее была проекция русского сознания в психологию — ему интересно в литературе воплощение национального характера — «русской души» (небезосновательно предположить, что Григорьев много способствовал укоренению этого выражения в нашем обиходе). Отсюда григорьевская типология героев русской литературы — их два типа: «смирный» и «хищный». «Смирный» характер — исконно русский, не конфронтационный, «хищный» — индивидуалистический, конфронтационный, чужеродный в русской литературе, который изживаетеся ею в процессе обретения национального содержания. Знаменательным и эпохальным событием в этом плане были для Григорьева «Повести Белкина» Пушкина с их новой эстетикой авторского поведения, когда и автор, и персонажи, и сюжеты оказываются равно погруженными в стихию самой жизни, которая как бы и порождает их.

В культурологической критике XIX в., которую представляют славянофилы, Ап. Григорьев, К. Леонтьев, В. Соловьев, Д. Мережковский, В. Розанов и др., к концу века и началу следующего категория народности/национальности трансформировалась в категорию религиозности. Категория народности в той именно интерпретации, которая была предложена Белинским в последней его статье и которая закрепилась в критических работах Добролюбова, затем была использована критиками 1860–1880-х гг., унаследовавшими эстетические принципы «реальной критики». Очевидно, что изначально уже в толковании Белинского категория «народность» теряла собственно эстетический смысл, становясь категорией социальной по преимуществу, т. е. привнесенной в литературу из иного, чем художественное творчество, контекста.

Но что изменилось в представлении о народности литературы по сравнению со взглядами Белинского и писателей «натуральной школы»? Коротко это

можно определить так: усложнились представления о народе и, следовательно, сами задачи литературы, пишущей о народе, и критики. Уже Н. Чернышевский в статье «Не начало ли перемены?» показал, что народ — психологически сложный противоречивый организм, обладающий в значительной степени весьма негативными свойствами. В 1860–1880-е гг. все более нарастает поток демократической литературы, что, с одной стороны, усиливает скептическое отношение к ней, с другой — понуждает к осмыслению процесса, его систематизации, что пытаются делать такие критики, как, например, А. Скабичевский.

Он выделяет три этапа в развитии народной темы в литературе: 1850-е, 1860-е и 1870-е гг.

В 1850-е гг. народ идеализировался авторами-дворянами («Записки охотника» Тургенева).

Литература 1860-х гг. (Помяловский, Решетников, Левитов) выразила момент «разочарования в мистических грезах относительно народа» [Скабичевский, с. 230]. У начала этого периода стоит Н. Успенский. Значительный шаг вперед — творчество Решетникова, который идет от внешних картин Н. Успенского в глубь народной жизни. Отказываясь от романтизма, он изображает не титанов, а массу, стремясь выявить в жизни движущую пружину. Народ здесь впервые показан изнутри себя. Творчество Г. Успенского — это новый этап, когда автор, пишущий о народе, поднимается до обобщений относительно «всей русской жизни».

Скабичевский как раз и полагал, что народной литературе необходимо подняться на уровень общенационального значения — тогда, считал критик, и будет получено качество полноценной художественности. Парадокс, однако, в том, что общенациональное значение и действительно высокая художественность таких писателей, как Толстой, Достоевский, Чехов и др., не привлекали внимание критиков — наследников Добролюбова, которые упорно делали ставку на народную литературу, видя именно в ней средоточие всех смыслов русской жизни.

В 1870-е гг. снова возрождается тенденция к идеализации народа, пишет Скабичевский, имея в виду, видимо, писателей-народников, которые «начинают подходить к народу с исканием каких-то особенных, неведомых миру идеалов...» [Скабичевский, с. 231].

В ряду работ о демократической литературе 1860–1880-х гг. стоит отметить статью Н. Шелгунова «Народный реализм в литературе» (1871).

Предложенная здесь типология русской литературы выстраивается в контексте всей литературы XIX в. Типологическая схема ориентируется на тот или иной тип героя, как уже было у Добролюбова, Григорьева и др. Но принцип выделения типа героя у Шелгунова иной — он соотносит его сознание с реальностью жизни, которая понимается прежде всего как реальность народной жизни. В соответствии с этим критерием в литературе XIX в. выделяется два периода — идеально-народный и народно-реальный.

На первом этапе литературу создавали писатели-дворяне, которые меньше всего задумывались над общественными явлениями. Это писатели-идеалисты, создавшие подобного себе героя, героя «головного реализма». На втором этапе

в литературе появляется новая генерация писателей-разночинцев, которые «совсем не так развивались» [Шелгунов, с. 235], как предшествующее поколение. Если писателям-идеалистам интересны интеллектуальные личности, то герой новой формации — это «продукт общества, существо слабое в борьбе, сознающее свое бессилие перед окружающим его фатализмом» [Там же, с. 296]. Шелгунов анализирует примитивного человека Решетникова, который в процессе переживания жизненного опыта должен в будущем прийти к его осмыслению. Может быть, героиня Горького Ниловна («Мать») и воплотила как раз такой новообразованный тип. Но это означало, что литература перестает быть искусством и становится иллюстрацией общественно-социальной истории.

В советскую эпоху принцип народности, все более политизируясь, приобретает значение абсолютного критерия, определяя степень соответствия идеологической позиции писателя марксистской теории. Сквозь призму этого критерия, как известно, оценивалась не только современная литература, но в целом вся ее история.

Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья восьмая // Белинский В. Г. Собр. соч. : в 9 т. Т. 6. М., 1981. [Belinskij V. G. Sochineniya Aleksandra Pushkina. Stat'ya vos'maya // Belinskij V. G. Sobr. soch. : v 9 t. T. 6. M., 1981.]

Григорьев А. А. После «Грозы» Островского. Письма к И. С. Тургеневу. Письмо второе. Попытки разрешений // Григорьев А. А. Искусство и нравственность. М., 1986. [Grigor'ev A. A. Posle «Grozy» Ostrovskogo. Pis'ma k I. S. Turgenevu. Pis'mo vtoroe. Popytki razreshenij // Grigor'ev A. A. Iskusstvo i нравstvennost'. M., 1986.]

Киреевский И. В. Нечто о характере поэзии Пушкина // Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979. 439 с. [Kireevskij I. V. Nechto o kharaktere poezii Pushkina // Kireevskij I. V. Kritika i estetika. M., 1979. 439 s.]

Майков В. Н. Стихотворения Кольцова // Майков В. Н. Литературная критика. Статьи и рецензии. Л., 1985. [Majkov V. N. Stikhotvoreniya Kol'tsova // Majkov V. N. Literaturnaya kritika. Stat'i i retsenzii. L., 1985.]

Скабичевский А. М. Соч. : в 2 т. Т. 2. СПб., 1890. [Skabichevskij A. M. Soch. : v 2 t. T. 2. SPb., 1890.]

Шелгунов Н. В. Народный реализм в литературе // Шелгунов Н. В. Литературная критика. Л., 1974. 368 с. [Shelgunov N. V. Narodnyj realizm v literature // Shelgunov N. V. Literaturnaya kritika. L., 1974. 368 s.]

Статья поступила в редакцию 03.04.2014 г.

УДК 821.161.1 Мамин-Сибиряк-3 +
+ 821.161.1 Чехов + 316.356.4

Л. М. Слобожанинова

ОБРАЗ НАРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Исследуются отличительные черты национального характера в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880–1890-х гг. Обнаруживаются связи и расхождения с произведениями известных русских писателей демократического направления: А. П. Чехова, В. Г. Короленко, Г. И. Успенского.

Ключевые слова: Д. Н. Мамин-Сибиряк; А. П. Чехов; очерковая типизация; национальный характер; писатели-демократы.

Имя Мамина-Сибиряка не входит в первый ряд русских литературных классиков, теряясь в массе писателей демократического направления 1880–1890-х гг. Вместе с тем в изображении русского национального характера и, прежде всего, человека «простого звания» ему следует отвести заслуженно почетное место. Именно доверие к духовному потенциалу народа и мастерское владение языком имел в виду А. М. Горький в приветственной телеграмме к 60-летию уральского писателя: «Ваши книги помогли понять и полюбить русский народ, русский язык. Почтительно и благодарно кланяюсь Вам, писателю воистину русскому...» [Горький, с. 133].

О национальном масштабе художественной типизации и пристальном внимании к родовой тематике в творчестве Мамина-Сибиряка уже было сказано [см.: Зырянов, с. 126–128; Соболева]. Позволим себе наметить основные тенденции изображения народа у Мамина-Сибиряка в сравнении с современными ему писателями демократического направления. И начать придется с А. П. Чехова, за которым стоит обновление художественной системы русского реализма.

Достаточно сложным было отношение чеховского интеллигента к народу. Не исключено, что отказ от «обожествления мужика» оборачивается для писателя изображением народа как тупой бездуховной массы. Из рассказа «Случай из практики»: когда доктор Королев «видел какую-нибудь фабрику издали или вблизи, то всякий раз думал о том, что вот снаружи все тихо и спокойно, а внутри, должно быть, непроходимое невежество и тупой эгоизм хозяев, скучный, нездоровый труд рабочих, дрязги, водка, насекомые. И теперь, когда рабочие почтительно и пугливо сторонились коляски, он в их лицах, картузах, в походке угадывал физическую нечистоту, пьянство, нервность, растерянность» [Чехов, т. 2, с. 339–340]. Молодой следователь Лыжин, оказавшийся всего лишь за сто с лишним верст от Москвы, думает о том, что «Родина, настоящая Россия — это Москва, Петербург, а здесь провинция, колония...» [Там же, с. 385].

Не случайно в обрисовке рабочего человека Чехов близок к «Нравам Растеряевой улицы» Глеба Успенского (по отдельности очерки появлялись

в журналах с конца 1860-х гг., полностью опубликованы в 1883 г.). Дело в том, что исторический опыт народа так или иначе корректирует читательское отношение к художественному тексту. По этой причине не может не вызывать возражений эстетическая реальность, составляющая художественный мир «Растеряевой улицы». В самом деле, уникальные тульские оружейники, потомки прославленного Никиты Демидова, достойного сподвижника Петра, представляются Г. Успенским в очень непрезентабельном виде. Самая характерная фигура для тульской рабочей слободки — «растрепанная, ободранная и тощая фигура рабочего человека со свалывшеюся бородой», озабоченного единственным желанием — опохмелиться [Успенский, с. 26]. Вся «Растеряева улица» — это мир корысти, обмана, семейного деспотизма, крайнего нравственного отупения. Вопреки патриотическим устремлениям автора, *такую* Россию, *такой* народ полюбить невозможно.

В духе «Нравов Растеряевой улицы» пишутся чеховские «Мужики» (1897). Высокая оценка этой повести современной Чехову критикой имела значение, скорее всего, как аргумент в полемике с народнической идеализацией деревни, в особенности сельской общины. Последующее негативное отношение к «Мужикам», в частности, со стороны П. П. Бажова (из его письма к Л. Скорино от 20 сентября 1944 г.), также имеет основания. Высоко оценивая раннюю юмористику Чехова за способность «сгущать типическое до одной клички», Бажов в то же время не доверял чеховским «Мужикам»: «Многие произведения раннего периода дают мне больше, чем вещи последующего периода. “Злоумышленник”, например, кажется мне более правдивым, нежели “Мужики”, которым я во многом не верю» [Бажов, с. 142–143].

Надо полагать, Чехов знал подмосковную деревню. Жуково в повести «Мужики» обеспечивало Москву лакеями, дворниками, швейцарами, извозчиками, кухарками, няньками, горничными, «мальчиками» в заведениях купцов, сапожников, лавочников. Отсюда горькие рассказы Чехова «Ванька Жуков» и «Спать хочется». Однако это не та деревня, тамбовская, саратовская, вологодская, зауральская, сибирская, которая при всех классовых противоречиях кормила хлебом громадную страну, экспортировала зерно, поставляла надежных солдат для русской армии и выдвигала из своей среды выдающиеся народные таланты. Мамину-Сибиряку была известна деревня под Петербургом, которая, по его убеждению, утратила свою «деревенскую суть» и привела к вырождению великорусского типа: «Деревня перестала быть деревней, смысл ее тысячелетней жизни отлетел, мужик перестал быть настоящим мужиком, баба — настоящей бабой...» [Мамин-Сибиряк, 1915–1917, т. 11, с. 485]. Вместе с тем ни Мамина-Сибиряка, ни Чехова нельзя было бы упрекнуть в пренебрежительном отношении к народу.

Мало сказать, что чеховский интеллигент сочувствует народу, — он испытывает настоящую сердечную боль за бесправное и жалкое бытие русской бабы. Эмоциональный монолог художника в рассказе «Дом с мезонином» сегодня звучит не только как полемика с «теорией малых дел», но как бесстрашная констатация фактов, которые говорят сами за себя: «Не то важно, что Анна умерла от родов, а то, что все эти Анны, Мавры, Пелагеи с раннего утра до потемок

гнут спины, болеют от непосильного труда, всю жизнь дрожат за голодных и больных детей, всю жизнь боятся смерти и болезней, всю жизнь лечатся, рано блекнут, рано старятся и умирают в грязи и в вони; их дети, подрастая, начинают ту же музыку, и так проходят сотни лет, и миллиарды людей живут хуже животных — только ради куска хлеба, испытывая постоянный страх» [Чехов, т. 8, с. 100].

При этом нельзя не видеть следующее. Если воспользоваться оценочным суждением Ф. Д. Батюшкова из очерка о В. Г. Короленко, Чехов наследует «тургеневский» взгляд на мужика — «сверху вниз», в то время как автор «Сибирских рассказов», отыскивая в мужике общечеловеческие черты, «подошел к нему ближе, как бы вплотную, настолько овладев народной психикой, что чувствовал себя вполне сродни с ним. Поэтому ему так и удался прежде всего опыт с Макаром (героем рассказа “Сон Макара”. — Л. С.), которого он водит по загробным странам в согласии с народными верованиями и представлениями» [Батюшков, с. 48]. Существенны замечания критика о способах поэтизации человека труда: «К той правде жизни, которая сообщает особенную жизненность рассказу, Короленко прибавляет красоту поэтического домысла особенно в описании природных явлений, как, например, великолепное изображение восхода солнца перед приходом путников к жилищу Тойона. Умение органически сочетать данный образ с обстановкой, в которой он в сущности и сложился, составляет другую оригинальную черту творчества Короленко. <...> В примитивной среде, которую Короленко избрал объектом своих наблюдений и писательского воспроизведения, человек действительно не может рассматриваться отдельно от условий жизни, и Короленко достигает наибольшей жизненности и убедительности своих изображений именно благодаря умению чувствовать одновременно человека, его быт и природную обстановку» [Там же, с. 49].

К сказанному добавим лишь одно существенное уточнение. В «Сибирских рассказах» поэтизируется не столько труженик, сколько бродяга, беглый каторжник, совсем в духе известной песни «Славное море, священный Байкал» (слова сибирского поэта Д. П. Давыдова; автор мелодии неизвестен). Именно этот герой испытывает неотступный зов «тайги-матушки» и волнующее ощущение «вольной волюшки».

Романтизированный В. Г. Короленко образ бродяги видится Мамину-Сибиряку иначе. Как свидетельствует цикл «Преступники» (1902), писатель разделял типы разбойника и преступника. Заводской разбойник, порождаемый крепостнической жестокостью, по словам Мамина-художника, олицетворял в народной среде «неумиравший дух протеста», воспринимался как «нечто необходимо-роковое, как своего рода судьба и кара, как выражение чего-то такого, что сплеча ломило и разносило вдребезги все установившиеся нормы, до дна возмущая мирное течение жизни и оставляя после себя широкий след» [Мамин-Сибиряк, 1953–1955, т. 8, с. 7]. Поясняя различие между разбойником и преступником, писатель подчеркивал: «Настоящий разбойник выходил на высокое место лобное, кланялся на все на четыре стороны и повторял стереотипные формулы всенародного покаяния: “Прости, народ православный...” Так

делали и Стенька Разин и Емелька Пугачев. «Преступник» поступает совсем наоборот — нервничает, плачет, старается всячески увильнуть, свалить свою вину на другого и, осужденный по всем пунктам, уносит из суда озлобленное убеждение в собственной невинности» [Там же, с. 34]. От разбойника и преступника отличается «варнак» — беглый каторжник (рассказы «Варнак», «Искушение о. Спиридона»). Пострадавший от суровых законов Российской империи, «варнак» находится в постоянных «бегах»: «Никого он не убивал, не грабил, а только бегал. Его неудержимо тянуло домой, и он жестоко расплачивался каждый раз за эту любовь к родине» [Мамин-Сибиряк, 1915–1917, т. 3, с. 65].

Очень разнообразны, подчас даже контрастны, у Мамина изображения простых людей из народа, людей труда. В 1883 г. в «Отечественных записках» писатель публикует очерк «Бойцы» («Очерки весеннего сплава по реке Чусовой») и в том же году в журнале «Дело» — очерк «В камнях» («Из путешествия по реке Чусовой»). Разумеется, при этом меняются не только времена года, но сама по себе фигура чувовского бурлака. Присмотримся в очерке «В камнях» к сцене наказания бурлаков, похитивших у мужика, снабдившего их продуктами, кисет с деньгами, а у его бабы — красный платок.

Первого вызвал Окиня Рыбакова. Гаврилыч и старик с передней палубы разложили его на тюках, первый сел на голову, второй на ноги. Прошка стоял с лычагой в руках.

— Ну-ко, Прош, отпусти ему десяток...

Лычага засвистела в воздухе и оставляла синие рубцы на голой спине Рыбакова. Получив свою порцию, Рыбаков поднялся и как ни в чем не бывало встал на свое место к поносному. Васька сам явился на экзекуцию. Ему отсыпал Прошка целых двадцать ударов, но Васька даже не пошевелился. Этим наука и закончилась.

— Спасибо, Окиня, за науку, — благодарил Васька, приводя в порядок свой костюм. — Теперь малость как будто согрелся...» [Мамин-Сибиряк, 2002, с. 470–471].

В очерке «Бойцы» уже иные акценты. Здесь поэтизируется фигура чувовского сплавщика. Исчезают вороватые бурлачки и последующая «наука», вместе с ними и рассказ замухрышистого Минеича о том, как, вернувшись со сплава, он тиранит свою безответную жену. Сплавщик Савостьян Кожин — достойный преемник чувовских сплавщиков, одаренных энергией, прирожденным умом и смекалкой. «Достаточно указать на то, что совсем безграмотные мужики дорабатываются до высших соображений математики и решают на практике такие вопросы техники плавания, которые неизвестны даже в теории. Чтобы быть заправским настоящим сплавщиком, необходимо иметь колоссальную память, быстроту и энергию мысли и, что всего важнее, нужно обладать известными душевными качествами. Прежде всего сплавщик должен до малейших подробностей изучить все течение Чусовой на расстоянии четырехсот-пятисот верст, где река на каждом шагу создает и громоздит тысячи новых препятствий; затем он должен основательно усвоить в высшей степени сложные представления о движении воды при всевозможных уровнях, об образовании суводей, струй и водоворотов, а главное — досконально

изучить законы движения барки по реке и те исключительные условия сочетания скорости движения воды и барки, которые встречаются только на Чусовой» [Мамин-Сибиряк, 1983, с. 250].

Последующая работа Мамина-Сибиряка над образами простых людей из народа пойдет в двух направлениях: с одной стороны, допускается известная поэтизация фигуры заводского священника, дьячка, конного пастуха, с другой — исключаются случайные подробности, не работающие на образ. В очерках «Из далекого прошлого» сокращается число действующих лиц и, соответственно, достигается классическая простота сюжета.

Особенно Мамину-Сибиряку удалось создание объемной фигуры священника-шестидесятника. В цикле воспоминаний об отце-священнике писатель отмечает, как с утра тот занимался в заводской школе, не прибегая к помощи учителя; затем выполнял самые различные «требы» своей небогатой паствы (крестины, свадьбы, похороны); вечерами шло чтение и бесконечная работа с разными церковными и отчетными книгами. В небогатом домике висимского священника сложился своего рода культ книги как «предмета высшего духовного порядка»: в особом шкафу стояли произведения классиков, в семье читали «Современник» и другие журналы 1860-х гг., которые отец приносил от заводских служащих. Отец не жалел, что пришлось оставить «благословенное Зауралье», где деревенские приходы были, конечно, лучше. «...Но отец ни за что не хотел туда идти, потому что там священники ходят по приходу с “ручкой”, собирая “петровское”, “осеннее” и “ругу”. Он предпочел свою бедную заводскую независимость» [Мамин-Сибиряк, 1953–1955, т. 8, с. 443].

От случайных подробностей освобождается образ конного пастуха. В рассказе «Морок» (1888) пастух Никешка фигурирует в непривычной функции «жалетеля», спасающего сбившуюся с пути соседскую девку Даренку. В рассказе «Макарка» (1904) конный пастух выведен в первую очередь как редкостный знаток лошадей. Он «знал “в лицо” каждую лошадь не только на своем заводе, но и с соседних сел и деревень. Он был и коновалом и объезжал диких степных лошадей, которых приводили на завод с далеких конных ярмарок. Лошадь для Макарки была все, и он “жалел” ее, потому что она была, по глубокому убеждению Макарки, гораздо лучше человека <...> И самые дикие лошади точно чувствовали любящую Макаркину руку и покорялись с первого раза, стоило ему только подойти. Вероятно, это был своего рода гипноз, а с другой стороны — Макарка не знал страха даже перед самыми отчаянными степняками, от которых отказывались самые опытные наездники» [Мамин-Сибиряк, 1985, с. 42–43]. Место несчастной Даренки занимает семилетняя Матрена Спиридоновна, постоянная собеседница и помощница покалеченного пастуха.

Горькая история Параши Кудрявой, пострадавшей от самоуправства крепостного управителя, излагается в «психологическом этюде» «Лес» (1887), предшествующем рассказу «Зеленые горы» (1898). В последнем очерке из «воспоминаний детства» создается объемный образ дьячка Николая Матвейча, способного подняться над извечной «дьячковской нищетой», живущего «широкой жизнью всей природы» [Мамин-Сибиряк, 1953–1955, т. 12, с. 600].

Среди «певцов» уральской природы поистине нет равных Мамину-Сибиряку, причем ни в современной ему литературе, ни в литературе более позднего времени. Маминские пейзажи в горном течении реки Чусовой, описания леса вокруг какого-нибудь золотиносного прииска сопоставимы разве что с живописными полотнами А. К. Денисова-Уральского. Однако суть дела не только в литературных пейзажах, принадлежащих рассказчику-повествователю. Маминские охотники, рыбаки, сплавщики, лесные сторожа сохраняют в своем мировосприятии отголоски древнейших мифологических представлений о родственности всего существующего на земле, воспринимают мир как единое хозяйство, в котором человек — разумный и добрый хозяин.

Природа в таком случае оказывается неотделима от жизнедеятельности человека. Для конного пастуха Макарки (из одноименного рассказа 1904 г.) настоящей жизнью была жизнь в горах, где по условиям найма он отвечал за тысячный табун заводских лошадей. «Что могло быть лучше такого кочевья? Целый день верхом на лошади, а вечером с другими пастухами у своего балагана. Курится огонек, идут разговоры, пастушьи собаки из киргизских волкодавов стерегут собранный в загон табун... Хорошо летом в горах... пахнет свежей травой... наносит дымком от лошадиного курева, которое раскладывалось для отгона одолевавших коней комаров и мошкары. Короткий, но бодрый сон. Утром еще стелется густой туман по траве, а Макарка уже в седле... Он слышит, как фыркают лошади, как играют молодые жеребята, как зовут ржаньем кобылки оставшихся в табуне жеребят... Хорошо. Весело на душе... А солнце всходит над горами, такое большое, без лучей, и быстро подбирает ночную росу...» [Мамин-Сибиряк, 1985, с. 45].

Мамину-художнику было даровано редкостное искусство разговаривать с детьми на языке сказки. Сторож Богач убежден, что в зайце «своя душонка есть, так, плохонькая совсем душонка», а собака по кличке Еремка понимает каждое слово хозяина и не отвечает только потому, что не научилась говорить («Богач и Еремка»). Маминские труженики полагают, что нет большего греха, чем убить доверившееся тебе живое существо. В этом заключается смысл конфликта Яшки со сплавщиками, которые бьют полузамерзших гусей в сильнейший снегопад, когда перелетная стая пытается найти спасение на барке («Вольный человек Яшка», 1893), а также охотника Савки с управляющим Карлой, в неразумном гневе убивающим отличную охотничью собаку («На шихане», 1884).

Отсутствие интеллектуальной среды для маминских тружеников отчасти восполняется постоянным общением с миром животных, домашних и диких. Кульминационными в таких случаях становятся эпизоды, когда человек и животное оказываются равноправными действующими лицами. В рассказе «Зимовье на Студеной» Елеска *оплакивает* своего верного друга Музгарку; в «Последней тебе» поп Савелий, который спешит к умирающей жене лесника Евтропа, *уговаривает* норовистую Лысанку выдернуть сани из сугроба; в рассказе «Емеля-охотник» ведется своего рода *диалог* между охотником, который хочет порадовать заболевшего внука «желтеньким олененком», и маткой-оленихой, берегающей от выстрела своего детеныша, в ходе чего охотник оказывается буквально покорен самоотверженностью оленихи.

Уникально искусство Мамина-Сибиряка в передаче народной речи. Маминские сплавики, рыбаки и охотники не путаются в словах, не засоряют литературный язык псевдонародными «туды-сюды», «тае — не тае», «покеда», «таперича» и т. д. Однако в их языке нет ни одного фальшивого оборота, чуждого народной стилистике. Речь Елески (рассказ «Зимовье на Студеной») строго логична, содержательна и эмоциональна. Стоит прислушаться к тому, как он делится с заезжим приказчиком своими редкими радостями: «У меня по весне праздник бывает, милый человек, когда с теплого моря птица прилетит. И сколько ее летит: туча... По Студеной-то точно ее насыпано... Всякого сословия птицы: и утки, и гуси, и кулики, и чайки, и гагары... Выйдешь на заре, так стон стоит по Студеной. И нет лучше твари, как перелетная птица: самая божья тварь... Большие тыщи верст летит, тоже устанет, затокает и месту рада. Прилетела, вздохнула денек и сейчас гнездо налаживать... А я хожу и смотрю: мне бог гостей прислал. И как наговаривают... Слушаешь, слушаешь, инда слеза проймает. Любезная тварь — перелетная птица... Я ее не трогаю, потому трудница перед Господом. А когда гнезда она строит, это ли не божецкое произволье... Человеку так не соорудить. А потом матки с выводками на Студеную выплывут... Красота, радость... Плавают, полощутся, гогочут... Неочерпаемо здесь перелетной птицы. Праздником все летечко прокатится, а к осени начнет птица грудиться стайками: пора опять в дорогу. И собираются, как люди... Лопочут по-своему, суетятся, молодых учат, а потом и поднялись... Ранним утром снимаются с места, вожак в голове летит. А есть и такие, которые остаются: здоровьем слаба выйдет, или позднышки выведутся... Жаль на них глядеть. Кричат, бедные, когда мимо них стая за стаей летит. На Студеной все околачиваются. Плавают-плавают, пока забереги настынут, потом в полыньях кружатся... Ну, этих уже я из жалости пришибу. Што ей маяться-то, все равно гибнет...» [Мамин-Сибиряк, 1953–1955, т. 6, с. 562–563].

Принципиальное значение имеет неослабевающий интерес писателя к психологии старообрядчества — со второй половины 1870-х до начала 1900-х гг. Мамина привлекают в старообрядцах исконные черты великорусского типа: привычка к труду, который, по словам современного писателя Алексея Иванова, был «религией» кержаков; крепость и чистота нравов, трезвость и твердость убеждений. Не исключается вместе с тем фанатическая приверженность к устаревшей системе религиозных догм, которая со временем превращается в отрицание технического прогресса (см. исповедь старообрядческого архиерея Кириллы в рассказе «Великий грешник», 1893).

Итак, Мамин-Сибиряк поистине неповторим в постижении русского национального характера. Особую значимость его произведениям придают упоминания отдельных исторических лиц: протопопа Аввакума (рассказ «Сибирские старцы, кухарка Агафья и гражданки Рихтер»), Степана Разина и Емельяна Пугачева (цикл «Преступники»), выходцев из старообрядческого рода бояр Морозовых (роман «Без названия»). Это все знаки глубинного исторического мышления, свидетельствующие о способности писателя соотносить позднейшие по времени события с фактами тысячелетней истории России.

Бажов П. П. Письма. Дневники. Свердловск, 1945. [Bazhov P. P. Pis'ma. Dnevnik. Sverdlovsk, 1945.]

Батюшков Ф. Д. В. Г. Короленко как человек и писатель. М., 1920. [Batyushkov F. D. V. G. Korolenko kak chelovek i pisatel'. M., 1920.]

Горький М. Из очерка «Чужие люди» // Воспоминания о Д. Н. Мамине-Сибиряке. Свердловск, 1936. [Gor'kij M. Iz ocherka «Chuzhie lyudi» // Vospominaniya o D. N. Mamine-Sibiryake. Sverdlovsk, 1936.]

Зырянов О. В. Художественная аксиология Д. Н. Мамина-Сибиряка. Общероссийский статус уральского писателя // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2. Гуманитар. науки. 2012. № 4 (108). С. 124–136. [Zyryanov O. V. Khudozhestvennaya aksiologiya D. N. Mamina-Sibiryaka. Obscherossijskij status ural'skogo pisatelya // Izv. Ural. feder. un-ta. Ser. 2. Gumanitar. nauki. 2012. N4 (108). S. 124–136.]

Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч. : в 12 т. Петроград, 1915–1917. [Mamin-Sibiryak D. N. Poln. sobr. soch. : v 12 t. Petrograd, 1915–1917.]

Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. : в 8 т. М., 1953–1955. [Mamin-Sibiryak D. N. Sobr. soch. : v 8 t. M., 1953–1955.]

Мамин-Сибиряк Д. Н. Рассказы разных лет. Свердловск, 1985. [Mamin-Sibiryak D. N. Rasskazy raznykh let. Sverdlovsk, 1985.]

Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч. : в 20 т. Екатеринбург, 2002. Т. 1. [Mamin-Sibiryak D. N. Poln. sobr. soch. : v 20 t. Ekaterinburg, 2002. T. 1.]

Мамин-Сибиряк Д. Н. Уральские рассказы : в 2 т. Свердловск, 1983. Т. 1. [Mamin-Sibiryak D. N. Ural'skie rasskazy : v 2 t. Sverdlovsk, 1983. T. 1.]

Соболева Л. С. Репрезентация родового мира в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2. Гуманитар. науки. 2012. № 4 (108). С. 137–148. [Soboleva L. S. Reprezentatsiya rodovogo mira v tvorchestve D. N. Mamina-Sibiryaka // Izv. Ural. feder. un-ta. Ser. 2. Gumanitar. nauki. 2012. N4 (108). S. 137–148.]

Успенский Г. Власть земли. М., 1988. 400 с. [Uspenskij G. Vlast' zemli. M., 1988. 400 s.]

Чехов А. П. Собр. соч. : в 12 т. М., 1954–1957. [Chekhov A. P. Sobr. soch. : v 12 t. M., 1954–1957.]

Статья поступила в редакцию 03.04.2014 г.

УДК 821.161.1 Бунин-3 + 82(091)

Н. В. Пращерук

**«ОНЕГИНЫ В ЛАПТЯХ И ЗИПУНАХ» И «ПОДПОЛЬНЫЕ» ЛЮДИ
В РАССКАЗАХ И. А. БУНИНА 1909–1913 ГГ.**

Исследуется типология народных характеров в рассказах И. А. Бунина 1909–1913 гг. Преимущественное внимание уделяется героям, утратившим патриархальную цельность, сознание и поведение которых осложнено разного рода психологическими комплексами. Показано, что, создавая такие характеры, Бунин-художник опирался на традиции и открытия русской литературы в изображении дворянского и разночинского интеллигента.

Ключевые слова: национальный характер; человек из народа; психологизм; дворянский интеллигент; «подпольный» герой; традиция; беспочвенность; разлад с миром; отчужденность.

В 27-м выпуске знаньевского сборника (1909), целиком посвященного деревне, публикуется рассказ И. А. Бунина «Беден бес» («Птицы небесные»). Его герой, студент Воронов, задает себе вопрос, полный скрытого драматизма: *дикари* ли эти люди, которых он встретил, — нищий, отказывающийся от ночлега в усадьбе и замерзающий на дороге; жалкий лысый сторож — георгиевский кавалер; лохматый мужик, радующийся тому, что получил от попа разрешение похоронить дочь в одной могиле с нищим... Этим вопросом заканчивается рассказ¹, положивший начало блестящей «крестьянско-дворянской эпопее», созданной Буниным в 1910-е гг. и отмеченной не только новой, объективно-аналитической манерой письма, но и беспрецедентными открытиями в изображении человека из народа и русского национального характера.

В следующем году журнал «Современный мир» печатает повесть «Деревня», взволновавшую современников глубиной и мастерством изображения деревни и русской жизни в целом и разрушившую многие стереотипы в восприятии Бунина-художника [Колтоновская; Гуревич, с. 157–172; Крайний (Гипсиус), с. 15–16; Дерман, 1916, с. 23–27; Кранихфельд, с. 341–355; Тальников, 1916 и др.]. Так, А. Дерман, приверженец достаточно распространенной в то время идеи о том, что «Бунин — небывалый пример писателя, равнодушного к России», вынужден теперь признать: «Писатель равнодушен к России, но против... воли все-таки волнуется ее судьбами...» [Дерман, 1914, с. 71]. Основанием для такого рода суждений, вероятно, послужили парадоксальные высказывания самого Бунина, воспринятые вне понимания конкретных жизненных ситуаций и вне контекста его творчества в целом².

¹ Такой вариант рассказа был напечатан в сборнике. В последующих редакциях Бунин «целиком снял третью (последнюю) главу...» [Бунин, 1966–1967, т. 2, с. 523]. Далее все произведения И. А. Бунина цитируется по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте статьи.

² Так, в ранней редакции путевого очерка «Тень птицы» (1908), стремясь акцентировать состояние свободы, «выключенности» из проблематики «родного» хотя бы на время, бунинский повествователь замечает: «...С радостью вспоминаешь, что Россия уже за триста миль от тебя. Ах, никогда-то я не чувствовал любви к ней и, верно, так и не пойму, что такое любовь к родине, которая будто бы присуща всякому человеческому сердцу» [3, с. 428].

Устойчивой и популярной оказалась и точка зрения критика Д. Тальникова о понимании Буниным России как страны, якобы пребывающей в первобытности, а также о преимущественной модели бунинского мужика как фатально атавистическом типе: «...В такой стране делать нечего, такая страна с таким народом обречена на гибель. Это острое признание нашей эпохи нашло единственного и смелого выразителя своего в лице Бунина. За разрешением вопроса о жизнеспособности Руси естественно пришлось пройти по “весям” ее, к основе ее, ее силе — деревне» [Тальников, 1912]. В деревне же, по его мнению, Бунин увидел мужика, который «остался весь в своей прежней связи с клочком земли, в которую ушел весь... Здесь он оступел, застрял на той же “рюриковой” точке развития, на какой был тысячу лет назад, глухой ко всем голосам жизни...» [Тальников, 1916, с. 296].

Очевидно, что, апеллируя к заданному и достаточно узкому кругу произведений и персонажей, критик чрезвычайно искажает и упрощает концепцию Бунина. Действительно, в целом ряде рассказов («Птицы небесные», «Древний человек», «Ночной разговор», «Будни») художник рисует представителя крестьянской среды примитивным, темным, жестоким. Герой-повествователь, который изображается Буниным иронически и который в отношении к народу руководствуется наивными, книжно-умозрительными представлениями, в финале обычно потрясен открывшейся ему «правдой» о мужике: он замирает от страха перед его звероподобием («Ночной разговор»), утверждает в мысли о необходимости револьвера при общении с мужиком («Будни») или испытывает полное разочарование от разговоров с ним, так и не добившись от него каких-либо открытий или обобщений («Древний человек»). В этих рассказах писатель трактует патриархального героя как представителя определенного типа мироотношения и поведения, в основе которых — полная безотчетность. По нравственной ориентации этот тип полярен: он представлен художником натурами стихийно нравственными и стихийно безнравственными (в состоянии «вне морали»). На первом полюсе — Анисья («Веселый двор»), которая живет «с неосознаваемой готовностью отдать кому-нибудь душу» (вообще слова «смутный», «неосознаваемый», «неопределенный» становятся ключевыми при характеристике психологического облика подобных персонажей); примитивно-безобидный Таганок («Древний человек»), Иванушка и Кошель («Деревня»); на втором — страшные фигуры Акима и героев «Последнего дня» и «Ночного разговора».

Эти персонажи характеризуются полным отсутствием всякой самооценки, что определяет поразительную, иногда пугающую цельность их натур, полное согласие с собой и с миром. Они подчеркнута естественно, буднично выполняют любое дело (и также естественно рассказывают об этом): Аким продает жену за пятиалтынный; работники Петр и Сашка хладнокровно убивают помещичьих собак, весело ведя подсчеты, сколько им приходится за «работу»; Иванушка покорно идет умирать, увидев приготовленный для него гроб; Анисья вся растворяется в своем желании повидать сына и т. п. Однако следует отметить (и тем самым существенно скорректировать, если не опровергнуть вообще точку зрения Д. Тальникова и его последователей [Кучеровский, с. 120–122]), что

при всей колоритности этих персонажей они далеко не исчерпывают галерею бунинских героев из народа и не являются наиболее показательными для характерологии писателя.

Изнутри и хорошо зная жизнь помещичье-крестьянской России, Бунин в изображении человека из народа, во-первых, исходил из представлений о его психологической сложности, а во-вторых, он последовательно отстаивал идею глубинного психологического и нравственного родства мужика и дворянина, мужика и интеллигента. Так, он заявлял, например, следующее: «Я всю жизнь прожил в деревне, сам дворянин и хочу теперь сказать свое слово о деревне, мужике и барине... В своих произведениях я хочу выразить, что психика была и есть одинакова — что у мужика, что у дворянина. Небольшая разница вытекает из материального неравенства» [Бунин, 1987–1988, т. 3, с. 637].

Поэтому самыми репрезентативными в его характерологии стали герои, представляющие собой попытку перенести весь комплекс психологических и характерологических черт дворянского и разночинского интеллигента, открытый русской литературой XIX в., в простонародную среду. Это были герои, которых, по меткому выражению Е. Чирикова (правда, он применил эту характеристику к персонажам сходного типа у Горького), можно назвать «Онегины в лаптях и зипунах» [Чириков, с. 22]. Художник исследует сознание, в котором сложно взаимодействуют непосредственные силы, органическая связь с природой, землей и усвоенные на глубинном, эмоционально-чувственном уровне определенные интеллигентские комплексы — разлад с миром, «мука скуки и недовольства всем», психологическое «подполье», страсть к личинам, тяга к саморазрушению и наслаждение им. При этом социальная детерминированность характера «поглощается» общенациональной.

С первых же страниц рассказов «Игнат» и «Ермил» подчеркивается «скрытность» этих персонажей, за которой угадывается разлад с миром. Об Игнате говорится: «Непроще, скрытнее его не было много во всех Извалах» [4, с. 7]. Еще более красноречива характеристика Ермила: «Как многие из тех, что никогда не видали добра ни от начальника, ни от ближнего, он давно мечтал быть от людей подальше. Они его не любили, он их чуждался. Они им помыкали, думая, что он дурак и безответный. Он же, помалкивая, копил в себе утеху — злое сознание, что далеко не так он прост, как думают» [4, с. 48–49]. А. Бабореко в примечании к рассказу связывает замысел «Ермила» с записью в дневнике 9 мая 1912 г.: «Юлий, Митя и я ездили в Симонов монастырь. Потом в пятом часу были у Тестова. Говорили о Тимковском (о писателе Н. И. Тимковском. — А. Б.), о его вечной молчаливой неприязни к жизни. Об этом стоит подумать для рассказа» [Бунин, 1987–1988, т. 3, с. 637].

Народная среда, «почва», по Бунину, не спасает человека от раздвоенности, состояний полной отчужденности от всего и всех: правда, бунинский «подпольный» человек не слишком интеллектуален, более активен и последователен, чем его литературные предшественники. Однако сходство психологической основы поведения очевидно: разлад с миром и сознательное разрушение связей с ним, изоляция от мира, оправдание подлости и страсть самоутверждения.

Разрабатывая психологическую проблематику Достоевского на ином материале [Пращерук, с. 23–31], Бунин представил персонажей, которых К. Чуковский в свое время очень точно назвал «виртуозами саморазорения, гениями самоуничтожения и гибели» [Чуковский, с. 94]. В ряду таких героев первым может быть назван Егор («Веселый двор»). Художник показывает, как со странным и мучительным упорством герой, не умеющий «ничего нашить», «привыкший шататься по чужим избам» и жить чужими жизнями, бессмысленно губит и, в конце концов, уничтожает себя. Бунин подчеркивает в герое раздвоенность психологических состояний: «Глухое раздражение... против всех гурьевцев все-таки сидело в нем, не поддавалось работе ума, досадно вертелось в голове, как стертая гайка. Он уже давно освоился с тем, что часто шли в нем сразу два ряда чувств и мыслей: один обыденный, простой, а другой — тревожный, болезненный» [3, с. 300]. В отношении к миру — уже знакомая неприязнь. Существование томит его: «Живут-то, живут, а на кой черт, спрашивается?» [3, с. 302] — и это ощущение, по мнению Егора, дает ему право считать, что он умнее других, что он «один мог бы сказать что-нибудь путное, если бы ему не мешали разобраться в мыслях» [3, с. 304]. Тема психологического «подполья» усиливается введением родственного Егору персонажа, который снимает его исключительность, дает возможность находить в нем коренные для русского человека черты: «Кузнец был горький пьяница и тоже полагал, что умней его во всем селе нет, что и пьет-то он по причине своего ума. Разве ему кузнецом быть! Он всю жизнь не мог примириться со своей долей, люто презирал село...» [3, с. 305].

19 мая 1912 г. Бунин сделал в дневнике характерную запись: «От Орла — новизна знакомых впечатлений, поля, деревни, все родное, какое-то особенное, орловское; мужики с замученными скукой лицами. Откуда эта мука скуки, недовольства всем? На всем земном шаре нигде нет этого» [Бунин, 1987–1988, т. 6, с. 341]. Думается, попытка дать ответ содержится в рассказе. Не случайно повествование строится на параллельном рассмотрении судеб двух главных героев: Егора и Анисьи. Эти два характера объединены, казалось бы, самой кровной, органической связью: сын — мать. Между тем сын равнодушен к судьбе матери. И не потому, что он как-то уж особенно жесток. Напротив, Егор, как отмечает повествователь, был «подобрей характером», нежели его отец. Все дело в том, что душа героя свободна от каких бы то ни было связей — межличностных и социальных, от воспоминаний и привязанностей: «Он не признавал ни семьи, ни собственности, ни родины» [3, с. 280]. Мать — было то последнее, зыбкое, что включало Егора в еще существующую — пусть по инерции — традицию жизни. После смерти Анисьи последняя нить, связующая его с этой традицией, оборвалась. Во время похорон Егор «смутно думал... о том, что вот жизнь его переломилась — началась какая-то иная, теперь уж совсем свободная» [3, с. 309]. Страшное самоубийство закономерно завершает жизнь, представляющую собой цепь «самоосвобождений».

Груз полного отречения также губителен для человека, как безоглядное следование раз и навсегда воспринятым догмам. В контексте размышлений Бунина о значении «культурного быта» в формировании личности [9, с. 421] общий

смысл рассказа, его финал воспринимаются трагически. Что могли передать «бессознательные натуры» своим потомкам в условиях резко изменившейся жизни, кроме растерянности перед ней и страха? По-человечески высокая потребность Анисьи «отдать кому-нибудь душу», безоглядно реализуемая в любви к беспутному сыну, теряет свой нравственный смысл, когда утрачиваются семейные и духовные связи. В рассказе показана трагедия беспочвенности.

Утратившим живую, осмысленную традицию видится художнику и весь быт русской деревни: село Гурьево «большое, старинное, с просторными выгонами», а церковь там «грубая, скучная, какая-то чуждая всему, училище имеет вид волостного правления, ветряк неуклюж, тяжел, работает редко» [3, с. 297]. Гибель таких людей, как Егор и Анисья (как, впрочем, и любых других) воспринимается как повседневность, будничное явление. Логика такого подхода подтверждается писательскими признаниями. 4 января 1912 г. он пишет брату: «Кончил и расширил рассказ про Егорку-печника и его мать, назвал так: “Мать и сын, будничная повесть”. Под новый год читал у Горького. Все очень хвалили, сам Горький — сдержанно, намекнул, что России я не знаю, что наши места не типичны, “гиблые места”. Думаю, что Горький полагает, что касаться матерей, души русского народа — это его специальность, он даже Гоголя постоянно толчет с г... за “Мертвые души” — писал Гоголь Ноздревых да Собакевичей, а Киреевского, Хомякова, Бакунина проглядел» (Письмо, № 2824). «Сдержанная» оценка Горького объясняется — и это понимал сам художник — жесткостью, беспощадностью изображения и общей интонации рассказа.

Бунин как будто отвечает на известное признание Достоевского о «подпольном»: «Я горжусь, что впервые вывел настоящего человека *русского большинства* и впервые разоблачил его уродливую и трагическую сторону...» [Достоевский, с. 329]. Отвечает своими «подпольными» из простонародной среды, усиливая общенациональное значение открытого Достоевским типа, но при этом делает акцент на изображении его «уродливой стороны».

Завершает галерею бунинских саморазрушителей Паша из рассказа «Я все молчу» — человек болезненного до изоциренности сознания, отталкивающий в своем самоуничтожении и самолюбании. Через весь рассказ художник ведет главную линию поведения героя — его «бескорыстное» актерство. Будучи единственным сыном и наследником «первого человека в округе» — сельского лавочника, он уже в ранней молодости начал готовить себя «к той роли, в которой достиг он впоследствии такого совершенства» [4, с. 222]. Эта роль «человека, чем-то кровно оскорбленного» [4, с. 223], добровольно взятая на себя героем и в которую он «все более втягивался», придает Паше в собственных глазах необычность и весомость. Автор подчеркивает, какой значительностью пытается герой наполнить повторяемые им на протяжении всего рассказа слова: «я молчу! я все молчу!»

Художник описывает страшный социально-психологический феномен русской жизни — человека, сросшегося со своей личиной, ослепленного ей и упивающегося своим жалким положением: «В будни он тупеет от скуки, от долгого сна, от того, что никто не обращает внимания на него, никто его

не слушает; его хвастовство своим прежним богатством, его намеки на то, что будто бы таится у него в душе... давно всем надоели; нынче же праздник, нынче он будет страшно, до беспамятства избит на глазах этой толпы — и вот он уже входит в свою роль, он возбужден, челюсти его крепко сжаты, брови искажены...» [4, с. 228]. Шаша разрушает семью, быт, истребляет здоровье и нормальный человеческий облик, потому что жить ему нечем — утрачены те исконные, живые связи, которые питают душу. Это касается даже самых близких, родственных отношений. В отношениях Шаши и его отца — взаимная неприязнь, ненависть, желание взять верх. Он даже тогда, когда Роман умер, «злорадно горд был» [Там же]. Стремление героя «выломиться» из привычного бытия продиктовано потребностью заполнить зияющую пустоту в душе, приглушить ненависть к окружающему, заменить отсутствие подлинной жизни хотя бы призрачной, «сыгранной». Шаша остается верен своей роли до конца: в финале рассказа мы видим его, слепого и калеку, «равноправным членом, кость от кости, плоть от плоти нищей орды» [4, с. 231]. Показывая жизненный итог Шаши, повествователь задается вопросом: «И к чему вообще так настойчиво и неуклонно идет он, изо дня в день опустошая свое разоренное жилье, стремясь дотла искоренить даже следы того, что так случайно было создано диким гением Романа, и непрестанно алкая обиды, позора и побоев?» [4, с. 229]. А потом идет обобщение, которое прямо отсылает нас к общенациональной трактовке этого характера: «В жажде самоистязания, отвращения к узде, к труду, к быту, в страсти ко всяким личинам, и трагическим и скоморошеским, — Русь издревле и без конца родит этих людей» [Там же]. Бунин беспощаден к таким персонажам. В 1916 г. в стихотворении «На исходе» он напишет: «Ходили в мире лже-Мессии, — / Я не прельстился, угадал, / Что блуд и срам их литургии / И речь — бряцающий кимвал» [1, с. 436]. А в 1924 г. в рассказе «Слава» художник выскажется еще более резко, коснувшись уже самого отношения к такого рода лжестранникам и лжепророкам: «Мы, русичи, исконные поклонники плутов и вырождков... и эта наша истинно замечательная особенность, наша “бабская охота ко пророкам лживым” есть предмет, достойный величайшего внимания» [5, с. 165].

В рассмотренных рассказах герой представлен Буниным как раздвоенная и распадающаяся личность. В этих личностях в качестве ведущих черт выделены утрата цельности, «неприязнь к жизни», порождающая «муку скуки, недовольства всем», «подпольные» комплексы. Все это показано через отношение героев к миру в целом, к среде, в которой они существуют, и, наконец, к самым близким людям. Непосредственные, органические связи ими утрачены — эта идея принципиально усиливается художником, когда он рисует их родственные или близкие отношения. Сюжет строится, в основном, на конфликте близких людей: мать — сын, сын — отец, муж — жена. Даже характер Ермила раскрывается отчасти через историю его неудачной женитьбы. Отношения зиждятся либо на равнодушии, либо искажены мучительством, самоутверждением одного за счет другого. Одиночество, пустота и в личном, и в социальном плане не переносимы для человека. Они восполняются в бунинском герое уродующим, извращающим человеческую природу способом: преступлением, самоубийством,

фанатическим исполнением придуманных самим себе ролей, выставлением напоказ своих унижений.

Такой представитель национального сознания, безусловно, отличается от бунинской модели патриархального человека. И не только тем, что он эмоционально и психологически сложен. У патриархального человека (Д. Тальников называл его «атавистическим типом») отсутствует «неприязнь к жизни», он сам «плоть от плоти ее», он не отделяет свое «я» от целого, бессознательно несет в себе и традицию национальной жизни, и ее догмы.

Герои же, подобные Игнату, Егору или Шаше, уже отделили свое «я» от целого, отмечены, если можно так сказать, определенным личностным ростом. Однако потери оказались едва ли не значительней приобретений. Элемент личностной свободы им не во благо, они не могут обрести подлинно человеческое существование.

Вместе с тем, так основательно углубившись в непростую психологическую проблематику, художник, обладающий объемным философским видением, не ограничивается только беспощадным обнажением язв народного сознания, которое «заражено» дворянским интеллигентским скепсисом и комплексами. В рассказах «Худая трава», «Аглая», «Захар Воробьев», «Лирник Родион», «Хороших кровей», написанных в этот же период, в изображении исканий Кузьмы Красова (повесть «Деревня») и некоторых других персонажей Бунин раскрывает совершенно иные возможности русской души, показывает ее живой, способной к творчеству, духовному подвигу, созиданию. Но это тема другого исследования.

Бунин И. А. Собр. соч. : в 9 т. М., 1966–1967. [Bunin I. A. Sobr. soch. : v 9 t. M., 1966–1967.]

Бунин И. А. Собр. соч. : в 6 т. М., 1987–1988. [Bunin I. A. Sobr. soch. : v 6 t. M., 1987–1988.]

Гуревич Л. Я. Заметки о современной литературе. Без мерил // Рус. мысль. 1910. № 5. С. 157–172. [Gurevich L. Ya. Zametki o sovremennoj literature. Bez meril // Rus. mysl'. 1910. N5. S. 157–172.]

Дерман А. И. А. Бунин // Рус. мысль. 1914. № 6. С. 52–75. [Derman A. I. A. Bunin // Rus. mysl'. 1914. N6. S. 52–75.]

Дерман А. Победа художника (Рассказ «Господин из Сан-Франциско») // Рус. мысль. 1916. № 5. С. 23–27. [Derman A. Pobeda khudozhnika (Rasskaz «Gospodin iz San-Frantsisko») // Rus. mysl'. 1916. N5. S. 23–27.]

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 16. Л., 1976. [Dostoevskij F. M. Poln. sobr. soch. : v 30 t. T. 16. L., 1976.]

Колтонооская Е. А. Критические этюды. СПб., 1912. 292 с. [Koltonovskaya E. A. Kriticheskie etyudy. SPb., 1912. 292 s.]

Крайний А. (Гиппиус З. Н.). Литературный дневник // Рус. мысль. 1911. № 6. С. 15–21. [Krajnij A. (Gippius Z. N.). Literaturnyj dnevnik // Rus. mysl'. 1911. N6. S. 15–21.]

Кранихфельд В. Литературные отклики. И. А. Бунин // Современный мир. 1912. № 11. С. 341–355. [Kranikhfel'd V. Literaturnye otkliki. I. A. Bunin // Sovremennij mir. 1912. N11. S. 341–355.]

Кучеровский Н. М. Эстетическая концепция жизни в каприйских рассказах И. А. Бунина // Русская литература XX века (дооктябрьский период). Калуга, 1971. Сб. 3. С. 109–155.

[Kucherovskij N. M. Esteticheskaya kontseptsiya zhizni v kaprijskikh rasskazakh I. A. Bunina // Russkaya literatura XX veka (dooktyabr'skij period). Kaluga, 1971. Sb. 3. S. 109–155.]

Письмо И. А. Бунина к Ю. А. Бунину, 4 января 1912 г. РО ОГЛМТ. Ф. 14. № 2824. [Pis'mo I. A. Bunina k Ju. A. Buninu, 4 yanvarya 1912 g. RO OGLMT. F. 14. N 2824.]

Пращерук Н. В. Диалог-полемика с Достоевским // Пращерук Н. В. Диалоги с русской классикой: о прозе И. А. Бунина. Екатеринбург, 2012. С. 23–31. [Prascheruk N. V. Dialog-polemika s Dostoevskim // Prascheruk N. V. Dialogi s russkoj klassikoj: o proze I. A. Bunina. Ekaterinburg, 2012. S. 23–31.]

Тальников Д. О чизже, дятле и свободном человеке // Одесские новости. 1911. 10 марта. [Tal'nikov D. O chizhe, dyatle i svobodnom cheloveke // Odesskie novosti. 1911. 10 marta.]

Тальников Д. Об И. А. Бунине // Одесские новости. 1912. 15 января. [Tal'nikov D. Ob I. A. Bunine // Odesskie novosti. 1912. 15 yanvarya.]

Тальников Д. При свете культуры (Чехов, Бунин, Подъячев, Вольный) // Летопись. 1916. № 1. С. 276–299. [Tal'nikov D. Pri svete kul'tury (Chekhov, Bunin, Pod'yachev, Vol'nyj) // Letopis'. 1916. N1. S. 276–299.]

Чириков Е. Русский народ под судом Максима Горького. М., 1917. 61 с. [Chirikov E. Russkij narod pod sudom Maksima Gor'kogo. M., 1917. 61 s.]

Чуковский К. И. Ранний Бунин // Вопр. литературы. 1968. № 5. С. 83–101. [Chukovskij K. I. Rannij Bunin // Vopr. literatury. 1968. N 5. S. 83–101.]

Статья поступила в редакцию 30.03.2014 г.

УДК 821.161.1 Набоков-3 + 325.2 + 316.356.4

А. А. Накарякова

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГЕРОЕВ В. НАБОКОВА: «РУССКИЕ» СРЕДИ «ПРИЗРАЧНЫХ ИНОСТРАНЦЕВ»

Статья посвящена важной и неоднозначной в творчестве В. Набокова проблеме национальной идентификации. На материале прежде всего русскоязычной прозы Набокова рассмотрены варианты национальной рефлексии и проявления «русского начала» в его персонажах. В ходе анализа «русские» герои Набокова были условно разделены на два лагеря — культивирующих собственную «русскость» и прячущих ее. Такое противопоставление вполне соответствует авторскому мировоззрению и авторской поэтике, где многое держится на антитезе.

Ключевые слова: эмигранты; «русскость»; нация; национальная идентификация; самоидентификация; народ; Владимир Набоков.

Для большинства русских писателей интерес к своему народу, стремление понять и отразить душу «маленького человека» является важнейшей составляющей творческого мира. Писательская позиция Владимира Набокова в этом плане представляет собой исключение. Прежде всего, следует отметить, что своих персонажей прозаик выбирает из достаточно узкого социального круга.

На это обратила внимание З. Шаховская, заметив, что «в набоковской России отсутствует русский народ, нет ни мужиков, ни мещан. Даже прислуга — некий аксессуар, а с аксессуаром отношений не завяжешь. <...> Низшая каста, отразившаяся в набоковском творчестве, — это гувернантки и учителя. Если невозможно себе представить Пушкина, Толстого, Гоголя, Лескова без русского человека-простолюдина, герои Набокова все замкнуты в узкий круг богатой буржуазии, высшего чиновничества и интеллигенции» [Шаховская, с. 63–64].

Действительно, в мире Набокова почти нет места людям низших сословий. Представители некоторых профессий для писателя явно не представляют интереса, и люди, занимающие соответственные социальные ниши, остаются для читателя масками. Так, уже в «Машеньке» приоритеты писателя очевидны. Многочисленные берлинские швейцары, почтальоны, горничные остаются тенью. Они, словно статисты, окружают главных героев, они не наделены оригинальными чертами характера, выраженной индивидуальностью. Даже гувернантки, упоминаемые при рассказе о детстве героя, описаны без всякой сентиментальности, чаще с иронией. Так, например, в романе «Защита Лужина» несколько слов посвящается гувернантке маленького Лужина: «Тучная француженка, читавшая ему вслух “Монте-кристо” и прерывавшая чтение, чтобы с чувством воскликнуть “бедный, бедный Дантес!” предлагала его родителям, что сама возьмет быка за рога, хотя быка этого смертельно боялась» [Набоков, 1990, т. 2, с. 5]¹. И Смуров из повести «Соглядатай» в тот момент, когда читает своим воспитанникам «Роман с контрабасом», изображен скорее с насмешкой, чем с сочувствием. Преподаватель фехтования и гимнастики м-сье Маскара (рассказ «Обида»), страдая животом, постоянно прерывает занятие и «потайными ходами, ущельями книжных шкапов, дремучими коридорами, удаляется на полчаса в нужное место» [2, с. 354]. А школьные учителя всегда «ненароком и некстати» [2, с. 355] объявляют при всем классе вещи, которые ученик, маленький Лужин или Путя, был бы рад сохранить в тайне.

В этом плане трудно не согласиться с мнением Шаховской о «социальном снобизме» Набокова. «Русский народ» не нашел своего отражения в прозе писателя. Проблема сочувствия «маленькому человеку» для него вряд ли актуальна, он выбирает иной ракурс изображения.

В то же время нечто, неуловимо связанное с понятием «народ» (или «национальность»), в прозе Набокова, несомненно, присутствует.

С одной стороны, фактор национальности крайне интересен в связи с откровенно декларируемым космополитизмом самого писателя. Набоков отмечает в одном из своих интервью: «Моей кормилицей и первой нянькой была англичанка. Потом появились гувернантки-француженки. В ту пору я, разумеется, постоянно общался и на русском. Затем было семь или восемь английских гувернанток, учитель-англичанин, а также учитель-швейцарец» [Набоков, 2001, с. 61]. На вопрос журналиста о потере Родины писатель заявляет: «Почвы я не терял. Даже если бы в России нежданно-негаданно не случилось революции,

---

¹ В дальнейшем произведения В.Набокова русского периода цитируются по данному изданию с указанием в скобках номера тома и страницы.

я жил бы во Франции или Италии. Моя либеральная в политическом плане и космополитическая семья приучила меня жить в интернациональном климате, где французский и немецкий языки занимали то же место, что и русский. В отличие от Бунина, представителя традиционной России, я таковым не являюсь. Я чувствую гораздо более тесную связь, например, с Кафкой. <...> На самом деле я очень близок к французской литературе, и я не первый русский писатель, который в этом признается!» [Набоков, 2001, с. 80].

Набоков неоднократно и в разное время подчеркивал второстепенность принадлежности писателя и человека вообще к той или иной нации: «Я всегда, еще с гимназических лет в России, придерживался того взгляда, что национальная принадлежность стоящего писателя — дело второстепенное. Чем характернее насекомое, тем меньше вероятности, что систематик поглядит сначала на этикетку, указывающую на происхождение приколотого образчика, чтобы решить, к какой из нескольких не вполне определенных разновидностей его следует отнести. Искусство писателя — вот его подлинный паспорт. Его личность тут же удостоверяется особой раскраской и неповторимым узором. Происхождение может подтверждать правильность того или иного видового определения, но само оно обуславливать его не должно. Известно, что бессовестные торговцы бабочками нередко подделывают этикетки. Вообще же я сейчас считаю себя американским писателем, который когда-то был русским» [Там же, с. 210].

Несмотря на все эти заявления, для Набокова, конечно, чрезвычайно важна изначальная («фамильная») национальная идентичность, и в этом, без сомнения, отразилась непреходящая боль от потери Родины. В книге «Другие берега» прозаик с иронией замечает: «Оглядываясь на эти годы вольного зарубежья, я вижу себя и тысячи других русских людей ведущими несколько странную, но не лишённую приятности жизнь в вещественной нищете и духовной неге, среди не играющих ровно никакой роли призрачных иностранцев, в чьих городах нам, изгнанникам, доводилось физически существовать. Туземцы эти были как прозрачные, плоские фигуры из целлофана, и хотя мы пользовались их постройками, изобретениями, огородами, виноградниками, местами увеселения и т. д., между ними и нами не было и подобия тех человеческих отношений, которые у большинства эмигрантов были между собой» [4, с. 283]. Эти «призрачные иностранцы», однако, отнюдь не безлики, и в произведениях Набокова обретают весьма характерные черты. И если в своих интервью писатель дипломатично отзывается о жителях стран, в которых он бывал в годы скитаний («Там, как и везде, есть свои зануды и интересные личности, свои филистеры и порядочные люди. Все общества материалистичны. И были таковыми еще тогда, когда писали гусиными перьями и присыпали сохнувшие чернила песком»), то в произведениях своих он расставляет акценты и выделяет приоритеты достаточно откровенно. Однако на этом фоне персонажи русские все равно выглядят совсем иначе, несравнимо живее и объемнее.

Если говорить о русских персонажах, следует отметить, что они, как правило, эмигранты. Разумеется, нельзя не отметить тот факт, что отношения писателя Сирина с эмигрантской средой никогда не были простыми. С одной

стороны, невозможно отрицать, что Набоков был частью эмигрантского круга и по происхождению, и по мировоззрению, и по воле судьбы. Он во многом зависел от своих соотечественников-изгнанников, их мир был необходим писателю, давая возможность физического выживания и творческого становления. Молодой Набоков был связан с другими эмигрантами первой волны общей судьбой, общими надеждами, воспоминаниями, взглядами. В то же время он изначально чувствовал себя одним из тех, чья мысль живет не в общем доме, кто может состояться, лишь будучи одиночкой. Он не выносил всевозможных литературных обществ и кружков, хотя вынужден был их посещать (чего стоит хотя бы гротескно выведенное в «Даре» «Общество Русских Литераторов в Германии» [3, с. 283]), всячески старался подчеркнуть свою независимость от мнения собратьев по перу и нередко резко отзывался о многих писателях своего круга (общеизвестны его ссоры с Г. Ивановым и Г. Адамовичем, его конфликт с молодыми «числовцами»).

Эти противоречивые взаимоотношения с русским эмигрантским окружением нашли свое отражение в том, как Набоков изображает своих соотечественников на страницах художественных произведений. Конечно, для персонажей-эмигрантов, оказавшихся вдали от родины, крайне важно сохранить свою русскую целостность, не раствориться в окружающей иностранной действительности. Но порой это приобретает гротескные формы выражения. Среди набоковских персонажей-эмигрантов можно выделить таких, которые конденсируют в себе все русское в сильно преувеличенном виде. Так, например, тесть и теща шахматиста Лужина, «разбогатеи, решили зажить в строгом русском вкусе, как-то сопряженном со славянской вязью, с открытками, изображающими пригорюнившихся боярышень, с лакированными шкатулками, на которых красочно выжжена тройка или жар-птица. <...> Мать, статная, полнорукая дама, называвшая самое себя бой-бабой или казаком (след смутных и извращенных реминисценций из «Войны и мира»), превосходно играла русскую хозяйку. <...> Была она очень добра и очень бестактна, искренно любила ту размалеванную, искусственную Россию, которую вокруг себя понастроила» [2, с. 59]. Здесь все говорит о фальшивости, надуманности, искусственности той России, образ которой якобы пытаются воплотить тесть и теща Лужина. Жутким анахронизмом выглядят «пригорюнившиеся боярышни» и жар-птицы. Смутность и извращенность представлений о хрестоматийном тексте русской литературы вовсе не делает им чести. Смещение персонажей «Войны и мира» оказывается лишь отражением беспорядка в умах и душах самой четы героев. В этом доме все оказывается показным, ненастоящим, лишенным жизни. Мать госпожи Лужиной, далеко не самый негативный женский персонаж Набокова, отталкивает не только своей недалекостью, бестактностью, но и тем, что она неискренна, она играет, притворяется, прячет свою пустоту за пошлой картинкой бездарно намалеванной родины.

Подобных персонажей, усиленно оберегающих свою лубочную Россию, мы можем встретить и в произведениях «американского периода». Так, в романе «Пнин» появляется художник Олег Комаров, «сын донского казака», и его жена Сима, «крупная и веселая москвичка», которые «закатывали русские

вечера с русскими *hors d'oeuvres*, гитарной музыкой и более или менее поддельными народными песнями, предоставляя застенчивым аспирантам возможность изучать ритуалы “vodka-drinking” и иные замшелые национальные обряды; и встречая после этих празднеств неприветливого Пнина, Серафима с Олегом (она возводила очи горе, а он свои прикрывал ладонью) лепетали с трепетным самоумилением: “Господи, сколько мы им даем!”, под словом “им” разумелось отсталое американское население» [Набоков, 2004, с. 67]. Здесь стремление сохранить и подчеркнуть в себе и в своем образе жизни русское начало приобретает еще более карикатурный, гротескный характер.

Разумеется, Набоков, как глубокий и тонкий прозаик, остро ощущающий свою связь с Родиной, не мог считать приемлемым этот лубочный образ. Те, кто несет его в себе, отмечены неистребимым знаком пошлости. Однако в прозе Набокова встречаются иные русские персонажи, которые вовсе не стремятся культивировать свою «русскость», но при этом оказываются внутренне созвучны утерянной Родине. То русское, что в них есть, порой сложно запечатлеть словами, но оно прорывается в их памяти, в их словах и жестах, деталях внешности. Любой отзвук родной страны эхом откликается в их душах. Так, в рассказе «Весна в Фиальте» читаем: «Я этот городок люблю; потому ли, что во впадине его названия мне слышится сахаристо-сырой запах мелкого, темного, самого мятного из цветов, и не в тон, хотя внятное, звучание Ялты» [4, с. 305]. Это «звучание Ялты» героини-эмигранты чувствуют во всем, что так или иначе связано с потерянной родиной. И берлинский березняк для них вдруг может «свежо и по-детски попахивать Россией» («Дар», [3, 298]). Это русское начало столь сильно, что годы изгнания не в силах вытравить его.

Очень характерная в этом ключе деталь — русское детство персонажей, которое вспоминается ими как личный потерянный рай, а в широком смысле — как русское прошлое в целом. Ганин вспоминает «широкие аллеи» и «дебри парка» [1, с. 58], усадьбу, «белую скамью в темной зелени хвой», «блестевшие стекла веранды», сиделку из Петербурга — один из немногих персонажей, который можно без натяжки причислить к «народным» образам («Сиделка очень низенького роста, с мягкой грудью, с проворными короткими руками, и идет от нее сыроватый запах, стародевическая прохлада. Она любит прибаутки, японские словечки, оставшиеся у нее от войны четвертого года. Лицо с кулачок, бабье, щербатое, с острым носиком, и ни один волосок не торчит из-под косынки» [1, с. 56]). Детали этого «рая», русского детства, в представлении Ганина стягиваются в образ Машеньки, за которой недаром ведь стоит «теплая громада родины» [1, с. 104]. Она плоть от плоти этого рая. «В этой комнате, где в шестнадцать лет выздоравливал Ганин, и зародилось то счастье, тот женский образ, который, спустя месяц, он встретил наяву. В этом сотворении участвовало все, — и мягкие литографии на стенах, и щебет за окном, и коричневый лик Христа в киоте, и даже фонтанчик умывальника. Зарождавшийся образ стягивал, вбирал всю солнечную прелесть этой комнаты и, конечно, без нее он никогда бы не вырос» [1, с. 57]. Дедовская усадьба оказывается своего рода контрапунктом русской культуры, символом вписанности в нее героя.

Еще один персонаж «Машеньки», носитель подлинно русского начала — поэт Подтягин. Недаром Ганин говорит о нем: «Это был, пожалуй, единственный человек, который мог бы понять его волнение. Ему хотелось рассказать о многом, — о закатах над русским шоссе, о березовых рощах» [1, с. 62]. И в этом желании поговорить и о «русских березах», и о Балашовском училище в Петербурге, и о стихах о России, и о «реке Оредеж, воспетой Рылеевым», нет ни капли фальши, пошлости, игры: это потребность души, потребность ощутить себя частью своей нации — человеком, разделяющим ее ценности и мировоззрение, способным понять соотечественника с полуслова. Именно подобные «сигналы» русского прошлого (поэзия, музыка, памятные места) духовно объединяют уроженцев России, а вовсе не хлебосольные русские приемы в псевдонародном духе, которые устраивают персонажи, подобные уже упомянутым героям «Защиты Лужина» или «Пнина». Причем это подлинное духовное единение возможно далеко не с каждым представителем своей нации, — все зависит от личности, от качества этой неуловимой, но и неистребимой «русскости», которым она, личность, пронизана.

Тем не менее, русские эмигранты за границей оказываются в своего рода изоляции среди иностранцев и вынуждены держаться вместе. Ситуация «русский среди иностранцев» подробно описана и в романе «Подвиг». Особенно интересно при этом, что Мартын Эдельвейс, главный герой книги, представляет собой тип персонажа-космополита. Мартын из тех героев, в чьей родословной сошлись представители не только русской национальности. Дед его, к примеру, был «рослый швейцарец с пушистыми усами, воспитывавший в шестидесятых годах детей петербургского помещика Индрикова и женившийся на младшей его дочери» [2, с. 155]. Детство Мартына можно назвать «английским»: «Первые книги Мартына были на английском языке» [2, с. 156]; «Русскую сказку Софья Дмитриевна [мать Мартына. — А. Н.] считала аляповатой, злой и убогой, русскую песню — бессмысленной, русскую загадку — дурацкой... Таким образом, Мартын в раннем детстве не узнал иного, что впоследствии сквозь самоцветную волну памяти могло бы прибавить к его жизни еще одно очарование, но очарований и так было в досталь, и ему не приходилось жалеть, что не Ерусланом, а западным братом Еруслана было в детстве разбужено его воображение» [2, с. 157].

Однако, несмотря на то, что по крови и по воспитанию Мартына, казалось бы, нельзя считать полностью русским, он ощущает постоянную и неразрывную связь со страной, в которой родился и прожил начало своей жизни. Это отмечает и сам герой, хотя объяснить не в силах: «В Кембридже он и подавно почувствовал себя иностранцем. Встречаясь с англичанами — студентами, он, дивясь, отмечал свое несомненное русское нутро. От полуанглийского детства у него остались только такие вещи, которые у коренных англичан, его сверстников, читавших в детстве те же книги, затуманились, уложились в должную перспективу» [2, с. 191]; «В футбол петербуржцы играли на твердой земле, а не на дерне, и штрафной удар обозначался неизвестным в Англии словом “пендель”... И вообще все это английское, довольно, в сущности, случайное,

процеживалось сквозь настоящее, русское, принимало особые русские оттенки» [2, с. 192]. И то, что герой решает вернуться в Россию, еще раз доказывает существование и силу этой связующей нити. Характерно, что у героев-космополитов эта связь зачастую оказывается гораздо более подлинной, чем у тех персонажей, которые всячески демонстрируют свою русифицированность. Мартыну же, напротив, разговоры о России, тем более с иностранцами, кажутся глупыми и бесполезными: «Он заметил, что всякий считает должным говорить с ним о России, выяснять, что он думает о революции, об интервенции, о Ленине и Троцком, а иные, побывавшие в России, хвалили русское хлебосольство или спрашивали, не знает ли он случайно Иванова из Москвы. Мартыну такие разговоры претили» [2, с. 193]. Все это общеизвестно и многократно растиражировано, а значит — пошло.

Отдельно стоит упомянуть последний «русский» роман Набокова «Дар». Здесь пресловутый «русский дух» находит свое воплощение не столько во внешности и поведении персонажей, их привычках и быте, сколько во внутренней идентификации себя как представителя русской нации. У главного героя, поэта Федора Константиновича Годунова-Чердынцева, есть своя Россия. И она вовсе не осталась в прошлом, она живет в душе персонажа и в его книгах. Это родовое имение, винтовые лестницы, аллеи родного парка, «иней Санкт-Петербурга» [3, с. 19]; это семья, родные. Но отнюдь не народ в смысле представителей простонародья. Простой люд появляется в его воспоминаниях в лучшем случае в качестве статистов, как, например, упоминается в двух словах кучер отца. В этом случае слова о «социальном снобизме» аристократа Набокова кажутся более чем справедливыми. Герои подобного плана Федору Константиновичу (а вместе с ним и Набокову) попросту неинтересны. Подобное представление о родной земле весьма далеко от понимания России как «мужичьей страны», характерного, например, для Николая Гавриловича Чернышевского, безжалостно высмеиваемого в книге. Стоит отметить, с каким чуть ироничным презрением упомянет Годунов-Чердынцев: Щеголевы «спят бесчувственным, простонародным, стопроцентным сном» [3, с. 292]; с какой легкой, но откровенной неприязнью поэт относится к своей хозяйке Марианне Николаевне с ее борщами и ее супругу Борису Ивановичу с его пошлой и пустой болтовней и, что еще хуже, «нарочито гортанным коверканьем русской речи, которой тот с наслаждением занимался, — например, говоря мокрому гостю, наследившему на ковре: «ой, какой вы наследник!» [3, с. 169].

Чтобы быть подлинно русским, недостаточно устраивать в своем доме встречи, на которых обсуждаются «советские деятели, потерявшие после смерти Ленина власть» [3, с. 32], или рассказывать «старинные первоапрельские проделки медика первокурсника в Киеве» [3, с. 31], как это делают Чернышевские, стремящиеся всячески подчеркнуть свое «русское нутро». И тот факт, что Александр Яковлевич Чернышевский был «лично знаком с Александром Блоком», отнюдь не приближает его к пониманию русской поэзии, глубиной знания которой отличается Годунов-Чердынцев или, например, его духовный двойник Кончеев.

С гораздо большей симпатией в романе упоминаются посиделки у друзей семьи Мерц с «мирными разговорами стариков о болезнях, свадьбах и русской

литературе» [3, с. 169]. Русская литература вообще очень часто оказывается той точкой, где находит свое выражение подлинная русская натура, где люди одного уровня национального самосознания могут без слов понять друг друга. И благодаря общению с родной литературой, через обращение к истории своей страны, которую литература, разумеется, отражает и по поводу которой рефлектирует, герои, в частности, Годунов-Чердынцев, выстраивают новую парадигму отношений с Россией, выходят на новый уровень ее понимания: «Постепенно, от всех этих набегов на прошлое русской мысли, в нем развивалась новая, менее пейзажная, чем раньше, тоска по России, опасное желание (с которым успешно боролся) в чем-то ей признаться и в чем-то ее убедить» [3, с. 184]. И упоминание о России в письме к матери можно считать своего рода гимном родине, признанием ей в любви и признанием своей неразрывной связи с ней: «А когда мы вернемся в Россию? Какой идиотской сентиментальностью, каким хищным стоном должна звучать эта наша невинная надежда для оседлых россиян. А ведь она не историческая, — только человеческая, но как им объяснить? Мне-то, конечно, легче, чем другому, жить вне России, потому что я наверняка знаю, что вернусь, — во-первых, потому что увез с собой от нее ключи, а во-вторых, потому что все равно когда, через сто, через двести лет, — буду жить там в своих книгах, или хотя бы в подстрочном примечании исследователя» [3, с. 315].

Таким образом, несмотря на откровенное пренебрежение Набокова к хрестоматийной теме «народ», писатель не может оставить ее без внимания, уже хотя бы потому, что для него принадлежность героя к определенной нации зачастую оказывается определяющей характеристикой. Но национальная самоидентификация у тех или иных персонажей осуществляется различными путями. Позиционирование себя как представителя русской нации, русского народа, с одной стороны, может быть показным, зачастую неискренним, базироваться на обращении к шаблонам и стереотипам; с другой стороны, оно может быть глубинным, внутренним, невыразимым словами, основанным на воспоминаниях о русском прошлом, на обращении к русскому языку и литературе, к русской истории или семейной родословной...

Можно сказать, что, касаясь вопроса национальной идентичности, Набоков остается верен себе и своему принципу дуализма. Его поэтика национальной идентичности производна от его общей поэтики, философии и эстетики, где граница проходит по рубежу: «внутреннее» и «внешнее», «показное» и «сокровенное», где пошлое и многословное противопоставлено подлинному, глупокому и невыразимому.

Набоков В. В. Собр. соч. : в 4 т. / сост. В. В. Ерофеев. М., 1990. [Nabokov V. V. *Sobr. soch.* : v 4 t. M. 1990.]

Набоков В. В. Собр. соч. американского периода : в 5 т. / сост. Н. И. Артеменко-Толстой. СПб., 2004. Т. 3. 704 с. [Nabokov V. V. *Sobr. soch. amerikanskogo perioda* : v 5 t. SPb., 2004. Т. 3. 704 s.]

Набоков о Набокове и прочем: интервью, рецензии, эссе / под ред. М. Аверьянова. М., 2001. 352 с. [Nabokov o Nabokove i prochem: interview, esse, recenzii. M., 2001. 352 s.]

Шаховская З. А. В поисках Набокова: Отражения. М., 1991. 316 с. [Shahovskaya Z. A. V poiskah Nabokova: Otrazhenia. M., 1991. 316 s.]

Статья поступила в редакцию 04.02.2014 г.

УДК 821.161.1 Акунин-3 + 811.161.1 + 172.15

Т. А. Снигирева
А. В. Снигирев

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО «ОТ ПРОТИВНОГО»: РОССИЯ, РУССКИЙ ЯЗЫК И ХАРАКТЕР В РОМАНАХ Б. АКУНИНА

В статье исследуется характер художественной репрезентации национального дискурса в творчестве Б. Акунина. Показано, какими языковыми приемами писатель пользуется, ставя в своих романах нации перед лицом друг друга, выявляя тем самым их самобытность или штампы и стереотипы этой самобытности.

Ключевые слова: национальная идентичность; национальные барьеры восприятия; ментальность; национальный язык.

Б. Акунин принадлежит к тем современным писателям, для которых проблемы национальной принадлежности и национального *modus vivendi* являются важнейшими и так или иначе представлены во всем его творчестве: от знаменитого литературного проекта «Приключения Эраста Фандорина» до беллетризованной «Истории Российского государства».

Б. Акунин — писатель, остро ощущающий свою безусловную принадлежность русской культуре, пишущий по-русски, но всегда помнящий о своей «инаковости», что дает ему возможность осмыслять русскую ментальность, характер, историю, судьбу и место России в мире, по крайней мере, с двух позиций: изнутри и несколько отчужденно-отстраненно и (с художественной точки зрения) остраненно.

Б. Акунин ставит в своих романах нации перед лицом друг друга, выявляя их самобытность или штампы и стереотипы этой самобытности. Но в книге «Любовь к истории» он прежде всего ставит Россию перед собственным мировоззренческим зеркалом, в результате чего в жестко-публицистической манере обрисовывает систему «черт русской ментальности по Акунину». Обращая внимание на отсутствие в русском языке у глагола *победить* будущего времени в единственном числе, писатель видит «в этой загадочной прорехе 1) признак национального пессимизма, 2) неверие в силы одного отдельно взятого человека, причем не “кого-то там” (“он” или “она” запросто “победит”) и не коллектива (“мы победим”, это без вопросов), а неверие лично в себя» [Акунин, 2012, с. 59]. Карамазовская триада «Удаль, Умничество, Духовность»,

предполагающая «отсутствие чувства меры», по Акунину, «действительно является международно констатированной (и не отрицаемой нами) типобразующей чертой т. н. Русской Души <...>. В отечественной истории этот атрибут национального своеобразия не раз бросал страну из одной крайности в другую: уж коли свобода, то полный хаос, уж если порядок — то автократия или диктатура» [Там же, с. 185–186]. С точки зрения писателя, «оборотные стороны отсутствия чувства меры — дубовая упертость и героическая стойкость» [Там же, с. 186]. Его интересует то, как идентифицирует себя русский человек, с непременно выделяя такие качества, как сердечность, душевность, открытость, простоватость, доброта. В романном творчестве Б. Акунин позволяет себе (не без иронии) «разыграть» уверенность русских в своей особой сердечной душевности. Так, в «Коронации, или Последнем из романов», Зюкин, будучи лакеем, сравнивает себя с англичанином Фрейби, находящимся в этой же должности: «...я задумался о том, что английские батлеры, конечно, всем хороши и свое дело знают, но кое-чему у нас, русских служителей, все же могли поучиться. А именно — сердечности. Они просто обслуживают господ, а мы их еще и любим. Как можно служить человеку, если не испытываешь к нему любви? Это уже какая-то механистика получается, будто мы не живые люди, а автоматы. Правда, говорят, что английские дворецкие служат не господину, а дому — подобие кошек, привязываются не столько к человеку, сколько к стенам. Если так, то этакая привязанность не по мне» [Акунин, 2007а, с. 24].

Такие качества русских, как вороватость и незаконопослушность, писатель склонен рассматривать «как защитную реакцию русского человека на недружественность государства» [Акунин, 2012, с. 280]. Более того, Акунин не преминет подчеркнуть уникальную странность русских: некую гордость за свои недостатки. Так, будучи в Англии, Зуров с удивлением и гордостью замечает: «У нас неприютную кобылу в два счета бы увели, а здешний народ квелый, нерасторопный. Не додумались» [Акунин, 2007а, с. 50]. Парадоксальная мысль о том, что «наше» преступление «человечнее» иноземного постоянно варьируется в текстах писателя. Например, в повести-триллере «Декоратор», в которой автор делает допуск, альтернативный общепринятой точке зрения, — Джек-потрошитель становится под его пером русским по происхождению — есть следующий пассаж о том, что в России «режут, но не так»: «тут не обычным христианским злодейством пахнет. Во всех этих потрошениях чувствуется дух изуверский, ненашенский. Православные много свинства творят, но не этак. И не надо нести чушь про лондонского Джека, который якобы был русским и теперь вернулся позабавиться на родных просторах» [Акунин, 2005а, с. 250].

Наконец, Б. Акунин сортирует «вехи отечественной истории по одному главному параметру: способствовало то или иное историческое событие прогрессу ЧСД (чувство собственного достоинства) в соотечественниках либо же понизило эту характеристику, которая <...> явственней всего определяет качество всякого народа» [Акунин, 2012, с. 134]. Причем, «имеется в виду качество не отдельных людей, а общества в целом: способность к самоорганизации и самодисциплине, законопослушность, трудовая и бытовая этика» [Там же, с. 292].

У Акунина нет ни одного текста, в котором Россия и русский человек не представляли бы в зеркале чужой национальной оценки, и формулой ее может быть фраза из романа «Нефритовые четки»: «На странице иностранной хроники много писали о России — как обычно, неприятное» [Акунин, 2009, с. 271]. Россия в зеркале всего мира выглядит весьма огорчительно для русского человека. Прежде всего, она воспринимается как явная угроза для всех, о чем прямо в минуту предгибельной откровенности говорит турок Анвар: «Ваша огромная держава сегодня представляет главную опасность для цивилизации. Своими просторами, своим многочисленным, невежественным населением, своей неповоротливой и агрессивной государственной машиной» [Акунин, 2000б, с. 94]. В романах Акунина постоянно варьируется мысль о том, что Россия воспринимается как страна не только опасная, но и непонятная, отклонившаяся от нормы: «Должно быть, он (Фандорин. — Т. С., А. С.) принадлежит к тому сословию, которое в России называется итальянским словом *intelligenza*, кажется, подразумевая образованный европейский класс. Согласитесь <...>, что общество, в котором европейский класс выделяется в особую прослойку населения и при этом именуется иностранным словом, вряд ли можно причислить к разряду цивилизованных» [Акунин, 2005б, с. 51]. Даже особая роль литературы в России может восприниматься как отклонение от нормы: «Хорошая литература, не хуже английской или французской. Но литература — игрушка, в нормальной стране она не может иметь важного значения» [Акунин, 2000б, с. 196]. Восприятие «русской угрозы» и «русской непредсказуемости» отчасти разделяется автором, но он неоднократно заявляет: «Я патриот и даже империалист в том, что касается экспансии русской литературы». Для Акунина и его любимого героя особая роль литературы в России коренится в ее географическом, природном, историческом, душевном естестве: «Ездоки санного поезда предавались двум извечным российским удовольствиям — дорожному пению и дорожной беседе. Эрасту Петровичу подумалось: уж не из этого ли корня произрастает вся отечественная словесность, с ее неспешностью, душевными копаниями и беспредельной раскрепощенностью мысли? Где еще мог почувствовать себя свободным житель этой несвободой страны? Лишь в дороге, где ни барина, ни начальника, ни семьи. А расстояния огромны, природа сурова, одиночество беспредельно. Едешь в телеге — сердце щемит, мыслям привольно. Как человеку с человеком не поговорить? <...> Иссякнут темы для разговоров — самое время затянуть песню, и тоже длинную, протяжную, да с немудрящей философией: про черного ворона, про двенадцать разбойников или про догорающую лучину» [Акунин, 2009, с. 484].

Художественный мир Акунина никогда не бывает мононационален. И дело не только в географической широте и свободе его художественного пространства: от Москвы, Петербурга, русского провинциального Заволжска, русского староверческого Севера до Англии, Франции, Японии, Германии, Швейцарии, Болгарии, Америки, Турции, Азербайджана и т. д. Дело в том, что Акунин любит разыгрывать «национальную карту» буквально на всех уровнях текста. И здесь возникает, наряду с авторским мировоззренческим и «цивилизационным» зеркалами, в которых отражена Россия, еще одна система национальных

зеркал — языковая, поскольку с точки зрения современного писателя, языковые, визуально-антропологические, физиологические, бытовые барьеры — следствие инаковости ментального характера.

Акунин — всеми признанный стилист и стилизаторская филигранность его текста безусловна, но «чистота» русского языка всегда оттенена, разбавлена и подчеркнута иноязычием самого разного свойства и характера, что с необходимостью подчинено очерченной выше национальной концепции писателя. Редко кто из героев романов (заметим — не только фандоринской серии) говорит правильным русским языком. Тексты Акунина буквально переполнены фразами на французском, немецком, японском, турецком, азербайджанском, армянском и требуют специального перевода в сносках. Часто употребляются иностранные слова, «вкрапленные» в русскую речь и переведенные в самом тексте. В романах писателя звучит «плохой русский», «плохой немецкий», «плохой английский», «плохой французский».

Одной из резких черт Фандорина (наряду с ранней сединой при молодом лице) становится заикание. Заикание Эраста Фандорина, вызванное психологической травмой, описано и воспроизводится Б. Акуниным в соответствии с реальной медицинской картиной данной речевой афазии (клинической ее разновидности). При этом заикание сохраняется и в том случае, когда герой говорит на иностранном языке. Соответствует клинической картине заболевания и то, что заикание Фандорина усиливается в том случае, когда он волнуется или нервничает, что неоднократно подчеркивается автором. Однако Б. Акунин отступает от реальной модели заикания. Прежде всего, в случае концентрации внимания — когда персонаж начинает анализировать, подчеркивая это словами «во-первых, во-вторых» и т. д., — заикание по-прежнему сохраняется, что, по наблюдению медиков, является исключением, т. к. именно в этой ситуации фиксируется исчезновение заикания. Кроме того, в том случае, когда Фандорин использует какой-либо образ с целью маскировки, заикание, наоборот, пропадает: «В имени коллежский асессор ни разу не споткнулся, хотя оно изобиловало трудными звуками “п” и “м”. Поразительно, но стоило Эрасту Петровичу в ходе какого-либо расследования преобразиться в иной персонаж, и проклятое заикание бесследно исчезало. Впрочем, он давно уже к этому феномену привык и не удивлялся» [Акунин, 2009, с. 79]. Возможно, автор тем самым подчеркивает, что заикание, носящее психосоматический характер, исчезает, когда Фандорин преображается в другую личность, в жизни которой не было той трагедии, которая привела к появлению этого речевого дефекта у него самого. Но одновременно Акунин не преминет оттенить психофизиологический дефект проблемой национальной идентификации. Дворецкий Зюкин, для которого Фандорин так и остался «странным и неприятным господином» делает весьма любопытное заключение по этому поводу: «Я и раньше замечал, что, говоря на иностранных языках Фандорин совершенно не заикается (Зюкин ошибается. — Т. С., А. С.), но у меня не было времени задуматься над этим удивительным феноменом. Судя по всему, его недуг — а я читал, что заикание является именно психическим недугом, — каким-то образом был связан с изъяснением по-русски. Уж не сказывалась ли в этом спотыкании на звуках родной речи

скрытая враждебность к России и всему русскому?» [Акунин, 2007а, с. 386]. Впрочем, Зюкин, решительно отделяющий себя от «этого» народа, столь же мало русский, как и Семья, которой он служит: «Наверное, я вовсе ничего не чувствовал. Очевидно, со мной произошла своего рода *paralysie emotionnelle* (далее в тексте дается сноска: «Эмоциональный паралич» (*фр.*). — Т. С., А. С.) — не знаю, как сказать по-русски» [Там же, с. 431].

Романы Б. Акунина заполнены не только иноязычием (обилие героев различных национальностей естественно приводит к неоднократному включению в романы в качестве фиксации их речевого потока слов и предложений на иностранных языках), но и прямыми чрезвычайно разнообразными формами нарушения норм русского языка — от акцента Масы до билингвизма Николаса Фандорина и нарочито безграмотной речи его секретаря/секретарши Вали. Исследуя проблему включения в русский текст иноязычных вкраплений, Ю. Т. Листрова-Правда рассматривает данные элементы с точки зрения стилистики: «Иноязычные вкрапления — стилистическая категория литературной речи, обязанная своим появлением двуязычию (многоязычию) носителей литературного языка. Находясь за пределами языковой системы принявшего их языка (в данном случае русского) и будучи незамкнутой группой слов, словосочетаний, предложений или более крупных отрезков текста на иностранном языке, иноязычные вкрапления испытывают влияние текста, в который они вставлены, вступают с ним в межъязыковой контакт» [Листрова-Правда, с. 119]. Автор предлагает классификацию иноязычных вкраплений, делая успешную попытку совместить формальный и функциональный подходы к фактам заимствований из иностранных языков в русском тексте: «С точки зрения соотношений иноязычных вкраплений с системами контактирующих языков можно выделить четыре разряда иноязычных вкраплений: 1) полные вкрапления, употребленные в русском языке без графических, фонетических и морфологических изменений и не включенные в синтаксические отношения в составе русского предложения <...>; 2) частичные вкрапления, в той или иной мере ассимилированные фонетически, графически, морфологически или включенные в синтаксические отношения в составе русского предложения <...>; 3) контаминированные русско-иноязычные вкрапления (явления “ломанной речи”), представляющие собой русский текст, построенные по законам иностранного языка (или с нарушением законов русского языка); 4) нулевые вкрапления, которые представляют собой тексты, переведенные с иностранного языка на русский язык и включенные в оригинальные русские тексты» [Там же, с. 119–120]. Характерно, что в романе «Азazelь», первом в серии «Приключения Эраста Фандорина», во многом программно и с точки зрения концепции национального поведения, характера, судьбы, и, как следствие, с точки зрения языковой картины мира, представленной в нем, существенными оказываются все четыре типа обозначенной классификации.

Метод сплошной выборки дал следующий результат. Всего в тексте зафиксировано 104 случая иностранных вкраплений, из них: 1) полных вкраплений — 25; 2) частичных вкраплений — 34; 3) контаминированных русско-иноязычных вкраплений — 33; 4) нулевых вкраплений — 12. Как показывает

статистика, предпочтения Б. Акунина в отношении иноязычных вкраплений вполне ясны и достаточно объяснимы. Автор прежде всего использует частичные вкрапления, когда герой, по той или иной причине (например, плохого знания языка или отсутствия в русском языке того или иного понятия) сочетает в одной фразе языковые единицы разных языков, что подчеркивается графически: «Я видела такого господина... jenseits (дословно с немецкого «по ту сторону». — Т. С., А. С.)... с другой стороны забора, на улице» [Акунин, 2000а, с. 38]; «Позвольте, Amelie, я его проветриться отправлю» [Там же, с. 48]; «Просто revolution dans la balistique» [Там же, с. 144] и т. д. Следует отметить, что автор обычно не переводит эти включения, особенно когда они понятны и без перевода (например, уже встречавшиеся в тексте личные имена).

Равнозначны по употреблению частичным вкраплениям для Б. Акунина и те, которые Ю. Т. Листрова-Правда называет контаминированными русско-иноязычными вкраплениями (явлениями «ломанной речи»), в лингводидактике — «акцент»: «зутулый студент», «Я зову городской!», «нэнни Лисбет». Отметим важную черту употребления данного вида иноязычных вкраплений: они создаются писателем в соответствии с законами того языка, из которого они изымаются. Так, например, произношение имени «Тимофэй» леди Эстер отражает законы фонетики английского языка (родного для героини), согласно которым согласные звуки перед гласным э не смягчаются, как в русском («Тимофей»). Акунин не преминет обыграть и то, что акцент обычно проявляет себя не только на уровне фонетики (например, «пшют гороховый» отражает ориентацию на немецкую фонетику при произношении русской идиомы героиней-немкой), но и на уровне грамматики: «Он смотрел так, будто хотел убивать не зебя, а кто-то (употреблена форма именительного падежа вместо правильного родительного «кого-то») зовсем другой» [Там же, с. 37].

Появление в тексте романа «полных вкраплений» оправдано тем, что многие герои принадлежат к национальностям, отличным от русской. Среди обнаруженных иноязычных вкраплений используются фразы на английском, немецком и французском языках, которые составлены без ошибок, что говорит о тщательной проработке автором всех нюансов текста. (Г. Чхартишвили, будучи профессиональным филологом и переводчиком, все же не владеет в совершенстве всеми языками, которые использует в своих произведениях.)

Любопытно отметить, что в том случае, если фиксируется речь иностранца или героя, прекрасно владеющего данным языком, обычно используется латиница, а если персонаж на недостаточном уровне знает данный язык или просто пытается воспроизвести его, бездумно копируя, используется кириллица. Так, Фандорин безупречно говорит по-английски и поэтому Б. Акунин воспроизводит его речь именно на этом языке: «State police, inspector Fandorin, on urgent official business» [Там же, с. 192]. Его знание немецкого оставляет желать лучшего, и тогда автор фиксирует: «Полицайамт. Зинд зи фрейлян Пфуль? Гутен абенд» [Там же, с. 34].

Наконец, нулевые вкрапления, т. е. ситуации, когда писатель включает в произведение переводы иностранных текстов, достаточно редки, прежде всего, по причине сложностей включения такого рода иноязычных вкраплений

в повествование. Обычно автор постоянно вынужден делать специальную маркировку, сигнализирующую о том, что текст ведется на том или ином языке. Так, во время диалога Фандорина и директора Восточно-центрального почтового округа города Лондона Б. Акунин вставляет ремарки: «воскликает по-русски вконец отчаявшийся Фандорин», «уныло спрашивает “князь”, вновь переходя на английский» и т. д.

Показательна для авторского лингвомоделирования речь двух героев, ключевых для творчества Б. Акунина — Эраста Фандорина и его слуги Масы. Реминисценции к образам Дон Кихота и Санчо Пансы очевидны не только в описании внешности (худые и высокие Дон Кихот и Фандорин, невысокие и полные Санчо Панса и Маса), но и на уровне речи. Литературная, книжная речь Дон Кихота противопоставлена просторечию Санчо Пансы, и безупречный русский язык Фандорина контрастирует с интерферированной речью инофона Масы. Характерно, что и в случаях других пар (герой и его спутник-напарник-слуга) Б. Акунин использует этот же прием сталкивания двух речевых потоков. Тимо, слуга немецкого аристократа и шпиона Зеппа, в отличие от хозяина никак не может выучить русский язык («Шпионский роман»). Речь секретаря/секретарши Николаса Фандорина Вали является смесью просторечия, сленга и варваризмов («Сокол и Ласточка»), и т. д.

Ключом анализа речи Масы могут стать исследования лингводидактов, посвященных специфическим ошибкам речи инофонов. Так, Н. Н. Рогозная в статье «О постановке трудных случаев произношения в русской речи японцев» дает следующую характеристику «японского акцента»: «На уровне звуковой реализации в русской речи японцев самым ярким акцентом являются, например, подмена мягкого звука [Д']/[ДЖ']: деньги/[ДЖ'еньги], день/[ДЖ'ень], видеть/[виДЖ'иТЧ'], делать/[ДЖ'елаТЧ'] и т. д. В глагольных формах ошибка наблюдается в конечной позиции при реализации звука [Т'], который будет подменяться в речи на [ТЧ']: думать/[думаТЧ'], писать/[писаТЧ'], говорить/[говориТЧ'] и т. д. А также неразличение звуков [С']/[Щ], [Р]/[Л]. Подобный набор ошибок является универсальным, именно он и составляет так называемый «японский акцент» [Рогозная, с. 116].

Безусловно, воспроизведение в тексте всех случаев акцента инофона привело бы к определенной избыточности, и Б. Акунин использует только две интерференции: замену [Д'] на [ДЖ'] и неразличение [Р] и [Л]. Для того чтобы не перегружать текст (и это одно из многочисленных проявлений «филигранной стилистики» писателя) на уровне грамматики и лексики Акунин не фиксирует ошибок в речи героя. Кроме того, акцент Масы постепенно минимизируется и, после почти тридцатилетней языковой практики почти исчезает, остается только неразличение [Р] и [Л].

Сродни языковой игре и игра, воплощенная в поэтике названий. При наличии в творчестве писателя названий, прямо или косвенно указывающих на «русскость» текста («Статский советник», «Особые поручения»), немало и таких, что содержат прямой иноземный («Нефритовые четки», «Коронация») или общекультурный акцент («Азазель», «Смерть Ахиллеса»), или прямо вводят инонациональный сигнал — «Турецкий гамбит». В сборнике новелл

«Нефритовые четки» принцип национального смешения особо очевиден, поскольку уже в их названиях репрезентировано несколько культур. «Сигумо», «Table-talk 1882 года», «Чаепитие в Бристоле» — прямая национальная маркировка. «Долина мечты» (американская мечта) и «Перед концом света» (русская эсхатология) — косвенная. «Скарпея Баскаковых» — узнаваемость классической «Собаки Баскервилей», перенесенной на русскую почву, и «Узница башни, или Краткий, но прекрасный путь трех мудрых» (здесь и «Узник замка Иф», и бесконечные легенды, в том числе русские, о прекрасной узнице, и указание на мудрость Востока).

Акунин не устает под разной оптикой показывать ярмарку национального тщеславия, но убежден в том, что интеллектуальность и аналитизм могут снять комплекс инонационального неприятия. Самый простой путь: приспособить «чужого», поглотить его по формуле «он, как мы», или, точнее, «он — почти как мы»: «Русский дипломат — человек глубокого, почти японского ума. Фандорин-сан обладает неевропейской способностью видеть явление во всей его полноте, не увязая в мелких деталях и технических подробностях. Европейцы — непревзойденные эксперты во всем, что касается *умения*, они превосходно знают *как*. Мы же, азиаты, обладаем мудростью, ибо понимаем, *зачем*» [Акунин, 2005б, с. 122].

Другой путь — не приспособить, но понять другого, именно тогда начинает работать формула «он как я». Название книги «Нефритовые четки», объединяющее десять новелл, чрезвычайно полисеманлично: от бытового (любимые четки Фандорина) до национально-исторического (каждая четка — народ со своим укладом и этническими традициями, но и заблуждениями) и философского (только собранные в одну нить, они символизируют гармоническую целостность мира, которую может постичь и чувство, и ясная просветленная мысль). Фандорин, обладатель четок, приходит к знанию о том, что только собранные вместе, но оставаясь сами по себе, нации могут сохранить цивилизованный статус человечества. Именно поэтому любимый герой Акунина из российского сыщика становится человеком мира, который способен навести порядок, восстановить справедливость, разоблачить преступника и в Йокогаме, и в Рио-де-Жанейро, и в Москве, в том числе в одном из центров преступного мира — Сухаревке, и в дворянской усадьбе, и в Бристоле, и в американском салуне, и в старовечерском скиту, и в английском замке.

Акунин Б. Азazelь. М. ; Назрань, 2000a. 237 с. [Akunin B. Azazel'. M. ; Nazran', 2000a. 237 s.]

Акунин Б. Турецкий гамбит. М., 2000б. 222 с. [Akunin B. Turetskij gambit. M., 2000b. 222 s.]

Акунин Б. Декоратор // Акунин Б. Особые поручения. М., 2005а. с. 157–350. [Akunin B. Dekorator // Akunin B. Osobyе porucheniya. M., 2005a. s. 157–350.]

Акунин Б. Левиафан. М., 2005б. 319 с. [Akunin B. Levafan. M., 2005b. 319 s.]

Акунин Б. Коронация, или Последний из романов. М., 2007а. 447 с. [Akunin B. Koronatsiya, ili Poslednij iz romanov. M., 2007a. 447 s.]

Акунин Б. Смерть Ахиллеса. М., 2007б. 428с. [Akunin B. Smert' Akhillesa. M., 2007b. 428 s.]

Акунин Б. Нефритовые четки. М., 2009. 703 с. [Akunin B. Nefritovye chetki. M., 2009. 703 s.]

Акунин Б. Любовь к истории. М., 2012. 304 с. [Akunin B. Lyubov' k istorii. M., 2012. 304 s.]

Листрова-Правда Ю. Т. Иноязычные вкрапления-библейзмы в русской литературной речи XIX—XX вв. // Вестн. ВГУ. Сер. 1. Гуманитар. науки. 2001. № 1. С. 119–139. [Listrova-Pravda Yu. T. Inoyazhnyye vkrapleniya-bibleizmy v russkoj literaturnoj rechi XIX—XX vv. // Vestn. VGU. Ser. 1. Gumanitar. nauki. 2001. N1. S. 119–139.]

Рогозная Н. Н. О постановке трудных случаев произношения в русской речи японцев // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М., 2001. Вып. 18. 132 с. С. 113–122. [Rogoznaya N. N. O postanovke trudnykh sluchaev proiznosheniya v russkoj rechi yaponsev // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya : sb. st. / отв. ред. V. V. Krasnykh, A. I. Izotov. M., 2001. Vyp. 18. 132 s. S. 113–122.]

Статья поступила в редакцию 27.02.2014 г.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОГРАФИИ И ТЕКСТОЛОГИИ ФОЛЬКЛОРНЫХ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

УДК 398+ 378.4(570.5)

Н. Б. Граматчикова

ФОЛЬКЛОРНЫЙ АРХИВ УРФУ: МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Статья посвящена истории формирования фольклорного архива УрФУ с момента его возникновения до настоящего времени. В основу публикации положены статьи и отчеты руководителей кафедры и архивной практики. Вместе с тем предпринимается попытка анализа существующих на сегодняшний момент проблем архива, связанных с необходимостью репрезентации архивных материалов в новых форматах. Рассматривается вариант прохождения фольклорной практики студентами-филологами в архиве, их обучение составлению описей материалов, формированию базы данных, а также первые результаты этой деятельности в деле реорганизации хранения архивных материалов, в профессиональном становлении специалистов-филологов и в возможностях публикации материалов архива.

Ключевые слова: фольклорный архив; фольклорная практика; архивные материалы; коллекция; опись дела; кафедра фольклора и древней литературы; студенты-филологи; репрезентация материалов.

Студенты-филологи начали свое участие в фольклорных экспедициях в годы войны, еще до создания архива и устоявшихся правил прохождения фольклорной практики. Первая фольклорная поездка всего двух студенток-филологов (Нины Киселевой и Нины Горяевой) состоялась в конце 1944 г. в составе экспедиции, организованной Областным отделом культуры. Экспедиция была комплексной: в нее входили писатель А. Баранов, композитор Н. Хлопков, художник В. Бояринцев [Блажес, 2001] и охватывала ближайшие к городу районы (Каменский, Белоярский, Арамилский и Березовский). В последующие три года (1946–1948), под деятельным руководством преподавателя Михаила Гершевича Китайника студенты записывали фольклор в различных населенных пунктах на севере и юге области (в г. Каменск-Уральский, г. Невьянск, д. Лая

Кушвинского района, с. Курьи Сухоложского района, д. Ялунино Белоярского района, с. Андриановичи Серовского района, пос. Михайловский Завод Нижнесергинского района, пос. Дегтярский Рудник Ревдинского района, пос. Рудник Верликулит Каслинского района Челябинской области, г. Камышлов, г. Первоуральск, г. Полевской), при этом вместе работали и студенты-филологи, и студенты-журналисты, которые позже участвовали в организованном тем же М. Г. Китайником фронтальном просмотре уральских полковых, дивизионных газет периода гражданской войны на предмет выявления публикаций самодельного творчества солдат. Записи студентов, сделанные в названных выше населенных пунктах, удалось сразу издать, составив мультижанровый фольклорный сборник «Уральский фольклор» (Свердловск, 1949), который в том же году был представлен на научной городской конференции как коллективная студенческая работа и удостоился первой премии.

После этого многообещающего начала фольклорные экспедиции филологов стали регулярными, а их руководство почти на тридцать лет перешло к профессору, бывшей выпускнице филологического факультета УрГУ первого набора 1940 г., Вере Петровне Кругляшовой. Предметом ее научных интересов стала несказочная проза Урала, исследованию которой она посвятила полвека (в 1972 г. она защитила докторскую диссертацию по этой теме). Значительная часть материала, собранного под ее руководством в экспедициях, была систематизирована ей и вошла в научный оборот в сборниках: «Уральский фольклор» (1949), «Предания реки Чусовой» (1961), «Жанры несказочной прозы Уральского горнозаводского фольклора» (1974), где она описывает районы экспедиций по годам, начиная с 1948 г., «Ермак Тимофеевич — славный сын Земли Русской» (1989), «Предания и легенды Урала» (1991). За время руководства фольклорной экспедицией (1958–1991) Вера Петровна со своими студентами и аспирантами побывала фактически во всех районах Урала. Она руководила стационарным исследованием поселка Висим, где результаты пятилетней работы составили сборник «Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка (в уральском горнозаводском поселке Висим)» (1967), комплексно характеризующий фольклорную традицию поселения со сложной и богатой этнокультурной реальностью, где провел детство Д. Н. Мамин-Сибиряк.

В. П. Кругляшова не только руководила экспедициями, но готовила студентов и ученых, исследующих собранные архивные материалы в курсовых, дипломных и диссертационных сочинениях; принимала активное участие в трех всесоюзных конференциях по фольклору рабочих, проходивших в УрГУ. Она же инициировала проведение ежегодных конференций «Итоги фольклорного года в Уральском регионе». Сбор материала, введение его в научный оборот, презентация и проблематизация на научных конференциях по полевой фольклористике и региональному фольклору, издание монографий и подготовка научной смены — все эти направления работы кафедры фольклора были очень своевременны и верны. Наконец, В. П. Кругляшова выступила организатором и редактором сборников в серии «Фольклор Урала», десять тематических выпусков которого стали площадкой обмена идеями по осмыслению регионального фольклорного материала, не только уральского.

Вся история отечественной полевой фольклористики свидетельствует о зависимости между идеологией собирателей и содержанием и жанровым репертуаром собранного; важен момент контакта фольклориста с информантом, где от доверия последнего зависит, в какой мере он будет согласен поделиться своим знанием, своей историей. Фольклорный архив УрФУ, как любой артефакт, несет на себе следы сформировавшего его научного мировоззрения. Для самой В. П. Кругляшовой, при ведущем ее патриотическом уральском настрое, идеологическое деление фольклора на «рабочий» и другой, подход к явлениям народной культуры с точки зрения соответствия некоему идеологическому «эталону» были весьма значимы. К счастью, следует сказать, что даже при негласном делении на «фольклор» и «не-фольклор», собирательская работа велась в достаточно полном объеме, хотя фиксация некоторых жанров и нарративов была редуцирована. Так, например, в папках Каменского района мы находим раздел «О зверствах колчаковцев» и лишь несколько текстов, повествующих о репрессиях и терроре со стороны Красной Армии; сегодня нет сомнений, что таких нарративов было больше, но, даже не беря во внимание установки ученых-фольклористов, нужно учитывать внутреннюю готовность/неготовность информантов делиться всеми подробностями своей личной и семейной истории, когда сами тексты свидетельствуют, что семейная история часто еще не стала устоявшимся прошлым, а является, по сути, находящейся в постоянном переосмыслении предысторией настоящего. Сегодня, в самом начале «ре-инвентаризации» университетского архива, можно сказать, что многие нарративы устной истории в нем еще ждут своего часа, а сложная история публикации материалов, собранных И. Я. Стяжкиным, показывает, как долго и сложно происходит освобождение от идеологических клише любого рода [Уральские сказки].

В 1993 г. дальнейшее руководство фольклорной практикой и делами архива перешло к профессору Валентину Владимировичу Блажесу. На кафедре складывается коллектив исследователей, характерной чертой которых становится интерес к региональному фольклору. Сам В. В. Блажес через всю жизнь пронес интерес к преданиям ермаковского цикла [Блажес, 2002], глубоко понимал особенности и функциональность народной комики [Блажес, 1976, 1987], изучал глубинные связи произведений П. П. Бажова с народными представлениями и языком [Блажес, 1982; Бажовская энциклопедия]. Л. С. Соболева всесторонне исследовала рукописные книги Урала, связанные с особенностями старообрядческой культуры [Соболева, 2005; 2006; 2007]; художественный мир городского романса, в свое время также считавшегося «ненастоящим» фольклорным жанром, изучала Т. Н. Якунцева; солдатская песня и феномен дембельского альбома — предмет стойкого интереса В. А. Липатова. Все это, в свою очередь, определило основные направления публикации архивных материалов. К сожалению, хотя часть районов Свердловской области была обследована со значимым историческим промежутком (10–15–20 лет), насколько нам известно, эти сопоставительные данные не были еще научно обработаны. Тем не менее, фольклорные экспедиции носили ежегодный характер, в них в соответствии с правилами фиксировались тексты и данные информантов, также сдаче в архив

подлежали дневники практикантов, отражающие ежедневную деятельность участников экспедиции, поиск информантов и общение с ними. (К сожалению, эти дневники присутствуют скорее эпизодически, чем регулярно.) В настоящее время именно в дневниках практики можно обнаружить материалы, которые в свое время не прошли более жесткий фильтр «фольклора» и «не-фольклора», но сегодня позволяют расширить контекст бытования традиционной культуры. Таким образом, был собран богатейший архивный материал, в котором доминируют рукописные материалы, а также есть какое-то количество фотографий и аудиозаписей (в последние годы). Папки сформированы по территориальному принципу, внутри большинства из них можно обнаружить лист с кратким описанием жанрового состава единиц хранения и их количества; возможно, планировалось создание сводных жанровых каталогов, однако уверенности в этом нет. В статьях, посвященных юбилею филологического факультета УрГУ и кафедры фольклора, В. В. Блажес обозначает общее количество собранных единиц хранения (более 250 000) и основные направления работы кафедры [Блажес, 2000, с. 7]. Сейчас сложно сказать, какие именно материалы архива были использованы студентами для написания курсовых работ, необходимо создать опись дипломных, курсовых, бакалаврских и магистерских работ, хранящихся на кафедре и создающихся сейчас. В статье Блажеса «Юбилейный год кафедры фольклора» приводятся темы двадцати дипломных работ студентов — выпускников кафедры [Там же, с. 6–7].

Очевидно, 1990-е гг. нужно считать тем временем, когда внедрение компьютерных технологий произошло в большинстве архивов, собиравшихся лингвистами, но не было должным образом оценено на нашей кафедре. Необходимость серьезных перемен в формах организации и репрезентации архивных данных была недостаточно осознана руководством и не была поставлена в качестве приоритетной задачи. Вероятно, причин тому было несколько, среди них были и объективные (недостаточное финансирование, сконцентрированность усилий на другой работе, в частности, готовилась «Бажовская энциклопедия», первый том «Истории литературы Урала» (2012)), и субъективные: на тот момент большинство членов кафедры принимали непосредственное участие в формировании архива, год за годом отслеживая новые поступления в него в соответствии со своими научными интересами, и необходимость компьютеризации материалов архива, создания базы данных, перевода архивных материалов в электронный вид не казались неотложными делами.

В начале 2000-х гг. веяния времени стали ощущаться неумолимо и первый шаг в нужном направлении был сделан, но практического результата он не принес и никак не изменил положение с презентацией содержимого архива. Грант РГНФ, в силу неудачно сложившихся обстоятельств и, вероятно, отсутствия общей заинтересованности в практических результатах, на сегодняшний день свидетельствует лишь о том, что уже более 15 лет назад задача разработки полнотекстовой базы данных с классификацией по паспорту (жанр-место-время-исполнитель-фольклорист), пополняемым списком ключевых слов и тематическим рубрикатором, возможностью контекстного и ассоциативного поиска, а также созданием индивидуальной рабочей среды была поставлена; однако лишь

несколько папок было описано в соответствии с рубриками картотеки (паспорт / жанры / полнотекстовая система), что спустя полтора десятилетия означает, что работу нужно начинать сначала [Там же, с. 7].

В фольклорной экспедиции традиционно принимало участие 10–15 человек, остальные проходили практику по месту жительства, предоставляя затем собранные материалы [Там же]. Естественно, что в эпоху Интернета часть недобросовестных студентов находила более легкие пути выполнения задания по практике, но главная проблема в том, что в последнее десятилетие тот материал, который был собран вне экспедиционной группы на настоящий момент является неverified в целом. Само время подталкивало к переводу части студентов не на сбор, а на обработку материалов, однако это не было сделано.

Неожиданный уход из жизни в 2012 г. сразу двух преподавателей-фольклористов (В. В. Блажеса и Т. Н. Якунцевой) сделал проблему систематизации архивных материалов безотлагательной. По сути, можно говорить о том, что дальнейшее использование архивных материалов (напомним, на 2000 г. количество заявленных единиц — не менее 250 000), накопленных за 60 (!) лет экспедиций, стало затруднено, если не невозможно. Ушли люди, которые знали, что было привезено из экспедиций и где можно найти этот материал. Перед новым составом кафедры проблема организации архива встала одной из первых, ибо значимость архивного материала для фольклористов переоценить невозможно.

Работа по составлению описей архива, его последовательному переводу в электронный вид, организации доступа к архивным материалам через базу данных или сайт кафедры требует большого количества человеческих, временных, а также материальных ресурсов. Для того чтобы комплексно оценить масштабы стоящей перед кафедрой (и университетом) проблемы, а также ознакомиться с опытом коллег и их подходами к хранению, систематизации и пополнению архивных данных была организована секция по проблемам фольклорного архива в рамках VII Археографических чтений УрФУ, где также обсуждались материалы Антропологического форума [АФ]. Как показали встречи с коллегами, проблемы фольклорных архивов имеют системный характер и решаются на местах, исходя из конкретной ситуации и наличия ресурсов. По общему мнению, консолидация усилий жизненно необходима для дальнейшего существования и функционирования архивов.

Итак, как предпринять неотложные шаги по реорганизации работы архива, по реализации современных стандартов презентации материалов?

Было принято решение, сохранив выездную группу студентов в летней фольклорной экспедиции, проводить со второй группой летнюю практику в фольклорном архиве.

По результатам первого полноценного сезона 2013 г. можно сделать следующие выводы.

1. Папки архива разобраны по годам экспедиций и населенным пунктам, где проходил сбор материала. В папках хранятся рукописные материалы, иногда в двух экземплярах. В некоторой части папок находятся и дневники практики. Часть дневников в неразобранном виде лежит отдельно. Большинство папок

имеют вложенные в них листы с подсчетом количества единиц хранения, в основу систематизации положен не хронологический принцип (например, последовательность фиксации текстов от каждого информанта), а жанровый. В некоторых папках недостает значительного количества листов (вероятнее всего, изымались определенные части коллекций, которые потом не были возвращены на место).

2. Необходимо было получить приблизительное представление о том, какие жанры и в каком объеме представлены в архиве, насколько трудоемка работа с рукописями. В связи с этим было решено начать с составления подробных описей папок в том порядке, в котором они физически находятся в месте своего хранения.

После краткого инструктажа студенты получали папки, форму описи, примерный жанровый каталог, который почти вдвое увеличился в ходе работы с конкретными материалами, справку об административном делении Свердловской области для уточнения названий населенных пунктов и их административной принадлежности в разное время существования. Поскольку известная нам часть коллекции была классифицирована по жанровому признаку, было решено это деление не менять, хотя относительность жанровых характеристик, равно как и сложность их определения в каждом конкретном случае составила один из самых проблемных участков работ и, вероятно, они должны быть каким-то образом видоизменены.

Вообще, работа с архивными материалами для студентов-первокурсников — задача посильная, но нелегкая. На папку большого объема (300–500 листов) уходит до недели труда при 6-часовом рабочем дне. Сложности вызывает почерк. Определение темы былички или мемората также (как показала проверка) может быть выполнено вполне формально и не давать представления о подлинном содержании текста. Некоторые жанры, особенно это касается песен, даже в теории не имеют однозначной классификации, и тем более вызывают вопросы у первокурсников (учитывая, что то деление, на которое они опираются, выполнено их «друзьями по несчастью» десятилетиями ранее и, следовательно, не является вполне авторитетным).

Таким образом, в этом отношении работа должна быть скорректирована, на наш взгляд, следующим образом: составлен новый, расширенный, образец описи, куда вошли более подробные данные об информанте и собирателе; введена колонка для расшифровки текста, которая может быть заполнена позднее.

Очевидно, следующим шагом должен стать поэтапный перевод архивных материалов в электронный вид. Проблемой остается определение той части, с которой следует начать этот процесс, ибо жанровый и количественный состав архива непрозрачен на данный момент. Кроме того, назрела необходимость разработки системы мотивов / персонажей / ключевых слов, которые лягут в основу ссылок для базы данных. Здесь возможна пробная разработка на том материале, который окажется более востребованным для подобной обработки.

Обзор известных нам сайтов, публикующих материалы фольклорных архивов, показывает, что в данный момент каждое подразделение ведет работу так, как считает возможным и удобным для себя, и это правильно, учитывая, что первоочередные пользователи и собиратели этих данных — фольклорные

лаборатории, кафедры и др., однако минимальная унификация архивно-фольклорного интернет-пространства позволила бы ориентироваться на опыт коллег, ушедших в этом направлении вперед, учитывать и не повторять их ошибки, и в итоге выйти к единой базе данных по фольклорным архивам, либо к системе относительно унифицированных баз/сайтов.

«Электронный каталог объектов нематериального культурного наследия» (<http://www.rusfolknasledie.ru/search/>) предполагает лишь инвентаризацию материалов, а не их презентацию в том виде, с которым может работать фольклорист.

Всего за первый сезон практики было обработано около 80 папок разного объема (от 30 до 300 листов). В жанровом отношении лидируют песни и частушки, однако есть записи обрядовых действий, рассказы о гражданской войне, создании колхозов, сведения по народной религиозности, сказки, загадки, воспоминания о работе на производстве и др. Остается непроясненным вопрос со сплошным описанием территорий, населенными пунктами, где проходили экспедиции, и целями, которые преследовались в них в разные периоды. Неизвестно, использовались ли на постоянной основе какие-то вопросники для информантов, хотя материалы свидетельствуют, что по крайней мере в некоторые годы велся тематический сбор материала (есть тематические подборки меморатов о действиях красноармейцев и колчаковцев на Урале, папки загадок, тексты, где запечатлен ермаковский след на Урале и др.).

В конце практики было проведено анкетирование с целью получения «обратной связи» от студентов. Интересно, что большинство из них переживают, быть может, в более сглаженной форме, те же впечатления соприкосновения с живой жизнью народной культуры, которые характерны и для фольклорной экспедиции. Они живо включаются в процесс, сочувствуют героям песен и сказок, удивляются поголовной вере информантов в персонажей низшей демонологии (при работе с жанром былички), смущаются, читая «неприличные» частушки. Думаю, при прохождении практики в архиве нужно вернуться к такому формату (презентации, например), который бы побуждал студентов формулировать свои впечатления, проблематизировать материал, смотреть на него глазами филолога-ученого, а не секретаря.

В нынешнем году работа по повышению доступности фольклорных архивных материалов и введению их в научный оборот будет продолжаться. Данный архивный материал было бы интересно сопоставить с материалами современными, собранными небольшими группами студентов «точно», у информантов-носителей «устной истории» в сфере создания областных музеев, сюжетов городской истории на уровне семьи, работников старейших городских предприятий, семей, которые принесли в дар городской библиотеке свои домашние архивы, фотоальбомы и др. Интервью с такими людьми, нашими современниками и земляками, придали бы «стереоскопичность» тематическим подборкам из архива кафедры, которые готовятся к публикации, а также способствовали бы привлечению внимания широкой общественности к фольклорному архиву и осознанию его ценности.

kunstkamera.ru/index/8_1/ (дата обращения: 28.02.2014). [AF – Forum «Ustnye materialy v arkhivakh: problemy otbora, khraneniya i dostupa» [Elektronnyj resurs] // Antropologicheskij forum. 2012. N 17. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/index/8_1/ (data obrascheniya: 28.02.2014).]

Бажовская энциклопедия / ред.-сост.: В. В. Блажес, М. А. Литовская. Екатеринбург, 2007. 640 с. [Bazhovskaya entsiklopediya / red.-sost.: V. V. Blazhes, M. A. Litovskaya. Ekaterinburg, 2007. 640 s.]

Блажес В. В. П. П. Бажов и рабочий фольклор. Свердловск, 1982. [Blazhes V. V. P. P. Bazhov i rabochij fol'klor. Sverdlovsk, 1982.]

Блажес В. В. Юбилейный год каферы фольклора и древней литературы Уральского университета [Электронный ресурс] // Фольклор Урала. Екатеринбург, 2000. Вып. 11 : Устная и рукописная традиции. С. 4–19. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/19486/1/fu11-2000-02.pdf> (дата обращения: 28.02.2014). [Blazhes V. V. Yubilejnyj god kafery fol'klora i drevnej literatury Ural'skogo universiteta [Elektronnyj resurs] // Fol'klor Urala. Ekaterinburg, 2000. Вып. 11 : Ustnaya i rukopisnaya traditsii. S. 4–19. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/19486/1/fu11-2000-02.pdf> (data obrascheniya: 28.02.2014).]

Блажес В. В. У истоков [Электронный ресурс] // Изв. Урал. гос. ун-та. 2001. № 17. Гуманитар. науки. Вып. 3. Юбилей. URL: http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0017%2801_03-2001%29&xsl=showArticle.xslt&id=a01&doc=../content.jsp (дата обращения 28.02.2014). [Blazhes V. V. U istokov [Elektronnyj resurs] // Izv. Ural. gos. un-ta. 2001. N 17. Gumanitar. nauki. Вып. 3. Yubilej. URL: http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0017%2801_03-2001%29&xsl=showArticle.xslt&id=a01&doc=../content.jsp (data obrascheniya 28.02.2014).]

Блажес В. В. Народная история о Ермаке. Екатеринбург, 2002. 186 с. [Blazhes V. V. Narodnaya istoriya o Ermake. Ekaterinburg, 2002. 186 s.]

Вронская В. А. Фольклорные материалы Ивана Яковлевича Стяжкина в Государственном архиве Свердловской области [Электронный ресурс]. URL: http://urbibl.ru/Knigi/kruglyashova/folklor_urala_10.htm (дата обращения: 28.02.2014). [Vronskaya V. A. Fol'klornye materialy Ivana Yakovlevicha Styazhkina v Gosudarstvennom arhive Sverdlovskoj oblasti [Elektronnyj resurs]. URL: http://urbibl.ru/Knigi/kruglyashova/folklor_urala_10.htm (data obrascheniya: 28.02.2014).]

Соболева Л. С. Рукописная словесность Урала: наследование традиций и обретение самобытности : в 2 т. Екатеринбург, 2005. Т. 1 : Рукописный облик устного слова; Т. 2 : Рукописная традиция строгановского региона; Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV–XVIII в. Екатеринбург, 2006 (в соавт.) [Soboleva L. S. Rukopisnaya slovesnost' Urala: nasledovanie traditsij i obretenie samobytnosti : v 2 t. Ekaterinburg, 2005. T. 1 : Rukopisnyj oblik ustnogo slova; T. 2 : Rukopisnaya traditsiya stroganovskogo regiona; Literaturnyj protsess na Urale v kontekste istoriko-kul'turnykh vzaimodejstvij: konets XIV–XVIII v. Ekaterinburg, 2006 (v soavt.)]

Соболева Л. С. Рукописная и старопечатная книга Древней Руси : учеб. пособие. Екатеринбург, 2007. 312 с. [Soboleva L. S. Rukopisnaya i staropечатnaya kniga Drevnej Rusi : ucheb. posobie. Ekaterinburg, 2007. 312 s.]

Уральские сказки : сказки / [ред. В. В. Балкова, под общ. ред. О. В. Вострикова]. [Екатеринбург] : Свердлов. обл. Дом фольклора, 2002. (Из фольклорного наследия И. Я. Стяжкина ; т. 1) (Традиционная культура Урала). [Ural'skie skazki : skazki / [red. V. V. Balkova, pod obsch. red. O. V. Vostrikova]. [Ekaterinburg] : Sverdlov. obl. Dom fol'klora, 2002. (Iz fol'klornogo naslediya I. Ya. Styazhkina ; t. 1) (Traditsionnaya kul'tura Urala).]

Статья поступила в редакцию 25.03.2014 г.

УДК 398(=511.131) + 930.25(07)

Т. Г. Владыкина
Г. А. Глухова

ЛОКАЛЬНЫЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ АРХИВЫ И УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

В статье рассматриваются проблемы хранения и систематизации архивных фольклорных фондов Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, факультета удмуртской филологии Удмуртского госуниверситета и их использования в научных изданиях и в учебном процессе.

Ключевые слова: традиционная культура; удмуртский фольклор; архивные фонды; систематизация; учебные дисциплины; программы.

Проблема состояния фольклорных архивов, систематизации фондов, задействования их в разного рода исследованиях интересует научное сообщество все больше и больше. Формы обсуждения проблемы весьма многообразны: работа круглых столов, формирование отдельных секций на конференциях и конгрессах, дискуссии на страницах журналов [см., например: Круглый стол; АФ]. Российские исследователи, расширив границы фольклористики до области традиционной культуры и осознав богатство локальных версий и вариантов жанрового репертуара, стремятся аккумулировать локальные архивы, используя возможные способы хранения, презентации и интерпретации материалов и оптимально использовать его активы [Иванова, с. 137]. Созданы специальные лаборатории, центры по изучению духовной культуры различных ареалов, например, в Магнитогорском, Марийском, Пермском педагогическом, Поморском, Сыктывкарском, Нижегородском, Ульяновском и других университетах.

Удмуртская республика представляет собой регион, фольклорные собрания которого сосредоточены в трех учреждениях. Более длительную хронологию хранения, по сравнению с другими, имеют фонды Научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (УИИЯЛ УрО РАН), который был создан в 1931 г. как Институт по изучению социалистической культуры. В конце 30-х гг. его преобразовали в Удмуртский научно-исследовательский институт при Совете Министров УАССР (УдНИИ при СМ УАССР), а в 1988 г. он получил статус академического в системе Уральского отделения РАН [Институт, с. 5, 27–79; Загребин]. Другим серьезным фондодержателем является Удмуртский государственный университет. Здесь в 1972 г., в связи с преобразованием педагогического института, как и во многих других «молодых» российских университетах, появилась возможность включить полевою фольклорную практику в учебные планы, что и стало причиной и следствием появления собрания фольклорных материалов из разных районов Удмуртии. Корпусы удмуртского и русского фольклора сосредоточены сегодня на факультете удмуртской филологии и филологическом факультете. Богатая фольклорная коллекция по русскому фольклору Удмуртии имеется также в Глазовском государственном педагогическом институте

им. В. Г. Короленко (ГППИ), который начал сбор фольклорного материала еще в конце 60-х — начале 70-х гг. XX в.

В разные годы раритеты фольклорных фондов УИИЯЛ УрО РАН [Верещагин, 2001; 2002], а также наиболее насыщенные по информативности полевые материалы последних десятилетий XX в. интенсивно использовались учеными при издании сборников материалов и исследований, образцов речи [Бойкова, Владыкина, 1992; Ходырева; Чуракова; Нуриева, 1995; 2004; Карпова; Стародубцева, 1999; 2001]. В отдельных изданиях были систематизированы материалы, собранные студентами УдГУ и ГППИ очной и заочной форм обучения [Кельмаков, 1981; 1990; Kel'makov, Saarinen; Тамаркина; Шуклина, 1999].

Но при всем разнообразии изданий большая доля архивных материалов оставалась не систематизированной. Необходимость обращения к архиву как непреходящей ценности ставилась неоднократно [Владыкина, 2001; 2005; 2006]. Начало систематизации фольклорного фонда было положено благодаря поддержке в 2006–2008 гг. Российским гуманитарным научным фондом проекта УИИЯЛ УрО РАН «Электронная база данных по традиционной культуре народов Удмуртии» (№ 06-04-03821в) в рамках мегапроекта «Образ России в современном мире» [Владыкина, 2007]. Проект стал началом работы над архивными материалами с применением современных технологий и определил перспективу их использования в долгосрочных научных планах по исследованию духовной культуры народов региона.

Естественно, что за три отведенных для проекта года исполнителям не удалось решить задачу создания базы данных в полном объеме даже в рамках одного научного учреждения. Но созданная рабочая модель базы данных на основе архивных фондов Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН стала началом работы над систематизацией архивных материалов и презентации их на современных носителях по республике в целом. Впервые была сделана попытка обобщить и систематизировать уникальные рукописные фольклорно-этнографические записи 20–60-х гг. XX в., создать интерактивную базу данных для введения конкретной текстовой информации в научный оборот. Положено начало комплексному виду электронного хранения фондов Научно-отраслевого архива Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН, Удмуртского государственного университета, Глазовского государственного педагогического института им. В. Г. Короленко. Гипертекстовая база данных включает в себя текстовые, аудио-, фото-, видеоматериалы, наглядно демонстрирует жанровое многообразие традиционной культуры народов Удмуртии (удмуртов, русских, бесермян, с перспективой дополнения материалами по духовной культуре татар, марийцев, коми-пермяков), обеспечивает сохранение раритетных материалов рукописного, фото- и аудиофондов. Информация в базе данных учитывает каждую единицу фольклорного архива с указанием обязательных характеристик: номер единицы хранения, время и место записи, сведения об информанте (ФИО, дата и место рождения, образование, род занятий) и собирателе, язык и перевод названия текста, особенности бытования и характеристику жанра, информацию о публикации текста, для аудио- и видеоматериалов — описание технических характеристик и условий записи. В дальнейшем предполагается создание и введение новых

параметров поиска: по мотивам, сюжетам, темам, персонажам, художественным особенностям текстов, напевам, ритмо- и ладовым формулам.

Особое беспокойство всегда вызывало состояние Фонограммархива УИИЯЛ УрО РАН. Впервые возможность перезаписи на цифровые носители была получена в рамках проекта по созданию вышеозначенной базы данных, продолжена благодаря международному проекту «Древние голоса уральского мира: Звуковые записи в архивах России (в частности, в Удмуртии), Эстонии, Финляндии и Венгрии» (координаторы — доктор Тьерд де Граф, член Фризской Академии (Нидерланды), В. Н. Денисов, сотрудник УИИЯЛ УрО РАН), который финансировался Британской библиотекой через Гронингенский университет (Нидерланды) [Граф, Денисов; Денисов, 2009; 2010]. Участие в этом проекте дало возможность по-новому взглянуть на аудиоматериалы, на необходимость соблюдения определенных параметров, соответствующих международным стандартам. Оцифровано примерно 100 аудиокассет (около 150 часов звучания) согласно стандартам Британской библиотеки (частота дискретизации 96 000 Гц, 24 бита) в формате WAV. Аудиокассета как единица хранения фонотеки делится на менее объемные единицы хранения, представляющие собой отдельный фольклорный жанр с метаданными, т. е. с сопутствующей информацией. Таким образом, каждая сторона кассеты представляет собой папку-контейнер с другими, менее объемными, отдельными папками-контейнерами, содержимое которых составляют два файла: звуковой и текстовый [Владыкина, Корнилов, с. 36–37].

Несмотря на определенные итоги, работа по созданию базы данных фольклорного архива Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН пока на стадии становления.

Фольклорный архив факультета удмуртской филологии Удмуртского государственного университета в основном формировался в результате собирательской работы студентов под научным руководством преподавателей в Удмуртской республике и на территории с компактным проживанием удмуртской диаспоры в Республиках Татарстан и Башкортостан. Систематические выезды на полевую практику начаты с 1976 г.

Факультет практикует две формы фольклорной практики — полевую и индивидуальную. Полевую практику студенты проходят организованно в составе выездной группы, возглавляемой руководителем. Индивидуальный сбор фольклорного материала или прохождение стационарной фольклорной практики самостоятельно допускается студентами-заочниками, которых консультирует групповой руководитель. Этот способ сбора материала весьма продуктивен, поскольку студенческий контингент факультета удмуртской филологии в основном сельский. Кроме того, корпус текстов постоянно пополняется за счет выполнения дипломных проектов, которые пишутся студентами по отдельной локальной традиции, чаще по родной деревне или округу родственных деревень.

К большому сожалению, фольклорно-лингвистические фонды факультета долгое время не систематизировались. Только в 2000 г. в перечень отчетного материала стали входить не только аудиозаписи, но и составление электронной версии всех сдаваемых текстовых документов. В последние годы студенты привозят из фольклорных экспедиций видеоматериалы. Благодаря современным

техническим возможностям (компьютерам, диктофонам, видеокамерам и др.) стало возможным хранить записи на электронных носителях, позволяющих услышать фольклорные произведения в живом исполнении, с сохранением диалекта и манеры пения или сказительства, т. е. в том виде, в каком они бытуют в конкретной местности. Но, к сожалению, и здесь возникают проблемы из-за отсутствия единых программ сбора материала и их фондирования.

Проблема состояния фольклорных фондов, отношения к его содержимому, использование его на практике напрямую связана с учебным процессом. Научные работники практически всегда апробируют свои знания в качестве преподавателей, используют свои материалы и наработки при составлении программ учебных дисциплин, учебно-методических пособий [Нуриева, 2011; Толкачева (Стародубцева), 2013а; 2013б; Шуклина, 2012].

Отношение к фольклорным фондам, архивам — часть общей культуры, и эта идея должна стать одним из важнейших аспектов в деле образования и воспитания подрастающего поколения. Стремление к демократизации и гуманизации жизни общества стимулирует обращение к извечным общечеловеческим ценностям. Это требует восстановления деформированных за последние десятилетия естественных структур мировосприятия и социальной организации. Как в обществе, так и в учебно-воспитательных учреждениях меняется отношение к традиционной духовной и материальной культуре народов, к религиозным верованиям и институтам, их роли в общественной и частной жизни человека, в формировании его личности. В связи с этим в последние годы активизировалось изучение традиционной культуры. Не случайно в конце 1990-х гг. были разработаны новые образовательные госстандарты, в которых обязательным пунктом был введен национально-региональный компонент, предполагающий прежде всего изучение национального фольклора, шире — традиционной культуры своего народа. Благодаря госстандартам появилась возможность ввести в образовательные программы региональный компонент. Вопросы преподавания регионального фольклора, традиционной культуры, разработки учебных программ и пособий затрагивались на совещании-семинаре преподавателей фольклора в рамках секции «Фольклористика» Совета по филологии УМО по классическому университетскому образованию, состоявшегося в апреле 2004 г. на базе кафедры фольклора Московского университета. В результате на факультете удмуртской филологии УдГУ была введена специализация по фольклористике, которая реализовывалась на основе сквозных спецкурсов и факультативных занятий по краеведению и региональному фольклору, а также в форме кружковой и самостоятельной работы студентов. На кружковых занятиях студенты занимались фото- и видеосъемкой явлений и фактов традиционной культуры, обучались камеральной обработке собранного материала, его оформлению, каталогизации. Рабочие программы, а затем и учебно-методические комплексы спецкурсов были составлены с учетом изучения разных аспектов традиционной культуры удмуртов. Со 2 по 5 курс читались следующие дисциплины: «Основы мифологии. Мифопоэтика», «Герменевтика фольклорного текста», «Текстология и эдичия фольклора», «Современная фольклористика: методы, направления, школы» (авт.-сост. Т. Г. Владыкина). Для студентов,

не специализирующихся по фольклористике, и сегодня читается общий курс «Краеведение» (авт.-сост. Т. Г. Владыкина), базирующийся также на национальном фольклоре.

В начале 2000-х гг. в рамках регионального компонента изучение традиционной культуры постепенно внедряется и на других гуманитарных факультетах. Специализированный курс «Традиционная культура удмуртского народа» (авт.-сост. Г. А. Глухова), рассчитанный на 36 аудиторных часов, направлен на освоение и усвоение философских основ традиционного мировоззрения, которые способны ориентировать современного человека в системе общечеловеческих ценностей. Около четырех лет дисциплина «Традиционная культура удмуртского народа» преподается на факультете медицинской биотехнологии, три года — на факультете информационных технологий и вычислительной техники. В институте педагогики, психологии и социальных технологий рассматриваемый курс к настоящему времени читается для всех имеющихся специализаций. При составлении программы учтены разные сферы знания из области материальной и духовной культуры, комплексно представляющие основные разделы современного понимания народоведения. Опыт преподавания данной дисциплины позволяет сказать, что современного студента не только и не столько интересуют описания обрядов или вербальные жанры фольклора, сколько осмысление отдельных деталей в общекультурном, глобальном — культурологическом — контексте. Потому при изучении традиционной культуры основной акцент делается на втором блоке — фольклорно-мифологическом, где изучаются семантика, символика отдельных мифологических образов, терминов, атрибуты, поведенческих стереотипов и т. д.

Студенты факультета удмуртской филологии в настоящее время, помимо специализации по удмуртскому и русскому языку, имеют возможность углубленного изучения иностранных языков (английского, финского, венгерского). У факультета хорошие связи с зарубежными университетами, и это дает хорошую возможность взаимообмена обучающимися (студентами, магистрантами, преподавателями). Больше десяти лет работают летние курсы для иностранцев по изучению удмуртского языка. Слушатели этих курсов обязательно знакомятся с традиционной культурой удмуртского народа. В последнее время дисциплина читается также для всех иностранных студентов, находящихся на учебе в Удмуртском госуниверситете.

АФ — Форум «Устные материалы в архивах: проблемы отбора, хранения и доступа» // Антропологический форум. 2012. № 17. С. 9–11. [Forum «Ustnye materialy v arkhivakh: problemy otbora, khraneniya i dostupa» // Antropologicheskij forum. 2012. N 17. S. 9–11.]

Бойкова Е. Б., Владыкина Т. Г. Песни южных удмуртов : материалы и исследования. Вып. 1. Ижевск, 1992. 192 с. (Удмуртский фольклор). [Bojkova E. B., Vladykina T. G. Pesni yuzhnykh udmurtov : materialy i issledovaniya. Vyp. 1. Izhevsk, 1992. 192 s. (Udmurtskij fol'klor).]

Верещагин Г. Е. Собр. соч. : в 6 т. / под ред. В. М. Ванюшева. Т. 4 : Фольклор. Кн. 1 : Удмуртский фольклор: Предания. Легенды. Побывальщины. Сказки. Басни. Пословицы. Поговорки. Загадки / отв. за вып. и авт. предисл., предметно-тематич. указателя с коммент.

и указателя жанровых разновидностей устной прозы Т. Г. Владыкина. Ижевск, 2001. 224 с. [Vereschagin G. E. Sobr. soch. : v 6 t. / pod red. V. M. Vanyusheva. T. 4 : Fol'klor. Kn. 1 : Udmurtskij fol'klor: Predaniya. Legendy. Pobyval'schiny. Skazki. Basni. Poslovitsy. Pogovorki. Zagadki / otv. za vyp. i avt. predisl., predmetno-tematich. ukazatelya s komment. i ukazatelya zhanrovyykh raznovidnostej ustnoj prozy T. G. Vladykina. Izhevsk, 2001. 224 s.]

Верещагин Г. Е. Собр. соч. : в 6 т. / под ред. В. М. Ванюшева. Т. 4 : Фольклор. Кн. 2 : Русский фольклор: Сказки. Анекдоты. Песни. Детский фольклор. Пословицы и поговорки. Загадки / отв. за выпуск и авт. предисл. Т. Г. Владыкина ; предметно-тематический словарь-указатель Т. Г. Владыкиной, Н. В. Глотовой, Л. Н. Долгановой, А. С. Мутиной ; прил. А. С. Мутиной. Ижевск, 2002. 410 с. [Vereschagin G. E. Sobr. soch. : v 6 t. / pod red. V. M. Vanyusheva. T. 4 : Fol'klor. Kn. 2 : Russkij fol'klor: Skazki. Anekdoty. Pesni. Detskij fol'klor. Poslovitsy i pogovorki. Zagadki / otv. za vypusk i avt. predisl. T. G. Vladykina ; predmetno-tematicheskij slovar'-ukazatel' T. G. Vladykinoj, N. V. Glotovoj, L. N. Dolganovoj, A. S. Mutinoj ; pril. A. S. Mutinoj. Izhevsk, 2002. 410 s.]

Владыкина Т. Г. Новые горизонты удмуртской фольклористики // Институт: История и современность: К 70-летию Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук : сб. ст. Ижевск, 2001. С. 214–222. [Vladykina T. G. Novye gorizonty udmurtskoj fol'kloristiki // Institut: Istoriya i sovremennost': K 70-letiyu Udmurtskogo instituta istorii, yazyka i literatury Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk : sb. st. Izhevsk, 2001. S. 214–222.]

Владыкина Т. Г. Исследования традиционной культуры и фольклора в Удмуртии // Традиционная культура. 2005. № 3. С. 63–70. [Vladykina T. G. Issledovaniya traditsionnoj kul'tury i fol'klora v Udmurtii // Traditsionnaya kul'tura. 2005. N3. S. 63–70.]

Владыкина Т. Г. Удмуртская фольклористика: итоги и перспективы // Первый Всероссийский конгресс фольклористов : сб. докл. Т. 2. М., 2006. С. 148–157. [Vladykina T. G. Udmurtskaya fol'kloristika: itogi i perspektivy // Pervyj Vserossijskij kongress fol'kloristov : sb. dokl. T. 2. M., 2006. S. 148–157.]

Владыкина Т. Г. Актуальные проблемы исследования традиционной культуры в Удмуртии // Вестн. Удмурт. ун-та. Филол. науки. 2007. № 5 (1). С. 103–108. [Vladykina T. G. Aktual'nye problemy issledovaniya traditsionnoj kul'tury v Udmurtii // Vestn. Udmurt. un-ta. Filol. nauki. 2007. N5 (1). S. 103–108.]

Владыкина Т. Г., Корнилов Д. Л. Формирование базы данных фольклорного архива Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН // Мультимедийные и цифровые технологии в собирании, сохранении и изучении фольклора / сост. В. Л. Кляус, Е. В. Миненок ; под ред. В. М. Гацака. М., 2012. С. 30–37. [Vladykina T. G., Kornilov D. L. Formirovanie bazy dannykh fol'klornogo arkhiva Udmurtskogo instituta istorii, yazyka i literatury UrO RAN // Mul'timedijnye i tsifrovyte tekhnologii v sobiranii, sokhranении i izuchenii fol'klora / sost. V. L. Klyaus, E. V. Minenok ; pod red. V. M. Gatsaka. M., 2012. S. 30–37.]

Грааф де Т., Денисов В. Н. Сохранение звукового наследия народов Удмуртской республики: опыт ведущих звуковых архивов мира // Россия и Удмуртия: история и современность : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства. Ижевск, 20–22 мая 2008 г. / сост. и общ. ред. В. В. Пузанова и А. Е. Загребина. Ижевск, 2008. С. 866–878. [Graaf de T., Denisov V. N. Sokhranenie zvukovogo naslediya narodov Udmurtskoj respublikii: opyt veduschikh zvukovykh arkhivov mira // Rossiya i Udmurtiya: istoriya i sovremennost' : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyasch. 450-letiyu dobrovol'nogo vkhozheniya Udmurtii v sostav Rossijskogo gosudarstva. Izhevsk, 20–22 maya 2008g. / sost. i obsch. red. V. V. Puzanova i A. E. Zagrebina. Izhevsk, 2008. S. 866–878.]

Денисов В. Н. О сохранении фольклорных и лингвистических архивных записей как важнейшей части культурного наследия финно-угорских народов // Ежегодник финно-угорских исследований '08. Ижевск, 2009. С. 221–231. [Denisov V. N. O sokhranении fol'klornykh

i lingvističeskikh arkhivnykh zapisej kak vazhnejšej časti kul'turnogo nasledija finno-ugorskikh narodov // *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanij*'08. Izhevsk, 2009. S. 221–231.]

Денисов В. Н. К вопросу о создании Единой Фонотеки удмуртских архивных записей: принципы, методы и технологии // *Ежегодник финно-угорских исследований*. Вып. 1 / науч. ред. Н. И. Леонов ; сост.-ред. А. Е. Загребин, А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова ; отв. ред. Д. И. Черашняя. Ижевск, 2010. С. 109–117. [Denisov V. N. K voprosu o sozdanii Edinoj Fonoteki udmurtskikh arkhivnykh zapisej: printsi py, metody i tekhnologii // *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanij*. Vyp. 1 / nauch. red. N. I. Leonov ; sost.-red. A. E. Zagrebin, A. V. Ishmuratov, R. V. Kirillova ; otv. red. D. I. Cherashnyaya. Izhevsk, 2010. S. 109–117.]

Загребин А. Е. УдНИИ – УИИЯЛ УрО РАН – 80 лет: время анализа // *Библиографический указатель трудов УИИЯЛ УрО РАН. 1931–2011 гг.* / гл. ред. А. Е. Загребин ; науч. ред. М. Г. Иванова ; отв. за вып. Л. И. Поздеев; сост. Т. А. Васина, А. П. Сидорова, С. Д. Смирнова, Л. С. Христолюбова. Ижевск, 2011. С. 5–15. [Zagrebin A. E. UdNII – UIIYAL UrO RAN – 80 let: vremya analiza // *Bibliograficheskiy ukazatel' trudov UIIYAL UrO RAN. 1931–2011 gg.* / gl. red. A. E. Zagrebin ; nauch. red. M. G. Ivanova ; otv. za vyp. L. I. Pozdeev; sost. T. A. Vasina, A. P. Sidorova, S. D. Smirnova, L. S. Khristolyubova. Izhevsk, 2011. S. 5–15.]

Иванова Т. Г. Русская фольклористика в XX веке: проблемы историографии // *Первый Всероссийский конгресс фольклористов : сб. докл. Т. 1. М., 2005. С. 134–147.* [Ivanova T. G. Russkaya fol'kloristika v XX veke: problemy istoriografii // *Pervyj Vserossijskiy kongress fol'kloristov : sb. dokl. T. 1. M., 2005. S. 134–147.*]

Институт: История и современность: К 70-летию Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук : сб. ст. Ижевск, 2001. 424 с. [Institut: Istoriya i sovremennost': K 70-letiyu Udmurtskogo instituta istorii, yazyka i literatury Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk : sb. st. Izhevsk, 2001. 424 s.]

Карпова Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. Ижевск, 2005. 581 с. [Karpova L. L. Srednечepetskiy dialekt udmurtskogo yazyka: Obraztsy rechi. Izhevsk, 2005. 581 s.]

Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи. Северное наречие и срединные говоры. Ижевск, 1981. 298 с. [Kel'makov V. K. Obraztsy udmurtskoj rechi. Severnoe narechie i sredinnye govory. Izhevsk, 1981. 298 s.]

Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи 2. Срединные говоры / науч. ред. И. В. Тараканов. Ижевск, 1990. 368 с. [Kel'makov V. K. Obraztsy udmurtskoj rechi 2. Sredinnye govory / nauch. red. I. V. Tarakanov. Izhevsk, 1990. 368 s.]

Круглый стол «Проблемы хранения и систематизации фольклора» // Программа Второго Всероссийского конгресса фольклористов (1–6 февраля 2010 г.). М., 2010. [Kruglyj stol «Problemy khraneniya i sistematizatsii fol'klora» // Programma Vtorogo Vserossijskogo kongressa fol'kloristov (1–6 fevralya 2010 g.). М., 2010.]

Нурьева И. М. Песни завятских удмуртов. Вып. 1. Ижевск, 1995. 232 с. (Удмуртский фольклор). [Nurieva I. M. Pesni zavjatskikh udmurtov. Vyp. 1. Izhevsk, 1995. 232 s. (Udmurtskiy fol'klor).]

Нурьева И. М. Песни завятских удмуртов. Вып. 2. Ижевск, 2004. (Удмуртский фольклор). [Nurieva I. M. Pesni zavjatskikh udmurtov. Vyp. 2. Izhevsk, 2004. (Udmurtskiy fol'klor).]

Нурьева И. М. Многоголосие на уроках сольфеджио на материале удмуртских народных песен : учеб.-метод. пособие. Ижевск, 2011. 26 с. [Nurieva I. M. Mnogogolosie na urokakh sol'fedzhio na materiale udmurtskikh narodnykh pesen : ucheb.-metod. posobie. Izhevsk, 2011. 26 s.]

Романовая лирика Удмуртии / ред.-сост. Э. А. Тамаркина. Ижевск, 2000. Вып. 1. 856 с. (Русский фольклор в XX веке). [Romansovaya lirika Udmurtii / red.-sost. E. A. Tamarkina. Izhevsk, 2000. Vyp. 1. 856 s. (Russkiy fol'klor v XX veke).]

Стародубцева С. В. «Ох, распечальное мое сердечко»: Песни из репертуара Натальи Власовой. Ижевск, 1999. 226 с. [Starodubtseva S. V. «Okh, rospechal'noe moe serdechko»: Pesni iz repertuara Natal'i Vlasovoj. Izhevsk, 1999. 226 s.]

Стародубцева С. В. Русская хороводная традиция Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 2001. 421 с. [Starodubtseva S. V. Russkaya khorovodnaya traditsiya Kamsko-Vyatskogo mezhdurech'ya. Izhevsk, 2001. 421 s.]

Толкачева С. В. Русский музыкальный свадебный фольклор Удмуртии : учеб.-метод. пособие. Ижевск, 2013а. 60 с. [Tolkacheva S. V. Russkij muzykal'nyj svadebnyj fol'klor Udmurtii : учеб.-metod. posobie. Izhevsk, 2013. 60 s.]

Толкачева С. В. Фольклорное сольфеджио на материале русских народных песен Удмуртии : учеб.-метод. пособие. Ижевск, 2013б. 60 с.: нот., CD. [Tolkacheva S. V. Fol'klornoe sol'fedzhio na materiale russkikh narodnykh pesen Udmurtii : учеб.-metod. posobie. Izhevsk, 2013. 60 s.: not., CD.]

Ходырева И. М. Песни северных удмуртов. Вып. 1. Ижевск, 1996. 120 с. (Удмуртский фольклор). [Khodyreva I. M. Pesni severnykh udmurtov. Vyp. 1. Izhevsk, 1996. 120 s. (Udmurtskij fol'klor).]

Чуракова Р. А. Песни южных удмуртов. Вып. 2. Ижевск, 1999. 160 с. (Удмуртский фольклор). [Churakova R. A. Pesni yuzhnykh udmurtov. Vyp. 2. Izhevsk, 1999. 160 s. (Udmurtskij fol'klor).]

Шуклина, 1999 — Сказки (По материалам фольклорного фонда ГПИ им. В. Г. Короленко) / сост. Т. А. Шуклина. Ижевск, 1999. 105 с. (Русский фольклор Удмуртии). [Skazki (Po materialam fol'klornogo fonda GGPI im. V. G. Korolenko) /sost. T. A. Shuklina. Izhevsk, 1999. 105 s. (Russkij fol'klor Udmurtii).]

Шуклина Т. А. Русский фольклор Удмуртии: источники, этапы перспективы изучения // Свадьба : учеб. пособие / науч. ред. Т. А. Шуклина. Глазов, 2012. 96 с. (Русский фольклор Удмуртии). [Shuklina T. A. Russkij fol'klor Udmurtii: istochniki, etapy i perspektivy izucheniya // Svad'ba : учеб. posobie / nauch. red. T. A. Shuklina. Glazov, 2012. 96 s. (Russkij fol'klor Udmurtii).]

Kel'makov V., Saarinen S. Udmurtin murteet. Turku ; Iževsk, 1994. 368 s. (Publications of the Department of Finnish and General Linguistics of the University of Turku — 47).

Статья поступила в редакцию 28.03.2014 г.

УДК 398(=161.2) + 008

Н. А. Власкина

**«КАЗАЧИЙ БРЕНД» ПОСЕЛЕНИЙ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ:
ВОПРОСЫ ИДЕНТИЧНОСТИ И КУЛЬТУРОСТРОИТЕЛЬСТВА***

В статье акцентируются проблемы продвижения образа (или бренда) локальных территорий. Объектом комплексного анализа становится Миллеровский район Ростовской области как регион, где насаждаемый бренд казачьего края вступает в противоречие с историей заселения региона крестьянами из Харьковской, Полтавской и других губерний. Материалом для исследования выступают несколько типов источников из объединенного архива диалектологических и этнолингвистических экспедиций Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН и Южного федерального университета. Выделяются основные каналы трансляции казачьего образа региона: СМИ, органы образования и культуры, районная администрация. Делается вывод о размытости этнической идентичности местного населения.

Ключевые слова: бренд; идентичность; казак; украинец; традиционная культура.

Стремительное размывание народной традиции, которое регистрируется в последние несколько десятилетий во многих этнических группах, имеет следствием активизацию процессов формирования культурного наследия с использованием избранных элементов той или иной культуры, выступающей уже не как целостный комплекс, а как набор разрозненных фрагментов. Й. Бьоркхолм, исследуя структуру данного процесса, среди его стадий выделяет стадию присвоения значения, при которой отдельные элементы культурного комплекса наделяются особым символическим смыслом и приобретают исключительный статус [Björkholm, p. 325–328, 331–332]. В результате превращения фрагмента культуры в объект наследия он становится субститутутом всего комплекса культуры, появляется возможность его превращения в схему, стереотип. Эти же процессы — упрощения, схематизации, присвоения значения — характеризуют стратегии общественной деятельности этнических групп, выступающих на межрегиональной или международной арене. Данные стратегии изучаются в рамках междисциплинарных исследований, посвященных этнокультурному брендингу территорий.

Понятия *бренд*, *брендинг*, изначально использовавшиеся в значении ‘образ фирмы’, ‘торговая марка’, в последние полтора десятилетия расширяют сферу своего применения и активно используются в отношении территорий и даже наций, народов, как за рубежом, так и в России.

Согласно М. Арончик и Д. Пауэрс, эта тенденция означает сдвиг в понимании социальных отношений, политических программах, в саморепрезентации людей и государств, трансформацию того, как происходит организация

---

* Работа выполнена в рамках реализации проекта «Русско-украинские культурные связи в XIX–XXI веках: история, проблемы, перспективы» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности».

социальной жизни, с помощью каких средств выражается. Бренд становится способом структурирования информации [Aronczyk, Powers, p. 1–2].

В. К. Малькова и В. А. Тишков предлагают следующее определение бренда регионов и мест: «Историко-культурный образ-бренд территории — это широкий комплекс ее реальных характеристик и потенциальных возможностей, имеющий историческое и культурно-психологическое значение для прошлого, настоящего и будущего региона и его жителей, а также и для “внешних потребителей”» [Малькова, Тишков, с. 31].

Продвижение образа (или бренда) локальных территорий — активное направление развития как теоретических исследований, касающихся этнической идентичности, так и практико-ориентированной политической деятельности, объектом которой являются разные по величине и значимости территориальные образования (от маленьких деревень до крупных государств и государственных блоков). Необходимость такого рода деятельности возникла в связи с переходом к глобальному рынку и повышением конкуренции между разными регионами.

Безусловно, степень стороннего вмешательства в создание образа территории может быть разной. Политику «ребрендинга» могут реализовать как государства (например, Эстония) или города, с целью повысить свою привлекательность для инвестиций, улучшить репутацию в международном сообществе [Anholt, p. 14], так и менее крупные территориальные образования. Подобные процессы могут быть не столь явно артикулируемыми, но по своему содержанию близкими названным.

На территории Ростовской области процессы по выстраиванию регионального имиджа, отличного от сложившегося в результате историко-социальных преобразований, можно наблюдать в Миллеровском районе. Представляется, что официальные способы саморепрезентации, используемые миллеровцами, вписываются в концепцию этнокультурного брендинга территорий.

Далее в статье будут рассматриваться материалы, собранные в Миллеровском районе Ростовской области в 2011–2012 гг. в ходе совместных этнолингвистических экспедиций факультета филологии и журналистики Южного федерального университета и Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН. Целью полевой работы был сбор информации о современном состоянии языка и традиционной культуры в регионе.

Полевая работа, проводимая ростовской этнолингвистической научной группой, в разные периоды имела разный формальный статус: с 1995 г. сбор материала по языку и традиционной культуре южного региона велся во время студенческих диалектологических практик, с 2003 по 2012 гг., во время существования специализации «Этнолингвистика» в Ростовском государственном (в 2007 г. преобразованном в Южный федеральный) университете, действовала этнолингвистическая практика. С 2008 г. исследования осуществляются совместно с Южным научным центром РАН и с 2011 г. — с Институтом социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН. Руководителями выездов выступали Б. Н. Проценко, Н. А. Архипенко, Т. Ю. Власкина, Н. В. Калиничева. В течение всего названного периода целью полевой работы

было комплексное обследование территории проживания донских казаков, изучение этнокультурных контактов казачьего и украинского населения Дона, взаимодействия донского казачьего и соседних локальных вариантов традиционной культуры [Архипенко, Власкина, Рудиченко, с. 9–11].

Принцип междисциплинарного исследования, последовательно применяемый группой, предполагает обращение к разным видам источников и использование нескольких видов материала: это расшифровки формализованных и неформализованных интервью [Калиничева], где информантами выступают местные жители старшего (реже среднего) возраста, работа с краеведческими письменными материалами в поселковых библиотеках, фиксация фотографий, письменных источников и других экспонатов в музеях, аналогичных видов материалов — в семейных «архивах» информантов, методических разработок — в досуговых центрах.

Данная исследовательская стратегия применялась и в ходе экспедиционной работы в Миллеровском районе, об итогах которой пойдет речь далее.

Анализ полевых этнолингвистических материалов из объединенного полевого архива ИСЭГИ ЮНЦ РАН — ЮФУ выявил несовпадение образа культуры региона, региональной идентичности, транслируемых через СМИ, органы образования и культуры, и образа, который складывался из документов о заселении края и бесед с информантами.

Какой же образ территории транслирует Миллеровский район? Прежде всего, он позиционирует себя как часть Ростовской области. В дореволюционный период ее территория входила в состав области Войска Донского — «казачьего края». Ростовская область стала наследницей этого образа, который стал особенно акцентирован после распада СССР и активизации движения за возрождение казачества. Вместе с областью соответствующую репутацию приобрел и Миллеровский район.

Образ Миллеровского района как казачьего края сегодня во многом создается благодаря деятельности общественных организаций. 1 июня 1991 г. в Миллерово прошел первый казачий круг — организационное собрание казаков города и района. «Миллеровские казаки, — как сообщала газета “Наш край”, — открыто говорили о необходимости возрождения казачества, его самобытной культуры и традиций, основанных на любви и преданности родной земле» [Субботина, Шевченко, 2011а]. Было создано несколько казачьих обществ (например, Союз казаков-энергетиков) и казачьи хутора: в Новоспасовке, Ольховом Роге, Каменке, Нижней и Верхней Таловке, Долотинке, Мальчевской и других населенных пунктах.

С 2006 г. в районе действует атаманское правление. Из 12 глав сельских поселений 9 являются атаманами хуторских казачьих обществ [Шевченко, Субботина]. Бывший до недавнего времени войсковым атаманом войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское» Виктор Водолацкий заявлял о том, что «Миллеровский район является одной из приоритетных территорий развития казачества в области» [Там же].

Органы образования также реализуют региональный компонент, ориентируясь на казачий образ Миллеровской земли.

В систему казачьего образования района входят более 30 образовательных учреждений, в том числе и Донецкий сельскохозяйственный техникум. В Миллеровском районе работают 11 образовательных учреждений, имеющих областной статус казачьих. Это детские сады № 2 и 9, школы — Титовская, Криворожская, Волошинская, Нагольненская, № 2 и 8, казачий Дом детства и юношества г. Миллерово и созданный на его базе казачий центр военно-патриотического воспитания молодежи «Донские зори», а также Миллеровское казачье кадетское профессиональное училище. В Мальчевском доме детства и юношества работает школа юных атаманов, в школе № 4 и гимназии № 1 созданы казачьи классы.

Многие образовательные учреждения Миллеровского района при реализации регионального компонента в образовании, разработке методических пособий опираются на материал, связанный с историей и традиционной культурой донского казачества. Так, например, в работе Мальчевского дома детей и юношества используются следующие методические комплекты: «Тематический вечер “Казачьи песни непокорные, песни радостно-вольные”», «Посиделки. Сценарий казачьего праздника “Покров”», «Музыкально-художественная композиция “Родимый край — казачий край”» и др. [ПМДЭЭ ЮФУ — ИСЭГИ, 2011].

Проводимые в районе спортивные мероприятия часто ассоциируются их организаторами с казачеством. Так, например, в Миллерово проводился баскетбольный турнир среди юношей, посвященный памяти первого атамана Миллеровского юрта Виктора Ивановича Быкова [Шевченко, Селин, 2011а]. Казачий центр военно-патриотического воспитания молодежи совместно с управлением образования устраивал соревнования по казачьему многоборью, включавшие такие конкурсы, как защита названия команды, строевая подготовка, стрельба из пневматической винтовки, подтягивание на перекладине, поднятие гири, военизированная эстафета [Субботина, Шевченко, 2011б].

Работники культуры местного и областного уровня также активно используют казачью тему в своей работе. Только в течение 2011 г. миллеровцы представляли весь Донецкий округ на большом концерте казачьих коллективов, который проводился во время второго съезда православной казачьей молодежи Юга России в Волгограде. «Миллеровский курень» был упомянут в числе лучших на областном мероприятии «Шолоховская весна». На празднике миллеровцы представили казачье подворье, предметы быта [Шолоховская весна]. Наконец, в Миллерово проходил Международный фестиваль фольклорных казачьих коллективов «Покрова на Дону» [Шевченко, Селин, 2011в].

Важным каналом трансляции казачьего образа района выступают средства массовой информации. В местной газете «Наш край» есть регулярная рубрика, озаглавленная «Донская повесть. Страница казаков Миллеровского юрта». В рамках рубрики выходят новостные сообщения о мероприятиях, связанных с казачеством, которые проходят в различных российских регионах: Москве, Новочеркасске, перепечатаются материалы пресс-службы Войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское», ведется летопись жизни казаков Миллеровского юрта. В речи жителей, интервьюируемых корреспондентами газеты, нередко звучит тема сохранения казачьего наследия миллеровской земли.

Характерно высказывание Ирины Шарко, выступавшей на фестивале «Покрова на Дону», интервью с которой было опубликовано в издании «Наш край»: «На донской земле огромный пласт культуры, замечательные песенные традиции. Отлично, что в Миллерово сохраняют, пропагандируют творчество донских казаков. Некоторым песням не одна сотня лет» [Шевченко, Селин, 2011б].

Наконец, в поселковых и районном музеях обязательной составляющей экспозиции являются выставочные блоки, рассказывающие о казачьем прошлом региона.

Однако, несмотря на заметную настойчивость ряда институций в создании казачьего образа региона, остается открытым вопрос: насколько правомерно использование такого бренда в отношении Миллеровского района?

Хотя основателями ряда его населенных пунктов были богатые казаки, приобретавшие земли или получавшие их в награду за службу, при выходе в отставку, однако большую часть населения всегда составляли крестьяне — выходцы из восточных малороссийских губерний. С малороссиян Донецкого округа, как пишет исследователь донского крестьянства Илья Ревин, началось формирование коренного донского крестьянства [Ревин]. Согласно данным переписи населения, в 1897 г. 39 % жителей Донецкого округа называли родным малороссийский язык [Первая всеобщая перепись, с. 78]. Эти сведения дополняются и уточняются данными приходских документов из населенных пунктов, расположенных на территории нынешнего Миллеровского района. Так, согласно записям приходской книги регистрации новорожденных за 1900–1918 гг., жителями станции Мальчевской были выходцы из Харьковской, Полтавской и Воронежской губерний [Скороход, с. 4].

Историческим данным соответствует и полевой этнолингвистический материал, собранный в экспедициях 2011–2012 гг.

Жители Миллеровского района говорят на диалекте на украинской основе, образцы материальной культуры (комплекс одежды, домостроительные традиции и т. д.) сохраняют элементы, свойственные украинской традиции, анализ обрядности также обнаруживает сходство с украинскими аналогами.

Наконец, сами информанты свидетельствуют о том, что казаков в их селах и слободах нет и не было и что их предки — *хохлы*, украинцы по происхождению или же (реже) русские.

Приведем несколько показательных примеров из интервью¹:

Екатирина, чи якась царица подарыла оцю зэмлю, в опшим у нас тут километроу, та нэзнаю, васимнацьгь чи пятнацьгь от станцыи ш станица, ну она станця, а тэпэр жэш вроде мыуже казаки подошли, станица стала (смеется). То булы мы иногороднии <...> Ну оно ш цэ тут казаки ж оны идуть по Дону там, дэ станыци, а у нас була станця Мальчешская, у нас нэ станыця, мы як хохлы [Утенкова].

В основном хохлы жыли. В нашей дивени казаков можно сказать, не было. Взять так, изретка. Казачка, например, сичас — Люба Жильцова казачка. Ну приежжая <...> Ну мы, например, украинцы, отец был украинец, ис Полтавыприехали сюда, закупили землю. И от это ж я говорю, мы отца звали тато, по-украински.

¹ Фрагменты интервью приводятся в орфографии с передачей отдельных фонетических черт говора.

<...> А казаки — то приежжые. Тут казаков не было. Вапще, канешна, вроди бы Растофская область, а туда, южнее, казѝки-то там [Герасименко].

Казаков у нас не была. Хахлы, хахлы и вот хто приижял. Вот адин из Иванафскай области приехал, жыл там, а вапще хахлы мы [Ковалева].

(Как говорили родители ваши? Кто вы такие: русские, хохлы, казаки?) Рускии, рускии проста, казаки — нет у нас дажы и в роду, а рускии мы фсе. Вот наше поколение фсе русские. У нас казаков здесь тожы нет. Вот у нас йиврей был адин ф Колодизях, и то он ат немца тикал [Харсекина].

Актуализация казачьей темы связывается с действиями местных властей:

(А местное население считает себя казаками?) Ну знайти, када стала сибя щитать, лет десить назат. Эта у нас проста принудилафка. Чиста навязывание, эта принудилафка, што вот казачиства и фсѝ. Вапще мы к казакам савиршенна никакова атнашения ни имеим, апсалютна. <...> Мы от здесь ф сириде, сиридини, вот Альховый Рох, Пазнеифка, вот мы, патом там дальшы Тирнавая, Дѝхтива — эта фсѝ помись вот такая. Дажы тут у нас казакоф ф принципи нет. У нас ниhto па-руски ни разгавариваит, как казаки гаварят, у нас так ниhto ни гаварит. У нас гаварят в аснавном тут на хахлячим йзыке, патаму шта фсе пришѝльцы с Украины [Карпенко].

Характерно, что информацию о казаках на миллеровской земле наши пожилые респонденты получают от внуков, в большей мере, нежели старшие, вовлеченных в образовательные и культурные мероприятия района:

Та, мы нѝ украинци, мы руськии уси, ну хто на, нас называлы цѝ раньшы хохлявѝ, хахлы. Хахлява. (А казаков тут никогда не было?) Да хто на, ани мабуць звалыся, упѝрѝт козаки, да, раньшыбули тут козаки. Понятно? Козаки, и от туточка, як цѝрква у нас була закрыта, а тоди открыли. Так у нас унук, щас у Криворожжи жывѝ, йии сапогы давалы, и он одѝсь на могилкы, на ти, шо козакиф ховалы, на ти могилкы ходыли, и на прудыоѝ, шо поробыли, шо купаца ф празныкы, це фсѝ з батюшкой усѝ робылы, и оны ходылы. Так оѝ оно туточко шо-то було раньше, шо называлася Позниука, цѝ по кому-сѝ Познеев [Тулай].

К последовательно выстраиваемой органами власти, образования и СМИ казачьей политике жители сел и слобод Миллеровского района относятся критично, поскольку новый образ не соответствует их истории. Приведем ироничное высказывание мальчевского краеведа Ольги Ивановны Скороход:

Вот адин пиригиб был, теперь делают другой. Вот у нашем Миллирава: казаки, казаки. Ну аткуда? Ну он сроду не был Миллирава казачий. А фсѝ — казаки, казачий хор, настока, вы панимаити, вот ано искуствинна, наиграана, меснае насиление эта панимаит. Асобинна лет десить назат, када надели эту форму, на лашыдях там па хутарам, как-та ано, эта ни фписывалась. Я думаю, эта как взяли, знайти бы, хатя бы абѝвили, вить ничѝ народу ни рассказывають, тада хатя бы взяли, абѝвили там, в газеты написали такую статью или как-та меснае тиливидиние данское сказала: шо типерь, рас мы фходим там ф тириторию Растофскай области, ана испакон века там щитала казачий, то афтаматичиски фсѝ насиление типерь щитать казѝками [Скороход].

Анализ источников разного происхождения, касающихся вопросов идентичности населения Миллеровского района Ростовской области демонстрирует явное противоречие между историей, сложившейся идентичностью и насаждаемым брендом территории.

Наряду с этим наблюдения над созданием образа Миллеровского района позволяют предположить, что в целом идентичность местного населения можно характеризовать как размытую. На уровне транслируемого за пределы региона общественного мнения мы видим демонстрацию готовности принять новый образ вне зависимости от того, имеет ли он какую-либо связь с реальностью. Идентичность казака, вероятно, представляется миллеровцам более выгодной в экономическом или идеологическом смысле, чем идентичность украинца, живущего в российском государстве.

Информанты:

Герасименко З. Д., 1932 г. р., уроженка Кашарского района РО, записана в сл. Криворожье Миллеровского района РО, собиратели: Гревцова Т. Е., Калиничева Н. В. ПМДЭЭ ЮФУ – ИСЭГИ, 2012 г.

Карпенко Т. Н., уроженка х. Подгорный Миллеровского района РО, записана в сл. Криворожье Миллеровского района РО, собиратели: Тряпкина Е. С., Борисова Я. В. ПМДЭЭ ЮФУ – ИСЭГИ, 2012 г.

Ковалева Н. А., 1956 г. р., ур. х. Подгорный Миллеровского района РО, записана в сл. Криворожье Миллеровского района РО, собиратели: Тряпкина Е. С., Борисова Я. В. ПМДЭЭ ЮФУ – ИСЭГИ, 2012 г.

Скорород О. И., 1953 г.р., уроженка х. Подгорный Миллеровского района РО, записана в ст. Мальчевская Миллеровского района РО, собиратели: Архипенко Н. А., Власкина Н. А. ПМДЭЭ ЮФУ – ИСЭГИ, 2011 г.

Тулай Л. А., 1932 г. р., уроженка х. Луки Миллеровского района РО, записана в сл. Позднеевка Миллеровского района РО, собиратели: Гревцова Т. Е., Карпун М. А. ПМДЭЭ ЮФУ – ИСЭГИ, 2012 г.

Утенкова М. И., 1937 г. р., уроженка х. Окошкин Миллеровского района РО, записана в ст. Мальчевская Миллеровского района РО, собиратели: Архипенко Н. А., Власкина Н. А. ПМДЭЭ ЮФУ – ИСЭГИ, 2011 г.

Харсекина Л. А., 1938 г. р., уроженка х. Колодези Миллеровского района РО, записана там же, собиратели: Архипенко Н. А., Власкина Н. А. ПМДЭЭ ЮФУ – ИСЭГИ, 2011 г.

Архипенко Н. А., Власкина Т. Ю., Рудиченко Т. С. Исследование языка, фольклора и традиционной культуры Подонья: история и современность // Традиционная культура. 2004. № 4. С. 3–15. [Arhipenko N. A., Vlaskina T. Yu., Rudichenko T. S. Issledovaniye folklor i traditsionnoj kultury Podoniya: istoriya i sovremennost // Traditsionnaya kultura. 2004. No 4. S. 3–15.]

Калиничева Н. В. Интервью как способ собирания диалектного материала // Слово и текст: коммуникативный, лингвокультурный и исторический аспекты : материалы междунар. науч. конф. Ростов н/Д, 2009. С. 276–277. [Kalinicheva N. V. Interv'ju kak sposob sobiraniya dialektного материала // Slovo i tekst: kommunikativnyj, lingvokul'turnyj i istoricheskij aspekty. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Rostov n/D, 2009. S. 276–277.]

Малькова В. К., Тишков В. А. Антропология историко-культурных брендов территорий, регионов и мест // Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест / под ред. В. К. Мальковой, акад. В. А. Тишкова. Ростов н/Д, 2012. С. 27–62. [Mal'kova V. K., Tishkov V. A. Antropologija istoriko-kul'turnyh brendov territorij, regionov i mest // Kul'tura i prostranstvo: istoriko-kul'turnye brendy i obrazy territorij, regionov i mest / pod red. V. K. Mal'kovoju, akad. V. A. Tishkova. Rostov n/D, 2012. S. 27–62.]

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XII. Область войска Донского. СПб., 1905. 239 с. [Pervaja vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj imperii 1897 g. XII. Oblast' vojska Donskogo. SPb., 1905. 239 s.]

Ревин И. Из истории поселений Миллеровского района Ростовской области. К 250-летию первой ревизии крестьянского населения Войска Донского [Электронный ресурс] // Донской временник. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m1/10/art.aspx?art_id=1204 (дата обращения: 28.03.2013). [Revin I. Iz istorii poselenij Millerovskogo rajona Rostovskoj oblasti. K 250-letiju pervoj revizii krest'janskogo naselenija Vojska Donskogo [Elektronnyj resurs] // Donskoj vremennik. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m1/10/art.aspx?art_id=1204 (data obrashhenija: 28.03.2013).]

Скорород О. И. Летопись села. Летопись библиотеки. Станция Мальчевская. Мальчевская, 2011. 104 с. Рукопись.

Субботина Е. Шевченко Т. Как все начиналось // Наш край. 2011а. 12 марта. [Subbotina E., Shevchenko T. Kak vse nachinalos' // Nash kraj. 2011. 12 marta.]

Субботина Е., Шевченко Т. Пятерки — командам // Наш край. 2011б. 12 марта. [Subbotina E., Shevchenko T. Pjaterki — komandam // Nash kraj. 2011. 12 marta.]

Шевченко Т., Селин Г. Памяти атамана // Наш край. 2011а. 5 февраля. [Shevchenko T., Selin G. Pamjati atamana // Nash kraj. 2011. 5 fevralja.]

Шевченко Т., Селин Г. В программе — 40 номеров // Наш край. 2011б. 9 апреля. [Shevchenko T., Selin G. V programme — 40 nomerov // Nash kraj. 2011. 9 aprelja.]

Шевченко Т., Селин Г. Фестиваль «Покрова на Дону» на миллеровской земле // Наш край. 2011в. 9 апреля. [Shevchenko T., Selin G. Festival' "Pokrova na Donu" na millerovskoj zemle // Nash kraj. 2011. 9 aprelja.]

Шевченко Т., Субботина Е. 20-летию возрождения казачества в Миллеровском районе // Наш край. 2011. 21 мая. [Shevchenko T., Subbotina E. 20-letiju vozrozhdenija kazachestva v Millerovskom rajone // Nash kraj. 2011. 21 maja.]

«Шолоховская весна»: Миллеровский курень — в числе лучших // Наш край. 2011. 2 июня. [“Sholohovskaja vesna”: Millerovskij kuren' — v chisle luchshih // Nash kraj. 2011. 2 ijunja.]

Anholt S. Places: Identity, Image and Reputation. Basingstoke ; New York, 2010. 179 p.

Aronczyk M., Powers D. Blowing Up the Brand // Blowing Up the Brand: Critical Perspectives on Promotional Culture (Popular Culture & Everyday Life) / ed. M. Aronczyk, D. Powers. New York, 2010. P. 1–26.

Vjörkholm J. Immaterial kulturarv som begrepp och process. Åbo, 2011. 355 p.

Статья поступила в редакцию 18.01.2014 г.

УДК 39:930 + 902.3(07)

Н. В. Ушаков

СИСТЕМА УЧЕТА И ОПИСАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ ПОЛЕВЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

В статье излагаются основные моменты системы учета и описания цифровых полевых материалов с самого начала их сбора, в том виде, который непосредственно ориентирован на их архивацию. Описываются семь основных видов цифровых полевых материалов (текстовые, иллюстративные, фото, аудио, видео, предметные, копии) и четыре стадии обработки коллекций. Рассматриваются основные проблемы хранения и сопоставления цифровых материалов в архивах, выявившиеся за десятилетие «потокового» поступления разнородных цифровых данных (проблема единицы учета материалов, заполнение баз данных и др.). Автор пошагово объясняет, как организовать все известные типы цифровых материалов в единую систему хранения по общим формальным критериям, которая упрощает последующую работу с большим объемом файлов и надежно «соединяет» электронный вид и другие носители.

Ключевые слова: цифровые полевые материалы; этнография; архивация; коллекция; единицы учета; база данных; полевая обработка; камеральная обработка материалов.

Целью данной работы является изложение основных моментов той системы учета и описания цифровых полевых этнографических материалов, которая начинается в самом поле, сразу нацелена на архивацию собираемых материалов и в последующем облегчает работу с большими объемами файлов.

Виды цифровых полевых материалов. Сейчас очень активно собираются цифровые полевые материалы, в которых можно четко определить семь видов: 1) текстовые, 2) иллюстративные, 3) фото, 4) аудио, 5) видео, 6) предметные, 7) копии.

Пояснения.

1. Сейчас текстовые материалы могут быть цифровыми, т. к. полевой дневник можно вести сразу в ноутбуке, куда записываются наблюдения и заключения по вечерам, минуя стадию рукописной записи. Рукописные конспекты бесед с информантами, синхронно записываемые в процессе беседы, можно путем электронного набора быстро занести в цифровой полевой дневник.

2. Иллюстративные материалы также могут быть цифровыми. Это изначально цифровые рисунки или тут же сканированные аналоговые рисунки.

3–5. Фото-, аудио-, видеоматериалы по определению сейчас имеют цифровую форму.

6. Предметные материалы могут быть представлены в виде цифровых фотографий вещей. Вещи остаются вещами, которые имеют только аналоговую форму, но можно оперативно пользоваться сразу сделанными цифровыми фотографиями собираемых вещей-экспонатов.

7. Материалы копий также имеют цифровую форму. Это сканы или цифровые репродукционные фотокадры аналоговых фотографий, рисунков и текстов (рукописных, машинописных, печатных) информантов, интересных для этнографии.

Проблема. Сейчас потоком собирают цифровые полевые материалы, но не успевают их описывать, что делает их непригодными для пользования. Обусловлено это двумя причинами:

1) резко возросшим количеством единиц современных цифровых материалов по сравнению с количеством единиц предшествующих аналоговых материалов;

2) возможностями компьютера, обернувшимися во вред. Фото-, аудио-, видеофайлы (в отличие от аналоговых фотокадров, треков, видеокадров фотоленок, аудио- и видеокассет, где невозможно изменить их исходный порядок), раскладываются по папкам как угодно, что и делают собиратели, причем каждый по своей системе. Результат — это суммы полевых раскладок файлов по разным принципам, которые практически невозможно ни сопоставить, ни соединить. Если к тому же происходит «отрыв» от исходного порядка поступления файлов, то это практически сводит на нет возможность классификации цифровых полевых материалов для их учета [Ушаков, 2013].

Основные принципы. Предлагается единая, строгая система полевого учета и описания, сразу нацеленная на жесткую архивную систему, позволяющая быстро находить нужные единицы цифровых полевых материалов.

Система основана на выделении формальных неизменяемых бесспорных единиц учета. (Спорные в научном смысле типы классификации легко выделяются, только когда мы оперируем учтенными единицами материалов). Этими единицами являются файлы всех перечисленных выше видов материалов, за исключением текстовых, где формальными единицами являются текстовые записи — части текстовых файлов — электронных полевых дневников.

Обычно в музеях применяются линейные инвентарные номера экспонатов (1–1000). В главных этнографических музеях Санкт-Петербурга — Музее антропологии и этнографии РАН и Российском этнографическом музее — весьма обоснованно применяется коллекционная система номеров: номер коллекции — номер экспоната, позволяющая уже в самих номерах, по первому коллекционному номеру, четко отнести экспонаты к региону и этносу, т. е. где экспонаты были собраны, что очень важно. Эта коллекционная система номеров (номер видовой коллекции — номер видового файла) очень подходит для цифровых материалов, ведь фото-, аудио-, видео- и другие виды файлов собраны в видовые собрания (видовые коллекции) в конкретных экспедициях, т. е. в конкретном регионе и у конкретного этноса.

За редкими исключениями, учет и описание файлов идет без «отрыва» от исходного порядка, что упрощает дело.

Теоретическая база. В основу положена система компонентов цифровых полевых материалов, где сравниваются сопоставимые классы компонентов во всех видах материалов, несмотря на специфику каждого. Это коллекционные (отрядные и именные) классы, рабочие (календарные и сборные) классы,

содержательные (составные, основные, дробные, фрагментные) классы. Именно эти классы являются блоками, единицами (файлами), дробями, фрагментами цифровых материалов. Это счетные (макси- и мини-) компоненты — минуты и секунды в аудио- и видеофайлах, дополнительные (носительские и укладочные) классы. Класс носителей повторяет основной класс единиц — файлов. Класс укладок — это ряд папок файлов разных таксономических уровней, повторяющих первые пять классов: отрядные, именные, календарные, сборные и составные папки, т. е. папки блоков. Можно также видеть, что первые 10 классов — это компоненты разных таксономических уровней от самого верхнего до самого нижнего.

Стадии обработки материалов. Выделены четыре стадии обработки цифровых полевых материалов: сборная, полевая (следующая за сборной), камеральная (уточняющая) и архивная (окончательная).

Общие параметры компонентов. Система компонентов дополнена суммой параметров (свойств) компонентов. Параметры компонентов, показывают, что классы компонентов одного таксономического уровня в разных видах материалов обладают одними и теми же свойствами, несмотря на серьезные фактурные отличия разных видов материалов. Это дало возможность создать единые принципы: а) в нумерации блоков, единиц, дробей и фрагментов на полевой, камеральной и архивной стадиях (на сборной стадии еще автоматические номера фото-, аудио-, видеофайлов фотокамер, диктофонов, видеокамер); б) в «движении» файлов по папкам на всех четырех стадиях от множества видовых папок разных таксономических уровней к единым видовым папкам; в) в документах описания — таблицах, идущих по всем стадиям, кроме сборной (здесь еще не сделаны описания);

Нумерация единиц материалов — файлов, из которых и состоят видовые собрания. Суть нумерации состоит в идентификационных описательных номерах полевой и камеральной стадий. Именно они позволяют привязать все видовые файлы к конкретной экспедиции, когда еще не может быть дан однозначный архивный номер конкретной видовой коллекции [Ушаков, 2012а].

А. Отряд. Отрядные видовые собрания состоят из суммы именных видовых собраний.

1. Сборная стадия. Автоматические номера фото-, аудио-, видеофайлов фото- и видеокамер и диктофонов, первичные рабочие номера текстовых записей, рисунков, вещей, копий в именных собраниях собирателей отряда.

2. Полевая стадия. Отдельные именные (по собирателям) идентификационные описательные номера файлов (сокращение экспедиции — номер файла) с индексами собирателей, позволяющие точно указать собирателя, вид материала, экспедицию и сам номер файла.

Полевая стадия

Иванов И. И.	Петров П. П.	Сидоров С.
Ivn DTx-ArhE2012-(01-17)	Ptr DTx-ArhE2012-(01-17)	Sdr DTx-ArhE2012-(01-17)
Ivn DPc-ArhE2012-(01-20)	Ptr DPc-ArhE2012-(01-20)	Sdr DPc-ArhE2012-(01-20)
Ivn DPh-ArhE2012-(0001-0100)	Ptr DPh-ArhE2012-(0001-0100)	Sdr DPh-ArhE2012-(0001-0100)
Ivn DAu-ArhE2012-(01-20)	Ptr DAu-ArhE2012-(01-20)	Sdr DAu-ArhE2012-(01-20)
Ivn DVd-ArhE2012-(001-050)	Ptr DAu-ArhE2012-(01-20)	Sdr DAu-ArhE2012-(01-20)
Ivn Ob-ArhE2012-(1-20)	Ptr Ob-ArhE2012-(1-20)	Sdr Ob-ArhE2012-(1-20)
Ivn DCp-ArhE2012-(001-050)	Ptr DCp-ArhE2012-(001-050)	Sdr DCp-ArhE2012-(001-050)

3. Камеральная стадия. Общие отрядные идентификационные описательные номера файлов (сокращение экспедиции — номер файла), причем без индексов собирателей, позволяющие точно указать вид материала, экспедицию и сам номер файла. На камеральной стадии идет последовательное суммирование видовых файлов каждого именного видового собрания, именная принадлежность файлов определяется по последовательным группам номеров.

Камеральная стадия

Отрядные нумерации файлов	Последовательные группы номеров файлов собирателей отряда		
	Иванов — (01-17)	Петров — (18-34)	Сидоров — (35-51)
DTx-ArhE2012-(01-51)	Иванов — (01-17)	Петров — (18-34)	Сидоров — (35-51)
DPc-ArhE2012-(01-60)	Иванов — (01-20)	Петров — (21-40)	Сидоров — (41-60)
DPh-ArhE2012-(0001-0300)	Иванов — (0001-0100)	Петров — (0101-0200)	Сидоров — (0201-0300)
DAu-ArhE2012-(01-60)	Иванов — (01-20)	Петров — (21-40)	Сидоров — (41-60)
DVd-ArhE2012-(001-150)	Иванов — (001-050)	Петров — (051-100)	Сидоров — (101-150)
Ob-ArhE2012-(1-60)	Иванов — (1-20)	Петров — (21-40)	Сидоров — (41-60)
DCp-ArhE2012-(001-150)	Иванов — (001-050)	Петров — (051-100)	Сидоров — (101-150)

4. Архивная стадия. Идентификационные числовые номера файлов (номер коллекции — номер файла), позволяющие точно указать владельца (организацию) архива, вид коллекции (материала), номер коллекции и номер файла. Именная принадлежность файлов здесь также определяется по последовательным группам номеров.

Архивная стадия			
Отрядные нумерации файлов	Последовательные группы номеров файлов собирателей отряда		
МАЕ-DТх-00019-(01-51)	Иванов – (01-17)	Петров – (18-34)	Сидоров – (35-51)
МАЕ-DРс-00013-(01-60)	Иванов – (01-20)	Петров – (21-40)	Сидоров – (41-60)
МАЕ-DPh-00149-(0001-0300)	Иванов – (0001-0100)	Петров – (0101-0200)	Сидоров – (0201-0300)
МАЕ-DAu-00047-(01-60)	Иванов – (01-20)	Петров – (21-40)	Сидоров – (41-60)
МАЕ-DVd-00035-(001-150)	Иванов – (001-050)	Петров – (051-100)	Сидоров – (101-150)
МАЕ Об9001-(1-60)	Иванов – (1-20)	Петров – (21-40)	Сидоров – (41-60)
МАЕ-DCp-00041-(001-150)	Иванов – (001-050)	Петров – (051-100)	Сидоров – (101-150)

Обозначения, позволяющие указать индексы собирателей отряда, цифровую форму, семь видов материалов, сокращение названия экспедиции, обозначение экспедиции – отряда, которые используются в нумерации единиц материалов – файлов: Ivn, Ptr, Sdr – Иванов, Петров, Сидоров (собиратели отряда), D (digital) – цифровая форма материалов, Тх (text) – текстовые материалы, Рс (picture) – иллюстративные материалы, Ph (photo) – фото-материалы, Au (audio) – аудиоматериалы, Vd (video) – видеоматериалы, Об (object) – вещи – предметные материалы, Ср (copy) – материалы копий; ArhE2012 – Архангельская экспедиция 2012 г., где E (expedition) – обозначение экспедиции – отряда, МАЕ (Museum anthropology and ethnography) – Музей антропологии и этнографии РАН.

Б. Индивидуальный выезд. Видовые собрания только одного собирателя.

Нумерация в индивидуальном выезде отличается от нумерации в отряде только в номерах на полевой и камеральной стадии. Мало того, полевая и камеральная нумерация здесь одна и та же, т. к. здесь нет последовательного складывания именных собраний.

Обозначения. Здесь несколько по-иному, чем в отряде, обозначаются файлы, чтобы сразу по номерам было видно, что это индивидуальный выезд, а не отряд: ФИО индивидуального собирателя – fpi – Федор Петрович Ильин, и экспедиция – VolI2012 – Вологодская экспедиция 2012 г., где I (individual) – обозначение индивидуального экспедиционного выезда.

Полевая и камеральная стадии	Архивная стадия
DТх-fpi-VolI2012-(01-51)	МАЕ-DТх-00020-(01-51)
DРс-fpi-VolI2012-(01-20)	МАЕ-DРс-00014-(01-20)
DPh-fpi-VolI2012-(0001-0100)	МАЕ-DPh-00150-(0001-0100)
DAu-fpi-VolI2012-(01-20)	МАЕ-DAu-00048-(01-20)
DVd-fpi-VolI2012-(001-050)	МАЕ-DVd-00036-(001-050)
Об-fpi-VolI2012-(1-20)	МАЕ Об9002-(1-20)
DCp-fpi-VolI2012-(001-050)	МАЕ-DCp-00042-(001-050)

Пояснения. Использование сокращений английских слов обусловлено тем, чтобы файлы открывались в любых программах, а не только в русскоязычных. Использование нулей в номерах (количество нулей в каждом виде материала зависит от среднего количества файлов) позволяет в любых программах иметь файлы в строгой последовательности возрастания номеров. Только в предметных материалах по традиции не используются нули в номерах, обозначение вида материала и организации здесь условно, т. к. по традиции вещевые коллекции в МАЭ обозначаются просто номерами: 1–9000.

Разумеется, не все экспедиции дадут полный набор видовых коллекций, поэтому видовые собрания конкретной экспедиции будут иметь разные номера видовых коллекций, но их принадлежность к одной экспедиции легко отражается в документах описаний.

Нумерация дополнительных подразделений материалов. Нумерации блоков видовых единиц отдельные у каждого собирателя отряда и привязываются к именованным видовым собраниям посредством индексов собирателей — Ivp, Ptr, Sdr. (В индивидуальном выезде это видовые собрания только одного собирателя.) Нумерации дробей и фрагментов файлов привязаны к номерам единиц — файлов. Такая нумерация дополнительных подразделений материалов (блоков, дробей, фрагментов) позволяет не менять их номера в процессе, т. е. на стадиях меняются только номера файлов, что упрощает дело.

Движение файлов. На сборной стадии есть сначала общие именные видовые папки, куда складываются поступающие в процессе сбора видовые файлы, внутри они раскладываются сначала на видовые папки дней, затем на видовые папки сборов (это все рабочие папки) и, наконец, на искомые видовые папки блоков. На полевой стадии снова делаются общие именные видовые папки. Это можно сделать, т. к. на полевой стадии уже есть документы описаний — таблицы, где отражены и даты, и, самое главное, блоки файлов. На камеральной же стадии делаются общие отрядные видовые папки. Это можно сделать, т. к. деление отрядных видовых собраний на именные видовые собрания уже отражено в отрядных документах описаний — таблицах, которые просто последовательно склеиваются из именных документов описаний — таблиц. На архивной стадии это также общие отрядные папки видовых коллекций. Здесь сознательно идет переход от ряда мелких видовых папок к единым видовым папкам, т. к. в общей папке легко искать файлы по номеру, переводить другие форматы и переименовывать их посредством программы пакетного переименования файлов. (При индивидуальном выезде это все папки одного собирателя.)

Документы описаний — таблицы. Документы описаний — таблицы — едины для всех видов материалов, где специфика материалов отражается лишь в деталях таблиц. Документы описаний — таблицы — создаются на полевой стадии и далее просто переходят в камеральную и архивную стадию. При переводе таблицы текст не меняется, а меняются лишь номера единиц — файлов, точнее, «корни» этих номеров. Это можно сделать только вручную, т. к. очень важна сцепка — номер и название файла, кроме того, таблицы — сложные блоки, единицы, дроби, фрагменты, где нельзя применить автоматическую смену номеров.

Таблицы имеют полную форму и три сокращенных формы описи, которые обозначаются синонимами [Ушаков, 2012б].

1. Описание — номера блоков и их названия, номера файлов в блоках, описания блоков, общие данные к файлам блоков (подробно о месте и информанте), номера единиц и их названия, описания единиц (если нужно), данные к единицам (место, дата, этнос). Здесь полные данные.

2. Список — номера блоков и их названия, номера файлов в блоках, номера единиц и их названия, данные к единицам (место, дата, этнос). Здесь группы файлов и сами файлы.

3. Перечень — только номера единиц и их названия, данные к единицам (место, дата, этнос). Здесь только сами файлы, т. е. как они хранятся в общих папках.

4. Блоки — только номера блоков и их названия, номера файлов в блоках. Здесь только группы файлов.

В текстовых, аудио-, видеоматериалах, имеющих дробь, есть дополнительные таблицы.

5. Описание — дробь. Это номера блоков и их названия, номера файлов в блоках, описания блоков, общие данные к файлам блоков (подробно о месте и информанте), номера единиц и их названия, описания единиц (если нужно), данные к единицам (место, дата, этнос), номера и названия дробей и фрагментов, описания к ним (если нужно), их минуты и секунды в файлах. Здесь также полные данные, причем уже и по дробям, и по фрагментам.

6. Список — дробь. Это номера блоков и их названия, номера файлов в блоках, номера единиц и их названия, данные к единицам (место, дата, этнос), номера и названия дробей и фрагментов, минуты и секунды в файлах. Здесь группы файлов, сами файлы, дробь файлов.

7. Расшифровки (аудиоматериалы и видеоинтервью). Это таблица «Описание — дробь», где в нужное место вставляются тексты расшифровок, как на национальном языке, так и в переводе на русский язык. Кропотливая работа по расшифровкам уже не усложняется раскладкой по блокам, единицам, дробям и фрагментам (уже сделано), что существенно экономит время.

Таблицы дробей, фрагментов, расшифровок — лишь продолжение таблиц блоков и единиц. Краткие формы таблиц — это дополнение к полной форме, позволяющее все видеть наглядно. Краткие формы таблиц делаются из полной формы путем сокращения строк за 10–15 минут (можно обойтись только полной формой таблицы). Таблицы сделаны на альбомных страницах, чтобы вошло больше информации. Сознательно использованы простые таблицы Word, чтобы ими мог пользоваться любой собиратель. Таблицы позволяют учитывать все формальные данные (место, дата, этнос и др.). Таблицы — это одни и те же документы, проходящие по стадиям, где меняются лишь номера единиц — файлов.

В отряде именные таблицы склеиваются в отрядные, в индивидуальном выезде это таблицы одного собирателя.

В поле главное — учесть и описать единицы — файлы, а дробь можно описывать уже при камеральной обработке. Т. к. одни таблицы продолжают

другие, то за «шагом в поле» сразу идет «шаг дома» (без переделки). Все описания материалов расщеплены на составляющие: номера, названия, описания, данные — это позволяет один раз давать описания и данные, общие для конкретного блока. Повторяющиеся данные к файлам (место, дата, этнос) вставляются посредством функции «копировать — вставить». При заполнении таблиц вручную делаются только номера и названия файлов. Это позволяет быстро заполнять таблицы, т. е. описывать большое количество файлов в поле. Нужно отметить, что дроби и фрагменты единиц — файлов — учтены только в документах описаний — таблицах. Сами файлы уложены в том виде, как они были записаны (что корректно с точки зрения чистоты источника). Дроби и фрагменты единиц — файлов — легко ищутся благодаря документам описаний. «Извлекать» дроби и фрагменты из единиц — файлов, т. е. делать дробные файлы, нужно уже только в конкретных случаях согласно пользовательской задаче. «Расщеплять» единицы-файлы на все дроби-файлы и фрагменты-файлы — трудоемкая и лишняя работа.

Примечания в таблицах. Благодаря наличию номеров на уровнях материалов: блоках, единицах, дробях, фрагментах — в примечаниях к таблицам можно дать: 1) корреляции (смысловые взаимосвязи) между материалами во всех комбинациях внутри и между именованными собраниями, видами материалов, уровнями материалов; 2) «закрытие» конкретных уровней материалов для широкой информации ради безопасности информанта согласно этике полевой работы; 3) фиксация уровней материалов с информацией по смежным с этнографией дисциплинам.

Выводы. Предложенная система позволяет собирателям приехать из «поля» с учтенными и описанными цифровыми полевыми материалами в форме почти готовых электронных музейных описей. Остается получить архивные номера видовых коллекций, переименовать сами файлы и номера файлов в документах описаний в архивные номера, положить в архив и сами файлы, и их документы описаний строго по видовым фондам.

Соотношение с базой данных. Заполнение базы данных — кропотливая работа, и на нее нет времени в «поле» (либо сбор, либо закладка в базу). В базе данных нельзя добавить новые поля самостоятельно, а в таблицы с общими рубриками при полевой работе можно добавить новые специфичные рубрики. Базу данных целесообразно составлять только к цифровому полевому архиву, куда положены только отобранные по качеству и тематике файлы, во избежание повторов (емкость сервера ограничена). Здесь не избежать архивного отбора материалов, типа музейной комиссии при приеме вещей на хранение в музей. Поэтому нецелесообразно тратить время в «поле» на закладку в базу данных файлов, которые потом не примут в архив. Полевой и камеральной учет и описание не противоречат архивному отбору, т. к. отбирать из учтенных файлов легче, чем из неучтенных файлов.

От исходных списков материалов не уйти, здесь и предлагаются усовершенствованные списки-таблицы — почти готовые описи для архивации.

Ушаков Н. В. Значение Инструкции по регистрации коллекций МАЭ РАН Л. Я. Штернберга для полевой документации, камеральной обработки и архивации современных цифровых полевых этнографических материалов // Лев Штернберг — гражданин, ученый, педагог. К 150-летию со дня рождения. СПб., 2012а. С. 140–158. [Ushakov N. V. Znachenie Instruksii po registratsii kollekcij MAE RAN L. Ya. Shternberga dlya polevoj dokumentatsii, kameral'noj obrabotki i arkhivatsii sovremennykh tsifrovyykh polevykh etnograficheskikh materialov // Lev Shternberg — grazhdanin, uchenyj, pedagog. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya. SPb., 2012. S. 140–158.]

Ушаков Н. В. Система учета и описаний полевых цифровых фотоматериалов // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 году. СПб., 2012б. С. 153–162. [Ushakov N. V. Sistema ucheta i opisaniy polevykh tsifrovyykh fotomaterialov // Radlovskij sbornik. Nauchnye issledovaniya i muzejnye proekty MAE RAN v 2011 godu. SPb., 2012. S. 153–162.]

Ушаков Н. В. Учет и описание цифровых полевых материалов // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 году. СПб., 2013. С. 442–446. [Ushakov N. V. Uchet i opisanie tsifrovyykh polevykh materialov // Radlovskij sbornik. Nauchnye issledovaniya i muzejnye proekty MAE RAN v 2012 godu. SPb., 2013. S. 442–446.]

Статья поступила в редакцию 25.02.2014 г.

УДК 821.112.2 Кафка + 130.2:8

О. Н. Турышева

ГРЕТА ИЛИ ГРЕГОР? О СУБЪЕКТЕ РЕЧИ В ОДНОМ ФРАГМЕНТЕ «ПРЕВРАЩЕНИЯ» Ф. КАФКИ

В статье проблематизируется субъектная принадлежность фразы, не имеющей в тексте новеллы «Превращение» очевидного адресанта. Результатом анализа становится интерпретация события превращения, изображенного в тексте Кафки. Также предлагаются размышления о характере смысловой открытости творчества Кафки.

Ключевые слова: Ф. Кафка; «Превращение»; субъект высказывания; интерпретация метаморфозы героя; смысловая открытость.

Предмет наших заметок составляет вопрос о том, кому из героев новеллы Кафки «Превращение» принадлежит одно высказывание, фигурирующее в тексте в неочевидной форме прямой или несобственно-прямой речи. Носитель голоса в данном фрагменте также не является очевидным: им может быть как Грегор Замза, так и его сестра Грета. При этом от читательского выбора того или иного персонажа в качестве субъекта данного высказывания зависит расстановка значимых смысловых акцентов в понимании изображенного Кафкой события. В контексте широко распространенного представления о герменевтической закрытости и семантической недешифрируемости кафковских произведений нам представляется особенно важным обозначить тот факт, что сам текст Кафки делегирует читателю возможность вариативного прочтения и, следовательно, является семантически открытой, а не закрытой структурой.

Анализируемый фрагмент представляет собой рассказ о том, как в первую ночь после превращения Грегор приходит к выводу, что ему следует перестроить свою жизнь, чтобы «терпением и тактом облегчить семье неприятности, которые он причинил ей теперешним своим состоянием» [Кафка, с. 128]. Для этих горьких размышлений превратившийся Грегор выбирает «уютную»

позицию под диваном, где он проводит ночь «в дремоте... заботах и смутных надеждах» [Там же] и где утром его и обнаруживает Грета.

Приведем данный фрагмент на языке оригинала и в переводе Соломона Константиновича Апта, которому принадлежит единственный русский перевод новеллы.

Schon am frühen Morgen, es war fast noch Nacht, hatte Gregor Gelegenheit, die Kraft seiner eben gefaßten Entschlüsse zu prüfen, denn vom Vorzimmer her öffnete die Schwester, fast völlig angezogen, die Tür und sah mit Spannung herein. Sie fand ihn nicht gleich, aber als sie ihn unter dem Kanapee bemerkte — Gott, er mußte doch irgendwo sein, er hatte doch nicht wegfliegen können — erschrak sie so sehr, daß sie, ohne sich beherrschen zu können, die Tür von außen wieder zuschlug. Aber als bereue sie ihr Benehmen, öffnete sie die Tür sofort wieder und trat, als sei sie bei einem Schwerkranken oder gar bei einem Fremden, auf den Fußspitzen herein [Kafka].

Уже рано утром — была еще почти ночь — Грегору представился случай испытать твердость только что принятого решения, когда сестра, почти совсем одетая, открыла дверь из передней и настороженно заглянула к нему в комнату. Она не сразу заметила Грегора, но, увидев его под диваном — ведь где-то, о господи, он должен был находиться, не мог же он улететь! — испугалась так, что, не совладав с собой, захлопнула дверь снаружи. Но словно раскаявшись в своем поведении, она тотчас же открыла дверь снова и на цыпочках, как к тяжелобольному или даже как к постороннему, вошла в комнату [Кафка, с. 128–129].

Предмет наших размышлений составляет фраза, разрывающая повествовательную интонацию восклицанием, которое может принадлежать как Грегору, так и Грете. Субъектная организация данного фрагмента предполагает равно-возможное присвоение данной фразы как тому, так и другому участнику сцены.

С одной стороны, данная фраза (выделенная в процитированном фрагменте разрядкой) может сопровождать напряженно-опасливый поиск Гретой превратившегося Грегора. Будучи напугана тем, что Грегор остается какое-то время незамеченным, Грета заглядывает под диван, справедливо полагая, что ее несчастный брат должен находиться где-то в комнате, «не мог же он улететь». В этом случае — случае присвоения данной фразы Грете — смысловые акценты оказываются очевидно сосредоточены на раскрытии психологического состояния героини, которая в раздраженном восклицании пытается преодолеть страх, отвращение и ужас, приучая себя к мысли о необходимости нести ответственность за то существо, которое раньше было ее братом. Раздражительная интонация данного восклицания Греты становится особенно понятной в контексте последующего узнавания читателем того факта, что вся семья Грегора, и Грета в том числе, связывала свое благополучие именно с его трудами и заботами. Однако превращение разрушает все надежды, заставив Грету принимать новое положение вещей: теперь она вынуждена взять на себя заботы о брате, изучив его повадки и потребности. Думается, что в переводе С. К. Апта данная фраза истолкована именно в таком ключе: как раздраженно-настороженный возглас Греты.

Гораздо более сложные смыслы открываются в том случае, если данная фраза будет расшифрована читателем как принадлежащая самому Грегору.

Субъектная организация данного фрагмента вполне допускает подобное прочтение. Очевидно, что в качестве субъекта видения в данной сцене подразумевается Грегор. Это в его восприятии читатель наблюдает за движением настороженного взгляда Греты, осматривающей комнату, в его восприятии переданы ее действия: связанное с испугом поспешное бегство и покаянное возвращение «на цыпочках» — «как к тяжелобольному или даже как к постороннему». Наблюдение за сестрой, не сразу разглядевшей укрытие Грегора, вполне могло вызвать у него внутреннее восклицание, утверждающее факт его нахождения в комнате, — восклицание, как бы подсказывающее сестре направление поиска (не мог улететь, значит, где-то здесь), облегчающее ее встречу с ним (не мог улететь, значит, не способен совершать пугающих передвижений)¹. В свете ночных размышлений Грегора о необходимости вести себя так, чтобы облегчить семье взаимодействие с ним, данное предположение представляется возможным. Грегор мысленно как бы подталкивает Грету к тому, чтобы принять в нем неопасное и нуждающееся в ее внимании существо, не способное улететь и вынужденное остаться на попечении семьи. В рамках такого прочтения данную фразу следует признать несобственно-прямой речью Грегора. При этом ей следует присвоить совсем иной интонационный рисунок, нежели в том случае, когда в качестве ее субъекта предполагается Грета. Если в исполнении Греты данная фраза оказывается исполнена раздражения, досады и страха, то в исполнении Грегора она очевидно наполняется смиренно-сокрушенной интонацией: это вздох смирения существа, готового продемонстрировать свою покорность и всеми силами стремящегося облегчить участь своей семьи, но, с другой стороны, исходящего из своего права находиться на территории своего дома и потому надеяться на заботливое участие².

В рамках данного предположения кафковская фраза может быть переведена несколько иным образом, нежели она звучит в переводе С. К. Апта: «Боже мой, он должен же где-нибудь быть, не мог же он улететь!». Казалось бы, отличия в переводе минимальные, однако выбор варианта «Боже мой!» вместо «О господи» позволяет акцентировать интонационные и, следовательно, семантические различия. В устах Грегора это восклицание становится утверждением того, что он не может исчезнуть после превращения, он должен находиться здесь, он имеет на это право несмотря ни на что, но он понимает весь ужас того положения, в котором оказалась семья, и готов вести себя так, чтобы облегчить ей «неприятности».

Как известно, в энтомологическом комментарии Набокова насекомое, в которого превратился Грегор Замза, описывается как большой жук: «У него громадный выпуклый живот, разделенный на сегменты, и твердая округлая спина, что наводит на мысль о надкрыльях. У жуков под надкрыльями скрыты жиденькие крылышки, и, выпустив их, жук может преодолевать в неуклюжем

¹ Кстати, сомнения в принадлежности анализируемой фразы Грете поддерживает и то наблюдение, что та никак не может быть уверена в неспособности Грегора улететь: событие его метаморфозы, наоборот, вызывает у нее ужас непонимания сути происходящего.

² В этом случае становится понятно, о каких «смутных надеждах» идет речь в описании некрепкого сна Грегора в ночь после превращения. Это надежды на право верить в то, что он останется в семье и вопреки своему новообретенному облику.

полете многие километры. Любопытно, что жук Грегор так и не узнал, что под жестким покровом на спине у него есть крылья» [Набоков, с. 335]. Уточним мысль Набокова: Грегор не просто не узнал, что у него есть крылья, он, как о том свидетельствует анализируемая реплика, категорически отверг способность своего новообретенного тела к полету («Не мог же он улететь!»). Один из парадоксов данной новеллы Кафки и состоит в том, что таинственным образом обратившись в существо, способное (благодаря крыльям) разорвать мучительные обязанности перед семьей, освободившись из-под гнета забот о ней, герой и не помышляет о таких возможностях своего нового тела, а наоборот, занимает позицию униженной жертвы, в смиренном самоотверженном поведении пытающейся заслужить заботы своей семьи.

Обнаружение этого парадокса позволяет сделать ряд интерпретационных предположений относительно самого события превращения. Думается, что его возможно трактовать как бессознательное бегство героя от тягот обыденной жизни. С одной стороны, Замза слишком устал, чтобы иметь тело, служащее семье, но с другой стороны, им слишком владеют чувства вины и ответственности перед ней. Поэтому принять превращение в качестве возможного освобождения герой оказывается не в состоянии. Недаром Грегор и не пытается осмыслить свое новое состояние³: пережив только недоумение, он старается приспособиться к своему животному телу, первоначально вовсе не считая его препятствием для осуществления привычных функций по содержанию семьи. Напомним, что в первые часы после пробуждения он прибегает к сугубо рационалистической трактовке превращения: произошедшее он расценивает как следствие игры воображения, которая, в свою очередь, есть результат хронического недосыпания, а изменение голоса — как «предвестие профессиональной болезни». По этой же причине (невозможность принять превращение как освобождение) герой и не обнаруживает спасительных возможностей своего нового тела. Обретя облик существа, способного летать, преодолевая, по убеждению энтомолога Набокова, значительные расстояния, Замза вообще не помышляет о крыльях, с горькой иронией отвергая саму мысль о том, что он мог бы улететь.

Выявленный нами парадокс свидетельствует о том, что превращение героя, удовлетворяя глубинные потребности его психики, осуществляется вне сознательной мотивации. Хотя мысль об освобождении и брезжит на периферии его сознания — в качестве «какого-то воспоминания», «охватывавшего его прежде, когда он выглядывал из окна»⁴ — с новообретенным обликом она героем не связывается. Данное наблюдение является одним из новых аргументов в пользу той интерпретации «Превращения», которая была предложена нами в ряде более ранних работ [см.: Турышева, 2003; 2004] — но с опорой на иную систему доказательств (не внутритекстового, а контекстного характера).

Набоков, радуясь своему «тонкому наблюдению» о крыльях Грегора, предположил, что его превращение есть метафорическое воплощение потребности героя в защите «от предательств, жестокости и низости». Однако до превращения

³ Парадокс, на который обратили внимание многие знаменитые комментаторы «Превращения».

⁴ Свидетельство того, что образ бегства и раньше владел чувствами (но не мыслями) Грегора.

Грегор страдал скорее от невыносимых трудов по обеспечению семьи, еще не подозревая о том, что стал жертвой ее предательства. В связи с этим предположим, что превращение — это попытка бессознательного избавления от мучительных повседневных трудов, посвященных заботам о семье. Но попытка, интенционально принадлежащая бессознательному Грегора. Предметом осмысленного отношения она не становится. К сокровенному пониманию произошедшей с ним метаморфозы герой оказывается не способен. Поэтому из потенциально спасительного акта его превращение оборачивается кошмаром стыда и гибелью. Единственный выход, который находит герой, — добровольный и жертвенный уход во имя освобождения семьи — прямо противоположен тем возможностям, которые открывало перед ним его превращение. В этом плане новеллу Кафки можно рассматривать как историю о поражении человека в его стремлении вырваться из-под власти самоубийственной и больной ответственности перед предавшей его семьей. Такое прочтение поддерживает читательское присвоение реплики с неопределенным адресантом самому Грегору Замзе. Присвоение же данной фразы Грете актуализирует в читательском восприятии другие смысловые обертоны: те, которые будут связаны с эмпатическим переживанием ужаса, обрушившегося на семью героя.

Текст Кафки, повторим, делегирует читателю обе возможности, косвенно настаивая на собственной открытости разным способам его смысловой реализации и таким образом отвергая существующую в литературе о Кафке мысль о принципиальной непостижимости изображенного им события. Причем в данном случае спектр неоднозначных смыслов обнаруживается в самой ткани текста, а не задается извне — «конфликтом интерпретаций», выдержанных в разных методологических традициях. А ведь часто смысловая многозначность Кафки трактуется именно так — как открытость его художественного мира разным стратегиям толкования, усматривающим в нем социальные, религиозные или психоаналитические символы и аллегории. Кстати, в этом случае тезис об открытости произведений Кафки, понимаемой как открытость их множеству разных прочтений, странным образом сочетается с мыслью об их герменевтической закрытости. Этот парадокс легко объясняется: опираясь на идею смысловой герметичности Кафки, интерпретатор (во всяком случае, в рамках вышеназванных и самых распространенных традиций толкования — социальной, религиозной, психоаналитической) привлекает в н е ш н и е по отношению к тексту основания его понимания (связанные с биографией и психологией автора, с религиозной традицией, к которой он принадлежал, наконец, с обнаружением в его творчестве предчувствия ужасов тоталитаризма). Как обнаруживает наш анализ, открытость Кафки находит свои основания в самом тексте, который в неопределенности своих отдельных аспектов и подразумевает вариативные прочтения.

Кафка Ф. Превращение : рассказы, афоризмы / пер. с нем. С. Апта. СПб., 2009. 315 с. [Kafka F. *Prevrashchenie* : rassказы, aforizmy / per. s nem. S. Apta. SPb., 2009. 315 s.]

Набоков В. Ф. Кафка, «Превращение» // Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. М., 1998. [Nabokov V. F. Kafka, «Prevrashchenie» // Nabokov V. *Lektsii po zarubezhnoj literature*. M., 1998.]

Турьшева О. Н. Образ превращения в творчестве Ф. М. Достоевского и Ф. Кафки // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гуманитар. науки. 2003. № 28. Вып. 6. С. 113–132. [Turysheva O. N. Obraz prevrascheniya v tvorchestve F. M. Dostoevskogo i F. Kafki // Izv. Ural. gos. un-ta. Ser. 2. Gumanitar. nauki. 2003. N28. Vyp. 6. S. 113–132.]

Турьшева О. Н. «Превращение» Ф. Кафки: логика гротеска // Гротеск в литературе : материалы конф. к 75-летию Ю. В. Манна. М. ; Тверь, 2004. С. 67–71. [Turysheva O. N. «Prevrashchenie» F. Kafki: logika groteska // Grotesk v literature : materialy konf. k 75-letiyu Yu. V. Manna. M. ; Tver', 2004. S. 67–71.]

Kafka F. Die Verwandlung [Электронный ресурс]. URL: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/165/8> (дата обращения 10.06.2013).

Статья поступила в редакцию 03.09.2013 г.

УДК 821.112.2 Грасс-312.6

С. Н. Сатовская

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РОМАНОВ «ДАНЦИГСКОЙ ТРИЛОГИИ» Г. ГРАССА

Анализируется автобиографический аспект «данцигской трилогии» Гюнтера Грасса в его различных проявлениях и интерпретациях. В частности, маркеры автобиографизма расшифровываются посредством сопоставления романов «данцигской трилогии» с автобиографическим романом Грасса «Луковица памяти».

Ключевые слова: автобиографизм; трилогия; интерпретация; авторефлексия; автобиографический «след».

Художественный мир Гюнтера Грасса в значительной степени автобиографичен. Многие смыслы и мотивы в произведениях Грасса определяются именно авторефлексией, в том числе переживанием и преодолением собственной вины. Детство, подростковый возраст и юность Грасса приходятся на годы нацистской диктатуры в Германии. И именно эти возрастные состояния Грасс экстраполирует на все свое поколение, а опосредованно — и на всю немецкую нацию в ситуации глубокого кризиса после Первой мировой войны. И именно «данцигская трилогия» становится своеобразным зеркалом инфантильности немецкой нации, выходом из которой для многих виделась диктатура Гитлера, обещавшего политический, моральный и экономический реванш за поражение в Первой мировой. Сам Грасс говорит о себе, а опосредованно и о своем поколении: «Я был доверчив, для меня лишь в 45-ом наступило прозрение, да и то медленное и частичное...» [Чугунов, с. 34]. Собственный опыт, таким образом, является для Грасса представительной и общезначимой репрезентацией опыта его поколения и его народа.

Среди произведений Грасса есть собственно автобиографические (начиная с 1970-х гг.), когда автор вводит в повествование в качестве рассказчика самого себя. И практически во всех его художественных произведениях зачастую

присутствуют автобиографические смыслы, образы, мотивы, которые могут быть «вычитаны» из текста — иногда непосредственно, а иногда — через фактологические корреляции с собственно автобиографическими текстами Грасса. Однако мемуарное начало с введением в повествование себя как рассказчика впервые возникает в его романе «Из дневника улитки» (1972), а в полной мере к автобиографической прозе относятся только его поздние произведения: «Мое столетие» (1999), «Луковица памяти» (2006), «Фотокамера» (2008).

Впрочем, нужно отметить, что многие автобиографические мотивы и смыслы, присутствующие в рассматриваемой нами «данцигской трилогии», к которой относятся романы «Жестяной барабан» (1959), «Кошки-мышки» (1961) и «Собачьи годы» (1963), долгое время были непонятны читателю и, по сути, недоказуемы. «Автобиографическим» ключом ко многим произведениям Грасса и, прежде всего, к «данцигской трилогии» стал только роман «Луковица памяти», где автор подробно излагает не только свою биографию, но и развернуто описывает работу над собственными произведениями. Тогда и становится очевидным автобиографический след в «данцигской трилогии». Целый ряд жизненных эпизодов и ситуаций в трилогии коррелирует с биографией самого Грасса. Так, перекликаются сцены из детства самого Грасса в «Луковице памяти» и семейные сцены из жизни Мацератов в «Жестяном барабане», служба в войсках СС самого Грасса и его героя Харри Либенау в романе «Собачьи годы», художественные эксперименты Эдди Амзеля («Собачьи годы») и самого Грасса — студента Дюссельдорфской академии, участника многочисленных художественных выставок.

Таким образом романы «данцигской трилогии» являются, пожалуй, наиболее «автобиографичными» из художественных текстов Грасса. В них открываются, пусть и в жизненных историях разных персонажей, ключевые этапы становления личности самого Грасса:

- детство в довоенном Данциге (во всех трех романах);
- привычные ритуалы окружающей повседневности (во всех трех романах);
- воспитание в духе умеренного католицизма (преимущественно — в романе «Собачьи годы», отчасти — в повести «Кошки-мышки»);
- участие в проведении месс (на которых служились специальные молебны о здравии фюрера);
- кризис веры (преимущественно — в повести «Кошки-мышки»);
- мобилизация, ранение, американский плен (роман «Собачьи годы»);
- увлечение искусством; первые опусы для юношеского журнала уже в послевоенной Герамании (преимущественно — в романе «Жестяной барабан»);
- попытки самореализации после войны в разных творческих профессиях: каменотес, скульптор, график, увлечение джазом и балетом (в этой связи представляет интерес образ Йенни Брунис, чьим прототипом стала первая жена Грасса Анна — студентка балетного отделения) (романы «Жестяной барабан», «Собачьи годы»).

Роман «Жестяной барабан» (1959) стал для Грасса первым опытом собственного осмысления исторической трагедии и исторической вины немецкого народа в контексте собственной личностной драмы. Не случайно в качестве

«исследователя» коллективной и личной культурной и психологической травмы выбран герой-художник. По всей видимости, в 1959 г. Грасс не мог или не был готов создать повествование о себе и стране в реалистической или тем более документально-исповедальной форме, как он это сделает спустя несколько десятилетий. Поэтому в 1950-е гг. он идет путем создания ролевых повествовательных и персонажных масок. Не случайно в различных монографиях, посвященных этому роману, появляются обозначения «субверсия», «вытеснение», «трансформация» и другие понятия, которые сразу отсылают читателей и исследователей к терминологии психоанализа. Коллективная вина немцев принимается Грассом как личная, и этот мотив доминирует в его творчестве, начиная с «Жестяного барабана».

Действие романа «Жестяной барабан» начинается с самого важного в рамках авторского замысла Грасса момента — прозрения героя. Именно в качестве рассказчика собственной судьбы прозревает свою вину Оскар Мацерат, когда просит в психиатрической лечебнице, куда добровольно себя заточил, перо и бумагу — он наконец взрослеет. Готовность рассказать собственную историю, готовность к саморефлексии и самопостижению — таковы экзистенциальные предпосылки личностной историографии, художественно создаваемой Грассом.

Когда герой шутя заказывает санитару покупку «невинной» бумаги («unschuldiges Papier» [Grass, S. 11]), тот смущается и, желая снять семантическую неловкость, уточняет: «Вы подразумеваете белую бумагу, господин Оскар?» [Грасс, 2008а, с. 11]. Однако, разумеется, это не ошибка Оскара, а намеренная игра с читателем: она акцентирует мотив всей книги — преодоление вины.

Дальше описывается процесс покупки бумаги: появляется образ зардевшейся от неловкости продавщицы (что тоже есть реакция на просьбу о «невинной» бумаге: «die Verkäuferin errötete heftig» [Grass, S. 11]). И здесь снова идет смысловая игра: рассказчик вживляет в текст аллюзию на известный латинский афоризм, принадлежащий Цицерону: «Epistola non erubescit» («Бумага не краснеет»). Это своеобразная антиципация, предвосхищение того романного содержания, которое может вызвать стыд, смущение и у читателя, и у исповедующегося Мацерата.

В свою очередь исследователь А. Рот акцентирует внимание на «детальном воссоздании обстановки, мелкобуржуазного быта и образа жизни» [Rot, p. 22] в трилогии. По его мнению, в романе «исторические события обернуты в семейную историю» [Ibid.]: смена портрета Бетховена на изображение Гитлера стала символом практически внезапного сущностного видоизменения Германии. Успех же семейного дела Мацератов — лавки колониальных товаров — показан также через изобилие вещей, «достаточно конкретных и имеющих свои “отпечатки” в памяти поколения — таких, например, как моющий порошок “Persil”, ящиками с которым заставлена квартира Мацератов» [Ibid., p. 23].

При этом весьма примечательно, что в собственно автобиографическом романе «Луковица памяти» присутствует сходное описание жизни семьи Грассов в первые месяцы войны: «Меня тянуло прочь от косного мещанского быта, от семейных обязанностей, от отца, от болтливых клиентов перед прилавком,

от тесноты двухкомнатной квартиры, где в моем личном распоряжении находилась лишь небольшая ниша под подоконником...» [Грасс, 2008в, с. 31].

Далее — в голодные дни последних недель войны не остается средств, чтобы организовать отцу Оскара Альфреду Мацерату («Жестяной барабан») подобающие похороны, и он оказывается погребен в импровизированном дощатом гробу с наклейками «Persil»: данная деталь символизирует тот мелкобуржуазный мир, которому принадлежит Оскар и из которого вышел сам автор. Этот же мир и в «Луковице памяти»: «Дела в лавке колониальных товаров, откуда узкий, похожий на кишку коридор вел к двери нашей квартиры и где умело хозяйничала моя мать... шли так себе, а то и вовсе плохо» [Грасс, 2008в, с. 32–33].

Наконец, уже безусловным подтверждением автобиографизма «Жестяного барабана» является присутствие в автобиографической «Луковице памяти» прямых отсылок и автобиографических пояснений к эпизодам «Жестяного барабана»: «Позднее, используя вымышленные имена героев и эпический стиль, я рассказал об обороне Польской почты, многословно описал, как обрушился картонный домик...» [Там же, с. 18], «Чердак и его дощатые закутки-кладовки со всяческим хламом и паутиной. Позднее Оскар Мацерат, которого загнали наверх мучившие его соседские дети, нашел здесь, как и я, свое прибежище» [Там же, с. 71–72]. Сравнивая себя с героем «Жестяного барабана», Грасс признается в «Луковице памяти», что в жизни «неизменно спотыкался о “Жестяной барабан”, что “эта книга начала отбрасывать свою тень еще до того, как была заключена в переплет и разошлась по всему миру”» [Там же, с. 330], что сам Грасс отчасти идет дорогой своего героя («Мой словоохотливый герой Оскар Мацерат... оказался таким же понятливым учеником, как и я, начавший — без горба и пригодной для романа биографии — работу в качестве практиканта» [Там же, с. 331]; «Герой моего романа Оскар Мацерат <...> попадает... в больницу, и там ему удается уговорить на randevu... медсестру Гертруду; я же никак не решался пригласить какую-нибудь медсестричку на свидание. <...> Оскар умел красноречиво, у меня же отнимался язык. Он ухитрялся извлекать выгоду даже из собственного горба...; мне же ничего интересного для разговора на ум не приходило... Ах, если бы я был также дерзок, как Оскар! Ах, мне бы его остроумие!» [Там же, с. 347]).

Автобиографический след прочитывается и в грассовском романе «Собачьи годы». Здесь Грасс использует стратегию диверсификации биографического «я» на несколько персонажей. Так, во второй части романа, полностью построенной как собрание писем юного Харри Либенау с фронта в 1944 г. (это и год призыва в войска СС самого Грасса), угадывается строй чувств и мыслей, а также детали биографии (возраст, данцигская предыстория, даже место службы) самого писателя: «(В) семнадцать лет... кто-то взял меня за шкуру и усадил в большой, довольно натурального вида танк, назначив заряжающим» [Грасс, 2008б, с. 146]¹; «Моя мать... была родом из Кошнадерии <...> с февраля двадцатого деревни

¹ Ср. с упоминаниями о месте службы Грасса в «Луковице памяти»: «Юноше, мнившему себя мужчиной, важнее был род войск: если уж не довелось попасть в подводный флот, то пусть я стану танкистом в дивизии... “Йорк фон Фрундсберг”» [Грасс, 2008в, с. 145].

Кошнадерии стали деревнями Республики Польша... вошли в состав округа Данциг — Западная Пруссия» [Грасс, 2008б, с. 156]. В «Луковице памяти»: «В годы моего детства мы часто ездили за границу Вольного города в сторону Кокошкен... чтобы навестить мою... бабушку Анну» [Грасс, 2008в, с. 45]. «Вчера видел первого убитого. Мою противогазную коробку я наполнил клубничным джемом. Я пока не видел ни одного русского... После войны я напишу книгу. Нас хотят перебросить в Берлин. Там сражается Вождь. Я теперь отношусь к боевой группе Венка. Нам поручено отстоять столицу Рейха» [Грасс, 2008б, с. 420]; «Опорожнив овальный барабан противогаза, я наполнил его клубничным... джемом» [Грасс, 2008в, с. 186]; «необходимо выделить и прокрутить эпизод моего первого соприкосновения с противником, только у этого эпизода нет ни точной даты ни места действия, да и самого противника я в глаза не видел» [Там же, с. 162]; «предполагалось... сформировать новую группировку для прорыва... кольца вокруг столицы Рейха. Говорили, будто Вождь остается на своем боевом посту» [Там же, с. 173]).

В образе другого героя, Эдди Амзеля, предстает, как нам видится, некий гротескный, искаженный двойник Грасса-художника. Искусство изобретать чучела, творить артефакты из «подножного корма» истории, из старых вещей и оторванных пуговиц, что несет река Висла, из грязи и пепла — это странное ремесло Эдди подобно гротескному методу самого Грасса, предпочитающего свою правду о мире облекать в искаженные, искаленные страданием и карнавальской усмешкой образы. Автобиографичен даже род художественных занятий Амзеля — авангардная скульптура, рисунки животных и фантазмагорических птиц, рыб, которые заполняли и выставки самого Грасса [Text+Kritik, S. 54–68; 69–77].

Позднее многие детали романа «Собачьи годы» будут более подробно развернуты автором в романе «Луковица памяти»: «Повестка и события, последовавшие за ней, — все это уже жевано-пережевано, облечено в выстроенные надлежащим образом слова и сделалось книгой “Собачьи годы”» [Грасс, 2008в, с. 132]; «Барачная тягомотина на зенитной батарее неподалеку от порта отражена в романе “Собачьи годы”, хотя там рассказаны совсем иные истории...» [Там же, с. 82]; «У этого учебного заведения имелись готические подвалы, его подземные ходы будоражили меня до тех пор, пока я не стал писать «Собачьи годы». Поэтому мне было нетрудно отправить персонажей моего романа, друзей и одновременно врагов Эдди Амзеля и Вальтера Матерна, именно в эту гимназию, чтобы там из раздевалки... они перебрались в подземные ходы францисканцев...» [Там же, с. 53].

В повести «Кошки-мышки» маркеры автобиографизма не столь явны, как в романах «Жестяной барабан» и «Собачьи годы»: это связано и с меньшим объемом текста, и с небольшим хронологическим отрезком повествования (отрочество героев), и с легко вычитываемой из текста установкой автора дать собирательный образ поколения. Но автобиографический след есть и здесь. Свою художественную стратегию сам Грасс позже охарактеризует в «Луковице памяти»: «Дело не только в частностях, но и в складывающейся из них тенденции, которая применительно ко мне носит разоблачительный характер:

здесь я упустил возможность усвоить первый урок сомнений, хотя потом — слишком поздно, зато радикально — стал сомневаться во всем — научился не склоняться ни перед каким алтарем и не принимать никакую веру» [Грасс, 2008в, с. 109].

В «Кошках-мышках» Грасс создает восторженный образ подростка Иоахима Мальке, который, как и сам писатель, преодолевает свою физическую слабость регулярными и опасными погружениями в Балтийское море; соединяет в себе католическую веру и легкий налет сомнения в ней (Мальке носит на шее то образок Богородицы, то добытую им под водой отвертку); мечтает о подвигах и разочаровывается в рутине Имперского трудового лагеря. Грасс спустя годы иронизирует над собой — автором «Кошек-мышек» уже в «Луковице памяти»: «Однако мне время трудовой службы запомнилось не так, как его описывает Пиленц, повинувшись своей неудержимой потребности рассказать о Великом Мальке» [Грасс, 2008в, с. 108–109]. Мальке превращался в героя войны в сознании рассказчика-ровесника, и в этом смысле можно говорить о минимальной дистанции между образом рассказчика и героя, в то время как автор занимает ироническую дистанцию.

Облик автора проступает в финале повести, где особенно ощутима разница между биографическим «я» и героем. Грасс описывает сцену несостоявшейся встречи с героем войны, унтер-офицером Мальке: «Должен еще заметить, что в октябре пятьдесят девятого года я ездил в Регенсбург на встречу тех из оставшихся в живых, что подобно тебе были награждены Рыцарским крестом. В зал меня не впустили. Там то играл, то смолкал оркестр бундесвера. Через лейтенанта, командовавшего охраной, я попросил во время одной из этих пауз объявить с эстрады: “Унтер-офицера Мальке просят пройти в вестибюль”. Но ты не пожелал вынырнуть» [Грасс, 2010, с. 78]. Так, развенчивая нацистские мифы «героизма», завершает Грасс свою повесть. Мальке погиб не на фронте, а вернувшись на побывку, по причине мальчишеской дерзости, нырнув внутрь полузатонувшего траулера.

Сравнивая мемуары Грасса («Луковица памяти») и сюжет повести «Кошки-мышки», можно отметить сходство характеров юного Гюнтера (с его тихим, непроявленным романтизмом, покладистостью и дисциплинированностью) и рассказчиком Пиленцем, в то время как образ «великого Мальке» видится скорее авантюрно-героической «компенсацией» собственного «я» автора в далеком прошлом. Дерзость и авантюрный дух Мальке — это своего рода трансформация внутреннего «я» Грасса-подростка, которое реализовалось лишь в фантазиях, а не в реальности.

Так или иначе, но грассовская «данцигская трилогия» содержит множество явных и имплицитных отсылок к биографии писателя, которые в своей совокупности соединяют образ самого Грасса с более масштабными «общностями» — и прежде всего с грассовским образом Германии эпохи нацизма и первых послевоенных лет. «Малая» автобиография как материал художественного творчества предстает, таким образом, у Грасса как инструмент познания и изображения «большой» истории. В произведениях «данцигской трилогии» Грасс предлагает такую модель персонального нарратива, в котором акцентирована

именно историческая картина мира. Личная картина мира, в свою очередь, служит Грассу лишь инструментом моделирования истории.

Грасс Г. Жестяной барабан. СПб., 2008а. 639 с. Grass G. [Zhestyanoj baraban. SPb., 2008. 639 s.]

Грасс Г. Собачьи годы. СПб., 2008б. 735 с. [Grass G. Sobach'i gody. SPb., 2008b. 735 s.]

Грасс Г. Луковица памяти. М., 2008в. 589 с. [Grass G. Lukovitsa pamyati. M., 2008. 589 s.]

Грасс Г. Кошки-мышки. М., 2010. 288 с. [Grass G. Koshki-myshki. M., 2010. 288 s.]

Чугунов Д. Немецкая литература 1990-х: ситуация «поворота». Воронеж, 2006. 228 с. [Chugunov D. Nemetskaya literatura 1990-kh: situatsiya «povorota». Voronezh, 2006. 228 s.]

Grass G. Die Blechtrommel. München, 1997. 778S.

Text+Kritik, Zeitschrift für Literatur, H. 1. Guenter Grass. a. 7. Auflage, 1997. 138 S.

Rot A. The Infantilization of Evil: The Tin Drum and the Intergenerational Dynamics of Remembrance of the Second World War in West Germany. Jerusalem, 2003. 42 p.

Статья поступила в редакцию 03.09.2013 г.

УДК 821.161.1 Гумилев-3 + 130.2:8

А. Н. Дубовцев

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЙ МИФ В ПРОЗЕ Н. С. ГУМИЛЕВА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «ДЕВКАЛИОН»)

Статья посвящена анализу эсхатологического мифа в последнем прозаическом произведении Н. С. Гумилева. Выдвигается предположение о предвосхищении Н. С. Гумилевым ряда идей русской религиозной философии начала XX в., в частности, устанавливается связь между философией техники и христианской идеей апокатастасиса. Выявляется смыслообразующая функция минус-приема, выразившаяся в концептуальной незавершенности текста.

Ключевые слова: Н. С. Гумилев; проза поэта; философия техники; апокатастасис; минус-прием; эсхатология.

Рассказ «Девкалион» — последнее и, пожалуй, наименее изученное прозаическое произведение Н. С. Гумилева. Написанное осенью 1918 г., оно так и не было опубликовано при жизни автора, а на страницы авторитетных изданий попало только в 2005 г. с выходом шестого тома полного собрания сочинений. Недоступность рассказа для широкого круга исследователей в значительной мере обусловила отсутствие его интерпретаций, а тот факт, что «Девкалион» долгое время существовал только в черновиках поэта, стал причиной возникновения ряда текстологических проблем. Важнейшая из них — проблема завершенности текста. Открытость финала гумилевского «Девкалиона» и отсутствие прижизненной публикации ставят под сомнение то, что в данном рассказе авторский замысел обрел свою концептуальную целостность. С другой стороны,

как справедливо отмечают комментаторы шестого тома полного собрания сочинений, «подпись Гумилева, поставленная под текстом, как будто свидетельствует о его законченности, позволяет видеть в нем некий род «стихотворения в прозе» [Гумилев, т. 6, с. 530]. Другая проблема формулируется издателями следующим образом: «маленький объем текста не позволяет точно определить его назначение. Возможно, что его появление связано с просветительскими проектами издательства “Всемирная литература”, как раз тогда разворачивавшего свою работу (Ш. Греем, опубликовавшая стихотворный фрагмент, высказала предположение, что это — “изложение греческого мифа о Девкалионе для детей”» [Там же].

Однако предположение Ш. Греем кажется нам несостоятельным по ряду причин. Во-первых, античный сюжет о потопе, перекликающийся не только с ветхозаветным мифом, но и с чрезвычайно значимым для Н. Гумилева «Эпосом о Гильгамеше», явно не помещается в рамки просветительской деятельности «Всемирной литературы». Во-вторых, гипотезе Ш. Греем противоречит отмеченная нами выше незавершенность рассказа, поскольку «Девкалион» обрывается не на моменте сотворения новых людей и даже не на чудесном спасении героя, а на тщетной попытке царя Фессалии убедить подданных в реальности приближающейся катастрофы. В-третьих, скрупулезный в том, что касается фактической основы произведений, Н. Гумилев допускает несколько вольностей, которые были бы неуместны при просветительском характере произведения: «В это время люди с помощью Прометеева огня принялись за дела, которые не могли нравиться Зевсу: осушали моря и когда небо покрывалось густыми солеными облаками строили такие огромные башни, что они мешали земле крутиться вокруг солнца, заставляли слушать себя всех зверей, не только ручных, но и диких. Набожный Девкалион много раз пытался останавливать их, но они в ответ только грозили ему и даже хотели прогнать» [Там же, с. 215]. Описанная здесь гелиоцентрическая система соответствует современной научной картине мира, но никак не мировоззрению древнего грека.

Следовательно, уместно предположить, что античный миф в рассказе является проекцией на современную Н. С. Гумилеву культурную ситуацию, духовными доминантами которой явились забвение Бога, бунт против трансцендентного и зарождение технократического общества. Не случайно героем мифа о потопе Гумилевым избран не Ной, а Девкалион, сын Прометея, титана, положившего начало техническому прогрессу. Поэт при воссоздании эсхатологического сюжета остро чувствует духовную или, если быть точным, антидуховную суть техники, предвосхищая тем самым ряд идей русской религиозной философии XX в. Так, Н. А. Бердяев производит следующие наблюдения над роковой ролью техники как в современном мире, так и в античном космосе, в котором и пребывает Девкалион: «Для древнего грека и для средневекового человека существовал неизменный космос, иерархическая система, вечный *ordo*. Такой порядок существовал и для Аристотеля, и для св. Фомы Аквината. Земля и небо составляли неизменную иерархическую систему. Самое понимание неизменного порядка природы было связано с объективным теологическим принципом. И вот техника в той ее форме, которая торжествует с конца XVIII в., разрушает

эту веру в вечный порядок природы и разрушает в гораздо более глубоком смысле, чем это делает эволюционизм» [Бердяев, 1933, с. 9–10].

Разрушение первоначальной гармонии космоса в контексте рассказа Н. С. Гумилева так же, как и в статье Н. А. Бердяева, детерминировано бунтом против Бога, эксплицированным в «Девкалионе» с помощью образа Вавилонской башни. Конфликт между человеком и Богом, человеком и космосом развивается в рассказе основателя акмеизма по бердяевскому сценарию, с той лишь разницей, что с хронологической точки зрения текст Н. С. Гумилева оказывается первичным. Для того чтобы это продемонстрировать, сравним рассуждения философа с финалом «Девкалиона»: «В культуре всегда есть два элемента — элемент технический и элемент природно-органический. И окончательная победа элемента технического над элементом природно-органическим означает перерождение культуры во что-то иное, на культуру уже не похожее. Романтизм есть реакция природно-органического элемента культуры против технического ее элемента. Поскольку романтизм восстает против классического сознания, он восстает против преобладания технической формы над природой. Возврат к природе есть вечный мотив в истории культуры, в нем чувствуется страх гибели культуры от власти техники, гибели целостной человеческой природы. Стремление к целостности, к органичности есть также характерная черта романтизма» [Там же, с. 6].

Отмеченное Н. Бердяевым противостояние природно-органического и технического элементов занимает центральное место в финале рассказа: «Но когда он собрал своих подданных и приказал им выстроить кленовый ковчег, они подняли его насмех. “Строить надо из камня и железа, — говорили они, — а деревья годны лишь для того, чтобы гулять между ними весной, а зимой топить ими печи”. А в рассказ о приближающемся потопе и вовсе не поверили» [Гумилев, т. 6, с. 216]. Являясь носителем романтического мировоззрения, Н. С. Гумилев утверждает в «Девкалионе» необходимость возвращения к исконному природному и божественному началу человека, указав тем самым на единственный возможный путь спасения человечества. В этой связи завершающие (и потому находящиеся в наиболее сильной семантической позиции) рассказ слова «вовсе не поверили» оказываются как бы точкой пересечения двух аксиологических плоскостей — теологической и антропологической. Недоверие, неверие человеку (следствие того что в XX в. не ближний, а «техника есть последняя любовь человека» [Бердяев, 1933, с. 3]), оборачивается у Н. Гумилева формой атеизма, где Машина занимает место Бога.

Образ башни, знаменующий в «Девкалионе» бунт против Бога и начало технократической эпохи, по нашему предположению, указывает также на неприятие Н. Гумилевым эстетики футуризма, в котором богоборческие и технократические коннотации образа Вавилонской башни оцениваются положительно, как это происходит, например, в поэме В. В. Маяковского «Облако в штанах»: «Городов вавилонские башни, / возгордись, возносим снова, / а бог / города на пашни / рушит, / мешая слово» [Маяковский, с. 393].

Интересно, что образ башни не впервые становится для поэта олицетворением чуждых ему эстетических установок, доказательство чему мы находим

в программной статье «Наследие символизма и акмеизм»: «акмеистом труднее быть, чем символистом, как труднее построить собор, чем башню» [Гумилев, т. 7, с. 148]. Таким образом, в контексте творчества Н. С. Гумилева образ башни соотносится как с символизмом, так и с футуризмом — течениями, где абсолют человеческой личности стремился в тех или иных формах затмить абсолют божественный. Архитектурным же воплощением акмеизма становится собор или, если вернуться к «Девкалиону», ковчег — сооружения, в которых изначально присутствует идея Другого и мысль о божественном провидении. Следовательно, в рассказе единичность башни противостоит соборности ковчега, и этим соборным началом, по нашему предположению, и предопределяется концептуальная незавершенность рассказа: в древнегреческом мифе герой спасается, невзирая на гибель человеческой расы, автор же, указывая на нравственную невозможность индивидуального спасения, обрывает повествование в тот миг, когда еще есть надежда на апокатастасис, на всеобщее возвращение к Богу. Здесь мысль Н. С. Гумилева созвучна идеям самых влиятельных религиозных философов начала века: П. Флоренского, С. Булгакова, Н. Бердяева и В. Соловьева. Например, П. Флоренский в «Столпе и утверждении истины», труде, оказавшем колоссальное влияние на поэта, пишет: «Душа требует прощения для всех, душа жаждет вселенского спасения, душа томится по миру всего Мира» [Флоренский, с. 210]. Но наиболее фундаментальным обоснованием апокатастасиса является, безусловно, учение о Богочеловечестве В. С. Соловьева: «Этот новый богочеловеческий завет, основанный на внутреннем законе любви, должен быть свободен от всякой исключительности: здесь уже не может быть места произвольному избранию и осуждению лиц и народов; новый внутренний завет есть завет всемирный, восстанавливающий все человечество, а чрез него и всю природу» [Соловьев, с. 230]. Схожей мыслью завершает свою «Экзистенциальную диалектику божественного и человеческого» и Н. А. Бердяев: «Самая большая религиозная и нравственная истина, до которой должен дорасти человек, — это — что нельзя спастись индивидуально. Мое спасение предполагает и спасение других, моих близких, всеобщее спасение, спасение всего мира, преображение мира» [Бердяев, 1993, с. 357].

Однако особенно интересным кажется не только то, что Н. С. Гумилев эстетически воплощает этические принципы русской философии XX в., но и то, что он предвосхищает в «Девкалионе» одну из самых ярких экзистенциальных концепций истории, принадлежащую перу немецкого мыслителя К. Ясперса. По мнению философа, «в доступной нам человеческой истории есть как бы два дыхания. Первое ведет от прометеевской эпохи через великие культуры древности к осевому времени со всеми его последствиями. Второе начинается с эпохи науки и техники, со второй прометеевской эпохи в истории человечества, и, быть может, приведет через образования, которые окажутся аналогичными организациям и вершениям великих культур древности, к новому, еще далекому и невидимому второму осевому времени, к подлинному становлению человека» [Ясперс, с. 53]. В рассказе Н. С. Гумилева «два дыхания истории» персонализируются: Прометей, прикованный к скале, принесший людям огонь и невольно ставший причиной грядущего потопа, воплощает в себе

идеи технического прогресса и прометеевой эпохи (первой, современной героям гумилевского рассказа и второй, современной самому автору).

Девкалион, главной чертой которого является благочестие, связан уже не с материально-технической сферой бытия, а с духовно-божественной и, как следствие, со «вторым дыханием истории». Таким образом, помещение данного героя в центр произведения может объясняться надеждой Н. Гумилева на то, что К. Ясперс назвал бы «новым осевым временем», где произошло бы новое духовное преображение человечества. Но ожидание осевого времени неизменно влечет за собой этически неразрешимый конфликт, т. к., по словам немецкого мыслителя, «Осевое время знаменует собой исчезновение великих культур древности, существовавших тысячелетиями. Оно растворяет их, вбирает их в себя, предоставляет им гибнуть — независимо от того, является ли носителем нового народ древней культуры или другие народы» [Там же, с. 37].

Этический парадокс, остро осознанный К. Ясперсом и Н. С. Гумилевым, заключается в том, что духовное преображение человечества возможно лишь через опыт всемирной катастрофы, а если принять во внимание нравственную невозможность индивидуального спасения, то трагизм ситуации оказывается запредельным и, как следствие, — невыразимым. Отчаяние Девкалиона и самого автора становятся сродни отчаянию Агамемнона на легендарной картине Тиманта «Жертвоприношение Ифигении» — единственным способом изобразить трагедию здесь является минус-прием, воплощенный у Н. С. Гумилева в концептуальной незавершенности текста.

Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 1993. 382 с. [Berdyayev N. A. O naznachenii cheloveka. M., 1993. 382 s.]

Бердяев Н. А. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // *Путь*. 1933. № 38. С. 3–37. [Berdyayev N. A. Chelovek i mashina (problema sotsiologii i metafiziki tekhniki) // *Put'*. 1933. N38. S. 3–37.]

Гумилев Н. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. М., 1998–2007. [Gumilev N. S. Poln. sobr. soch. : v 10 t. M., 1998–2007.]

Маяковский В. В. Стихотворения. Поэмы. Пьесы. М., 1969. 735 с. [Mayakovskij V. V. Stikhotvoreniya. Poemy. P'esy. M., 1969. 735 s.]

Соловьев В. С. Чтения о Богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. Из «Трех разговоров»: Краткая повесть об Антихристе. СПб., 1994. 526 с. [Solov'ev V. S. Chteniya o Bogochelovechestve. Stat'i. Stikhotvoreniya i poema. Iz «Trehh razgovorov»: Kratkaya povest' ob Antikhriste. SPb., 1994. 526 s.]

Флоренский П. А. Столп и утверждение истины : Т. 1. Ч. 1. М., 1990. 490 с. [Florenskij P. A. Stolp i utverzhdenie istiny : T. 1. CH. 1. M., 1990. 490 s.]

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. 528 с. [Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii. M., 1994. 528 s.]

Статья поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 821.161.1 Маяковский-1

К. М. Комаров

ТЕКСТУАЛИЗАЦИЯ ТЕЛЕСНОСТИ В ПОЭМЕ В. МАЯКОВСКОГО «ПРО ЭТО»

Рассматривается функционирование механизмов текстуализации телесности в поэме В. Маяковского «Про это» в контексте концепций телесности, сложившихся в поэзии русского футуризма и в авангардной эстетике в целом. Анализируются такие аспекты, как авторская телесность, телесная образность, телесность как способ развертывания лирического сюжета и ее роль в формировании целостного образа лирического субъекта и т. д.

Ключевые слова: телесность; Владимир Маяковский; физиологизация; овеществление семантики; энергетическое поле.

Поэтический авангард начала XX в. решительно менял координаты художественности, опираясь на непосредственное и действенное эмоционально-экспрессивное отношение к слову: художественная техника становилась предметом искусства, а объект изображения превращался в способ изображения. Это новое содержание подвергалось овнешнению и опредмечиванию, что влекло за собой необходимость кардинальных изменений самих механизмов продуцирования художественного текста, в условиях действия которых «чувственный опыт организма начинает семантизироваться, приобретая конструктивно значимый вид. Психофизиологические импульсы, проявляя свои формообразующие свойства, оказываются детерминантными» [Васильев, с. 59].

Значительную роль в новой эстетике стала играть категория телесности, объемлющая собой и авторский облик и поведение, и отдельное слово, и язык как таковой, и способы организации поэтического текста, и эмпирическую реальность в целом, и пограничные психические состояния, в которых нередко творит и которые воспроизводит авангардный художник (потеря рассудка, религиозный экстаз, любовь и т. д.). Телесность пронизывает и субъектно-объектные отношения в авангардном искусстве, где классический катарсис заменяется взбудораженностью и раздражением — на первое место в процессе рецепции выходят физиологические, внеэстетические реакции, однако, определенным образом трансцендируемые. Авангардный автор, предстающий то трагической фигурой, то юродивым и шутом, зачастую «объявляет себя во всех своих телесных проявлениях сакральной личностью, т. е. биологическая, физиологическая энергия самой материи манифестируется как мистическая и эстетическая» [Тырышкина], стремится «выброситься» в мир, переконструировать его, заполнить собою. Таким образом, именно телесность в авангарде становится источником трансцендирования. Именно границы авторского тела в авангарде обозначают границы творчества.

Для русского футуризма, в рамках которого начинал свой творческий путь Владимир Маяковский, актуальным оказалось вплетение в ткань поэтического

текста языковых элементов, связанных с «земными», бытовыми параметрами творящей личности. Однако в поэзии Маяковского, обогатившего чисто технические, конструктивные находки футуризма весомым нравственно-философским содержанием, акцентируется не столько физиология и подсознание, сколько телесно-духовная форма самого художника-творца, эксплицирующая изменчивую форму обновляющегося и изменяющегося бытия. Маяковский, как справедливо подмечают исследователи, «стремится к максимально адекватному “отпечатку” самости субъекта в своих творениях — сохранить идентичным переживание. На первый план выходит энергия звучащего, артикулируемого слова и пишущей руки (переживание = действие)» [Фадеева, с. 8]. Словесная форма у Маяковского «спаяна» с телесностью автора, ибо его телесность — это и звучащая вербальная материя. Чрезвычайность жизненных отношений определяет максимальное сгущение материи, порождающее все более плотную метафоричность письма. Фундаментальным принципом поэтики Маяковского становится «овеществление семантики», подразумевающее перевод слова в статус физического объекта и идентификацию лирического субъекта с миром, который отождествляется с преобразующей творческой деятельностью художника-демиурга. При этом лирическое «я» у Маяковского насквозь отелеснено и телесность эта — именно порогового, пограничного характера, телесность на грани выхода за ее пределы¹.

Е. А. Самоделова выделяет среди способов организации «поэтики тела» следующие: 1) само «определенное тело» человека, его отдельные части и органы; 2) оценочная характеристика телесности; 3) телесные движения, жестикаляция и мимика, выражающие настроение [Самоделова, с. 328]. Учитывая эти, без сомнения, важные, компоненты телесности, мы добавляем к ним и акцентируем такие аспекты, как авторская телесность, телесность лирического субъекта, телесность как механизм развертывания лирических коллизий и пытаемся раскрыть их на материале поэмы В. Маяковского «Про это», для которой, несмотря на время ее создания, оказываются крайне актуальными многие отмеченные нами характеристики авангардной концепции телесности.

Поэма «Про это» занимает в творческой эволюции Маяковского особое место. Через шесть лет после революции, ознаменовавшейся для Маяковского возможностью коренного переустройства мира и приближения этого переустройства средствами поэзии, поэт возвращается к темам и мотивам своего дооктябрьского творчества, в частности, к трагической теме неразделенной любви. И не только к теме, но и к способам и формам ее поэтической реализации, выработанным в ранних произведениях. Показательна история создания поэмы. «Про это» была написана Маяковским в начале 1923 г. в период активной работы в журнале «ЛЕФ», в котором обосновывались идеи искусства-жизнестроения, растворения искусства в жизни, упрощенно-функционального понимания искусства.

¹ В этом смысле любопытные результаты может дать приложение к творчеству Маяковского некоторых философских концепций телесности — концепции «порогового тела» В. Подороги [1995], «ковнульсивного тела» М. Ямпольского [1996] и др.

Поэма получила неодобрительные отзывы соратников Маяковского по «ЛЕФу», посчитавших недопустимым возвращение поэта к мелким, «лирическим» темам в период затеянного лэфовцами грандиозного слияния постфутуристического искусства с коммунистической идеологией. Однако поэма Маяковского во многом преемственна по отношению к эстетике и философии раннего футуризма с присущим ему сочетанием вселенского размаха изображаемого с его совершенно земной, плотской «подкладкой», когда «экспрессия материальной формы вовлекала в ареал значений многообразные ассоциации и представления» [Васильев, с. 97].

Поэма является ярким примером свойственного авангарду в целом единства творца и его произведения. Сквозь конвульсивное движение лироэпического сюжета мы (особенно зная историю создания поэмы) неизменно прозреваем фигуру автора — напряженно сидящего за письменным столом с испариной на лбу и красными от недосыпа глазами. Работу Маяковского над поэмой ярко характеризует ее непосредственный адресат Лиля Брик: «Он присылал мне письма, записки, рисунки и писал поэму про все это — поэму о любви, о быте, — о том, о чем он приказал себе думать два месяца. Впереди была цель — кончить поэму, встретиться, жить вместе по-новому. Он писал день и ночь, писал болью, разлукой, острым отвращением к обывательщине...» [Маяковский без глянца, с. 291]. Письма Маяковского к Лиле этого периода пронизаны болью: «Мне никогда не было так тяжело», «Мне просто больно. Все ко мне относятся как к запаршивленному нищему», «нет теперь ни прошлого просто, ни давно прошедшего для меня нет, а есть один до сегодняшнего дня длящийся теперь ничем не делимый ужас», «Я чувствую себя совершенно отвратительно и физически и духовно. У меня ежедневно болит голова, у меня тик, доходило до того что я не мог чаю себе налить» и т. д. [Там же, с. 295]. Н. Асеев, отмечая внутреннюю связь между лирическими героями поэм «Человек» и «Про это», указывал, что «эта связь свидетельствует о какой-то периодической натруженности Маяковского, о моменте обострения бытовых конфликтов, объединяющихся время от времени в настолько сильный напор, что он требует себе выхода в творчестве» [Асеев, с. 515–516]. Этот напор проявился в поэме, в частности, в максимальной сжатости, спресованности, динамизации образа, естественной разговорной интонации, «мышечной, мускульной силе речи», «телеграфном языке» (Асеев), активизирующем смысловые потенции слова.

Лихорадочное физическое состояние самого Маяковского, о котором можно наглядно судить по его письмам к Лиле Брик периода работы над поэмой, становится художественной стратегией и движущей силой развертывания текста. Этому способствует практически полное отсутствие «зазора» между автором и лирическим героем, в котором Маяковский признается сам: «Он и она баллада моя, / не страшно нов я, // страшно то, что он это я / и то, что она — моя» [Маяковский, с. 140–141]². С первых строк поэмы любовная «горячка» перестает быть метафорой и становится непосредственным обоснованием развития лирического сюжета, общим конструктивным принципом формирования

² Далее поэма Маяковского цитируется по данному изданию с указанием страниц в скобках.

индивидуальной поэтической фактуры текста. Для поэмы органичной и естественной оказывается ее рваная лироэпическая структура. Это обусловлено тем, что здесь изображена любовь в момент ее кризисного состояния, попранное (или попираемое) чувство, сжигающее одного человека и тяжелым грузом давящее на всех тех, кто, подобно ему, бьется о каменную стену быта.

Уже в прологе поэмы предельно отелеснивается сама ее тема (!) — не названная, но подразумеваемая — любовь. Она не просто олицетворена, но прописано само ее поведение — вполне тоталитарное и агрессивное; склонная к насилию, она «вострит нож», толкает, «приказывает», «велит», «оттирает» остальные темы, смотрит «скривясь», «грозой раскидывает людей и дела», велит «колотиться строчками лбов», день «истемняет в темень» и наконец — «ножом подступает к горлу», бьет молотом «от сердца к вискам». Она сбивает человека с нормального ритма жизни — «замутит, оттянет от хлеба и сна», расщепляет адекватность реакций и восприятий («становится А недоступней Казбека») — проще говоря, сводит с ума. У нее звериные повадки: «нырнет под события, в тайниках инстинктов готовясь к прыжку» [с. 138]. Подчеркнем, что в такое «рабство» загоняет героя не любовь как таковая, а именно «тема» любви, т. е. не исходное чувство, а уже апробированный творческим воображением компонент поэтической вселенной.

Знаменательно, что само слово «любовь» в прологе не произнесено, а заменено отточием, которое может быть интерпретировано, как «перехват дыхания» у говорящего лирического субъекта и самого автора. Это может служить хорошим примером непосредственного функционирования телесности в тексте и через текст³.

Поведение лирического героя изначально — нездоровое, горячее: «кружил», «хочу кружиться опять». Способы создания текста маркируются как неестественные — не написание, а поскребывание, «скреб» («подтолкнет к бумаге, прикажет: — Скреби!», «ползло из шнура скребущейся ревности / времен троглодитских тогдашнее чудище», «мозг поборов, проскребается зверь»), скрип⁴ («если Марс / и на нем хоть один сердцелюдый, / то и он сейчас скрипит про то ж») — это не нормальная размеренная речь, а клетот захлебывающегося, причем субъект, издающий этот клетот, — калека (автоаттестация героя — «калека в любовном боленьи» — духовная неполноценность, происходящая от отсутствия любви, у Маяковского привычно физиологизируется). Движение текста сразу же определяется как дискретное, дисгармоничное — «записочная рябь», «строчками в солнце песня рябит», «рябит река, я в середине» (сновидческое, ирреальное пространство, характерное для горячечных галлюцинаций). В действиях героя практически отсутствует рациональный элемент, они стихийны и аффективны: «царапает стул когтем из штиблета» и т. д. Само поэтическое творчество предстает у Маяковского как страдание, равное распятию: «И пускай

³ Здесь стоит вспомнить слова Лили Брик, свидетельствующей: «По Маяковскому, любовь не акт волевой, а состояние организма, как тяжесть, как тяготение» [Маяковский без глянца, с. 51].

⁴ Скрип опять появляется уже в финале поэмы и снова маркирует — но уже в ироническом, а не в чисто трагедийном ключе — неестественность творческого процесса: «Перышком скрипел я в комнатенку всажён, вплющился очками в комнатный футляр».

перекладиной кисти раскистены, только вальс под нос мурлычешь с креста» [с. 138]. Таким образом, уже в прологе формируется и формулируется особого рода болезненность — болезненность на грани безумия, становящаяся катализатором дальнейшего действия. Маяковский пишет словами, которые «болят» и сами (!) повествуют о своей боли, «говорят о том, что болят», т. е. поэтом отелеснивается и сам материал поэтической речи — слово, и поэтическая тема, и даже жанр, избранный им «внутри» жанра поэмы, — баллада: «Немолод очень лад баллад, / но если слова болят // и слова говорят про то, что болят, / молодеет и лад баллад» [с. 140].

Семантику общей болезненности поддерживает и состояние лирической героини, так же как и герой, почти сливающейся со своим прототипом: «Больна она. Она лежит»⁵. Одна из главок так и называется — «Боль были», свидетельствуя о реальной подкладке творимой Маяковским болезненной ирреальности. Периодически поэт «проговаривается»: «Не молкнет в сердце боль никак, / кует к звену звено» [с. 167]. Как реальная действительность, так и «фантастическая реальность» поэмы пульсируют болью — именно боль, испытываемая Маяковским с присущей ему интенсивностью, субъективностью и гиперболизмом, — становится «переходным мостиком» от действительности к ее художественному воплощению⁶. Но боль — не только переход, а также катализатор и способ со-творения этой художественной реальности, которая при всей ее фантастичности (знаменательный парадокс) — воспринимается, как осязаемая и наличествующая. Это возвращает нас к парадоксу, отмеченному Е. Эткиндром ещё в «Облаке в штанах»: «Чем сюрреалистичней и невероятней картины, создаваемые Маяковским, тем они более достоверны» [Эткинд, с. 565]. Но показательно, что к концу поэмы поэт приходит к спасительной мысли о ценности боли: «Больно? Пусть... Живешь и болью дорожась» [с. 183]. Эта максима, заставляющая вспомнить знаменитые слова Достоевского «в страдании есть идея», многое объясняет в поэтике Маяковского, у которого именно телесное, физическое осмысление любого духовного жеста становится залогом его подлинности.

Сюрреалистическое и фантазмагорическое «путешествие» лирического субъекта начинается с телефонного звонка, описание которого окончательно реализует «горячечную» метафору: «тронул еле — волдырь на теле», «звонок от ожогов уже визжит, добела раскален аппарат», «мясом дымясь сжимаю жжение», «ткнулся губой в телефонное пекло», «ноге горячо», «разверг телефон дребезжащую лаву», «точка глаз иголит щеки жаркие» [с. 143] — так внутренняя горячка переходит во внешний пожар, вызывающий аналогию с «пожаром сердца» в поэме «Облако в штанах»⁷. Потом этот пламень сменяется сквозящим слякотным холодом «подушки-льдины», слез, заплаканной комнаты, железа кровати, Невской воды, камней и стен. И в заключении поэмы сырость и холод опять сменяются жаром: «Солнце ночь потопа высушило жаром — у окна

⁵ В черновике поэмы было: «В постели Лиля. Лиля лежит».

⁶ Возможно, с этой семантикой переходности из реальности в творчество связан один из ключевых в поэме образов — образ моста.

⁷ Что примечательно, в «Облаке» эта метафора тоже вырастает из ситуации телефонного разговора.

в жару встречаю день я». Само это опрокидывание героя и самой текстуальной материи из жара в холод аналогично состоянию лихорадки, когда «бросает то в жар, то в холод», — так лихорадочность из предмета изображения становится принципом изображения.

Можно сказать, что в любой образ Маяковского изначально «вмонтировано» чисто физическое ощущение предмета поэтической рефлексии — тактильное, слуховое, обонятельное и т. д., но всегда подчеркнуто явленное в своей внутренней парадоксальной раздробленной цельности⁸. Не в последнюю очередь это связано с тем, что образы, создаваемые Маяковским, являются непосредственным порождением его психики, которой были свойственны такие черты, как материальность, конкретность, эмоциональная неустойчивость. Характерологические черты личности Маяковского (неуравновешенность проявлений эмоционально-аффективной сферы и недостаточность их сознательно-волевой задержки, перераздражимость эмоционально-аффективной сферы, обрывистость, разорванность психических процессов) переходят в его творчество по линии гиперболизации и динамизации индивидуального переживания.

Внутреннее развитие лирического сюжета поэмы происходит на грани катастрофы, за секунду до взрыва. Нить психосоматических переживаний лирического героя натянута предельно, но все-таки не рвется. Маяковский отелеснивает даже звук, создавая звуковую какофонию — «это визжащее, звенящее это, пальнуло в стены, старалось взорвать их», «звончочки», «звончище», «звонящий», «дребезгою звоночной», «тянуло звенеть», «в разливе звонков» [с. 143]. Таким образом обрисовывается масштаб мучительно длящегося «смертельной любви поединка». Эта поэтика предельного напряжения эксплицируется в поэме не единожды: Горизонт распрямился рвно-ровно / Тесьма. Натянут бечевкой тугой. / Край один — я в моей комнате, / ты в своей комнате — край другой...», «кабель / тонюсенький — / ну, просто нитка! // И всё вот на этой вот держится ниточке» [с. 145].

В целом «телесными» звуками поэма буквально переполнена — кряхтенье, харканье, зевота кухарки-«секундантши», «семейственный писк голосков», уанстепный темп, «хлопанье двери и карканье», «шарканье» «рычанье», медвежий плач и вой («повыть, извыться и лечь в берлогу» [с. 147]), «невероятный гуд», крик («Начал кричать — разве это осилите» [с. 152]) и скуление самого лирического героя. Он «сигналил ракетой слов», «падает качкой добитый», «ревет батареей пушечной», стучит зубами, говорит то «вкрадчиво», то «страшно рыча», то «вызвоня лирово», «молит», «грозит», «просит», «агитирует», «задыхается от бреда», «в быт вбивается слов напором», «фразы кроит по выкриков выкройке», наконец — «расплющивается нем» (даже немота оказывается овеществленной и как будто сопровождаемой звуком «расплющивания»). Не менее звучен и окружающий его мир: кругом срыв, грохот, обвал, «буря басит», слышны бас и «дискант дьячком» меццан-обывателей и т. д. Не менее

---

⁸ Хорошо характеризует принцип стиховой работы Маяковского З. Паперный: «Замысел рождается у Маяковского в неразрывной связи с живыми чертами образа, с элементами поэтического оформления» [Паперный, с. 274].

разнообразны в поэме движения и жесты: просверливание, царапание («царапает стул гвоздем из штиблета», «царапая логово в двадцать когтей»), «простынь постельная треплется плеском», «лапой гребу — плохое весло», «пальцы сами в пределе отчаянья ведут бесшабашье над горем глумясь» [с. 167]. Маяковский не может просто констатировать, например, плач или рыдание, ему всегда важна телесная конкретика процесса: «мольбой обволокнувшие глаза» и т. п.

Сам физический облик лирического героя подвергается в поэме телесным деформациям. В частности, в главке «Что может сделаться с человеком» телесное начало лирического героя обретает «животное» измерение⁹ — он превращается в медведя.

Герой все время находится в размытом страхе, ощущении тревоги: сначала его тиранит «тема», потом «прозрачной ясностью пытка», потом «человек из за 7 лет» — его двойник, угрожающий: «Найду! Загоню! Доконаю! Замучу!» [с. 151]; он постоянно чувствует «погоню угроз». Непрерывная калейдоскопическая смена надежд на спасение и разочарования в них формирует особый «нервный узел» поэмы.

Агрессия мира, из которого напрочь вытравлено сострадание («нынче обнажают зубы если, только чтоб схватить, чтоб лязгнуть»), страшна в силу своей тотальности и кажущейся беспричинности: «Снег хрустя разламывал суставы. // Для чего? / Зачем? / Кому?» [с. 156]. От нее не спрятаться, не забыться даже во сне: «Так с топором влезают в сон / обметят спящелобых», «так барабаны улиц в сон войдут» [с. 166].

Стоит, однако, отметить особенный, глубоко скрытый мотив поэмы — мотив подавления тревоги и страха. З. Паперный, проведя анализ трех рукописей поэмы, показал, что Маяковский сознательно уходил от открытого трагизма, избегал малейшей фальшивой ноты или даже намек на неискренность: «На протяжении всей рукописи поэт последовательно стремится к тому, чтобы обуздать разыгравшуюся, «расплеснувшуюся» эмоциональную стихию — все, что связано с неизбывностью страданий, с мыслями о самоубийстве, с неврастеническим ощущением надрыва, ужаса, кошмара. <...> Маяковский боролся с самим собой, стремился проверить, проконтролировать, а если надо, то и смирить инстинктивное, эмоционально-стихийное, в чем сквозит непреодолимое смятение, ужас, может даже растерянность» [Паперный, с. 228]. Именно поэтому физиологизированные эмоции лирического героя отличаются повышенной психологической убедительностью и достоверностью: «освобождая текст произведения от “ужасов”, “проклятий”, “бездн”, “пропастей”, от эпитетов “проклятый”, “страшный”, “чудовищный” и т. д. Маяковский не отказывался от трагического, но отделял его от ненужной надрывности, истерической надломленности» [Паперный, с. 233].

Реальность вокруг героя предельно материализована: «ветром ладожским гребень завит», «вор-ветер» обыскивает одного из двойников героя — мальчишку-самоубийцу. Материализации подвергается все вплоть до состояний: «стой и грустью ранься», «мозги шевелят адресами» («пассивный» элемент устойчивого

⁹ Еще одна отсылка к раннему произведению Маяковского — стихотворению «Вот так я сделался собакой» (1915).

сочетания «шевелить мозгами» становится «активным» именно через надделение его энергетикой физического свойства — таких примеров в тексте много), «домами оскалила скалы далекость», «тополя возносятся к небу мертвость», «тополи сорвались с мест, / пошли, затопали». Как всегда у Маяковского, «вселенная насквозь телесна, а человек космичен в силу их взаимопроникновения: предметы, явления внешнего мира поэтически уподоблены содроганиям живого человеческого организма» [Альфонсов, с. 126–127]. Антропоморфизированы и отелеснены вещи: «Весь самовар рассиялся в лучики — / хочет обнять в самоварные ручки» [с. 161], оживают «ангелочки-горнисты» на иконном глянце, Иисус и Маркс, герани, «лезущие из кадочек», и бабушки, «лезущие из карточек».

Рваная, прерывистая «фантастическая реальность», в которой странным метаморфозам подвергается и время, и пространство, и расслаивающаяся на ряд двойников личность самого лирического героя¹⁰, требует рваных непосредственно телесных или связанных с телесностью художественных жестов, что определяет рваный язык художественного высказывания — «телеграфный», полный эллипсисов и смысловых пропусков. Сюжетные кульбиты и кувыркания героя находят выражение в языке и стиле: «Ужас дошел. В мозгу уже весь. // Натягивая нервов строй, разгуживаясь все и разгуживаясь...» [с. 171]. Язык поэмы отражает стихийность, молниеносную быстроту работы сознания человека, которому любыми средствами необходимо избавиться от переполняющей его боли. Поэтому многие строки поэмы пронизаны физическим ощущением наэлектризованности и приближения трагической разрядки переживания.

Ненавистный поэту мир обывателей маркируется негативной телесностью, отсылающей к ранним гротесково-сатирическим стихотворениям Маяковского. В комплекс характеристик негативной телесности в обязательном порядке входит пища и процесс ее употребления с его акцентированным автоматизмом: «Окорочок. / Хочу, чтоб дешево» [с. 142], «Пирог. Печка», «хлебные мякиши», горох («слова об лоб и в тарелку — горохом», т. е. слова непонятые превращаются просто в пищу, в предмет потребления — Маяковский здесь вновь «овеществляет семантику», обыгрывая идиому духовной глухоты — «как об стенку горох»), «в тостах стаканы исчоканы // и сыплют стеклянные искры из щек они» [с. 168], «вином размягшие». Сам процесс бездуховного потребления — знак «примазывания» к мещанской «касте»: «Ты может к ихней примазался касте? // Целуешь? / Ешь? / Отпускаешь брюшко?» [с. 151]. Механистическое потребление пищи — эмблема ненавистной Маяковскому обывательщины, именно таким образом мещане пытаются сделать бунтующего против быта героя одним из них, вернуть «заблудшего сына» в свою «касту»:

¹⁰ Важным метафизическим основанием этой раздвоенности является характерная для творчества Маяковского в целом постоянная раздвоенность лирического субъекта между огромной этической высотой, продиктованной любовью к человечеству, и самоценной, нагнетающей субъективностью. Е. Эткинд дает этому общее обоснование: «Особенность лирического героя Маяковского в равноправии, одновременности, взаимопроникновении различнейших и, казалось бы, несовместимых аспектов «внутреннего человека» [Эткинд, с. 550]

«Будет нить! / Поесть, попить, // попить, поесть / — и за 66», «Налей, нарежь ему. // Футурист, налягте-ка», «Ничуть не смущаясь челюстей целостью, пошли греметь о челюсть челюстью» [с. 164]¹¹. Телесность этих персонажей (собутельники, партнеры, тещы, читатели — «безлицый парад», «гостьё», горлань горланья», «оранья орло», «пьяное допьяна») — телесность «насекомая»: они буквально «ползут» и лезут из-под столов и шкафов¹². На окружающем их пространстве — отпечаток пыли, застарелости, плесени. Ненависть героя к обывательскому миру — физиологизирована абсолютно:

Но дыханием моим,
сердцебиеньем,
голосом,
каждым острием издыбленного в ужас
волоса,
дырами ноздрей,
гвоздями глаз,
зубом, исскрежещенным в звериный ляг,
ёжью кожи,
гнева брови сборами,
триллионом пор,
дословно —
всеми пбрами
в осень,
в зиму,
в весну,
в лето,
в день,
в сон
не приемлю,
ненавижу это всё.

В конце концов этот мир и убивает героя, навалившись на него. В сцене убийства он предстает беспомощным перед ощетилившейся, ощеренной толпой — «в мочалку щеку истрепали пощечинами», «снимали, в лицо швыряли перчатки, швырялись в лицо магазины перчаточные» [с. 176].

В заключительной части поэмы, где сквозной отчаянный крик «Спасите» заменяется не менее отчаянной, но более приподнятой просьбой о воскрешении в тридцатом веке, телесность важна в общефилософском ключе. Здесь стоит подчеркнуть, что воскрешение рассматривается Маяковским — безальтернативно — как воскрешение именно его с возвращением ему всех утраченных со смертью телесных параметров, воскрешение подчеркнуто плотское, а не перерождение в некую духовную сущность: «Сердце мне вложи. Кровищу

¹¹ Единственный положительно маркированный образ еды — да и то в аллегорично-сюрреалистичном ключе — встречаем только в самом финале поэмы — «Я люблю зверье. Увидишь собачонку — тут у булочной одна — сплошная плешь, — из себя и то готов достать печенку. Мне не жалко, дорогая, ешь!».

¹² Не здесь ли зародыш центрального образа пьесы «Клоп», написанной в 1928 году? Очередное свидетельство динамической цельности образной системы Маяковского.

до последних жил, В череп мысль вдолби!» [с. 182]. Таково же должно быть и воскрешение любимой: «улыбаясь, / вот такая, / как на карточке в столе»¹³.

Отчаянная, обреченная попытка декларативно отвергнуть свою телесность — «я только стих, я только душа» — не может обмануть никого и прежде всего — самого лирического героя, который переживает самую настоящую смерть на вершине Машука и воскрешения взыскует тоже — абсолютного — в плоти и крови. М. Пьяных в целом правильно характеризует основной сюжет поэмы как сюжет «превращения плоти в дух» [Пьяных, с. 276], но стоит отметить, что дух максимально оплотнен, просто это плотскость нового качества — некая сверхтелесность. «Размедвеженье» героя эксплицирует его способность посмотреть вглубь себя, найти и оформить свои глубинные, психосоматические особенности. Оформление это во многом интуитивно, исходит из «тайников инстинктов».

По словам Е. Эткинда, у Маяковского «тело и дух, плоть и Бог чередуются, соединяясь, сходятся и расходятся, образуя единое, словесно неопределимое, противоречивое, но и цельное чувство» [Эткинд, с. 551], и таким образом, амбивалентность бытия сводит его с ума.

Так поэма, сквозь которую на огромных скоростях проходит смерть и истребление, суицидальные мотивы и т. п., заканчивается гимном жизни неуничтожимой и гимном огромной любви — и в последних ее строчках персонализации подвергаются уже ни много ни мало — мир и земля: «Чтоб / мог / в родне / отныне / стать // отец / по крайней мере миром, // землей, по крайней мере — мать» [с. 184].

В каком-то смысле поэма воскресила и самого Маяковского и их отношения с Лилей Брик (пусть и ненадолго). Поэт не кривил душой, когда писал возлюбленной, завершив произведение: «ты увидишь нового, незнакомого тебе человека». Так изначально пропитанная телесной энергетикой вещь — вернулась и переоформила «внутреннего человека» ее создателя. «Внутренний человек» представлен здесь самыми болевыми своими точками и эта болезненность не могла не сказаться во «внешней речи», которая отличается повышенной даже для Маяковского лихорадочностью, горячностью и резкостью перебивов. Герою открывается его внутренняя сущность и открытие это драматически интенсивно. Осознание самотождественности, понимание «я» как «я» на таком эмоциональном пределе мучительно.

Отличительной чертой поэмы является углубленная авторефлексия, в значительно меньшей мере свойственная (в традиционном ее понимании) другим произведениям Маяковского. Именно лихорадочность, иррациональная телесность, вплетенная в сам строй поэмы и пронизывающая все ее компоненты, обуславливает ее многомерность и не позволяет трактовать это сложнейшее произведение одномерно¹⁴.

¹³ В период написания поэмы Маяковский чрезвычайно интересовался идеями А. Эйнштейна и философией Н. Федорова, обещающими возможность воскрешения человека в его именно телесном существе. Идея подчеркнута физического бессмертия владела Маяковским.

¹⁴ Как это делает, например, Б. Горб, считающий «Про это» поэмой-пародией о советском сексе или ранее Ю. Карабчиевский, интерпретирующий финал поэмы как «бескровное» убийство Маяковским всех мужчин-соперников.

Наш выборочный и не претендующий на полноту охвата темы анализ показал, что текстуализация телесности осуществляется Маяковским в поэме «Про это» в целом в русле футуристической и общеавангардной эстетики с такими ее конститутивными чертами, как стратегия непосредственного «перевода» авторской телесности в текстуальную ткань, акцентуация телесной во-площенности и явленности лирического субъекта, активно трансцендирующего себя и формирующего вокруг себя энергичное поле, овнешнение внутреннего, использование физиологизированного языка, установка на физический контакт с реципиентом, внимание к первобытному мышлению, стихийному началу жизни, скрытому в человеческом теле, и т. д. Эти интенции, однако, осложняются у Маяковского индивидуальными особенностями его поэтического мира, в котором внешнее и внутреннее, плотское и духовное, рефлексивное и антирефлексивное, языковое и ментальное находятся в сложных связях и нелинейных отношениях, определяющих глубину, синтетичность и многослойность художественной вселенной поэта. В целом же телесность у Маяковского становится и частью, и стороной, и механизмом организации текста, определяет параметры изображения и стратегию художественного действия. Телесное начало превращается в текст, в способы упаковывания содержания в тело текста.

Альфонсов В. Нам слово нужно для жизни. Л., 1983. 248 с. [Al'fonsov V. Nam slovo nuzhno dlya zhizni. L., 1983. 248s.]

Асеев Н. Работа Маяковского над поэмой «Про это» // Асеев Н. Собр. соч. : в 5 т. Т. 5. М., 1964. С. 531–562. [Aseev N. Rabota Mayakovskogo nad poemoj «Pro eto» // Aseev N. Sobr. soch. : v 5 t. T. 5. M., 1964. S. 531–562.]

Васильев И. Е. Русский поэтический авангард XX века. Екатеринбург, 2000. 320 с. [Vasil'ev I. E. Russkij poeticheskij avangard XX veka. Yekaterinburg, 2000. 320 s.]

Маяковский без глянца. М., 2008. 592 с. [Mayakovskij bez glyantsa. M., 2008. 592 s.]

Маяковский В. В. Про это // Маяковский В. В. Полн. собр. соч. : в 13 т. М., 1955–1961. Т. 4. С. 135–185. [Mayakovskij V. V. Pro eto // Mayakovskij V. V. Poln. sobr. soch. : v 13 t. M., 1955–1961. T. 4. S. 135–185.]

Паперный З. Маяковский в работе над поэмой «Про это» // Лит. наследство. Т. 65. 1958. С. 217–285. [Papernyj Z. Mayakovskij v rabote nad poemoj «Pro eto» // Lit. nasledstvo. T. 65. 1958. S. 217–285.]

Подорога В. Феноменология тела. М., 1995. 340 с. [Podoroga V. Fenomenologiya tela. M., 1995. 340 s.]

Пьяных М. «Чтоб всей вселенной шла любовь...» // В мире Маяковского : сб. ст. : в 2 т. Кн. 1. М., 1984. С. 136–184. [P'yanykh M. «Chtob vsej vselennoj shla lyubov'...» // V mire Mayakovskogo : sb. st. : v 2 t. Kn. 1. M., 1984. S. 136–184.]

Самоделова Е. А. Антропологическая поэтика С. А. Есенина: Авторский жизнетекст на перекрестке культурных традиций. М., 2006. 920 с. [Samodelova E. A. Antropologicheskaya poetika S. A. Esenina: Avtorskij zhiznetekst na perekrest'e kul'turnyx traditsij. M., 2006. 920 s.]

Тыршишкина Е. В. Декаданс — авангард — постмодернизм: трансформация эстетического дискурса [Электронный ресурс]. URL: http://avantgarde.narod.ru/beitraege/ov/et_transformation.htm (дата обращения: 24.01.14). [Tyryshkina E. V. Dekadans — avangard — postmodernizm: transformatsiya esteticheskogo diskursa [Electronnyj resurs]. URL: http://avantgarde.narod.ru/beitraege/ov/et_transformation.htm (data obrascheniya: 24.01.14).]

Фадеева И. В. Культурно-исторический контекст лирических поэм В. Маяковского : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2006. [Fadeeva I. V. Kul'turno-istoricheskij

kontekst liricheskikh poem V. Mayakovskogo : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Astrakhan', 2006.]

Эткинд Е. Г. Там внутри (О Маяковском) // Эткинд Е. Г. Психопэтика. СПб., 2005. 704 с. [Etkind E. G. Tam vnutri (O Mayakovskom) // Etkind E. G. Psikhopoetika. SPb., 2005. 704 s.]

Ямпольский М. Б. Демон и лабиринт (Диаграммы, деформации, мимесис). М., 1996. 335 с. [Yampol'skij M. B. Demon i labirint (Diagrammy, deformatsii, mimesis). M., 1996. 335 s.]

Статья поступила в редакцию 10.12.2013 г.

УДК 811.161.1'373

Е. О. Борисова

СПЕЦИФИКА ВОПЛОЩЕНИЯ НАИВНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СКОРОСТИ В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются способы и особенности представления признака скорости в лексических значениях слов русского языка (преимущественно на диалектном материале). Выявляются возможные идеограммы, приводятся примеры их лексического воплощения. Выделяются параметры, значимые для языкового выражения представлений о скорости (частеречная принадлежность лексики; место «скоростного компонента» в семантической структуре слова; агентивность, тематический класс; характеристики, дополняющие скоростные), на основании этих параметров формируются 12 семантико-грамматических групп («Скорость передвижения», «Регулирование скорости», «Скорость относительно нормы» и пр.).

Ключевые слова: диалектная лексика; семантика; семантико-грамматические группы; скорость.

Наивные представления о скорости отражают один из способов параметризации времени. Они могут анализироваться через призму образующих оппозиции параметров. Для языковой концептуализации времени признаются важными те, которые описывают движение «временного потока» (к ним относятся «давно — недавно», «прошлый — будущий», «долго — недолго» и др.). Скорость в этом ряду — «нетипичный» параметр времени, т. к. характеризует не особенности движения времени как такового, а действия субъектов или протекание процессов во временном потоке, и благодаря этому может служить средством оценки человеческой деятельности. Скорость, таким образом, оказывается более «прагматическим» способом категоризации времени, чем другие, вследствие чего приобретает в языке (и особенно в говорах) особую значимость, становясь одним из параметров оценки полезной деятельности и включаясь в народную аксиологию. Поскольку время — абстрактное понятие, проявляющее себя «через материальное наполнение мира, без которого оно не могло бы войти в поле наблюдения» [Арутюнова, с. 13], то и категория скорости как параметра

времени также обладает высокой степенью абстрактности. Следовательно, признаки «быстро» и «медленно», с одной стороны, практически не представлены в языковой семантике «в чистом виде», с другой — из-за своей важности для описания деятельности человека они регулярно включаются в семантику лексических единиц в качестве компонентов. Такие компоненты могут занимать различное место в структуре значения.

В данной статье рассматриваются способы включения (в том числе имплицитного) семантических компонентов «быстро» и «медленно» в лексическое значение: выявляются возможные идеограммы (в данном случае — «скоростные» значения) и приводятся наиболее показательные примеры их лексического воплощения. Материал извлечен из словарей русского литературного языка и народных говоров.

Из-за неоднородности семантической сферы скорости был выделен не единый критерий, который можно было бы считать основанием для классификации «лексики скорости», а целая шкала таких критериев (параметров).

1. Частеречная принадлежность лексики.

2. Место «скоростного» компонента в семантической структуре слова, в том числе включенность признака скорости в категориально-лексическую сему (КЛС). Здесь выделяется лексика, не предполагающая обозначение конкретного действия и содержащая в КЛС только указание на скорость, — денотат наполняется в конкретных контекстах в зависимости от ситуации: карел. *ряхаться* ‘медлить, мешкать, терять время’: «Пошли, ряхаться некогда, в кино опоздаем; Хватит ряхаться, грабельки бери» [СРГК, вып. 5, с. 616].

Данный параметр также предполагает ситуации: а) слово не называет непосредственно высокую или низкую скорость действия, но его значение включает «скоростной компонент» (ср. *спешить*, *успевать*); б) «скорость» выражается имплицитно (например, потенциально присутствует, если в семантику входит компонент «интенсивность», ср. арх. *сбубетенивать* ‘что-л. интенсивно делать’: «В гармошку играют, сбубетенивают» [КСГРС]). Мы рассматриваем такие случаи, если скоростная характеристика актуализируется в контексте: волог. *еретник* ‘человек, делающий что-л. интенсивно’: «Еретник до чего круто делает, круто бежит, круто говорит» [КСГРС] (присутствие «скоростного» компонента, таким образом, зависит от типа действия, по отношению к которому употребляется слово).

3. Агентивность, т. е. участие в совершении действия, обозначенного лексической единицей, активного субъекта и тип субъекта. Здесь учитывается два условия: 1) кто/что является «субъектом» действия, т. е. кто/что проявляет признак скорости (человек, животное, вода, трава и пр.); 2) таксономическая категория глагола; по терминологии Е. В. Падучевой, таксономическая категория объединяет противопоставление глаголов по аспектуальному классу и контролируемости (намеренности); различаются, в частности, категории: действие, деятельность, процесс, состояние, происшествие, тенденция, свойство, соотношение, предстояние, предрасположение (диспозиция) [Падучева, с. 31]. Так, Е. В. Падучева относит к действиям *открыть*, к деятельности — *гулять*

и т. д. В случае с «лексикой скорости» можно привести следующие примеры различий в таксономических категориях: волог. *сбарáхтатъ* 'построить что-л. на скорую руку' [СРНГ, вып. 36, с. 164] (действие), пск. *бáндатъся* 'возиться, мешкать, делать что-либо медленно' [СРНГ, вып. 2, с. 93] (деятельность), киров. *ду́рить* 'быстро, буйно расти' [СРНГ, вып. 8, с. 267] (свойство) и т. д.

4. Тематический класс, т. е. отражение в семантике глагола характера деятельности, представление о которой воплощает лексическая единица, — физического (волог. *но́ситься как чѣрт с рѣпой* 'быстро бегать' [КСГРС]) или ментального (дон. *скозлоу́мить* 'быстро сообразить, понять' [СРНГ, вып. 38, с. 50]).

5. Характеристики, дополняющие скоростные. Данный параметр связан со сложным воплощением абстрактных признаков в отдельном лексическом значении (ср., например, возможные признаки, сочетающиеся со скоростными: дон., пенз. *вáчкатъ* 'делать что-либо медленно и бестолково, плохо' [СРНГ, вып. 4, с. 78], астрах. *куля́хтатъ* 'неумело, медленно что-либо делать' [СРНГ, т. 16, с. 78], калуж. *обкатры́жить* 'сделать что-нибудь быстро, но кое-как, небрежно, без старания' [СРНГ, вып. 22, с. 72], смол. *опáливатъ* 'ловко и быстро работать' [СРНГ, вып. 23, с. 232]). Кроме того, ориентированность лексики говоров на отражение практической деятельности людей предполагает измерение скорости не как абсолютной, а как относительной величины, т. е. важна не «скорость вообще», а скорость в акте совместной деятельности людей, скорость как способ регулирования качества и т. д. Это проявляется, например, в существовании идеограммы «тот, кто отстает в работе»: арх. *киска* 'человек, последним завершивший какое-л. дело': «Пожни ставишь, последним приедешь, так ты и киска. И девки вон сено в копны слаживают. Ну вот, киска, прошевелилась»¹ [КСГРС].

Далее будут представлены семантико-грамматические группы, включающие лексику скорости, которые выделены на основании названных параметров. Важно отметить, что при отнесении того или иного слова к семантико-грамматической группе есть риск некоторых погрешностей: при анализе семантики диалектной лексики мы ориентируемся на дефиниции и немногочисленные контексты, приведенные в словарях, и в ряде ситуаций, возможно, «навязываем» словам те или иные смысловые особенности. К примеру, за специфический семантический компонент можно принять фиксацию в контексте причинно-следственной связи: волог. *розанѣц* 'быстрый человек': «Она всё-всё успевает, так как она розанѣц» [КСГРС]. Поэтому следует скорее говорить не о семантических компонентах (как о закрепленных элементах семантической структуры лексики скорости), а о «функциях» скорости, т. е. ситуациях актуализации скоростного значения в речи / конкретных ситуациях.

1. Первая семантико-грамматическая группа — наречия, называющие высокую и низкую скорость, например, пск., твер. *шарух-варух* 'означает медленное исполнение какого-либо дела' [СРНГ, вып. 4, с. 60]; волог.

¹ Ср. арх. *прошевели́ться* 'провести долгое время, неторопливо занимаясь чем-либо, провозиться' [КСГРС].

иззовушно ‘тихо, медленно; исподволь’: «Наш казак ужасно иззовушно все делает» [СРНГ, вып. 12, с. 108]; волог., перм. *дёрко* ‘с большой скоростью, быстро’: «Мы ехали дёрко. Лодка дёрко бежит. Ишь, как на лодке-то дёрко плывут!» [СРНГ, вып. 8, с. 24]; кубан. *вдуха́* ‘быстро, скоро’: «Я затоплю печь, так вдуха сварю завтрак» [СРНГ, вып. 4, с. 89].

Ж. Ж. Варбот отмечает, что «представления о скорости выражаются в славянских языках глаголами, наречиями, прилагательными и существительными. В семантике глаголов составляющая скорости неразрывно спаяна с составляющей собственно действия, в семантике существительных — с обозначением субъекта движения или его состояния. Наиболее обособленно, отвлеченно семантику скорости выражают наречия и прилагательные: первые — скорость как качество действия, вторые — как качество его субъекта» [Варбот, с. 100]. Объединение наречий и прилагательных (из-за исторической вторичности наречий) обосновано для этимологических целей, которые ставила Ж. Ж. Варбот. Мы приводим наречия первыми, поскольку скорость как одна из характеристик действий и процессов — динамический признак, а именные части речи приписывают его субъекту в качестве статического, постоянного. Наречия как часть речи, обозначающая признаки действий и процессов, выражает идею скорости наиболее абстрактно, без указания на качества, дополнительные к «скоростным», поэтому они помещены нами в первую группу.

2. В следующую группу «Деятельность в общих чертах» объединяются глаголы, содержащие признак скорости в КЛС, т. е. характеризующиеся условно-абстрактным значением.

Глаголы (и фразеологизмы с опорным глаголом) со значением ‘делать что-либо быстро’ предполагают два варианта речевых реализаций: совершать что-либо с высокой скоростью и выполнить что-либо за короткий промежуток времени: ряз. *на одной ногé вертётся (завертётся)* ‘делать что-либо быстро, ловко, так, чтобы все спорилось в руках’: «Хваткый работът, ты — нъдапек, йа нъ адной науе зъвартус, лехчь здельюу» [Деулино, с. 346]; арх. *молóm брать* ‘быстро, активно работать, хорошо справляться с работой’: «Что ни скажи — всё молот берёт, всё вмиг делает» [КСГРС]. Данное сочетание значений характерно и для базовой лексики высокой скорости, что отмечается толковыми словарями (ср. *быстрый* ‘скоро перемещающийся в пространстве, стремительный в движении, беге, полете, течении; совершающийся, происходящий в короткий промежуток времени» [ССРЛЯ, т. 1, с. 722], *скорый* ‘происходящий с большой скоростью; отличающийся большой скоростью, быстротой; производимый, совершаемый быстро, без промедления, в короткий срок» [ССРЛЯ, т. 13, с. 1035], а также значения соответствующих наречий).

Выполнение деятельности с низкой скоростью, вероятно, является более «наблюдаемым», поскольку предполагает протяженность во времени. Соответственно, при номинации акцентируется процессуальность, а не результативность, и значение ‘делать что-либо медленно’ не обязательно включает компонент длительности: перм. *марэну копать* ‘медленно что-либо делать’: «Каку марэну ты там, девка, копашь, руками шьёшь; на машине-то скоряя» [ФСПГ: копать]; новосиб., краснояр. *расшепёриться* ‘делать что-либо неуклюже, неловко,

медленно': «Чего расшеперилась? Шевелись быстрее; Навычки нет к работе, вот и расшеперится, медленно да некошно все делает» [СРНГ, вып. 34, с. 324].

Анализ контекстов показывает, что «абстрактность» значений условна: лексика этой группы используется, как правило, для описания движения, работы в поле, хозяйственных занятий в доме и т. п. Это отчасти объясняется практической ориентированностью лексической системы диалекта; с другой стороны, быстрое/медленное течение реки или скорость передвижения животных номинируются в говорах регулярно, но с использованием иных лексем, чем деятельность человека.

3. Отдельную группу составляет лексика, называющая скорость передвижения. Движение как действие, априори предполагающее скоростную характеристику и различные ее «вариации», регулярно оценивается с этой точки зрения, а при его номинации выделяются «стадии»: 'медленно идти', 'идти', 'быстро идти', 'медленно бежать', 'бежать', 'быстро бежать' и т. д.

Внутри данной группы мы выделяем слова и выражения, обозначающие линейное и нелинейное передвижение.

За. Линейное передвижение с высокой скоростью: арх. *то́лько лэший ви́дел* 'очень быстро, мигом': «Раньше проворно бегала и конём меня не затопчешь — побежишь, дак только леший видел» [КСГРС]; ряз. *с бйбером* 'быстро, без оглядки (употребляется преимущественно с глаголами движения)': «Надыс' вот с Валот'кай паспор'ил'и: уматывай аццудь з б'иб'ирам, н'еч'а таб'е тут д'ельг'» [Деулино, с. 55].

Зб. Линейное передвижение с низкой скоростью: ряз. *дрёпать* 'идти медленной, расслабленной походкой': «Уш адна-тъ йа иду испьдавол'к'и, н'и устану, а еть Шурь — та-та-та... и йа за н'ей др'опъйу» [Деулино, с. 152]; вят., смол. *вальт'ся* 'идти, двигаться очень медленно' [СРНГ, вып. 4, с. 27].

Зв. Нелинейное передвижение с высокой скоростью: ряз. *кипéть кипнём* 'кишеть, беспорядочно двигаться, суетиться': «Где ана спакойнъ жыв'от!.. Фс'е ан'и, р'аб'ата, у н'ийо к'ип'ат... фс'е там к'ип'ат к'ипн'ом» [Деулино, с. 221]; литер. *метáться* 'беспорядочно, суетливо двигаться, перемещаться' [ССРЛЯ, т. 6, с. 907].

Зг. Нелинейное передвижение с низкой скоростью: литер. *бродíть* 'медленно ходить в различных направлениях без приближения к определенной точке' [ССРЛЯ, т. 1, с. 634]; дон. *вёят'ся* 'бесцельно бродить, слоняться без дела' [СРНГ, вып. 4, с. 230].

4. Лексика группы «Характеристика субъекта» позволяет поставить вопрос о существовании «инвариантного» образа человека, выполняющего что-либо с высокой и низкой скоростью. Многочисленные лексемы, описывающие «медлительность», создают сходный образ субъекта, что подтверждается повторяющимися смысловыми компонентами в разных сочетаниях в дефинициях и контекстах (*вялый, ленивый, неповоротливый, малоподвижный* и т. п.): ряз. *в'яхаль* 'о вялом, дряблом, малоподвижном человеке' — *Прууас'т'и в н'ом н'ет, в'алай, пруюас'т'и в н'ом н'ет, он ы в'ахал'* [Деулино, с. 105]; перм. *гу́за* 'неповоротливый, медлительный, мешковатый человек' [СРНГ, вып. 7, с. 206]; смол. *жалме́ня* 'медлительный, ленивый человек' [СРНГ, вып. 9, с. 65];

волог. *чўня* 'неповоротливый человек': «Если человек небыстрый, то говорят неповоротливый как чўня» [КСГРС].

В случае с лексикой, обозначающей людей, которым свойственна высокая скорость передвижения (совершения деятельности), напротив, не создается единого образа субъекта, выполняющего что-либо быстро. Можно назвать некоторые «формы проявления» склонности к совершению действий с высокой скоростью, способы конкретизации абстрактного понятия в отдельных ситуациях.

— Активный, энергичный (человек): арх. *пальга* 'энергичный, расторопный человек': «Пальга всё бегаёт, без работы не сидит»; *резака* 'человек, обладающий таким набором качеств: энергичность, общительность, удачливость во всех делах': «Ой какой резака мужик, всё ему идёт, Толя вон у нас резака» [КСГРС]; карел. *бегўня* 'проворная, энергичная женщина (в сравн.)': «Мамка была как бегўня, не простыла б, дак еще жила» [СРГК, вып. 1, с. 48].

— Ловкий (человек): волог. *сутўнка* 'ловкий, быстрый, увёртливый человек': «Не словишь еку сутўнку»; *пробойный* 'ловкий, расторопный': «Пробойные люди оба, всё в руках горит; *щўка* 'о человеке, умеющем быстро, расторопно работать': «Как шщука робит, быстро да ловко, эка шщука» [КСГРС]; арх., карел. *вертўчий* 'быстрый, ловкий, проворный' [СРГК, вып. 1, с. 180].

— Бойкий, резвый (человек): волог. *задўрный* 'бойкий на работу': «Другой задўрный и работал-нарабатывал» [КСГРС]; ленингр. *бойканный* 'расторопный, бойкий' [СРГК, вып. 1, с. 85].

— Подвижный, непоседливый (человек): арх. *вертастый* 'верткий, проворный': «Вьюнов не едим, они мелки, чёрны, вертасты таки»; арх. *шамилá* 'непоседливый, быстрый человек': «Вот шамила, уже за молоком сбежала»; волог. *шига* 'юркий, подвижный человек': «Сунется куды — чего бегаешь как шига»; арх. *юрўвый* 'юркий, шустрый, проворный': «Юрова девка, за ней не углядишь» [КСГРС].

Некоторые существительные и прилагательные, включающие значение «быстро», могут относиться к нескольким из названных групп. Так, вполне возможны сочетания признаков (особенно в дефинициях диалектных словарей): волог. *ворохóба* 'о быстром, ловком, непоседливом человеке' [СРГК, вып. 1, с. 231]. Однако при этом предполагается необязательность совмещения признаков: «энергичный» не обязательно «непоседливый», а «бойкий» не обязательно «ловкий в работе» (ср. контекст из СРГК: «Така бойканна, девятнадцати лет замуж вышла» [СРГК, вып. 1, с. 85] — «бойкость» воспринимается скорее как быстрота ума, предприимчивость в делах, решениях).

Из сказанного следует, с одной стороны, что семантика «медлительности» более монолитна, а «быстрота» (как характеристика субъекта или деятельности, исключая движение) предполагает различные воплощения, варианты проявления. С другой стороны, показательны данные частотного словаря современного русского языка: лексемы, служащие для обозначения высокой скорости, оказываются в несколько раз частотнее, чем называющие низкую скорость (ср. *быстрый* — 157, *быстро* — 477, *скоро* — 374, *скорый* — 45 vs *медленно* — 187, *медленный* — 36) [Засорина, с. 75–76, 654, 317]. Разница в частотности может

свидетельствовать о том, что для описания «нейтральной» высокой скорости достаточно базовых лексем (в говорах к перечисленным можно добавить также *крутой* и *круто*), в то время как многочисленные номинации людей, которым свойственна быстрота в каком-либо проявлении, передают отдельные смысловые оттенки. Меньшая частотность приведенных «основных» слов, называющих медлительность, позволяет предположить, что низкая скорость обозначается бóльшим количеством относительно синонимичных лексем.

5. Следующая группа может быть названа «Характеристика объекта»: с точки зрения скорости оценивается не только активный субъект деятельности, но и объект, — по тому, сколько времени требуется для его обработки: ряз. *спóрний* ‘удобный в работе, поддающийся быстрой обработке, а также такой, который можно быстро и ловко набрать (о ягодах и т. п.)’ [Деулино, с. 536], арх. *скорошнóй* ‘быстро приготовленный’ [СРГК, вып. 6, с. 127], новг. *скородумный* ‘приготовленный быстро’ [Там же, с. 126].

6. К обозначениям скорости примыкает группа «Временная характеристика начала действия». Логически данная идеограмма не должна включаться нами в анализ представлений о скорости действия, поскольку действие как таковое отсутствует (ср. дефиниции типа ‘промедлить, протянуть время, ничего не делая’). Однако обращает на себя внимание факт пересечения этой группы со «скоростными» на семантическом уровне: для значений базовых слов скорости, представленных в общенародном языке, характерно сочетание указаний на определенную скорость действия и на время его начала (ср., например, *скорый* ‘происходящий с большой скоростью; отличающийся большой скоростью, быстротой; такой, который должен наступить, произойти или наступит, произойдет через короткий промежуток времени’ [ССРЛЯ, т. 13, с. 1035] и *мешкать* ‘не торопиться, не спешить с чем-либо; быть где-нибудь дольше, чем нужно; задерживаться’ [ССРЛЯ, т. 6, с. 954]). Отметим, что диалектное слово или фразеологизм не обязательно обладает тем же набором значений, что и приведенные литературные; на то, что именно имеется в виду, может указывать контекст, конкретизация в дефиниции или (в некоторых случаях) внутренняя форма: перм. *не куёт не мёлет* ‘медлит, мешкает; не предпринимает никаких действий’: «Хотели пить чай, чайник уж поставили, а она чё-то не куёт не мелёт» [ФСПГ: ковать] и перм. *подól в зубы* ‘быстро, не теряя времени’: «Токо услышала, что мужик приехал, — подол в зубы и бежать» [ФСПГ: подол].

6а. (Сделать) через короткий промежуток времени, «сразу»: литер. *сразу* ‘в тот же момент, немедленно, очень быстро’: «Только вы отвечайте мне сразу. Отвечайте, не раздумывая, а прямо, — как спрошу, так и ответьте» (А. Н. Толстой «Сестры») [ССРЛЯ, т. 14, с. 627]; дон., калуж., курск., орл., том., урал. *дóразу* ‘сразу, тотчас, немедленно’: «Как я свистнул на своего коня, так он доразу выскочил из ухаба» [СРНГ, вып. 8, с. 130]; влад., твер. *негодя́* ‘тотчас, сразу, не мешкая’: Ступай негодя по воду [СРНГ, вып. 20, с. 375].

6б. Тянуть, откладывать выполнение дела: ворон. *раскопéститься* ‘промедлить, протянуть время, ничего не делая’ [СРНГ, вып. 34, с. 129]; влад.,

ворон., калуж., курск., орл., тул. *воловодитъ* 'затягивать исполнение чего-либо, медлить с чем-либо; попусту тратить время': «Ну что они воловодят? То ль или се ль делали б поскорее»; «Ты чего там воловодил, не ехал домой?»; «Ходит, воловодит, а дело стоит» [СРНГ, вып. 5, с. 45]; перм. *глаза́ бо́ятся* 'кто-л. не решается взяться за дело, медлит с его началом' [ФСПГ: глаз].

7. Следующие группы представлены лексемами, которые не называют высокую и низкую скорость непосредственно, но включают (эксплицитно или имплицитно) «скоростной» компонент семантики. Группа «Регулирование скорости» важна для понимания оценки, которая дается действиям, совершаемым с высокой и низкой скоростью (точнее — оценки стремления субъекта к совершению действий с определенной скоростью). Так, при регулировании скорости «в сторону повышения» выделяется идеограмма 'заставлять делать быстрее, торопить' (пск., твер. *подстебэливать* 'подгонять, торопить' [СРНГ, вып. 28, с. 197]), в то время как вынужденное снижение скорости воспринимается негативно, что выражается соответствующими лексемами — «замедлять, мешать выполнению чего-либо»: вят. *матить* 'препятствовать, мешать, замедлять что-либо' «Повадка все дело матит» [СРНГ, вып. 18, с. 29].

Несмотря на то, что работа с высокой скоростью в целом характеризуется положительно, стремление к повышению скорости (*торопиться*) получает противоположную оценку (из-за возникающей в результате суеты и снижения качества): волог. *ерпесить* 'спешить, суетиться': «Не ерпеси давай, сиди на месте, успеешь»; *носиться, как чёрт с репой* 'суетиться, хлопотать': «Он задумал это и это делает. Надо бы другое, а он уперся, и носится, как чёрт с репой» [КСГРС]; арх. *скородёланний* 'такой, который вечно торопится': «Отец-то трус был, приедем на покос, он всё домой торопится. Скороделанный был» [КСГРС]. Таким образом, семантическое расстояние между «торопиться» и «делать что-либо с высокой скоростью» достаточно большое, поскольку второе не обязательно следует из первого. Напротив, в случае с обозначениями невысокой скорости смысловых различий почти нет: «не торопиться» отличается от «медлить» только интенциями субъекта, а с точки зрения наблюдателя представляет одну и ту же ситуацию, ср. костром. *каталажиться* 'не торопиться, не спешить с чем-либо, медлить, мешкать': «Пора сено грести полно вам тут каталажиться-то» [СРНГ, вып. 13, с. 120]; печор. *с просядкой (просядом)* 'медленно, не торопясь, с перерывами': «Ягоды с просядкой брали, клюкву-ту, посидим — опять берём» [ФСРГНП, т. 2, с. 263]; волог., костром., нижегор., твер. *проклажаться* 'делать что-л. медленно, не торопясь': «Борони поскорее, больно уж долго проклажаешься» [СРНГ, вып. 32, с. 157].

Значительно менее частотны лексемы с относительно нейтральным значением — 'увеличивать темп': арх. *порасийнъгаться* 'начать делать что-нибудь быстро' [КСГРС]; урал. *надд́а́ча* 'ускорение в беге' [СРНГ, вып. 19, с. 227]; 'снижать темп' («остановка» относится к этой группе, поскольку, судя по дефинициям и контекстам, воспринимается как замедляющая общую скорость работы, увеличивая время ее выполнения): перм. *сбавить (сбавлять) паруса́* 'снижать темп работы; стать более медлительным': «До конца ишо далёко, а вы уж паруса сбавили» [ФСПГ: сбавить]; волог., костром., перм., пск.,

твер. *поморóвка* ‘промедление; остановка, перерыв’: «Я тебе помогла бы, да поморовку сделала» [СРНГ, вып. 29, с. 267]; вост., костром., новг., север. *опéшатъ* ‘устать от ходьбы, бега, пойти медленнее’ [СРНГ, вып. 23, с. 255].

Для лексики, обозначающей передвижение (деятельность) с высокой скоростью, выделяется близкая предыдущей подгруппа («несимметричная» подгруппе со значением низкой скорости), состоящая из наречий в сравнительной степени. Контексты свидетельствуют о том, что основной функцией входящей в данную подгруппу лексики является «ускорение» одним участником деятельности другого: арх. *поярé* и *поярéй* ‘побыстрее’: «Шагу-то прибавь, поди пояре, Сашка» [СРНГ, вып. 31, с. 45]; калуж., тамб. *пры́же* ‘больше и быстрее’: «Ешь прыже» [СРНГ, вып. 33, с. 71]; арх. *порáче* ‘быстрее, проворнее’: «Што ж ты, жонка, плохо робишь, сильно медленно, ты уж пораче жми, скоро ведь домой иди» [СРНГ, вып. 30, с. 52].

8. Значения слов следующей группы связаны с семантикой скорости причинно-следственными связями. Условно эта группа может быть названа «С к о р о с т ь относительно нормы». В семантике слов этой группы скорость является условием окончания работы в срок или одновременно с другими участниками. «Скоростной» компонент значения при этом представлен имплицитно и актуализируется в контексте.

8а. Успевать / тот (такой), кто (который) успевает: литер. *успевáтъ* ‘оказываться в состоянии сделать что-либо за определенный промежуток времени’ [ССРЛЯ, т. 16, с. 933]; арх. *восча́* ‘проворная, бойкая женщина’: «Эта восча везде первая»; «Тут поспеет, там поспеет, восча прибегла, везде успела»; волог. *разóвый* ‘бойкий, проворный’: «Разовый всё успевает, бодрый такой» [КСГРС]; *сапала́* ‘энергичный, проворный человек’: Экой сапала, всё успевает сделать [КСГРС].

8б. Опаздывать / тот (такой), кто (который) опаздывает: курск. *барíтъся* ‘медлить, мешкать, запаздывать’: «Ты иди, жена, не барися, А на одном часу своротися. Не барись там!» [СРНГ, вып. 2, с. 116]; волог., вят., перм. *задолжа́тъ* ‘долго где-либо пробыть, замешкаться, опоздать, не прийти вовремя’: «Ты, смотри, не задолжай там» [СРНГ, вып. 10, с. 61]; том. *зазадлiтъся* ‘задержаться, замешкаться где-либо, не уйти, не прийти вовремя’: «Вот подъезжат к пристани, мать выбегает встречать, а жена зазадлилась что-то» [СРНГ, вып. 10, с. 90].

9. Наличие большого количества лексем, называющих высокую и низкую скорость, свидетельствует о существовании представлений о норме скорости выполнения работы или передвижения, относительно которой осуществляется оценка. Однако скорость может становиться и относительной характеристикой, что проявляется в номинации скорости действия субъекта относительно других субъектов. При этом высокая скорость актуализируется в двух вариантах — «опережать кого-либо»: волог. *поперя́днее* ‘быстрее, впереди всех’: «А бежишь в столовую, стараешься, чтоб поперяднее всех»; волог. *слау́тник* ‘лучший работник, делающий всё первым’: «Слаутником первого работника назовут — тот, кто работает лучше всех и делает всё первым» [КСГРС]; перм. *обра́бливать* ‘работать быстрее кого-либо; обгонять в работе’:

«Они меня обрабливают, когда я с ими роблю» [СРНГ, вып. 22, с. 190] — и «гнаться за кем-либо, догонять кого-либо»: ряз. *вружѣться* ‘начать делать что-л.’: «Вружылс’и, п’ир’аунат’ ийо хоч’ицца, ұрыбоф пабол’шы сарват»; «Вружылс’и, йаво даунат’ хоцца» [Деулино, с. 96]; ворон. *рўжѣться* ‘торопливо, быстро идти, двигаться за кем-л., стараясь догнать, не отстать’ [СРНГ, вып. 35, с. 237]. «Противоположный» вариант только один — волог. *забрóда* ‘отстающий’: «Заброда бредёт тише всех, сзади тянется»; «Если сзади тянешься — всё заброда»; арх. *кыска* ‘человек, отстающий от всех, приходящий последним’: «Ну как называли? Кыска, раз последний идёт (при косьбе), или кто позже на обед идёт, скажут: “Кыска ты!”» [КСГРС]; *загрѣба* север. ‘животное, идущее последним в стаде, отставшее’; беломор. ‘рыбак, возвращающийся последним с промысла’ [СРНГ, вып. 10, с. 28]; заурал. *зáдняя ляма* ‘о том, кто отстает’: «О, Петька-то — задняя ляма! Всех позаде пришел» [Там же, с. 58].

10. Ведущий критерий, на основании которого выделяются следующие группы (10–12), — включенность семантики скорости в КЛС. Группа «Скорость конкретного действия» включает глаголы, содержащие в семантической структуре скоростной компонент в качестве дополнительного и называющие физические действия. В этом случае важно, какие действия характеризуются с точки зрения скорости. Прежде всего нужно отметить, что спектр наименований действий с закрепленной в семантике характеристикой низкой скорости значительно уже, чем с высокой. Нами выявлены всего четыре возможных варианта: частотные — «есть» и «пить»: курск., орл. *дѣбать* ‘есть медленно; есть понемногу’ [СРНГ, вып. 6, с. 301]; яросл. *отсуслить* ‘выпить (водку); медленно или неряшливо выпить что-либо’ [СРНГ, вып. 24, с. 330] и единичные — «писать» и «усаживаться»: волог. *вытетѣнкѣвать* ‘старательно выводить (буквы), медленно писать’ [СРНГ, вып. 6, с. 39]; краснодар. *гмóздѣться* ‘долго и медленно располагаться, усаживаться, устраиваться где-л.’ [Там же, с. 233].

Сферы, для которых актуальна высокая скорость, разнообразны. Выделяются слова, называющие «простые» действия (состоящие из одного движения): арх., онеж., перм. *скáкивать* ‘быстро, стремительно вставать, подниматься; вскакивать’ [СРНГ, вып. 37, с. 369], пск., твер. *виру́х* ‘обозначает быстрое падение чего-либо, втискивание чего-либо, во что-либо и т. п.’ [СРНГ, вып. 2, с. 293], смол. *каргунь* ‘употребляется для обозначения быстрого сильного удара с размаха или щипка’ [СРНГ, вып. 13, с. 84].

Далее — лексика, называющая более сложные действия, предполагающие набор отдельных движений. Виды деятельности, получающие в языке скоростную характеристику, относятся к сферам домашнего хозяйства, личной гигиены, работы в поле, рыболовства и даже религиозного культа, например: арх., новг., олон., перм., яросл. *свивáться* ‘собираться, снаряжаться (быстро) куда-л.’ [СРНГ, вып. 36, с. 275], курск. *встунѣть* ‘надеть обувь быстро, кое-как’ [СРНГ, вып. 5, с. 218], онеж. *наверѣуть* ‘наскоро одеться’ [СРНГ, вып. 19, с. 155], влад., моск., твер. *вары́згать* ‘очень быстро, поспешно есть, хлебать’ [СРНГ, вып. 4, с. 61], твер., курск., орл., том. *вы́глохтать* ‘выпить быстро,

жально, все без остатка' [СРНГ, вып. 5, с. 264], пенз. *напопыскать* 'нарвать чего-либо много и быстро' [СРНГ, вып. 20, с. 88], ряз. *попысить* 'вымыть на скорую руку, не очень тщательно' [Деулино, с. 434], новосиб. *попышить* 'быстро продвигаться вперед, скашивая траву, хлеб' [СРНГ, вып. 29, с. 180], ленингр. *погрязиться* 'помыться (наскоро, кое-как)' [СРНГ, вып. 27, с. 316], р. Урал *свалыкать* 'приготовить, испечь что-л., быстро, кое-как' [СРНГ, вып. 36, с. 210], ворон., калуж., курск., новг., ряз., тул. *заколбать* 'зашить, заштопать быстро, кое-как' [СРНГ, вып. 10, с. 142], калуж., р. Урал, свердл., ср.-урал. *почиркать* 'подоить быстро, на скорую руку, мало надоить (молока)' [СРНГ, вып. 31, с. 15], влад. *сбарáхтать* 'построить что-л. на скорую руку, сделать кое-как' [СРНГ, вып. 36, с. 164], каракалпак. *ёрт* 'способ лова рыбы быстро' [СРНГ, т. 9, с. 35], смол. *пáкать* 'наскоро служить панихиду' [СРНГ, вып. 25, с. 156].

11. Наряду с физическими скоростной характеристикой обладают ментальные действия: влад. *мерéкать* 'долго, медленно думать над чем-либо' [СРНГ, вып. 18, с. 115], дон. *скозлоумить* 'быстро сообразить, понять': «Спросишь у него, он враз скозлоумит и скажет, что тебе надо, сообразит значит» [СРНГ, вып. 38, с. 50], ряз. *бить на байдак* 'действовать без долгих размышлений, не задумываясь о последствиях; рисковать': «Б'ей еь байдак, ч'иво-н'ибут' буд'ит'; б'ей нъ байдак, куда-ни'бут' выд'ит'» [Деулино, с. 48]. А отдельную большую подгруппу составляют номинации высокой и низкой скорости речи: урал. *гмырять* 'говорить медленно, нараспев, растягивая слова' [СРНГ, вып. 6, с. 234], новг., свердл. *выщёлкивать* 'говорить, быстро, бойко, задиристо' [Там же, с. 63] и мн. др.

12. Вся вышеперечисленная лексика называла действия и деятельность, производимые человеком или (реже) животными. Выделяется также группа слов, использующихся для обозначения скорости неодушевленных предметов, процессов и т. д. Признаком скорости наделяется рост растений, течение реки и пр.: тул. *побузовать* 'начать быстро, сильно течь, бушевать (о воде, реке)' [СРНГ, вып. 27, с. 208], закам. *прибарышить* 'начать идти быстрее, усилиться, припустить (о дожде)' [СРНГ, вып. 31, с. 104], Киров. *дурить* 'быстро, буйно расти' [СРНГ, вып. 8, с. 267], карел. *скóрый* 'быстро созревающий, ранний' [СРГК, вып. 6, с. 127]. Интересно, что человеческое сознание регулярно отмечает скорость движения временного потока и создает соответствующие номинации, выражающие субъективные представления о течении времени: например, пск. *подлететь* 'подойти, наступить незаметно быстро (о времени)' [СРНГ, вып. 28, с. 63].

Итак, нами было сформировано двенадцать семантико-грамматических групп, представляющих различные варианты воплощения признака скорости в семантике отдельных слов. Многообразие способов включения «скоростного компонента» в лексическое значение свидетельствует о важности для носителя языка данного признака при описании деятельности. Отметим некоторые закономерности номинации «скорости»: среди групп доминируют такие, которые называют действия и деятельность, а среди лексики преобладает глагольная; ряд групп и подгрупп несимметричны друг другу, что свидетельствует о разной

оценке высокой и низкой скорости (см., например, подгруппу, содержащую наречия в сравнительной степени со значением 'быстрее'); к группам лексики, называющей скорость передвижения/совершения деятельности (включающей «скоростной компонент значения» эксплицитно или имплицитно), примыкает группа, характеризующая время начала действия, т. е. на логическом уровне не связанная со скоростью; при этом интересно, что «откладывание» и «начало действия через короткое время» обозначается теми же (или однокоренными) лексемами, что и низкая и высокая скорость.

Арутюнова Н. Д. От редактора // Логический анализ языка: Язык и время. М., 1997. С. 5–16. [Arutyunova N. D. Ot redaktora // Logicheskij analiz yazyka: Yazyk i vremya. M., 1997. S. 5–16.]

Варбот Ж. Ж. Исследования по русской и славянской этимологии. М.; СПб., 2012. 645 с. [Varbot Zh. Zh. Issledovaniya po russkoj i slavyanskoj etimologii. M.; SPb., 2012. 645 s.]

Деулино — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссоветского. М., 1969. [Slovar' sovremennogo russkogo narodnogo govora (d. Deulino Ryazanskogo rajona Ryazanskoj oblasti) / pod red. I. A. Ossovetskogo. M., 1969.]

Засорина — Частотный словарь русского языка / под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977. [Chastotnyj slovar' russkogo yazyka / pod red. L. N. Zasorinoj. M., 1977.]

КСГРС — Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского университета, Екатеринбург). [Kartoteka Slovarya govorov Russkogo Severa (kafedra russkogo yazyka i obshchego yazykoznanija Ural'skogo universiteta, Yekaterinburg).]

Падуцева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004. 608 с. [Paducheva E. V. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki. M., 2004. 608 s.]

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. А. И. Лебедевой, О. С. Мжелской, С. М. Глусинюк и др. Л.; СПб., 1967 — Вып. 1 —. [POS — Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi / pod red. A. I. Lebedevoj, O. S. Mzhel'skoj, S. M. Glusinyuk i dr. L.; SPb., 1967 — Vyp. 1 —.]

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005. [Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastej : v 6 vyp. / gl. red. A. S. Gerd. SPb., 1994–2005.]

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–12); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб., 1965 —. Вып. 1 —. [Slovar' russkikh narodnykh govorov / gl. red. F. P. Filin (vyp. 1–22); F. P. Sorokoletov (vyp. 23–42); S. A. Myznikov (vyp. 43–). M.; L.; SPb., 1965 —. Vyp. 1 —.]

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / гл. ред. В. И. Чернышев (вып. 1–2); С. Г. Бахрударов (вып. 3–4); В. В. Виноградов (вып. 5); Ф. П. Филин (вып. 6–17). М.; Л., 1948–1965. [Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka : v 17 t. / gl. red. V. I. Chernyshev (vyp. 1–2); S. G. Bakhrudarov (vyp. 3–4); V. V. Vinogradov (vyp. 5); F. P. Filin (vyp. 6–17). M.; L., 1948–1965.]

ФСПГ — *Прокошева К. Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002. 432 с. [Prokosheva K. N. Frazeologicheskij slovar' permskikh govorov. Perm', 2002. 432 s.]

ФСРГНП — Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры : в 2 т. / сост. Н. А. Ставшина. СПб., 2008. [Frazeologicheskij slovar' russkikh govorov Nizhnej Pechory : v 2 t. / sost. N. A. Stavshina. SPb., 2008.]

Сокращения

арх. — русские говоры Архангельской области
астрах. — русские говоры Астраханской области
беломор. — беломорские говоры русского языка
влад. — русские говоры Владимирской области
волог. — русские говоры Вологодской области
ворон. — русские говоры Воронежской области
вост. — русские говоры Востока России
вят. — русские говоры Вятской губернии
дон. — донские говоры русского языка
закам. — русские говоры Закамья
заурал. — русские говоры Зауралья
калуж. — русские говоры Калужской области
каракалпак. — каракалпакские говоры русского языка
карел. — русские говоры Республики Карелия
киров. — русские говоры Кировской области
костром. — русские говоры Костромской области
краснодар. — русские говоры Краснодарского края
краснояр. — русские говоры Красноярского края
кубан. — русские говоры Кубанской области
курск. — русские говоры Курской области
ленингр. — русские говоры Ленинградской области
моск. — русские говоры Московской области
нижегор. — русские говоры Нижегородской области
новосиб. — русские говоры Новосибирской области
олон. — русские говоры Олонецкой губернии
онеж. — онежские говоры русского языка
орл. — русские говоры Орловской области
пенз. — русские говоры Пензенской области
перм. — русские говоры Пермского края
печор. — русские говоры Нижней Печоры
пск. — русские говоры Псковской области
ряз. — русские говоры Рязанской области
свердл. — русские говоры Свердловской области
север. — русские говоры Севера России
смол. — русские говоры Смоленской области
ср.-урал. — русские говоры Среднего Урала
тамб. — русские говоры Тамбовской области
твер. — русские говоры Тверской области
том. — русские говоры Томской области
тул. — русские говоры Тульской области
урал. — русские говоры Урала
яросл. — русские говоры Ярославской области

Статья поступила в редакцию 14.04.2014 г.

УДК 811.161.1'28

М. В. Боброва

**ФРАЗЕОФАНТОМЫ В ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЯХ
ПЕРМСКОГО КРАЯ***

Статья связана с одним из направлений лингвистического источниковедения — лексикографической критикой. Проанализированы особенности подачи фразеологизмов в диалектных словарях Пермского края, выявлены наиболее частотные причины ошибок в отражении устойчивых оборотов, рассмотрены различные типы фразеологических фантомов, или фразеофантомов, псевдофразеологизмов (заголовочные, грамматические, семантические), их виды. Обозначены способы преодоления ошибок в диалектной фразеографии.

Ключевые слова: пермские говоры; диалектная фразеография; лексикографическая критика; фразеологический фантом.

К настоящему времени как особое направление сложилась лексикографическая критика, связанная с обнаружением фантомных (мнимых / призрачных / темных / ложных) лексических единиц, их анализом, предупреждением их возникновения в лексикографических трудах, разработана актуальная терминология лексикографической критики (см. труды И. Г. Добродомова, А. Ф. Журавлева, В. В. Шаповала). Мы имеем непосредственное отношение к лексикографированию и неоднократно сталкивались с проблемами, которые поднимаются указанными авторами. Наш многолетний опыт работы с региональной фразеологией позволяет углубить разработки и поставить вопрос об уместности критики диалектной фразеографии, выделить определенные типы и виды фразеологических фантомов (фразеофантомов, псевдофразеологизмов).

Мы отталкивались от определения, данного на базе литературных источников В. П. Жуковым, которым под «фразеологическим фантомом» предлагается понимать «воспроизводимые словосочетания (сочетания слов), по некоторым формальным признакам напоминающие фразеологизмы, но в действительности ими не являющиеся» [Жуков, с. 58].

На основе диалектных фразеофантомов нами разработана следующая классификация:

- 1) Заголовочные фразеофантомы, обнаруживающие: 1) нарушения норм орфографии; 2) смешение аналогичных фразеологических и нефразеологических оборотов речи; 3) ложное наделение идиоматичностью и/или воспроизводимостью в речи; 4) неоправданное расширение оборотов до фразеологических за счет включения стержневых слов в словосочетания; 5) неверное определение компонентов ФЕ; 6) неверное членение компонентов конструкции; 7) неправильное прочтение рукописных материалов (смешение рукописных знаков).

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 12-34-01043а1, 14-04-00437а1).

2. Грамматические фразеолантомы, обнаруживающие: 1) несоответствие грамматической формы толкуемого фразеологизма и толкования; 2) неверное определение грамматического статуса оборота (в частности, неразличение фразеологизмов и наречных конструкций); 3) неразличение частиц *не* и *ни*.

3. Семантические фразеолантомы, обнаруживающие: 1) толкование, не соответствующее, а иногда противоречащее смыслу ФЕ; 2) следование за прямым значением или формой входящих в ФЕ компонентов; 3) сужение / расширение дефиниций; 4) неразличение прямых / образных (метафорических) номинаций.

Рассмотрим указанные типы и виды псевдофразеологизмов, привлекая данные современной пермской лексикографии, главным образом фразеологические единицы (ФЕ) тематической группы «Говорение»: «Фразеологический словарь пермских говоров» (авт.-сост. К. Н. Прокошева), «Словарь пермских говоров», «Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь)», «Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа», «Словарь русских говоров Южного Прикамья», «Словарь русских говоров севера Пермского края» (вып. 1), «Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья». Помимо этого, используем рукопись второго выпуска (Г–Ж) и картотеку находящегося в работе «Словаря русских говоров севера Пермского края», частично опубликованные нами в виде материалов к «Фразеологическому словарю русских говоров севера Пермского края» [см.: Боброва (Богачева); Богачева, 2010]. В незначительной степени материалы описаны ранее в статьях [Боброва; Богачева, 2002; 2007].

Наш опыт сбора и обработки материалов диалектологических экспедиций, описания диалектной лексики в словарных статьях для «Акчимского словаря» и «Словаря русских говоров севера Пермского края» требует согласиться со всем, сказанным критиками отечественной лексикографии. И именно поэтому, вместе с тем осознавая степень собственного несовершенства, мы берем на себя смелость выступить с критикой теперь уже обширной диалектной лексикографии Пермского края. Фактически в публикации отражен личный опыт автора в деле совершенствования собственной лексикографической практики.

В результате работы со словарями можно говорить о следующих особенностях лексикографических материалов. Во-первых, несмотря на обширность сведений, накопленных к настоящему времени, нельзя утверждать, что они полны. Сокровищница народной афористики практически неисчерпаема. Это подтверждает каждая новая диалектологическая экспедиция и каждый новый диалектный справочник. В то же время ни один из них, будь то словарь одной деревни или «Словарь русских народных говоров», не застрахован от появления фантомов, уже в силу того, что составители с охотничьим азартом ищут (и находят) что-то «свежее», не зафиксированное ранее. При этом работа обычно ведется десятилетиями, или одним автором, но спорадически, или разными авторами, но на основе разных принципов. В конечном итоге, как пошутил один лексикограф, «любой словарь — это, прежде всего, словарь его картотеки», а другой дополнил: «И его составителей».

Во-вторых, научная ценность лексикографических данных в значительной степени зависит от компетентности лексикографа, его, так сказать, личного

отношения к работе, индивидуальных особенностей, предпочтений. Опыт показывает, что нередко уровень подготовленности составителей словарных статей недостаточен и, скажем больше, невысок. Иногда они демонстрируют свою невнимательность, небрежность, субъективность и др. Прежде всего это касается тех случаев, когда к формированию картотеки и написанию словарных статей привлекают недостаточно подготовленных студентов. Так, например, в процессе работы над «Акчимским словарем»¹ студентка выделила ФЕ *сухая воблочка* в контексте: «Во мордочка! Сбежалася, как сухая воблочка»² (позднее было решено, что оборот не отвечает критериям идиоматичности и воспроизводимости, а значит, должен быть исключен из корпуса словаря) — и, будучи по-современному высокой и сухопарой, приписала ему значение ‘о стройной, худощавой женщине’, совершенно упустив из виду представления о женской красоте в традиционной русской культуре.

Обозначенная проблема связана, в частности, с решением одного из наиболее спорных вопросов отечественной фразеологии — о включении в корпус идиомов предложно-падежных конструкций. В. П. Жуков указывает на них как на одну из групп фразеологических фантомов в словарях литературного языка. Исследователь предлагает противопоставлять обороты типа *без шуток, без обиняков, без умолку* и т. п. оборотам *в доску, на ять, до упаду* и т. п., различая их по степени идиоматичности (единицы первого ряда таким признаком не обладают) [Жуков, с. 58].

В словарях пермских говоров весьма многочисленны примеры подобного рода, которые заставляют усомниться в правомерности подачи их как устойчивых оборотов. И этот факт усугубляется тем, что лексические данные нередко дублируются в пределах одного словаря с разным написанием (вновь упомянем в этой связи В. П. Жукова, который подчеркивает тенденцию неидиоматичных предложно-адъективных образований к адвербиализации, ср. наречия *впустую, вслепую, напрямую* и др.). Характерно, что в пермских диалектных словарях по этой причине мы обнаруживаем «вариативность» возникновения фантомов и даже их своего рода удвоение, в ряде случаев — множественную ошибочность (орфографическую, грамматическую, лексическую, семантическую). Ср. на примере наречий: *в тихушку* ‘скромно, тихо’: «Я нонче в тихушку справила день рожденья, никого не звала» — *втихушу, втихушку* ‘украдкой, тайком’: «За им не углядишь, он втихушу бутылочку купит и пьёт»; «Мама прятала сушёную малину, а мы её втихушку таскали с полочки»; «Хоть как уж ты втихушу идёшь, все равно заметят»; *в яву* ‘наяву’: «Тут одной бабушке смерть в яву казалася — как баба» — *вьяву* ‘наяву’: «Сын-от третий год нету, а как вьяву его вижу» [см.: СРГЮП, вып. 1]³. Как следствие, одни и те же лексемы

¹ Из этических соображений мы не намеревались давать в публикации прямые ссылки на источники, однако отказались от этого принципа из соображений ценности научной истины и во избежание обвинений в голословности и неверифицируемости данных.

² Цитаты приведены и написание лексем сохранено в соответствии с источниками — данными словарей, их рукописей, картотек.

³ Ограниченные объемами статьи, мы вынужденно минимизировали количество примеров.

занимают в алфавитном списке разные места и, помимо этого, некоторые поданы с неидентичными дефинициями.

Критерии выбора написания аналогичных форм и подачи их либо как наречий, либо как ФЕ часто остаются неочевидными; написание может не только не отвечать общепринятым нормам орфографии, но и различаться в пределах одного словаря, ср., например, весьма неполный перечень примеров (с указанием частеречной отнесенности единиц в источниках): 1) наречия: *в мах* 'внезапно', *в обрат* 'снова', *в тай* 'в тайне' — *вперёд* 'вначале, сперва', *враз* 'мгновенно', *вусмерть* 'очень сильно' [см.: СРГЮП, вып. 1]; 2) наречия и ФЕ: наречия *вплоть* 'вплотную', *вповаль* 'вповалку', *впритруть* 'вплотную', *всугонь* 'вдогонку, вслед' — ФЕ *в безгодь* 'очень пьяный'; наречия *вразбросе* 'в разных местах, порознь', *вровне* 'вровень, наравне' — ФЕ *в разделе* 'отдельно', *в прожитке* 'бедно', *в просаке* 'в неловком положении', *в сиротстве* 'в бедности', *в тяге* 'в состоянии беременности'; наречия *вдивно* 'много, в большом количестве', *взатяг* 'надолго' — ФЕ *в проход* 'беспрерывно, постоянно'; наречия *взголовах* 'под головой, в изголовье', *вчастых* 'часто' — ФЕ *во вторых* 'со второй беременностью', *в поблатах* 'по знакомству', *в родах* 'в роду', *в середках* 'между двумя лицами или предметами; посередине'; 3) предлог и ФЕ: предлог *вряд* 'рядом' («Дочь-то *вряд* с нами живет; Садись вот *вряд* со мной») — ФЕ *в ряд* 'рядом' («Старуха-то здорова, в ряд-то котора живёт. Вон опять по губы улетела; *В ряд* с этим домом сестра моя живёт. *Я в ряд* с ней жила») [см.: СПГ].

И наиболее дисгармонично разное написание лексем и ФЕ, помещаемых в одной словарной статье, нетождественное толкование и / или подача тождественных единиц: наречия *в та́пор*, *в ту́пор* 'тогда, в ту пору' — наречия *втепоры́*, *втупоры́* 'тогда, в ту пору, в то время' [см.: СРГЮП, вып. 1]; наречие *в за́пятки* 'вдогонку' [СРГЮП, вып. 1, с. 97] (из *в-за пятки*) — ФЕ *за подрэ́ки* 'под руки' [СРГКПО, с. 190] (из *за-под руки*); ФЕ *в березки* (*в березку*) 'на кладбище' — ФЕ *в берёзки уехать* 'умереть'; ФЕ *в отделе*, *в отходе*, *в разделе* 'отдельно' — ФЕ *в расходе* 'не в родительском доме' [см.: СПГ].

Достаточно яркий пример обнаруживаем при сравнении предлога (?) *подвид* 'в виде' («Счас безобразие, Бог будет за это наказывать, убивать. Бескуражность сейчас — грабят, убивают, насилуют. Когда вторая тысяча кончится, будет подвид потопа») [СРГЮП, вып. 2, с. 355] — и ФЕ *на вид* 'на всеобщее обозрение' («На второй день сразу же надо им на вид нас. Сразу гости тут, солома на полу разбросана, деньги бросали. Деньги заставляют молодуху собирать») [СРГЮП, вып. 1, с. 122–123]. Полагаем, *под вид* также требует отдельного написания и толкования 'наподобие' во избежание омонимичности лексеме *подвид* 'разновидность' (ср. также: СРНГ, вып. 27, с. 322); *на вид*, выступающее в эллиптической конструкции (столь характерной для живой народной речи), некорректно расценивается как устойчивый оборот.

Безусловно, отсутствие единообразия подходов к однотипному материалу создает большие неудобства при работе со словарями, затрудняет поиск необходимых сведений.

Обнаруженные расхождения мы рассматриваем как толчок к решению назревших вопросов, в частности вопроса о статусе приведенных в качестве

примера единиц, поскольку периферийное положение и разная степень устойчивости ФЕ осложняет поиски непротиворечивых интерпретаций. Мы не склонны к излишне расширительному подходу к материалам и, в целях повышения точности выводов, принимаем во внимание особенности функционирования языковых единиц, т. к. проблема выходит за рамки лексико-фразеологической и приобретает грамматический, стилистический, логический характер.

По нашему мнению, следует игнорировать предложно-падежные конструкции наречного типа, выполняющие функцию обстоятельства (ср. *без ведомства* 'без уведомления или согласия' [СПГ, вып. 1, с. 81], *в суверезку* 'всерьез' [СРГКПО, с. 232], *на подпорках* 'на корточках' [СПГ, вып. 2, с. 129], *с дича́* 'по глупости; не подумав' [СПГ, вып. 1, с. 217], и т. п., поданные на *ведомство, дума, суверезка, подпорки, дичь* соответственно), более того, считаем необходимым в этих случаях корректировать написание — в соответствии с правописанием наречий (*всуверёзку, сдича́* — слитно, *без ведомства, без думы, на подпорках* — раздельно). Рассматривать в качестве ФЕ следует такие единицы, которые способны функционировать в качестве части сказуемого в определительно-характеризующем значении или быть дуплексивом при глаголах с семантикой движения (ср.: *быть в худых душа́х* 'сильно болеть, быть при смерти' [СРГСПК, вып. 1, с. 178] — и *у слова* 'о частой повторяемости какого-либо слова для выражения его важности и значимости' [КСРГСПК]; *ни вести ни павести (ни вести ни памяти)* 'нет никаких известий' [Прокошева, с. 45] — и *ни голосу* 'всё, молчок' [Там же, с. 87]) (см. подробнее [Бакланова]).

Приведем также в качестве примера оборот *на зубы*, при котором в источнике дана дефиниция 'в спор, в пререкания' с опорой на контекст: «Девочек послали работать, а они с начальством на зубы — не будем, говорит, мы вам не подчиняемся» [СПГ, вып. 1, с. 334]. Вероятно, данная конструкция является эллиптической, на что указывает фиксация аналогичных, но глагольных оборотов: *братъ (взять) за зубы* 'заставлять что-либо делать' [СПГ, вып. 1, с. 55; Прокошева, с. 31], *братъ (взять) зубом* 'добиваться от кого-либо требуемого криком, угрозами' [СПГ, вып. 1, с. 55; Прокошева, с. 31]. Однако ср. также: *на голы зубы* 'для пропитания при крайней нужде', 'так, чтобы только не умереть с голоду' (в источниках — 'только для пропитания' [СПГ, вып. 1, с. 334], 'чтобы утолить голод' [Прокошева, с. 141]): «Привезут хека, дак очередь, а мне его и на голы зубы не надо»; «Пензия двадцать рублей, все деньги — на голы зубы, а еще ведь гуньку каку-то надо покупать». Данные условия позволяют увидеть здесь устойчивый оборот *на зубы (с кем)* со значением 'начать спорить, пререкаться'.

Актуально решение вопроса о подаче компаративных единиц, включающих союз *как*. По нашему мнению, при выделении фразеологизмов-сравнений необходимо проводить особую процедуру. Она предполагает оценку сравнительных оборотов, претендующих на фразеологичность, с пяти позиций: 1) воспроизводимость (для диалектных материалов — свидетельства носителей говора, а также частотность фиксаций, разнообразие территориального распространения), 2) синтаксическая роль (для фразеологизмов-сравнений — способность быть частью именного сказуемого и передавать определительно-характеризующее

значение (значение состояния) при именных членах высказывания либо быть дуплексивом и выражать обстоятельственно-определяющее значение при глаголах с семантикой движения и изменения положения тела в пространстве) [см.: Бакланова]; 3) идиоматичность; 4) образность (метафоричность); 5) целостность логической структуры (в устойчивых сочетаниях воспроизводима обычно только так называемая сравнительная часть, включающая образ сравнения, а предмет, подвергающийся сравнению, и основание сравнения в нее не входят: «Свободная компаративная конструкция — средство выражения восприятия, а устойчивое сравнение — средство выражения представления» [Огольцева]) [подробнее об этом см.: Боброва].

В пермских словарях находим, например: *как амборцы* ‘заунывно’ [Прокошева, с. 14], ‘не в лад, заунывно’ [СПГ, вып. 1, с. 10]: «Вы письни сроду не умеете петь, поете как амборцы, когда они баржу тянут»; *как немтырь* ‘невнятно, непонятно’ [Там же, с. 590]: «Что ты, как немтырь, говоришь?! Скажи толково»; *как няра (нярганья)* [Прокошева, с. 240], *как няра* ‘плаксивый’ [СПГ, вып. 1, с. 605]: «Ходит стонет, как няра: одно болит, друго болит»; *как силье* ‘о жестких, прямых волосах’: «Были бы кудрявы да легки, а то как силье, твердые, как у лошаде» [Прокошева, с. 336]; *фамильный чай* ‘о жидкости, по цвету напоминающей чай’: «Вода-то хорошая, по цвету токо красная, как чай фамильной» [Там же, с. 412]; *как чикошня* ‘болтливый’ [Там же, с. 418], *как чикошня* ‘о чрезмерно болтливом человеке’ [СПГ, вып. 2, с. 531]: «Ей ничё нельзя сказать: она как чикошня — всё ростреньгат».

Опора на цитаты из живой народной речи позволяет применить предложенную нами методику и определить статус данных единиц следующим образом. *Как амборцы* — часть ФЕ (или устойчивой конструкции иного рода) *как амборцы, когда они баржу тянут* со значением ‘заунывно, тоскливо’. *Как немтырь* — сравнительный оборот (*немтырь* — ‘заика’ [СПГ, вып. 1, с. 590], ‘человек, лишенный способности говорить’, ‘о ребенке-мальчике, который еще не начал говорить’, ‘о неразговорчивом человеке’ [АС, вып. 3, с. 71]); обнаруживаем, что к этому же мнению пришли составители «Словаря русских говоров Южного Прикамья» [СРГЮП, вып. 2, с. 181]. *Как няра (нярганья)* — ФЕ со значением ‘кто-либо постоянно жалуется, донимает нытьем’ (периферийная конструкция, поскольку центральный компонент поддерживается существованием лексем *няргать* ‘хныкать, плакать, плакать’, *няргун* ‘о ребенке, который много «няргает»’ и др. [АС, вып. 3, с. 86], *няргуша* ‘плакса’, а также *нямгать* ‘длительно, назойливо плакать, капризничать’ [СРГЮП, вып. 2, с. 196] и др.). *Как силье* — сравнительная конструкция, здесь выступающая в роли именного сказуемого (*силье* — ‘волосы из гривы и хвоста лошадей’ [СПГ, вып. 2, с. 335], ‘волосы конского хвоста и гривы’: «Волосы твердые, как силле лошадиные» [АС, вып. 5, с. 77]). *Как чай фамильный* — сравнительный оборот, включающий ФЕ *фамильный чай*. *Как чикошня (чикошня?)* — ФЕ со значением ‘кто-либо болтлив, не умеет хранить секреты’ (периферийная конструкция, поскольку центральный компонент поддерживается существованием большого словообразовательного гнезда: *чикоша* ‘тот, кто много и быстро говорит’, *чикотня* ‘непрерывный или часто повторяющийся

треск, шум; трескотня' [СПГ, вып. 2, с. 531], *чектать*, *чекотать* 'много и быстро говорить', *чекуша* 'словоохотливая женщина; болтушка' [Там же, с. 525], *чикуша* 'легкий удар, шлепок, затрецина' [АС, вып. 6, с. 196–198], *чеканутый* 'психически нездоровый', *чекманить* 'бить, ударять', *чекмарь* 'инструмент для битья печи', *чикалить* 'сбивать щелчками', *чикан* 'игра монетами типа орлянки', *чиканить* 'петь' [СРГЮП, вып. 3, с. 343, 360] и мн. др.).

Отмечаются обороты, регулярно воспроизводимые в речи и выделяемые как ФЕ, но лишённые идиоматичности, ср. *кислый обабок* 'подберезовик, раскисший от дождя или от старости': «Кислы обабки я не беру: ни на чё они негодны» [Прокошева, с. 240] (но ср. *кислый* 'мягкий, разбухший' [СПГ, вып. 1, с. 390]); *большой палец* 'двусоставный крайний палец руки и ноги', *мизинный палец* 'мизинец' [АС, вып. 4, с. 7–8], *указательный палец* [АС, вып. 6, с. 283] (но свободное сочетание *средний палец* [АС, вып. 5, с. 218]) и т. п.

Отмечаются случаи неоправданного расширения наречных конструкций до фразеологических за счет включения стержневых глаголов, ср.: *в сердцах сойтись* 'по любви': «Катюшеньку каждую ночь провожал паренёк молодой, познакомились и в сердцах сошлись, и решили друг друга любить» [СРГЮП, вып. 3, с. 148] (контекст заставляет выделить наречное сочетание *в сердцах* с указанным значением).

Встречаются фактические несоответствия при подаче материала. Иногда не совпадают заголовочное слово словарной статьи и реальные компоненты оборота, ср. *турай*, при котором подана ФЕ *тураева мельница* [Прокошева, с. 383]. В иных случаях не соотнесены приписываемая начальная форма и узуальное употребление словесного комплекса (неверно указаны компоненты ФЕ); например, в словарной статье *сквозь зубы (зубки)* 'тихо, невнятно', 'надменно, свысока' во всех цитатах встречаем *скРозь* [Прокошева, с. 141].

Наибольшие сложности связаны с фразеологическими фантомами типа *за подруки* 'под руки': «Меня к жениху-ту двое вывели, за подруки» [СРГКПО, с. 190] (предполагаем здесь присутствие двойного предлога *за-под*)⁴. В большинстве таких случаев фиксация единична, и лишь необычная форма может натолкнуть на мысль об ошибочности записи мнимых ФЕ подобного рода.

Случайно — при этимологизации ойконима *Пахнина* — был выявлен еще один факт. В ходе специальной работы по реконструкции лексики прошлых эпох на базе имен собственных⁵ на основе указанного онима гипотетически была восстановлена производящая основа **пахня*. При определении ее семантики мы могли опираться лишь на сходные по структуре и однокоренные слова, поскольку фиксации тождественной лексемы в исторических, диалектных словарях и словарях литературного языка отсутствуют. Лишь в «Словаре русских народных говоров» зафиксирована идиома *сбить с пахней* в значении 'сбить с толку' [СРНГ, вып. 25, с. 291]. С опорой на образования типа

⁴ Ср. также наречие *навидече* 'видно, очевидно'. Опираясь на контекст: «Чё было за его идти? — Навидече ведь было, какой он» [СРГЮП, вып. 2, с. 132], усматриваем ошибочно прочитанное и ошибочно переданное через слитное написание «*На виде* [т. е. на виду] — *чё ведь — было...*».

⁵ Нами защищена кандидатская диссертация: [Богачева, 2003].

ступня (< *ступать), клешня (< *клевстить ‘сдавливать, сжимать’ [Фасмер, т. 2, с. 250]), головня, пятерня и т. п. можно выделить далее корень *пах-* и соотнести гипотетическую единицу с лексемами *пах* ‘область между бедром и нижней частью живота’, *пахóвьй* ‘прилагательное к *пах*’ [СлРЯ, т. 3, с. 34, 35], прозвищем или некалендарным именем *Пахорук* (1678 г.), обнаруженным в пермских памятниках письменности [Полякова, 2010, т. 2, с. 8], лексикой в современных пермских говорах: *пахорукий* ‘неловкий’, ‘имеющий больные или слабые руки’, *пахоручка* ‘женщина с больными или слабыми руками’ [СПГ, вып. 2, с. 80], с севернорусской лексикой по данным XIX в.: *пахорукий* арх., волог. ‘не могущий свободно действовать руками, вялый, неповоротливый’ [Опыт, с. 154], *пахоручкой* (насмешливое) ‘не владеющий одной рукой; в переносном смысле — неловкий, у кого все из рук валится’ [Подвысоцкий, с. 118] (ср. также многочисленные лексемы данного гнезда в СРНГ, имеющие привязку к территориям Русского Севера, Урала, Сибири). Кроме того, присутствующий в слове *пахня* суффикс *-н(я)* преимущественно придает оттенок уничижения, пренебрежения и т. п., ср.: *малышня*, *солдатня*, *матросня*, *болтовня*, *грызня*, *брехня* и т. п. Это позволяет предположить, что для лексемы *пахня* была характерна аналогичная окраска, и именно по этой причине лексема, ушедшая из говоров, закрепились во фразеологии.

Проведенное исследование привело нас к выводам о том, что реконструированная лексема *пахня* имела севернорусскую природу, функционировала как пейоратив со значением ‘нога’. Отсюда вероятное исходное значение идиомы *сбить с пахней* — ‘сбить с ног’⁶.

На изложенных основаниях мы посчитали логичным соотнести с полученными данными фразеологизм *сбить (сбивать) с пахтей* ‘сбить с толку’, который обнаружен во «Фразеологическом словаре пермских говоров» К. Н. Прокошевой [Прокошева, с. 321]. Однако фиксация в словаре требует корректировки: очевидно, что была допущена фактическая ошибка — смешение рукописных знаков, и как *t* было прочитано рукописное *n*.

Привычка доверять тому, что «не вырубить и топором», мешает правильному восприятию подобных контекстов. Вероятно, автор словарной статьи идет вслед за текстом на карточке или в тетради, хотя известно, что к записям от руки надо относиться с осторожностью. Безусловно, для грамотного формирования картотек требуется специальная подготовка сборщика диалектных данных, расшифровщика, переписчика, но, за неимением времени, к этой — черновой — работе нередко привлекают начинающих исследователей (студентов). В итоге появляются мнимые диалектизмы вроде *девкуйда* вместо «...дэвки да...» (за знак ударения переписчик принял дужку при энклитике в записи сборщика) или «...вóсем спорóф-то [вместо *снопóф-то*] стáвят...» (из картотеки Акчимского словаря).

Рассмотренные диалектные фантомы являются разновидностями «заголовочных», которые можно также разделить на графические и орфографические.

⁶ Соответствующая этимология была предложена для фамилии ПАХНИН в [Полякова, 2005, с. 284]).

Следующие ФЕ обнаруживают грамматические несоответствия. В отношении таких оборотов предлагаем использовать термин «грамматические фразеофантомы».

С критикой грамматической подачи фразеологизмов в диалектных словарях ранее выступала И. А. Кобелева. Фразеографа интересовал грамматический аспект русской диалектной фразологии. Однако и в этой работе (на наш взгляд, с неизбежностью) прозвучали некоторые критические замечания: в частности, отмечается, что «разрозненная подача видовых разновидностей фразеологических единиц, имеющих в составе глагольный компонент, может в некоторых случаях повлечь за собой и различия в толковании этих единиц» [Кобелева, с. 25], указывается на случаи ошибочного выделения в качестве самостоятельных форм множественного числа именных сочетаний [Там же, с. 27], на примеры несоотнесенности значений совершенного / несовершенного вида, переходности / непереходности, возвратности / невозвратности, личного / безличного значений в глагольных фразеологизмах [Там же, с. 30–32]. Автор справедливо пишет: «Такое оформление глагольно-пропозициональной фразеологии затемняет реальные субъектно-объектные отношения между фразеологизмом и его словесным окружением» [Там же, с. 32].

Замечания И. А. Кобелевой убеждают нас в верности излагаемых здесь построений и в логичности выделения в качестве особого вида грамматических фразеофантомов.

В пермских материалах наблюдается видовое несоответствие глаголов во фразеологизме и в толковании (иногда и при подборе синонимичных глаголов в дефиниции), ср.: *вѣсти перенести (переносить)* '1) известия сообщить; 2) сплетничать', *зубы подать (подавать)* 'дерзко отвечать; грубить', *ответ отдать* 'перечить, дерзить', *переломить косточки* 'злословить о ком-либо' [см.: Прокошева], *оторочить все уши* 'много говорить, надоесть своей болтовней', *проклясть кости* 'ругать, проклинать' [см.: СПГ, вып. 2], *на один метр всех не перемерить* 'то же, что *всех на один аршин мерить*', *подбирать (подобрать) самого себя* 'следить за своим внешним видом' [см.: АС, вып. 4], и др.

Достаточно частое явление — несоответствие грамматической формы, выбранной для толкования, форме оборота, например: *в разбеге* 'шататься будучи пьяным', *в чувстве* 'быть в сознании', *в разбросе (разброске)* 'о чем-либо разбросанном, раскиданном', *в сиденке* 'о малоподвижном образе жизни или сидячей работе', ср. также *в требу* 'если есть потребность, желание' [см.: СПГ, вып. 2] и т. п. Причины появления таких фантомов различны: неверное определение грамматического статуса оборота, неверное определение его компонентов (обычно игнорирование важных компонентов типа *быть*), неразличение лексикографами фразеологизмов и наречных конструкций, что нередко поддерживается неверным написанием наречий — раздельным вместо слитного.

К этой же группе грамматических мнимых фразеологизмов относим такие, которые демонстрируют неразличение частиц *не* и *ни*: *не за что не по что* 'ни плохо, ни хорошо', 'без видимой причины', *не к числу не к городу* 'некстати; невпазд', *не на себя не под себя* 'ничего нет; беден', *не пос не молос не знать*

‘не соблюдать постов’, *не стюнуть не нарядить* ‘невозможно заставить сделать что-либо по принуждению’, *не тусу не губ* ‘нет толку’ [см.: Прокошева] и т. д., и т. д. (модель крайне частотна). Полагаем, еканье, столь характерное для живой речи Пермского края, не является основанием для смешения частиц при письменной фиксации ФЕ.

По аналогии с предложенными выше терминами фразеологизмы следующих видов можно назвать «семантическими фразеофантами». Обнаруживаются неточные и просто неверные дефиниции: *наговорить неделю с четвергу (с четвергом)* ‘наговорить правду’ («Наговорю я вам тут неделю с четвергу, а вы все запишете»; «Придет, наговорит неделю с четвергом, верьте ему») [СПГ, вып. 1, с. 544], *матька как рябка* ‘много бранных слов’ («Пасут у нас ноне каки-те бабы, дак у их матька-то как рябка») [Прокошева, с. 211], *теплая вода не держится* ‘невозможно сохранить в себе тайны’ («Ей токо и сказала, а вся деревня знает»; «дак ведь у иё тёпла вода не держится») [Там же, с. 52].

Иногда это вызвано следованием за прямым значением или формой входящих в ФЕ компонентов, ср.: *как штык* ‘о всегда исполняющем долг, обязанность’ [СРГКПО, с. 269] (контекст: «Я как штык — как два года, так ребенок» — заставляет усомниться в уместности понятий «долг», «обязанность»; полагаем, необходимо было подчеркнуть не исполнительность человека, а регулярность действий), *рот не раззевается* ‘рот не раскрывается’ [СПГ, вып. 2, с. 264] (в иллюстративном материале так характеризуются речевые затруднения при говорении, пении: «Я старая, у меня уж рот не раззевается на песни»), *в кожу не влазить* ‘отличаться упитанностью, здоровьем’ [Прокошева, с. 51] (положительная оценочность в дефиниции разрушается цитатой: «Первы-те годы жила, дак ручки-ножки по соломинке, а топеря вон че — в кожу не влазишь»; считаем более уместным определение ‘отличаться нездоровой полнотой’), *стакан на лоб* ‘о склонности к опрокидыванию стаканов со спиртным’ [Прокошева, с. 357] (подразумевалась склонность к пьянству: «Мужики нонче пьяницы, мой-от зеть пьёт — токо стакан на лоб, стакан на лоб»). Влияние текста иногда настолько велико, что автор словарной статьи, испытывая воздействие народного бытового узуса, использует для толкования просторечно-диалектную лексику и фразеологию (ср. *душой да телом* ‘без ничего’ [СРГКПО, с. 91], *с три лешего* ‘навряд ли’ [Прокошева, с. 197]).

К сожалению, и мы не избежали ошибок в определении семантики ФЕ: *бить дроби* ‘заниматься счислением дробей’: «Я на печке на дошшэчке дроби бить училася. Я не знаю, почему измена получилася» [Богачева, 2010, с. 161] (в окончательной редакции — ‘танцевать, выстукивая ритм танца ногами’ [СРГСПК, вып. 1, с. 101]), *глядеть из рук* ‘ждать подавания’: «Нынче я из рук гляжу. Дадут дак её [еду], а не дадут, дак и так» [Богачева, 2010, с. 162] (уточнено: ‘будучи не в состоянии обеспечивать и / или обслуживать себя, находиться в зависимости от кого-либо (обычно от близких)’ [СРГСПК, вып. 2]), *замазывать глаза* ‘упрашивать о чем-либо, подкупать кого-либо’: «Нечё глаза замазывать: даром-то не поедут» [Богачева, 2010, с. 170] (вероятно, более точным было бы дать определение ‘добиваться чего-либо лестью’), *не гóден*

на табáк ‘о недостойном человеке’: «Может, он на табак не годен, жених-от, а захочет отец — и отдаёт [замуж]!» [Богачева, 2010, с. 162] (исправлено: ‘ни на что не годен, не способен’ [СРГСПК, вып. 2]).

В ряде случаев в словарях обнаруживается принципиальная неполнота дефиниций, имеющая следствием расширительное / суженное толкование, ср.: *бары разводить* ‘разговаривать’ [Прокошева, с. 310] (не учтен коннотативный компонент значения), *закрывать молоко* ‘навести порчу на корову’ [СРГКПО, с. 102] («порча», как известно, может проявляться по-разному, это, по сути, родовое понятие, но внутренняя форма ФЕ подсказывает: в данном случае это определенный ее вид, при котором корова перестает давать молоко), *язык затоптать* ‘не начать вовремя говорить по какой-либо причине’ [СПГ, вып. 1, с. 312], ‘не начать говорить вовремя’ [Прокошева, с. 133] (упущено указание на субъекта действия: здесь находим характеристику детей, которые начинают рано ходить; по народным наблюдениям, дети, развитые физически, обычно отстают в развитии речевом). А такой пример: *слово слово родит* ‘кто-либо обладает умением говорить’ [Прокошева, с. 341], полагаем, наиболее показательны и комментариев не требует, поскольку даром речи владеют за редким исключением все люди, во фразеологизме же подчеркивается высокая степень владения им.

Как видим, нередко в достоверности, точности, обоснованности лексикографического описания заставляет усомниться иллюстративный материал. Не менее часто на размышления наталкивает сопоставительный анализ дефиниций, извлеченных из различных источников (известно, например, что частично совпадают материалы «Словаря пермских говоров», «Фразеологического словаря пермских говоров» К. Н. Прокошевой, «Словаря русских говоров Коми-Пермяцкого округа», «Словаря русских говоров Южного Прикамья»), ср.: *деньги вытевать* ‘исполнять величальные песни гостям свадьбы’ [СРГКПО, с. 71], ‘исполняя свадебные величания, получать от гостей плату’ [ЭССТСП, с. 40] и *вытевать* ‘заслуживать пенем’ [СПГ, вып. 1, с. 143]; *держатъ руки покороче* ‘не вступать в ссору, драку’ [Прокошева, с. 106] и ‘предупреждение тому, кто готов кинуться в драку’ [СПГ, вып. 1, с. 212]; *золотом одарить* ‘отнестись к кому-либо приветливо, доброжелательно’ [Прокошева, с. 246] и ‘расхвалить’ [СПГ, вып. 2, с. 33]; *от семи собак отъестся* кто-либо ‘о том, кто не дает никому спуску’ [СРГКПО, с. 175], *от семи собак отъестся* ‘не дать никому спуску’ [Прокошева, с. 258] и ‘перекричать кого-либо, отбиться словами’ [СПГ, вып. 2, с. 65]; *пялить рот (хайло)* ‘кричать, плакать’ [Прокошева, с. 308] и *пялить хайло* ‘громко кричать, ругаться’ [СПГ, вып. 2, с. 253]; *ломать соколов* ‘петь свадебные песни’ [Там же, с. 486] и *соколов ломать* ‘петь свадебные песни за выкуп’ [СРГКПО, с. 140]; *страшной бакулъ* ‘говорун’ [Прокошева, с. 16] и шутливо ‘об озорном, веселом человеке’ [СПГ, вып. 1, с. 17]; *щёлкать набелками* ‘говорить без умолку’ [Прокошева, с. 428], *щёлкать набелками* ‘много и быстро говорить’ [СПГ, вып. 2, с. 565], *щёлкать (набилками) набелками* ‘говорить много чепухи, ерунды’ [СРГЮП, вып. 3, с. 415] (в большинстве случаев ФЕ приведены с идентичными иллюстративными материалами); и т. п.

Регулярно авторами-составителями игнорируется метафоричность оборотов. По традиции, заявленной в «Словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, образные единицы толкуются с использованием шаблонной формулировки «О человеке...», «О состоянии...» и т. п., в то время как прямым номинациям соответствуют толкования типа «Человек...», «Состояние...» и т. п. Однако в пермских словарях разные способы толкования регулярно смешиваются, ср.: *крапива жалкая* 'о язвительном человеке' [СПГ, вып. 1, с. 433] и 'язвительный человек' [Прокошева, с. 182]; *шубный язык* 'невыразительная речь' [Там же, с. 430], 'невыразительная, неправильная речь' [СПГ, вып. 2, с. 571], 'о дефектной речи, а также о человеке с какими-либо дефектами речи' [АС, вып. 6, с. 260]; ср. также в пределах одного словаря: *крапива жалкая* 'о язвительном человеке' [СПГ, вып. 1, с. 433] и *шубный язык* 'невыразительная, неправильная речь' [СПГ, вып. 2, с. 571].

Рассмотренные факты действительно позволяют развести заголовочные, грамматические и семантические фразеофантомы, а как следствие — уточнить определение термина фразеологический фантом (фразеофантом, псевдофразеологизм): это словосочетание или сочетание слов, ложно выделяемое как устойчивое, либо фразеологизм с ложно определенным грамматическим значением, ошибочно толкуемой семантикой.

Таким образом, диалектные словари Пермского края, несмотря на истинное богатство представленных материалов, к сожалению, не лишены недостатков, в том числе таких, на которые указывалось в работах критиков лексикографии. Исходя из сказанного, в случае необходимости считаем возможным корректировать форму ФЕ и формулировки дефиниций, предложенные составителями словарей, в соответствии с мнением других специалистов, собственным языковым и лексикографическим чутьем и (главное) приведенными в качестве иллюстраций фактами живой народной речи.

Обозначим следующие пути предупреждения и устранения фантомных явлений в диалектной фразеографии.

Мы с неизбежностью приходим к выводу (и даже требованию) с осторожностью обращаться с лексикографическими описаниями, обязательно учитывать фактический (цитатный) материал. Необходима большая внимательность при формировании картотеки и обработке ее материалов, учет особенностей почерков (лексикограф, работающий с рукописными фондами, всегда отчасти почерковед). Требуется опора на максимальное количество источников, главным образом — на диалектные данные соответствующей и сопредельных областей, регионов.

Помимо элементарных знаний по диалектологии для верного выделения ФЕ и их максимально точного толкования требуется тщательный компонентный анализ (семантический и грамматический). Установить набор сем, отражающих наполнение того или иного понятия, выявить особенности грамматического функционирования помогает знание диалектной лексической системы, лексико-семантических и тематических групп, парадигматических и синтагматических отношений в ее пределах, разницы объема понятий (денотатов) в научной и наивной картинах мира и т. д. Это возвращает нас к классическим работам

по описанию диалектных систем в различных аспектах. Помимо этого не избежать дополнительной подготовки в области фольклористики, этнографии, истории, географии и т. д., что во многих случаях с успехом решается, благодаря современным технологиям, а именно благодаря доступу к колоссальным объемам информации в сети Интернет.

Еще один способ преодоления описанных недостатков — выработка шаблонов и единых подходов при отражении в словаре лексического и фразеологического материала. Требуется выявление моделей образования языковых единиц (ср. приведенные выше сопоставительные ряды наречий и ФЕ), определение принципов подачи однотипных слов и ФЕ, разработка типовых дефиниций типа «О состоянии...», «Имитация звуков, издаваемых (производимых)...», «Растение...» и т. п. Идеальна в этом случае подготовка специальной подробнейшей инструкции по сбору материалов, формированию картотеки, поэтапному написанию словарных статей.

Очень перспективно в этом ракурсе воплощение проекта сводного регионального словаря, к созданию которого можно было бы привлечь всех составителей используемых для обобщения источников и (с целью повышения эффективности работы) распределить между участниками проекта обязанности, назначив ответственных за определенные секторы (семантический, синтаксический, фразеологический, этнографический и т. д.) в зависимости от научных интересов. В идеале такой словарь представляется электронным: во-первых, это помогло бы облегчить работу с материалами, которые обычно разрознены по малотиражным изданиям и труднодоступным картотекам находящимся в работе словарей; во-вторых, это принципиально упростило бы научное общение специалистов между собой и с потребителями словаря; в-третьих (а в данном случае главное), это помогло бы учитывать мнение всех специалистов в области диалектной лексикографии и мгновенно реагировать на критику, в максимально сжатые сроки устраняя недочеты. Все это нацелено на достижение единообразия лексикографического описания и на избегание мнимых / призрачных / темных / ложных / фантомных с различных точек зрения лексических и фразеологических единиц.

АС — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) : в 6 вып. Пермь, 1996. Вып. 3; Пермь, 1999. Вып. 4; Пермь, 2003. Вып. 5; Пермь, 2011. Вып. 6. [Slovar' govora d. Akchim Krasnovisherskogo rayona Permskoy oblasti (Akchimskiy slovar') : v 6 vyp. Perm', 1996. Vyp. 3; Perm', 1999. Vyp. 4; Perm', 2003. Vyp. 5; Perm', 2011. Vyp. 6].

Бакланова И. И. Фразеологизмы сравнения в пермских говорах // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: Рос. и заруб. филология. Пермь, 2011. Вып. 4 (16). С. 27–31. [Baklanova I. I. Frazeologizmy sravneniya v permskikh govorakh // Vestn. Perm. un-ta. Ser.: Ros. i zarubezh. filologiya. Perm', 2011. Vyp. 4 (16). S. 27–31].

Боброва М. В. Еще раз о фразеологизмах-сравнениях // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: Рос. и заруб. филология. Пермь, 2012. Вып. 4 (20). С. 18–26. [Bobrova M. V. Yeshche raz o frazeologizmakh-sravneniyyakh // Vestn. Perm. un-ta. Ser.: Ros. i zarubezh. filologiya. Perm', 2012. Vyp. 4 (20). S. 18–26].

Боброва (Богачева) М. В. Материалы к «Фразеологическому словарю русских говоров севера Пермского края» II // Лингвокультурное пространство Пермского края :

материалы и исследования. Пермь, 2011. Вып. 3. С. 224–239. [Bobrova (Bogacheva) M. V. Materialy k “Frazeologicheskomu slovaryu russkikh govorov severa Permskogo kraja” II // Lingvokul'turnoe prostranstvo Permskogo kraja : materialy i issledovaniya. Perm', 2011. Vyp. 3. S. 224–239].

Богачева М. В. К вопросу о реконструкции апеллятивов как методе исторической лексикологии // Изменяющийся языковой мир. Пермь, 2002. С. 106–112. [Bogacheva M. V. K voprosu o rekonstruktsii apellyativov kak metode istoricheskoy leksikologii // Izmenyayushchiyasya yazykovoy mir. Perm', 2002. S. 106–112].

Богачева М. В. Реконструкция русской апеллятивной лексики на материале ойконимии Пермской области : дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2003. 273 с. [Bogacheva M. V. Rekonstruktsiya russkoj apellyativnoj leksiki na materiale oikonimii Permskoj oblasti : dis. ... kand. filol. nauk. Perm', 2003. 273 s.]

Богачева М. В. К вопросу об изучении фразеологии в живой народной речи (лексико-семантическая группа «Говорение») // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии : материалы и исследования. Пермь, 2007. Ч. 2. С. 136–151. [Bogacheva M. V. K voprosu ob izuchenii frazeologii v zhivoy narodnoy rechi (leksiko-semanticheskaya gruppa “Govorenije”) // Zhivaya rech Permskogo kraja v sinkhronii i diakhronii : materialy i issledovaniya. Perm', 2007. Ch. 2. S. 136–151].

Богачева М. В. Материалы к «Фразеологическому словарю русских говоров севера Пермского края» // Лингвокультурное пространство Пермского края : материалы и исследования. Пермь, 2010. Вып. 2. С. 153–180. [Bogacheva M. V. Materialy k “Frazeologicheskomu slovaryu russkikh govorov severa Permskogo kraja” // Lingvokul'turnoe prostranstvo Permskogo kraja : materialy i issledovaniya. Perm', 2010. Vyp. 2. S. 153–180].

Жуков А. В. Фразеологические фантомы в русском языке // Вестн. Новгород. гос. ун-та. 2009. № 51. С. 57–60. [Zhukov A. V. Frazeologicheskie fantomy v russkom yazyke // Vestn. Novgorod. gos. un-ta. 2009. № 51. S. 57–60].

Кобелева И. А. Русская диалектная фразеология: грамматический аспект (на материале словарей говоров Русского Севера). СПб., 2007. 200 с. [Kobeleva I. A. Russkaya dialektnaya frazeografiya: grammaticheskij aspekt (na materiale slovarey govorov Russkogo Severa). SPb., 2007. 200 s.]

КСРГСПК — Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края». [Kartoteka “Slovarya russkikh govorov severa Permskogo kraja”].

Огольцева Е. В. Устойчивые компаративные структуры русского языка в концепции профессора Василия Михайловича Огольцева [Электронный ресурс]. URL: <http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang=Ru&blang=ru&page=Book&id=77847> (дата обращения: 05.10.2012). [Ogol'tseva E. V. Ustoychivye komparativnye struktury russkogo yazyka v kontseptsii professora Vasiliya Mikhaylovicha Ogol'tseva [Elektronnyj resurs] URL: <http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang=Ru&blang=ru&page=Book&id=77847> (data obrashcheniya: 05.10.2012)].

Опыт — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852. [Opyt oblastnogo velikorusskogo slovarya. SPb., 1852].

Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. [Podvysotskiy A. Slovar' oblastnogo archangel'skogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii. SPb., 1885].

Полякова Е. Н. Словарь лексики пермских памятников письменности XVI — начала XVIII века : в 2 т. Пермь, 2010. Т. 2. П–Я. [Polyakova E. N. Slovar' leksiki permskikh pamyatnikov pis'mennosti XVI — nachala XVIII veka : v 2 t. Perm', 2010. T. 2. P–Ya].

Полякова Е. Н. Словарь пермских фамилий. Пермь, 2005. [Polyakova E. N. Slovar' permskikh family. Perm', 2005].

Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002. [Prokoshcheva K. N. Frazeologicheskiy slovar' permskikh govorov. Perm', 2002].

СЛРЯ — Словарь русского языка : в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1984. Т. 3. [Slovar' russkogo yazyka : v 4 t. 2-e izd., ispr. i dop. M., 1984. T. 3].

СПГ – Словарь пермских говоров : в 2 вып. Пермь, 2000. Вып. 1; Пермь, 2002. Вып. 2. [Slovar' permskikh govorov : v 2 vup. Perm', 2000. Vup. 1; Perm', 2002. Vup. 2].

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь, 2006. [Slovar' russkikh govorov Komi-Permyatskogo okruga. Perm', 2006].

СРГСПК – Словарь русских говоров севера Пермского края. Пермь, 2011. Вып. 1. А–В; Вып. 2. Г–Ж. (В рукописи). [Slovar' russkikh govorov severa Permskogo kraia. Perm', 2011. Vup. 1. A–V; Vup. 2. G–Zh. (V rukopisi)].

СРГЮП – Подюков И. А., Поздеева С. М., Свалова Е. Н. и др. Словарь русских говоров Южного Прикамья. Пермь, 2010. Вып. I; Пермь, 2012а. Вып. II; Пермь, 2012б. Вып. III. [Podyukov I. A., Pozdeeva S. M., Svalova E. N. i dr. Slovar' russkikh govorov Yuzhnogo Prikamiya. Perm, 2010. Vup. I; Perm', 2012. Vup. II; Perm', 2012. Vup. III].

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л., 1990. Вып. 25; СПб., 1992. Вып. 27. [Slovar' russkikh narodnykh govorov. L., 1990. Vup. 25; SPb., 1992. Vup. 27].

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. 4-е изд., стер. М., 2003. Т. 2. [Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka : v 4 t. 4-e izd., ster. M., 2003. T. 2].

ЭССТСП – Подюков И. А., Хоробрых С. В., Антипова Д. А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Усолье ; Соликамск ; Березники ; Пермь, 2004. [Podyukov I. A., Khorobrykh S. V., Antipova D. A. Etnolingvisticheskiy slovar' svadebnoy terminologii Severnogo Prikamiya. Usoliye ; Solikamsk ; Berezniki ; Perm', 2004].

Статья поступила в редакцию 08.02.2014 г.

УДК 679.87(470.5) + 929:679.87

Л. А. Будрина

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА УРАЛЬСКИХ КАМНЕРЕЗОВ: ИВАН СЕРГЕЕВИЧ СТЕБАКОВ

Статья посвящена деятельности практически неизвестного частного предприятия, составлявшего конкуренцию Екатеринбургской императорской гранильной фабрике в 1860–1880-х гг., ее владельцу и спектру продукции. Приводится информация об участии в национальных и международных выставках, воспроизводятся оценки работ, данные соотечественниками и зарубежными специалистами-современниками. Иллюстративный блок, составленный на основе авторских атрибуций, впервые дает наглядное представление об ассортименте мастерской.

Ключевые слова: Иван Сергеевич Стебаков; екатеринбургская гранильная фабрика; камнерезное искусство; печать; пресс-папье; ваза; яшма; горный хрусталь; культовые предметы; Всероссийские выставки; Всемирные выставки.

Тема уральского камнерезного искусства порой воспринимается исчерпанным материалом: немало публикаций посвящено Екатеринбургской гранильной фабрике, история разработки природного сырья и вопросы его обработки рассмотрены в работах минералогов, историков, искусствоведов. И, тем не менее, в этой области белых пятен остается еще существенно больше, чем изученных вопросов. Наименее исследованной областью является кустарный промысел. Это объясняется и спецификой производства — частные мастерские не вели столь строгой отчетности, как государственное предприятие, — и существовавшей практикой скупки результатов деятельности мелких кустарей магазинами и перепродавцами. Документы последних, по понятным причинам, были утрачены или сознательно уничтожены в период гражданской войны.

Однако деятельность кустарной каменной промышленности была отражена не только в учетных книгах перепродавцов или собственных реестрах производителей: пусть косвенно, не в полном объеме, порой — конъюнктурно, о ней

писали современники на страницах периодики и в отдельных заметках, информация осталась в каталогах и отчетах Всемирных и Всероссийских выставок. Благодаря этим источникам мы знаем имена предпринимателей, создавших крупные частные камнерезные производства. Эти производства составляли конкуренцию не только столичным магазинам, но и государственной фабрике. Владельцем одного из них был Иван Сергеевич Стебаков.

Сведений о нем и его предприятии сохранилось немного. Основным источником для нас послужили материалы, связанные с его участием в выставках 1860–1870-х гг., которое принесло Стебакову награды и известность, а его произведениям обеспечило сбыт не только в России, но и в Европе. Ценные сведения биографического характера были любезно предоставил в наше распоряжение историк Екатеринбурга В. П. Микитюк.

Так, нам известно, что Иван Сергеевич родился около 1820 г., в 40-е гг. XIX в. упоминается в качестве орловского мещанина. С февраля 1853 г. — екатеринбургский мещанин, затем — купец третьей (декабрь 1853–1863) и второй (1873–1876) гильдий [Сведения].

Сергей Иванович являлся членом нескольких научных обществ. Так, он состоял в Российском минералогическом обществе (членом-корреспондентом которого был избран 22 апреля 1866 г.) [Пузыревский]. Поддержал он и создание Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) — купец И. С. Стебаков упоминается среди учредителей общества, в дальнейшем состоял в нем членом-корреспондентом [Зорина, с. 22, 195]. В 1870-х гг. передал в музей общества верхние и нижние челюсти мамонта, а также другие кости мамонта [Сведения].

Общественная деятельность купца разнообразна. Он успел побывать депутатом по составлению городской обывательской книги (1855, 1856, 1860), ремесленным головой (1863, 1865), гласным городской думы (1872–1876), членом комиссии по ревизии сметы на 1873 г. от ремесленной управы [Сведения].

Сведения о ранней деятельности И. С. Стебакова носят легендарный характер: мы находим в мемуарах А. В. Калугина, написанных в 1931 г., упоминание о том, как уралец надул немецкого исследователя и путешественника Александра фон Гумбольдта, посетившего Екатеринбург в 1829 г.: «...один местный умелец, купец Иван Сергеев Стибаков, лично всучил поддельный камень — стекло вместо горного хрусталя знаменитому исследователю и путешественнику А. Гумбольдту» [Калугин, с. 38].

Согласно информации, приведенной в справочнике статистических сведений об экспонентах Всероссийской выставки 1861 г. в Санкт-Петербурге, предприятие Ивана Сергеевича Стебакова (на тот момент — купца третьей гильдии) основано было в 1849 г., находилось в Екатеринбурге. В 1861 г. на ручных работах на точильных и гранильных станках было занято 25 человек на фабрике, и еще 40 трудились на Стебакова вне стен заведения. Годовая продукция изделий из цветных камней достигала 80 000 рублей [Статистические сведения, с. 156]. Эти же сведения повторены в каталоге Лондонской выставки 1862 г. Однако, в материалах Парижской всемирной выставки 1867 г. приводятся иные цифры: «Шлифовальная, гранильная и резная фабрика существует с 1845 г.

Ежегодное производство на сумму 30 т. р. Рабочих до 50 человек» [Указатель, 1867, с. 39].

Этой информации противоречит сообщение, появившееся в ноябре 1861 г. в газете «Пермские губернские ведомости», где мастерская И. С. Стебакова названа «только что начавшей работать» [Семенова, с. 590]. Вероятно, первым — в середине 1850-х гг. — появляется магазин, продававший минералы. Два выдающихся кристалла берилла, купленные в магазине Стебакова, упоминает Н. И. Кокшаров в своих «Материалах для минералогии России» [Kokscharov, p. 74].

Возможно, как и другие предприятия, основанные после отмены крепостного права и занявшие освобожденных мастеров Екатеринбургской гранильной фабрики (1849 г. в качестве даты основания предприятия указывал на бланках Иван Сумин — бывший мастер Екатеринбургской гранильной фабрики, создавший предприятие в Петербурге [см.: Будрина, 2013а]), мастерская Стебакова в качестве даты начала работ использовала в рекламных сообщениях время проведения Пермской губернской выставки (1845) или Санкт-Петербургской выставки промышленности Российской империи (1849).

Иван Сергеевич активно занимается вопросами сбыта продукции, ищет разнообразные пути для расширения клиентуры.

Так, он не отказывается от возможности лично предложить товар приезжим. Любопытное свидетельство оставил в своем дневнике только окончивший к тому моменту пажецкий корпус и направлявшийся на службу в Читу Петр Андреевич Кропоткин. Вот как он описал встречу с екатеринбургскими «людьми камня»: «Сегодня с утра нагрянули ко мне в Екатеринбург резчики. Явился Стебаков. Объявил ему, что мне нужны только запонки и более ничего я покупать не намерен. “Нет, нет-с, все равно, взгляните на наши вещи”, — и явился с десятками ящичков, коробочек, футлярчиков. Уж чего не выкладывал он передо мной, сулил от камней большие выгоды на Амуре и сильно удивлялся, когда я ничего не купил, кроме запонок, которые были мне нужны. “Ну уж крепки вы, как я ни старался вас соблазнить — все ни-почем”» [Кропоткин, с. 46–47].

Любопытное свидетельство о посещении фабрики Ивана Сергеевича оставил американский журналист Томас Нокс, совершивший в середине 1860-х гг. путешествие через всю Россию и описавший свои впечатления в вышедшей в 1870 г. книге. Он пишет: «Хотя день был не рабочий, у меня была возможность посмотреть на частную “фабрику”. Резка камня, как и огранка, осуществляется с использованием маленьких колес, покрытых алмазной пылью или наждаком. Каждый работник имеет свою скамейку и выполняет определенную часть работы под руководством начальника. Заработная плата очень низка, квалифицированные рабочие получают меньше обычных грузчиков в Америке. За три рубля я купил двенадцатигранный топаз примерно дюйм в диаметре с акkuratно выгравированными на нем знаками зодиака. В Лондоне или Нью-Йорке огранка обошлась бы раз в десять дороже» (пер. А. С. Игумнова) [Кпох, р. 572].

Торговал Стебаков и на крупнейшей уральской ярмарке, о чем свидетельствует следующее объявление: «Честь имею известить почтеннейшую публику,

что привезен мною на Ирбитскую ярмарку большой выбор каменных вещей. Сибирские цветные камни и печать своей фабрики, удостоенной похвалы Санкт-Петербургской и Лондонской всемирной выставок. Магазин в доме купца Виноградова, недалеко от гостиницы “Ярославль”» [Ирбитский].

Есть сведения о том, что Иван Сергеевич пытался наладить прямую продажу уральских камнерезных предметов в столице. Так, М. Мельников писал о том, что Стебаков открыл магазин в Петербурге, но «вещи не пошли, и магазин закрылся» [Мельников, с. 194].

Успех сопутствовал Стебакову на крупных национальных и международных смотрах. Представленные им произведения были отмечены Малой серебряной медалью в 1861 г. на выставке изделий русской промышленности в Санкт-Петербурге [Отчеты, с. 52], бронзовой — в 1867 г. на Всемирной выставке в Париже [Catalogue, p. 24], серебряной — на Всероссийской мануфактурной выставке в 1870 г. [Всероссийская мануфактурная выставка, с. 27], медалью за заслуги — на Венской всемирной выставке в 1873 г. [Список наград, с. 34].

Известно, что после кончины Ивана Сергеевича, наступившей 1 апреля 1881 г., основная часть имущества перешла по завещанию его дочери Анастасии и зятю Ивану Константиновичу Афиногенову. Предприятие последнего, товарищество на вере «Иван Константинович Афиногенов и К°», зарегистрированное в том же году, специализировалось на торговле ювелирной продукцией [Микитюк, с. 143].

Расцвет фабрики Стебакова пришелся на время резких изменений, произошедших в камнерезной отрасли после манифеста 1861 г. В. Б. Семенов приводит данные о том, что в пореформенные годы число работников Екатеринбургской императорской гранильной фабрики резко сократилось, со 147 мастеровых в начале 1861 г. до 46 человек к 1866 г. [Семенов, Тимофеев, 2003а, с. 34]. Многие рабочие уходили в собственные мастерские, другие нанимались на частные фабрики.

Именно на время упадка и разлада в деятельности крупнейшего камнеобрабатывающего предприятия Екатеринбурга — императорской фабрики — приходится наиболее активный период в работе Стебакова. В первые пореформенные десятилетия он активно участвует в крупных смотрах, продвигает свою продукцию потенциальному покупателю, занимая освободившуюся на рынке нишу, выполняет ответственные и выгодные с точки зрения рекламы заказы.

Благодаря описаниям выставочных экземпляров, мы можем не только представить себе ассортимент фабрики Стебакова, но и обнаружить аналоги в музейных собраниях. К сожалению, на сегодня нам известно лишь одно произведение, авторская атрибуция которого не вызывает сомнения — нам удалось установить, что закуплено в музейное собрание оно было непосредственно на стенде Парижской выставки 1867 г.

Палитра фабрики была чрезвычайно разнообразной: малахитовая мозаика, пестроцветные яшмы и агаты, прозрачные кварцы. Остановимся подробнее на том, что нам известно об ассортименте выставочных стендов и, отчасти, магазина И. С. Стебакова.

Как и большинство уральских «каменных» торговцев, Иван Сергеевич продавал не только законченные изделия, но и минералогические образцы — «образцовые камни» [Риан, с. 3]. В том числе — топаз, аметисты, хризолиты. Разброс цен — от 6 до 150 рублей — свидетельствует о широкой палитре качества и размеров предложенных экспонатов [Указатель, 1861а, с. 137].

Особое место в ассортименте занимали предметы с мозаикой из малахита. Такого рода изделия фабрики упоминаются только в 1861 г. — в связи с его экспозицией на Санкт-Петербургской выставке, на которой было представлено «несколько вещей из малахита» [Обозрение, с. 49], оставшихся неоцененными публикой [Указатель, 1861а, с. 4]. Благодаря документам выставки, мы знаем, что среди этих предметов были как скромные пресс-папье (по 20 и 30 рублей за штуку) и небольшие шкатулки (их предлагали по цене в 40 рублей), так и роскошные столешницы (по 100 рублей) и богатый ларец (за 150 рублей) [Указатель, 1861б, с. 137].

По имеющейся информации, в ассортименте предприятия С. И. Стебакова были широко представлены предметы культа. К сожалению, в настоящее время произведения этого круга чрезвычайно редки в собраниях, тем ценнее описания современников.

На выставке 1861 г. в Петербурге Стебаков представлял «напрестольные и пасхальные кресты, панагии» [Отчеты, с. 52]. Особое внимание привлекал напрестольный крест, «главный корпус которого, изображающий распятие, сделан из цельного куска чистого кварца; кругом осыпан он отличным аквамаринном, а венцы — из малинового шерла» [Обозрение, с. 49]. Произведение, оцененное в две с половиной тысячи рублей, удивляло как мастерством работы, так и чрезвычайно высокой стоимостью. На панагию из голубого топаза с рельефным изображением Богородицы, в числе целого ряда экспонатов екатеринбургского купца, пал выбор императора [Риан, с. 1]. Мы знаем, что эта работа была оценена в 300 рублей. Кроме топазовой, Стебаков показал панагии на аметисте (250 рублей) и на халцедоне (150 рублей), а также «икону Божией матери» из горного хрусталя (250 рублей) [Указатель, 1861б, с. 137]. Дополняли этот раздел «кресты пасхальные» (800 и 500 рублей) и небольшие кресты из камней (от 35 до 100 рублей каждый) [Там же].

В том же 1861 г. «Пермские губернские ведомости» сообщали о кресте, изготовленном Стебаковым по заказу горожан губернского города Перми в память о манифесте 19 февраля. Его описывали как «украшенный всеми драгоценными камнями Урала изящный пасхальный крест из редкой величины раухтопаза, на котором было вырезано распятие» [Семенова, с. 360].

В Париже в 1867 г. были выставлены четки из граненых бусин из горного хрусталя [Указатель, 1867, с. 39].

Большим успехом пользовались созданные в Екатеринбурге пресс-папье с наборным натюрмортом. Стебаков представлял два вида такой продукции: с лесными ягодами и с виноградной кистью.

Тип пресс-папье с объемной кистью винограда из аметиста появляется в уральской продукции в 1840-х гг. — на екатеринбургской гранильной фабрике подобные произведения начинают делать с приходом нового директора,

Александра Ивановича Лютина [см.: Будрина, 2013б]. Не вызывает сомнения связь екатеринбургского производства с его историческими предшественниками — европейскими мастерскими XVII–XVIII вв. Каменные панели с рельефным декором из цветов и фруктов пользуются большой популярностью у мебельщиков конца XVIII — первой половины XIX в., когда старые работы заново монтируются в новые предметы обстановки.

Таким образом, уральцы, воспользовавшись своей сырьевой базой, предлагают публике свой вариант популярного декора — с более высоким рельефом, рассчитанный на самостоятельное существование.

Все известные сегодня предметы этого типа уральских изделий выполнены по одной схеме: на основании (оно может быть разной формы: прямоугольное с острыми или скругленными углами, овальное) округлыми бусинами из аметиста или аметистизированного кварца сформирована гроздь винограда, дополненная кусочком лозы с усиком и парой листочков, из которых один подложен под ягоды, а второй прикрывает верхнюю часть кисти. В Российском государственном историческом архиве хранится эскиз подобного изделия Екатеринбургской гранильной фабрики, датированный 1853 г. [Сургутская, с. 105]. Чрезвычайно близко к нему пресс-папье, находящееся в собрании Лувра. Этот предмет ранее принадлежал ярчайшей французской актрисе XIX в. Рашель, гастролировавшей в сезоне 1853–1854 гг. в Петербурге и Москве по приглашению императора Николая I [Chevalley, p. 327–355]. Вероятно, пресс-папье было одним из многочисленных подарков актрисе от российских поклонников ее таланта. На тщательно отполированном овальном основании из нейтральной светло-серой калканской яшмы выложена гроздь из светлых аметистовых ягод. Два листка выполнены из зеленоватой яшмы, их поверхность, с тщательно переданным рисунком прожилок, отшлифована. Веточка и усик — из коричневато-желтоватой яшмы, также с матовой поверхностью. Это произведение, довольно значительное по размеру (длиной 14 см), с сохранившейся на нижней поверхности основания бумажной наклейкой коллекции Рашели с ее девизом «Все и Ничего» («Tout et Rien»), в 1943 г. поступило в собрание Лувра (инв. № ОА 9388)¹. Ранее упоминание этого предмета мы находим среди лотов аукциона, состоявшегося после кончины актрисы в 1858 г.: среди прочих русских предметов числится «пресс-папье с фруктами» (лот 176-34) [Succession, p. 16]. Еще два «виноградных» пресс-папье можно увидеть в экспозициях московского Минералогического музея им. А. Е. Ферсмана и Екатеринбургского музея изобразительного искусства.

Известно, что одно из подобных пресс-папье было выбрано на выставке 1861 г. в витрине Стебакова императором Александром II [Риан, с. 1]. Подобные же предметы экспонировались в 1867 г. в Париже [Указатель, 1867, с. 39].

Второй тип натюрмортных пресс-папье представляет собой прямоугольное в плане основание из яшмы нейтрально-серого цвета, с собранной на черной накладке сверху объемной композицией из плодов ягод.

---

¹ Ранее обозначенное как «Франция (?), мрамор. XIX век», пресс-папье с 2012 г. сопровождается этикеткой с новой атрибуцией: «Екатеринбургская императорская фабрика. Пресс-папье “Натюрморт”. Около 1855. Яшма, аметист».

Подробные сведения об изготовлении подобных работ екатеринбургскими мастерами мы находим в очерке, подготовленном П. Зверевым в 1887 г. Так, от него мы узнаем о том, что в производстве пресс-папье существует разделение труда: так, в мастерской, занимающейся сборкой пресс-папье, делаются корешки, листочки и некоторые плоды; большая же часть деталей, например, плоды, ягоды, исполняются гранильщиками мелких камней и бусок, а поддоны, пьедесталы, вазы получают из других мастерских: яшмовых или малахитовых [Зверев, с. 49]. Листья и корешки делаются или из змеевика, златоустовской яшмы, или, чаще, из офита. Для этих вещей мастер разрезывает камень на пластинки на большом станке и затем обтачивает их на резной машинке.

В очерке мы находим перечисление используемых для изготовления ягод материалов: плоды зеленого винограда делали из альшпата, темного — из амethysta; вишню черную — из агата (сердолика) или шлака, белую — из селенита; смородину черную — из агата или шлака, красную — из сердолика, белую — из хрустала; малину красную — из орлеца, белую — из селенита; клубнику и землянику — из коралла или сургучной яшмы; княженику — из шерлов; морошку — из янтаря; костянику — из сердолика; барбарис — из коралла; черемуху — из шлака; грушу — из яшмы подходящего тона; сливу — из сердолика. Кроме того, использовали и готовые «заграничные» ягоды: черемуху, смородину, вишню [Зверев, с. 54], — к сожалению, автор не указывает, откуда именно поступали эти полуфабрикаты.

Так же автор подробно останавливается на технологии изготовления ряда плодов, требующих особой сноровки. «Например, белая смородина огранивается таким образом: берут пластинки горного хрустала, плотно склеивают их мастикой и огранивают в форме ягоды; для того, чтобы ягода имела продольные прозрачные полоски, соответственно натуральной ягоде, обе половинки расклеивают, делают сферические вырезки и по ним вырезают желобки, затем снова склеивают обе половинки; там же, где должны быть остатки засохшей завязи, просверливают углубление, вставляют в него частичку яшмы или темного мрамора, а к другому полюсу ягоды приклеивают корешок. Княженика готовится из мелких шерлов: огранивают достаточное количество маленьких шариков из шерла и склеивают их мастикой. Малина белая делается из селенита, красная — из орлеца и всегда из цельного камня. Гранят эти ягоды на резной машинке особой шпилькой, имеющей на конце углубление; в него вставляется и огранивается камень, принимающий вследствие этого соответствующую выпуклость. Значительно больше труда затрачивается на изготовление клубники или земляники: здесь требуется тщательная разгранка каждого зернышка на поверхности ягоды, а также и подготовительные работы, например, резка, огранка вчерне, требуют большого внимания, чтобы не испортить весьма ценного материала» [Зверев, с. 42].

Самой сложной операцией при изготовлении ягодного пресс-папье считалась сборка. Ее удачное исполнение зависело не только от технических навыков, но и от художественного вкуса и искусства мастера. Перед работой мастер набрасывал абрис будущего произведения, на эскизе намечались места расположения плодов и веточек. После это приступали непосредственно к сборке: в намеченных

точках высверливали отверстия, закрепляли в них концы проволочек, к которым крепились листья и черешки. Работа требовала большой аккуратности, т. к. пятна мастики на ягодах сводили на нет всю работу по полировке ягод, а каменные черешки ягод исполнялись чрезвычайно тонкими [Зверев, с. 42].

Изящество и живость подобных предметов вызывала восхищение обозревателя выставки 1861 г.: «С каким искусством, с каким талантом изучены каждый плод, каждый листок, каждое зернышко! Вот малина, кажется, только что собранная; там вишни, кажется, совершенно свежие, а там опять смородина, подделанная с такой тонкостью, что каждое зернышко видно под прозрачную его кожицею» [Риан, с. 3]. Здесь же было отмечено, что на двух таких пресс-папье остановил свой выбор посетивший выставку император [Там же, с. 1]. Несколько ягодных пресс-папье были представлены в Париже в 1867 г.: нам известно, что за них просили 125, 150 и 200 рублей [Указатель, 1867, с. 39].

Экспонаты парижской витрины Стебакова заслужили положительную оценку французских конкурентов. Один из ведущих парижских резчиков Теодор Шритен так писал о ягодных пресс-папье: «сделанные очень тонко и хорошо вырезанные, эти предметы, отличающиеся своей красотой, исполнены безупречно, природа в них воспроизведена превосходно» [Chriten, p. 460].

Благодаря систематической работе по пополнению коллекций нового музея в Южном Кенсингтоне (ныне — музей Виктории и Альберта), мы располагаем образцом пресс-папье, приобретенным непосредственно из витрины Ивана Стебакова на Всемирной выставке в Париже в 1867 г. (инв. № 1001–1869). Перед нами — собранная на прямоугольной со скругленными углами накладке из черного мрамора, на основании с профилированными вертикальными гранями из темно-серой калканской яшмы композиция из ягод и листьев. В центре — желтая полупрозрачная слива из светлого сердолика. Вокруг с одной стороны — круглые вишни из сердолика красноватого оттенка, ягодки красной малины из орлеца (у каждой — чашелистик и стебелек из зеленого камня), под ними — листики малины. С другой — ягоды белой малины из селенита, кисточка оранжевого барбариса, по кисточке красной и белой смородины на зеленых смородиновых листьях. Белая смородина выполнена в характерной для уральских работ трудоемкой технике — с имитацией прожилок и черными хвостиками. Пресс-папье отличают значительные размеры (длина — 18,5 см) (ил. 1).

Чрезвычайно близкие по композиционному решению (с крупной светлой сливой в центре) пресс-папье время от времени встречаются в каталогах европейских аукционных домов. Так, в декабре 2009 г. такое пресс-папье (желтая слива, три вишни, четыре ягоды малины, веточка красной смородины дополнены в этом варианте ягодами и листьями крыжовника и белым цветочком; максимальный размер — 20 см) было продано в Женеве [Paperweight]. Десятью годами ранее в этом же городе был продан чрезвычайно интересный образец ягодного пресс-папье: меньший по размеру (длиной в 16,5 см), с более скромной композицией (вокруг центральной светлой сливы расположены три вишни, с одной стороны — пять ягод малины на соответствующих листьях, с другой — кисть черной смородины с парой листьев). Он находился в оригинальном футляре

с тиснением «Магазин Николая Лагутяева». Если вспомнить о существовавшей в Екатеринбурге практике перекупки предметов, то сходство работ, продававшихся в магазинах Стебакова и Лагутяева, будет выглядеть вполне закономерным. Любопытно, что на основании коробочки выполнена надпись: «Kronprinz Frederik von Danemark, 1866, 24 Dezember» [Portrait, p. 59]. Кронпринц Фредерик Датский стал королем в 1906 г., с Россией у него была тесная связь — сестра, принцесса Дагмара, в октябре 1866 г. стала супругой Александра III, императрицей Марией Федоровной. Известно, что кронпринц сопровождал сестру в Россию и, возможно, пресс-папье стало прощальным подарком, связанным с возвращением кронпринца в Данию (ил. 2).

Три рассмотренных пресс-папье обладают рядом сходных черт: набор ягод (слива, малина, смородина), характер компоновки (ягоды, произрастающие гроздьями, как смородины или барбарис, собраны в плотные кисти), композиция натюрморта проста, пирамидальность объема сформирована за счет разной величины разложенных на основании ягод.

В витринах выставок и магазина Стебакова внимание посетителей привлекали печати: выполненные в виде полированных многогранников, в виде голов лошадей, сапог (воспоминания Н. А. Белоголового [Злоказов, Семенов, с. 289]) из яшмы, агата, горного хрусталя [Риан, с. 3] и других прозрачных разновидностей кварцев. Так, в 1861 г. он предлагал посетителям Всероссийской выставки «печати из горного хрусталя, яшмы, топаза и других камней» по цене от 25 до 60 рублей [Указатель, 1861б, с. 137].

В 2011 г. на аукционе «Сотбис» в Лондоне [Desk] был продан уникальный лот: пара печатей, вырезанных из дымчатого кварца и горного хрусталя, в оригинальной коробке. Внутри футляра — этикетка с указанием изготовления на фабрике И. Стебакова и воспроизведением двух сторон медали Всероссийской выставки 1861 г. (ил. 3). Печати являются образцом так называемых «царских», с ручкой в виде шара: согласно переданной А. В. Калугиным легенде, такой вид печати появился после визита на Екатеринбургскую гранильную фабрику императора Александра I в 1824 г. [Семенов, 2003б, с. 300].

Не останавливаясь на этих широко распространенных типах, обратим более пристальное внимание на такое явление, как портретные бюсты на ручках печатей. Не имея более ранних и связанных с другими именами упоминаний об этом виде декора, позволим себе предположить, что именно Ивану Сергеевичу Стебакову пришла счастливая идея совместить утилитарную и просветительскую функции в одном предмете.

Подобный способ декора получил достаточно широкое распространение уже к концу 1880-х гг. В статистическом очерке о гранильном промысле на Урале П. Н. Зверев пишет о том, что печати с бюстами всегда делали «с моделей, если при этом не окажется модели, то сам мастер прежде лепит модель из воска с картинки или фотографии, а затем уже обтачивает камень на резном станке...» [Зверев, с. 12].

На петербургской выставке в 1861 г. Стебаков представил печати с бюстами Ермака, Михаила Романова, Владимира Мономаха и Ивана Сусанина [Риан, с. 1–2]. К сожалению, авторы статей, указывая материал — дымчатый кварц

и горный хрусталь, — не уточняют их соответствие персонажам, но приводят сведения о чрезвычайно высокой стоимости этих предметов: цены колебались от 100 до 800 рублей в зависимости от размера [Указатель, 1861б, с. 137].

Качество исполнения и высокий художественный уровень бюстов позволили екатеринбургскому купцу на следующей крупной выставке — Лондонской всемирной в 1862 г. — участвовать в «Изящном отделе» по классу «Скульптуры, модели и резьба». В этот раз были представлены бюсты из горного хрусталя, представляющие Ивана Сусанина, Ермака и царя Михаила Федоровича [Указатель, 1862, с. 231].

Уже упоминавшийся Т. Нокс сообщает, что в магазине «выставляли маленькие бюсты Императора и других высоких особ России, выполненные из хрусталя и топаза. Я видел прекрасные бюсты Ермака и старшего Демидова, оба из топаза. Среди прочих был представлен хрустальный бюст Луи-Наполеона, а его владелец рассказал мне, что он будет отправлен на Всемирную выставку. Узнав, что я американец, владелец показал мне наполовину законченный бюст мистера Линкольна и был рад узнать о высокой степени сходства. Бюст был вырезан из топаза и к завершению должен был быть около шести дюймов высотой» [Кнох, р. 572].

Действительно, на ближайшей ко времени посещения Ноксом Екатеринбурга Всемирной выставке — в Париже в 1867 г. — Стебаков оборудует витрину в классе «Обойное и декоративное дело». В ней была представлена обширная коллекция печатей с портретами, созданная с очевидным расчетом на место экспонирования. Так, наряду с хрустальными бюстами Рюрика и Владимира Мономаха, выточеными из дымчатого кварца портретами российских императора и императрицы (Александра II и Марии Александровны) и Ермака, были представлены и бюсты французских государей — императора Наполеона III (упомянутый Ноксом Луи-Наполеон) и императрицы Евгении [Указатель, 1867, с. 39].

К сожалению, мы не располагаем сведениями о том, какие именно изделия из горного хрусталя были представлены этой фирмой на всероссийской выставке 1870 г. в Петербурге.

Последней крупной выставкой, об участии в которой И. С. Стебакова есть информация, стала Венская всемирная выставка (1873). В списке экспонатов мы снова видим бюсты [Указатель, 1873, с. 112], однако более подробный состав экспонатов зафиксирован не был.

Таким образом, мы можем составить список печатей-бюстов, связанных с деятельностью фабрики И. С. Стебакова, проанализировать источники, послужившие прообразами для их моделей, рассмотреть сохранившиеся прямые аналоги и другие памятники этого вида камнерезных произведений.

Одним из первых персонажей, упоминаемых среди печатей-бюстов, выполненных фирмой И. С. Стебакова, стал Тимофей Ермак. Нам известны два иконографических типа изображения покорителя Сибири, воспроизведенные в бюстах-печатах. К сожалению, мы не знаем, какие именно из них были представлены в витрине екатеринбуржца в 1861, 1862 и 1867 гг.

Один из них, представленный в варианте из горного хрусталя в собрании Музея истории камнерезного и ювелирного искусства (Екатеринбург),

восходит к широко растиражированному поясному портрету Ермака в мягкой шапке (ил. 4), работы неизвестного художника XVIII в., распространенному, в том числе, в гравюре И. Розонова (1821–1824) [Бекетов, с. 27]. Аналогичное изображение, но из дымчатого кварца, хранится в коллекции музея-поместья Хиллвуд (Вашингтон).

Второй вариант изображения — портрет бородатого мужчины, в дольчатом шлеме с наушниками, одетого в кольчугу с короткими рукавами, богатым декором горловины и краев рукавов, с круглой медалью с изображением орла на груди. В этой иконографии исполнены бюсты на печатях из Музея естественной истории в Чикаго, из Хиллвуда и проданной в 2006 г. в Нью-Йорке на аукционе «Сотбис» (обращает на себя размер этой печати — 16,5 см в высоту). Образцом этих бюстов послужил офорт «Ермак Тимофеевич, завоеватель Сибири» М. Богучарова и М. А. Иванова с рисунка К. П. Брюллова по проекту А. Н. Оленина, опубликованный в 1821 г. в книге «Летопись сибирская» [Летопись, обложка].

Обращаются резчики мастерской и к другому чрезвычайно популярному во второй половине XIX в. персонажу русской истории. Дважды — в 1861 и в 1862 гг. — в число выставочных образцов были включены изображения Ивана Сусанина. Известно три аналогичных печати, на которых герой запечатлен в момент совершения крестного знамения (ил. 5). Два, выполненных из дымчатого кварца, хранятся в музейных собраниях (Музей поместья Хиллвуд, США, и Нижнетагильский музей-заповедник). Еще одно, из горного хрусталя, находится в частной коллекции.

Значительно обширнее в палитре печатей-бюстов были представлены царственные особы. К парижской выставке Стебаков подготовил изображения двух царствующих императорских пар. Печать с бюстом Александра II выявлена в собрании Музея истории камнерезного и ювелирного искусства (Екатеринбург) (ил. 6). Бюсты французских правителей, представленные Стебаковым на Всемирной выставке в Париже в 1867 г., мы находим среди лотов нью-йоркского аукциона «Сотбис» в 2004 г. Перед нами — вырезанные из темного дымчатого кварца бюсты-печати, тщательно смоделированные с применением характерного приема сочетания матированной и полированной поверхности, тончайшей резьбой (плиссированная наколка в волосах императрицы). На матрицах — выполненные кириллицей монограммы (ил. 7). Печати ранее входили в коллекцию принца Александра Дона цу Шлобиттена, где, вероятно, они приобрели позолоченные плиты и основания из черного мрамора. В результате последней продажи, печати вошли в собрание Русского национального музея, откуда были перемещены в Музей Фаберже (Баден-Баден). В этом собрании они обрели странную и ничем не подтвержденную атрибуцию работ фирмы Фаберже [Иванов, с. 54–55].

Два чрезвычайно интересных образца были обнаружены в фондах музея-заповедника «Павловск» в 2011 г. Благодаря публикации первого материала о печатях-бюстах [Будрина, 2011] и на основании атрибуционных предположений, высказанных в ходе знакомства с фондами музея, старший научный сотрудник этого музея О. К. Баженова в 2012 г. опубликовала статью с новыми

сведениями о работах [Баженова, 2012а]. Новые атрибуции [Баженова, 2012б, с. 144–145], отчасти опирающиеся на описания рабочего кабинета Александра II, составленные после кончины императора, называют изображенных персонажей царями Михаилом Федоровичем и Алексеем Михайловичем. Идентификация изображенных вызывает ряд вопросов, связанных с условностью портретов царствующих особ допетровского времени.

Особенностью этих бюстов являются сохранившиеся пьедесталы из калканской яшмы. Эта деталь может служить еще одним важным аргументом в пользу авторской атрибуции бюстов. В одном из описаний витрины Стебакова мы читаем: «В этой выставке много печатей, бюстов, то из раухтопаза, то гладких и прозрачных, то матовых полупросвечивающих; часто пьедестал из одного, а бюст из другого камня — но все красиво и отлично исполнено» [Промышленность, с. 49].

Прием сочетания разных материалов для основного предмета и пьедестала был использован и для предметов более демократичной части ассортимента магазина Стебакова. Основная масса продукции представляла собой произведения, выполненные из твердых пород камня: яшм, агатов, кварцев. «Взгляните на эти маленькие шкатулки, составленные из бесчисленного множества разноцветных камней, с невероятным вкусом и отчетливостью», — призывал обозреватель выставки 1861 г. [Риан, с. 3]. На этой выставке можно было полюбоваться и вазочками из яшмы [Отчеты, с. 52], агата, горного хрусталя (по 50 и 175 рублей). Приобрести шкатулки из яшмы (70 рублей), табакерки из яшмы и кварца (по 15 рублей), пресс-папье из яшмы (60 рублей) [Указатель, 1861б, с. 137].

В Париже в 1867 г. были представлены подсвечники из кварца, агата и калканской яшмы и ваза из горного хрусталя на яшмовом пьедестале [Указатель, 1867, с. 39]. Пример такого рода сочетания дают нам вазы из яшмы из собрания музея-заповедника «Петергоф». Очевидная аналогия пьедесталов этих предметов с пьедесталами печатей-бюстов из собрания Павловска позволяет с высокой долей вероятности предположить, что и петергофские вазы были созданы в мастерской И. С. Стебакова (ил. 8).

Оценка художественных качеств продукции фабрики И. С. Стебакова неоднозначна. На выставках он получает награды. Л. Риан, корреспондент «Указателя выставки изделий русской промышленности 1861 г.» замечает, что «никогда эта порода камней не попадалась в более опытные руки» [Риан, с. 3]. Ему вторит М. Я. Киттара в «Обзрении» той же выставки: «вещи... изящны — отлично обделаны» [Обозрение, с. 48]. Автор заметки в «Журнале мануфактур и торговли» разделяет это мнение: «Чего нет в этой выставке! Вещи, правда, мелки, но изящны — отличной отделки» [Промышленность, с. 49].

Обозреватель из Лиона, подготовивший специальный отчет о минералах и производных из них на Всемирной выставке в Париже в 1867 г., замечает: «У господина Стебакова на Марсовом поле одна из самых красивых витрин русского отдела» [Noguès, p. 593].

Иную оценку произведениям, представленным в магазине Стебакова дает Николай Александрович Белоголовый в своих «Воспоминаниях» (стоит заметить, что опубликованы они были более чем через 30 лет после посещения

Екатеринбурга, состоявшегося весной 1866 г.): «...надо удивляться тому безвкусию и рутинности, с которой производится все поделки из превосходного материала, подаваемого Уралом, все делается по адамовским образцам, все те же печати в виде бутылочек, конских голов, сапогов и проч.» (воспоминания Н. А. Белоголового [Злоказов, Семенов, с. 289]). Можно предположить, что «стандартный» ассортимент магазина отличался от лучших образцов, исполняемых для выставок.

При столь отличных мнениях обозревателей большую ценность представляет оценка, данная французским граничником и камнерезом Теодором Шретеном в его книге «Научный трактат о камнерезном деле», увидевшей свет в конце 1860-х гг. Рассматривая выставленные И. С. Стебаковым на Всемирной выставке в Париже в 1867 г. произведения, Шретен отмечает пропорциональность, безупречность исполнения предметов, заключая свой анализ работ выводом: «После тщательного рассмотрения работы русских камнерезов, большинство из них следует причислить к подлинным художникам» [Chriten, p. 461].

Баженова О. К. К вопросу об атрибуции двух бюстов русских царей из горного хрусталя из собрания ГМЗ «Павловск» // Кучумов. К 100-летию со дня рождения. Атрибуция, история и судьба предметов из императорских коллекций. СПб., 2012а. С. 81–88. [Bazhenova O. K. K voprosu ob atributsii dvukh byustov russkikh tsarey iz gornogo khrustalya iz sobraniya GMZ «Pavlovsk» // Kuchumov. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya. Atributsiya, istoriya i sudba predmetov iz imperatorskikh kollektiy. SPb., 2012. S. 81–88.]

Баженова О. К. Т. XIII. Изделия из цветного камня второй половины XVIII–XX веков в собрании ГМЗ «Павловск». СПб., 2012б. 196 с. [Bazhenova O. K. T. XIII. Izdeliya iz tsvetnogo kamnya vtoroy poloviny XVIII–XX vekov v sobranii GMZ «Pavlovsk». SPb., 2012. 196 s.]

Бекетов П. В. Собрание портретов россиян знаменитых. Ч. 1. М., 1842. [Beketov P. V. Sobraniye portretov rossiyan znamenitykh. Ch. 1. M., 1842.]

Будрина Л. А. Династия камнерезов Суминых: от гранильщика императорской фабрики до поставщика императрицы // Поставщики Императорского двора : материалы XIX Царскосельской науч. конф. СПб., 2013а. С. 50–58. [Budrina L. A. Dinastiya kamnerezov Suminykh: ot granilshchika imperatorskoy fabрики do postavshchika imperatritsy // Postavshchiki Imperatorskogo dvora : materialy XIX Tsarskoselskoy nauch. konf. SPb., 2013. S. 50–58.]

Будрина Л. А. Парижская школа камнерезного дела в I трети XIX века и заказы Н. Н. Демидова // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2. Гуманитар. науки. 2013б. № 1 (111). С. 5–19. [Budrina L. A. Parizhskaya shkola kamnereznogo dela v I tret'i XIX veka i zakazy N. N. Demidova // Izv. Ural. feder. un-ta. Ser. 2. Gumanitar. nauki. 2013. № 1 (111). S. 5–19.]

Будрина Л. А. Скульптура из горного хрусталя: традиции европейского Возрождения в камнерезном искусстве Урала // Ювелирное искусство и материальная культура : тез. докл. участников девятнадцатого colloquiuma (18–21 апреля 2011). СПб., 2011. С. 12–15. [Budrina L. A. Skulptura iz gornogo khrustalya: traditsii yevropeyskogo Vozrozhdeniya v kamnereznom iskusstve Urala // Yuvelirnoye iskusstvo i materialnaya kultura : tez. dokl. uchastnikov devyatnadsatogo kollokviuma (18–21 aprelya 2011). SPb., 2011. S. 12–15.]

Всероссийская мануфактурная выставка 1870 г. СПб., 1870. 320 с. [Vserossiyskaya manufakturnaya vystavka 1870 g. SPb., 1870. 320 s.]

Зверев П. Н. Гранильный промысел на Урале. Екатеринбург, 1887. 94 с. [Zverev P. N. Granilnyy promysel na Urале. Yekaterinburg, 1887. 94 s.]

1. Пресс-папье. До 1867 г.
Яшма, селенит, кварц, родонит, коралл,
сердолик, офит

2. Пресс-папье. До 1866 г.
Яшма, поделочные камни

3. «Царские» печати. 1860–1870-е гг.
Дымчатый кварц, горный хрусталь

4. Печать с бюстом Ермака.
1860–1870-е гг. Горный хрусталь

5. Печать с бюстом Ивана Сусанина.
1860–1870-е гг. Дымчатый кварц

6. Печать с бюстом
Александра II. 1860–1870-е гг.
Горный хрусталь

7. Печати с бюстами императора Наполеона III
и императрицы Евгении. 1862 г. Дымчатый кварц,
золоченая бронза, мрамор

8. Парные вазы. 1860–1870-е гг. Яшмоид, калканская яшма

Злоказов Л. Д., Семенов В. Б. Старый Екатеринбург: Город глазами очевидцев. Екатеринбург, 2000. 608 с. [Zlokazov L. D., Semenov V. B. Staryy Ekaterinburg: Gorod glazami ochevidtsev. Yekaterinburg, 2000. 608 s.]

Зорина Л. И. Уральское общество любителей естествознания. 1870–1929. Из истории науки и культуры Урала // Уч. зап. Свердловского областного краеведческого музея. Т. 1. Екатеринбург, 1996. 205 с. [Zorina L. I. Uralskoye obshchestvo lyubiteley yestestvoznaniya. 1870–1929. Iz istorii nauki i kultury Urala // Uch. zap. Sverdlovskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya. T. 1. Yekaterinburg, 1996. 205 s.]

Иванов А. Н. Искусство Фаберже : каталог выставки. Кострома, 2010. 180 с. [Ivanov A. N. Iskusstvo Faberzhe : katalog vystavki. Kostroma, 2010. 180 s.]

Ирбитский ярмарочный листок. № 5. 1863. 8 февраля. [Irbitskiy yarmarochnyy listok. № 5. 1863. 8 fevralya.]

Калугин А. В. История развития Урала в минералогическом отношении. 1931 (рукопись, ГАСО, ф. р-1918, оп. Д. 380). Цит. по: Зайцев Г. Б. Ювелирное искусство дореволюционного Екатеринбурга. Екатеринбург, 2000. 112 с. [Kalugin A. V. Istoriya razvitiya Urala v mineralogicheskom otnoshenii. 1931 (rukopis, GASO, f. r-1918, op. D. 380). Tsit. po: Zaytsev G. B. Yuvelirnoye iskusstvo dorevolutsionnogo Ekaterinburga. Yekaterinburg, 2000. 112 s.]

Кропоткин П. А. Дневники разных лет. М., 1992. 464 с. [Kropotkin P. A. Dnevniky raznykh let. M., 1992. 464 s.]

Летопись сибирская, содержащая повествование о взятии Сибирской земли Русскими, при Царе Иоанне Васильевиче Грозном; с кратким изложением предшествовавших оному событий. Издана с рукописи XVII века. СПб., 1821. [Letopis sibirskaya, sodержashchaya povestvovaniye o vzyatii Sibirskoy zemli Russkimi, pri Tsare Ioanne Vasilyeviche Groznom; s kratkim izlozheniyem predshestvovavshikh onomu sobyitiy. Izdana s rukopisi XVII veka. SPb., 1821.]

Мельников М. Обработка цветных камней в Екатеринбурге; современное состояние этого промысла и его будущее // Горный журнал. 1885. Т. 2, май. С. 176–196. [Melnikov M. Obrabotka tsvetnykh kamney v Ekaterinburge; sovremennoye sostoyaniye etogo promysla i yego budushcheye // Gornyy zhurnal. 1885. T. 2, may. S. 176–196.]

Микитюк В. П. Иван Константинович Афиногенов // Главы городского самоуправления Екатеринбурга: Исторические очерки. 2-е изд., доп. Екатеринбург, 2008. 248 с. [Mikityuk V. P. Ivan Konstantinovich Afinogenov // Glavy gorodskogo samoupravleniya Ekaterinburga: Istoricheskiye ocherki. 2-e izd., dop. Yekaterinburg, 2008. 248s.]

Обозрение Санктпетербургской выставки русской мануфактурной промышленности 1861 года / сост. М. Я. Киттары. М., 1861. 330 с. [Obozreniye sanktpeterburgskoy vystavki russkoy manufakturnoy promyshlennosti 1861 goda / sost. M. Ya. Kittary. M., 1861. 330 s.]

Отчеты экспертных комиссий о выставке мануфактурных произведений в С. Петербурге в 1861 г. Подробный список наград, присужденных экспонентам (из журнала «Промышленность»). СПб., 1862. 113+42 с. [Otchety ekspertnykh komissiy o vystavke manufakturnykh proizvedeniy v S. Peterburge v 1861 g. Podrobnyy spisok nagrad, prisuzhdennykh eksponentam (iz zhurnala «Promyshlennost»). SPb., 1862. 113+42 s.]

Промышленность (журнал мануфактур и торговли). Кн. 9. СПб., 1863. [Promyshlennost (zhurnal manufaktur i trgovli). Kn. 9. SPb., 1863.]

Пузыревский П. Список членов императорского С-Петербургского минералогического общества. СПб., 1867. Сведения сообщены членом РМО М. Морозовым [Puzyrevskiy P. Spisok chlenov imperatorskogo S-Peterburgskogo mineralogicheskogo obshchestva. SPb., 1867.]

Риан Л. Горный кристалл. Сибирские камни. Малахит, топаз и другия // Указатель выставки изделий русской промышленности в С.-Петербурге. СПб., 1861. № 14, 15 июля. С. 1. [Rian L. Gornyy kristall. Sibirskiy kamni. Malakhit, topaz i drugiya // Ukazatel vystavki izdeliy russkoy promyshlennosti v S.-Peterburge. SPb, 1861. № 14, 15 iyulya. S. 1.]

Сведения предоставлены В. П. Микитюком [Svedeniya predostavleny V. P. Mikityukom]

Семенов В. В., Тимофеев Н. И. Екатеринбургская гранильная фабрика: 1861–1917. Екатеринбург, 2003а. 496 с. [Semenov V. V., Timofeyev N. I. Yekaterinburgskaya granilnaya fabrika: 1861–1917. Yekaterinburg, 2003. 496 s.]

Семенов В. В., Тимофеев Н. И. Екатеринбургская камнерезная и антиковая фабрика: 1805–1861. Екатеринбург, 2003. 752 с. [Semenov V. V., Timofeyev N. I. Yekaterinburgskaya kamnereznaya i antikovaya fabrika: 1805–1861. Yekaterinburg, 2003. 752 s.]

Семенова Е. В. Екатеринбургская история. Екатеринбург, 2008. 590 с. [Semenova Ye. V. Yekaterinburgskaya istoriya. Yekaterinburg, 2008. 590 s.]

Список наград, присужденных международным судом экспертов экспонентам Русского отдела Венской всемирной выставки 1873 года. [СПб., б. г.] б. н. [Spisok nagrad, prisuzhdennykh mezhdunarodnym sudom ekspertov eksponentam Russkogo otdela Venskoj vseмирной vystavki 1873 goda. [SPb., b. g.] b. n.]

Статистические сведения о фабриках и заводах экспонентов, получивших награды на мануфактурной выставке в 1861 г. СПб., 1862. 156 с. [Statisticheskiye svedeniya o fabrikakh i zavodakh eksponentov, poluchivshikh nagrody na manufakturnoy vystavke v 1861 g. SPb., 1862. 156 s.]

Сургутская Б. С. Екатеринбургская гранильная фабрика и А. И. Лютин (1840–1884). Дипл. раб. УрГУ. Ленинград ; Свердловск, 1972. 123 с. [Surgutskaya B. S. Yekaterinburgskaya granilnaya fabrika i A. I. Lyutin (1840–1884). Dipl. rab. UrGU. Leningrad ; Sverdlovsk, 1972. 123 s.]

Указатель выставки изделий русской промышленности в С.-Петербурге. СПб., 1861а. № 2, 6 июня. [б. н.] [Ukazatel vystavki izdeliy russkoj promyshlennosti v S.-Peterburge. SPb., 1861. № 2, 6 iyunya. [b. n.]]

Указатель русского отдела Венской всемирной выставки 1873 г. СПб., 1873. 176 с. [Ukazatel russkogo otdela Venskoj vseмирной vystavki 1873 g. SPb., 1873. 176 s.]

Указатель русского отдела Всемирной выставки 1862. London, 1862. б. н. [Ukazatel russkogo otdela Vseмирной vystavki 1862. London, 1862. b. n.]

Указатель русского отдела Парижской всемирной выставки 1867 г. СПб., 1867. 286 с. [Ukazatel russkogo otdela Parizhskoy vseмирной vystavki 1867 g. SPb., 1867. 286 s.]

Указатель С.-петербургской выставки русских мануфактурных произведений 1861 г. СПб., 1861б. 168 с. [Ukazatel S.-peterburgskoy vystavki russkikh manufaktu rnykh proizvedeniy 1861 g. SPb., 1861. 168 s.]

Catalogue officiel des exposants recompenses par le jury international / Exposition universelle de 1867 a Paris. Paris, [1867]. [s. n.]

Chevalley S. La tournée de Rachel en Russie (1853–1854) // Revue d'Histoire du Theatre. 1958, IV, Octobre-December. Paris, 1858. P. 327–355.

Chriten Th. Traité scientifique de l'art du lapidaire. Paris ; Meulan, [ca 1860]. 491 p.

Desk Seal [Electronic resource]. URL: <http://www.sothebys.com/ru/catalogues/ecatalogue.html/2011/russian-works-of-art-faberg-and-icons#/r=ru/ecat.fhtml.L11116.html+r.m=ru/ecat.lot.L11116.html/622/> (accessed: 15.06.2010).

Knox Th. W. Overland Through Asia: Pictures of Siberian, Chinese, and Tatar Life. New York, 1870. 608p.

Kokscharov N. Materialien zur mineralogy Russland. St.-Petersburg, 1858. 394 p.

Noguès A. F. La minéralogie et la minéralurgie a l'exposition universelle de Paris en 1867 // Annales de la société impériale d'agriculture, histoire naturelle et arts utiles de Lyon. Quatrième série, Tome premier, 1868. Lyon, Paris, 1869. P. 545–878.

Official catalogue of the Fine Art Department. International exhibition, 1862. London, 1862.

Portrait miniatures, Gold Boxes and objects of Vertu, Russian works of art and Faberge. Geneva, 1989. 108p.

Paperweight with «pietra dura» [Electronic resource]. URL: <http://www.kollerauktionen.ch/fr/asp/fullCatalogue.asp?salelot=A146++++1398+&refno=++398651&saletype> (accessed: 15.06.2010).

Succession de Melle Rachel. Catalogue des objets mobiliers dépendant de la succession de Melle Rachel. Paris, 1858. 42 p.

Статья поступила в редакцию 28.02.2014 г.

УДК 792.54 Чайковский

А. Л. Макарова

МИФ О ЖАННЕ Д'АРК КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ОПЕРЫ П. И. ЧАЙКОВСКОГО «ОРЛЕАНСКАЯ ДЕВА»

В статье рассматриваются интерпретации личности и судьбы Жанны д'Арк в европейском искусстве XV–XIX вв., прослеживаются этапы перехода этой исторической героини в мифологический статус. Исходя из этого, определяется характер взаимодействия оперы П. И. Чайковского «Орлеанская дева» с семантическим полем, сформировавшимся вокруг образа Жанны к 70-м гг. XIX в. Особое внимание уделяется музыкальным произведениям о национальной героине Франции, оценивается возможность и степень их влияния на музыкальный текст и концепцию произведения П. И. Чайковского. В заключении делается вывод о том, что «Орлеанская дева» вписывается в сакрализующую тенденцию в трактовке образа Жанны д'Арк.

Ключевые слова: Чайковский; Жанна д'Арк; «Орлеанская дева»; исторический миф; сакрализация; развенчание; историко-патриотическая трактовка.

Жизнь Жанны д'Арк — одна из самых ярких и необычных страниц в истории Франции. Наряду с патриотическими подвигами есть еще более удивительная для современников и потомков сторона ее жизни — обильная эманация сверхъестественной энергии, которой определялся склад личности и поступки Жанны.

С. С. Оболенский дает многоаспектное определение сущностных свойств девы из Домреми, сочетание которых способствовало ее жизни в веках: «... Все то, что разделилось в нашем мире и преступно восстало друг против друга — самозабвение в Боге и творчество на земле, утверждение реальности Духа и оправдание естественной реальности, мистическая жизнь Церкви и правда светского дела, монархическая этика служения и героический прорыв к свободе, величие национального подвига и жажда вселенской справедливости, — все это дано как единое целое в серафической святости Жанны д'Арк» [Оболенский, с. 477]. Имеющиеся лакуны в интерпретации ее деятельности стали для последующих поколений благодатной почвой, которая взрастила пышно цветущее древо мифа об Орлеанской деве. На наш взгляд, неоценимый вклад в этот процесс внес и П. И. Чайковский, который средствами музыкального искусства представил Жанну д'Арк в мистическом ореоле святости.

Земной путь Жанны д'Арк завершается в пламени костра, но, по мнению Бернарда Шоу [Шоу], для человечества история Жанны не заканчивается казнью, а начинается с нее. После реабилитации¹ в 1452 г. волна ее народного почитания как святой и интереса к ней как к исторической личности постоянно нарастала.

Наша задача — реконструировать семантическое поле, которое сформировалось вокруг образа национальной героини Франции к 70-м гг. XIX в.,

¹ Судебный процесс, результатом которого стало снятие с Жанны обвинений в ереси.

и подтвердить гипотезу о том, что оно могло быть объективным фактором, воздействующим на сознание П. И. Чайковского как субъекта европейской культуры того времени. Рассматривая жизнь образа Жанны в «большом времени», мы будем опираться на факты, изложенные в иностранных и русскоязычных научных работах об Орлеанской деве, из которых особого внимания заслуживают семисотстраничная «*Le mistère du siege d' Orleans*» («Мистерия об осаде Орлеана»), изданная в Париже в 1875 г. [*Le mistère*], а также монографии, принадлежащие С. С. Оболенскому [Оболенский], Е. Эсоно [Эсоно], Р. Перну и М.-В. Клэн [Перну, Клэн].

Траектория пути Жанны д'Арк сквозь пространство истории культуры, на наш взгляд, включает четыре этапа. Первый этап начинается с ее появления перед современниками и завершается к середине XVII в. За это время образ Орлеанской девы стал символом добродетели, самопожертвования, любви к Родине и преданности королю. Именно тогда возникла и достигла апогея сакрализирующая трактовка образа Жанны, что ярче всего проявилось в культурной жизни первой половины XVII в., создавшей прецедент локальной канонизации Жанны в епархиях Лангра и Орлеана. Начиная с первого литературного памятника — поэмы Кристины Пизанской [Эсоно, с. 41; Оболенский, с. 262–263], авторы произведений всех видов искусства на протяжении более чем двух столетий стремились возвеличить и прославить героиню Франции.

Необходимо также отметить, что уже в XV и XVI вв. мы видим формирование оппозиционной развенчивающей тенденции изображения героини. Ярче всего она представлена в историческом труде Жирара дю Айана «О состоянии дел во Франции» (1570). Этот автор «придерживается своего собственного мнения, подвергая сомнению чудодейственный аспект миссии Жанны, и повторяет слухи, пришедшие из-за Ла-Манша (т. е. из Англии. — А. М.), по которым Жанна была любовницей либо Дюнуа, либо Бодрикура, либо Потона (де Сентрайля. — А. М.)» [Перну, Клэн, с. 390]. Интерпретация Айана порождает мощную волну протеста в научной и художественной среде. В 1580 и 1581 гг. появляется пьеса Жана Жансона из города Нанси [*Le mistère*, р. 785] либо иезуита Фронтон де Дюка [Перну, Клэн, с. 398] под названием «Трагическая история девственницы из Домреми». Трагедия содержит Пролог, направленный против искажающих истину и подвергающих сомнению честь Девы. Жанна — «посланница неба, сколь бы необразованна она ни была, нет каких-либо мирских причин, движущих ею» [*Le mistère*, р. 788].

Принцип развенчания девы вновь дает о себе знать в первой части драмы Шекспира «Генрих VI» [Шекспир], созданной в 1592 г. Иоанна в драме Шекспира предстает не только тщеславной распутницей, но и колдуньей, которой помогают силы ада (Акт V, Сцена 3). На наш взгляд, изображение Жанны логично согласуется с идеей произведения, пафос которого в том, что придворные игры главнокомандующих привели великую английскую армию к тому, что над ней смогла одержать несколько побед ничтожная крестьянская девица с командой своих любовников. Среди сочинений, представляющих развенчивающую тенденцию, это своеобразный крайний полюс. И все же необходимо отметить, что

негативное мнение о Жанне в рассматриваемый исторический период не может соперничать с господствующим благоговейным отношением к ней.

Новым словом в трактовке образа французской национальной героини стало произведение аббата д'Обиньяка «Орлеанская дева. Трагедия в прозе сообразно исторической истине и требованиям театра» (1642). Это первое произведение, в котором вводится сюжетный мотив земной любви Жанны, поданный в лирическом ключе. Тем не менее, пьеса не только не имела успеха, но и спровоцировала скандал. Такое отношение к памяти Жанны говорит о том, что французы первой половины XVII в. не хотели низводить ее с пьедестала и не были готовы к тому, чтобы допустить в ней хотя бы малейшую человеческую слабость.

В первой половине XVII столетия возникает еще несколько театральных произведений, посвященных деве из Домреми, в которых ее история подвергается изменениям, достаточно далеким от исторической достоверности, но вместе с тем не выходящим за пределы характерного для этого времени стремления возвеличить и прославить Орлеанскую деву. По-видимому, цель драматургов — не следование исторической истине, а создание одного из вариантов легенды. Данные произведения свидетельствуют о том, что в сознании художников XVII в. Жанна стала восприниматься не столько как историческая личность, сколько как национальный миф, который может подвергаться различным трактовкам.

Второй этап жизни героини в пространстве европейской культуры — с середины XVII до 60-х гг. XVIII в. Он отмечен спадом интереса к образу Жанны, достигшего высшей точки своего развития — святости. Это свойство стало своеобразной аксиомой, превратившись в константу национального менталитета.

Третий этап — вторая половина XVIII в. В контексте идеологической подготовки французской революции XVIII в. в искусстве того времени господствующую роль приобретает именно развенчивающая тенденция. Знаковым для данного этапа произведением стала изданная в 1775 г. «Орлеанская девственница» Вольтера [Вольтер], которая была необычайно популярна у свободомыслящих современников не в последнюю очередь из-за своих художественных достоинств: искрометного юмора, колоритности языка, насыщенности остроумно поданными античными аллюзиями и интертекстуальными связями. В исследовательской литературе это сочинение характеризуется как сокрушительная сатира на цивилизацию Средневековья.

Иоанна у Вольтера — пышнотелая красotka с весьма невысокими умственными способностями. Причина, по которой эта девушка выбрана на роль спасительницы Франции, — ее телесная невинность. Иоанна жизнелюбива, шаловлива и влюблена, ее действия по освобождению родины перемежаются с фантастическими приключениями и амурными похождениями. Не удивительно, что такое изображение героини и ее миссии звучало дерзкой клеветой для тех, кто по-прежнему воспринимал ее как священный символ. Р. Перну и М.-В. Клэн отмечают: «Другие великие авторы писали о Жанне, не постигая ее натуры; они видели в ней лишь орудие политической игры» [Перну, Клэн,

с. 398]. К сожалению, исследователи не конкретизируют, кого они имеют в виду, но констатируют, что Дева была «смешана “философами” с грязью».

Четвертый этап бытия образа Жанны д'Арк в «большом времени» — XIX в. Он стал новым витком спирали, наследующим принципы первого этапа с учетом исторического опыта и изменившихся условий. С. С. Оболенский выделяет это время как момент нового открытия Жанны для европейского сознания. Обозревая биографические и художественные произведения прошлых времен, причем не только XVIII в., он видит в них, за редчайшими исключениями, «периодически повторяющиеся попытки устранить ее мистериальность и “размагнитить” ее миф» [Оболенский, с. 472]. Мы не можем с этим согласиться, т. к. количество и общественное значение памятников литературы и искусства, исполненных преклонения перед Девой из Домреми, на наш взгляд, говорят о приоритете сакрального восприятия этой необыкновенной личности. Произведения и труды, на которые опирается Оболенский, рассматривались нами в рамках развенчивающей тенденции. Мы совершенно согласны с исследователем в том, что авторами этих работ руководило желание если не принизить богоизбранность Жанны, то по крайней мере редуцировать это явление к какой-либо удобовоспринимаемой рациональной схеме — монархической, патриотической, клерикальной и т. д. Поэтому, руководствуясь рационалистическими предпосылками, побуждающими к поиску полной ясности через обращение к историческим первоисточникам, XIX в. неожиданно для себя открывает подлинную Жанну: «с каждым вновь обнаруженным документом из-под пластов, нанесенных тупоумием или сознательной клеветой, все отчетливее вырисовывался образ лучезарной девочки, совершенно человеческой и совершенно Божией» [Оболенский, с. 472].

Во Франции стремление вычеркнуть Жанну из коллективного сознания соотечественников сменилось теперь горячим признанием ее заслуг и стремлением воздать подобающие почести, компенсирующие недавнее пренебрежение. В 1855 г. архиепием Дюпанлу произнес панегирик с просьбой причислить деву к лику святых, а в 1869 г. он публично заявил о своем намерении поставить в Риме вопрос о ее канонизации. Такой шаг иерарха свидетельствовал об уровне, которого достиг процесс реабилитации Жанны в национальном менталитете французов: через 66 лет после революционных событий общество было готово увидеть ее и в сонме святых, и в пантеоне национальных героев, хотя формально канонизация произошла значительно позже (16 мая 1920 г.).

Последователи романтизма, будучи приверженцами традиционного с а к р а л и з у ю щ е г о взгляда на историю Девы, проявляли стойкий интерес к Средним векам, обращаясь к документам, освещающим события прошлого. Казимир Делавинь, видный французский поэт и драматург, написал в 1819 г. два стихотворения — «Жизнь Жанны д'Арк» и «Смерть Жанны д'Арк», имевшие большой успех. Они стали первыми художественными произведениями о Жанне, с которыми познакомился П. И. Чайковский в семилетнем возрасте. По свидетельству Модеста Ильича Чайковского [Чайковский М. И., с. 35], стихи Делавиня произвели столь сильное впечатление на его брата, что он включил их в свою детскую стихотворную поэму о национальной героине Франции.

Во второй половине столетия вышли в свет еще несколько важных биографических работ о Жанне д'Арк. Для Анри Валлона, автора двухтомного труда «Жанна д'Арк» (1860), характерно религиозное убеждение в том, что откровения Девы исходили от Бога. Для П. И. Чайковского во время работы над оперой «Орлеанская дева» книга Валлона была главным источником исторических и биографических сведений о героине Франции. В 1868 г. историк Мариус Сене опубликовал свою «Жанну д'Арк», имевшую большой успех и выдержавшую двадцать пять переработанных изданий. Труд отца Ороля «Жанна д'Арк на алтаре» (1885) положил начало работам, причисляющим Орлеанскую деву к лику святых.

Не менее важным событием в культурной жизни того времени стала публикация в 1862 г. «Мистерии об осаде Орлеана» — интереснейшего художественного памятника XV в. В «Мистерии», по данным французских исследователей Режиана Перну и Мари-Вероник Клэн [Перну, Клэн, с. 398], насчитывается 20 529 стихов и более ста персонажей, среди которых, наряду с историческими лицами, мы видим Бога, Богородицу, святого Михаила, а также святых Эверта и Эньяна, покровителей Орлеана. Весьма показательна история написания этого уникального памятника [Le mistère, p. VII—VIII], т. к. в ней отражен интересующий нас феномен сакрализации исторического события.

8 мая 1429 г., в самый день снятия осады с Орлеана, объединившее всех торжество победы нашло выражение в стихийно возникшей процессии с участием Жанны, воинов, духовенства, буржуа и народа. В течение следующих шести лет этот исторический день отмечался шествием с изображениями святых — защитников города — и горящими восковыми свечами, т. е. празднование носило прежде всего религиозный, а не гражданский характер. С течением времени стали возникать идеи разнообразить церемонию с помощью зрелищ и различных увеселений, согласующихся со смыслом праздника. Таким зрелищем и стала «Мистерия об осаде Орлеана», которая неоднократно ставилась силами жителей города, о чем свидетельствуют отчеты города за 1435 и 1439 гг. и документы 1446 г. [Le mistère, p. XI]. Обращает на себя внимание тот факт, что анонимный автор «Мистерии» не стремился представить на сцене ни последующие битвы с англичанами, ни коронацию в Реймсе. Историко-патриотический мотив снятия осады по значению успешно конкурирует с сюжетной линией освободительницы Орлеана.

История Жанны в произведении завершается ее призывом сохранить память об избавлении города от врагов и ежегодно отмечать этот день празднествами и процессиями. Очевидно, что дальнейшая судьба героини мало занимает автора. Тем не менее, выбор самого жанра мистерии для сценического действия на светский сюжет (впервые в истории этого жанра!), серьезность тона в высказываниях действующих лиц, отсутствие комических бытовых эпизодов, традиционных для мистерий того времени, — все это свидетельствует о том, что создателю произведения была необходима возможность выразить не только гражданственный, но и нравственный пафос событий.

Стремление к этому проявляется в пьесе весьма разнообразно. Так, в межнациональный конфликт французов и англичан вводится религиозный

мотив — на пути к Орлеану британские солдаты грабят церковь Нотр-Дам де Клери, вследствие чего их поражение воспринимается как наказание за кощунство. Французы, в отличие от своих врагов, находятся под покровом высших сил, о чем свидетельствуют развернутые сцены на небесах, введенные в ткань пьесы. Образ Жанны также решен в нравственно-религиозном ключе. Она — воплощение не только любви к Родине, но и кроткого милосердия к врагам, благочестия и веры, которые вознаграждаются победой и воинской славой.

Ученые Ф. Гессар и Э. де Сертен, осуществившие критическое издание текста, отмечают обилие художественной и научно-популярной литературы о Жанне, предлагающей самые разнообразные версии ее истории [Le mistère, р. XXXI–XXXII). Ученые указывают на ценность издания «Мистерии» именно в это время, поскольку произведение современника Девы, по их мнению, может явить жизнь Жанны во всей ее простоте, без преувеличений и вымыслов. Из этого утверждения можно сделать вывод, что пышно цветущее древо мифологии о Жанне дало к 60-м гг. XIX в. столь обильную поросль, что историки встали перед необходимостью очищать ствол реальных фактов от буйных зарослей легенд.

Как это ни странно, наиболее активно мифы и легенды формировались на почве тех интерпретаций образа Жанны, которые ставили задачей дать реалистическое объяснение таинственно-мистическим проявлениям ее личности². Так, XIX в. породил новую — историко-патриотическую тенденцию в трактовке образа Жанны. Ее сторонники, отдавая должное уникальным военным и организаторским способностям Жанны, отрицали присутствие каких-либо сверхъестественных сил в ее судьбе. Главным ценностным потенциалом Орлеанской девы они считали гражданственность и патриотизм, а видения и голоса Жанны интерпретировали как зов ее собственной совести, требующей исполнить долг перед Родиной. В начале столетия Пьер Каз выдвинул версию, согласно которой Жанна д'Арк — побочная дочь Изабеллы Баварской, т. е. сводная или родная сестра Карла VII, чем объяснялись ее успехи при дворе, военные навыки, которым ее обучали как принцессу крови, а также галлюцинации и ясновидение — наследственные особенности династии Валуа [Эсоно, с. 50]. Симеон Люс, автор «Жанны д'Арк в Домреми», видит в эпосе Жанны плод исторического детерминизма [Перну, Клэн, с. 395]. Сторонники этих версий, не отрицая выдающихся личных способностей Жанны, сводят на нет участие Божественного провидения в ее жизни.

Как показывают высказывания П. И. Чайковского, он также не был чужд и историко-патриотического взгляда на Жанну. Он стремился узнать истинную ткань событий, изучая соответствующую литературу. Обратимся к высказыванию композитора о книге А. Валлона: «Возвращаюсь к книге Wallon. Теперь, прочитавши ее всю, я должен Вам сказать откровенно, что это вещь очень слабая... Вместо того, чтобы постараться объяснить нам все величие факта, героинею которого является девятнадцатилетняя девушка, г. Wallon тщится доказать, что Иоанна в самом деле ежедневно разговаривала с архангелом

² К такому мнению приходит и С. Оболенский [Оболенский, с. 472–473].

Михаилом и другими небесными силами и что она говорила и поступала под наитием Святого Духа» [Чайковский П. И., с. 523]. Таким образом, композитор был настроен воспринимать героиню Франции не только как религиозный символ, но и как живую личность, поэтому в Иоанне Чайковского так органично сочетаются сакральные и человеческие черты.

В культурном контексте XIX в. интенсивно разрабатывались любовно-лирическая тема, заданная в XVII столетии аббатом д'Обиньяком.

Тема земной любви Жанны, которая в XVII в. вызывала бурное негодование писателей и читателей, в эпоху романтизма нашла горячий отклик во многих сердцах. Драматургия XIX в. демонстрирует активный интерес к женственной ипостаси девы из Домреми. Как свидетельствуют Перну и Клэн, 34 пьесы о Жанне д'Арк появилось в период с начала XIX в. и до 1870-х гг., и 48 — в последнее тридцатилетие века [Перну, Клэн, с. 401]. Эпохальным событием стало появление в 1801 г. романтической трагедии Ф. Шиллера «Орлеанская дева», известной в России в переводе В. А. Жуковского [Жуковский]. Именно это произведение послужило основным источником для оперы П. И. Чайковского.

В трагедии Шиллера Иоанна предстает как этический идеал, личность, находящаяся на высших ступенях развития человеческого духа. Обет целомудрия, данный ею, осмысливается немецким драматургом в ином по сравнению с Вольтером ключе. Обет касается не только телесной, но и душевной чистоты. Поэтому для героини невозможен итоговый выбор в пользу земной любви, она низводит Иоанну с высот долга и отнимает божественный дар, данный ей для служения отчизне.

Любовь к английскому рыцарю Лионелю лишает деву воинской силы, данной свыше. Чувство воспринимается героиней как наваждение, от которого необходимо освободиться для служения Родине. Сила духа, которую проявляет Иоанна в борьбе со страстью, достойна восхищения. Внутренний поединок чувства и долга в душе Иоанны, завершающийся победой последнего, очищает дух героини, возвращая ей силы для исполнения своего предназначения. Смерть Иоанны на поле боя в окружении благодарных соотечественников, отказавшихся от сомнений в божественной природе ее миссии, достойно венчает славную жизнь героини. Произведение стало своеобразным ответом «Орлеанской девственнице» Вольтера: «О Дева... насмешка тебя втоптала в грязь... но не бойся. Есть еще прекрасные души, которых воспламеняет все великое...» [цит. по: Перну, Клэн, с. 401].

Шиллер вдохновил многих авторов. Вслед за ним многие писатели «искушали» свою героиню любовью к Лионелю, королю Карлу, Дюнуа и др., вписывая душевную борьбу со страстью в ставший модельным конфликт чувства и долга, что сохранило свою актуальность и для Чайковского. В 1803 г. история Жанны предстала в жанре пантомимы Ж. Г. А. Кювелье «Жанна д'Арк, или Орлеанская дева — пантомима в трех актах для большого представления, содержащая ее подвиги, ее влюбленности, молитву, апофеоз, наполненная маршами, песнями, битвами и танцами». Через десять лет это сочинение было переработано автором, в результате чего из действия исчез развлекательный элемент. Начиналась пантомима с видений Жанны и завершалась апофеозом

героини, т. е. вслед за Шиллером Кювелье не желает отправлять свою героиню на костер. В том же русле находится пьеса Авриля «Триумф лилий — Жанна д'Арк, или Орлеанская Дева», опубликованная в 1814 г. В ней Жанну возносят на облако после церемонии коронавания в Реймсе, что происходит в сопровождении хора.

В послесловии к изданию «Мистерии об осаде Орлеана» Ф. Гессар и Э. де Сертен приводят подробный каталог пьес о Жанне, изданных до 1862 г., с кратким изложением их сюжетов и выдержками из текстов [Le mistère, p. 785–809]. Мы укажем лишь на жанры, в которых воплощается этот сюжет, поскольку они свидетельствуют об отношении драматургов к данной теме. Кроме пантомимы, большое количество произведений написано в жанре трагедии. Так, в 1805 г. в Орлеане М. А. Ф. Дюомар написал трагедию «Смерть Жанны д'Арк». Чтобы спасти Жанну, Талбот и герцог Бургундский предлагают ей выйти замуж за англичанина и уехать в Англию, но Изабо Баварская выдает Жанну светскому суду. Трагедия Авриньи «Жанна д'Арк в Руане» была впервые поставлена актерами королевской труппы в Париже 4 мая 1819 г. Действие происходит в Руане, и Бедфорд напрасно предлагает Жанне бежать в Англию; Дюнуа хочет сражаться за нее. Герцогиня Бедфорд и Талбот пытаются ее спасти, но не успевают, и Жанну сжигают.

В 20-х гг. XIX в. и далее место трагедии занимают лирическая драма и мелодрама. К данным жанрам обращались англичанин Э. Фитц-Болл (1826), итальянец Дж. Верди (1844–1845), француз Ж. Барбье (1873), и это значит, что имя освободительницы Франции вызывало в те годы творческий подъем не только у французов. Итак, мы видим большое разнообразие жанров, в которых реализуется данный сюжет. Вместе с тем в 1847 г. выходит пьеса «Жанна д'Арк» Шарля Денуайте впервые с заглавием «национальная драма», и с этого времени жанровая палитра произведений об Орлеанской деве становится относительно монохромной — в определении жанра начинает преобладать название «историческая драма».

Вопрос о бытовании образа Жанны в музыкальном искусстве XIX в. практически не исследован и весьма сложен ввиду малодоступности источников. Издатели «Мистерии» в своем каталоге театральных пьес об Орлеанской деве дают сведения об авторах музыки к трем драматическим произведениям: месье Александр (1813), шевалье Карафа (1821) и Николсон были авторами музыки к исторической пантомиме «Орлеанская дева» Кювелье, к лирической драме «Жанна д'Арк или освобождение Орлеана» Теолона и д'Артуа и к мелодраме «Джоан из Арка» Э. Фитц-Болла соответственно. Кроме названных имен композиторов, писавших для театральных постановок, список Гессара и де Сертена включает два произведения, одному из которых дано жанровое определение «опера». Это «Джованна д'Арко» Джованни Пачини (1830). Другое же известно нам как опера Дж. Верди «Джованна д'Арко» (1844–1845), несмотря на то, что в каталоге оно фигурирует как лирическая драма Т. Солера с музыкой итальянского маэстро. Издатели также сообщают, что опера Пачини не имела успеха. Перну и Клэн в главе «Жанна д'Арк в театре и в опере» [Перну, Клэн, с. 398–408] сосредотачивают свое внимание главным образом на произведениях

драматического искусства. Из музыкальных опусов XIX в. исследователи упоминают о музыке Гуно к драме Ж. Барбье (1873), уже известной нам опере Верди, а также «Орлеанской деве» П. И. Чайковского, которую почему-то считают оперным первенцем композитора³. Однако ни издатели «Мистерии», ни Перну и Клэн не анализируют музыкальные произведения даже с точки зрения трактовки сюжета. Вместе с тем в работе Перну и Клэн упоминается книга Эмиля Уе «Жанна д'Арк и музыка» (1894), в которой были собраны более 400 пьес, кантат и симфоний, посвященных героине Франции. Следов этой книги нам не удалось обнаружить даже на сайте [Национальная библиотека Франции], содержащем огромную библиотеку книг, изданных во Франции со времен Средневековья до наших дней. Книга Елены Эсоно касается преимущественно произведений живописи [Эсоно, с. 54 и далее]. Таким образом, в известной нам литературе вопрос о трактовке образа Жанны д'Арк в музыке XIX столетия практически не ставился. На сайте [Opera-L List] содержится список оперных сочинений, героиней которых является Жанна д'Арк. К XIX в. составитель относит 13 произведений: «1817 — Volkert, F. “Das Maedchen von Orelans”; 1821 — Carafa, M. “Jeanne d’Arc a Orleans”; 1827 — Vaccai, N. “Giovanna d’Arco”; 1830 — Pacini, G. “Giovanna d’Arco”; 1837 — Balfe, W. M. “Joan of Arc”; 1840 — Vesque von Puttlingen, J. “Johanna d’Arc”; 1845 — Verdi, G. “Giovanna d’Arco”; 1861 — Langert, J. A. A. “Die Jungfrau von Orleans”; 1865 — Duprez, G. L. “Jeanne d’Arc”; 1876 — Mermet, A. “Jeanne d’Arc”, 1881 — Tchaikovsky, P. I. “Orleanskaya dyeva”; 1886 — Reznicek, E. N. “Die Jungfrau von Orleans”; 1898 — Gemont, L. “Jeanne d’Arc”».

Весьма ценным представляется замечание, что оперы Ваккаи, Феске фон Путтлингена, Верди, Чайковского и Резничека основаны на «Орлеанской деве» Шиллера. Обращает на себя внимание то, что среди авторов произведений о Жанне — представители разных национальных школ, что говорит о приобретении к этому времени французским национальным мифом общеевропейского статуса. Кроме оперных сочинений о деве, мы располагаем информацией и о нескольких произведениях других жанров, принадлежащих крупным композиторам XIX столетия. В 1832 г. Дж. Россини пишет кантату «Жанна д'Арк» для голоса с фортепиано [Национальная библиотека Франции], Ф. Листу принадлежит произведение «Жанна д'Арк на костре» для голоса с оркестром на слова А. Дюма, созданное в 1840-е гг. [Opera-L List]. Шарль Гуно явился автором двух произведений об Орлеанской деве — музыки к драме Барбье (1873) и «Мессы в память Жанны д'Арк» («Messe à la mémoire de Jeanne d’Arc», 1887) [Национальная библиотека Франции].

Что же из этих произведений было известно Чайковскому? В письмах композитора мы находим упоминания об операх Верди и Мерме, а также о драме Барбье безотносительно музыки Гуно. Чайковский весьма нелестно отзывался об опере своего итальянского коллеги («до крайности плоха»), отмечая, что она «не по Шиллеру», несмотря на финал [Опера «Орлеанская дева»]. В интерпретации Дж. Верди героиня нарушает священный обет, влюбляясь в Карла. Отец

³ На самом деле она шестая.

героини подозревает ее в связи с нечистой силой и обличает дочь перед королем и народом. Виновная в любви к Карлу, Жанна не может оправдать себя перед людьми. Ее обличают удары грома, поэтому король и народ, уверенные в ее преступлении, признают ее ведьмой и решают выдать англичанам. Находясь в английском плену, Жанна страдает от бессилия помочь французам в битве. Она просит Бога простить ее грех и принять ее честь и жизнь как жертву за спасение Франции. Видя искренность молитвы, находящийся рядом отец Жанны убеждается в невинности дочери в колдовстве и помогает ей бежать. Освобожденная от уз, героиня устремляется в битву, вдохновляя французом. За подвиг она платит смертельной раной. Умирая, Жанна видит яркий свет и небо, прощающее и принимающее ее [Оперные либретто]. По-видимому, несколько мелодраматическая трактовка благородного образа Джованны оказалась чуждой Чайковскому. По этой причине он в самом начале работы над «Орлеанской девой» выводит оперу Верди из поля своего зрения. Тем не менее, в операх обоих композиторов обнаруживается сходное решение сцены обличения Иоанны отцом. Вероятно, найденные Верди театральные приемы все же показались Чайковскому убедительными.

Об опере Огюста Мерме не удалось найти никаких сведений, кроме тех, что содержатся в высказываниях самого Чайковского, который отмечает, что, несмотря на сценическую неудачу, оперу хвалили за «ловко составленное либретто». При более близком знакомстве с произведением Мерме композитор понимает, что несколько обманулся в своих ожиданиях. Впервые Чайковский знакомится с отрывками из оперы в Приложении книги Анри Валлона, о чем сообщает в письме Н. Ф. фон Мекк: «В конце (книги. — А. М.) разбираются все литературные и музыкальные обработки сюжета⁴, причем Шиллеру достается, а М-г Мермет (очень посредственный талант) осыпается похвалами. Тут же приложены два отрывка из его оперы, очень плохо ее рекомендуемые, особенно хор ангелов донельзя плох» [Опера «Орлеанская дева»]. Анализ полного текста оперы не смог изменить первоначальное впечатление композитора: «Что касается оперы Мермет, то, в общем, я нашел сценарий этой оперы очень плохим, но есть две-три эффектные сцены, которыми я, может быть, воспользуюсь» [Там же]. Несмотря на столь нелестные отзывы, упоминание Мерме наряду с Шиллером, Жуковским и Барбье на титульном листе оперы Чайковского свидетельствует о том, что материал либретто сыграл определенную роль в создании «Орлеанской девы».

О произведении Жюль Барбье, которое Чайковский также помещает в ряд источников своей оперы, композитор рассуждает в совершенно ином эмоциональном ключе. Он отмечает: «Покамест я составил подробную программу

---

⁴ Комментарий к письму: «Среди музыкально-сценических произведений на сюжет “Иоанны д’Арк” А. Валлон приводит трагедию Шиллера, к которой писали музыку Б. А. Вебер (1806), М. Дамрош (1857), М. Брух (1859), и оперу на текст Шиллера композитора В. де Путтлингена (1843), драму Ж. Барбье с музыкой Ш. Гуно (1873) и ряд опер: “Джованна д’Арк” Андроэци (1793), Ваккаи (1827), Ж. Паччини (1830), Дж. Верди (1845), “Жанна д’Арк под Орлеаном”, комическая опера Караффа (1821), “Жанна д’Арк” О. Мерме (1876)». Кроме того, перечисляются произведения других музыкальных жанров на этот сюжет.

первого действия и понемножку пишу текст, конечно, заимствуя больше всего у Жуковского, но также и в других источниках, и в особенности у Barbier, трагедия которого на сюжет “Иоанны” имеет много достоинств» [Опера «Орлеанская дева»]. Излагая своей респондентке первоначальный план сценария оперы, Чайковский говорит о финале, который, по мысли автора, должен быть более приближенным к исторической правде, чем шиллеровский. «Картина 2. В Руане. Иоанну ведут на костер... Вся эта сцена хорошо обработана у Барбье, и я возьму ее оттуда» [Там же].

Знакомство с текстом драмы Барбье [Barbier] навело нас на мысль, что данное произведение могло привлечь Чайковского не только с точки зрения сценичности. Думается, Чайковскому оказалась созвучна религиозная идея произведения, в котором автор проводит параллель между жизнью Жанны и путем страданий Христа. Текст драмы Барбье насыщен молитвами о помощи Божией в борьбе с англичанами. Другой — внеисторический — слой содержания представлен ритуалами, маркирующими события годового богослужебного круга — Рождество, события Страстной недели, праздник Пятидесятницы. Для точной конкретности ассоциаций вводятся канонические молитвы католической церкви. На коронации Жанна окружена почестями, подобно Христу, входящему в Иерусалим. Ей предстоят тяжелые страдания, осознание неизбежности которых лишает героиню сил. Пророческому взору Жанны открыто, что «Иуды увидят» ее «пожираемой пламенем, а Пилаты промолчат». Подобно Иисусу в Гефсимании, она чувствует страх, но сознательно решает испытать до дна чашу страданий, какими бы заманчивыми ни были мечты о возвращении к родным полям и лесам. Причиной гибели Жанны на костре становится не нарушение обета, а предательство со стороны соотечественников, ради которых героиня была готова на любые жертвы. Таким образом, в драме Барбье мифологизированный образ Жанны д'Арк преломляется сквозь призму евангельской модели Страстей Христовых.

Анализ либретто оперы Чайковского показывает, что знакомство с таким принципом работы французского автора не прошло для композитора бесследно. Ключевые моменты сюжета у Чайковского также содержат музыкально-текстовые элементы, которые отсылают восприятие к определенным событиям Священной истории. В знаменитой арии Иоанны, переходящей в сцену с ангелами, просматривается эпизод Гефсиманской молитвы — мучительное прощание не только с родными местами, но и с миром вообще, молитва о ниспослании сил для перенесения нечеловеческих страданий. Эпизод узнавания Иоанной короля корреспондирует с евангельским описанием встречи Христа и Нафанаила, а сцена казни в финале драматургически сходна с повествованием о распятии Богочеловека. Анализ музыки «Орлеанской девы» показывает, что данные смыслы и подтексты явно выражены и в интонационной драматургии оперы, более того, они были предметом особого внимания композитора и имеют системный характер⁵.

⁵ См. об этом подробно [Макарова, Серебрякова].

Обобщая сказанное, можно сделать вывод о сформировавшихся ко второй половине XIX в. трех тенденциях в трактовке образа Жанны — сакрализующей, историко-патриотической и любовно-лирической. Каждая из них в большей или меньшей степени нашла отражение в «Орлеанской деве» П. И. Чайковского, творческое сознание которого как субъекта европейской культуры оказалось необычайно восприимчивым к самым разным аспектам богатейшего смыслового поля, создававшегося образом Жанны д'Арк на протяжении веков.

Опера «Орлеанская дева» выделяется нетрадиционностью главной героини, предстающей в ореоле святости и терзаемой противоречиями внепсихологической природы. Горячее сочувствие к героине, ставшей жертвой исторической несправедливости и вместо награды получившей смерть на костре, заложило впоследствии основу для восприятия жизненных перипетий Жанны в свете страстного сюжета. Это вписывалось в общеевропейскую тенденцию осмысления судьбы спасительницы Франции сквозь призму крестного пути⁶ с характерным для него мотивом предательства, унижения и мучительной смерти. Исходя из обозначенных личных и общекультурных предпосылок, Чайковский формирует в «Орлеанской деве» новый и нетрадиционный для его оперного творчества тип конфликта между высшим предназначением, избранничеством и возможностью земного счастья, реализованного в любви.

Такой тип конфликта, направленный на трансляцию религиозных смыслов, свидетельствует о новой для композитора трактовке оперы как жанра. Отражение христианского духовного пути в этапах развертывания конфликта оперы, а также трактовка героини как носительницы священного откровения превращает музыкальную драму в сотериологическую мистерию, черты которой проявляются в произведении на разных уровнях. Ключевой особенностью мистерии, ставшей в «Орлеанской деве» принципом построения действия, является двуплановость драматургии, которая реализуется в наличии сюжетного плана и плана его надсобытийного обобщения. Последнее мы называем мистериальным пластом, который убеждает своей выстроенной целостностью. Он включает в себя сакрализующую трактовку главной героини, насыщение массовых сцен молитвами, возводящими события сюжета к их высшему смыслу, введение в оперу эпизодов, построенных по моделям евангельских ситуаций, а также дополнение действия ритуально-обрядовыми элементами.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что композитор синтезировал черты лирической драмы и большой французской оперы с жанровой моделью романтической мистерии для воплощения религиозно-мифологического содержания. Так Иоанна Чайковского идеально вписалась в сакрализующую тенденцию в трактовке героини и стала свидетельством значимости образа Жанны д'Арк не только для европейского культурного сознания, но и для русской культуры.

Вольтер. Орлеанская девственница [Электронный ресурс]. URL: http://lib.aldebaran.ru/author/volter_/volter_orleanskaya_devstvennica/volter_orleanskaya_devstvennica_0.html [Voltaire. Orleanskaya devstvennica [Elektronnyj resurs]].

---

⁶ Примеры тому — произведения Ж. Барбье [Barbier] и М. Твена [Tвен].

Жуковский В. А. Орлеанская дева // Жуковский В. А. Соч. М., 1954. [Zhukovsky V. A. Orleanskaya deva // Zhukovsky V. A. Soch. M., 1954.]

Макарова А. Л., Серебрякова Л. А. Мистериальный прообраз оперы П. И. Чайковского «Орлеанская дева» // Жизнь религии в музыке : сб. ст. СПб., 2010. С. 40–61 [Makarova A. L., Serebryakova L. A. Mysterial'nyj proobraz opery P. I. Tchaikovskogo *Orleanskaya deva* // Zhizn' religii v muzyke : sb. st. SPb., 2010.]

Национальная библиотека Франции [Электронный ресурс]. URL: <http://gallica.bnf>

Оболенский С. С. Жанна — Божья дева. СПб., 2013. 496 с. [Obolensky S. S. Zhanna — Vozh'ja deva. SPb., 2013. 496 s.]

Опера «Орлеанская дева» // Чайковский. Жизнь и творчество русского композитора [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tchaikov.ru/deva.html>

Оперные либретто [Электронный ресурс]. URL: <http://libretto-opera.narod.ru>

Перну Р., Клэн М.-В. Жанна д'Арк. М., 1992 [Pernout R., Claine M.-V. Zhanna d'Arc. M., 1992.]

Твэн М. Жанна д'Арк / пер. с англ. И. Семезона и Н. Тимофеевой. Минск, 1961. [Twain M. Zhanna d'Arc / per. s angl. I. Semezhona i N. Timofeyevoy. Minsk, 1961.]

Чайковский М. И. Из семейных воспоминаний. Публикация П. Вайдман // Чайковский П. И. Забытое и новое : альманах. Вып. 1 / сост. П. Е. Вайдман и Г. И. Белонович. М., 1995. [Tchaikovsky M. I. Iz semejnykh vospominanij. Publikatsiya P. Vajdman // Tchaikovsky P. I. Zabytoe i novoe : almanakh. Vyr. 1 / sost. P. E. Vajdman i G. I. Belonovich. M., 1995.]

Чайковский П. И. Переписка с Н. Ф. фон Мекк. Т. I. М., 1934 [Tchaikovsky P. I. Perepiska s N. F. von Meck. M., 1934.]

Шекспир У. Генрих VI. Ч. I // Шекспир. Полн. собр. соч. : в 8 т. Т. 1. М., 1959. [Shakespeare W. Henry VI. Ch. I // Shakespeare. Poln. sobr. soch. : v 8 t. T. I. M., 1959.]

Шоу Б. Святая Иоанна [Электронный ресурс] // Шоу Б. Избр. произведения. М., 1993. URL: <http://lib.ru/INPROZ/SHOU/stjoanna.txt> [Shaw B. Svyataya Ioanna [Elektronnyj resurs] // Shaw B. Izbr. proizvedeniya. M., 1993].

Эсоно Е. Жанна д'Арк. Орлеанская дева. СПб. ; Калининград, 2005. [Esoneau E. Zhanna d'Arc. Orleanskaya deva. SPb. ; Kaliningrad, 2005.]

Barbier J. Jeanne d'Arc. Drame en 5 actes et en vers par l'Abbé Henri Darbelit; Musique de Ch. Gounod. Paris, s. a.

Le mistère du siege d'Orleans / Publié pour la première fois d'après le manuscrit unique conservé à la bibliothèque du Vatican par MM. F. Guessard et E. de Certain. Paris, 1862.

Opera-L list [Электронный ресурс]. URL: <http://listserv.bccls.org/cgi-bin/wa?A2=OPERA-L;GR>

Статья поступила в редакцию 18.01.2014 г.

УДК 94(4) + 94(470 + 571)

А. Н. Слядзь

СВЯТОСЛАВ II — СОЮЗНИК МИХАИЛА VII? К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ ОДНОГО ЭПИЗОДА «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ» В. Н. ТАТИЩЕВА

Статья посвящена анализу неоднозначного свидетельства «Истории Российской» В. Н. Татищева, сообщаемому под 1076 годом о некоей помощи, оказанной великим князем Святославом II Ярославичем (1073–1076) и его братом Всеволодом I императору Михаилу VII Дуке (1071–1078) в подавлении антивизантийского мятежа в Херсонесе и против болгар. Эти известия, скорее легендарные, чем реальные, представляют значительный интерес: опровергнув их, удастся хотя бы выяснить то, чего не могло произойти, и, таким образом, пристальнее взглянуть в собираемые по крупицам уже вполне достоверные детали военно-политических связей Византии и Руси XI столетия.

Ключевые слова: Византия; Русь; Херсонес; Святослав II Ярославич; Михаил VII Дука; В. Н. Татищев.

Святослав Ярославич Черниговский (1027–1076), ставший впоследствии великим князем Святославом II (1073–1076) — вероятно, наиболее искусный политик из трех старших Ярославичей. Его дипломатия, нередко граничившая с коварством, отличалась широким спектром затрагиваемых проблем: Святослав проявлял внимание и к Киевщине, и к Новгороду, и к отношениям с Центральной Европой, и к Приазовью. Не последнее место занимали и контакты с Византией, точнее, с династией Дук, оказавшейся во главе империи в наиболее критический момент ее истории. Интересы Константина X (1059–1067), его сына Михаила VII (1071–1078) и Святослава Ярославича пересекались в Крыму и на Тамани, где оба союзника стремились к сохранению *status quo* в условиях резкого обострения международной обстановки последней трети XI столетия.

В. Н. Татищев приводит одно любопытное (и вместе с тем неоднозначное) свидетельство, указывающее на прочность связей Святослава II и Дук [Татищев, с. 91–92]. Не встречаемое в других летописных версиях или в византийских источниках сообщение «Истории Российской», если признать его заслуживающим доверия, знаменует собой едва ли не последнюю попытку оказать помощь вооруженными силами, казалось, гибнущей империи. Однако, эти сведения скорее легендарные, чем реальные, тем не менее, нуждаются в некотором комментарии и разъяснении уже хотя бы в силу того, что они рассматриваются в качестве прямого подтверждения едва ли не доминирования Руси (через ее тмутараканскую факторию) в Северном Причерноморье.

Необходимо отметить, что ранее достоверность татищевского известия признавалась одними [см.: Васильевский, 2010а, с. 446–450; Якобсон, 1950, с. 21–23; Гадло, 1991, с. 3–4], оспаривалась другими [см.: Приселков, с. 77–79; Левченко, с. 411–412]; сегодня же полемика развернулась между М. Б. Свердловым и С. Н. Азбелевым [см.: Свердлов, с. 180–185; Азбелев 2007, с. 56–70; 2011, с. 317–320].

В этой связи важно учитывать то обстоятельство, что информация о военно-политических отношениях Византии и Руси второй половины XI — начала XII столетий крайне неполна, неточна и противоречива, их следы словно теряются в драматических перипетиях международной обстановки той эпохи. Даже недостоверные, легендарные сведения о византийско-русских связях представляют значительный интерес: опровергнув их, нам удастся хотя бы выяснить то, чего *не* могло произойти, и, таким образом, пристальнее взглянуть в собираемые по крупицам уже вполне реальные детали контактов двух важнейших частей «Византийского содружества» [подробнее см.: Оболенский, с. 218; Слядзь, 2011, с. 170–175]. Как в свое время справедливо заметил В. Г. Васильевский, «известий Татищева об отношениях русских к грекам никак нельзя отвергать без дальнейших рассуждений. В них что-то есть» [Васильевский, 2010б, с. 146]. Правда, это «что-то» нередко оказывается бесконечно далеким от реальности, но выявляется только при ближайшем рассмотрении.

Согласно «Истории Российской», в 1076 г. в ответ на просьбу василевса Михаила VII о поддержке против болгар и восставшего Херсона (Херсонеса) Святослав Ярославич, посоветовавшись с братом Всеволодом, собирался лично выступить к Дунаю, в Крым же направив племянника Владимира Мономаха и сына Глеба. Однако вначале смерть великого князя, последовавшая зимой того же года [ПВЛ, с. 223], а затем и свержение императора Михаила весной 1078 г. [Вриенний, с. 133–136; Скабаланович, с. 242; Острогорский, с. 430] перечеркнули планы по выполнению «союзнического долга», и уже Всеволод Ярославич *«войско все разпустил в дома и сына Владимира из Корсуня возвратил»* [Татищев, с. 92]. Таким образом, из татищевского сообщения следует, что экспедиция завершилась не просто успехом (т. е. подавлением мятежа), но захватом Херсонеса. Вместе с тем датировка похода не вполне определена: в «Истории Российской» статья о нем помещена в качестве эпилога рассказа о княжении Святослава II. Х. М. Лопарев, скорее, бездоказательно, предлагает точную дату как самого крымского восстания (1074), так и «оставления

русскими Корсуня», совпадающую со свержением Михаила VII, — 1078 г. [Лопарев, с. 19].

С большим основанием можно предположить, что поход в Крым состоялся между декабрем 1076 (смерть Святослава II) и мартом 1078 г. (свержение Михаила VII), т. е. вероятнее всего, после вскрытия рек весной 1077 г. [Азбелев, 2007, с. 63; 2011, с. 318], как уже говорилось, при брате и преемнике Святослава Ярославича Всеволоде I — родственнике (через брак с представительницей фамилии императора Константина IX Мономаха) некогда правившей Македонской династии [Литаврин, Янин, с. 218–220; Карпов, с. 373], потенциальном союзнике Византии.

Вероятно, уже летом того же года Владимир Мономах, по всей видимости, был отозван отцом из Херсонеса для участия в возобновившейся войне с Всеславом Брячиславичем Полоцким (1044–1067; 1071–1101), тогда как Глеб мог возвратиться в вотчинный Новгород к зиме 1077/78 г. [Азбелев, 2007, с. 64; 2011, с. 319]. Настораживает неучастие в походе против «корсунян» княжившего тогда на Тамани Романа Святославича Красного. Его действия против мятежного Крыма могли стать решающими, как это случилось в 1016 г., когда Мстислав Владимирович (брат Ярослава Мудрого) протянул руку военной помощи Василию II (976–1025) [Литаврин, 1998, с. 925–926; Литаврин, 2000, с. 217–218]. Впрочем, отсутствие поддержки со стороны Романа обусловлено исключительно сложным положением Тмутаракани, в котором она оказалась незадолго до рассматриваемых событий, после 1066 г. (об этом ниже), в связи с чем Киеву пришлось спешно мобилизовать силы Владимира Мономаха и Глеба Новгородского [Гадло, 1991, с. 3].

Оставив пока в стороне основную проблему — проблему достоверности татищевского сообщения, необходимо разобраться с некоторыми вспомогательными вопросами, в частности, о противниках Михаила VII, упомянутых им в просьбе к великому князю Святославу. Относительно болгар картина вполне четкая: император мог запросить помощи, вероятно, против движения Георгия Войтеха и Константина Бодина в 1072–1073 гг., охватившего запад Болгарии с городами Девол, Ниш, Охрид, Скопье [Васильевский, 2010а, с. 447; Литаврин, 1960, с. 402 сл.] или болгаро-печенежского мятежа *дуки* Нестора в Паристрионе в 1074 г. [Литаврин, 1960, с. 411–414; Васильевский, 2010б, с. 41–43]. Заметим, что В. Г. Васильевский напрямую увязывает летописный факт пребывания киевского митрополита Георгия в Византии в 1073 г. с переговорами об оказании Русью вооруженной поддержки империи [ПВЛ, с. 216–217; Васильевский, 2010а, с. 446]. Иными словами, речь может не идти о разрыве Святослава II с митрополией после отъезда ее предстоятеля, как считает М. Д. Приселков [Приселков, с. 77–78] (см. иную и, пожалуй, более убедительную гипотезу о цели поездки митрополита Георгия: [Назаренко, с. 205–206]).

Ситуация же с мятежом в византийском Крыму выглядит иначе, запутаннее. В. Г. Васильевский, а вслед за ним А. Л. Якобсон и некоторые другие исследователи связывают это событие с убийством византийцами в феврале 1066 г. [ПВЛ, с. 209–210] Ростислава Владимировича Тмутараканского (старшего внука Ярослава Мудрого) — противника как Святослава Ярославича

с его сыном Глебом, так и тогдашнего императора Константина X, отца Михаила VII [Слядзь, 2013, с. 230–232]. Согласно этой гипотезе, вскоре после гибели Ростислава, возмущившей местное население, в 1066–1074 гг. в Херсонесе и Климатах произошло восстание или даже цепь восстаний против центрального константинопольского правительства [Васильевский, 2010а, с. 447; Якобсон, 1950, с. 22]. Подчеркнем, что Херсонес — отдаленный форпост империи, который сам по себе не имел серьезного военного значения и не являлся средоточием северопричерноморской торговли, но представлял исключительную ценность как информационный источник [Литаврин, 2001, с. 17; Якобсон, 1959, с. 232].

Византийские авторы ни о каких событиях в Крыму на рубеже 1060–1070-х гг. не упоминают, тем более, нет сведений о подавлении около 1068 г. Глебом Святославичем (правившим на Тамани до 1068/69 г. [НПЛ, с. 32; Шахматов, с. 325, 473–474; Гадло, 1994, с. 98–99]) антивизантийских выступлений в Таврике, которые явились звеном целой серии восстаний, якобы сотрясавших византийский Крым в 1060–1070-х гг., на что должен указывать факт существования небезызвестного «Тмутараканского камня» [Захаров, с. 64–65, 68; Рыбаков, с. 16–18; Мединцева, с. 6–49].

Другая проблема связана с первоисточником татищевской информации. М. Б. Свердлов, подчеркивая, что «сведения, которые не находят подтверждения в сохранившихся источниках — внеисточникового происхождения» [Свердлов, с. 92], указывает на вторичность известий В. Н. Татищева, который спутал родственные связи императоров и князей, т. е. для верификации он не использовал достаточно широко распространенные русские хронографы [Там же, с. 180–181]. Однако С. Н. Азбелев справедливо отвел этот тезис, заметив, что, сообщая путаные сведения, В. Н. Татищев немедленно делает примечание (№ 287), исправляющее и уточняющее пассаж из основного текста «Истории» [Татищев, с. 249]. Больше того, именно некоторая неточность в изложении событий византийской истории — признак буквального заимствования из неизвестного и не дошедшего до нас источника [Азбелев, 2011, с. 317].

Заметим, что еще Э. де Муральт (Мюраль) в «Очерках византийской хронографии», опубликованных в 1871 г., использовал сведения аббата Одерико (писавшего историю генуэзских колоний, изданную в конце XVIII в.) о восстании в Крыму после отмены торговых привилегий, что привело к обращению императора за помощью к «*Всеволоду, великому князю России, который туда отправил своих сыновей Владимира и Глеба*» [Muralt, p. 28]. Такая путаница (Глеб — не сын, а племянник Всеволода Ярославича) также до известной степени позволяет говорить о недостоверности сведений Муральта¹, а указание на причину восстания стоит рассматривать только как позднейшую вставку, как своеобразную дань рационализму эпохи Просвещения [Свердлов, с. 184–185]. Впрочем, вероятность ликвидации коммерческих преференций

¹ В частности, василевс Роман IV Диоген (1068–1071) назван отцом Михаила VII. В записках самого Одерико В. Г. Васильевский этих фактов не обнаружил и предположил, что они содержатся в неопубликованной части его труда [Васильевский, 2010а, с. 448–449].

Херсонеса в условиях острого внешнеполитического кризиса полностью отвергать все же нельзя [Сорочан, Зубарь, Марченко, с. 318; Могаричев, с. 49]. Не без оснований критикующий «антитатищевских» скептиков С. Н. Азбелев, в данном вопросе лишь ограничился замечанием, что гипотезу о заимствовании Муральтом сведений из труда В. Н. Татищева выдвинула еще Е. Ч. Скржинская [Скржинская, с. 259] (а не М. Б. Свердлов) и это предположение справедливо опроверг А. Л. Якобсон (сообщения Муральта и Татищева «отнодь не однородны и существенно дополняют друг друга») [Якобсон, 1959, с. 231; Азбелев, 2011, с. 317–318]. Таким образом, вопрос об источнике рассматриваемого известия «Истории Российской» остается открытым.

Больше того, основания не доверять сообщению В. Н. Татищева продолжают существовать, причем при ближайшем рассмотрении (т. е. в широком историческом контексте) они приобретают большой вес. Наиболее значительные доводы можно свести к следующему.

М. Д. Приселков (и воспроизводящие его аргументацию И. У. Будовниц [Будовниц, с. 64] и М. В. Левченко [Левченко, с. 412]) резонно замечает: «упоминаний о походе нет даже в “Поучении” Владимира Мономаха, который, наверняка, не преминул бы отметить столь масштабное мероприятие, а Глеб Святославич и вовсе находился в то время в Новгороде, в лучшем случае — в Переяславле» [ПВЛ, с. 240; Приселков, с. 77–79; Рапов, с. 97]. Впрочем, В. Г. Васильевский, полностью полагаясь на В. Н. Татищева, указывает, что Мономах начинает обзор своей деятельности с осени 1074 г., т. е. «сомнительно, что к 1073 г. (20-летнему возрасту) он не ходил ни “в ловы”, ни в походы, хотя бы и не имея в последних главной, самостоятельной роли» [Васильевский, 2010а, с. 448]. Однако именно потому, что первая фиксированная дата в «Поучении» не 1074 г., а 1068/69 г. (поход к Ростову) [Орлов, с. 10, 141], мы вынуждены принять аргументацию М. Д. Приселкова. К тому же в 1073/74 г. Глеб сидел именно в Новгороде, а не в Тмутаракани, как считает В. Г. Васильевский, и едва ли мог совершить гигантский марш-бросок на юг даже при поддержке двоюродного брата Владимира Всеволодовича, вероятно, княжившего в Смоленске [Васильевский, 2010а, с. 450; Рапов, с. 137]. Правда, в «Поучении», в самом деле, есть хронологическая лакуна от возвращения из Сутейска во Владимир (1069) до похода к Чешскому лесу (1075), но этот факт не позволяет утверждать, что Мономах просто позабыл упомянуть о событиях этого шестилетия [Письменные памятники, с. 116].

Тем не менее, С. Н. Азбелев настаивает, что, во-первых (как уже отмечалось), поход состоялся не в 1074, а в 1077 г., а во-вторых, Мономах, согласно «Поучению», весной 1077 г. пришел к Глебу Святославичу «на помощь» [ПВЛ, с. 240]. Таким образом, Владимир Всеволодович, прибыв в Новгород, где уже шла подготовка к херсонесской экспедиции, отправился оттуда вместе с двоюродным братом в Крым [Азбелев, 2007, с. 64; 2011, с. 319].

Подобную трактовку едва ли можно принять: зачем идти из Смоленска далеко на северо-восток с тем, чтобы вскоре после этого совершить долгий и утомительный переход на юг? Пожалуй, обоим князьям целесообразнее встретиться где-нибудь поближе к предполагаемому театру боевых действий,

скажем, в Киеве, куда Мономах мог просто сплавиться по Днепру из Смоленска. Словом, какую помощь собирался оказывать Владимир Всеволодович Глебу Святославичу не вполне ясно, хотя факт того, что летом 1077 г. Мономах вместе с отцом Всеволодом Ярославичем «*ходил под Полоцк*», косвенно подтверждает гипотезу, высказанную еще С. М. Соловьевым: Владимир Всеволодович прибыл в Новгород зимой 1076 г. для поддержки двоюродного брата в преддверии очередного столкновения с Всеславом [Соловьев; Поучение, с. 499–500]. В самом деле, разве мог Всеволод I, наверняка что-то зная о намерениях полоцкого князя, отправлять племянника из стратегически важного форпоста через всю Восточно-Европейскую равнину, через половецкую степь, пусть даже ради оказания помощи василевсу ромеев в отдаленнейшем регионе? Смерть Святослава Ярославича развязала руки Всеславу Брючиславичу на севере и с конца 1076 или начала 1077 г. исконная враждебная деятельность Полоцка по отношению к Новгороду активизировалась [Алексеев, с. 249–250].

Больше того, после встречи весной 1077 г. на Волыни с шедшим во главе польских наемников Изяславом I (свергнутым в 1073 г. Святославом II), Всеволод Ярославич, вероятно, осознав, что шансы на успех невелики, отказался от верховной власти в пользу старшего брата, получив в обмен Чернигов. Одновременно, в мае 1077 г. Борис Вячеславич (племянник старших Ярославичей, сын покойного Вячеслава Ярославича) попытался овладеть Черниговом, но после восьмидневного правления бежал в Тмутаракань [ПВЛ, с. 223]. Таким образом, обстановка на Руси не благоприятствовала какой-либо серьезной и продуманной экспедиции в Крым.

Нельзя забывать и то, что едва ли мятеж в Херсонесе (если признать его реальность) мог настолько взволновать Михаила VII: именно в 1077 г. против него вспыхнули сразу два мятежа — Никифора Вриенния на Балканах и Никифора Вотаниата в Малой Азии [Вриенний, с. 119–137; Острогорский, с. 429–430; Успенский, с. 52–54]. Зажатою с обеих сторон Константинополю было явно не до событий на дальней северо-восточной периферии: встал вопрос о свержении правительства Дук, что и произошло год спустя.

Еще раз подчеркнем: чрезвычайно сложно доказывать или опровергать сообщение «Истории Российской», рассматривая его вне тесной связи с политическими событиями как внутри Руси, так и в Византии, вне международного контекста, т. е., по справедливому замечанию А. Н. Насонова, «не изолированно, а в связи с историей соседних стран, иными словами, как события всемирно-исторического процесса» [Насонов, с. 99]. Так М. Б. Свердлов, не доверяющий сведениям В. Н. Татищева, почти не принимает во внимание «византийский фактор», т. е. из его рассуждений не вполне ясно, что происходило в империи 1070-х гг. Он только указывает, что восстание в Западной Болгарии (1072), произошло ранее просьбы Михаила VII, подчеркивая, таким образом, недостоверность информации о помощи против болгар [Свердлов, с. 181], но не упоминает ни о политической нестабильности в Константинополе (т. е. всякие меры по ликвидации таврических инсургентов неуместны и даже невозможны), ни о почти непрерывной череде мятежей и варварских вторжений в придунайскую Болгарию в 70–80-х гг. XI столетия [Литаврин,

1960, с. 411, 414–415]. Иными словами, следует акцентировать внимание на том, что, если имело смысл просить помощи у Киева, то либо (и в первую очередь) против повстанцев и кочевников в Подунавье, либо для борьбы с восстаниями в сердце Византии. В этой связи небезынтересно отметить, что по сведениям Атталиата и Скилицы «*русские корабли*» оказывали помощь Алексею Комнину против братьев Никифора и Иоанна Вриенниев в конце 1077 г. [Лопарев, с. 19]. Однако, скорее всего, здесь идет речь не о вспомогательной эскадре, отправленной по решению Киева, скажем, из Тмутаракани, а о какой-то части варяжско-русских наемников, посланных из столицы Михаилом VII на выручку Комнину, оборонявшему Константинополь [Анна Комнина, с. 61–63, 444–445].

Тем не менее, ошибочность некоторых сообщений (в частности, рассмотренного выше) из «Истории Российской» не должна приводить к полному отрицанию ее значения как исторического источника, так и памятника историографической мысли. Мы далеки от оценок В. Н. Татищева, характеризующих его как злостного фальсификатора, умышленно дописывавшего и переписывавшего историю далекого прошлого [Толочко, с. 519–523; Свердлов, с. 12]. Здесь надо говорить, скорее, о некритической обработке материала, использовании не вызывающих доверие (во всяком случае, у современного исследователя) источников и преданий.

Возвращаясь же к предмету настоящей статьи, необходимо подчеркнуть: Святослав II — старый партнер Дук — и его брат Всеволод I, как мы видели, не могли (в силу объективных причин) оказать помощь Михаилу VII против херсонесского восстания, которого, к тому же, по всей вероятности, в середине — второй половине 1070-х гг. не случилось. Империи требовалась иная помощь и на иных направлениях — помощь систематическая, не столько военная, сколько «кадровая», а здесь Ярославичи были не в состоянии поддержать терпевшего бедствие союзника, обеспечить бесперебойное функционирование сердца ромейской ойкумены. Русь переживала период трансформации, глубоких политических и социальных сдвигов, кровавых междоусобиц и опустошительных вторжений степняков. Византия стояла у порога новой эпохи — эры Комнинов, последнего столетия расцвета, но в уже сильно отличавшемся от своей классической поры облиции. Менялись и внешнеполитические приоритеты Византии и Киевской «федерации», их международные пути начали расходиться.

Азбелев С. Н. Походы русских князей на Херсонес в былинной интерпретации // Средневековая Русь. Вып. VII / отв. ред. А. А. Горский. М., 2007. С. 56–70. [Azbelev S. N. Pohodyi russkikh knyazey na Hersones v byilinnoy interpretatsii // Srednevekovaya Rus. Vyp. VII / отв. ред. А. А. Gorskiy. М., 2007. S. 56–70.]

Азбелев С. Н. В защиту труда Василия Никитича Татищева // Сб. Рус. ист. о-ва. Т. XI (159): Правда истории / сост. и отв. ред. И. А. Настенко; Ин-т российской истории РАН. М., 2011. С. 316–324. [Azbelev S. N. V zaschitu truda Vasiliya Nikiticha Tatischeva // Sb. Rus. ist. o-va. T. XI (159): Pravda istorii / sost. i отв. ред. I. A. Nastenko; In-t rossiyskoy istorii RAN. М., 2011. S. 316–324.]

Алексеев Л. В. Полоцкая земля: Очерки истории северной Белоруссии в IX–XIII вв. М., 1966. 296 с. [Alekseev L. V. Polotskaya zemlya: Ocherki istorii severnoy Belorussii v IX–XIII vv. M., 1966. 296 s.]

Анна Комнина. Алексиада / вступ. ст., пер., коммент. Я. Н. Любарского. М., 1965. 688 с. (Сер. «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы»). [Anna Komnina. Aleksiaada / vstup. st., per., komment. Ya. N. Lyubarskogo. M., 1965. 688 s. (Ser. «Pamyatniki srednevekovoy istorii narodov Tsentralnoy i Vostochnoy Evropy».)]

Будовниц И. У. Владимир Мономах и его военная доктрина // Ист. зап. № 22. 1947. С. 42–100. [Budovnitc I. U. Vladimir Monomah i ego voennaya doktrina // Ist. zap. № 22. 1947. S. 42–100.]

Васильевский В. Г. Византия и печенеги (1048–1094) // Избр. тр. по истории Византии (Труды В. Г. Васильевского) : в 2 кн. (4 т.). Кн. 1 (т. I–II) / ред.-сост. М. В. Грацианский, П. В. Кузенков. М., 2010. 928 с. [Vasilevskiy V. G. Vizantiya i pechenegi (1048–1094) // Izbr. tr. po istorii Vizantii (Trudyi V. G. Vasilevskogo) : v 2 kn. (4 t.). Kn. 1 (t. I–II) / red.-sost. M. V. Gratsianskiy, P. V. Kuzenkov. M., 2010. 928 s.]

Васильевский В. Г. Два письма императора Михаила VII Дуки // Избр. тр. по истории Византии (Труды В. Г. Васильевского) : в 2 кн. (4 т.). Кн. 1 (т. I–II) / ред.-сост. М. В. Грацианский, П. В. Кузенков. М., 2010а. 928 с. [Vasilevskiy V. G. Dva pisma imperatora Mihaila VII Duki // Izbr. tr. po istorii Vizantii (Trudyi V. G. Vasilevskogo) : v 2 kn. (4 t.). Kn. 1 (t. I–II) / red.-sost. M. V. Gratsianskiy, P. V. Kuzenkov. M., 2010. 928 s.]

Вриенний — Исторические записки Никифора Вриенния (976–1087) / отв. ред. А. А. Калинин. М., 1997. 199 с. [Istoricheskie zapiski Nikifora Vrienniya (976–1087) / отв. red. A. A. Kalinin. M., 1997. 199 s.]

Гадло А. В. Тмутороканские этюды. V. Олег Святославич // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. История. Языкознание. Литературоведение. Вып. 2 (№ 9). Апрель 1991. С. 3–13. [Gadlo A. V. Tmutorokanskije etyudyi. V. Oleg Svyatoslavich // Vestn. Le-ningr. un-ta. Ser. 2. Istoriya. Yazyikoznanie. Literaturovedenie. Vyp. 2 (# 9). Aprel 1991. S. 3–13.]

Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII веков. СПб., 1994. 238 с. [Gadlo A. V. Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza X–XIII vekov. SPb., 1994. 238 s.]

Захаров В. А. Тмутараканское княжество // Сб. рус. ист. о-ва. Т. IV (152): От Тмутороканя до Тамани / под ред. В. А. Захарова. М., 2002. С. 56–84. [Zaharov V. A. Tmutarakanskoe knyazhestvo // Sb. rus. ist. o-va. T. IV (152): Ot Tmutorokanya do Tamani / pod red. V. A. Zaharova. M., 2002. S. 56–84.]

Карпов А. Ю. Ярослав Мудрый. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005. 583 с. (Сер. биографий «Жизнь замечательных людей». Вып. 948). [Karpov A. Yu. Yaroslav Mudryiy. 2-e izd., ispr. i dop. M., 2005. 583 s. (Ser. biografiiy «Zhizn zamechatelnykh lyudey». Vyp. 948).]

Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. 555 с. [Levchenko M. V. Ocherki po istorii russko-vizantiyskikh otnosheniy. M., 1956. 555 s.]

Литаврин Г. Г. Болгария и Византия в XI–XII веках. М., 1960. 474 с. [Litavrin G. G. Bolgariya i Vizantiya v XI–XII vekah. M., 1960. 474 s.]

Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII веков). СПб., 2000. 398 с. (Сер. «Византийская библиотека»). [Litavrin G. G. Vizantiya, Bolgariya, Drevnyaya Rus (IX — nachalo XII vekov). SPb., 2000. 398 s. (Ser. «Vizantiyskaya biblioteka».)]

Литаврин Г. Г. Восстание в Херсоне против византийской власти в 1016 году // ПОЛУТРОПОН. К семидесятилетию В. Н. Топорова. М., 1998. С. 923–931. [Litavrin G. G. Vosstanie v Hersonе protiv vizantiyskoy vlasti v 1016 godu // POLYTROPON. K semidesyatiletiiyu V. N. Toporova. M., 1998. S. 923–931.]

Литаврин Г. Г. Геополитическое положение Византии в средневековом мире в VII–XII вв. // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 2001. 544 с. (Сер. «Византийская библиотека»). [Litavrin G. G. Geopoliticheskoe polozhenie Vizantii v srednevekovom mire v VII–XII vv. // Vizantiya mezhdu Zapadom i Vostokom. Opyit istoricheskoy harakteristiki. SPb., 2001. 544 s. (Ser. «Vizantiyskaya biblioteka».)]

Литаврин Г. Г., Янин В. Л. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха // Историко-археологический сборник А. В. Арциховскому к 60-летию со дня рождения и 30-летию научной, педагогической и общественной деятельности. М., 1962. С. 204–220. [Litavrin G. G., Yanin V. L. Novyye materialy o proishozhdenii Vladimira Monomaha // Istoriko-arheologicheskii sbornik A. V. Artsihovskomu k 60-letiyu so dnya rozhdeniya i 30-letiyu nauchnoy, pedagogicheskoy i obschestvennoy deyatelnosti. M., 1962. S. 204–220.]

Лопарев Х. М. Греки и Русь: Оглавление, приготовленного к печати полного собрания историко-литературных и археологических данных для суждения о характере русско-византийских отношений в хронологическом порядке с древних времен до 1453 года. 1-е изд. СПб., 1898. 43 с. [Loparev H. M. Greki i Rus: Oglavlenie, prigotovlennogo k pechati polnogo sobraniya istoriko-literaturnykh i arheologicheskikh dannykh dlya suzheniya o karaktere russko-vizantiyskikh otnosheniy v hronologicheskom poryadke s drevnih vremen do 1453 goda. 1-e izd. SPb., 1898. 43 s.]

Медынцева А. А. Тмутараканский камень. М., 1979. 56 с. [Medyintseva A. A. Tmutarakanskiy kamen. M., 1979. 56 s.]

Могаричев Ю. М. Крым в «византийский» период // Сб. Рус. ист. о-ва. Т. X (158): Россия и Крым. М., 2006. 588 с. [Mogarichev Yu. M. Kryim v «vizantiyskiy» period // Sb. Rus. ist. o-va. T. X (158): Rossiya i Kryim. M., 2006. 588 s.]

Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования) // Древнейшие государства Восточной Европы: 2007 / Ин-т всеобщ. ист. М., 2009. 528 с. [Nazarenko A. V. Drevnyaya Rus i slavyane (istoriko-filologicheskie issledovaniya) // Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy: 2007 / In-t vseobsch. ist. M., 2009. 528 s.]

Насонов А. Н. Тмуторокань в истории Восточной Европы X века // Ист. зап. / отв. ред. акад. Б. Д. Греков. Т. VI. 1940. С. 79–99. [Nasonov A. N. Tmutorokan v istorii Vostochnoy Evropy X veka // Ist. zap. / отв. red. akad. B. D. Grekov. T. VI. 1940. S. 79–99.]

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полн. собр. русских летописей. Т. III. М.; Л., 1950. 565 с. [Novgorodskaya pervaya letopis starshego i mladshego izvodov // Poln. sobr. russkikh letopisey. T. III. M.; L., 1950. 565 s.]

Оболенский Д. Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 2012. 655 с. [Obolenskiy D. D. Vizantiyskoe sodruzhestvo natsiy. Shest vizantiyskikh portretov. M., 2012. 655 s.]

Орлов А. С. Владимир Мономах. М.; Л., 1946. 191 с. [Orlov A. S. Vladimir Monomah. M.; L., 1946. 191 s.]

Острогорский Г. А. История византийского государства / пер. с нем. М. В. Грацианского; ред. П. В. Кузенков. М., 2011. 895 с. [Ostrogorskiy G. A. Istoriya vizantiyskogo gosudarstva / per. s nem. M. V. Gratsianskogo; red. P. V. Kuzenkov. M., 2011. 895 s.]

ПВЛ — Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст., коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. 669 с. [Povest vremennykh let / podgot. teksta, per., st., komment. D. S. Lihacheva; pod red. V. P. Adrianovoy-Peretts. 2-e izd., ispr. i dop. SPb., 1996. 669 s.]

Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания : аннотированный каталог-справочник / под ред. Я. Н. Шапова. СПб., 2003. 384 с. [Pismennyye pamyatniki istorii Drevney Rusi. Letopisi. Povesti. Hozhdeniya. Poucheniya. Zhitiya. Poslaniya : annotirovannyiy katalog-spravochnik / pod red. Ya. N. Scharova. SPb., 2003. 384 s.]

Поучение Владимира Мономаха / подгот. текста О. В. Творогова; пер. и коммент. Д. С. Лихачева // Библиотека литературы Древней Руси : в 13 т. / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. Т. I: XI–XII века. СПб., 1997. 543 с. [Pouchenie Vladimira Monomaha / podgot. teksta O. V. Tvorogova; per. i komment. D. S. Lihacheva // Biblioteka literaturyi Drevney Rusi : v 13 t. / pod red. D. S. Lihacheva, L. A. Dmitrieva, A. A. Alekseeva, N. V. Ponyirko. T. I: XI–XII veka. SPb., 1997. 543 s.]

Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003. 248 с. [Priselkov M. D. Ocherki po tserkovno-politicheskoy istorii Kievskoy Rusi X–XII vv. SPb., 2003. 248 s.]

Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII века. М., 1977. 264 с. [Rapun O. M. Knyazheskie vladeniya na Rusi v X — pervoy polovine XIII veka. M., 1977. 264 s.]

Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI–XIV вв. М., 1964. 48 с. [Ryibakov B. A. Russkie datirovannyye nadpisi XI–XIV vv. M., 1964. 48 s.]

Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009. 344 с. [Sverdlov M. B. Vasilij Nikitich Tatischev — avtor i redaktor «Istorii Rossiyskoy». SPb., 2009. 344 s.]

Скабаланович Н. А. Византийское государство и церковь в XI веке: От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина : в 2 кн. Кн. I / вступ. ст. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2004. 448 с. (Сер. «Библиотека христианской мысли. Исследования»). [Skabalanovich N. A. Vizantiyskoe gosudarstvo i tserkov v XI veke: Ot smerti Vasiliya II Bolgaroboyttsy do votsareniya Alekseya I Komnina : v 2 kn. Kn. I / vstup. st. G. E. Lebedevoy. SPb., 2004. 448s. (Ser. «Biblioteka hristianskoy myisli. Issledovaniya».)]

Скржинская Е. Ч. Рец. на: А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII–XIV века) // Византийский временник. Т. VI (31). 1953. С. 252–269. [Skrzhinskaya E. Ch. Rets. na: A. L. Yakobson. Srednevekovyiy Hersones (XII–XIV veka) // Vizantiyskiy vremennik. T. VI (31). 1953. S. 252–269.]

Слядзь А. Н. Походы Олега и Игоря на Константинополь — «силовая заявка» на вступление в «Византийское содружество»? // Проблемы истории и культуры средневекового общества : тез. докл. XXX всерос. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». СПб., 2011. С. 170–175. [Slyadz A. N. Pohodyi Olega i Igorya na Konstantinopol — «silovaya zayavka» na vstuplenie v «Vizantiyskoe sodruzhestvo»? // Problemyi istorii i kulturyi srednevekovogo obschestva : tez. dokl. XXX vseros. konf. studentov, aspirantov i molodyih uchenyih «Kurbatovskie chteniya». SPb., 2011. S. 170–175.]

Слядзь А. Н. Византийско-русские связи в середине 60-х годов XI века: Константин X и Святослав Ярославич против самостоятельной Тмутаракани // Проблемы истории и культуры средневекового общества : тез. докл. XXXII всерос. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». СПб., 2013. С. 230–232. [Slyadz A. N. Vizantiysko-russkie svyazi v seredine 60-h godov XI veka: Konstantin X i Svyatoslav Yaroslavich protiv samostoyatelnoy Tmutarakani // Problemyi istorii i kulturyi srednevekovogo obschestva : tez. dokl. XXXII vseros. konf. studentov, aspirantov i molodyih uchenyih «Kurbatovskie chteniya». SPb., 2013. S. 230–232.]

Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 29 т. Т. II [Электронный ресурс] // Материалы русской истории. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/history/history1.htm> (дата обращения: 07.11.2013). [Solovev S. M. Istoriya Rossii s drevneyshih vremen : v 29 t. T. II [Elektronnyj resurs] // Materialy russkoj istorii. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/history/history1.htm> (data obrascheniya: 07.11.2013)]

Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Севастополь, 2006. 832 с. [Sorochan S. B., Zubar V. M., Marchenko L. V. Zhizn i gibel Hersonesa. Sevastopol, 2006. 832 s.]

Татищев В. Н. Собр. соч. : в 8 т. Т. II–III: История Российская. Ч. II. Пепр. с изд. 1963–1964 гг. М., 1994. 688 с. [Tatischev V. N. Sobr. soch. : v 8 t. T. II–III: Istoriya Rossiyskaya. Ch. II. Repr. s izd. 1963–1964 gg. M., 1994. 688 s.]

Толочко А. П. «История российская» Василия Татищева: Источники и известия. М. ; Киев, 2005. 544 с. (Сер. «Historia Rossica»). [Tolochko A. P. «Istoriya rossiyskaya» Vasiliya Tatischeva: Istochniki i izvestiya. M. ; Kiev, 2005. 544 s. (Ser. «Historia Rossica».)]

Успенский Ф. И. История Византийской империи : в 5 т. Т. IV. Отдел VI: Комнины. Отдел VII: Расчленение империи. М., 2002. 496 с. [Uspenskiy F. I. Istoriya Vizantiyskoy

imperii : v 5 t. T. IV. Otdel VI: Komninyi. Otdel VII: Raschlenenie imperii. M., 2002. 496 s.]

Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М. ; Жуковский, 2001. 880 с. [Shahmatov A. A. Razyiskaniya o russkih letopisyah. M. ; Zhukovskiy, 2001. 880 s.]

Якобсон А. Л. К изучению позднесредневекового Херсонеса (исправления и дополнения к работе «Средневековый Херсонес», МИА, вып. 17, 1950) // Херсонесский сборник. Вып. V : Материалы по археологии Херсонеса Таврического. Симферополь, 1959. С. 229–244. [Yakobson A. L. K izucheniyu pozdnesrednevekovogo Hersonesa (ispravleniya i dopolneniya k rabote «Srednevekovyyi Hersones», MIA, vyip. 17, 1950) // Hersonesskiy sbornik. Vyip. V : Materialy po arheologii Hersonesa Tavricheskogo. Simferopol, 1959. S. 229–244.]

Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV века) // Материалы исследования по археологии СССР. № 17. 1950. 260 с. [Yakobson A. L. Srednevekovyyi Hersones (XII–XIV veka) // Materialy issledovaniya po arheologii SSSR. N17. 1950. 260 s.]

Muralt E. de. Essai de chronographie Byzantine, 1057–1453. T. I. St-Petersbourg, 1871. 971 p.

Статья поступила в редакцию 21.03.2014 г.

УДК 94(450) + 94(540) + 929

Д. В. Возчиков

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ ИНДИИ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В ОТЧЕТЕ ВЕНЕЦИАНСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА XV В.

Рассматривается восприятие религиозных традиций Южной и Юго-Восточной Азии венецианским купцом Никколо Конти (ок. 1395–1469), посетившим Индию, Индокитай и Нусантару в 1420–1430-е гг. Особое внимание уделяется идеализированному образу брахманов. На примере этого источника прослеживается постепенная замена в ренессансном дискурсе оппозиции «христиане — язычники» оппозицией «культура — варварство». Сделан акцент на том, каким образом рецепция античной традиции гуманизмом оказала влияние на формирование образа восточных религиозных практик в Европе накануне Великих географических открытий.

Ключевые слова: Венецианская республика; Индия; Никколо Конти; гуманизм; индуизм; ориентализм, средневековые путешествия.

Венецианская республика к середине XV в. давно пользовалась славой наиболее информированного о делах на Востоке европейского государства. Дипломат и путешественник из Венеции Иосафат Барбаро (1413–1494) однажды заметил: «Большая доля той малой части земли, которая обитаема, оставалась бы вовсе неведомой, если бы венецианская торговля и венецианское мореходство не открыли ее» [Барбаро, с. 136]. Одним из тех венецианцев, благодаря которым знания позднесредневекового Запада о народах Востока существенно расширились, был купец Никколо Конти (ок. 1395–1469). Конти провел в торговых поездках по арабскому миру, Индии и Юго-Восточной Азии свыше двадцати лет. Рассказы венецианца об этих землях дошли до нас в изложении

флорентийского гуманиста и секретаря папы Евгения IV Поджо Браччолини (1380–1459), включившего их в четвертую книгу трактата «О превратности судьбы» [Bracciolini], а также в пересказе кастильского путешественника Перо Тафура [Тафур, с. 95–112].

Путешествия Никколо Конти до сих пор специально не исследовались в российской историографии. Из источников, связанных с Конти, до выхода русского перевода «Странствий и путешествий» Тафура отечественному читателю был доступен лишь перевод ряда отрывков из отчета Поджо Браччолини в статье о Конти в четырехтомнике Р. Хеннига, немецкого историка географических открытий [Хенниг, с. 44–53]. Полностью «История о превратности судьбы» Браччолини, содержащая отчет Конти, на русский язык никогда не переводилась. Однако и в мировой историографии исследования, посвященные Конти, немногочисленны. Из последних обзорных работ о путешествиях Конти следует отметить редакционную статью К. Бризила [Breazeale, p.100–109]. Значению отчета Конти в тексте Браччолини и первым его изданиям посвящена работа индийского филолога С. Чаудхури [Chaudhuri, p. 236–278]. Испанский исследователь Х.-П. Рубиес в монографии, посвященной европейским путешествиям в Индию в эпоху Возрождения, проявляет большой интерес к странствиям Никколо Конти, ставит проблему формирования образа индийской действительности в отчете путешественника, однако не затрагивает образы буддийского мира в повествовании Конти [см.: Rubiés]. Этими работами практически исчерпывается историографический опыт исследования отчета венецианца.

После возвращения в Италию Конти прибывает в 1439 г. [Breazeale, p. 100] во Флоренцию, где находился папа Евгений IV¹, чтобы получить прощение за отречение от христианской веры в Египте. По признанию самого Конти, он вынужден был принять ислам не столько из-за угрозы своей жизни, сколько из-за страха за жизнь жены и детей [Bracciolini, p. 126]. В качестве своеобразного искупления за вынужденное принятие ислама во владениях мамлюков Конти подробно рассказал о своих путешествиях папскому секретарю Поджо Браччолини. Гуманист основательно расспросил путешественника «в собрании ученейших мужей и у себя дома» и заключил, что его рассказы правдивы и достойны сохранения в письменном виде [Ibid.]. Браччолини пытался преподнести отчет Конти читателю в первую очередь как рассказ об удивительном и свидетельство открытия заново стран, известных античной традиции, и именно в этом ключе отчет Конти, позднее включенный Браччолини в текст «О превратности судьбы», прошел литературную обработку.

С Перо Тафуром Конти повстречался на Синае двумя годами ранее, в 1437 г., на обратном пути в Италию. В непринужденной беседе с Тафуром Конти гораздо больше, чем в отчете папскому секретарю, дает волю воображению и часто рассказывает откровенно фантастические истории, в том числе о своем пребывании при дворе легендарного пресвитера Иоанна. Конти поведал кастильцу: «Когда я приехал в Индию, меня отвезли к пресвитеру Иоанну, который принял меня хорошо и оказал много милостей, женил меня на женщине,

¹ Евгений IV — в миру Габриэле Кондольмер, сам венецианец по происхождению.

с которой я еду, и эти дети родились у меня там, и прожил я в Индии сорок лет, очень желая вернуться на родину» [Тафур, с. 96–97]. Срок «сорок лет», указанный венецианцем, — по-видимому, не просто преувеличение, а числовой образ долгих скитаний по чужбине, восходящий к Ветхому Завету. Вполне возможно также, что Конти сознательно дезинформировал впечатлительного и доверчивого кастильца, стараясь не пустить в Индию никого, кто мог бы составить конкуренцию венецианским купцам. По словам самого Тафура, Конти, узнав, что его собеседник собирается отправиться в Индию, стал настойчиво отговаривать идальго от втягивания «в столь великое безумие, ибо дорога длинна, трудна и опасна, через земли чужих племен без царя, закона и господина» [Там же, с. 97]. Далее Конти живописует жестокость и грубость жителей дальних стран, причем без конкретной локализации, и именует их «звероподобными людьми, над которыми не властен их разум» [Там же, с. 98]. Отношение к индийцам и сиамам в отчете Браччолини у Конти совсем иное, а столь пугающие характеристики встречаются исключительно в описании жителей Нусантары и Андаманских островов. В рассказе папскому секретарю Конти представил историю своих путешествий, описание религиозной жизни и повседневности Индии и Юго-Восточной Азии, и именно этот отчет — основной источник нашего исследования.

Все земли, лежащие к востоку от Ирана, фигурируют в отчете Конти под общим наименованием «Индия»: «Вся Индия разделена на три части: первая — от Персии до реки Инд, вторая — от Инда до Ганга, а третья — все, что далее. [Третья часть] намного превосходит остальные в богатствах, человеческом достоинстве и роскоши, а по образу жизни и государственным обычаям равна нам» [Bracciolini, p. 139]. Одна из характерных особенностей повествования Конти — отсутствие распространенного в Средние века представления о народах-монстрах, дань которому часто отдавали даже крупные путешественники. Миссионер и путешественник первой половины XIV в. Одорико де Порденоне говорил о жителях Никобарских островов: «И у мужчин, и у женщин здесь собачьи морды» [Одорико, с. 186]. Марко Поло — венецианский купец, как и Конти, — зачастую скептически воспринимал представления современников о фантастических народах и животных. Однако и он нашел место псоглавцам в своем рассказе, «населив» ими Андаманские острова [Поло, с. 176]. Перо Тафур спрашивал Никколо Конти, «не видел ли он всяких монстров в человеческом обличье, тех, которых некоторые называют людьми с одной ногой или одним глазом, или маленьких в локоть высотой, или больших, с копые ростом; он говорит, что о таких ничего не слышал» [Тафур, с. 106]. Правда, в отчете Браччолини Конти сообщил, что индийские моряки поведали ему про водяной народ, питающийся рыбой и вылезающий из воды по ночам, внешне неотличимый от людей, но который «можно назвать или рыбами, или монстрами» [Bracciolini, p. 137], однако здесь речь идет не о продолжении западного представления о народах-монстрах, а о заимствовании персонажей уже из воображаемого мира индийцев. В рассказах Конти прослеживается дальнейшее отступление от традиционных географических мифов по сравнению с трудами предшественников.

Конти значительно меньше, чем, к примеру, Марко Поло, привлекали военные и событийные сюжеты. Особый интерес венецианец XV в. проявил к торговле, обычаям, нравам и верованиям далеких стран. Конти скрупулезно перечислил диковинные товары разных стран, проявив особенный интерес к специям. Купец не оставил без внимания региональные торговые связи: к примеру, отметил, что гвоздика произрастала только на острове Бандам², жители которого поставляли эту пряность на Большую и Малую Явы [Ibid., p. 136].

Очевидно, перед тем, как оказаться на страницах трактата Браччолини, сведения Конти вновь прошли отбор. Гуманиста Поджо более всего интересовала духовная жизнь далеких стран, и он явно старался соотнести данные путешественника с хорошо известными ему античными источниками. В частности, комментируя пространный рассказ Конти про охоту на слонов у жителей страны Мацин, Браччолини замечает, что такой же способ охоты на этих зверей — заманивание в специальную ловушку — упоминается еще Плинием [Bracciolini, p. 132]. Описания религиозной жизни стран Южной и Юго-Восточной Азии в передаче рассказа Конти у Поджо Браччолини примечательны тем, что характеризуют не только личные впечатления венецианского путешественника, но и попытку флорентийского гуманиста вписать вновь полученные знания в традиционные представления о Востоке. Браччолини пытался включить сведения об общественной и духовной жизни Индии, предоставленные ему путешественником, в собственное мировоззрение ренессансного мыслителя-гуманиста и почитателя Античности. Большая часть того, что Браччолини знал об Индии до встречи с Конти, базировалась на античной традиции. Одним из авторов, повлиявших на представления Поджо об индийцах, был Диодор Сицилийский, чью «Историческую библиотеку» Браччолини перевел с греческого на латинский язык [Rubiés, p. 103]. Перед тем, как поведать читателю о путешествиях Конти, Браччолини восторженно сообщил, что Конти удалось достичь земель, лежащих далеко за островом Тапробаной, «до которого, как известно из письменных свидетельств, не добирался никто из нас, кроме двоих: во-первых, командира флота Александра Великого, а во-вторых, римского гражданина во времена Тиберия Клавдия Цезаря» [Bracciolini, p. 127]. История о римском гражданине — вольноотпущеннике некоего Анния Плокама, попавшем во время принципата Клавдия ко двору царя Тапробаны (Шри-Ланки), приводится в «Естественной истории» Плиния Старшего [Plin. Nat. hist., VI. 84]. Плиний также упомянул тапробанское посольство в Рим во главе с Рахией, снаряженное царем вскоре после встречи с вольноотпущенником, и включил в «Естественную историю» те сведения об острове, которые римляне получили благодаря этому посольству. Плиний представил Тапробану государством, в котором ни у кого нет рабов, а народ избирает царя «по старости и кротости» [Ibid., VI. 89]. Для гуманиста Браччолини было важно подчеркнуть общность древних греков и римлян с его современниками, заново открывающими античную словесность и античные представления о мире. К средневековым текстам, в которых Индия и Юго-Восточная Азия так или иначе нашли отражение, Браччолини

² Очевидно, архипелаг Банда в группе Молуккских островов.

не проявил заметного интереса. Поклонник греко-римской науки не обращался к таким энциклопедиям, как «Великое зеркало» доминиканца первой половины XIII в. Винсента из Бове, и игнорировал европейских путешественников, сравнительно недавно бывавших значительно восточнее Тапробаны, которую Конти прямо отождествил с Суматрой: гуманист не упомянул ни Одорико де Порденоне, посетившего в начале XIV в. Индию и Китай, ни даже Марко Поло [см.: Chauduri, p. 270].

Напротив, Никколо Конти, вероятно, был хорошо знаком с книгой своего соотечественника Марко Поло и еще до начала своего путешествия имел возможность почерпнуть некоторые сведения об Индии и Юго-Восточной Азии оттуда. В ряде описаний Конти прослеживается преемственность с «Книгой о разнообразии мира». К примеру, у Поло встречаются сведения о распространении в Индии астрономии и геомантии [см.: Поло, с. 182], в отчете Конти эти сферы знания описаны как прерогатива брахманов [Bracciolini, p. 142]. В рассказе Никколо Конти упоминаются два острова под названием Ява — Ява Большая и Ява Малая³, отстоящие друг от друга на расстоянии 100 миль, окружности островов соответственно три и две тысячи миль [Ibid., p. 135]. Практически те же самые данные о размерах Большой и Малой Явы сообщил Марко Поло: более трех и более двух тысяч миль в окружности [Поло, с. 171–172]. В Китае Конти, очевидно, не был. Еще в 1368 г. монгольская династия Юань была свергнута, но венецианский купец пребывал в уверенности, что Китаем до сих пор правят из города Камбалескья великие ханы [Bracciolini, p. 134]. В описании китайской столицы у Конти можно проследить влияние рассказа Поло о Ханбалыке времен Хубилая.

Культурам Юго-Восточной Азии, как и Китаю, в отличие от Индии, заметного места в античной традиции не нашлось: сколько-нибудь достоверные сведения о них начали поступать в Европу лишь с XIII в. в сообщениях миссионеров, купцов и путешественников, главным образом благодаря появлению связующей разные концы Евразии Монгольской империи. Поэтому сведения о них для гуманиста Браччолини, по-видимому мало интересовавшегося близкими ему по времени сочинениями о дальних странствиях, были определенным информационным вызовом. Однако, как мы увидим далее, страны, не отраженные в трудах античных писателей и географов, воспринимались Конти и Браччолини отнюдь не одинаково.

Один из ключевых элементов в образе Индии у Конти — это портрет брахманов. Индийские брахманы изображены у Конти — Браччолини образованными и добродетельными мудрецами: они прямо названы «родом/племенем философов», *Philosophorum genus* [Ibid., p. 142]. Примечательно, что у Плиния Старшего брахманы тоже именуется «племенем» [Plin. Nat. hist., VI. 64]⁴. Конти отмечал праведность и мудрость брахманов, их познания в астрономии

³ *Java Maior* и *Java Minor* (вероятно, Ява и южная часть Суматры).

⁴ «Gentes quas memorare non pigeat a montibus Hemodis (quorum promunturium Imaus vocatur incolarum linguae nivolum sie significante) Isari, Cosiri, Izi et per iuga Chirotosagi Cognomen multarumque gentium Bragmanae, quorum Mactocalingae...»

и геомантии и уверял даже, что встречал философа, дожившего до трехсотлетнего возраста [Bracciolini, p. 142]. Под геомантией Конти, как и ранее Марко Поло, подразумевал, по всей видимости, индуистское учение об организации пространства — вастувидья. Брахманы в отчете венецианца изображаются также могущественными чародеями, способными вызывать и останавливать бурю, причем регламентация принятия пищи, предполагавшая закрытость от глаз небрахманов, трактуется Конти как страх перед сглазом [Bracciolini, p. 142].

Однако в качестве примера погодной магии в Индии Конти, завершая рассказ о брахманах, привел не индуистского священнослужителя, а некоего араба-медиума. Браччолини записал подробный рассказ венецианца о случае одержимости: «Со всей серьезностью Никколо рассказал, что, когда он стоял во главе одного корабля, судно было на семь дней застигнуто штилем посреди моря. Испуганные моряки собрались у жертвенника возле мачты и исполняли над ним разные священнодействия, танцуя вокруг него и все чаще призывая по имени бога Мутию (Muthiam), чтобы штиль не продолжался. Между тем один из арабов, одержимый демоном, удивительным образом запел и забегал по всему кораблю, подобно безумцу» [Ibid., p. 143]. Затем одержимый съел несколько угольков с жертвенника и потребовал крови петуха. Получив обещанную кровь, он предсказал морякам попутный ветер и велел приготовиться к сильной буре, но вскоре рухнул полумертвым на палубу, полностью забыв все, что только что говорил и делал. Обещание, однако, сбылось, и судно добралось до порта [Ibid., p. 143]. Перо Тафуру Конти поведал об этом таинственном плавании в еще более фантастическом ключе, уверяя путешественника, что, когда он плыл по Красному морю, моряки «советовались с врагами [рода человеческого]» [Тафур, с. 107–108], которые предстали в виде черного силуэта на мачте. Очевидно, образ брахманов как обладателей магической силы в отчете Конти контаминировался Браччолини с локальными спиритическими практиками, особенно популярными в Южной Индии. Мутия в отчете Конти — единственный из индуистских богов, названный по имени. М. Пирсон отождествляет Мутию из текста Браччолини с тамильским богом Muthiah [см.: Pearson, p. 120]. По-видимому, Мутия Конти — это дравидский бог войны и охоты Муруган, именуемый также Muttu и Muthya Kumaraswami. В культуре Муругана у тамилдов до сих пор распространены практики одержимости этим божеством, причем считается, что Муруган гораздо чаще, чем другие боги, вызывает одержимость⁵. И в тексте Браччолини, и в тексте Тафура Конти однозначно говорил о демонической природе сил, к которым взывали посреди моря его спутники.

В отчете Конти встречаются утопические мотивы. Остров Цейлон представлялся венецианскому купцу республикой, которой правят знатные брахманы: «Острова управляются родом браммонов, которые считаются мудрее остальных людей. Браммоны — философы, посвятившие всю жизнь изучению

---

⁵ Автор благодарит за консультацию кандидата культурологии, доцента кафедры религиоведения, этнокультурологии и регионалистики Российского православного университета им. Св. Иоанна Богослова (Москва) Максима Демченко.

астрологии и совершенствованию добродетельной жизни» [Bracciolini, p. 130]. Контти подробно описал царский двор империи Виджаянагар, но монархов на Цейлоне не упомянул, хотя, по-видимому, в образе брахманской республики в его рассказе предстало тамильское индуистское царство Джафна на севере острова. Судя по описанию «государства философов» на Цейлоне, Контти весьма высоко оценивал способности брахманов к управлению. Известно, что костяк государственного аппарата Виджаянагара составляли именно брахманы. Еще основатель державы Харихара I, проводя политику централизации, начал заменять наследственных глав округов назначаемыми из центра чиновниками [История Индии..., с. 329].

На его восприятие Цейлона как своеобразного государства философов, вероятно, повлияла государственная идеология Венецианской республики, прославлявшая Венецию как уникальное общество, управляемое благородными и мудрыми гражданами. В рассказе о Цейлоне Браччолини вряд ли искажил описание Контти, т. к. его собственные взгляды на благородство как черту главным образом нрава, а не крови противоречили принятым в Венеции воззрениям. «Венецианский миф» отстаивал идеал благородства, в первую очередь происхождения; видный венецианский гуманист Лауро Квирини написал полемический трактат «О благородстве. Против Поджо Флорентийца» [O'Connell, p. 487]. Склонность к созданию утопических картин Никколо Контти обнаружил и в беседах с Тафуром. Мифическое государство пресвитера Иоанна в Индии, в его представлении, тоже олигархическая республика, в которой пресвитер Иоанн не конкретный персонаж, а выборный магистрат, отдаленно напоминающий венецианского дожа. В рассказе Контти пресвитера выбирала коллегия из «двенадцати мужей, благородных по происхождению и добродетели» [Тафур, с. 99–100]. Таким образом, в описаниях Контти отчетливо прослеживаются утопические идеи, основанные на «венецианском мифе».

Брахманы в описании Контти — Браччолини не являлись жрецами. Индийские священнослужители названы бахали (*Bachali*). Об этих жрецах путешественник сообщал, что они вегетарианцы и ограничиваются одной женой, которая после смерти мужа восходит на его погребальный костер и, сгорая, никак не показывает свою боль [Bracciolini, p. 142]. На восприятие Поджо Браччолини рассказов Контти о брахманах мог оказать влияние идеализированный образ индийских гимнософистов («нагих мудрецов») в античной литературе, в частности в «Естественной истории» Плиния. У Плиния брахманы упоминались лишь среди множества индийских «племен», покоренных Александром Македонским, а философами и подвижниками, способными постоянно смотреть на солнце, предстают гимнософисты [Plin. Nat. hist., VII. 22], прообразом которых послужили, вероятно, джайны или адживики. Ба х а л и в описании Контти противопоставляются брахманам — «племени философов» — как «племя жрецов» [Bracciolini, p. 142]. Если брахманы распространены по всей Индии, то бахали у Никколо Контти — скорее локальная общность, связанная с городом Sambaittha [Ibid., p. 138]. Под последним, по-видимому, Контти подразумевал важный торговый город Камбей в Гуджарате [Rubíés, p. 100], современный Кхамбхат.

Конти подробно рассказал о повсеместно распространенной в Индии традиции самосожжения вдов — сати. Самосожжение вдов упоминалось Конти в описании столицы империи Виджаянагар: «В городе насчитывается 90 тысяч человек, способных носить оружие. Местные жители берут столько жен, сколько захотят, и те потом сжигаются вместе с [умершими] мужьями» [Ibid., p. 128]. Далее купец говорит о многочисленных женах императора, их градации и участи, ожидающей вдов после смерти государя. «Их [виджаянагарцев] царь, — сообщал путешественник, — намного превосходит остальных. Он имеет двенадцать тысяч жен, из которых четыре тысячи следуют за ним повсюду пешком и заняты на кухне; столько же — в нарядах, украшенных богаче, ездят верхом. Остальные путешествуют в носилках, и из них две или три тысячи выбраны ему в жены, с условием того, что после смерти своего господина они добровольно бросятся в костер, что считается для них великой честью» [Bracciolini, p. 129]. По словам путешественника, жрец бахали напутствует готовящуюся взойти на костер вдову, призывая «презреть жизнь и смерть», и рассказывает об ожидающей ее загробной жизни с мужем, полной неги и роскоши [Ibid., p. 141].

В чем же причина такого отрыва брахманов от их основной функции в индийском социуме в рассматриваемом нами источнике? Х.-П. Рубиес полагает, что именно Поджо Браччолини пытался, вопреки подлинным рассказам Конти, отделить философов от «идолопоклоннических» культов, поскольку, например, описанная Конти сцена бросания молящихся под колесницу идола на празднестве в Виджаянагаре плохо согласовывалась с образом добродетельных и мудрых философов [Rubiés, p. 106].

Сати в рассказах Конти — неотъемлемая часть образа жизни и рядовых индийских горожан, и монаршего двора, и жрецов. В ярком описании сати в среде самих жрецов бахали мы скорее видим восхищение мужеством и стойкостью жены, чем осуждение самоубийства, Браччолини здесь, очевидно, более привержен античному идеалу добродетели, нежели типично христианскому. В таком восприятии бахали у Конти — Браччолини прослеживается определенная симпатия, а следовательно, у папского секретаря едва ли были мотивы искусственно разделять брахманов и бахали из повествования путешественника. Поэтому причины различия между жрецами-бахали и брахманами-философами в нашем источнике следует видеть скорее в большом разнообразии индийского жречества в зависимости от кастовой принадлежности, конкретной функции и региона. Разные роды брахманов классифицируются в зависимости от ранга каст, которым они служат в качестве домашних жрецов, причем выше всех в иерархии стоят ученые брахманы, которые вообще не служат [Дюмон, с. 95].

Сообщество с относительно схожим с бахали названием — это баккалы. В более поздних индийских источниках, в частности эпохи Великих Моголов, баккалы — общее название купеческих каст [см.: Ашрафян, с. 122]. Гуджаратские торговцы банья относятся к варне не брахманов, а вайшьев, но не исключено, что под бахали Конти подразумевал именно их, учитывая такие особенности, как географическую привязку к Камбею и вегетарианство.

С другой стороны, Конти нигде не именовал бахали торговцами, они *genus sacerdotum*. Вопрос об идентификации бахали остается открытым.

Особый интерес Никколо Конти проявил к культовым сооружениям и религиозным традициям. «По всей Индии почитаются боги, которым строят храмы, очень напоминающие наши, — рассказывает путешественник, — изнутри они расписаны разнообразными фигурами, а по торжественным дням украшаются цветами; в храмах стоят идолы — каменные, золотые, серебряные и из слоновой кости, некоторые из них достигают шести футов в высоту» [Bracciolini, p. 143]. Конти прямо указывал на разнообразие молитв и жертвоприношений в Индии, на подношения «по обычаю древних язычников» богам угощений, которые после совершения ритуала раздавались беднякам [Ibid., p. 144]. Он оставил описание праздника колесниц в столице крупнейшей индуистской державы Юга: «В Виджаянагаре также в определенное время года устанавливают идола между двумя колесницами, в которых красиво наряженные девушки поют гимны богу, идола возят по городу в сопровождении множества людей. Многие, охваченные жаром своей веры, бросаются под колеса, чтобы быть раздавленными, что считается приятным богу» [Ibid.]. За рассказом о празднике колесниц у Конти следует красочное описание праздника Холи, во время которого индийцы, громко смеясь, обливают шафрановой водой всех участников праздника, включая царя и царицу [Ibid., p. 144–145].

Помимо самоубийств на празднике колесниц, в отчете Конти упоминались и другие практики религиозного самоистязания. В городе Камбее, по свидетельству путешественника, жрецы перед идолами обращаются к народу с призывом оставить жизнь во имя богов. Один из распространенных способов культового самоубийства, после которого человека «считают святым», согласно Конти, — отсечение себе головы круглым железным предметом, закрепленным на шее и приводимым в движение ногами с помощью цепи после произнесения ритуальных слов [Bracciolini, p. 144]. Речь, очевидно, шла о локальных неортодоксальных практиках умерщвления плоти.

Описывая сати или аскетические подвиги локальных культов, Конти обычно не пытался дать оценку происходящему с точки зрения христианской морали, он старался указать, какой смысл им придавали сами индийцы. Конти проявил неподдельный интерес к индийской культуре, он не только запечатлел ее шокирующие для европейца черты, но и был открыт прекрасному в ней. Однажды венецианец был так заворожен «сладостным пением» индийской свирели, что индийцы, видя его восхищение, рассказали ему о том, что свирель подражает пению легендарной птицы семенды (*semenda*), способной возрождаться из пепла [Ibid., p. 147].

Может показаться странным, что Конти практически не говорил об индийских мусульманах, о могущественных мусульманских государствах, к примеру о державе Бахманидов. Поскольку Конти и сам принял ислам — пусть, по его словам, и вынужденно, и уже на обратном пути — можно было бы ожидать от него развернутого рассказа о мусульманах Индии и Малайского архипелага. Он прекрасно знал арабский и персидский языки. Перо Тафур утверждал, что султан Египта даже сделал Конти своим главным толмачом в качестве

компенсации за то, что венецианца ограбили и принудили сменить веру в его владениях [Тафур, с. 111]. В Индию Конти попал вместе с персидскими купцами. Конти и его новые компаньоны дали друг другу клятву верности [Bracciolini, p. 128]. Последнее говорит о том, что венецианец, очевидно, стал членом одной из персидских купеческих корпораций. Первым из индийских городов Конти посетил Камбей, находившийся под властью гуджаратских султанов из династии Музаффаридов. В то время Гуджаратским султанатом правил Ахмад-шах (1411–1443), основатель Ахмадабада — новой столицы государства и важного экономического центра [Алаев, с. 146]. Правда, большая часть путешествий венецианца по Индии пришлась на южную ее часть, где доминировала индуистская империя Виджаянагар, фигурирующая у Конти под названием Бизенгалия [Bracciolini, p. 128]. Косвенно исламизация упоминалась в рассказе Конти о погребальных обычаях «передней Индии», которые резко контрастировали с кремацией, характерной для «центральной Индии» (по Конти, это все территории между Индом и Гангом). Конти описал величественные усыпальницы знати «передней Индии», над которыми сооружался роскошный павильон [Ibid., p. 141].

Конти упоминает индийских несториан, повествуя о своих путешествиях по империи Виджаянагар. О процветании этой христианской общины в данный период можно судить по сообщению Конти о несторианах в Майлапуре: «Еретики поклоняются телу святого Фомы, которое с честью покоится в огромнейшей и красивейшей базилике. Они называются несторианами, и в этом городе их проживает до тысячи; они рассеяны по всей Индии так же, как евреи среди нас» [Ibid., p. 129].

Если нравы Индостана у Конти описаны с известной симпатией, то островной пояс Юго-Восточной Азии — Нусантара — изображен жестоким и неприветливым миром с изуверскими обычаями. Знакомство Никколо Конти с Нусантарой началось с Суматры (*Sciamuthera*). Венецианец отождествил с Тапробаной античных авторов именно ее, а не Цейлон, фигурирующий под названием Саиллана [Ibid., p. 130]. Путешественник посетил здесь прославленный город-эмпорий, где провел год и сделал вывод, что на острове «мужи жестокие, а нравы грубые» [Ibid., p. 131]. Конти пренебрежительно отозвался о внешнем виде горожан, утверждая, что и у мужчин, и у женщин огромные уши, оттянутые серьгами с драгоценными камнями. Жители Суматры носят льняные и шелковые одеяния до колен. В области Батех (очевидно, батаки) Конти отметил каннибализм и обычай охоты за головами: «В части острова, которую называют Батех, живут людоеды (*Antropophagi*), которые постоянно воюют со своими соседями... Они обезглавливают пленных врагов и, съев плоть, сохраняют их головы, используя их в качестве денег: если им нужно что-либо купить, то они расплачиваются одной или несколькими головами в зависимости от стоимости вещи. Тот, кто хранит дома много голов, считается богаче» [Bracciolini, p. 131]. Сакральный аспект охоты за головами остался вне поля зрения путешественника. На двух Явах, как утверждал Конти, жили «бесчеловечнейшие из всех и жесточайшие» люди на земле, для которых «убить человека — забава» (*hominem occidere pro ludo est*) [Ibid., p. 135]. В рассказе

путешественника о нравах яванцев содержится наиболее раннее свидетельство в западноевропейском источнике об амоке — сложном социально-психологическом феномене Нусантары.

Амок (амук) — состояние бешенства, необузданной ярости [Ревуненкова, с. 300], в таком источнике, как малайская хроника Сулалат-ус-салатин, он предстает в разных формах. Иногда — как чисто спонтанная вспышка агрессии, иногда — как процесс, до некоторой степени управляемый. Так, согласно Сулалат-ус-салатин, сын министра Малаккского султаната тун Хусейн говорил своим противникам: «Если кто-нибудь оскорбит моего отца, я впаду в состояние амока» [цит. по: Ревуненкова, с. 372]. Воображение Конти поразили обычаи, согласно которому, несостоятельный должник, не желающий становиться рабом заимодавца, выбегал на улицу с мечом, убивая всех встречных, пока сам не будет убит, после чего заимодавец мог взыскать долг у убийцы должника [Bracciolini, p. 135]. Очевидно, здесь мы имеем дело с ограниченно управляемой разновидностью амока, при которой человек «запускает процесс» по собственной воле, но затем уже совершенно не в силах его остановить. Появляется закономерный вопрос: почему именно яванцы названы Конти бесчеловечнейшими, а не жители Виджаянагара или Гуджарата с их сати и многочисленными самоубийствами на празднествах? Вероятно, здесь дело во многом в личных впечатлениях Конти, встретившего на Яве времен медленного упадка индуистской империи Маджапахит более воинственную, по сравнению с виденными им ранее, культуру. Немалую роль в негативном отношении венецианца к Яве с ее культом меча (криса) могло сыграть то обстоятельство, что в самой Венеции ношение оружия было запрещено. Перо Тафур писал: «В этом городе никто никогда не носит оружия под угрозой страшнейшего наказания, какие бы обстоятельства ни были, и еще меньше дерзнул бы кто-нибудь прийти с оружием на совет» [Тафур, с. 216].

Для человека средневекового Запада стереотипным олицетворением насилия был мир ислама, тем более в период османской экспансии [см.: Кардини, с. 150–151]. Однако у Конти насилие не связывается с постепенным процессом исламизации Малайского архипелага. Да и сам этот процесс не нашел отражения в рассказах Конти. В отличие от Конти, Марко Поло, посетивший Суматру в 1292 г. и заставший исламизацию Нусантары в ее начальной фазе, как раз упоминает обращение в ислам «сарацинскими купцами» горожан царства Перлак на Суматре, хотя и пишет о жителях Суматры, что «все они идолопоклонники» [Поло, с. 172]. Поло четко различает горожан и горцев (батаков). Последних Марко Поло уподобляет зверям, пишет о широко распространенном у них канибализме, а религиозную жизнь суматранского горца характеризует не без доли иронии: «Как встанет утром, первое, что увидел, тому и молится» [Там же, с. 173]. Подобной дифференциации суматранцев по образу жизни и верованиям у соотечественника Поло через полтора столетия мы не встречаем. О религии жителей Суматры Конти лишь повторил скупую формулу Марко Поло, что они «все идолопоклонники» [Bracciolini, p. 131]. Хотя Конти посетил ряд буддийских государств Индокитая, попыток выявить какие-либо различия между индуизмом и буддизмом в рассказах Конти — Браччолини также не просматривается.

Несмотря на неоднократные характеристики народов Индии и Юго-Восточной Азии как идолопоклонников, в отчете о путешествиях Конти видно стремление представить их носителями образа жизни, близкого европейскому, и даже верований — с определенными чертами христианства. Уже упоминалось, что Конти находил индийские храмы очень похожими на европейские. Венецианец говорил об учтивости и утонченности жителей «третьей части Индии», о купцах, располагающих торговым флотом из сорока судов, и подчеркивал, что они «далеки от всякого варварства и дикости» [Bracciolini, p. 139]. Конти также утверждал, что в Китае дома и дворцы похожи на итальянские, а жители «скромны, благовоспитанны и богаче жителей других стран» [Ibid., p. 134].

Примечательно описание верований жителей страны Мацин⁶. Конти общал: «Все они поклоняются идолам, однако, встав с ложе, они обращаются к Востоку и, взявшись за руки, молятся: “Бог тройственный и закон Его, храни нас”» (*Deus trinus et lex ejus eadem, nos tuere*) [Ibid., p. 133]. В тексте противопоставлены почитание идолов и слова молитвы, в которой Браччолини, вероятно, увидел некое подобие представления о Троице в христианстве. Вероятно, христианскую Троицу напомнила гуманисту и, возможно, самому путешественнику буддийская формула трех драгоценностей учения — Будда, дхарма и сангха. За преобразованием в тексте Браччолини трех сокровищ буддизма в Троицу, очевидно, стоит стремление папского секретаря к поиску в верованиях язычников с рафинированной культурой идей, хотя бы отдаленно напоминающих христианские и, следовательно, придающих этим верованиям интеллектуальную легитимность при включении сведений о них в гуманистический дискурс. Подобным же образом итальянские гуманисты XIV–XV вв. стремились примирить и совместить вновь открытое наследие античной культуры с христианством. Вопрос о спасении праведных язычников был особо востребован гуманистической средой. Флорентийский неоплатоник Марсилио Фичино (1433–1499) писал о мудрецах Греции и Рима: «Ибо что иное заключено в них, помимо поклонения единому Богу и предписаний нравственной жизни?» [Черняк, с. 266].

В описании религиозной ситуации в обширном регионе Южной и Юго-Восточной Азии у Никколо Конти и Поджо Браччолини можно отчетливо проследить три основные тенденции. Во-первых, Индия воспринималась как страна, чьими чудесами восторгались античные авторы, а также как некий живой и едва ли не вечный свидетель, заставший и переживший ушедшую греко-римскую культуру. Многобожие индийцев для гуманиста Браччолини близко к язычеству древних греков и римлян, оно сопровождается добродетельной философией брахманов, искусством и изысканной архитектурой, а не «антропофагией» и охотой за головами, как у батаков. Во-вторых, Конти и Браччолини пытались найти сходство между экзотической действительностью стран, в которых побывал путешественник, и христианским миром: они не только увидели в индуистских храмах сходство с христианскими, но и «нашли» в буддийской молитвенной формуле подобие Троицы. В-третьих, не религия, а городская

⁶ По-видимому, сиамское государство Аюття.

культура, утонченность искусства и образа жизни являются в отчете Конти основным критерием положительного отношения к «Другому». Отсутствие упоминания о той или иной стране в греко-римской традиции все же не умаляло ни у путешественника, ни у гуманиста интереса к ней. Страны «Третьей» Индии, включая Китай, были почти неизвестны античным интеллектуалам, однако именно они помещены Конти — Браччолини на вершину культурной иерархии «по образу жизни и государственным обычаям», на один уровень с европейцами. Противопоставление «христиан и язычников» вытесняется оппозицией культуры и варварства. Собранные Конти данные о Востоке имели большое значение в деле приращения географического знания Запада на заре Великих географических открытий, оказали огромное влияние на формирование ренессансного дискурса о Востоке. Этому немало способствовали личные качества Конти: его купеческий прагматизм сочетался с открытостью другим культурам и желанием их понять.

Алаев Л. Б. Средневековая Индия. СПб., 2003. 304 с. [Alaev L. B. Srednevekovaya Indiya. SPb., 2003. 304 s.]

Ашрафян К. З. Дели: история и культура. М., 1987. 264 с. [Ashrafyan K. Z. Deli: istoriya i kultura. M., 1987. 264 s.]

Барбаро И. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-российских связей в XV в. / вступ. ст., подгот. текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 136–161. [Barbaro I. Puteshestvie v Tanu // Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-rossijskih svyazey v XV v. / vstup. st., podgot. teksta, per. i komment. E. Ch. Skrzhinskoy. L., 1971. S. 136–161.]

Дюмон Л. Homo hierarchicus: опыт описания системы каст. СПб., 2001. 480 с. [Dyumon L. Homo hierarchicus: opyt opisaniya sistemyi kast. SPb., 2001. 480 s.]

История Индии в средние века / отв. ред. Л. Б. Алаев, К. А. Антонова, К. З. Ашрафян. М., 1968. 726 с. [Istoriya Indii v srednie veka / отв. red. L. B. Alaev, K. A. Antonova, K. Z. Ashrafyan. M., 1968. 726 s.]

Кардини Ф. Европа и ислам: история непонимания. СПб., 2007. 332 с. [Kardini F. Evropa i islam: istoriya neponimaniya. SPb., 2007. 332 s.]

Поло М. Книга Марко Поло / предисл. В. В. Бартольда. М., 2012. 400 с. [Polo M. Kniga Marko Polo / predisl. V. V. Bartolda. M., 2012. 400 s.]

Порденоне Одорико де. Восточных земель описание, исполненное Одорико, богемцем из Форо Юлио, что в провинции Антония // После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий / пер., введ. и прим. Я. М. Света. М., 1968. С. 171–190. [Pordenone Odoriko de. Vostochnyih zemel opisanie, ispolnennoe Odoriko, bogemtsem iz Foro Yulio, chto v provintsii Antoniia // Posle Marko Polo. Puteshestviya zapadnyih chuzhezemtsev v strany treh Indiy / per., vved. i prim. Ya. M. Sveta. M., 1968. S. 171–190.]

Ревуенкова Е. В. Сулалат-ус-салатин: малайская рукопись Крузенштерна и ее культурно-историческое значение. СПб., 2008. 672 с. [Revunenкова E. V. Sulalat-us-salatin: malayskaya rukopis Kruzenshterna i ee kulturno-istoricheskoe znachenie. SPb., 2008. 672 s.]

Тафур П. Странствия и путешествия / пер., предисл. и коммент. Л. К. Масиела Санчеса. М., 2006. 296 с. [Tafur P. Stranstviya i puteshestviya / per., predisl. i komment. L. K. Masiela Sanchesa. M., 2006. 296 s.]

Хенниг Р. Неведомые земли. Т. 4. М., 1963. 384 с. [Hennig R. Nevedomyie zemli. T. 4. M., 1963. 384 s.]

Черняк И. Х. Сотериология Фомы Аквинского и ренессансные представления о спасении праведных язычников // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков

и раннего Нового времени. Вып. 5 / под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2005. С. 262–267. [Chernyak I. N. Soteriologiya Fomyi Akvinskogo i renessansnyie predstavleniya o spasenii pravednyih yazyichnikov // Problemy sotsialnoy istorii i kulturyi Srednih vekov i rannego Novogo vremeni. Вып. 5 / pod red. G. E. Lebedevoy. SPb., 2005. S. 262–267.]

Bracciolini P. Historiae de varietate fortunae libri quatuor. Paris, 1723. 294 p.

Breazeale K. Editorial Introduction to Niccolò de' Conti's Account // SOAS Bulletin of Burma Research. 2004. Vol. 2, № 2. P. 100–109.

Chaudhuri S. India Recognita: The Travels of Nicolò de' Conti // Oriente e Occidente nel Rinascimento / ed. Luisa Secchi Tarugi. Milan, 2009. P. 236–278.

O'Connell M. The Venetian Patriciate in the Mediterranean: Legal Identity and Lineage in Fifteenth-Century Venetian Crete // Renaissance Quarterly. 2004. Vol. 57. № 2. P. 466–493.

Pearson M. N. Coastal Western India: Studies from the Portuguese Records. Goa, 1981. 149 p.

Pliny the Elder. Natural History / with an English transl. by H. Rackham. L., 1961. Vol. 2, Libri 3–7. 682 p.

Rubiés J.-P. Travel and Ethnology in the Renaissance: South India through European Eyes, 1250–1625. Cambridge, 2000. 443 p.

Статья поступила в редакцию 14.02.2014 г.

УДК 94(57) + 330(09)

О. В. Семенов

ТУРИНСКИЙ ЯМ В КОНЦЕ XVI — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII В.: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ*

На основе широкого круга архивных и опубликованных источников показана история возникновения и функционирования Туринского яма в конце XVI — первой трети XVII в. Подробно охарактеризована профессиональная, хозяйственная и общественная деятельность ямщиков, отмечена их большая роль в местной жизни. Сделан вывод о том, что положение жителей Туринского яма изначально было тяжелым и со временем ухудшалось. Это являлось сдерживающим фактором в деле освоения Сибири.

Ключевые слова: Сибирь; Туринск; Туринский ям; ямская гоньба; ямщик; подводы.

С конца XVI в. «за Камнем» складывается система профессиональной ямской гоньбы. Ее оформление было вызвано потребностями Москвы в установлении более прочных связей с обширными, отдаленными и плохо освоенными территориями. Одним из первых по времени возникновения стал Туринский ям. Расположенный на официальном пути, он сыграл заметную роль в деле колонизации Сибири¹. Тем не менее, история его появления и функционирования не изучена.

* Работа выполнена при финансовой поддержке УрФУ в рамках реализации Программы развития УрФУ для победителей конкурса «Молодые ученые УрФУ».

¹ Речь идет не только о прямых обязанностях ямщиков, но и об их вкладе в хозяйственное освоение региона: в свободное от гоньбы время они занимались земледелием, ремеслом, промыслами и т. д.

Профессиональные ямщики появились в Туринске с момента основания города². Согласно распространенному мнению, основной причиной строительства данного населенного пункта как раз и была необходимость в заведении ямской гоньбы³. Этот вывод основан на тексте царской грамоты (от 30 января 1600 г.), адресованной будущему основателю города, тюменскому письменному голове Ф. О. Янову, и нуждается в корректировке. В документе сообщается о принятом решении «меж Верхотурья и Тюмени, в Епанчине юрте, строить ям» (на 50 ямщиков), а «для береженья... поставити острог» [Миллер, т. 1, с. 374]. До начала работ Янов должен был обратиться к окрестным инородцам с «государевым жалованным словом», в особенности подчеркивая то обстоятельство, что устройство профессиональной гоньбы избавит их от несения подводной повинности⁴. Перед нами не что иное, как ловкий политический ход, имевший целью успокоить коренных жителей в условиях слабости русских позиций в крае. Не случайно Москва настоятельно требовала от Янова «держатъ» к вогуличам «ласку и береженье великое». Не менее важными причинами основания Туринска были высказанные в той же грамоте и хронологически близких ей документах соображения стратегического характера (среднее течение Туры оставалось открытым для набегов Кучумовичей и кочевников, а Верхотурье и Тюмень слишком удалены), а также необходимость развития в Сибири хлебопашества, ввиду неудачных попыток его заведения в Тарском и Пельымском уездах. Поэтому в Туринске предполагалось поселить не только ямщиков, но также служилых людей и крестьян [СПФА РАН, ф. 21, оп. 4, кн. 16, л. 319–320; Миллер, т. 1, с. 374–377; РИБ, стб. 66–72].

Процесс создания в Сибири организованной системы сообщения ускорили жалобы коренного населения на обременительность подводной повинности⁵. В ответ на них в начале 1599 г. в Москве был разработан план, в соответствии с которым на дороге, связывавшей верховья Туры и Тобольск, «меж сибирских городов по волостям (ясачным. — О. С.), в которых волостях пригож», предполагалось «ямы устроить, и подводы и суды на ямах держатъ, и ближние волости (ясачные. — О. С.) на те ямы приписать и ясаков с тех волостей не имати» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 2, л. 126–129, 183–184.]. Иными словами, речь шла о реформировании подводной повинности. Тем не менее, данный проект не был реализован, и уже к концу 1599 г. правительство окончательно склонилось к мысли о необходимости учреждения на основной транспортной артерии края профессиональных русских ямщиков. Последовательное

² В источниках XVII в. Туринск чаще всего именовался «острогом».

³ По Ю. В. Коновалову, Туринск вообще «изначально рассматривался скорее как ямская станция, чем административный центр» [Коновалов, с. 12–13]. С этим нельзя согласиться. Несмотря на статус «острога», Туринск с момента возникновения являлся центром уезда, а его первые управленцы (письменные головы) располагали полномочиями, аналогичными функциям городских воевод.

⁴ Судя по всему, инородцы Епанчинской волости неоднократно жаловались на тяжесть подводной повинности. Однако они вовсе не просили учреждать по соседству с собой русский ям.

⁵ «За Камнем» до появления профессиональных ямщиков казенные перевозки в большинстве случаев ложились на плечи инородцев. Это объяснялось нехваткой русских насельников. Подводная повинность, в силу своей непривычности и обременительности, вызывала недовольство ясачных людей и не обеспечивала качественной связи: татары, остяки и вогуличи отпоявляли ее нерадиво и разбегались.

возникновение сразу трех ямов (Верхотурского, Туринского и Тюменского) являлось звеньями одной цепи.

Подробности основания Туринского яма почти неизвестны, поскольку его строельная книга не дошла. Из сохранившихся материалов видно, что главная ответственность по набору и обустройству ямщиков падала на местные власти⁶. В этом нет ничего удивительного: сибирских администраторов от их коллег по европейской России отличала большая самостоятельность и широта полномочий. В начале 1600 г. Москва предписала верхотурскому воеводе И. М. Вяземскому и письменному голове Г. С. Салманову укомплектовать будущий ям: 6 человек следовало выделить из числа верхотурских ямских охотников⁷, а остальных («сколько приберется») предполагалось набрать на Верхотурье из добровольцев. Любопытно, что утверждавшийся представителями государственной власти порядок верстания в ямщики «за Камнем», в европейской части страны во второй половине XVI в. являлся исключением. Там ответственность по выставлению для отправления гоньбы людей чаще всего ложилась на тяглецов. Не исключено, что верхотурским властям вменялось в обязанность предоставить ямщикам денежную «подмогу» с «крепкою порукою» (по 15 рублей на пай), бесплатные подводы до места назначения и лошадей с необходимой «гонейной рухлядью» [см.: Миллер, т. 2, с. 193]. Во всяком случае, к подобным мерам государство прибегало при устройстве других сибирских ямов. По достижении Епанчина юрта, ямщики поступали в распоряжение Янова. Вместе с инородцами, служилыми людьми и крестьянами они возводили Туринск. Янов должен был отвести им места под дворы, земли под пашни и сенные покосы⁸, обеспечить необходимым провиантом⁹ и семенным хлебом [Миллер, т. 1, с. 374, 375, 376–377; РИБ, стб. 66, 68, 69, 70–72].

Весной 1600 г. Туринск был поставлен. Он располагался при впадении р. Ялымки в Туру рядом с бывшим татарско-вогульским Епанчиным городком. Первое время город не имел своего гарнизона¹⁰. Его постоянное население состояло из крестьян и ямщиков. Последних к началу 1601 г. насчитывалось всего 6 человек. По-видимому, именно неприглядность ямской службы не позволила верхотурским властям прибрать на Туринский ям необходимое количество «охочих людей». Не сумел сразу этого сделать и Янов. Неизвестно, когда ямщики приступили к отпращиванию своих обязанностей. Скорее всего, это произошло в том же 1600 г. Впрочем, в силу малочисленности, они вряд ли справлялись со всем объемом перевозок. Поэтому в значительной степени транспортировка

⁶ По всей видимости, воеводские власти осуществляли лишь общий контроль. Непосредственным набором и обустройством ямщиков обычно занимались назначенные из детей боярских «приборщики» и «стройщики».

⁷ Верхотурский ям в начале 1600 г. находился в стадии формирования. На него прибирались «охочие люди» в Поволжье, на Вятке и, вероятно, из местного населения [Семенов, 2009, с. 16–17].

⁸ Места и размеры ямских земель Янову поручалось определить самостоятельно — «смотря по тамошнему делу».

⁹ Хлеб прислали с Верхотурья. Норму предоставляемых для потребления муки, крупы и толокна устанавливал лично Янов, «смотря по людям и по семьям, как кому мочно до нови прокормитца».

¹⁰ В начале XVII в. служилые люди присылались в Туринск в качестве «годовальщиков» из других сибирских городов.

людей и грузов по-прежнему осуществлялась силами коренного населения. Лишь к началу 1602 г. Туринский ям был полностью укомплектован¹¹, после чего и стало возможным его полноценное функционирование [Миллер, т. 1, с. 399].

Первоначально ямщики проживали попеременно с представителями других слоев общества. Это приводило к неудобствам. По свидетельству ямщиков, при устройстве им отвели по 6 сажень на двор¹², отчего «в остроге» обнаружилась «теснота великая, и огородов... развесть негде» [Миллер, т. 1, с. 384]. Царской грамотой от 28 января 1601 г. Янову предписывалось образовать отдельную Ямскую слободу. Она примыкала к Туринску с востока и была отделена от него оврагом, через который перекинули мост [Там же].

Туринский ям был устроен на 50 паев (вытей), что являлось общей для Сибири нормой. В обязанность его жителей входила круглогодичная (за исключением периода осенней и весенней распутицы)¹³ транспортировка казенных грузов и следовавших по государственной необходимости лиц до Верхотурья, Тюмени, Пельма, к слободам и деревням, а также в ясачные волости. Для этого ямщики содержали лошадей с санями, телегами, седлами и прочим «припасом», а для перевозок по воде — суда «с веслы и з бечевами и со всякою судовою снастью». С течением времени, по мере освоения региона, количество направлений и интенсивность перевозок возрастали. По социальному положению ямщики ближе всего находились к приборным служилым людям, или занимали промежуточное положение между ними и тяглецами. От государства они получали денежное жалованье в размере 15 рублей на пай [АИ, с. 150]. Необходимо отметить то, что в европейской России ямские охотники к началу XVII в. зачастую содержались на средства выставившего их населения. Лишь после окончания Смуты, в связи с резким падением уровня платежеспособности тяглецов и потребностями централизации, их перевели на казенное обеспечение. Нельзя исключать того, что насельникам Туринского яма поначалу предоставлялось хлебное жалованье. Однако вскоре его ликвидировали, а ямщиков перевели на службу «с пашни». Величина последней составляла 20 четей¹⁴ в поле, а «в дву потому ж» на пай [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 689, л. 186]. Впрочем, действительные размеры участков могли не соответствовать установленным окладам. При этом даже с «лишних» земель налоги в казну не взимались.

Существование Туринского яма основывалось на традициях мирского самоуправления. При необходимости население собирало сход, на котором решались важнейшие вопросы жизни общины. Здесь же избирались должностные лица, размещавшиеся в «ямской (земской) избе» [см.: РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 1260, л. 291]. Во главе органов самоуправления стоял староста. К примеру, в 1622/23 г. его обязанности выполнял Бажен Терентьев [АЮБ, стб. 258].

¹¹ Источники пополнения Туринского яма неизвестны. Ямщиков могли прибирать как в Сибири, так и в европейской части страны.

¹² Для сравнения: верхотурским ямщикам предоставляли по 12 сажень на каждое дворовое место.

¹³ Впрочем, нередко ямщики были вынуждены гонять даже «по последнему» зимнему и летнему пути «в самой пущей роспоп», что вызывало их многочисленные жалобы [см.: РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 496, л. 222–223, 226].

¹⁴ Четь (четверть) как мера земельной площади равнялась 0,5 десятины (или 0,6 га).

Староста представлял слободу перед внешним миром (мог подать челобитную «во всех ямских охотников место»), судил насельников яма по мелким правонарушениям, принимал участие в процедуре выдачи ямщикам жалованья, контролировал очередность отправления ими гоньбы, выделял под проезжающих подводы, заботился о пополнении вакантных паев и т. д. Помощниками старосты были десятники. Самый ранний из известных нам перечней этих должностных лиц относится к марту 1636 г. Тогда туринскими ямскими десятниками значились Евстафий Митрофанов, Пятун Иванов, Григорий Перминов и Кузьма Шустов [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 170, л. 63]. Старосту и десятников обычно избирали на год, причем из лиц не обязательно состоятельных. Упомянутый выше Б. Терентьев в 1623/24 г. владел всего лишь 1 четью «доброй» пашни, 1 четью перелога «в поле, а в дву потому ж» и санными покосами на 40 копен [Там же, оп. 1, кн. 5, л. 561, 584 об.]. Текущее делопроизводство находилось в руках ямского дьячка, который нанимался и содержался на средства «мира». Его значение усиливалось благодаря тому обстоятельству, что староста и десятники нередко были людьми неграмотными.

Туринские ямщики принимали активное участие в общественной жизни края. В XVII в. обыденной являлась практика отстаивания ими своих интересов, причем не только в отношениях с другими корпоративными сообществами, но и с властями, которые, чувствуя зыбкость своего положения, пока еще были вынуждены прислушиваться к голосу «земли». Тем не менее, автономия и самостоятельность общины имела свои границы. Дело в том, что ямской «мир» был образованием искусственным, созданным по воле государства. К тому же, в отличие от европейской России, «за Камнем» ямское дело находилось под прямым надзором и непосредственным контролем со стороны воеводской администрации. Зависимость сибирских ямщиков от местных властей усиливалась благодаря тому обстоятельству, что они подчинялись не Ямскому, а территориальному приказу — Казанскому дворцу (с 1637 г. — Сибирскому приказу). Именно воеводы выполняли роль более высокой судебной инстанции, следили за тем, чтобы ямы не пустели и исправно функционировали, защищали ямщиков от притеснений сторонних лиц, нередко выплачивали им жалованье, контролировали состояние транспортных коммуникаций и т. д. Усилению зависимости «мира» от администрации способствовали сами же ямщики, часто обращавшиеся к государству за помощью и посредничеством в решении внутриобщинных споров.

В литературе утвердилось представление о том, будто ямщикам жилось легче, чем многим другим категориям населения Московской Руси. Несомненно, в какой-то степени статус ямского охотника давал своему обладателю преимущества. К примеру, ямщицкое хозяйство лучше было обеспечено тягловой силой — лошадьми. Однако в целом положение жителей сибирских ямов оставалось тяжелым и со временем ухудшалось. Виной этому были не только суровые природно-климатические условия, поджидавшие на пути опасности¹⁵

¹⁵ В том числе, внешнего характера: в XVII в. территория Туринского уезда подвергалась ударам со стороны Кучумовичей и калмыков.

и многочисленные злоупотребления со стороны проезжающих людей и представителей местной администрации. Бедственная ситуация во многом усугублялась правительственной политикой. Взирая на население исключительно с точки зрения фискальной, избегая дополнительных расходов и изыскивая очередные источники пополнения казны, власти отказывались от увеличения количества паев, крайне неохотно шли на прибавку окладов жалованья, долгое время не вводили «за Камнем» прогонов, привлекали ямщиков к выполнению многочисленных повинностей, взымали с них общегосударственные налоги («пятую» и «десятую» деньги) и т. д.¹⁶ Так, переведенных в 1603 г. из Пелыма и Тары в Туринск крестьян до обустройства следовало разместить во дворах ямщиков [Миллер, т. 2, с. 208–209]. Все это объясняет, почему в основной массе (за редким исключением [см.: Семенов, 2011, с. 134]) насельники Туринского яма на протяжении XVII в. оставались людьми скромного имущественного достатка.

Серьезному испытанию система ямской гоньбы подверглась в годы Смуты. Впрочем, если в европейской части страны она оказалась в катастрофической ситуации (многие ямы запустили, сухопутные трассы пришли в упадок) [Гурлянд, с. 206], то в Сибири продолжала исправно функционировать, и даже в 1610 г. Туринский ям оставался полностью укомплектованным. Основная причина этого заключалась в том, что воеводская администрация края сумела сохранить в своих руках реальные рычаги управления, обеспечив бесперебойную деятельность основных государственных институтов [см.: Семенов, 2007, с. 61–76]. Заинтересованные в организованном сообщении, власти шли на уступки. Еще в канун грозных потрясений, в 1601 г., ямщики добились права на беспошлинный провоз через Верхотурье в Туринск приобретенных для личных нужд (а не на продажу) лошадей и сельскохозяйственного инвентаря (кос, серпов и т. п.) [Верхотурские грамоты, вып. 1, с. 100]. В начале 1607 г. по указу Василия Шуйского им была выдана казенная «подмога» для приобретения лошадей — по 5 рублей на пай [Там же, вып. 2, с. 185]. Несколько раньше туринские и тюменские ямщики жаловались на то, что их «суды... погнили и розвалились, и гоней им гонять не в чем» [РГАДА, ф. 1111, оп. 1, стб. 126, л. 2]. Ответной царской грамотой (февраль 1606 г.) верхотурскому воеводе С. С. Годунову и письменному голове А. Ф. Загряжскому предписывалось отдать распоряжение «делати плотником стругов гребных з десять». Последние следовало отправить в Туринск и Тюмень для раздачи «для гоней ямским охотником» [Там же]. Одновременно шли поиски более коротких и удобных путей. В 1602 г. по просьбе ямщиков письменному голове Ф. К. Фофанову указывалось произвести разведку новой дороги от Туринска до Тагильского устья и в случае, если она будет удовлетворять необходимым требованиям, расчистить и разрешить по ней гоньбу. Тем не менее, этих и подобных им мер было недостаточно. Висевшая над Сибирью на протяжении всех лет гражданской

¹⁶В отличие от многих ямских слобод европейской части страны, сибирские ямщики не имели уставных грамот, предоставлявших своим обладателям широкие привилегии (такие как неподсудность местной администрации, освобождение от несения повинностей и уплаты основных налогов, торговые льготы и т. д.).

войны угроза антирусского восстания ясачного населения, а также перебои в поставках хлеба и денежных средств из европейской России не могли не отразиться на положении туринских ямщиков. Не случайно оклады обеспечения за 1608/09–1609/10 гг. они получили не раньше лета 1610 г. [Верхотурские грамоты, вып. 2, с. 243].

В послесмутное время правительство приступило к восстановлению системы сообщения в масштабах всей страны. Тем не менее, туринские ямщики не получили желанного облегчения. Размеры их обеспечения сокращались и к началу 1620-х гг. составили 10 рублей на пай [АИ, с. 150]. Жалованья не хватало и выплачивалось оно нерегулярно. К тому же, ввиду нехватки наличных средств, его могли выдавать товарами (сукнами, пушниной «худого» и «среднего» качества), которые, вследствие отсутствия на них особого спроса, ямщики сбывали за бесценок. В 1621/22 г. из-за бегства и смертности на Туринском яме пустовали 16 паев. Путем невероятных усилий к 1622/23 г. воеводы сумели прибрать на 6,5 вытей добровольцев: «сверх прежних их окладов — десети рублей» «на завод и на лошади» им предоставили 5-рублевую «подмогу». Однако желающих занять остальные места не находилось [АЮБ, стб. 258–260].

Своеобразной «проверкой на излом» для населения Сибири обернулась деятельность тобольского воеводы Ю. Я. Сулешева (1623–1625). Этот ретивый «прибыльщик» поставил перед собой цель сформировать «в далекой государевой отчине» собственную продовольственную базу, благодаря которой край смог бы полностью отказаться от поставок зерна из Поморья. Поэтому он стремился к расширению запашки и увеличению объемов поступающего в казенные житницы хлеба. Тогда же была осуществлена перепись территорий Тобольского разряда. Ее результаты свидетельствовали о том, что к этому времени население западносибирских ямов играло заметную роль в хозяйственной жизни региона. По данным дозорной книги Н. Н. Беглецова (1623/24 г.), туринских ямщиков вместе с братьями и детьми мужского пола насчитывалось 57 человек¹⁷. В большинстве они проживали в Ямской слободе, включавшей 43 двора. Еще 9 ямских дворов располагались в уезде¹⁸. В общей сложности ямщики владели 163 четями с осьминой пашни, 63 четями с третником перелога¹⁹ «в поле, а в дву потому ж» и санными покосами на 3730 копен [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 5, л. 559 об.–562 об., 575 об.–586]. Выяснив то, что с ямских сверхокладных земель не взымались налоги, Сулешев в 1624 г. обложил их

¹⁷Перепись не дает точной цифры собственно ямщиков. Тем не менее, не приходится сомневаться в том, что к этому времени часть паев по-прежнему пустовала. Не случайно Беглецов фиксирует пашни и сенокосы лишь 36 ямщиков. Он же поименно перечисляет 20 человек их «детей и братьев». Что касается отмеченных в дозорной книге дворов в Ямской слободе, то некоторые из них могли принадлежать уже «выбывшим» ямщикам. К примеру, Ананий Денисов и Белый Барсуков, дворы которых учтены Беглецовым, в 1622/23 г. числились среди «выморошенных и сбеглых» [АЮБ, стб. 259].

¹⁸Пять дворов составляли ямскую деревню Твердунову, четыре стояли «на приезд» рядом с ямскими пашнями. Большинство их владельцев (не менее 7 человек из 9) имели дворы в Ямской слободе.

¹⁹Согласно нашим подсчетам, итоговая цифра перелога туринских ямщиков составляла 80 четей с третником «в поле, а в дву потому ж».

«выделным хлебом» — «пятым снопом»²⁰. Здесь ямщики оказались в менее выгодном по сравнению со служилыми людьми положении, с «лишних» пашен которых государство взysкивало десятую часть урожая. При этом норма окладной пашни была сокращена вдвое и составила 10 четей «в поле, а в дву потому ж» на пай [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 46, л. 6].

Нововведения Сулешева были одобрены Москвой. Благодаря им правительство добилось «существенной экономии казенного хлеба и улучшения хлебоснабжения Сибири» [Леонтьева, с. 18]. Однако они ударили по благосостоянию ямщиков. Ситуацию усугубило то, что в конце 1620-х гг. над Туринским уездом нависла угроза «шатости» ясачного населения и вторжения калмыков. Тогда же произошел конский падеж и, вероятно, «хлебный недород»²¹. В промежутке между мартом и августом 1629 г. туринский воевода А. И. Зубов был вынужден предоставить ямщикам «из государевы казны для их великих нуж и для ямских отпусков взаймы» (в счет будущего жалованья) 150 рублей [Первое столетие сибирских городов, с. 67]. Это, впрочем, не изменило ситуации. К началу 1630-х гг. на Туринском яме «с великою нужею» функционировало всего 25 паев, тогда как с остальных вытей ямщики, вследствие недостатка жалованья и «от далных и от частых перегонов, розбежались розно» [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 46, л. 6]. В октябре 1631 г. тобольским воеводам Ф. А. Телятевскому «с товарищи» была отправлена царская грамота с предписанием осуществить широкий сыск. По его итогам разрядные власти должны были самостоятельно («по своему высмотру») принять решение о целесообразности увеличения размеров денежного обеспечения и пашен ямщиков. Им же следовало доукомплектовать ям: вернуть «на старые жеребьи» беглецов, а на оставшиеся места прибрать добровольцев из числа «посадских захребетников», «гулящих людей» и «половников» [Там же, стб. 46, л. 6; стб. 107, л. 17, 18, 29–30]. В ответ из Тобольска в Туринск были отправлены дети боярские В. Гаврилов, И. Бовыкин, а также подьячий Б. Федоров²². На месте они опросили 174 человека. Следствие показало, что насельники Туринского яма «от частые... гонбы обнищали и одолжали великими долги, и у многих лошадей нет, а иные ходят меж двор и в долгах безпрестани стоят на правеже» [Там же, стб. 46, л. 7]. Когда же случается «подводам большой отпуск», ямщики «бегают», и вместо них «отпускают подводы, наймаючи государевою казною, а иные-де подводы и гребцы наметывают на посадских людей» [Там же]. Одновременно сыщики обратились к данным загонных книг. Из них следовало, что за 1629/30–1630/31 гг.

---

²⁰ Возможно, что планы по обложению сверхокладных пашен сибирских ямщиков оброком разрабатывались еще раньше. Царская грамота от 2 ноября 1622 г. предписывала верхотурскому воеводе И. И. Пушкину «выделной хлеб на нас (государя. — О. С.) збирати со всяких людей, опричь наших сибирских служилых людей» — с ружников, монастырских половников, посадских людей, пашенных крестьян и ямских охотников. Однако претворил эту меру в жизнь только Сулешев [Архив СПб ИИ РАН, ф. 28, оп. 1, стб. 105, л. 1; СПФА РАН, ф. 21, оп. 4, кн. 2, л. 132 об.].

²¹ Во всяком случае, в соседнем Тюменском уезде 1628/29 г. был неурожайным [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 14, л. 197; Миллер, т. 2, с. 415–416, 426–427].

²² Деятельность тобольских «стройщиков» протекала в 1632–33 гг.

туринские ямщики в общей сложности выделили 2499 подвод. Это превышало количество отпущенных за те же годы средств передвижения насельниками основного за пределами Уральского хребта Верхотурского яма. Испытывая острый недостаток подвод, большую их часть (2429) ямщики вынуждены были арендовать на стороне, потратив сумму, намного превышавшую размеры их денежного жалованья — 1710 рублей 7 алтын 1 денгу. По результатам следствия Тобольск принял решение об увеличении окладов годового обеспечения туринцев «против верхотурских ямских охотников» до 20 рублей на пай [Там же, стб. 46, л. 7–8; стб. 107, л. 30; стб. 593, л. 62–65]. Тогда же был осуществлен прибор людей на пустые выты.

Не вполне ясно, когда произошло увеличение денежного жалованья. Учитывая то, что отписку тобольских властей с изложением своих действий в Москве получили в августе 1633 г., новые оклады обеспечения ямщики стали получать с 1632/33 г. или с 1633/34 г. [Там же, стб. 46, л. 7, 15]. Их размер оставался неизменным до начала XVIII в.²³ Что касается величины окладной пашни, то ее сохранили на прежнем уровне. В дальнейшем, в результате настойчивых просьб туринцев, она была увеличена до 20 четей «в поле, а в дву потому ж» на пай. При этом с их «лишних» земель стали взимать оброк в размере десятой части урожая²⁴. Тем не менее, этих и подобных им уступок было явно недостаточно. Поэтому в последующем Туринский ям регулярно пустел, а при его пополнении возникали трудности, связанные с набором добровольцев.

Таким образом, Туринский ям стал одним из первых по времени возникновения поселений профессиональных ямщиков в азиатской части страны. Начальная история его существования драматична. Благодаря своей профессиональной деятельности, а также социальной и экономической активности, ямщики внесли большой вклад в дело интеграции края в состав России. Однако их собственное положение оставалось тяжелым. Это отрицательно сказывалось на качестве функционирования яма и, следовательно, в какой-то степени сдерживало процесс освоения сибирских территорий.

АИ. СПб., 1841. Т. 3. [АИ. СПб., 1841. Т. 3.]

Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28 (Верхотурская приказная изба). [Arhiv SPbII RAN. F. 28 (Verhoturskaya prikaznaya izba).]

АЮБ. СПб., 1884. Т. 3. [АЮБ. СПб., 1884. Т. 3.]

Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII в. : в 2 вып. М., 1982. [Verhoturskie gramoty konca XVI — nachala XVII v. : v 2 vup. M., 1982.]

---

²³В 1660/61 г., в связи с финансовыми мероприятиями властей, вызвавшими падение покупательной способности медной монеты и рост цен, размеры обеспечения туринских ямщиков были увеличены до 23 рублей на пай. Однако вскоре после окончания денежной реформы им вернули «прежней оклад, как ходили серебряные денги до медных» [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 593, л. 59–60, 69, 74; стб. 818, л. 523–524, 526, 529; ДАИ, с. 228–229].

²⁴В конце 1688г. Москва предписала туринским властям увеличить окладную пашню ямщиков до 40 четей «в поле, а в дву потому ж» на пай. Впрочем, в 1692 г. ее размеры вновь составляли 20 четей «в поле, а в дву потому ж» [РГАДА, ф. 1111, оп. 1, стб. 148, л. 392; СПФА РАН, ф. 21, оп. 4, кн. 6, л. 275 об.–276 об.].

Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900. [Gurlyand I. Ya. Yamskaya gon'ba v Moskovskom gosudarstve do konca XVII veka. Yaroslavl', 1900.]

ДАИ. СПб., 1851. Т. 4. [DAI. SPb., 1851. T. 4.]

Коновалов Ю. В. Население Ирбитской слободы в первые годы существования (1632–1682) // Ирбит и Ирбитский край: очерки истории и культуры. Екатеринбург, 2006. С. 11–35. [Konovalov Yu. V. Naselenie Irbitskoj slobody v pervye gody sushchestvovaniya (1632–1682) // Irbit i Irbitskij kraj: ocherki istorii i kul'tury. Yekaterinburg, 2006. S. 11–35.]

Леонтьева Г. А. Пашня служилых людей Сибири в XVII — начале XVIII вв. // Земледельческое и промысловое освоение Сибири (XVII — начало XX в.). Новосибирск, 1985. С. 3–18. [Leont'eva G. A. Pashnya sluzhilyh lyudej Sibiri v XVII — nachale XVIII vv. // Zemledel'cheskoe i promyslovoe osvoenie Sibiri (XVII — nachalo XX v.). Novosibirsk, 1985. S. 3–18.]

Миллер Г. Ф. История Сибири : в 2 т. М., 1999–2000. [Miller G. F. Istoriya Sibiri : v 2 t. M., 1999–2000.]

Первое столетие сибирских городов. Новосибирск, 1996. [Pervoe stoletie sibirskih gorodov. Novosibirsk, 1996.]

РГАДА. Ф. 214 (Сибирский приказ). [RGADA. F. 214 (Sibirskij prikaz).]

РГАДА. Ф. 1111 (Верхотурская приказная изба). [RGADA. F. 1111 (Verhoturskaya prikaznaya izba).]

РИБ. СПб., 1875. Т. 2. [RIB. SPb., 1875. T. 2.]

Семенов О. В. К вопросу о положении городов и уездов Зауралья накануне и в годы Смуты // Мининские чтения : тр. науч. конф. Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского (20–21 октября 2006 г.). Нижний Новгород, 2007. С. 61–76. [Semenov O. V. K voprosu o polozhenii gorodov i uezdov Zaural'ya nakanune i v gody Smuty // Mininskie chteniya : tr. nauch. konf. Nizhegorod. gos. un-t im. N. I. Lobachevskogo (20–21 oktyabrya 2006 g.). Nizhnij Novgorod, 2007. S. 61–76.]

Семенов О. В. Верхотурский ям в конце XVI–XVII вв.: история возникновения и функционирования // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2009. Вып. 7. Ч. 1. С. 15–28. [Semenov O. V. Verhoturskij yam v konce XVI–XVII vv.: istoriya vznikenoviya i funkcionirovaniya // Ural'skij sbornik. Istoriya. Kul'tura. Religiya. Yekaterinburg, 2009. Vyp. 7. CH. 1. S. 15–28.]

Семенов О. В. «Дело» туринских ямщиков Коркиных. Из истории утверждения крепостнических отношений в Сибири в XVII в. // Вестник УрО РАН. Екатеринбург, 2011. № 3 (37). С. 132–138. [Semenov O. V. «Delo» turinskih yamshchikov Korkinyh. Iz istorii utverzhdeniya krepostnicheskikh otnoshenij v Sibiri v XVII v. // Vestnik UrO RAN. Ekaterinburg, 2011. № 3 (37). S. 132–138.]

СПФА РАН. Ф. 21 (фонд Г. Ф. Миллера). [SPFA RAN. F. 21 (fond G. F. Millera).]

Статья поступила в редакцию 07.02.2014 г.

УДК 929.522.1 + 94(470 + 570)

В. В. Морозан

СОСТАВЛЕНИЕ БЕССАРАБСКОЙ ДВОРЯНСКОЙ РОДОСЛОВНОЙ КНИГИ*

В статье освещен один из наиболее сложных этапов формирования дворянского общества в Бессарабии, вслед за присоединением ее к России в 1812 г. В этой вновь приобретенной области, как и в самом Молдавском княжестве, процесс формирования социальной элиты был еще далек от завершения. Этот фактор существенно осложнял усилия российских властей по формированию органов местного управления. Чтобы завершить процесс создания местного благородного общества, необходимо было составить родословную книгу бессарабского дворянства.

Ключевые слова: российская история; поместное дворянство; краеведение; родословная книга.

До начала 1820-х гг. было несколько попыток структурировать благородное сословие Бессарабской области. Подобные усилия предпринимались в 1816 и 1818 г., но безуспешно. Отсутствие такой социальной организации в крае чрезвычайно осложняло работу административного аппарата. Всякий раз, когда возникала необходимость созвать дворянское собрание, властям приходилось создавать особые комиссии для проверки документов у приезжавших в Кишинев бояр на право участвовать в выборах. Так, пришедший на смену полномочного наместника Бессарабской области А. Н. Бахметева генерал-лейтенант И. Н. Инзов посчитал, что причиной неудовлетворительной работы прежних комиссий была лишь недобросовестность местного дворянства. «Многие лица, — писал он по этому поводу, — помещенные в том списке и не имеющие никакого права на сие благородное звание и конечно записанные в оный по желанию только нескольких дворян, для увеличения своих партий при выборах, служили главной причиной тех беспокойствий и неприятностей, которые происходили досель» [РГИА. ф. 1308, оп. 1, д. 29, л. 1 об–2]. Можно допустить также, что и власти края вносили в этот процесс немало деструктивных действий. Часто руководство краем намеренно сталкивало между собой многочисленные дворянские группировки, чтобы решить те или иные проблемы.

Вступив 15 июня 1820 г. в обязанности главного начальника края, Инзов распорядился пересмотреть прежний список дворян. По его распоряжению каждый из претендентов на включение в родословную книгу должен был доказать на это свое право. Возглавил новую комиссию сам И. Н. Инзов, который ввел в ее состав помимо предводителя дворянства, Дмитрия Рышкана, еще 12 лиц, имеющих на то неоспоримые права, «следовательно, не подверженных никакому сомнению в их беспристрастности» [РГИА. ф. 1308, оп. 1, д. 29, л. 12]. По признанию Инзова, он постарался включить в состав комиссии

* Статья подготовлена к публикации при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 11-01-00454.

представителей враждующих партий, чтобы избежать возможности внедрения в состав дворянства недостойных лиц. В действительности среди тех, кому надлежало ревизовать документы местной элиты, оказалось много прежних лиц: Александр Гика, Иоанн Стурдза, Иордакий Милло, Матвей Рышкан, Петракий Катаржи, Федор Крупенский, Янко Руссо, Еноваки Палади, Иван Дониц, Василий Яманди, Матвей Зилоти, Панаит Казимир. Организационными делами комиссии занимались титулярные советники М. И. Лекс и Иордакий Александри. Все перечисленные лица неоднократно привлекались властями к работе в разных временных учреждениях, причастных к судьбе благородного сословия. Так, И. М. Стурдза, состоя еще в боярском чине спатаря, ездил в 1814 г. в Санкт-Петербург в составе бессарабской делегации, где был принят со своими соплеменниками Александром I. Участвовал он также в предшествующей комиссии по делам дворян.

Заметную роль в работе предстоящей ревизии И. Н. Инзов отводил Еремею Кирилловичу Янову, служившему некогда переводчиком в Диване Молдавского княжества, а затем эти обязанности он выполнял в штате гражданского губернатора. В настоящей комиссии Янов, помимо функций переводчика, должен был исполнять и работу письмоводителя. По поручению генерала, он приступил к изучению дворянских документов 10 февраля 1821 г., продолжая «службу сию без всякого вознаграждения от казны и общества до закрытия Комиссии 10 декабря 1821 г.» [РГИА, ф. 1349, оп. 4 (1832), д. 98, д. 135 об.–39].

Работе Бессарабской областной дворянской комиссии сопутствовало распространение среди местного благородного сословия разъяснительной записки, или инструкции от 17 февраля 1821 г., в которой указывалось, какие именно документы будут приниматься для доказательства благородного происхождения. В нее были также включены извлечения из российского законодательства, объяснявшие, на каких основаниях причислялись соискатели к дворянскому сословию. «Сим средством, я надеюсь, — писал И. Н. Инзов, — совершенно прекратятся распри, происходившие между здешним дворянством и вовсе уничтожится повод к тем беспорядкам, кои допущены были при совершении прежних выборов...» [РГИА, ф. 1308, оп. 1, д. 29, л. 4 об.].

Основанием для внесения каждого претендента в родословную книгу могли стать документальные подтверждения их причастия к высшему сословию, среди которых могли быть хрисовы, грамоты, повеления и господарские записи, данные на чины, бумаги на имения по тяжёлым делам, или особые «рекомендации» от владетельных князей. Помимо того принимались во внимание жалованные от государя гербы или патенты на чины, которые давали право на дворянское достоинство. Право это определялось грамотой господаря Ионы Маврокордата 1734 г., по которой признавались дворянами лица, занимавшие до 1812 г. должности от третьего логофета до вел-логофета. На дворянское звание могли также претендовать те лица, которые в период профезмии¹ «удостоились по заслугам получить жалованный кафтан, хотя бы и не происходили

¹ Префезмия — 18-месячный срок после подписания Бухарестского мира, дававший право выбора жительства жителям Молдавского княжества и отторгнутой бессарабской части.

из дворянских фамилий» [РГИА, ф. 1151, оп. 3 (1844), д. 231, л. 151]. К документам, дававшим право на дворянство, относились указы или грамоты на дачу земель или деревень, на «посольство или посланничество», о дворянской службе предков и другие письменные свидетельства, подтверждавшие причастность к благородному сословию. К нему также принадлежали кавалеры русских орденов. В отдельных случаях, когда документы лишь косвенно указывали на дворянское происхождение, власти требовали свидетельство двенадцати «благородных человек». В тех же случаях, когда претендент имел право на дворянство по выслуге, по орденам и прочим заслугам, комиссия должна была следовать российскому законодательству. По ее окончании все представленные дворянами документы были им возвращены.

Члены комиссии 1821 г. приступили к исполнению возложенных на них обязанностей 10 февраля. Есть основания полагать, что в первое время ее деятельность не была интенсивной, вынуждая наместника торопить ее членов в производстве ревизии. Об этом Инзов докладывал графу И. А. Каподистрия 5 августа 1821 г. [РГИА, ф. 1308, оп. 1, д. 29, л. 14]. Задержка в деле рассмотрения документов в зимне-весеннее время была вызвана медлительностью боярства, которое не торопилось представлять необходимые свидетельства на свое звание. Однако к лету они уже подали в комиссию достаточное количество документов, и наместнику пришлось употребить власть, чтобы ускорить разбор дел. Кроме того, центральные власти требовали скорейшего проведения очередных выборов депутатов дворянства. Впрочем, И. Н. Инзову удалось убедить императора, что это мероприятие следовало отложить до декабря 1821 г., когда работа комиссии могла завершиться [РГИА, ф. 1308, оп. 1, д. 29, л. 136]. Внесение утвержденных фамилий в список дворян области началось во второй половине августа. В частности, одним из первых, а именно 22 августа 1821 г., был включен в него род Дмитрия Рышкана.

Освидетельствование документов началось с Оргеевского цинута, в котором проживало наибольшее количество дворян. Они могли подавать в комиссию свои бумаги с 28 февраля 1821 г. и до окончания ее работы. Каждый представленный документ подлежал тщательному рассмотрению и утверждению квалифицированным большинством комиссии. «Буде же при рассмотрении доказательств единогласно, — указывалось в инструкции для членов комиссии, — или две трети голосов находят доказательства достаточными, тогда тот род внесут в родословную книгу Наместничества и дадут тому роду грамоту за своими подписями и с приложением печати Дворянского собрания той губернии» [РГИА, ф. 1151, оп. 3 (1844), д. 231, л. 152]. После Оргеевского цинута надлежало принимать документы от жителей Ясского и Хотинского цинутов, и лишь после этого могли быть рассмотрены бумаги дворян южных частей области. Такая последовательность диктовалась различной степенью заселенности бессарабских уездов, следовательно, и неравномерным распределением самих дворян в этих цинутах. В указанные годы в южных частях края почти не встречались владения молдавских феодалов, которые в предыдущие времена были оттеснены турками и ногайцами из этого района. Правда, ряд бояр после ухода ногайцев из Буджака попытался предъявить свои права на некоторые

земельные владения юга Бессарабии, но чаще всего безуспешно. Выяснилось, что многие из них использовали подложные бумаги. Вскоре эти земли стали активно раздаваться различным российским дворянам, среди которых было немало петербургских сановников. Для этих лиц каких-либо подтверждающих документов, безусловно, не требовалось.

Как отмечалось выше, комиссия о дворянстве закончила свою работу 10 декабря 1821 г., составив список из 189 фамилий. Из них право выбора получили 127 лиц, 66 из которых были причислены к Оргеевскому цинуту, 37 — к Ясскому, 19 — к Хотинскому, 4 — к Бендерскому и 1 — к Измаильскому [РГИА, ф. 1308, оп. 1, д. 29, л. 14 об.]. Остальные бессарабские дворяне, не владевшие необходимым количеством земли, остались без права прямого выбора своих депутатов. Помимо того, незначительное число дворян осталось вне избирательного процесса ввиду нахождения под следствием по уголовным делам. Согласно уже действовавшим к тому времени законодательным нормам бессарабские дворяне имели равные права с российскими дворянами, за исключением права владеть крепостными крестьянами в пределах области. В коренной России они могли покупать и владеть заселенными имениями. 11 марта 1822 г. генерал И. Н. Инзов поручил И. М. Стурдзе представить в Бессарабский верховный совет все подлинные определения комиссии 1821 г. и алфавитный список дворян для составления, согласно Уставу образования области, родословной книги [РГИА, ф. 1151, оп. 3 (1844 г.), д. 231, л. 2]. Работа над ней шла неспешно, о чем И. Н. Инзов докладывал в мае 1823 г. министру внутренних дел графу В. П. Кочубею [РГИА, ф. 1308, оп. 1, д. 29, л. 27 об.]. Наместник, пытаясь оправдаться, сообщал министру, что «в последнее время делал напоминания Бессарабскому верховному совету по сему предмету» [Там же]. Однако члены совета смогли закончить работу над книгой лишь в августе 1823 г.

Отмеченный выше реестр из 189 дворянских фамилий в 1824 г. был отвергнут редакции Верховным советом Бессарабской области, который сохранил в нем лишь 102 фамилии. Причиной ревизии стал сепаратный учет комиссией 1821 г. семей младших поколений дворян, вместо того, чтобы сопричислить их к роду их отцов. Вследствие этого сокращения в первую часть дворянской родословной книги вошла 61 семья, во вторую часть — 12 семей, в третью часть — 7, одна семья вошла в пятую часть книги и 19 фамилий — в шестую часть [РГИА, ф. 1308, оп. 1, д. 29, л. 14 об.].

Следует отметить, что с окончанием работы комиссии 1821 г. ряды бессарабского дворянства не стали недоступными для новых членов. Документы на это звание можно было подавать согласно существующим нормам, какие были распространены и в других губерниях России. При этом желающих добиться права на принадлежность к благородному сословию было немало. Помимо действительно достойных этого звания лиц было и немало самозванцев, добывших фальшивые документы. Так, по окончании в 1828 г. правления в Молдавском княжестве и прибытии в Кишинев, бывший господарь Иоанн Стурдза стал раздавать за деньги так называемые питаки, т. е. патенты на чины, дававшие право на дворянство. В частности, один лакей дворянки Богдан приобрел питак на чин пахарника. Подобное же приобретение сделал некто Юбич, посессор той

же дворянки Богдан. Продажей фальшивых питаков занимались также ворник Драгич, хатман Федор Балыш и постельник князя Иоанна Стурдзы Николай Канта. О такой практике молдавских чиновников доносил в Сенат и новороссийский и бессарабский генерал-губернатор М. С. Воронцов 31 декабря 1833 г. [РГИА, ф. 1151, оп. 3 (1844 г.), д. 231, л. 252].

Были моменты в течение первых десятилетий нахождения Бессарабии в составе России, когда процесс формирования дворянского общества вызывал болезненные реакции верховных властей империи. Хотя временами они проявляли отстраненное отношение к происходившему в бессарабском дворянском обществе. Возможно, это была выжидательная позиция. Первое обсуждение вопроса об основаниях для причисления к дворянству бывших молдавских бояр развернулось в Петербурге в 1822 г., когда из Инспекторского департамента Главного Штаба в Герольдию пришел запрос на Николая Гаврилица, Ивана Кешко, Михаила Богуша, Александра Андрияша, Ивана Руссу, Скарлата, Степана и Алексея Доничей, Егора Черкеза и Василия Леонарда. Все перечисленные молодые люди пытались поступить на военную службу и в этой связи в Военном министерстве возник вопрос, можно ли считать их дворянами и на каких основаниях. Сенат не смог дать однозначный ответ, т. к. к тому моменту Бессарабская область не вошла в общее управление российскими губерниями. По этой причине Сенат, «не входя в рассмотрение представленных о недорослях из бессарабских фамилий свидетельств и не делая никаких заключений, препроводил оные в апреле 1822 года к управляющему Министерством внутренних дел» [РГИА, ф. 1151, оп. 3 (1844 г.), д. 231, л. 4–5]. Действия Сената основывались на высочайшем рескрипте 10 июня 1822 г., согласно которому все дела по Бессарабской области находились в ведении главы этого министерства. Таким образом, Герольдия ждала от графа В. П. Кочубея соответствующих объяснений, на основе которых она могла рассматривать документы на дворянство. Давая герольдмейстеру П. А. Мансурову необходимые разъяснения по этому поводу, министр также приказал генералу И. Н. Инзову ускорить работу по составлению родословной книги, с тем чтобы отправить ее со всеми документами дворян для окончательного рассмотрения Герольдией. Лишь после этого книга могла стать основанием для подтверждения сословных прав на благородное звание.

Приступив в 1823 г. к составлению дворянской родословной книги, Бессарабский Верховный совет столкнулся с характерными для всех губерний России проблемами, когда многие представители дворянства вовремя не предоставляли нужные документы о своем социальном происхождении. По этой причине 16 января 1825 г. полномочный наместник граф М. С. Воронцов потребовал от Верховного совета ускорить работу по сбору фамильных документов о благородном происхождении, чтобы отправить их вместе с книгой в Санкт-Петербург. Исполняя приказ наместника, совет постановил «истребовать поспешнее через посредство цинутных предводителей и полицейских мест» [НАРМ, ф. 88, оп. 1, д. 51, л. 30] нужные бумаги. Таким образом, дворяне обязаны были вновь отправить в Кишинев имевшиеся у них свидетельства на свое происхождение и приложить по две копии со всех документов, «одну на рублевом, а другую

на двухрублевом гербовом листе» [Там же, л. 33]. Члены Верховного совета сверяли переводы с оригиналами и при отсутствии ошибок подписывали их. 8 мая 1825 г. граф М. С. Воронцов распорядился ускорить работу по переписи родословной книги набело, т. к. черновой вариант был уже готов. Для этого не доставало лишь подлинных документов, чтобы убедиться в правильном внесении в нее той или иной фамилии. Однако и к 7 августу следующего 1826 г. совет получил бумаги лишь от 20 дворянских фамилий, остальные оставались безучастными к этому процессу [Там же, л. 2]. В этой связи власти области вынуждены были через цинутных предводителей и полицейских предупредить под подпись каждого дворянина края, что в октябре 1826 г., независимо от объема представленных документов, переписанная набело родословная книга будет отправлена в Санкт-Петербург. Следовательно, нерасторопные дворяне могли остаться не включенными в этот документ. Замедляла работу и необходимость перевести с молдавского на русский язык значительную часть документальных свидетельств. В частности, оргеевский цинутный предводитель дворянства в своем рапорте от 29 сентября 1826 г. жаловался на трудности с переводом документов из-за недостатка переводчиков, прося отсрочку в представлении бумаг до 1 ноября [РГИА, ф. 1151, оп. 3 (1844 г.), д. 231, л. 149]. Верховный совет был вынужден уступить просьбам предводителя. Однако и после отмеченной даты дворяне не торопились с отправкой бумаг, а полученные переводились крайне медленно. Наиболее безответственными оказались лица, проживавшие в Кишиневе. Согласно рапорту городской полиции от 22 января 1827 г., жившие в областном центре дворяне и вовсе отказывались предоставлять свои документы [Там же]. Многие же поступали без перевода. Верховный совет был вынужден привлечь к переводу этих бумаг депутатов совета. Вскрывались случаи представления фальшивых документов. Так, в 1826 г. в Верховный совет поступили бумаги от Василия Россета, Василия и Николая Танасовых, Хиждева, Андрияша и Иордакия Милло. Но потом выяснилось, что документы Россета переведены неверно, свидетельство Хиждева переведено на обычной бумаге, а нужно было на гербовой. Бумаги остальных и вовсе не были переведены [НАРМ, ф. 88, оп. 1, д. 51, л. 70].

Из представленной Бессарабским дворянским депутатским собранием записки следовало, что и в прошлом 1821 г. лишь некоторые соискатели представили полностью все необходимые документы, другие только часть бумаг. Последняя группа дворян объясняла их отсутствие тем, что недостающие были либо утеряны, либо при продаже своих вотчин они были уступлены новым владельцам. Не спешили эти лица представлять их и во время составления родословной книги. Из-за этого процедура отправки бумаг для утверждения в Герольдию общего списка дворянских фамилий Бессарабской области затягивалась. В 1820-х гг. только лишь 11 дворянских бессарабских фамилий в разное время были утверждены Герольдией сепаратно и один общим собранием первых трех департаментов Сената. В частности, в 1829 г. Герольдия признала в дворянстве И. Кешко, М. Богуш, А. Андрияш, И. Руссу, Е. Черкез, Степана и Алексея Доничей на тех основаниях, по которым их фамилии были внесены в дворянскую родословную книгу. В 1827 г. Сенат признал достаточными

доказательства по роду Яновых при производстве одного из его представителей (Ивана) в чин коллежского советника.

Впоследствии Герольдия несколько раз принимала решение по запросам о дворянстве тех или иных лиц. Основанием к признанию за ними прав благородного сословия «были не молдавские чины, по коим признавала в дворянстве комиссия, существовавшая в Бессарабии в 1821 году, или пожалование лиц за службу их по выборам дворянства российскими орденами, или по владению в роде недвижимым дворянским имением, соответственно правилам, в 40 ст. IX Т. Св. законов постановленным» [РГИА, ф. 1151, оп. 3 (1844 г.), д. 231, л. 3]. Такие заключения Герольдия принимала в 1834, 1835, 1837, 1839 и в 1840 гг.

Из-за безнадёжного положения с доставкой документов Верховный совет области решил составить списки трех групп дворян края: 1) представивших свои документы; 2) представивших неполный пакет документов; 3) вовсе не представивших бумаг. Отмеченные списки с пояснениями он предлагал отправить в Санкт-Петербург с копиями дворянских свидетельств. Лишь 9 августа 1827 г. дворянская родословная книга была представлена полномочному наместнику Бессарабской области. В то время эти обязанности исполнял граф Ф. П. Пален. На составление родословной книги совет потратил 500 руб. ассигнациями [НАРМ, ф. 88, оп. 1, д. 51, л. 56 об.]. Деньги эти были заимствованы из канцелярских средств и подлежали возврату из сумм дворянства. В 1827 г. поступило только 129 руб. 29 коп., остальной долг следовало взыскать с ореевских (310 руб.), хотинских (25 руб. 40 коп.) и яских (35 руб. 31 коп.) дворян [Там же]. В своем отношении к министру внутренних дел 8 сентября 1827 г. он писал, «что медлительность в доставлении той книги произошла по уклонению дворян от представления документов, коих некоторые по сие время не внесли по принадлежности» [РГИА, ф. 1151, оп. 3 (1844 г.), д. 231, л. 148]. К книге Верховный совет приложил копии с имевшихся документов о правах на благородное звание, а также список причисленных фамилий с перечнем представленных и не представленных бумаг. К ней также прилагались правила, которыми ревизионная комиссия руководствовалась при признании прав на дворянство, список молдавских чинов, дававших право на это звание, и выписка из книги Вистерии 1806 г., по которой некоторые фамилии были признаны благородного происхождения. Так, братья Скарлат (Карл) и Михаил Богуши смогли представить лишь выписку из вистерийской книги господаря Александра Морузи за 1806 г., в которой их отец был указан как житничер. Таким образом, на основе лишь этой записи братья Богуши 30 июля 1821 г. были признаны дворянами. Затем в 1829 г. принадлежность Богушей к этому сословию была подтверждена и Сенатом [РГИА, ф. 1343, оп. 16, д. 1839, л. 1].

Полученный из Бессарабского Верховного совета пакет документов граф Ф. П. Пален отправил в сентябре 1827 г. в Санкт-Петербург к министру внутренних дел В. С. Ланскому, а он, в свою очередь, представил его министру юстиции князю Д. И. Лобанову-Ростовскому. Князь в своем предписании от 14 октября 1827 г. поручил герольдмейстеру А. П. Званцеву рассмотреть в Герольдии означенные документы в кратчайшие сроки. Однако эта процедура затянулась на долгие годы и была завершена лишь в начале 1840-х гг.

В своем рапорте 8 января 1832 г. на имя управляющего Министерством юстиции Д. В. Дашкова А. П. Званцев писал, что родословная книга должна быть ревизована, согласно закону, вкупе с дворянскими делами, которые в Герольдии представлены не были [РГИА, ф. 1151, оп. 3 (1844 г.), д. 231, л. 252]. Но, по словам герольдмейстера, даже если они и были бы доставлены в Сенат, изучить их малым штатом Герольдии за короткое время просто не было никакой возможности. Даже то небольшое количество бумаг по делам вновь поступивших на службу дворян Бессарабии, которое разбиралось в Сенате по запросам Инспекторского департамента Главного Штаба и других ведомств, проходило эту процедуру слишком долгое время. Помимо того, чиновники Герольдии ожидали завершения работы особого комитета при Сенате по составлению правил ревизии действий всех дворянских депутатских собраний, включая и собрание Бессарабской области. Кроме того, в те годы шла подготовка к реорганизации самой геральдической службы Сената, что не способствовало быстрому рассмотрению дворянских дел. 18 мая 1832 г. был принят новый штат Герольдии [ПСЗ-2, т. 7, № 5376 Основной штат для Герольдии, док. № 5376], не разрешивший однако всех трудностей этого учреждения, т. к. число служивших в ней чиновников оказалось незначительным (65 человек). Между тем предстояло рассмотреть многие десятки тысяч дел российских дворян.

Медлительность Герольдии при производстве ревизии дел бессарабского дворянства болезненно воспринималась руководством края. Отсутствие утвержденной родословной книги по существу парализовало процесс внесения в этот документ новых дворянских фамилий. Кроме того, без окончательного вердикта Сената относительно легитимности местной элиты практически прекратилась работа по выявлению круга остальных категорий бессарабских жителей, их привилегий и обязанностей. Невозможность в полной мере воспользоваться высшему сословию своими правами до утверждения дворянской родословной книги стала главной причиной жалоб областного предводителя. В частности, в конце 1833 г. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор препроводил министру внутренних дел прошение предводителя дворянства Е. И. Димитриу, хлопотавшего от имени всего благородного сословия о разрешении произвести 14 января 1834 г. выборы земских исправников и заседателей земских судов. А т. к. эта процедура была невозможна до утверждения родословной книги, граф М. С. Воронцов просил хотя бы ускорить ревизионную работу. Поддержав Воронцова, министр внутренних дел обратился к министру юстиции Д. В. Дашкову с аналогичной просьбой [НАРМ, ф. 88, оп. 1, д. 51, л. 86]. Последний потребовал 11 января 1834 г. от герольдмейстера «немедленного удовлетворения изъясненного ходатайства» [РГИА, ф. 1151, оп. 3 (1844 г.), д. 231, л. 252]. 25 января того же года Д. В. Дашков распорядился представить ему отчет, «в каком положении находится... дело по предмету рассмотрения родословной книги бессарабских дворян» [Там же].

В своем отношении к министру юстиции герольдмейстер А. П. Званцев вновь сетовал на малочисленный состав чиновников. К тому же герольдмейстерская служба, по словам Званцева, находилась в ожидании результатов работы комитета, который составлял правила для ревизии действий дворянских депутатских

собраний. Положение дел осложняла не только заминка в деле утверждения результатов работы комиссии 1821 г. со стороны Герольдии, но и участие в дворянских выборах в Бессарабии в 1832 г. лиц, не имевших на то права. Последний факт вынудил исполнявшего обязанности новороссийского генерал-губернатор графа Ф. П. Палена потребовать производства ревизии всех актов депутатского собрания, а также учредить над ним особый надзорный комитет.

Однако Сенат отклонил требования Ф. П. Палена. В Санкт-Петербурге полагали, что основанный 12 февраля 1828 г. особый комитет для составления правил о производстве ревизии действий депутатских собраний империи закончил к тому моменту свою работу, и ожидалось лишь утверждение этих правил Николаем I. Таким образом, в ближайшее время планировалось начать проведение общероссийской ревизии действий органов дворянского самоуправления, не исключая и бессарабского собрания. Существовавший при «Правительствующем Сенате высочайше учрежденный комитет для начертания правил каким образом удобнее произвести ревизию действий депутатских собраний, — писал министру юстиции герольдмейстер, — предмет сей кончил, и ревизия сия должна распространена на Бессарабское депутатское собрание» [РГИА, ф. 1151, оп. 3 (1844 г.), д. 231, л. 253]. Ее проведение исключало необходимость учреждения особого надзорного органа. Достаточно было, в рамках составленных правил о ревизии, создать временную комиссию в Бессарабии наряду с другими губерниями, в обязанности которой входил, по мнению министра юстиции, и пересмотр оснований для признания прав на дворянство любого из включенных в родословную книгу области человека, если на то будут веские причины. После одобрения 20 апреля 1834 г. Николаем I отмеченных правил, началась подготовка к созданию местных комиссий для контроля за предшествующей деятельностью органов дворянского самоуправления. Основанием для их учреждения стали императорские указы 23 июня 1834 г. и 27 августа 1835 г.

Казалось, ревизорам в Бессарабской области будет дозволено рассмотреть и основания для включения в родословную книгу 189 человек, согласно списку 1821 г. Однако министр внутренних дел Д. Н. Блудов посчитал, что деятельность комиссии 1821 г. под руководством генерал-лейтенанта И. Н. Инзова не могла быть подвергнута предлагаемой ревизии на месте. Лишь Герольдия, по его мнению, вправе была провести подобную работу. В компетенцию же бессарабской ревизионной комиссии входила лишь проверка оснований для внесения в родословную книгу тех лиц, которые претендовали на дворянство после 1821 г., а также действий Бессарабского депутатского собрания. Учитывая мнение главы МВД, министр юстиции Д. В. Дашков поручил герольдмейстеру доложить об этом Сенату и рассмотреть этот вопрос в установленном порядке. 15 июня 1834 г. общее собрание первых трех департаментов Сената согласилось с мнением Д. Н. Блудова, поручив Герольдии исследовать родословную книгу Бессарабской области самостоятельно [РГИА, ф. 1151, оп. 3 (1844 г.), д. 231, л. 254].

Однако и после этого решения важнейший для дворян области документ оказался вновь не востребованным геральдической службой России. Новая надежда добиться утверждения родословной книги Бессарабской области

появилась с созданием Временного присутствия Герольдии. Вслед за Указом 28 апреля 1839 г. о его формировании герольдмейстер Г. В. Пефт передал ему книгу и поступившие из депутатского собрания документы в количестве 42 дел, но 21 августа 1839 г. отмеченные бумаги были вновь возвращены в Герольдию. При этом Временное присутствие ссылалось на положение Комитета министров, допускавшее рассмотрение им лишь тех дел, которые «получили начало в дворянских депутатских собраниях, равно возникшие из действий комиссий, учрежденных на основании высочайше утвержденного в 20 день апреля 1834 года мнения Государственного совета» [РГИА, ф. 1151, оп. 3 (1844 г.), д. 231, л. 254]. Таким образом, родословная книга Бессарабской области, которая составлялась силами комиссии 1821 г., а затем Верховным советом области, не могла быть предметом изучения Временного присутствия.

Дальнейшие события развивались схожим образом. Герольдмейстер требовал от бессарабских властей ускорить процесс сбора подлинных документов дворян для их проверки. Благородное сословие области не торопилось с представлением необходимых бумаг, тем более что у многих его представителей их не было. Как отмечалось выше, часть дворян была причислена к благородному сословию на основе лишь записи в вистерийской книге времен господаря А. Моружи без предоставления других документов. Копия оригинала этой книги состояла из 155 листов, скрепленных печатями и заверенных российским консулом в Яссах А. Пини. Этот документ послужил основанием для включения в состав бессарабского дворянства Василия Анастасиева, Михалаки Бибера, Карла и Михаила Биберовых, Семена Главче, Костакия Леко, Дмитрия и Георгия Леоновых, Георгия Манолия, Константина Николау, Георгия, Иоанна, Манолакия и Дмитрия Потлогов, Енакия Пауна, Георгия Романа, Григория Скорцеско, Касьяна Суручану и Николая Тихона. Те же, кто не был включен в вистерийскую книгу, но медлил с отправкой в Санкт-Петербург требуемых бумаг, рисковал быть исключенным из числа дворян. Таких лиц было несколько десятков. Однако все требования Герольдии и местных властей исполнить предписания ими игнорировались. Невыполненными оказались и просьбы герольдмейстера Г. В. Пейфта к новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору от 11 марта 1840 г. и 8 июля 1841 г. о «поспешном выполнении требования Герольдии касательно доставления в оную подлинных документов фамилий, которые особо учрежденной в 1821 г. в Бессарабской области комиссии признаны в дворянстве и внесены в родословную книгу» [Там же].

Вследствие отмеченных причин Герольдии удалось рассмотреть и утвердить право включения части бессарабского дворянства в родословную книгу лишь в 1842 г. В частности, 17 сентября того же года Герольдия приняла резолюцию по своей ревизионной работе. Из 102 фамилий, которые содержались в книге, Герольдия признала правильно внесенными только 48. По 12 родам, в силу прежних решений Сената, Герольдия не сделала никаких заключений. По оставшимся 42 фамилиям она отказалась утвердить определения комиссии 1821 г. В одних случаях отказ произошел по причине отсутствия документов на дворянство, по которым они были внесены в родословную книгу в 1820-х гг. В других же соискатели дворянского звания не смогли доказать родственные

связи между собой и теми лицами, которые значились в вистерийской книге 1806 г. либо они и вовсе в этот документ не были внесены. В частности, не представили нужных бумаг Баласески, Вартик, Вулуца, Вырнов, Гика, Измана, Иордаки, Манолы, Николау, Панайоти, Паун, Перестри, Роман, Салло, Федоров и др. Главча, Каплеско, Леонов, Сорочан, Трохин и др., хотя и были внесены в родословную книгу на основании записи в вистерийской книге, но при повторном получении перевода с нее от российского консула в Яссах их фамилии в ней уже не значились. Наконец, 26 октября 1844 г. министр юстиции представил государственному секретарю всеподданнейший доклад Сената, краткую записку Герольдии, выписку из законов и 50 печатных экземпляров отчета по делу ревизии дворянской родословной книги Бессарабской губернии для внесения в Государственный совет. После рассмотрения этого дела в Департаменте гражданских и духовных дел 29 января 1845 г. родословная книга была утверждена императором Николаем I. Таким образом, потребовалось более двух десятков лет, чтобы бессарабское дворянство обрело свою книгу.

Основной штат для Герольдии. Док. № 5376 // Полное собрание законов Российской империи. Соб. 2. Т. 7. СПб., 1833. [Osnovnoj shtat dlya Gerol'dii. Dok. № 5376 // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sob. 2. T. 7. SPb., 1833.]

Статья поступила в редакцию 21.03.2014 г.

УДК 94(510) + 94(470 + 570) + 94(470)“1904/1905”

А. С. Титаренко

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КИТАЕ В РУССКОМ НАРОДНОМ СОЗНАНИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX В.)

Статья посвящена проблеме создания образа Китая и китайцев в русском народном сознании во второй половине XIX — начале XX вв. Автор анализирует источники и факторы этого процесса, основные характерные черты образа Китая, роль этнических стереотипов в его структуре.

Ключевые слова: образ Китая; китайский национальный характер; восстание ихэтуаней; русско-японская война; миф о русско-китайской дружбе; «желтая опасность».

На современном этапе Россия и Китай активно взаимодействуют в различных сферах государственной и общественной жизни. На фоне активных контактов двух стран актуальным является изучение истории взаимовосприятия. В нашем исследовании мы пытаемся проследить эволюцию в представлениях России о Китае. Представления о Китае в российском обществе бытовали в форме образов и стереотипов. Образ Другого — это сложная синтетическая категория,

динамическая система представлений и мнений, обладающая стереотипными и дифференцированными чертами, рациональными и эмоциональными компонентами [Голубев, Поршнева, с. 10–11]. Стереотип — упрощенное, весьма жесткое, устойчивое представление, являющееся частью образа. Часто стереотипы подменяют образ, особенно на уровне массового сознания.

Во второй половине XIX — начале XX вв. в связи с активизацией внешней политики в Дальневосточном регионе, усилением контактов между Россией и Китаем, в русском обществе формируется целый спектр представлений о Китае. Образ этой восточной страны складывался, прежде всего, у представителей образованной части общества: в среде государственных деятелей, военных, дипломатов, православного духовенства, ученых, российской интеллигенции.

Представления о Китае транслировались посредством правительственной пропаганды, распространения литературы о Китае в низовые слои российского общества. Безусловно, социальная стратификация населения России во второй половине XIX — начала XX вв. не укладывалась в юридически закреплённые сословия. Реформы 60–70-х гг. XIX в. в России привели к изменениям в экономической жизни основной части населения страны, в частности к формированию нового слоя городских жителей из числа переселенцев крестьянского происхождения. Непривилегированное население городов представляли также ремесленники, мелкие торговцы, наемные работники (формировался класс рабочих).

Сведения о Китае эти группы населения могли получать из различных источников. Известно, что крестьяне читали газеты, которые ходили по рукам и читались грамотными при большом многолюдстве, чаще всего в трактирах. О мировых событиях, важных событиях российской политики крестьяне узнавали также из проповеди священника.

Быстрый рост городского населения, становление его интересов, ориентация чтения на вопросы городской жизни, на легко читаемую и дешевую литературу вызвало появление и распространение множества специально для этого созданных изданий. Новая часть городских жителей осознавала чтение как насущную необходимость. Для распространения сведений о Китае для этих слоев городского населения в конце XIX — начале XX вв. выпускаются небольшие брошюры, рассказывающие о Китае, его политической, экономической жизни, быте и нравах населения. Для характеристики основ китайской государственной жизни создавались небольшие брошюры, представляющие собой компиляции трудов европейских и русских путешественников, знатоков Китая. Книжицы, посвященные бытовой жизни китайцев, были снабжены большим количеством иллюстраций, воспроизводящих в основном уличную жизнь китайских городов, имели небольшой текст, состоящий из простых предложений [Барсов; Маракуев; Селивановский; Фольбаум и др.].

Информацию черпали также из официальных документов. До городских, в ряде случаев и до сельских жителей доходили книги и брошюры благотворительных учреждений. Например, в 1901 г. вышла брошюра «Россия на Дальнем Востоке» — бесплатное народное издание Е. В. Богдановича, посвященное

событиям восстания ихэтуаней¹. В нем тщательно разъяснялось, что на «азиатском востоке», «в сопредельном с Россией Китае» разыгрались кровавые события, участником которых стала и Россия. В брошюре рассказывалось о движении «большого кулака», причиной восстания называлась «ненависть китайцев» к европейцам, вызванная «бесцеремонным хозяйничаньем» последних в Китае, неуважением их к «старым народным обычаям и верованиям китайцев», навязыванием христианской проповеди. При этом воспевалась роль российских военных [Россия на Дальнем Востоке, с. 9].

Знания о Китае и его жителях приобретались и на основе личного опыта. В 1858–1860 гг., вследствие заключения Айгунского, Тяньцзиньского и Пекинского русско-китайских договоров, Россия частично решает проблему разграничения на восточной окраине. Согласно традиции присоединения новых территорий, российское правительство принимает решение о заселении границы. На российский Дальний Восток отправляются забайкальские казацкие войска для колонизации новых российских территорий. В 1890-е гг. в связи со строительством Великой Сибирской дороги, политикой С. Ю. Витте и П. А. Столыпина, названные регионы должны были наполнить переселенческие крестьяне из Центральной России. Таким образом, на территориях Сибири и Дальнего Востока русские встречаются с китайцами.

В конце XIX в., в связи с постройкой КВЖД, занятием Порт-Артура и Далиенваня, увеличивается количество русских, посещающих Китай (строители, рабочие, техники, инженеры, конвойная охрана, регулярные войска). Русские люди знакомятся с Маньчжурией, частью Китая, с ее жителями. На этой же территории проходят и военные действия: в период восстания ихэтуаней (1898–1901) и в период Русско-японской войны (1904–1905). С китайской действительностью сталкиваются русские солдаты, которые в письмах к родным сообщают о событиях войны, новом и необычном. После окончания войн рассказы и воспоминания вернувшихся с войны солдат пользовались среди крестьян большим авторитетом [Громыко, Буганов, с. 435–436]. Таким путем выстраивалась картина не только минувших событий, но и сведения о других народах: «Господь Бог привел, однако, многим очевидцам и участникам тех же событий счастливо возвратиться домой. Они принесли с собой массу известий и рассказов захватывающего интереса о событиях в неведомых странах сказочного востока, о тамошних людях, живущих не так, как живут русские люди, с особой верой, особым обычаями, особой одеждой, пищей, жилищем и т. д. Все эти рассказы не могли не пробудить у простых русских людей живейшего интереса к тому, что произошло и что делается в Китае» [Россия на Дальнем Востоке, с. 6]. Крестьяне вообще испытывали интерес к войнам других государств, в конце XIX в., например, в Саранском уезде Пензенской губернии крестьяне знали о японо-китайской войне [Громыко, Буганов, с. 511].

---

¹ Восстание, организованное обществом Ихэтуань («Кулак во имя справедливости и согласия») против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику и религиозную жизнь Китая с 1898–1901 гг.

Все же для формирования в народном сознании отчетливого образа Китая информация о нем была недостаточна. Отсутствие устойчивого интереса большинства населения России к чужим народам и культурам подмечали современники. Неоднократно отмечалось, что крестьяне «к истории других народов относятся равнодушно и не любят слушать про них чтение» [Буганов, с. 171]. Другим фактором был небольшой уровень грамотности этой части населения России. Все эти обстоятельства привели к тому, что в российском массовом низовом сознании цельного образа Китая не сложилось, представления о соседней стране существовали в основном в форме стереотипов.

Какие представления существовали о Китае и китайцах в российском народном сознании? В первую очередь, формировались представления о китайском национальном характере. С позиций своих ценностных ориентаций русские выделяли важные для них нравственные качества. Среди положительных черт китайцев назывались: миролюбие, трудолюбие, выносливость, вежливость; среди отрицательных — трусость, хитрость, лживость, жажда наживы. Трудолюбие китайцев способствовало тому, что заамурские казаки часто женились на них, предварительно их окрестив: «Славные работницы — с ними мужу не умирать, а богатеть...» [Бурачек, с. 246]. Выделялись и вредные привычки китайцев: любовь к азартным играм, опиокурение; при этом подчеркивалось, что китайцы — известные трезвенники, у них отсутствует пристрастие к спиртным напиткам. В оценке одной и той же черты национального характера существовали оттенки. Миролюбие китайцев одобрялось, а невоинственность китайской нации высмеивалась. В театральной комедии «Война Федосьи Сидоровны с китайцами», которая шла в Александровском театре в 1850-е гг., а затем перешла в репертуар балаганов, перемещавшихся по России, Федосья Сидоровна разгоняла китайскую армию ухватом [Амфитеатров, с. 37]. Трусость китайцев, в особенности китайских солдат, всячески осуждалась русскими. Это объяснялось сопоставлением этического гетеростереотипа с автостереотипом (т. е. представлением о самих себе) русских, у которых, как было принято считать, миролюбие сочетается с храбростью и отвагой в сражениях.

Четких представлений о религии китайцев в низах русского общества не было. Но крестьяне знали, что китайцы «басурмане», т. е. не принадлежат к христианству. Часто китайцев считали единоверным народом, т. е. проповедующим одну религию, как правило, монотеистическую. Известно, что русские поселенцы Дальнего Востока были убеждены, что у их желтых соседей души вовсе нет, а имеется не то «пар», не то «черный дым» [Эриксон, с. 175]. Среди заамурских казаков бытовало мнение, что бог китайцев — огонь [Бурачек, с. 241].

В народной среде складывались представления и о китайском государстве. В 1880-х гг. группа учителей провела среди русских крестьян опрос с целью выяснить, каковы их знания о мире. Они обнаружили, что респонденты очень положительно относятся к Китаю. В ответах на вопросы, какая страна является самой сильной и самой богатой, в обоих случаях чаще всего упоминался Китай, оставив позади себя даже Россию. Крестьяне часто делали вывод о богатстве и могуществе Китая, потому что его император никогда не тратил свои

ресурсы на войны, в отличие от их собственного царя [Схиммельпенник ван дер Ойе, с. 145–146]. Большое количество чая, предметы роскоши, которые везли русские купцы из Китая, способствовали представлению об этой стране как одной из богатейших.

В народном сознании благодаря правительственной пропаганде, которая всячески поддерживала миф о русско-китайской дружбе, Китай рассматривался большинством русского населения как союзник России. А. Н. Энгельгардт в своих письмах из деревни описывает обсуждение крестьянами политических слухов вокруг Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.:

— Толкуют вот, Китай за нас против англичанки подымается, только царь ему не верит — боится, как бы не обманул, на нас потом не повернул. А что в газетах про Китай пишут?

— Я ничего не читал.

— Толкуют, что Китай за нас подымается. Дай-то господи... — говорили крестьяне [Энгельгардт].

В этом примере отражается распространение в русском обществе на рубеже XIX–XX вв. внешнеполитических стереотипов. В частности, стереотипа русско-китайской дружбы, вместе с которым перенимается, в данном случае крестьянами, осторожное, подозрительное отношение русских властей к китайскому правительству.

Стереотип «китайской угрозы», или «желтой опасности», имевший широкое хождение у представителей интеллектуальной элиты русского общества, существовал и в народном сознании, по крайней мере, он присутствовал у жителей российского Дальнего Востока. В русском обществе сложился целый комплекс представлений о «желтой опасности», существовало несколько пластов, взглядов на проблему: глобальный, в духе пророчества о борьбе белой и желтой рас; геополитический, когда предметом опасности выступали конкретные государства: экспансионистская Япония и «просыпающийся Китай», угрожающие конкретным интересам России на Дальнем Востоке, что отражалось в представлениях о «беспокойной границе» — опасениях по поводу наплыва китайских поселенцев в пределы российских территорий. Именно в этом ракурсе проблема существовала в сознании низовых слоев русского общества. Широко известно, что одной из причин отъезда переселенческих крестьян из Приамурья была высокая конкуренция со стороны китайских земледельцев и рабочих. Историк А. В. Лукин упоминает о довольно распространенной поговорке «Как пойдет Китай, сохи, бороны кидай», очевидно, первоначально распространившейся среди крестьян Сибири и Дальнего Востока [Лукин, с. 142]. Рабочие, добывающие золото в долине р. Кары в Сибири были расстроены засильем там китайских кули: «Нынче нет ходу нашему брату. Китая сбила, заполонила,дохнуть не дает, ложись да помирай... И подрядчики, и начальство на их стороне... а мы, значит, в отставку, как бы бракованы» [Матвеев, с. 35].

Население Сибири и Дальнего Востока, переселенческие крестьяне постоянно соседствуют с многочисленными выходцами из Китая, которые именуются *манзами* («бродяга», «беглый»). Видимо из-за постоянной конкуренции

с китайцами русские нередко называли последних пренебрежительными словами *ходя*, *китаюза*, *купеза* [Матвеев, с. 35]. Об отношении к китайцам русских крестьян и солдат из числа жителей этих регионов много писали в российской печати. В частности, художник Н. В. Кравченко на страницах «Нового времени» с мая по ноябрь 1902 г. помещал свои путевые заметки. Он указывал, что в русских городах Дальнего Востока только и говорили о том, что простонародье из числа русских относится к китайцам как к чему-то такому, что хуже животного. «Один полковник, проживший в этих краях два года, говорил, что его няня, умная, религиозная русская баба, долгое время не признавала китайских мальчиков, которых здесь берут вместо лакеев, за людей и отказывалась есть с ними из одной посуды, с одного стола. Бою (так называют здесь этих прислуживающих мальчишек-китайцев) пришлось купить особую посуду и давать есть отдельно» [Кравченко, с. 17–18]. Хирург Е. Павлов в воспоминаниях о Русско-японской войне писал, что среди сибиряков (русских солдат) убийство китайца как будто и не считается преступлением, несмотря на наказание, отбываемое по приговору суда [Павлов, с. 201]. Общественный деятель, писатель Н. П. Матвеев упоминал, что «щелкнуть “ходя” в лоб, дернуть его за косу, дать ему “подножку”, хорошего “тумака” — все это было допустимо, сходило совершенно безнаказанно и делалось так просто, любя, шутки ради <...> Обобрать, ограбить «ходя» среди бела дня, «укокошить» его считалось делом пустяковым, совсем безгрешным, все равно что зарезать барашка и всякий ответ за него казался сущей бессмыслицей» [Матвеев, с. 30]. Вот типичные рассуждения солдата, служившего на Дальнем Востоке: «что за народ китаец этот: пока не прибьешь — и чванится, будто невесть какой большой, а как двинешь его хорошенько — сейчас и пардона просит. Стоит ли с ним, как с человеком обходиться» [Бурачек, с. 241]. Мы видим типичное проявление этноцентризма, свойственного традиционному сознанию большинства народов. Особенности культуры и быта китайцев были слишком отличны от русских, поэтому считались «неполноценными», а китайский народ «менее развитым».

Сближение с Китаем и стремление России усилить влияние в этом регионе обусловило поддержку этой страны в мирное и военное время, что проявлялось, в частности, в покровительственном отношении русских к китайцам. Во время военных столкновений 1898–1900 гг., а также в период Русско-японской войны с китайцами знакомятся и солдаты, выходцы из Центральной России. Они чаще всего выступают защитниками китайских мирных жителей от хунхузов (китайских разбойников) и японцев. Солдатам приходилось довольно длительное время жить на позициях с китайцами «бок о бок». Налаживались даже какие-то личные отношения — солдаты «приручали» китайских детишек. Так, известно, что одного китайского мальчика приютила третья рота охранной стражи. Его взял к себе на попечение солдат Бондаренко [Воспоминания вольноопределяющегося Ходзынского, с. 152]. Солдаты старались вести себя в отношении китайцев «гуманно», насколько это позволяли условия войны [Жукова, с. 268–269]. Вольноопределяющийся Ходзынский упоминал о голодающих китайцах: «Каждый день, во время обеда, вокруг нас толпились голодные китайцы, которые с жадностью вырывали хлеб или кашу друг

у друга» [Воспоминания вольноопределяющегося Ходзынского, с. 152]. Милостью, по словам солдат, подавали только русские, европейцы считали это унижительным и смотрели на подающих презрительно. Дружественная позиция России и соседство двух народов обуславливали взаимный интерес русских и китайцев к образу жизни друг друга. Отец Митрофан Сребрянский отмечал любопытство китайцев, порой докучливое и досадное для уставших солдат, но воспринимаемое последними с пониманием и юмором [Митрофан Сребрянский].

В российском обществе был распространен стереотип об особых отношениях, сложившихся между китайцами и русскими. Чаще всего эту особенность выделяли посредством сравнения взаимоотношений китайцев с русскими и европейцами: «китайцы народ смиренный, очень смиренный. И этой смиренностью их пользовались англичане и немцы; их священники обращали китайцев силой в христианство, и кто не хотел, того жестоко наказывали... И стали китайцы различать: русский — свой человек, хороший и европеец — худой человек. И невзлюбили они европейцев — англичан, французов и немцев» [Краснов, с. 6–7], — писал солдат, служивший в Порт-Артуре.

В русско-китайской среде возник свой особый язык, чаще о нем говорили, как о русско-китайском диалекте или жаргоне. В этот язык вошли русские слова на китайский лад и чисто китайские: *ломайло* ‘болезнь, убыток’ от рус. *ломать*, *кули-кули* ‘курить’, *леба* ‘хлеб, пища’, *ханшин* ‘водка’, *контрами* ‘убить’, *тилюли* ‘выстрел, удар’, *кушь-кушь* ‘есть’, *моя* ‘я’, *твоя* ‘ты’, *шанго* ‘хорошо’, *худо есть* ‘плохо’, *кохонди* ‘работать’, *уго солнце* ‘один день’, *сахле* ‘сахар’, *машинка* ‘обманщик’, *шибко* ‘очень’, *ходя* и *знаком* ‘друг’, *капетана* ‘офицер, чиновник’, *цубо* ‘поди прочь’; остальное дополнялось обоюдной выразительнейшей мимикой [Митрофан Сребрянский].

Таким образом, к началу XX в. актуализируется русско-китайское взаимодействие и расширяются источники информации о Китае, которые становятся доступны низовым слоям российского общества. Опыт непосредственных русско-китайских контактов в ходе освоения дальневосточных и сопредельных азиатских территорий, военных кампаний способствует формированию образа Китая в сознании не только образованных, но и массовых слоев российского общества. При этом основу этого образа в силу специфики народного сознания составляют этнические стереотипы. Но традиционное сознание трансформируется под влиянием модернизации, в образованной среде русского общества складываются внешнеполитические стереотипы, которые воспринимаются и низами общества.

Амфитеатров А. В. О китайцах, бурах, Льве Толстом и прочих недоумениях // Амфитеатров А. В., Дорошевич В. М. Китайский вопрос. М., 1901. С. 36–64. [Amfiteatrov A. V. O kitajcah, burah, L've Tolstom i prochih nedoumeniyah // Amfiteatrov A. V., Doroshevich V. M. Kitajskij vopros. M., 1901. S. 36–64.]

Барсов К. Китай и китайцы. М., 1905. 48 с. [Barsov K. Kitaj i kitajcy. M., 1905. 48 s.]

Буганов А. В. Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М., 1992. 207 с. [Buganov A. V. Russkaya istoriya v pamyati krest'yan XIX veka i nacional'noe samosoznanie. M., 1992. 207 s.]

Бурачек Е. С. Воспоминания заамурского моряка. Жизнь во Владивостоке // Морской сборник. 1865. № 10. С. 226–262. [Burachek E. S. Vospominaniya zaamurskogo moryaka. Zhizn' vo Vladivostoke // Morskoy sbornik. 1865. № 10. S. 226–262.]

Воспоминания вольноопределяющегося Хондзынского // Верещагин А. На войне. Рассказы очевидцев. 1900–1901 г. СПб., 1902. С. 145–179. [Vospominaniya vol'noopredelyayushchegosya Hondzynskogo // Vereshchagin A. Na vojne. Rasskazy ochevidcev. 1900–1901 g. SPb., 1902. S. 145–179.]

Голубев А. В., Поршнева О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2011. 392 с. [Golubev A. V., Porshneva O. S. Obraz soyuznika v soznanii rossijskogo obshchestva v kontekste mirovyh vojn. M., 2011. 392 s.]

Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М., 2000. 544 с. [Gromyko M. M., Buganov A. V. O vozzreniyah russkogo naroda. M., 2000. 544 s.]

Жукова Л. В. Формирование «образа врага» в русско-японской войне 1904–1905 гг. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 259–275. [Zhukova L. V. Formirovanie «obraza vraga» v russko-yaponskoj vojne 1904–1905 gg. // Voenno-istoricheskaya antropologiya. Ezhegodnik, 2003/2004. Novye nauchnye napravleniya. M., 2005. S. 259–275.]

Кравченко Н. В Китай! Путевые наброски художника. СПб., 1904. 220 с. [Kravchenko N. V Kitaj! Putevye nabroski hudozhnika. SPb., 1904. 220 s.]

Краснов П. Н. Борьба с Китаем. Популярный очерк столкновения России с Китаем в 1901 г. СПб., 1901. 126 с. [Krasnov P. N. Bor'ba s Kitaem. Populyarnyj ocherk stolknoveniya Rossii s Kitaem v 1901 g. SPb., 1901. 126 s.]

Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XX веках. М., 2007. 598 с. [Lukin A. V. Medved' nablyudaet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII–XX vekah. M., 2007. 598 s.]

Маракуев В. Н. Наши азиатские соседи китайцы (сост. по Р. Дугласу, Симону, Э. Реклю, Леггу и др.). Одесса, 1896. 190 с. [Marakuev V. N. Nashi aziatskie sosedi kitajcy (sost. po R. Douglasu, Simonu, Eh. Reklju, Leggu i dr.). Odessa, 1896. 190 s.]

Матвеев Н. Китайцы на Карийских промыслах // Русское богатство. 1911. № 12. С. 31–43. [Matveev N. Kitajcy na Karijskih promyslah // Russkoe bogatstvo. 1911. № 12. S. 31–43.]

Митрофан Сребрянский. Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке [Электронный ресурс] // Сайт Синодального Отдела Московского Патриархата по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями. URL: www.pobeda.ru/content/view/2944 (дата обращения: 25.01.2013). [Mitrofan Srebryanskij. Dnevnik polkovogo svyashchennika, sluzhashchego na Dal'nem Vostoke [Elektronnyj resurs] // Sajt Sinodal'nogo Otdela Moskovskogo Patriarhata po vzaimodejstviyu s Vooruzhennymi Silami i pravoohranitel'nymi uchrezhdeniyami. URL: www.pobeda.ru/content/view/2944 (data obrashcheniya: 25.01.2013).]

Павлов Е. На Дальнем Востоке в 1905 году. СПб., 1907. 510 с. [Pavlov E. Na Dal'nem Vostoke v 1905 godu. SPb., 1907. 510 s.]

Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1901. 79 с. [Rossiya na Dal'nem Vostoke. SPb., 1901. 79 s.]

Селивановский И. П. Как живут и работают китайцы. М., 1904. 80 с. [Selivanovskij I. P. Kak zhivut i rabotayut kitajcy. M., 1904. 80 s.]

Схиммельеник ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. 421 с. [Skhimmel'ennik van der Oje D. Navstrechu Voskhodyashchemu solncu: kak imperskoe mifotvorchestvo privelo Rossiyu k vojne s Yaponiej. M., 2009. 421 s.]

Фольбаум Н. Китай и китайцы. М., 1911. 52 с. [Fol'baum N. Kitaj i kitajcy. M., 1911. 52 s.]

Энгельгардт А. Н. Письма из деревни. Письмо шестое [Электронный ресурс] // Сайт исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/>

Etext/ENGLGRDT/06.htm (дата обращения: 13.11.2012). [Ehngel'gardt A. N. Pis'ma iz derevni. Pis'mo shestoe [Elektronnyj resurs] // Sajt istoricheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/ENGLGRDT/06.htm> (дата обращения: 13.11.2012).]

Эриксон Э. В. Китайцы как самостоятельная раса. По личным наблюдениям // Вестн. Европы. 1905. № 1. С. 174–211. [Ehrikson Eh. V. Kitajcy kak samostoyatel'naya rasa. Po lichnym nablyudeniyam // Vestn. Evropy. 1905. № 1. S. 174–211.]

Статья поступила в редакцию 27.12.2013 г.

УДК 316.462 + 342.5

Л. Н. Мазур

СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ СЕЛЬСКОЙ БЮРОКРАТИИ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Рассматриваются теоретические и исторические аспекты становления сельской бюрократии как особой социальной группы. Выделяются этапы эволюции бюрократии, ее структура, функции на разных этапах и формирующиеся модели господства. Основное внимание уделено характеристике первой стадии становления сельской бюрократии, ее составу, функциям и роли в сельском обществе.

Ключевые слова: бюрократия в России; сельская бюрократия; эволюция структуры и функций; место в системе власти.

Бюрократия и модели власти

Бюрократизация — сложное явление, тесно связанное с профессионализацией государственного аппарата, формированием особой социальной группы — чиновничества, обладающей не только специфическими (управленческими) функциями, навыками и знаниями, но и властными полномочиями. Появление понятия «бюрократия» связывают с именем французского экономиста Винцента де Гурне (1712–1759), который в 1745 г. употребил его для обозначения формирующейся в обществе системы управления, основным элементом которой выступал чиновник, а инструментом — документ. Де Гурне использовал и другое слово — «бюромания» (*bureaumanie*), которым обозначался нерациональный способ осуществления власти [см.: Скупенски].

Таким образом, понятия «бюрократия» и «чиновник» изначально имели негативные коннотации, были тесно связаны между собой, но все же не совпадали полностью. Представления о бюрократии включают в большей степени функциональные смыслы. Понятие «чиновник» отражает статусные, профессиональные черты определенного социального слоя, включенного в узком смысле в систему государственной службы, а в более широком современном понимании — в административные структуры вообще.

Позднее происходит расширение социального наполнения понятия «бюрократия». Если первоначально его употребляли только в связи с правительственными учреждениями, то сейчас его используют при оценке системы управления любой организации, имеющей штат управленцев. В результате сегодня мы говорим о корпоративной, партийной, профсоюзной, научной, сельской бюрократии. Причем каждая из этих профессиональных подгрупп будет иметь как общие типичные, так и специфические черты [см.: Латова]. К типичным чертам относится специализация и разделение управленческого труда; иерархическая структура власти, закреплённая в управленческой вертикали; регламентация труда, прав и обязанностей управленцев; обезличенность отношений в системе управления. В условиях отсутствия системы контроля бюрократии усиливаются такие негативные проявления, как слепое следование инструкции; консерватизм; авторитаризм. Остановить дегуманизацию системы управления могут только демократические механизмы. Интересно, что практически все европейские буржуазные революции прошли под лозунгами борьбы с бюрократией, однако уничтожить бюрократическую систему не смогли: главным итогом всех социальных потрясений нового времени стало создание некоторых механизмов контроля над ней, но не более того.

Каждая управленческая модель порождает свой тип бюрократии. А. В. Оболонский, рассматривая концепции бюрократии и ее исторические варианты, выделил четыре основных типа [см. подробнее: Оболонский, 2007]: «веберовский» идеальный тип рациональной бюрократии; «марксовый» критический тип [см.: Макаренко, 1985]; «азиатский»/имперский; и «западный»/реалистический тип. Первые два имеют ярко выраженный теоретический характер и рассматривают явление бюрократии с разных концептуальных позиций: либо как рациональную деятельность (социологический подход), либо как абсолютное зло (философский подход). Другие два типа представляют собой исторические модели, связанные с определенной системой государственности — авторитарной (имперской) или демократической. На них мы остановимся подробнее, т. к. они представляют методологическую ценность для понимания особенностей сельской бюрократии.

Бюрократия восточного или азиатского типа настолько тесно связана с системой государственного управления, что практически сливается с ней, приобретая неограниченную власть и влияние на общество. Система управления жестко структурирована по иерархическому принципу с преобладанием вертикальных связей. В такой системе возможны только административные механизмы контроля власти чиновников. В качестве классического примера восточной модели бюрократической власти обычно приводят императорский Китай с его многоуровневой структурой чиновничества, неограниченной властью над подданными, фактической бесконтрольностью и особой системой отбора чиновников на посты, аттестацией, а также развитой практикой наказаний. Верховная власть, используя административные рычаги, пытается ограничить произвол чиновников, но практически всегда проигрывает. Для азиатской модели характерен авторитарный тип чиновника/руководителя.

В отличие от восточной модели, западная бюрократия не сливается полностью с государственным аппаратом и правительством, хотя и имеет

привилегированный статус. Главное отличие европейской модели — использование демократических механизмов контроля, что позволяет держать бюрократию в разумных и рациональных границах. Иерархическая система управления формирует не только вертикальные, но и горизонтальные отношения власти. Для данной модели господства характерно преобладание бюрократии рационального типа, близкого к веберовскому. Она отличается высоким уровнем профессионализации, разделением труда и относительной эффективностью.

Развитие бюрократии в России шло в целом по восточному варианту. И приказной системе управления, и более поздней имперской системе (царской и советской) были свойственны такие черты, как полная зависимость нижестоящих от вышестоящих; опора на принцип личной преданности; безынициативность, т. к. в условиях жесткой вертикали власти более всего ценится исполнительность; коррупционность и склонность к злоупотреблениям; низкий уровень профессионализации. В российской чиновничьей среде всегда преобладали неформальные отношения, отсутствовала четкая специализация, ценилась преданность, а не компетентность. Хотя на протяжении XVIII–XX вв. неоднократно предпринимались попытки привить на российскую почву европейскую бюрократическую модель, они не увенчались успехом. В результате сложился промежуточный вариант: по форме (наличие коллегиальных органов и демократических институтов) соответствующий западным образцам, но по содержанию сохранивший восточные черты. В борьбе азиатской и европейской моделей власти в России постоянно побеждает ее восточная разновидность, лишенная ограничителей не только демократического, но и традиционного характера (религия, национальная культура, традиции), что было свойственно классическим азиатским моделям.

Таким образом, основным источником формирования бюрократии выступает государство и власть. Создание аппарата управления и выделение чиновников как особой социальной группы, реализующей властные функции, создает необходимые предпосылки для процессов бюрократизации, но достаточными и они становятся только в условиях профессионализации управленческой деятельности и расширения источников рекрутирования бюрократии (не только за счет высших слоев общества — аристократии, дворянства, но и других социальных групп).

Усложнение и дифференциацию социальной структуры бюрократии можно рассматривать как основную тенденцию развития, связанную с ее интеграцией во все общественные макро- и микроструктуры (община, общественные организации, предприятия, учреждения). В XX в. бюрократизация достигает своего логического завершения и приобретает черты всеобщности, пронизывая все уровни управления и все организационные структуры, в том числе общественные, политические, творческие, промышленные, финансовые и пр.

Бюрократизация общества (по вертикали и горизонтали) и реализация концепта господства разворачивается как исторический процесс, включающий следующие стадии¹:

---

¹ Хронологические рамки определены для России.

— XVI–XVIII вв. — бюрократизация государственного центрального аппарата управления, которая в России получает развитие вместе с формированием централизованного государства и продолжается вплоть до конца XVIII в. (губернской реформы 1775 г.);

— Конец XVIII–XIX в. — бюрократизация не только органов центральной власти, но и местного аппарата управления, в том числе в сельской местности;

— XX в. — бюрократизация социальных микроструктур (учреждений, организаций, предприятий). Этот этап связан с формированием профессионального менеджмента, который претендует на универсальность и всеобщность, доводя до логического завершения отчуждение системы управления от человека.

Выделенные этапы универсальны по содержанию и последовательности, но имеют в разных странах временные отличия, поскольку динамика бюрократизации конкретного общества зависит от темпов его развития, зрелости, социально-экономических предпосылок и цивилизационных особенностей. В России бюрократизация получает развитие достаточно рано, уже на этапе формирования централизованного государства, и институционально оформляется в рамках приказной системы. На каждом этапе бюрократизация постепенно охватывает все новые общественные структуры, т. к. управление является базовой функцией любой организации.

Уровень бюрократизации находит свое отражение в изменении численности чиновников. Хотя имеющиеся в литературе сведения по этому вопросу весьма противоречивы, все же они дают основание говорить о постоянном росте бюрократии. По данным Б. Миронова, в первой половине XIX в. количество государственных чиновников выросло более чем в 3 раза (с 0,6 чел. на 1 000 населения до 2,0), затем следует относительное сокращение (до 1,6 чел. на 1 000 населения в 1913 г.), хотя в абсолютных показателях их численность продолжала расти [см.: Миронов, с. 203]. По переписи 1897 г. в России (без Финляндии) с учетом внетабельного чиновничества насчитывалось 435 818 чел. [см.: Денисова]. В 1913 г. при населении в 155,4 миллиона человек на каждого из 575 тысяч предполагаемых чиновников приходилось 270 граждан России [см.: Писарькова, 2004а].

Новый скачок численности чиновников наблюдается в советский период (1922 г. — 5,2 чел. на 1 000 населения; 1940 г. — 9,5; 1950 г. — 10,2; 1985 г. — 8,7) [см.: Миронов, с. 203–204]. Постсоветская Россия дает нам пример абсолютного торжества бюрократии, не ограниченной никакими механизмами контроля. На сегодняшний день ее численность достигает 996 596 человек (не считая депутатов и сотрудников МВД, ФСБ и т. д.) [см.: Сколько чиновников...]. По данным на 2010 г. в среднем на 1 000 человек населения в РФ приходится 11,5 работников государственных органов и органов местного самоуправления [см.: Рейтинг субъектов...].

Положительная динамика численности чиновников характерна для любой страны — в этом видится объективная закономерность, связанная с усложнением системы управления, ее профессионализацией. Кроме того, важным субъективным фактором роста численности управленцев является внутреннее стремление бюрократии к воспроизводству и расширению. Характерно,

что рассматриваемая динамика имеет не линейный, а циклический характер: выделяются периоды резкого роста аппарата управления, которые сменяются небольшим снижением численности чиновников, являющимся, как правило, результатом целенаправленных кампаний власти и поэтому непродолжительным.

Циклы бюрократизации в России тесно связаны с реформами государственного управления, отражающими колебания между коллегиальной (демократической) и централизованной (авторитарной) моделью управления с общей тенденцией к укреплению управленческой вертикали, т. е. централизованной системы [см.: Мазур; Mazur]. Возможно, она является наиболее подходящей для российской государственности, поскольку обеспечивает единство и управление огромной территорией. Но вместе с тем данная модель лишена защиты от негативных последствий бюрократизации, т. к. демократические механизмы контроля в ней отсутствуют, а административные — не работают. В результате формируется особый тип бюрократии, отличающийся гипертрофией всех сущностно-негативных характеристик, в том числе неэффективностью.

Топография бюрократии

Помимо общих закономерностей развития российской бюрократии, следует иметь в виду также топографические/пространственные особенности ее эволюции, которые пока наименее исследованы. В целом изучение бюрократии имеет обширную историографию, в рамках которой выделяются несколько направлений:

— теоретико-социологические исследования, направленные на осмысление самого феномена бюрократии и ее роли в обществе [см., напр.: Битэм; Бурдые; Вебер, 1990; 1994; Доунс; Макарин; Макаренко, 1996; Нестик; Пушкарева; Спиридонова и др.]. Среди базовых работ по теории бюрократии следует, конечно, отметить труды М. Вебера, который сумел отказаться от эмоционально-оценочного восприятия бюрократии и раскрыть ее рациональную природу и особенности функционирования. Он первым подошел к пониманию бюрократии как кадрового ресурса системы управления. Он стал рассматривать бюрократизацию с позиций рационализации управленческой деятельности, перевода ее в профессиональную, технологическую плоскость, побочными результатами чего стали такие негативные явления как дегуманизация, волокита, уклонение от принятия решений, выбор нерациональных решений в сочетании с коррупционными практиками, карьеризм и пр. Именно с ними в обыденном сознании соотносится представление о бюрократии;

— история государственного управления, изучающая становление и эволюцию государственных институтов, т. е. той среды, с которой непосредственно связана бюрократия и которая в значительной мере определяет ее функциональные, поведенческие и социологические характеристики [см., напр.: Румянцева, Сенин; Архипова, Атаманчук; Ерощкин, 1968; 1975; 1981; 1985; Оболонский, 2002; 2007; 2010; Краснов; Троицкий; Шумилов и др.];

— история чиновничества как социального ядра бюрократии [см.: Оболонский, 1997а; 1997б; Карнович; Миронов; Шепелев и др.]. Для данного направления характерен подход к изучению чиновничества с позиций сословно-профессиональной группы, реализующей властные функции и имеющей внутренние закономерности эволюции;

— изучение исторических типов, социальной структуры бюрократии, ее групповых характеристик [см.: Богатырева; Гимпельсон; Демидова; Зайончковский; Козлова; Лысенко; Любина; Мерзлякова; Мохов; Писарькова, 1995; Редин и др.]. В последние годы усилился интерес к проблемам повседневности, образа жизни, социального облика чиновников разных эпох и категорий.

Среди проблем истории бюрократии наименее изученными остаются вопросы ее внутренней стратификации, имеющей не только вертикальную, но и горизонтальную (пространственную) структуру. В России фактор пространства всегда играл большую роль, наложил он свой отпечаток и на процессы бюрократизации. В этом отношении правомерно говорить о сельской бюрократии как особой социальной группе, становление и развитие которой приходится на XIX–XX вв. В этот период государственное управление существенно модифицируется: одновременно с развитием центрального государственного аппарата идет распространение бюрократизации вширь, что сопровождается включением в зону ее контроля новых (сельских) территорий и формированием новых категорий бюрократии.

И если процессы становления и развития высшей бюрократии (столичной и провинциальной) достаточно активно изучались в российской исторической науке, то сельская бюрократия (ее состав, характер, функции) остается пока мало исследованной. Может быть потому, что сельская местность и местное самоуправление слабо ассоциируются с государственным аппаратом и его представителями, а чаще противопоставляется им. Активнее всего изучаются институциональные аспекты местной власти, а также проблемы социальной стратификации крестьянства [см., напр.: Безгин; Безнин, Димони; Бондаренко, Малахов, Перебинос; Земцов и др.].

Топографический подход к изучению бюрократии основан на понимании закономерностей реализации власти не только на разных уровнях управления, но и с учетом особенностей ее пространственной организации. В рамках этого подхода выделяются три типа бюрократии: столичная; провинциальная (губернская/областная); сельская бюрократия. Эта типология учитывает структуру государственного управления и непосредственно связана с формированием центрального и местного, а также низового аппарата. Каждый из типов характеризуется определенным ареалом проживания; уровнем концентрации; для них свойственны особые механизмы рекрутирования; социально-профессиональные характеристики и, как результат, свои модели господства (см. табл. 1).

Таблица 1

Типология бюрократии с учетом топографии

Критерии	Столичная бюрократия	Провинциальная бюрократия	Сельская бюрократия
ареалы проживания	столичные города (Москва, Санкт-Петербург)	губернские/областные города	уездные/районные города, сельская местность
органы управления	центральный государственный аппарат	местные органы государственного управления	органы местного самоуправления/управления
степень концентрации	высокая (предельная) плотность	очаговая концентрация в местных (губернских, областных) административных центрах	низкая плотность, дисперсное расселение в сельской местности
механизмы рекрутирования	назначение преимущественно из элиты	назначение из представителей столичной и местной элиты, а также разночинцев	назначение и частичная выборность из представителей местного сообщества (крестьян, разночинцев)
социально-профессиональные характеристики	высокий уровень профессионализации и разделения труда с тенденцией к корпоративности, сословной замкнутости	низкий уровень профессионализации и разделения труда	отсутствие профессионализации, разделения труда, многофункциональность
модели господства	зависимость от вышестоящих, административные механизмы контроля, авторитарная система управления. Азиатская модель господства	зависимость от центра и от региональных элит, авторитарная система управления. Традиционная азиатская модель господства	зависимость от местного (деревенского) сообщества. Демократическая модель господства , основанная на признании традиционных ценностей и патриархальности

Топография бюрократии позволяет выделить ареалы ее концентрации — это, прежде всего, столичные города, где она зародилась и где сила и влияние бюрократии максимальны, а концентрация приближается к критической массе, управлять которой очень сложно. Недаром одним из мероприятий Сталина была частая смена, высылка партийной, советской и хозяйственной номенклатуры в отдаленные районы, а часто — расстрел. Репрессии стали одним из наиболее эффективных механизмов контроля советской бюрократии в условиях отсутствия демократии. Отличие столичной бюрократии состоит в том, что для нее характерен высокий удельный вес высших чинов. По данным Л. Ф. Писарьковой в 1832 г. в столице было 13 528 чиновников и канцеляристов, из них низшие чины (9–14 класса) составляли 54 %, а канцелярские служители — 25 % [Писарькова, Российский чиновник...], т. е. удельный вес средних и высших

чинов в составе столичной бюрократии составлял 21 %. Думается, что подобная структура вполне типична и для более позднего времени.

Далее выделяются губернские/провинциальные города — административные центры, где ряды бюрократии рекрутируются из двух основных источников: за счет столичной и местной элиты (она занимает высшие посты: так центральная власть пытается контролировать местную), а также разночинцев, в том числе хозяев/руководителей промышленных, торговых организаций и учреждений. Для провинциальной бюрократии характерна внутренняя дифференцированность, возникающая под воздействием разновекторных сил влияния: 1) чиновники, занимающие высшие посты в местной администрации (губернаторы, председатели казенных палат, председатели палат уголовного и гражданского суда), тяготеют в социальном и карьерном отношении к столичной бюрократии; 2) чиновники среднего и нижнего уровня управления, они ориентированы на местные элиты (торговую и промышленную), которые контролирует финансовые потоки. В этих условиях чиновничество часто «переходит на службу» хозяев города, переставая соблюдать государственные интересы. Структура провинциального чиновничества отличается от столичного в сторону уменьшения доли чиновников среднего и высшего рангов (около 90 % принадлежали к низшим чинам и канцеляристам) [см.: Писарькова, 2004б].

Наименьшая концентрация бюрократии наблюдается в сельской местности. Здесь формируется специфическая прослойка управленцев, очень немногочисленная, но достаточно влиятельная. Сельская бюрократия отличается по своей структуре и статусу от столичной и провинциальной: в ее составе представлены только низшие чины. Позиции бюрократии в сельском обществе определяются не столько чином, сколько особенностями традиционного сознания, особым сакральным отношением крестьян к власти, что способствовало распространению авторитарного типа чиновника.

Сельская бюрократия появляется сравнительно поздно, в середине XIX в., вместе с формированием системы местного самоуправления. В досоветский период она включала группу должностных лиц, наделенных административными функциями — это земский начальник, волостной старшина, староста, писарь, волостной судья. Для них была характерна выборность, подотчетность обществу, что отличало их от «городского» типа бюрократа. Но самое главное, в сельской местности не было завершено отчуждение должностных лиц от сельского сообщества, они продолжали оставаться членами социальных сетей, в том числе общинных, семейных, соседских и пр. Таким образом, в отличие от городской среды, в сельской местности объективно получает развитие демократический вариант контролируемой бюрократии, во многом основанный на традиционно-патриархальных отношениях власти.

В целом, изучая процессы становления и эволюции сельской бюрократии как особой социальной группы, можно выделить ряд этапов:

- первый этап (имперский) становления сельской бюрократии относится ко второй половине XIX — началу XX в.;
- второй этап (советский) соотносится с советским периодом, существенно повлиявшим на все социальные процессы;

— третий этап (постсоветский) был открыт реформами 1990-х гг. и связан с формированием новой системы власти и появлением новой сельской бюрократии.

Они соотносятся с общей периодизацией развития бюрократии, отмеченной выше, но имеют и определенные отличия, связанные в первую очередь с тем, что бюрократизация сельской местности начинается заметно позднее. Остановимся подробнее на характеристике первого этапа становления сельской бюрократии и особенностях реализуемой на данном этапе модели господства.

Сельская бюрократия позднеимперской России

Крестьянское самоуправление в России зародилось очень давно: упоминание отдельных его элементов встречается в документах XVI–XVII вв., в частности земские старосты отмечены в именном указе 1661 г. царя Алексея Михайловича [см.: Алексеев, с. 99]. Активный процесс строительства местного управления наблюдается в XVIII в., но все мероприятия власти в то время так и не завершились созданием какой-либо унифицированной модели управления. Только в ходе реформ 1837–1841 гг., реализованных графом П. Д. Киселевым в соответствии с «Учреждениями сельского управления» (1838) [см.: Учреждения...], государственные крестьяне, с учетом поселенческой структуры, были организованы в сельские общества (не более 1 500 ревизских душ) и была создана система сельского самоуправления, которая включала сельский сход, сельского старшину и старост, а также сельскую расправу. Эта структура стала впоследствии основой для организации земского самоуправления. В целом реформирование системы сельского управления завершилось к 1889 г., когда был введен институт земских начальников, включивший ее в управленческую вертикаль.

Сложившаяся имперская система сельского управления имела три уровня организации (уездный, волостной, общинный), на каждом из которых создавались свои органы управления (см. табл. 2), они формировались по смешанному административно-выборному принципу. На уездном уровне сельское управление было представлено уездным съездом, земским начальником и становым приставом. Волостной уровень включал аналогичные структуры (волостной сход, волостного старшину, волостное правление, писаря, урядника, волостной суд). На низовом уровне к органам управления относились: сельский сход и выборные должностные лица (сельский староста, сборщик податей, смотритель магазина, сотские, десятские и др.).

Особенностью созданной во второй половине XIX в. системы сельской власти было сочетание традиционных и инновационных форм управления и контроля, позволявших достаточно эффективно решать проблемы землепользования, обеспечения порядка, налогообложения и пр. Для нее была характерна интегрированность органов управления различных уровней, совмещение функций административной, полицейской и судебной власти, концентрация властных полномочий в руках определенных должностных лиц, прежде всего земского участкового начальника, волостного старшины и сельского старосты.

Именно они составляли костяк сельской бюрократии, их дополняли полицейские чины — становой пристав и урядник, которые хоть и не относились к местному самоуправлению, но были олицетворением государства: им непосредственно подчинялись выборные лица — сотские и десятские. Урядник считался на подведомственном участке «хозяином», хотя чин имел весьма скромный.

Таблица 2

Система административно-судебной власти в сельской местности Российской империи в 1889–1917 гг.*

Орган власти	Структура, состав	Функции
<i>Уездный уровень</i>		
Уездный съезд	Выборный представительный, судебный орган. Включал: административное присутствие: председатель (уездный предводитель дворянства), земские начальники, исправник, председатель уездной земской управы и податные инспектора; судебное присутствие: председатель (предводитель дворянства), члены окружного суда, земские начальники, городские судьи, почетные мировые судьи уезда	Судебные, распорядительные, контрольные: утверждение приговоров волостных и сельских сходов; увольнение от службы и предание суду должностных лиц сельского и волостного уровня; рассмотрение жалоб на земских начальников; утверждение отчетов; пересмотр решений волостных судов и земских начальников
Земский начальник	Назначался министром внутренних дел по представлению губернатора	Административные, судебные, контрольные: решение вопросов землепользования, надзор за крестьянами и деятельностью местного самоуправления
Становой пристав	Назначался губернатором	Исполнительные, полицейские, судебные
<i>Волостной уровень</i>		
Волостной сход	Состоял из выборных на 3 года сельских и волостных лиц во главе со старшиной, а также «десятидворников» — выборных от каждых десяти дворов	Распорядительные, представительские: выбор волостных должностных лиц, представителей на съезд для выбора гласных в уездное земское собрание; разрешение хозяйственных нужд волости; утверждение приговоров сельских сходов; проводил раскладку рекрутской повинности и т. д.
Волостной старшина	Выбирался из домохозяев, находился на жаловании у общества	Исполнительные, представительские, судебные: административно-хозяйственные, фискальные, полицейские функции, в том числе выполнение решений уездного съезда, земского начальника, податного инспектора, станового пристава

Окончание табл. 2

Орган власти	Структура, состав	Функции
Волостное правление	Состояло из старшины, всех сельских старост или помощников старшины, сборщиков податей, одного-двух заседателей и писаря	Исполнительные, контрольно-совещательные функции, утверждение расходов из мирских средств
Волостной писарь	Назначался земским начальником	Организационные функции: ответственность за делопроизводство правления и суда, ведение судебных заседаний
Полицейский урядник	Назначался становым приставом	Исполнительные и судебные функции: поддержание порядка, расследование уголовных преступлений
Волостной крестьянский суд	Три судьи и председатель, выбирались волостным сходом сроком на три года	Судебные функции

Сельская община

Сельский сход	Состоял из домохозяев	Выборные, распорядительные, контрольные, судебные. Выборы должностных лиц и наблюдение за их деятельностью; назначение выборных на волостной сход; выбор кандидатов в волостные судьи; прием в общество и увольнение из него; передел земли и распределение ее между членами общества; раскладка мирских и казенных повинностей; назначение опекунов и попечителей и наблюдение за их деятельностью; вопросы семейных разделов; назначение вознаграждения избранным должностным лицам; принятие мер к предупреждению и взысканию недоимок; назначение ссуд из запасных сельских хлебных магазинов и др.
Сельский староста	Избирался из числа домохозяев	Административные (организация работы сельского схода и контроль выполнения решений схода, волостного схода и правления), хозяйственные, полицейские, судебные; распоряжение мирскими средствами
Выборные должности: сборщики податей, десятские, сотские, смотритель запасного хлебного магазина и др.	Избирались из числа домохозяев	Фискальные, полицейские, представительские

*Составлено по: [Волостной старшина...; Общее положение о крестьянах; Материалы...].

Особое место в структуре сельского управления занимали сельский староста и волостной старшина, которые были основной исполнительной властью на уровне общины и волости, выполняя не только административные, но и полицейские, судебные, фискальные и прочие функции. Они получали жалование за свою службу, не компенсировавшее, однако, потерь от сокращения хозяйственной деятельности, поэтому крестьяне шли на эту работу неохотно, особенно на должность сельского старосты. Их деятельность находилась под двойным контролем — вышестоящей администрации и крестьянского сообщества, — что заставляло лавировать, учитывать интересы той и другой стороны [см. подробнее: Безгин, с. 420–445].

Все волостное делопроизводство, в том числе судебное, находилось в руках писаря, который назначался земским начальником из грамотных жителей и получал небольшое жалование. Он вел десятки книг по волостному правлению, готовил решения волостного суда и нередко был единственным грамотным человеком, от которого зависело составление бумаг, прошений, учет доходов и расходов, а также прочих документов. Это делало его, по выражению В. Б. Безгина, «главным лицом в деревне», которое часто подчиняло себе не только старшину, но и волостной суд [см.: Там же, с. 445]. По данным на 1893 г. в 46 губерниях Российской империи насчитывалось 107 815 сельских обществ и 9 573 волости, что позволяет приблизительно определить численность волостных старшин и сельских старост — 117 388 человек, если учесть еще волостных писарей, то в расчете на 1000 населения сельских обществ приходилось 2 должностных лица из числа сельской бюрократии [подсчитано по: Сельское общество...].

Высшим чином в системе сельского управления в большинстве губерний Российской империи был земский начальник, который концентрировал в своих руках административную и частично судебную власть. Земские начальники заменили мировых посредников, а также непременных членов уездных по крестьянским делам присутствий и мировых судей. Они утверждались министром внутренних дел по представлению губернатора и находились в подчинении уездного съезда и губернского присутствия. Главная задача земского начальника — наблюдать, контролировать правильность выполнения установлений власти. В этом плане земский начальник находился над сельским сообществом и не зависел от него, что уже само по себе свидетельствовало о бюрократической природе данной должности. Земский начальник действовал на основании «Положения об установлениях, заведывающих крестьянскими делами» 1889 г., в ходе аграрной реформы 1906 г. его полномочия в вопросах землепользования были расширены [см.: Коркунова].

Введение должности земского начальника в научной литературе оценивается чаще всего в контексте контрреформ, ограничивших либеральные завоевания 1860–1870-х гг., но, с точки зрения закономерностей развития господствовавшей управленческой модели, оно было вполне логичным, оправданным и закономерным. Все либеральные реформы второй половины XIX в. разворачивались в рамках централизованной министерской системы управления, которая изначально ограничивала возможность демократизации отношений власти.

Таким образом, если обобщить итоги бюрократизации сельской местности в пореформенной России, то они характеризуются незавершенностью и заметными отличиями от системы управления губернского и центрального уровня. Прежде всего, для сельского управления свойственно отсутствие разделения функций и, как следствие, разделения труда и профессионализации — особенность, сохранившаяся и в советский период. Кроме того, в сельском управлении сложился свой механизм рекрутирования: выборный — для общинного, волостного и частично уездного уровня и административный (назначение) — для исполнительных органов уездного уровня.

Такой механизм способствовал формированию особой системы контроля: сельская администрация контролировалась и сверху (губернской властью), и снизу (была подотчетна сельскому сообществу). Наличие демократических процедур в определенной степени ограничивало власть бюрократии и способствовало реализации разных моделей господства (азиатской, патриархальной и демократической) в зависимости от местных условий. При общей тенденции к жесткому контролю местного самоуправления со стороны власти, в сельской местности сохранились сильные позиции сельского сообщества.

Противоречивый характер сельской власти неоднократно подчеркивался исследователями, отмечавшими наличие авторитарных и традиционно-демократических начал во взаимоотношениях власти и сельского общества [см.: Алексеев]. Оценка характера этого явления могла различаться (от прогрессивной до отсталой), но в любом случае она указывает на специфику сельского управления, его отличие от управленческих структур регионального и центрального уровней. Следует также отметить включенность представителей сельской власти в сельское сообщество в экономическом и социальном отношении, что тормозило процессы отчуждения низовой системы управления от общества и ее бюрократизацию.

Таким образом, предложенный нами топографический подход к изучению структуры бюрократии позволяет более глубоко исследовать механизмы господства с учетом пространственных факторов ее функционирования. Сельская бюрократия появляется в середине XIX в. и проходит значительный путь развития, оформившись в специфическую категорию с особым социальным статусом, механизмами рекрутинга и моделями господства, отличными от провинциальной и столичной разновидности.

Благодаря сложившейся в сельской местности более сложной системе контроля, основанной на совокупном влиянии административной, патриархальной и демократической традиций, в сельской местности реализуется более разнообразный спектр моделей господства, среди которых наиболее распространенными были патриархально-демократическая и азиатская. На протяжении всего изучаемого периода (вторая половина XIX — начало XX вв.) сохраняются тесные контакты и включенность сельских чиновников в крестьянское общество, что ограничивало уровень бюрократизации сельской власти и влияло на незавершенность отчуждения населения от власти. Такая ситуация сохраняется вплоть до 2000-х гг. — времени реализации муниципальной реформы, существенно ускорившей процессы бюрократизации сельского сообщества.

Алексеев С. Г. Местное самоуправление русских крестьян, XVIII–XIX вв. СПб. ; М., 1902. 327 с. [Alekseev S. G. Mestnoe samoupravlenie russkikh krest'yan, XVIII–XIX vv. SPb. ; M., 1902. 327 s.]

Архитова Т. Г., Румянцева М. Ф., Сенин А. С. История государственной службы в России в XVIII–XX вв. М., 1999. 230 с. [Arhipova T. G., Romyanceva M. F., Senin A. S. Istoriya gosudarstvennoj sluzhby v Rossii v XVIII–XX vv. M., 1999. 230 s.]

Атаманчук Г. В. Государственное управление. М., 2000. 302 с. [Atamanchuk G. V. Gosudarstvennoe upravlenie. M., 2000. 302 s.]

Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века). М. ; Тамбов, 2004. 304 с. [Bezgin V. B. Krest'yanskaya povsednevnost' (tradicii konca XIX — nachala XIX veka). M. ; Tambov, 2004. 304 s.]

Безнин М. А., Димони Т. М. Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930–1980-х гг. // Социол. исследования. 2011. № 11. С. 90–102. [Beznin M. A., Dimoni T. M. Social'nye klassy v rossijskoj kolhozno-sovhoznoj derevne 1930–1980-h gg. // Sociol. issledovaniya. 2011. № 11. S. 90–102.]

Битэм Д. Бюрократия // Социол. журн. 1997. № 4. С. 165–185. [Bitehm D. Byurokratiya // Sociol. zhurn. 1997. № 4. S. 165–185.]

Богатырева О. Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 — февраль 1917). Екатеринбург, 2004. 458 с. [Bogatyрева O. N. Evolyuciya sistemy mestnogo upravleniya v Vyatskoj i Permskoj guberniyah (1861 — fevral' 1917). Yekaterinburg, 2004. 458 s.]

Бондаренко С. Я., Малахов Р. А., Перебинос Ю. А. Провинциальное чиновничество на Европейском Севере России в 1918 — начале 1950-х гг. Вологда, 2009. 325 с. [Bondarenko S. Ya., Malahov R. A., Perebinos Yu. A. Provincial'noe chinovnichestvo na Evropejskom Severe Rossii v 1918 — nachale 1950-h gg. Vologda, 2009. 325 s.]

Бурдые П. Социология социального пространства. М., 2005. 288 с. [Burd'e P. Sociologiya social'nogo prostranstva. M., 2005. 288 s.]

Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. 808 с. [Veber M. Izbrannye proizvedeniya. M., 1990. 808 s.]

Вебер М. Избранное. Образ общества / пер. с нем. М., 1994. 704 с. [Veber M. Izbrannoe. Obraz obshchestva / per. s nem. M., 1994. 704 s.]

Волостной старшина, его права, обязанности и ответственность / сост. К. Ф. Краевский. М., 1899. 205 с. [Volostnoj starshina, ego prava, obyazannosti i otvetstvennost' / sost. K. F. Kraevskij. M., 1899. 205 s.]

Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. 624 с. [Voslenskij M. S. Nomenklatura. Gospodstvuyushchij klass Sovetskogo Soyuz. M., 1991. 624 s.]

Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы. 1917–1920 гг. М., 1998. 258 с. [Gimpel'son E. G. Sovetskie upravlency. 1917–1920 gg. M., 1998. 258 s.]

Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма М., 1987. 225 с. [Demidova N. F. Sluzhilaya byurokratiya v Rossii XVII v. i ee rol' v formirovanii absolyutizma M., 1987. 225 s.]

Денисова Е. С. Чиновничество: численность, материальное и правовое положение [Электронный ресурс]. URL: <http://www.historichka.ru/works/chinovniki/>. [Denisova E. S. Chinovnichestvo: chislennost', material'noe i pravovoe polozhenie [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.historichka.ru/works/chinovniki/>.]

Доунс Э. Жизненный цикл бюрократических структур. М., 2003. [Электронный ресурс]. URL: http://www.spa.msu.ru/spa.php?inform/depspa/technm/GLKupriashin/1_6nov. [Douns Eh. Zhiznennyj cikl byurokraticheskikh struktur. M., 2003. [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.spa.msu.ru/spa.php?inform/depspa/technm/GLKupriashin/1_6nov.]

Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. 352 с. [Eroshkin N. P. Istoriya gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevolucionnoy Rossii. M., 1968. 352 s.]

Ерошкин Н. П. Самодержавие первой половины XIX в. и его политические институты (К вопросу о классовой сущности абсолютизма) // История СССР. 1975. № 1. С. 37–59. [Eroshkin N. P. Samoderzhavie pervoj poloviny XIX v. i ego politicheskie instituty (K voprosu o klassovoj sushchnosti absolyutizma) // Istoriya SSSR. 1975. № 1. S. 37–59.]

Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX века). М., 1981. [Eroshkin N. P. Krepostnicheskoe samoderzhavie i ego politicheskie instituty (pervaya polovina XIX veka). M., 1981.]

Ерошкин Н. П. Местные учреждения дореволюционной России (1800–1860 гг.). М., 1985. [Eroshkin N. P. Mestnye uchrezhdeniya dorevolucionnoj Rossii (1800–1860 gg.). M., 1985.]

Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. 288 с. [Zajonchkovskij P. A. Pravitel'stvennyj apparat samoderzhavnoj Rossii v XIX v. M., 1978. 288 s.]

Земцов Л. И. Волостной суд в России 60-х — первой половины 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). Воронеж, 2002. 448 с. [Zemcov L. I. Volostnoj sud v Rossii 60-h — pervoj poloviny 70-h godov XIX veka (po materialam Central'nogo Chernozem'ya). Voronezh, 2002. 448 s.]

Карнович Е. П. Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб., 1897. 127 с. [Karnovich E. P. Russkie chinovniki v byloe i nastoyashchee vremya. SPb., 1897. 127 s.]

Козлова Н. Н. Сцены из жизни «освобожденного работника» // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 108–119. [Kozlova N. N. Sceny iz zhizni «osvobozhdenogo rabotnika» // Sociologicheskie issledovaniya. 1998. № 2. S. 108–119.]

Коркунова Н. М. Русское государственное право. СПб., 1909. Гл. III. § 35. Сельское состояние. [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/25204>. [Korkunova N. M. Russkoe gosudarstvennoe pravo. SPb., 1909. Gl. III. § 35. Sel'skoe sostoyanie. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://istmat.info/node/25204>.]

Краснов Ю. К. Российская государственность: эволюция институтов власти и проблемы ее модернизации. М., 2001. 208 с. [Krasnov YU. K. Rossijskaya gosudarstvennost': evolyuciya institutov vlasti i problemy ee modernizacii. M., 2001. 208 s.]

Латова Н. Бюрократия. [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/BYUROKRATIYA.html [Latova N. Byurokratiya. [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/BYUROKRATIYA.html]

Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы в системе власти дореволюционной России : дис. ... д-ра. ист. наук. М., 2000. 515 с. [Lysenko L. M. Gubernatory i general-gubernatory v sisteme vlasti dorevolucionnoj Rossii : dis. ... d-ra. ist. nauk. M., 2000. 515 s.]

Любина Т. И. Уездное чиновничество Тверской губернии в конце XIX — начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 1998. 317 с. [Lyubina T. I. Uezdnoe chinovnichestvo Tverskoj gubernii v konce XIX — nachale XX veka : dis. ... kand. ist. nauk. Tver', 1998. 317 s.]

Мазур Л. Н. Бюрократические циклы российской государственности в XVIII–XX вв. и эволюция системы делопроизводства // Делопроизводство. 2011. № 1. С. 111–117; № 2. С. 113–119. [Mazur L. N. Byurokraticheskie cikly rossijskoj gosudarstvennosti v XVIII–XX vv. i ehvoluciya sistemy deloproizvodstva // Deloproizvodstvo. 2011. № 1. S. 111–117; № 2. S. 113–119.]

Макаренко В. П. Анализ бюрократии классово-антагонистического общества в ранних работах Карла Маркса. Ростов н/Д, 1985. 160 с. [Makarenko V. P. Analiz byurokratii klassovogo-antagonisticheskogo obshchestva v rannih rabotah Karla Marksa. Rostov n/D, 1985. 160 s.]

Макаренко В. П. Теория бюрократии, политическая оппозиция и проблема легитимности. СПб., 1996. [Makarenko V. P. Teoriya byurokratii, politicheskaya oppoziciya i problema legitimnosti. SPb., 1996.]

Макашин А. В. Власть бюрократии. СПб., 2001. 493 с. [Makarshin A. V. Vlast' byurokratii. SPb., 2001. 493 s.]

Материалы по земскому общественному устройству : в 2 т. СПб., 1885–1886. [Materialy po zemskomu obshchestvennomu ustrojstvu : v 2 t. SPb., 1885–1886.]

Мерзлякова Л. В. Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX в. (Опыт социально-политической характеристики) : дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1997. 228 с. [Merzlyakova L. V. Chinovnichestvo Vyatskoj gubernii pervoj poloviny XIX v. (Opyt social'no-politicheskoj harakteristiki) : dis. ... kand. ist. nauk. Izhevsk, 1997. 228 s.]

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начала XX в.) : в 2 т. СПб., 1999. [Mironov B. N. Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachala НКН v.) : v 2 t. SPb., 1999.]

Мохов В. П. Эволюция региональной политической элиты России. 1950–1990-е гг. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. 642 с. [Mohov V. P. Evolyuciya regional'noj politicheskoj elity Rossii. 1950–1990-e gg. : dis. ... d-ra ist. nauk. M., 1998. 642 s.]

Нестик Т. А. Бюрократия в зарубежных исследованиях // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С. 52–59. [Nestik T. A. Byurokратиya v zarubezhnyh issledovaniyah // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1998. № 2. S. 52–59.]

Оболонский А. В. Бюрократия и бюрократизм (К теории вопроса) // Государство и право. 1993. № 12. С. 88–98. [Obolonskij A. V. Byurokратиya i byurokratizm (K teorii voprosa) // Gosudarstvo i pravo. 1993. № 12. S. 88–98.]

Оболонский А. В. На государственной службе: бюрократия в старой и новой России. М., 1997а. [Obolonskij A. V. Na gosudarevoj sluzhbe: byurokратиya v staroj i novoj Rossii. M., 1997.]

Оболонский А. В. На службе государевой: к истории российского чиновничества // Общественные науки и современность. 1997б. № 5. С. 63–76. [Obolonskij A. V. Na sluzhbe gosudarevoj: k istorii rossijskogo chinovnichestva // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1997. № 5. S. 63–76.]

Оболонский А. В. Бюрократия для XXI века? модели государственной службы: Россия, США, Англия, Австралия. М., 2002. 168 с. [Obolonskij A. V. Byurokратиya dlya XXI veka? modeli gosudarstvennoj sluzhby: Rossiya, SSHA, Angliya, Avstraliya. M., 2002. 168 s.]

Оболонский А. В. Бюрократия и государство: очерки. М., 2007. [Obolonskij A. V. Byurokратиya i gosudarstvo: ocherki. M., 2007.]

Оболонский А. В. Советский режим: механика властвования // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 135–151. [Obolonskij A. V. Sovetskij rezhim: mekhanika vlastvovaniya // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2010. № 3. S. 135–151.]

Общее положение о крестьянах // Свод Законов Российской Империи. [неофиц. изд.]. СПб., 1912. Т. IX. С. 1–82. [Obshee polozenie o krest'yanah // Svod Zakonov Rossijskoj Imperii. [neofic. izd.]. SPb., 1912. T. IX. S. 1–82.]

Писарькова Л. Много ли чиновников было в России? [Электронный ресурс] // Отеч. зап. 2004а. № 2. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/2/mnogo-li-chinovnikov-bylo-v-rossii#t14>. [Pisar'kova L. Mnogo li chinovnikov bylo v Rossii? [Elektronnyj resurs] // Otech. zap. 2004. № 2. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/2/mnogo-li-chinovnikov-bylo-v-rossii#t14>.]

Писарькова Л. Российский чиновник на службе в конце XVII — первой половине XIX века [Электронный ресурс] // Отеч. записки. 2004б. № 2. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Pisar_RossChin.php. [Pisar'kova L. Rossijskij chinovnik na sluzhbe v konce XVII — pervoj polovine XIX veka [Elektronnyj resurs] // Otech. zapiski. 2004. № 2. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Pisar_RossChin.php.]

Писарькова Л. Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII — первой половине XIX века // Человек. 1995. № 3. С. 121–139; № 4. С. 147–158. [Pisar'kova L. F. Rossijskij chinovnik na sluzhbe v konce XVIII — pervoj polovine XIX veka // Chelovek. 1995. № 3. S. 121–139; № 4. S. 147–158.]

Пушкарёва Г. В. Государственная бюрократия как объект исследования // Общественные науки и современность. 1997. № 5. С. 77–86. [Pushkareva G. V. Gosudarstvennaya byurokратиya kak ob'ekt issledovaniya // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1997. № 5. S. 77–86.]

Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007. 608 с. [Redin D. A. Administrativnyye struktury i byurokratiya Urala v ehpoхu petrovskih reform (zapadnyye uezdy Sibirskoj gubernii v 1711–1727 gg.). Yekaterinburg, 2007. 608 s.]

Рейтинг субъектов РФ по численности чиновников государственных органов и местного самоуправления на 10 тыс. жителей в 2010 году [Электронный ресурс]. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/r_goswork.pdf. [Rejting sub'ektov RF po chislennosti chinovnikov gosudarstvennyh organov i mestnogo samoupravleniya na 10 tys. zhitelej v 2010 godu [Elektronnyj resurs]. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/r_goswork.pdf.]

Сельское общество // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: http://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Сельское_общество. [Sel'skoe obshchestvo // Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona. URL: http://ru.wikisource.org/wiki/EHSBE/Sel'skoe_obshchestvo.]

Сколько чиновников в России? // Сколько-во.Ру : энциклопедия ответов на вопросы о числах [Электронный сайт]. URL: <http://skolko-vo.ru/art/skolko-chinovnikov-v-rossii.html>. [Skol'ko chinovnikov v Rossii? // Skol'ko-vo.Ru : ehnciklopediya otvetov na voprosy o chislah [Elektronnyj sajt]. URL: <http://skolko-vo.ru/art/skolko-chinovnikov-v-rossii.html>.]

Скупенски К. Влияние информационно-коммуникационных технологий на развитие бюрократии в современной Польше // Документ. Архив. История. Современность : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1–4 ноября 2012 г. Екатеринбург, 2012. С. 45–48. [Skupenski K. Vliyanie informacιονno-kommunikacionnyh tekhnologij na razvitie byurokratii v sovremennoj Pol'she // Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost' : materialy IV Vseros. nauch.-prakt. konf. Yekaterinburg, 1–4 noyabrya 2012 g. Yekaterinburg, 2012. S. 45–48.]

Спиридонова В. И. Бюрократия и реформа (анализ концепции М. Крозье). М., 1997. 202 с. [Spiridonova V. I. Byurokratiya i reforma (analiz koncepcii M. Kroz'e). M., 1997. 202 s.]

Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. 393 с. [Troickij S. M. Russkij absolyutizm i dvoryanstvo v XVIII v. Formirovanie byurokratii. M., 1974. 393 s.]

Учреждения сельского управления // ПСЗ РИ. Собр. 2-е. СПб., 1839. Т. 13 (Отделение I). № 11189. С. 602–653. [Uchrezhdeniya sel'skogo upravleniya // PSZ RI. Sobr. 2-e. SPb., 1839. T. 13 (Otdelenie I). № 11189. S. 602–653.]

Шепелев Л. Е. Чиновничий мир России XVIII — начала XX вв. СПб., 1999. [Shepelev L. E. Chinovnichij mir Rossii XVIII — nachala XX vv. SPb., 1999.]

Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х — начале 80-х гг. XIX в. М., 1991. 218 с. [Shumilov M. M. Mestnoe upravlenie i central'naya vlast' v Rossii v 50-h — nachale 80-h gg. XIX v. M., 1991. 218 s.]

Mazur L. N. Rozwój systemu kancelaryjnego w Rosji (XVIII–XX wiek) jako odbicie procesów biurokratyzacji społeczeństwa // Dzieje biurocracji. T. 4. Cz. 1. Lublin ; Siedlce, 2011. S. 63–79.

Статья поступила в редакцию 21.01.2014 г.

УДК 94(470.5) + 316.42

С. А. Нефедов

ИСТОРИЯ УРАЛА В КОНТЕКСТЕ ТРЕХФАКТОРНОЙ МОДЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА*

Анализируется влияние демографического, технологического и географического факторов на исторические процессы в Уральском регионе. При этом действие демографического фактора рассматривается в контексте неомальтузианской теории, которая постулирует наличие так называемых демографических циклов. Действие технологического фактора рассматривается в рамках диффузионистского подхода. Роль географического проявляется в природных климатических условиях региона, которые обуславливают формирование земледельческих и скотоводческих обществ. До XVI в. история Урала формировалась под влиянием волн нашествий кочевых народов, которые были вызваны совершенствованием вооружения кавалерии. Реформы Ивана IV и создание стрелецкого войска стали причиной первой волны русских завоеваний. Реформы Петра I и создание регулярной армии обусловили вторую волну русских завоеваний и окончательное включение региона в состав Российской империи. После этого завоевания политическая история Урала не имела самостоятельного характера, определяясь социальными процессами в Центральной России. Исторический процесс на Урале сочетал демографические циклы и волны завоеваний, вызванные открытиями в военной технике.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Урал; земледельцы; кочевники; демографическое давление; демографический цикл; неомальтузианство; диффузионизм; волны завоеваний; военные технологии.

Трехфакторная факторная модель исторического процесса подразумевает анализ воздействия на историческую динамику трех важнейших факторов: демографического, технологического и географического. Географический фактор задает относительно стационарные внешние условия, а два других являются динамическими и в различные периоды действуют на общество различным образом. Для этих факторов существуют теории, которые позволяют достаточно детально указать на те конкретные следствия, которые должно вызвать их действие. В частности, действие демографического фактора описывается демографически-структурной теорией Дж. Голдстоуна, которая представляет собой современный вариант неомальтузианства [см.: Goldstone]. Как известно, главный постулат Мальтуса заключался в том, что «количество населения неизбежно ограничено средствами существования» [Мальтус, с. 22]. В аграрных обществах рост населения приводит к освоению целинных земель, внутренней колонизации, а когда земли становится недостаточно, начинается продвижение земледельцев на неосвоенные окраинные территории — внешняя колонизация. Вплоть до XX в. Урал был периферийной областью России, и история Урала во многом была историей земледельческой колонизации.

---

* Работа выполнена в рамках программы Президиума РАН «Урал в контексте российской цивилизации: геоэкономические, институционально-политические, социокультурные традиции и трансформации (теоретико-методологические подходы к изучению)».

Долгое время крестьянство не испытывало здесь недостатка в земле и хлебе, поэтому на Урале был относительно высокий уровень потребления, в то время как в Центральной России нарастало крестьянское малоземелье и уровень потребления снижался. Неомальтузианская теория утверждает, что падение потребления в конечном счете приводит к голоду, восстаниям и гражданским войнам, т. е. экосоциальному кризису. Экосоциальный кризис означает гибель значительной части населения. Земли и пищи в результате становится недостаточно, заработная плата возрастает, потребление увеличивается, и население вновь начинает расти [Нефедов, 2010, с. 12–20; Алексеева, Нефедов, с. 28–34].

Механизм действия технологического фактора описывается группой теорий, объединяемых в концепцию диффузионизма. Согласно одной из этих теорий, «теории культурных кругов», развитие человеческого общества происходит под воздействием фундаментальных открытий — открытий, расширяющих экологическую нишу данного общества, увеличивающие объем его ресурсов. Это могут быть агротехнические инновации, но может быть и новое оружие, позволяющее увеличить территорию обитания за счет окружающих народов. Фундаментальные открытия дают освоившему их обществу решающие преимущества перед другими народами и порождают волну военной, экономической, культурной экспансии. Завоеватели подчиняют другие племена и народы и создают ксенократические общества, в которых они становятся правящим военным сословием, а покоренные туземцы — эксплуатируемым низшим сословием. С другой стороны, перед лицом военной угрозы соседние общества стремятся заимствовать технологию противника: перед волной экспансии следует диффузионная волна заимствований — причем часто заимствуется не только технология, но также социально-экономические порядки и культурные обычаи завоевателей. Далее начинаются процессы социального синтеза, в ходе которых некоторые привнесенные инновации могут быть отторгнуты в результате традиционалистской реакции [Нефедов, 2010, с. 20–27; Крадин, Скрынникова, с. 49, 59].

Таким образом, в рамках трехфакторной модели внутреннее развитие описывается с помощью демографически-структурной теории, однако на демографические циклы иногда накладываются диффузионные волны, порожденные различными фундаментальными открытиями.

Воздействие географического фактора отличается по своему характеру от воздействия других рассматриваемых факторов. Численность населения и технология являются переменными, динамическими величинами, в то время как природные условия остаются относительно постоянными на протяжении тысячелетий [Гринин, с. 61]. Географический фактор является *формообразующим*, он участвует в формировании различных хозяйственных типов (например, обществ, земледельцев и кочевников), а в дальнейшем его влияние проявляется в процессах социального синтеза, которые начинаются в результате взаимодействия различных обществ.

На Урале важная роль географического фактора была обусловлена расчлененностью этого региона на различные природно-климатические зоны — зону степей и зону лесов. Для внутренних областей Евразии характерен

резкоконтинентальный засушливый климат, поэтому степи здесь проникают далеко на север. В Приуралье, на левобережье реки Белой расположены самые северные степи Евразии — так называемый Дёмско-Чермасанский степной коридор, «северный выступ» Великой степи. Лесостепь здесь также поднимается к северным широтам, и расположенная в долине реки Ай Месягутовская лесостепь глубоко вторгается в зону лесов.

Засушливый климат неблагоприятен для земледелия, поэтому зона земледельческого освоения в Предуралье располагалась севернее, чем в западной части Русской равнины. Условия для развития земледелия на Урале были сравнительно неблагоприятными. Число дней в году с температурой выше нуля градусов в районе Кирова, Уфы, Екатеринбурга составляет 200–210, примерно столько же, сколько в районе Вологды, и на 10–20 дней меньше, чем в районе Москвы. Сумма температур выше десяти градусов составляет в Екатеринбурге 1700, а в Москве 2100; это означает, что на Среднем Урале могут возделываться только самые неприхотливые культуры, прежде всего рожь и овес [см.: Каблуков, с. 22; Павлова, с. 70, 113].

В степях лишь немногие земли были доступны для обработки мотыгой, поэтому плотность скотоводческого населения ограничена размерами пастбищ, по оценке Ратцеля, она не могла превышать 2 чел./км² [Ratzel, с. 173]. Таким образом, плотность скотоводческого населения превосходит максимальную плотность для охотников и собирателей, но она в 5–10 раз меньше, чем у мотыжных земледельцев. Экологическая ниша скотоводов очень узка, и перенаселение наступает достаточно быстро. Начинает действовать демографический фактор: нехватка пастбищ приводит к войнам между кочевниками и к попыткам подчинения земледельческих племен.

Роль технологического фактора наиболее ярко проявилась в освоении степняками навыков верховой езды. Кавалерия обеспечила кочевникам полное военное превосходство, и волны завоеваний вскоре распространились за пределы Великой степи. В соответствии с этой теорией завоевания приводили к созданию ксенократических обществ, в которых кочевники становились военной знатью, а покоренные туземцы — зависимым населением, крепостными или рабами.

Важным рубежом в жизни приуральских племен стали события, связанные с Великим переселением народов. В основе этой грандиозной миграции лежала волна завоеваний, порожденная фундаментальной технической инновацией — появлением стремени. Стремя сделало всадника устойчивым в седле и позволило применять характерную для средневековых рыцарей тактику таранного удара. Новое оружие стало достоянием обитавших в восточной части Великой степи тюркских племен, и военная экспансия тюрков вынудила сармат, гуннов, угров уходить на запад. Часть этих беженцев пыталась закрепиться на северной, приуральской окраине Великой степи; вскоре к ним присоединились некоторые тюркские племена, потерпевшие поражение в междоусобной борьбе: сначала болгары, а затем печенеги. Вместе с печенегами в Приуралье в IX в. пришли их родичи-башкиры, которые впоследствии дали свое имя перемешавшимся в «северном выступе» степи осколкам племен-беглецов [История Башкортостана, с. 84–87].

Лишенные возможности осенних перекочевков на юг, беглецы были вынуждены приспособляться к снежным зимам Приуралья. Летом башкиры кочевали по степям, но одновременно готовили зимнюю стоянку, косили траву и заготавливали корма. Зимой часть стада — жеребых кобылиц и овцематок — держали на стоянке в стойлах, а сильных лошадей и жеребцов выгоняли на зимние пастбища. Лошади могли «тебеневать», разгребать копытами снег и есть жухлую траву; следом за ними шли овцы, которые доедали остатки. Конечно, этот метод давал лишь скудное пропитание для стад, и к весне многие животные погибали [История Башкортостана, с.100].

В то время как башкиры оставались в степи, болгары продвинулись в леса за Волгу и Каму и подчинили часть земледельческих удмуртских племен. В результате социального синтеза на Средней Волге появилась Великая Булгария. Роды болгар включали в себя покоренных земледельцев и насчитывали тысячи членов; центрами родовых владений были небольшие укрепления замкового типа. Жившее на периферии зависимое население платило налог мехами — шкурку соболя с каждого дома. Меха составляли главный предмет торговли с «цивилизованными» странами Средней Азии: из Хорезма в Булгар регулярно приходили большие караваны мусульманских купцов. Тесные торговые связи с мусульманским Хорезмом и диффузионное влияние могущественного Арабского халифата привело к постепенной исламизации Булгарии. В 922 г. правитель болгар, «йылтывар» Алмас, созвал сход болгарских племен, на котором был принят ислам. В Булгарию были приглашены мусульманские проповедники, там были созданы мечети и начальные школы. Таким образом, Булгария стала северным форпостом мусульманского мира, сюда проникла мусульманская цивилизация и образованность. На основе арабского алфавита была создана болгарская письменность; появились местные богословы, литераторы, историки и поэты. Булгар и Сувар были городами с населением в 10 тыс. человек, в которых работали мусульманские ремесленники и возводились здания из кирпича. Впрочем, большинство домов были деревянными и служили лишь зимними жилищами для болгар, которые летом уходили кочевать в степь [Артамонов, с. 402; Ибн Фадлан, с. 297, 324; Фахрутдинов, с. 27, 29, 47, 77, 81, 86].

В XIII в. Приуралье захлестнула новая волна нашествий из Великой степи. Монгольское нашествие было связано с новой фундаментальной военно-технической инновацией, появлением сложносоставного «монгольского» лука. Этот лук был намного мощнее прежних луков «гуннского» типа и обеспечил монголам полное военное превосходство над их противниками. Тюрки-кипчаки, господствовавшие ранее в западной части Великой степи, были разгромлены монголами и вошли в состав западного монгольского улуса — Золотой Орды. Некоторые из кипчакских племен бежали в северную приуральскую степь и присоединились к башкирам, но вскоре все эти племена были вынуждены подчиниться монголам.

В 1236 г. монголы взяли Булгар и полностью разорили центральные области Великой Булгарии. Уцелевшее население бежало за Каму, но монголы преследовали беглецов и в 1240 г. заняли и опустошили южные области

Удмуртии. Удмурты были вынуждены переселяться на Вятку, где к ним присоединились беженцы из русских княжеств. Во второй половине XIII в. здесь образовалась Вятская земля — маленькое государство, которым правили воеводы, избираемые из числа русских и удмуртских «бояр» [Голдина, с. 289, 323, 328, 331].

После завоевания Китая монголы усвоили китайские административные традиции, включавшие проведение переписей, деление на «десятки» и «сотни», налоги, собираемые присланными из центра чиновниками. Главных налоговых сборщиков в Монгольской империи называли даругачами или даругами, позднее этот термин стал обозначением налогового округа или административной единицы. Эта китайская система управления распространялась на все области, входившие в состав Золотой Орды, в том числе на болгарские, удмуртские и башкирские земли. Основным налогом с кочевников был «купчур» — одна голова со ста голов скота; с лесных народов собирали налог мехами — ясак [История Башкортостана, с. 123].

Тем временем мощное диффузионное влияние мусульманской цивилизации Ближнего Востока привело к тому, что при хане Узбеке (1313–1341) правящая верхушка Золотой Орды приняла ислам. Монголы к тому времени в значительной части ассимилировались и приняли язык кипчаков, которые, в свою очередь, стали называть себя по имени одного из монгольских племен — татарами. Наиболее распространенным языком межплеменного общения стал язык кипчаков-татар — тюрки, один из тюркских языков. Таким образом, в Золотой Орде распространилась мусульманская культура и основанная на арабском алфавите письменность тюрки. Город Булгар был восстановлен и снова стал северным форпостом мусульманского мира. Распространение ислама среди башкир было отмечено строительством первых в Башкирии каменных сооружений, мавзолеев местных улемов и ханов [История Башкортостана, с. 157, 175–176].

Однако правление Узбека закончилось внезапной катастрофой. Э. С. Кульпин ищет объяснение этой катастрофы в закономерностях демографического цикла, в перенаселенности степей, в резком увеличении численности скота и в стравливании пастбищ, которое должно было привести к экологическому кризису [Кульпин, с. 82–84]. Ал-Омари сообщает, что кочевники обнищали до такой степени, что были вынуждены продавать в рабство своих детей [цит. по: Греков, Якубовский, с. 117]. Как известно, эпидемии в первую очередь поражают регионы, в которых люди страдают от хронического недоедания. В 1346 г. разразилась катастрофа: пришла «Черная Смерть». «Бысть мор силен на Бесермены и на Татарове... — говорит русская летопись, — яко не бе кому их погребати» [ПСРЛ, 2003, с. 225]. «Только в Крыму тогда погибло от чумы 85 тыс. человек, — писал М. Г. Сафаргалиев. — От последствий чумы Золотая Орда долго не могла оправиться» [Сафаргалиев, с. 372].

Таким образом, в 1346–1348 гг. в Золотой Орде произошла полномасштабная катастрофа, завершившая демографический цикл. Монархия, созданная Узбеком, выдержала этот первый удар, но сокращение доходов, вызванное уменьшением численности податного населения, привело к междоусобной

борьбе знатных кланов. В результате этих внутренних распрей Золотая Орда распалась на несколько враждующих ханств.

Наследником Золотой Орды в Приуралье стало Казанское ханство, которое включало в себя большую часть удмуртских и башкирских земель. Привилегированным военным сословием в Казанском ханстве были огланы — воины-татары, получавшие за свою службу небольшие поместья. Эти поместья обрабатывали закрепощенные крестьяне из местного населения и приведенные из походов пленники. Военную службу несли также простые татары, которых обычно называли казаками. В войско включались также тарханы — воины из местного населения, в том числе наиболее зажиточные башкиры и удмурты, которым за службу давали освобождение от налогов. Простой народ платил налоги (главным из которых был ясак) и выполнял повинности, в том числе повинность по обслуживанию почтовых станций — ям [Худяков, с. 205, 211, 212].

Как и Золотая Орда, Казанское ханство испытывало сильное диффузионное влияние мусульманской цивилизации Ближнего Востока. Оживленные торговые пути связывали Казань с Хорезмом и персидскими портами на Каспии. М. Г. Худяков отмечает, что должности чиновников в Казанском ханстве имели арабо-персидские названия (в отличие от названий должностей в Золотой Орде и в Крыму, где преобладала тюркская номенклатура) [Там же, с. 209]. Вероятно, поместная система содержания огланов была также заимствована из Персии, где такие поместья назывались икта.

Следующий этап в истории Урала был связан с новой волной завоеваний, которая была вызвана появлением огнестрельного оружия. Огнестрельное оружие впервые появилось в Китае; затем было усовершенствовано в Западной Европе, где стали делать аркебузы с фитильным замком. Однако военная организация, позволяющая эффективно использовать огнестрельное оружие, была впервые создана в Османской империи — знаменитый корпус «ени чери оджагы», янычары. Эта фундаментальная инновация породила волну османских завоеваний и вынудила другие страны создавать аналогичные воинские подразделения. Русский царь Иван IV создал «пушечный наряд» и подразделения стрельцов, что, в свою очередь, породило волну русских завоеваний. В 1552 г. было завоевано Казанское ханство. Военные действия имели ожесточенный характер и привели к опустошению обширных территорий, в том числе и в Удмуртии; часть населения бежала на север и на восток. Опустевшие земли стали собственностью Русского государства и впоследствии были заселены крестьянами из центральных районов России [Худяков, с. 223].

После взятия Казани Иван IV разослал «по всем улусам черным людям ясачным жалованные грамоты, чтобы шли к государю, не бояся ничего... а их государь пожалует, а они бы ясак платили, яко же и прежним казанским царем» [ПСРЛ, 2000, с. 221]. Башкиры и удмурты вошли в состав России в качестве ясачных, или государственных, крестьян; они платили налоги, но в целом находились в лучшем положении, чем крепостные крестьяне Центральной России. Свободные от налогов тарханы, как и раньше, несли военную службу, но теперь служили русскому царю. Административные единицы, как и прежде, назывались дорогами. Русские переселенцы поначалу осваивали в основном

земли на Вятке и Каме; как и удмурты, они имели статус государственных крестьян; помещичьего землевладения здесь практически не было. После катастрофы времен Великой смуты (которая завершила очередной российский демографический цикл) в центральных районах России было достаточно свободной земли — и колонизация была медленной. С ростом населения в XVIII в. колонизация ускорила, и к 1795 г. удмурты составляли лишь 14 % населения Вятской губернии [см.: Очерки истории..., с. 144].

Завоевание, как это обычно бывает, привело к частичной ассимиляции и к перениманию удмуртским населением аграрных технологий и обычаев русского народа. Происходит окончательный переход от подсеки к пашенному земледелию и использованию «вятской сохи». Распространяются посевы озимой ржи, льна, а позднее — картофеля. Удмурты стали строить дома по образцу русских изб [Там же, с. 151, 201].

Русское правительство проводило активную ассимиляционную политику, проявляющуюся, в частности, в насаждении православия. Новокрещеных на несколько лет освобождали от податей, а для «упорствующих язычников» подати, наоборот, увеличивались. Священников сопровождали воинские команды, которые иногда не останавливались перед насилием и разорением языческих деревень. В целях приобщения местного населения к христианству была создана удмуртская письменность на основе кириллицы, а в 1786 г. была издана Библия на удмуртском языке. Однако грамотность среди удмуртского населения распространялась очень медленно; в начале XX в. доля грамотных среди взрослого населения составляла лишь 7 % [Очерки истории, с. 84, 107–108, 267].

В Башкирии сопротивление местного населения до 1740-х гг. делало русскую земледельческую колонизацию практически невозможной. Воинственные и свободолюбивые башкиры отвечали восстаниями на попытки занятия их земель и увеличение ясака; особенно большие восстания имели место в 1662–1664, 1681–1684 и 1704–1711 гг. Русское присутствие в Башкирии в это время ограничивалось гарнизонами в нескольких крепостях, куда башкиры сами доставляли положенное количество ясака, в основном пушнины [История Башкортостана, с. 179–220].

Вхождение Урала в состав обширного Российского государства обусловило значительную интенсификацию диффузионных процессов. Распространявшиеся в Западной и Центральной Европе завоевательные и диффузионные волны стали непосредственным образом сказываться на историческом развитии далекого Уральского региона. С началом Нового времени наступила эпоха, когда развитие военных технологий стало немыслимо без развития промышленности. В XVII в. в Европе распространялась диффузионная волна, вызванная созданием шведской легкой артиллерии и победами короля Густава Адольфа. Эта волна дала первый толчок развитию российской металлургии — создаются чугунолитейные заводы в Туле и Пыскорский медеплавильный завод на Урале. Следующая диффузионная волна, пришедшая в Россию в конце XVII в., была обусловлена появлением снабженной штыком фузеи и созданием новой линейной тактики. Освоение этой тактики и создание регулярной армии европейского образца стало целью реформ Петра I. Необходимость обеспечить эту армию мощной артиллерией и пехотным оружием стала причиной создания комплекса

металлургических и оружейных заводов на Урале — заводов, которые на столетия определили экономический облик региона.

Горные заводы строились на землях, принадлежавших башкирским племенам, что вызвало сопротивление кочевников. В 1734 г. российское правительство приступило к осуществлению масштабного плана по окончательному подчинению обширных территорий от Волги до Урала. Предусматривалось создание Оренбургской губернии и строительство 26 крепостей, которые обеспечили бы горнозаводскую и земледельческую колонизацию края; в Башкирию были отправлены значительные контингенты регулярной армии. Ответом башкир были два больших восстания (1735–1740, 1755–1756). При подавлении этих восстаний погибла значительная часть башкирского населения, десятки тысяч башкир бежали в казахские степи [История Башкортостана, с. 221–261].

После подавления башкирских восстаний начался процесс земледельческой колонизации края. Русские дворяне переселяли на пожалованные им башкирские земли своих крепостных из центральных уездов. Горнозаводчики, чтобы обеспечить свои предприятия рабочей силой, покупали тысячи крепостных и привозили их на Урал. Испытывавшие недостаток земли государственные крестьяне нечерноземных губерний переселялись на Урал по собственной инициативе и с молчаливого разрешения властей. В Башкирию переселялись и татары, страдавшие на своей родине от земельной тесноты. К концу XVIII в. переселенцы уже превосходили своей численностью башкирское население, которое значительно уменьшилась в результате подавления восстаний [История Башкортостана, с. 265–266].

В послепетровский период диффузионное влияние Западной Европы привело к усвоению русским дворянством аристократических традиций Запада, в том числе стремления к роскоши. За роскошь дворянства пришлось расплачиваться крепостным крестьянам, повинности которых быстро росли, а социальное положение было низведено до положения рабов. В Приуралье было много крепостных, переведенных сюда своими помещиками, а на горных заводах крепостные составляли почти половину работных людей [История Башкортостана, с. 303]. В этих условиях в 1773 г. на Южном Урале вспыхнуло восстание Пугачева. Оно было начато оренбургскими казаками, поднявшимися на защиту своих вольностей, и поддержано крепостным населением деревень и заводов, а затем к нему присоединились башкиры, стремившиеся вернуть отнятые у них земли. Восставшие сожгли все заводы Оренбургской губернии и двинулись за Волгу поднимать крепостных Центральной России, однако потерпели поражение.

Участие башкир в восстании Пугачева было последней попыткой кочевников отстоять свои земли от русской промышленной и земледельческой колонизации. В первой половине XIX в. эта колонизация приняла небывало широкие масштабы; за полвека население Оренбургской губернии увеличилось почти в три раза; в 1850 г. башкиры составляли лишь пятую часть населения края. Башкиры утратили большую часть земель и уже не могли, как прежде, вести экстенсивное скотоводческое хозяйство. Основная часть башкирского населения Оренбургской губернии перешла к земледелию, заимствуя у русских поселенцев их методы ведения хозяйства. Полукочевое скотоводство преобладало лишь в юго-восточных степях [История Башкортостана, с. 341, 367].

Первая половина XIX в. ознаменовалось новым технологическим переворотом — так называемой промышленной революцией. Это была целая серия фундаментальных открытий. Появление паровой машины, пароходов и железных дорог, фабрик, оснащенных разнообразными станками, глубоко изменило жизнь людей. Промышленная революция дала в руки Запада новое оружие — винтовку, которая обеспечила победу Англии и Франции в Крымской войне. В Россию пришла диффузионная волна перенимания западной промышленной технологии и западных социальных порядков, что привело к Великим реформам и сыграло большую роль в освобождении крестьян. На Урале, помимо освобождения крестьян, эти перемены проявились в создании оснащенных новой техникой промышленных предприятий, в том числе выпускавшего пароходы Воткинского судостроительного завода. В 1875–1878 гг. была построена первая на Урале большая железная дорога, соединившая Пермь и Екатеринбург.

Помимо технологического фактора, на развитие Российской империи действовал и демографический фактор. Его влияние проявлялось в росте населения, который приводил к нехватке пахотных земель, аграрному перенаселению и падению потребления. Во второй половине XIX в. среднее душевое потребление в Центральной России находилось на уровне минимально допустимой нормы. В условиях большого разброса в величине крестьянских наделов это означало, что примерно половина населения находилась в условиях постоянного недоедания. Ситуация осложнялась тем, что Центральная Россия была областью наибольшего развития помещичьего землевладения, поэтому крестьянское малоземелье порождало здесь лозунг «черного передела» и конфискации помещичьих земель [см.: Нефедов, 2011, с. 330–337].

В окраинных областях Российской империи, и в том числе на Урале, положение было иным: здесь было достаточно земли и пастбищ, а помещичье землевладение было неразвито. Если в Тамбовской губернии средний крестьянский надел составлял 7 десятин, то в Вятской губернии — 16, Пермской губернии — 15,8, а в Оренбургской — 28,8 десятины [Статистика землевладения, с. 102, 103, 105, 125]. Некоторая нехватка земли ощущалась лишь в западной части Уральского региона, Уфимской губернии и Прикамье. В целом уровень потребления крестьян на Урале был значительно выше, чем в центральных районах, поэтому здесь не было столь острых социальных конфликтов, как в Центральной России.

Согласно неомальтузианской теории, аграрное перенаселение Центральной России должно было вызвать экосоциальный кризис — крестьянские восстания, революцию и гражданскую войну. Русская революция проходила под лозунгами «Земля и воля!», «Земля — народу!», а гражданская война была, по сути, крестьянской войной, в которой крестьянство Центральной России сражалось за землю. Но для обеспеченного землей уральского крестьянства революция и гражданская война были в основном сторонним конфликтом: крестьянство было вовлечено в этот конфликт лишь постольку, поскольку оно протестовало против бесконтрольных реквизиций белых и подразверстки красных.

После окончания экосоциального кризиса, согласно демографически-структурной теории, должна была наступить фаза восстановления. Теория

утверждает, что после окончания войн и революций должны наблюдаться увеличение крестьянских наделов, уменьшение хлебных цен и ренты, увеличение потребления, повышение уровня жизни, и в результате — ускоренный рост населения. На структурном уровне кризис означает гибель значительного числа крупных собственников и уравнильное перераспределение собственности или ее огосударствление [см.: Нефедов, 2007, с. 99–101].

Как было показано в одной из работ автора [Нефедов, 2009], эти характерные черты фазы восстановления действительно наблюдались в СССР в 1920-х гг. Раздел помещичьих земель привел к увеличению потребления крестьян примерно на 20–40 %. Эпоха нэпа была самым сытым временем в жизни крестьянства, когда душевое потребление продуктов питания составляло около 3000 ккал в сутки (больше, чем в наше время), а налоги не превосходили 4 % чистого дохода [см.: Нефедов, 2009, с. 121–122, 130].

Характерные черты периода восстановления в наибольшей степени проявлялись в Центральной России. Поскольку уровень жизни на Урале и прежде был удовлетворительным, увеличение потребления здесь было не столь значительным. Однако за счет относительного многоземелья доходы уральских крестьян оставались примерно на треть выше, чем в Центральном Черноземье [Там же, с. 130].

Уровень потребления крестьян повысился, но, поскольку численность населения восстановилась уже к 1926 г., в деревне снова образовался избыток рабочих рук. Перенаселение деревни проявлялось в измелечании крестьянских наделов, в большом числе безлошадных хозяйств, в падении производительности крестьянского труда. Аграрное перенаселение носило сезонный характер: в период уборки урожая, один месяц в году, деревня испытывала недостаток рабочей силы, но большую часть года десятки миллионов крестьян оставались без дела [см.: Струмилин, с. 453].

Вслед за революцией коллективизация, стала еще одним проявлением вмешательства внешних факторов в жизнь уральской деревни. На этот раз внешний фактор был проявлением глобального европейского демографически-структурного кризиса. Кризис, обусловленный перенаселением и недостатком ресурсов, в первой половине XX в. имел общеевропейский характер; он породил не только русскую революцию, но и две мировые войны. В этой обстановке военная угроза извне требовала создания мощной промышленности, что было возможно лишь посредством механизации сельского хозяйства и высвобождения миллионов сельских тружеников, которых планировалось направить в промышленность. С другой стороны, чтобы обеспечить массы новых промышленных рабочих, требовалось отнять большую часть урожая у оставшихся в деревне крестьян. Это не могло не вызвать сопротивления крестьян, которое привело к «аграрной стачке» 1932 г. и последовавшему за ней голоду.

Несмотря на эти трагические обстоятельства, коллективизация достигла своей цели: в 1926–1939 гг. из деревень в города переселилось 18,5 млн человек. На Урале, который был одним из основных центров промышленного строительства, число переселенцев составило 600 тыс. и еще примерно 800 тыс. человек прибыли из других регионов. Городское население региона увеличилось почти в три раза, а его доля во всем населении возросла с 20 до 47 % [Нефедов, 2013, с. 50, 52].

Великая Отечественная война привела к эвакуации на Урал сотен промышленных предприятий и свыше миллиона рабочих. Урал стал «опорным краем державы», в годы войны он давал до 40 % промышленной продукции СССР. Хозяйственный облик региона полностью изменился: сельское хозяйство и аграрные отношения отошли на второй план.

С окончанием войны окончился и европейский демографически-структурный кризис; проблема нехватки ресурсов была решена путем аграрной модернизации и либерализации торговли. В СССР возобновился период восстановления, прерванный Второй мировой войной. Освоение целины и применение минеральных удобрений обеспечили рост потребления продуктов питания вплоть до 1980-х гг. В этот период демографический фактор уже не определял направление общественного развития.

После создания ядерного оружия военное соперничество приобрело характер технологического соревнования; историю теперь определял главным образом технологический фактор. Урал стал одним из основных центров развития атомной промышленности и создания новых военных технологий. Однако в конечном счете Советский Союз проиграл технологическое соревнование. В 1980-е гг. на Западе произошла новая техническая революция: микроэлектроника, промышленные роботы, компьютеры, видеомагнитофоны стали символом превосходства западной цивилизации, не только военного, но и культурного. Новая мощная волна диффузионного влияния Запада подрывала идеологические устои советской власти, и Советский Союз не смог устоять перед этой волной [Алексеев, Нефедов, с. 74–76].

Таким образом, можно утверждать, что история Урала так же, как история других регионов и других стран, в значительной мере определялась взаимодействием трех факторов — демографического, технологического и географического. При этом история Урала является частью истории России, и ее понимание возможно лишь в контексте глобальных процессов, определявших течение российской и мировой истории.

Алексеев В. В., Нефедов С. А. Гибель Советского Союза в контексте истории мирового социализма // *Общественные науки и современность.* 2002. № 6. С. 66–77. [Alekseev V. V., Nefedov S. A. Gibel Sovetskogo Soyuza v kontekste istorii mirovogo sotsializma // *Obschestvennyie nauki i sovremennost.* 2002. N 6. S. 66–77.]

Алексеева Е. В., Нефедов С. А. Россия и Урал в мировых диффузионных волнах XVII–XIX вв. (военно-технологический аспект) // *Урал. ист. вестн.* 2013. № 1. С. 28–34. [Alekseeva E. V., Nefedov S. A. Rossiya i Ural v mirovyyih diffuzionnyih volnah XVII–XIX vv. (voenno-tehnologicheskii aspekt) // *Ural. ist. vestn.* 2013. N1. S. 28–34.]

Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. 523 с. [Artamonov M. I. Istoriya hazar. L., 1962. 523 s.]

Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 2004. 422 с. [Goldina R. D. Drevnuaya i srednevekovaya istoriya udmurtskogo naroda. Izhevsk, 2004. 422 s.]

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и её падение. М.; Л., 1950. 478 с. [Grekov B. D., Yakubovskiy A. Yu. Zolotaya Opda i eyo padenie. M.; L., 1950. 478s.]

Гринин Л. Е. Эпоха формирования государства. М., 2007. 368 с. [Grinin L. E. Epoha formirovaniya gosudarstva. M., 2007. 368 s.]

- Емельянов И. П.* (ред.) Очерки истории Удмуртской АССР. Т. 1. Ижевск, 1958. 287 с. [Emelyanov I. P. (red.) Ocherki istorii Udmurtskoy ASSR. T. 1. Izhevsk, 1958. 287 s.]
- Ибн Фадлан.* Книга Ахмеда ибн Фадлана // Кестлер А. Тринадцатое колено. Крушение империи хазар и ее наследие. СПб., 2006. С. 297–339. [Ibn Fadlan. Kniga Ahmeda ibn Fadlana // Kestler A. Trinadtsatoe koleno. Krushenie imperii hazar i ee nasledie. SPb., 2006. S. 297–339.]
- История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в.* Уфа, 1997. 519 с. [Istoriya Bashkortostana s drevneyshih vremen do 60-h godov XIX v. Ufa, 1997. 519 s.]
- Каблуков Н.* Об условиях развития крестьянского хозяйства в России. М., 1899. 309 с. [Kablukov N. Obusloviyah razvitiya krestyanskogo hozyaystva v Rossii. M., 1899. 309 s.]
- Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д.* Империя Чингис-хана. М., 2006. 557 с. [Kradin N. N., Skrynnikova T. D. Imperiya Chingis-hana. M., 2006. 557 s.]
- Кульпин Э. С.* Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства. М., 2007. 176 с. [Kulpin E. S. Zolotaya Orda. Problemyi genezisa Rossiyskogo gosudarstva. M., 2007. 176 s.]
- Мальтус Т. Р.* Опыт о законе народонаселения // Антология экономической классики. Т. 2. М., 1993. С. 5–136. [Maltus T. R. Opyit o zakone narodonaseleniya // Antologiya ekonomicheskoy klassiki. T. 2. M., 1993. S. 5–136.]
- Нефедов С. А.* Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007. 141 с. [Nefedov S. A. Kontseptsiya demograficheskikh tsiklov. Ekaterinburg, 2007. 141 s.]
- Нефедов С. А.* Аграрные и демографические итоги русской революции. Екатеринбург, 2009. 209 с. [Nefedov S. A. Agrarnye i demograficheskie itogi russkoy revolyutsii. Yekaterinburg, 2009. 209 s.]
- Нефедов С. А.* История России. Факторный анализ. Т. 1. М., 2010. 376 с. [Nefedov S. A. Istoriya Rossii. Faktornyy analiz. T. 1. M., 2010. 376 s.]
- Нефедов С. А.* История России. Факторный анализ. Т. 2. М., 2011. 686 с. [Nefedov S. A. Istoriya Rossii. Faktornyy analiz. T. 2. M., 2011. 686 s.]
- Нефедов С. А.* Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов, 2013. 283 с. [Nefedov S. A. Agrarnye i demograficheskie itogi stalinskoy kollektivizatsii. Tambov, 2013. 283 s.]
- Павлова М. Д.* Практикум по агрометеорологии. Л., 1984. 184 с. [Pavlova M. D. Praktikum po agrometeorologii. L., 1984. 184 s.]
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 13. М., 2000. 544 с.; Т. 5. Вып.1. М., 2003. 256 с. [Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 13. M., 2000. 544 s.; T. 5. Vyp.1. M., 2003. 256 s.]
- Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. М., 1996. С. 293–315. [Safargaliev M. G. Raspad Zolotoy Ordyi // Na styike kontinentov i tsivilizatsiy. M., 1996. S. 293–315.]
- Статистика землевладения 1905 г.* : свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. 199 с. [Statistika zemlevladieniya 1905 g. : svod dannyih po 50 guberniyam Evropeyskoy Rossii. SPb., 1907. 199 s.]
- Струмилини С. Г.* Социальные проблемы пятилетки // На плановом фронте. 1920–1930. М., 1958. С. 448–502. [Strumilin S. G. Sotsialnyie problemyi pyatiletki // Na planovom fronte. 1920–1930. M., 1958. S. 448–502.]
- Фахрутдинов Р. Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984. 215 с. [Fahrutdinov R. G. Ocherki po istorii Volzhskoy Bulgarii. M., 1984. 215 s.]
- Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. 319 с. [Hudyakov M. G. Ocherki po istorii Kazanskogo hanstva. M., 1991. 319 s.]
- Goldstone J.* Revolution and Rebellion in the Early Modern World. London, 1991. 608 p.
- Ratzel F.* Anthropogeographie. Bd. 2. Stuttgart, 1922. 382 S.

УДК 327.2 + 355.53

А. В. Збоев

АКТИВИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ США НА БАЛКАНАХ В НАЧАЛЕ 1941 г.: ВИЗИТ ПОЛКОВНИКА У. ДОНОВАНА В СОФИЮ*

Статья посвящена визиту полковника У. Донована в Софию как важному звену его средиземноморского турне, предпринятого в начале 1941 г. с целью воспрепятствовать расширению экспансии Оси на Балканах. Рассматриваются особенности болгарской политики США в условиях перехода от изоляционизма к вовлечению в европейские дела. На основе болгарской, англоязычной и отечественной историографии, а также с привлечением новейших публикаций источников, рассматривается восприятие миссии Донована современниками, анализируются спорные эпизоды его пребывания в Софии. Раскрывается значение исследуемого события в контексте политики США на начальном этапе Второй мировой войны.

Ключевые слова: У. Донован; Дикий Билл; Ф. Рузвельт; Борис III; разведка; специальные операции; внешняя политика США; Балканы; Средиземноморье; Болгария.

Уильяма Джозефа Донована некоторые историки ставят в один ряд с У. Черчиллем, Ф. Рузвельтом, И. Сталиным и другими деятелями, существенно повлиявшими на ход истории в XX в. [Brown, p. 12]¹. Его активность на дипломатическом, военном и разведывательном поприще на протяжении всей Второй мировой войны имела большое значение для правительства Соединенных Штатов и их союзников. Громкую славу Донован снискал еще во время Первой мировой войны, где, сражаясь во Франции, он дослужился до звания полковника и получил прозвище «Дикий Билл» [Ibid., p. 56]². В 1930-е гг. в условиях нарастания международных противоречий он стал востребованным в Белом доме в качестве эксперта по военным и политическим вопросам. В пору, когда США еще не имели централизованной разведывательной организации и довольствовались довольно нерегулярными и разнородными разведданными [Юнгблюд, с. 280], Донован фактически стал «глазами и ушами» Ф. Д. Рузвельта. По поручению президента он побывал в ряде стран (в том числе и в «горячих точках» — Эфиопии, Маньчжурии, Испании), познакомился с особенностями стратегии и тактики воюющих сторон, завел знакомство с широким кругом влиятельных лиц³.

---

* Статья подготовлена в рамках выполнения программы «Государственные задания высшим учебным заведениям на 2013 и на плановый период 2014 и 2015 гг. в части проведения научно-исследовательских работ». Проект 6.1011.2011 (Вятский государственный гуманитарный университет; рук. В. Т. Юнгблюд).

¹ Уильям Джозеф Донован (1883–1959) был знаком со многими влиятельными людьми своего времени: он был политическим советником при президенте Дж. Гувере, личным другом президента Ф. Д. Рузвельта, оказывал юридические услуги У. Черчиллю.

² По другой версии, это прозвище закрепилось за Донованом еще в юности за особый стиль игры в футбол.

³ Глава британской разведки У. Стефенсон признавал, что был впечатлен той степенью влияния, которой достиг его американский коллега: «Он имел полковника Нокса у себя в кармане и влиял на президента [Ф. Д. Рузвельта. — А. З.] сильнее, чем полковник Хауз в свое время на Вильсона» [Brown, p. 152].

Начало Второй мировой войны в Европе и первые успехи Гитлера вызвали большое беспокойство по другую сторону Атлантики. С падением Франции последним рубежом безопасности США стала Великобритания, и Вашингтон с середины 1940 г. предпринял ряд мер для ее поддержки. Одной из них стало дипломатическое и разведывательное турне полковника Донована в начале 1941 г. по ряду средиземноморских стран. Посещение болгарской столицы стало примечательным этапом этого путешествия, и ему в данной статье уделено преимущественное внимание.

Стратегическая важность Средиземноморья была безусловной для многих аналитиков. По выражению одного комментатора, мобилизация ресурсов этого региона с его мощной экономической базой и транспортными узлами сделала бы Гитлера достаточно могущественным, чтобы подчинить себе весь мир [Congressional Record, p. A29–A30]. Установление контроля стран Оси над Балканами началось с оккупации итальянскими войсками в 1939 г. Албании. Венгрия и Румыния в ноябре 1940 г. сами примкнули к Тройственному пакту. Греция заняла проанглийскую позицию и оказала сопротивление агрессии. Три другие страны — Югославия, Болгария и Турция — образовали своего рода нейтральный пояс, который так или иначе замедлял экспансию Оси на балканском направлении, но не давал ей прямого отпора. Германия добивалась превращения этого пояса в коридор для вторжения в Грецию и закрепления в Восточном Средиземноморье; Лондон, в свою очередь, стремился сформировать из этих стран вместе с Грецией некий «нейтральный блок», который смог бы самостоятельно противостоять напору Германии и СССР [Foreign Relations, 1939, vol. I, p. 457; 1939; vol. II, p. 391]. Американская дипломатия, на тот момент еще не выработавшая собственную стратегию в этом регионе, поддерживала британские планы.

Деятельности первого шефа УСС посвящено немало исследований [см.: Ford; Miller, p. 42–43; Troy; Brown; Waller], но его средиземноморское турне 1941 г. сравнительно подробно рассматривается немногими авторами. Среди них можно выделить Р. Данлопа [Dunlop], болгарского историка И. Димитрова [Dimitrov]. В отечественной историографии миссии Донована 1941 г. уделили внимание Е. Л. Валева [Валева, 2003, с. 252–253], В. Т. Юнгблюд, А. А. Костин и А. А. Калинин [Юнгблюд, Костин, с. 27–28, 45–51; Калинин, Юнгблюд, с. 78–81; Костин, с. 107–109, 113; Калинин, с. 53]. В настоящее время имеет место переоценка данного исторического эпизода и признание его значимости в контексте начального периода Второй мировой войны. Об актуальности этой темы свидетельствует публикация новых источников [см.: Котев, 2001; 2008; 2011] и различных материалов в прессе и сети Интернет [см.: Цветанов].

Рассматривая причины, побудившие вашингтонскую администрацию направить эмиссара в средиземноморское турне, и поставленные перед ним задачи, можно увидеть, что в исторической литературе по этому поводу нет единого мнения. У. Стивенсон писал, что инициатива в этом вопросе исходила от Черчилля, который стремился привлечь США к дипломатическому давлению на нейтральные балканские страны и предотвратить их присоединение

к Тройственному пакту [Stevenson, p. 221]. Согласно Р. Данлопу, Рузвельт поручил Donovanу собирать информацию и выразить перед всеми решимость американцев до последнего поддерживать народы, сопротивляющиеся нацистской агрессии [Dunlop, p. 230]. Другие авторы делают акцент на советском факторе. Б. Цветанов отмечает, что решение об отправке Donovanа в Европу было принято незамедлительно после получения от американского агента в ставке Гитлера информации о разработке плана «Барбаросса» и готовящемся вторжении вермахта в СССР в мае 1941 г. Полагая, что русские не продержатся против немцев и нескольких месяцев, Рузвельт и Черчилль вознамерились сорвать планы Гитлера, и с этой целью была организована поездка Donovanа [см.: Цветанов; Dunlop, p. 239, 249]⁴. Подобная точка зрения сомнительна, если учесть, в каких отношениях Москва находилась с западными демократиями. Сложно вообразить, чтобы Великобритания, в одиночку борющаяся с Гитлером, была обеспокоена проблемой отведения нацистской угрозы от далеко не дружественного ей СССР; Соединенным Штатам на рубеже 1940–1941 гг. Советский Союз также вряд ли казался страной, заслуживающей помощи. В приведенной версии прослеживается намерение авторов постфактум приписать западным лидерам исключительную стратегическую расчетливость и лишней раз обвинить в недалекновидности и неумелости сталинское руководство.

И. Димитров идею балканского турне приписывает болгарскому послу в Лондоне Н. Момчилову, стремившемуся предотвратить присоединение Болгарии к Тройственному пакту посредством нажима западных держав. 26 ноября 1940 г. посол обратился с этой идеей к сотрудникам Форин Офиса, которые охотно ее восприняли и передали американским коллегам, что и повлияло на принятие Рузвельтом решения об отправке эmissара на Балканы [Димитров, с. 66–67; Dimitrov, p. 5]. Однако вряд ли именно болгарский фактор в этом деле был определяющим. По всей видимости, к концу 1940 г. необходимость посещения балканских стран американскими дипломатами назрела и в Софии, и в Лондоне, и в Вашингтоне. Миссия Donovanа стала логичным продолжением курса Рузвельта на вовлечение в европейские дела и усиление помощи Великобритании.

Историк К. Рид писал, что поставленные перед Диким Биллом задачи были широки и «не содержали точных указаний» [цит по: Dunlop, p. 230]. По одним сведениям, ему было поручено способствовать созданию прозападного балканского блока. Е. Л. Валева пишет, что, он должен был добиться от Болгарии проведения дружественного Великобритании нейтралитета, взамен на гарантии независимости со стороны США и помощь в получении выхода в Эгейское море [Валева, 2003, с. 252]. Вероятнее всего, Рузвельт, отправляя своего эmissара в дальнюю поездку, во многом полагался на его самостоятельность и инициативность и предоставлял ему широкую свободу действий.

---

⁴ Схожие мотивы прослеживаются в размышлениях В. К. Волкова, изложенных им на одном из круглых столов. Согласно ему, миссия Donovanа была инициирована западными державами с целью подтолкнуть Москву к сотрудничеству с ними в рамках единого антигитлеровского блока, поскольку к концу 1940 г. только СССР продолжал сопротивляться этому процессу [Международные отношения, с. 6].

6 декабря 1940 г. полковник Донован двинулся в путь, официально — как представитель военно-морского министерства, неофициально — как личный эмиссар президента. Его путешествие проходило в условиях полусекретности, чтобы не привлекать особого внимания как немцев, так и самих американцев, среди которых было немало противников участия США в европейских делах. Госдепартамент даже не предупредил своевременно болгарского полпреда в Вашингтоне о маршруте и намерениях Донована, как это следовало сделать согласно установленной дипломатической практике. Заместитель Госсекретаря С. Уэллес дал ему разъяснения только 22 января 1941 г., заявив, что визит полковника на Балканы не имеет политического характера и направлен на изучение военной обстановки на полуострове. П. Шопов из этого сделал вывод, что Уэллес либо сам был не осведомлен о целях миссии, либо стремился ввести своего собеседника в заблуждение [Шопов, с. 36].

На несколько недель Дикий Билл остановился в Великобритании для переговоров с военными и политиками и координации дальнейших действий с британской разведкой. Затем он вылетел на Мальту, оттуда — на Балканы. Появление Донована в Греции 15 января 1941 г. вызвало воодушевление в греческих войсках и среди представителей британского военно-дипломатического корпуса в Афинах. В то же время последние торопили его с отправкой в Софию или Белград, где происходили решающие события.

Борьба за влияние в Болгарии между Германией и ее соперниками уже приближалась к развязке. Газеты сообщали о концентрации частей вермахта на болгарской границе и о проникновении в страну сотен немецких специалистов под видом туристов и коммерсантов [The Courier-Mail, p. 1]. Провозглашенному царем Борисом III курсу полного нейтралитета предвещали скорый конец. Одна из софийских газет в те дни писала: «Когда события постучатся к Болгарии в дверь, мы должны будем отворить ее. Если мы запрем ее на засов от Рейха, эта дверь будет выломана» [цит. по: Barrier Miner, p. 3].

Донован прибыл в Софию 19 января 1941 г., «в самый решающий момент», как отметил американский посланник в Болгарии Дж. Эрл [Foreign Relations, 1941, p. 282], хотя уже на следующий день на секретном совещании царем и приближенными к нему министрами принималось решение о присоединении к Тройственному пакту.

Незадолго до приезда Донована в болгарских СМИ была приостановлена антиамериканская пропаганда, уже подготавливавшая общественное мнение к союзу с Гитлером. Во время пребывания полковника в Софии болгарские власти всячески стремились замаскировать военные приготовления в стране. На смотре войск в военной академии Доновану было представлено старое вооружение, на что обратил внимание один из переводчиков, который незадолго до этого видел в обиходе той же академии и новейшее немецкое оружие [Котев, 2013].

Доновану удалось пообщаться со многими представителями болгарского правительства и донести до них, что от выбора Болгарии в войне будет многое зависеть, и она не должна совершить ошибку, и что Америка не будет выступать посредником в переговорах с Гитлером, но приложит все усилия, чтобы помочь Англии одержать победу [Dimitrov, p. 9].

Премьер Б. Филов отметил в своем дневнике, что американец был настроен воинственно и плохо понимал возможности Болгарии [Филов, с. 231]. Министр иностранных дел И. Попов заметил, что американцы и англичане ставят болгар в безвыходное положение, заставляя их выступить против Рейха и не гарантируя при этом поддержки. Военный министр Т. Даскалов поделился со своим гостем опасениями, что попытка сопротивления болгарских войск проходу вермахта может быть объявлена немцами провокацией и повлечь за собой катастрофические последствия; поэтому болгарам оставалось только выжидать более благоприятной для них международной обстановки.

Все министры на один лад говорили об отчаянном положении Болгарии, от которой великие державы слишком многого требуют, хотя от нее ничего не зависит. В то же время Доновану удалось уловить реваншистские и ревизионистские настроения. Главный редактор газеты «Утро» С. Танев обмолвился, что болгары хотели бы решать существующие проблемы со своими соседями мирным путем, но они не готовы отказаться от своих законных территориальных требований [Tasovac, p. 81]. Болгария все же находилась в ином положении, нежели Греция и Югославия, и ей союз с Германией предвещал наибольшие выгоды, а потому антигерманские настроения не получили большого распространения в среде болгарского истеблишмента и офицерства.

22 января Доновану удалось добиться аудиенции в царском дворце. Однако и эта встреча на деле не привнесла ничего нового, монарх только повторил слова своих министров о трагическом положении Болгарии [Груев, с. 346]. Прозондировав мнение Донована по поводу болгарских территориальных претензий, Борис убедился, что США не могут гарантировать болгарам ни вознаграждения, ни поддержки взамен на сопротивление Германии. Своему собеседнику он заметил: «Америка — за океаном, Англия — далеко, а Дунай — не Ла-Манш, чтобы англичане и американцы успели нам помочь» [Котев, Вълков, с. 109]. Не имея достаточно убедительных доводов, полковник так и не смог добиться от царя конкретных обещаний. Несмотря на это, Борис произвел на полковника впечатление исключительно мудрого и расчетливого политика, на долю которого выпало править в очень непростое время. «Он идеалист и слишком верит в добропорядочность мира..., — написал в дневнике Донован, — но я боюсь, что он слишком сильно полагается на маневры, которые ему столь успешно давались, и придет время, когда эти маневры окажутся неэффективными» [Dunlop, p. 251].

Беседа, казавшаяся столь дружественной и искренней, в действительности оказалась разыгранным представлением. Борис III вскоре вышел на связь с германскими представителями и подробно передал им все обстоятельства дела, иронично высказавшись о наивности и самонадеянности американцев [см.: Нойков, Радев, с. 115; Documents on German Foreign Policy, p. 1160–1161, 1202]. Но если учесть, что слова Дикого Билла о намерениях Вашингтона предназначались не только и не столько для Бориса, сколько для фюрера и его окружения, то его слова достигли своей цели.

Устные заявления Донован подкрепил посредством организованной им хитроумной операции по подбросу фальшивых документов. 22 января, перед

переездом в Белград, Донован на вокзале «внезапно» обнаружил пропажу своего портфеля. Полиция приступила к допросам и обыскам в гостинице, где останавливался Донован, и даже в царском дворце. Уже после отъезда владельца портфель был обнаружен на одной из городских свалок и передан американской миссии. За исключением валюты все содержимое сумки осталось на месте, о «секретных документах» упоминаний не было.

Первые комментарии по поводу «пропавшего портфеля» дал в своем исследовании У. Стивенсон, указав, что в нем содержались планы и проекты британско-американской военной интервенции на Балканы в случае вступления вермахта в Болгарию⁵. Р. Данлоп дополняет: еще в декабре 1940 г. Донован и сотрудники британской разведки разработали план дезинформации немецких агентов в Болгарии, и для этих целей были сфабрикованы фальшивые документы [Dunlop, p. 249].

Для доставки «секретных документов» в руки немцев была задействована любовница Дж. Эрла, венгерская танцовщица, о которой было известно также, что она являлась тайным агентом Абвера и членом СД [Tasovac, p. 82; Dunlop, p. 250; Котев, 2008, с. 194–198]. Р. Данлоп сообщает, что, пока Донован был на встрече с царем, Эрл провел ее в здание американской миссии, после чего она выкрала портфель Донована из его номера и «исчезла, направившись в сторону гестапо» [Dunlop, p. 250]. Опубликованные Н. Г. Котевым документы содержат другие данные. Из них следует, что Донован мог оставить папку в своем номере в гостинице, куда, по свидетельствам очевидцев, заходил человек в белом костюме, личность которого так и не была установлена [Котев, 2008, с. 194–198]. Как видим, версии кражи расходятся и не дают ясного ответа на вопрос о судьбе документов (их содержание также доподлинно не известно)⁶.

В. К. Волков после ознакомления с «различными немецкими материалами» говорил, что не встретил в них никакого упоминания о документах Донована и высказал предположение, что портфель полковника попал не в руки агентов Абвера, а к советской разведке [Международные отношения, с. 5]. Действительно, среди опубликованных на данный момент документов не встречается каких бы то ни было указаний на знакомство германского руководства с содержанием «секретных англо-американских планов», но и в отношении советского руководства можно сказать то же самое.

Западные историки не сомневаются, что портфель попал к немцам, и те проглотили «наживку» [Dunlop, p. 254–255]. Кроме того, немецкая пропаганда использовала дело Донована для высмеивания американцев, описав его утерю как результат ночной попойки [Ibid., p. 253]. Германский посланник

⁵ По версии У. Стивенсона, эти документы были выкрадены из царского дворца немецкими агентами, обыскавшими вещи Донована, пока сам он присутствовал на аудиенции у Бориса III [Stevenson, p. 226].

⁶ Р. Данлоп сообщает, что в портфеле Донована находились рекомендательные письма, дипломатический паспорт и несколько сотен долларов. В служебном письме софийской полиции говорилось, что помимо вышеперечисленных бумаг в портфеле было письмо К. Хэлла американским дипломатическим миссиям в балканских странах. Д. Уоллер пишет, что потеряны были бумаги, содержавшие важные заметки Донована по его турне, записи бесед и прочие документы [Dunlop, p. 254; Котев, 2008; Waller, p. 65].

в Софии Г. фон Рихтгофен 23 января не без сарказма писал в Берлин: «Весь свет смеется над американцем...» [Нойков, Радев, с. 115]. Д. Уоллер пишет, что эта ситуация вызвала ярость британских и американских агентов, хотя сам Донован уверял представителей прессы, что потеря была не столь серьезна, и он сможет продолжить свое путешествие [Waller, p. 65]. «Я покидаю Болгарию с самыми приятными впечатлениями об этой маленькой, но удивительной стране, ее трудолюбивом и прогрессивном народе и ее добро-сердечном, демократичном и искреннем царе», — передавали журналисты слова Донована, произнесенные им перед отправкой в Белград [Dunlop, p. 253; *The New York Sun*, p. 3].

Недолгое пребывание Дикого Билла вызвало оживление в Софии. Британские и американские дипломаты сообщали, что визит американского эмиссара стал заметным событием, которое поколебало уверенность в победе Германии и способствовало росту престижа Вашингтона, впервые столь ясно обозначившего решимость до конца бороться против Гитлера [Dimitrov, p. 11; *Foreign Relations*, 1941, p. 282]. Эрл доносил в Вашингтон, что визит Донована был положительно отражен в местной прессе и в целом произвел хороший эффект; и хотя это событие уже не могло предотвратить беспрепятственного прохода немецких войск через Болгарию, оно могло предотвратить сотрудничество между болгарскими и немецкими войсками [Miller, p. 43].

Донован не выдвинул выгодных Болгарии предложений и лишь пригрозил неопределенными санкциями за неугодную США политику. «Америка блефует... если бы она действительно была сильна, то не угрожала бы, а действовала», — такое мнение выразил Борису его советник Л. Лулчев, с чем царь полностью согласился [Лулчев, с. 270]. Болгарское руководство считало, что оно не имеет достаточных ресурсов для проведения самостоятельной политики. Царь говорил: «То, что мы являемся ключом, мы слышим уже 60 лет и от англичан, и от русских, и от немцев, и от французов, и прочих, но не мы его держим и не мы владеем этим ключом...» [Там же, с. 271].

Путешествие Донована на Балканы произвело заметный международный резонанс. В Лондоне и Вашингтоне Дикого Билла встречали как триумфатора. Король Георг VI и британский премьер-министр Э. Иден отметили большое значение его поездки [Калинин, с. 53]. Черчилль поспешил выразить полковнику и его правительству глубокую признательность за оказанную услугу. Премьер-министр сказал, что был бы доволен задержкой германской интервенции в Болгарию хотя бы на 24 часа, но Донован оттянул ее на 8 дней [Dunlop, p. 255].

О признании заслуг Дикого Билла со стороны президента говорит факт назначения его на должность главного координатора по информации в июле 1941 г.⁷ В то же время не обошлось и без критики. В отношении Болгарии результаты миссии оказались ограниченными, поскольку ее присоединение к Оси

---

⁷ Управление координации информации было организовано Ф. Рузвельтом 11 июля 1941 г. и стало главным разведывательным и пропагандистским ведомством США на начальном этапе войны. 13 июня 1942 г. на его основе было создано Управление стратегических служб (УСС), которое также возглавил У. Донован

предотвратить не удалось. По мнению британского посла в Софии Дж. Ренделя, Форин Офису следовало более эффективно использовать произведенное впечатление от миссии Донована и убедить США продолжать давление на балканские страны с целью образования ими антигерманского блока, но дальнейших действий не последовало [Dimitrov, p. 12]. Изоляционисты обвиняли Донована в том, что тот спровоцировал переворот в Белграде и навлек немцев на Балканы [Dunlop, p. 277]. Таким образом, действия полковника критиковались одновременно и за недостаточность, и за превышение полномочий — современникам тех событий, не обладавшим полной информацией, сложно было дать объективную оценку и спрогнозировать возможные последствия его миссии.

Руководство Германии восприняло балканское турне Донована как вмешательство в свою сферу влияния [Тошкова, с. 93]. Берлин не сделал официального заявления, но в прессе появились раздраженные комментарии его представителей: «Болгария самостоятельно решает стоящие перед ней проблемы, и она, несомненно, не позволит Доновану вмешиваться в ее суверенную политику» [The New York Sun, p. 3]; «Мы ничего не слышали о том, что доктрина Монро распространяется на Болгарию» [The Lewiston Daily Sun, p. 1; New York Times]⁸.

Согласно Р. Данлопу, Гитлер был хорошо знаком с Донованом и испытывал к нему личную антипатию. Фюрер пристально следил за всеми его перемещениями на Балканах [Dunlop, p. 254]. Выступая в Рейхстаге 11 декабря по случаю объявления войны Соединенным Штатам, фюрер особо упомянул роль полковника в балканских делах: «27 марта тот самый президент, который борется против агрессии во всех ее проявлениях, провозгласил поддержку Симовичу и его клике узурпаторов, которые пришли к власти в Белграде... Несколько месяцами ранее президент Рузвельт послал полковника Донована — личность редкостной низости — на Балканы с приказом оказать помощь в организации антигерманских и антиитальянских путчей в Софии и Белграде...» [Речь рейхсканцлера...].

О реакции советского руководства на пребывание эмиссара США в Болгарии практически ничего не сообщается, хотя Кремль об этом событии был проинформирован. Полпред СССР получил от бельгийского посланника в Софии информацию о разговорах Донована и о похищении его портфеля (которое, по его убеждению, было организовано немецкой разведкой) [Документы внешней политики СССР, с. 358]. Можно только предполагать, как на турне Донована реагировали в Кремле. С одной стороны, эта политическая акция должна была оцениваться как вмешательство США в дипломатическую борьбу за влияние в Болгарии, которую уже не первый год вели Москва, Лондон

⁸ Насчет последнего комментария можно заметить, что рядом американских политиков Средиземноморье и Балканы рассматривались как передовой рубеж американской сферы безопасности. Сенатор Дж. Сандерс в январе 1941 г., комментируя международную обстановку, отмечал, что доктрина Монро ставила цель держать Америку в стороне от войн. И хотя в тот момент в западном полушарии все было тихо, никто не мог предугадать, что случится в ближайшее время. Падение Великобритании и потеря Средиземноморья, по мнению Сандерса, напрямую угрожала доктрине Монро: чрезмерное усиление Гитлера в Европе дало бы ему возможность для осуществления торговой экспансии в Южной Америке, а затем для размещения там своих военных баз [Congressional Record, p. A29—A30].

и Берлин. Начальник ГРУ генерал-лейтенант Ф. И. Голиков в докладе в НКО СССР 20 марта 1941 г. отметил, что «американцы и англичане провоцируют столкновение на Балканах» [см.: Международные отношения, с. 5–6; 1941 год, с. 776–777]. С другой стороны, учитывая, что к началу 1941 г. позиции Москвы в этом противостоянии заметно пошатнулись, цели СССР и США совпадали в стремлении воспрепятствовать присоединению Болгарии к Оси, что могло бы создать основу для сотрудничества двух великих держав, но этот шанс не был использован.

«В условиях политики балансирования (Бориса III. — А. З.) послание полковника Донована может приобрести великое историческое значение», — писали газеты после отъезда Дикого Билла из Софии [The West Australian, p. 9; The Age, p. 7]. В действительности же влияние этого события на развитие международных отношений было неоднозначным. Сложность его оценки заключается, прежде всего, в том, что посещение Донованом каждой из балканских стран имело свою специфику и результаты. В Софии ему не удалось достичь успеха — 1 марта 1941 г. Болгария подписала протокол о присоединении к Тройственному пакту. Однако, западные исследователи не придают этому факту особого значения и акцентируют внимание на более успешных эпизодах дипломатического турне (в частности, на участии Донована в подготовке антигерманского переворота в Белграде). Э. Бояджи и ряд других историков ограничиваются в связи с этим общими фразами: «Секретные поездки Донована были результативными. Он добился внушительных успехов в своих переговорах на Среднем Востоке и Балканах» [Бояджи, с. 207]. Высоко оценил действия Донована Э. Браун, указав, что они «фундаментально и катастрофически» нарушили расписание гитлеровской кампании против России, и помогли Рузвельту принять стратегическую линию по разгрому Германии и Италии с минимальными потерями в человеческих и материальных ресурсах [Brown, p. 155]. По этому поводу В. Т. Юнгблюд и А. А. Костин верно отметили, что в данном случае американский историк сильно преувеличил значение рассматриваемого дипломатического рейда, поставив его в один ряд с такими действительно масштабными и определяющими событиями Второй мировой войны, как например, Московская битва [Юнгблюд, Костин, с. 49].

Болгарские историки скептически оценивают итоги миссии. Многие авторы соглашаются с выводом И. Димитрова о том, что визит Донована усилил сомнения в софийских правительственных кругах, но единственным результатом для Болгарии стало «укрепление тенденции к ограничению прямого вовлечения в войну» [Dimitrov, p. 14]. Правда, болгарское руководство и без того старалось придерживаться этой политики, стремясь остаться в стороне от глобального противостояния. В этом же духе пишет Е. Калинова: миссия Донована в конечном счете не заставила болгарское руководство изменить курс и не привнесла ничего нового в политику США в Болгарии, не повлекла за собой конкретных действий [Калинова, с. 204].

Балканское турне Дикого Билла, может быть, и не оправдало всех надежд, но и безрезультатным его назвать нельзя. Для его сбалансированной оценки необходимо учесть несколько моментов. Активизация политики США

на Балканах пришлось на момент, когда размежевание стран полуострова по причине их принадлежности к противоборствующим блокам находилось уже на завершающей стадии. Приезд Донована совпал с принятием решения о присоединении Софии к Оси, но даже если бы эмиссар президента успел прибыть немного раньше, вряд ли ему удалось бы остановить уже запущенный процесс германо-болгарской интеграции. Голос США на Балканах не звучал еще настолько внушительно, чтобы влиять на политику ведущих европейских держав. Представляется, что американцы переоценивали свой авторитет, тогда как более важную роль, по крайней мере в ближайшей перспективе, играла военная сила, в которой перевес находился на стороне Берлина. Покидая Болгарию, это признал и сам Донован, отметив, что один только образ несокрушимой германской военной машины заставляет без боя подчиниться ей целые страны [Dunlop, p. 254]. Содержание «потерянных» в Софии документов не пугало руководство Рейха. Реакция США на европейские события по-прежнему оставалась декларативной: в ответ на подписание Болгарией Тройственного пакта и ее участие в оккупации греческих и сербских территорий, Вашингтон в очередной раз прореагировал формальным протестом и заморозкой болгарских активов в американских банках.

Таким образом, на начало 1941 г. США не обладали реальными возможностями корректировать внешнеполитический курс европейских государств, и миссия Донована не имела под собой достаточного подкрепления. С другой стороны, балканская миссия оказалась важным событием. Во-первых, она обозначила наступление нового этапа деятельности США в Юго-Восточной Европе. Америка недвусмысленно обозначила свои интересы и сделала предупреждение малым странам, что будет лояльна только к тем из них, кто будет придерживаться проанглийской и проамериканской ориентации. Пресса подчеркивала, что США благосклонно относятся к нейтральным государствам до тех пор, пока они придерживаются старого курса, но те неотвратимо понесут наказание за сближение с Германией [Morning Bulletin, p. 7]).

Во-вторых, Белому дому удалось больше узнать об обстановке в европейских регионах, о мотивах и страхах балканских правителей, влиявших на их политический курс, что имело значение при выработке отношения к тем или иным силам на Балканах.

В-третьих, был дан толчок развитию американской разведывательной службы. Н. Г. Котев констатирует, что турне Донована способствовало активизации совместной деятельности британской и американской разведок; по настоянию полковника впоследствии были созданы Комитет по координации информации и служба военных атташе, сыгравшие важную роль для Союзников во время войны [Котев, 1992, с. 84, 86]. Таким образом, если оценивать миссию Донована на Балканы в январе 1941 г., исходя из максимума поставленных перед ним задач, то его успехи представляются весьма ограниченными, если же рассматривать эту поездку как своего рода разведку боем, то потраченное на нее время и ресурсы принесли актуальный и необходимый опыт Соединенным Штатам накануне их вступления во Вторую мировую войну.

1941 год : в 2 кн. Кн. 1 / сост. Л. Е. Решин и др. ; под ред. В. П. Наумова. М., 1998. 832 с. [1941 god : v 2 kn. Kn. 1 / sost. L. E. Reshin i dr. ; pod red. V. P. Naumova. M., 1998. 823 s.]

Бояджи Э. История шпионажа : в 2 т. Т. 2. / пер. с итал. Л. Кориной. М., 2003. 636 с. [Boyajji E. Istoriya shpionazha : v 2 t. T. 2. / per. s ital. L. Korinoj. M., 2003. 636 s.]

Валева Е. Л. Болгария в годы Второй мировой войны // Болгария в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. Е. Л. Валева. М., 2003. С. 230–261. [Valeva E. L. Bolgariya v gody Vtoroj mirovoj vojny // Bolgariya v XX veke. Ocherki politicheskoi istorii / отв. red. E. L. Valeva. M., 2003. S. 230–261.]

Димитров И. Между Мюнхен и Потсдам: българската политика през Втората световна война. София, 1998. 248 с. [Dimitrov I. Mezhdun Munhen i Potsdam: bulgarskata politika prez Vtorata svetovna vojna. Sofiya, 1998. 248 s.]

Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. 448 с. [Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. 23. Kn. 2. Ch. 1. 448 s.]

Калинин А. А. Политика Великобритании и США в отношении Греции в 1939–1941 гг. // Вестн. ВятГУ. 2005. № 13. С. 46–59. [Kalinin A. A. Politika Velikobritanii i SSNA v otnoshenii Grecii v 1939–1941 gg. // Vestn. VyatGGU. 2005. № 13. S. 46–59.]

Калинин А. А., Юнгблуд В. Т. Греция в американско-британских отношениях в 1939–1945 гг. Киров, 2009. 366 с. [Kalinin A. A., Yungblud V. T. Greciya v amerikano-britanskikh otnosheniyah v 1939–1945 gg. Киров, 2009. 366 s.]

Калинова Е. Победители и България. 1939–1945. София, 2004. 448 с. [Kalinova E. Pobeditelite i Bulgaria. 1939–1945. Sofiya, 2004. 448 s.]

Костин А. А. Позиция США в отношении Югославии в январе-марте 1941 г. // Вопр. истории. 2002. № 1. С. 107–115. [Kostin A. A. Pozicija SSNA v otnoshenii Yugoslavii v janvare-marte 1941 g. // Vopr. istorii. 2002. № 1. S. 107–115.]

Котев Н. Американското разузнаване в България (1939–1945 г.) // Изв. на НЦВИ и Военноисторическото научно дружество. 1992. Т. 54. С. 82–93. [Kotev N. Amerikanskoto razuznavane v Bulgariya (1939–1945 g.) // Izv. na NCVI i Voennioistoricheskoto nauchno druzhestvo. 1992. T. 54. S. 82–93.]

Котев Н. Г. Дивият Бил беше на тайна мисия в София през 1941 г. [Электронный ресурс] // Стандарт. 2001. № 4. URL: http://paper.standartnews.com/archive/2001/06/04/history/s3027_5.htm (дата обращения: 31.01.2014). [Kotev N. G. Diviyat Bil beshe na tajna misiya v Sofiya prez 1941 g. [Electronnyi resurs] // Standart. 2001. № 4. URL: http://paper.standartnews.com/archive/2001/06/04/history/s3027_5.htm (data obrascheniya: 31.01.2014)]

Котев Н. Г. Мисията на полковник Уилям Донован в България от 1941 г. [Электронный ресурс] // Bulgaria. № 26. 01.07.2011. P. 29; № 27. 07.07.2011. URL: <https://kotev25.wordpress.com/tag/william-donovan-biography/> (дата обращения: 31.01.2014). [Kotev N. G. Misiyata na polkovnik Uilyam Donovan v Bulgariya ot 1941 g. [Electronnyi resurs] // Bulgaria. № 26. 01.07.2011. P. 29; № 27. 07.07.2011. URL: <https://kotev25.wordpress.com/tag/william-donovan-biography/> (data obrascheniya: 31.01.2014)]

Котев Н. Г. Мисията на полковник Уилям Донован в България от 1941 г. [Электронный ресурс] // European Scientist. Blog with Journalistic and Historical articles. 10.02.2013. URL: <http://kotev25.wordpress.com/2013/02/10/mission-of-colonel-william-donovan-in-bulgaria-during-1941/> (дата обращения: 31.01.2014) [Kotev N. G. Misiyata na polkovnik Uilyam Donovan v Bulgariya ot 1941 g. [Electronnyi resurs] // European Scientist. Blog with Journalistic and Historical articles. 10.02.2013. URL: <http://kotev25.wordpress.com/2013/02/10/mission-of-colonel-william-donovan-in-bulgaria-during-1941/> (data obrascheniya: 31.01.2014)]

Котев Н. Г. Неизвестни документи за провокациите на българските специални служби срещу британски и американски дипломатически представители и представителства в периода 1940–1941 г. // Bulgarian Historical Review. 2008. Vol. 1–2. С. 188–209. [Kotev N. G. Neizvestni dokumenti za provokaciite na bulgarskite specialni sluzhbi sreshchu britanski i amerikanski diplomaticheski predstaviteli i predstavitelstva v perioda 1940–1941 g. // Bulgarian historical review. 2008. Vol. 1–2. S. 188–209.]

Котев Н., Вълков В. Неизвестен документ за Джордж Хауърд Ърл — пълномощен министър на САЩ в България през 1940–1941 година // Международни отношения. 1993. Кн. 1. С. 103–112. [Kotev N., Vulkov V. Neizvesten dokument za Dzhordzh Hauard Erl — plnomoshchen ministr na SASHCH v Bulgaria prez 1940–1941 godina // Mezhdunarodni otnosheniya. 1993. Kn. 1. S. 103–112.]

Лулчев Л. Тайните на дворцовия живот: Дневник (1938–1944). София, 1992. 318 с. [Lulchev L. Tajnite na dvorcoviya zivot: dnevnik (1938–1944). Sofiya, 1992. 318 s.]

Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы накануне нападения Германии на СССР (сентябрь 1940 — июнь 1941 гг.) // Советское славяноведение. 1991. № 4. С. 3–23. [Mezhdunarodnye otnosheniya i strany Centralnoj i Yugo-Vostochnoj Evropy nakanune napadeniya Germanii na SSSR (sentyabr' 1940 — iyun' 1941 gg.) // Sovetskoe slavyanovedenie. 1991. № 4. S. 3–23.]

Нойков С., Радев В. Цар Борис III в тайните документи на Третия райх, 1939–1943. София, 1995. 212 с. [Nojkov S., Radev V. Tzar Boris III v tajnite dokumenti na Tretiya rajh, 1939–1943. Sofiya, 1995. 212 s.]

Речь рейхсканцлера А. Гитлера в Рейхстаге по случаю объявления войны Соединенным Штатам Америки от 11 декабря 1941 [Электронный ресурс]. URL: http://vlastitel.com.ru/hitler/hitler_1941-12-11.html (дата обращения: 31.01.2014). [Rech rejhskanclera A. Gitlera v rejxstage po sluchayu ob'yavleniya vojny Soyedinennym Shtatam Ameriki ot 11 dekabrya 1941 [Electronnyi resurs]. URL: http://vlastitel.com.ru/hitler/hitler_1941-12-11.html (data obrascheniya: 31.01.2014).]

Тошкова В. И. България в балканската политика на САЩ 1939–1944. София, 1985. 424 с. [Toshkova V. I. Bulgariya v balkanskata politika na SASHCH 1939–1944. Sofiya, 1985. 424 s.]

Филов Б. Дневник. София, 1990. 810 с. [Filov B. Dnevnik. Sofiya, 1990. 810 s.].

Цветанов Б. Софийски капан за Хитлер // Вестн. ДЕСАНТ. Национален седмичник. 18.01.2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.desant.net/show-news/23693/> (дата обращения: 31.01.2014). [Cvetanov B. Sofijski kapan za Hitler // Vestn. Desant. Nacionalen sedmichnik. 18.01.2012. [Electronnyi resurs]. URL: <http://www.desant.net/show-news/23693/> (data obrascheniya: 31.01.2014).]

Шопов П. САЩ и България: Политически отношения. 1939–1944. София, 1990. 303 с. [Shopov P. SASHCH i Bulgariya: politicheski otnosheniya. 1939–1944. Sofiya, 1990. 303 s.].

Юнгблуд В. Т. Внешнеполитическая мысль США 1939–1945 гг. Киров, 1998. 360 с. [Yungblud V. T. Vneshnepoliticheskaya mysl' SSHA 1939–1945 gg. Kirov, 1998. 360 s.]

Юнгблуд В. Т., Костин А. А. Политика США в Югославии в 1941–1945 гг. Киров, 2004. 240 с. [Yungblud V. T., Kostin A. A. Politika SSHA v Yugoslavii v 1941–1945 gg. Kirov, 2004. 240 s.]

Barrier Miner. 17.01.1941.

Brown A. C. The Last Hero: Wild Bill Donovan. New York, 1982. 891 p.

Congressional Record. Vol. 87. Proceedings and Debates of the 77th Congress. Washington, 1941. 10152, A5740 p.

Dimitrov I. Colonel Donovan's Mission in Sofia // Bulgarian Historical Review. Vol. 4. 1978. P. 3–13.

Documents on German Foreign Policy, 1918–1945. Series D, Vol XI (1937–1941): The War Years, September 1, 1940 — January 31, 1941. 1265 p.

Dunlop R. Donovan. America's Master Spy. New York, 1982. 562 p.

Ford C. Donovan of OSS. Boston, 1970. 366 p.

Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. I: General. Washington, 1956. 1059 p.

Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. II: General, the British Commonwealth and Europe. Washington, 1956. 911 p.

Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1941. Vol. I: General, The Soviet Union. Washington, 1958. 1048p.

Miller M. L. Bulgaria during the Second World War. Stanford, 1975. 290 p.

Morning Bulletin. 24.01.1941.

New York Times. 23.01.1941.

Stevenson W. A Man Called Intrepid: The Secret War. New York, 1977. 541 p.

Tasovac I. American Foreign Policy and Yugoslavia, 1939–1941. College Station, 1999. 244 p.

The Age. 24.01.1941.

The Courier-Mail. 23.01.1941.

The Lewiston Daily Sun. 23.01.1941.

The New York Sun. 22.01.1941.

The West Australian. 24.01.1941.

Troy T. F. Donovan and the CIA: A History of the Establishment of the Central Intelligence Agency. 1981. 589 p.

Waller D. Wild Bill Donovan: The Spymaster Who Created the OSS and Modern American Espionage. New York, 2011. 480 p.

Статья поступила в редакцию 10.03.2014 г.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(100)

А. С. Козлов

Рец. на кн.: Марцеллин Комит. Хроника / пер. и коммент. Н. Н. Болгова. — Белгород : БелГУ, 2010. — 230 с.

Рецензия показывает подавляющую содержательную и текстовую зависимость выполненного в Белгородском университете перевода и комментирования хроники ранневизантийского автора, комита Марцеллина, от соответствующего английского перевода и комментария, сделанных австралийским византинистом Б. Кроуком.

Ключевые слова: В. Стоке; Марцеллин комит; ранняя Византия; латиноязычные хроники поздней античности.

Начну с цитаты из тезисов, открывающих «Введение» в книгу:

Марцеллин Комит, как он обычно именуется в источниках, — одна из наименее известных фигур среди авторов эпохи поздней античности. Он известен ныне практически только как автор своей хроники о событиях с 379 по 518 гг. н. э., которая была позднее продолжена до 534 г.

Марцеллин писал свою хронику в Константинополе в то время, когда римский сенатор Кассиодор пребывал там в качестве беженца (около 550/551 г.) от войны Юстиниана против готов в Италии. Кассиодор, по всей видимости, встречался с Марцеллином, иначе он ничего не написал бы о последнем в одном из своих трудов — *Institutiones* — руководстве для монахов. Там говорится о некоем Марцеллине из Иллирика... (с. 5).

Все сказанное верно, за исключением, пожалуй, возможности знакомства Кассиодора и Марцеллина, — данный факт остается, на мой взгляд, гипотетическим. Но дело не в этом. Дело в том, что приведенные тезисы по своему содержанию имеют почти полную аналогию с соответствующим началом «Введения» к работе Брайана Кроука «The Chronicle of Marcellinus. A Translation

and Commentary (with a reproduction of Mommsen's edition of the text) Brian Croke. Sidney, 1995». А именно:

Count Marcellinus, or Marcellinus comes as he is usually designated, is one of the lesser literary figures of late antiquity. He is known almost exclusively as the author of an annalistic chronicle continuing that of Jerome from AD 379 to 518, which Marcellinus himself later updated to 534. He composed his chronicle in Constantinople and it was while the Roman senator Cassiodorus was there in 550/1, as a refugee from **Justinian's** war against the Ostrogoths, that he acquired a copy of it. If Cassiodorus did not actually meet Marcellinus then he certainly knew something about him, for in his *Institutiones*, a handbook for monks, he tells us that Marcellinus was an Illyrian... (курсив и жирный шрифт автора книги. — А. К.) (p. XIX).

Разделы «Введения» в рецензируемой книге именуются «Марцеллин Комит» (с. 5), «Основные мотивы хроники» (с. 6), «Источники» (с. 9), «Продолжатель Марцеллина» (с. 11), «Язык и стиль» (с. 12), «Рукописи» (Там же), «Издания» (с. 13), «Хроника Марцеллина в контексте позднеантичной историографии» (с. 14). Названия разделов «Введения» в указанной книге Кроука — «Marcellinus Comes» (p. XIX), «The Chronicle's Perspective» (p. XX), «Sources of Information» (p. XXII), «The Continuator of Marcellinus» (p. XXV), «Language and Style» (Ibid.), «Manuscripts» (p. XXCI), «Editions» (Ibid.). Видно, что различие в наборах разделов — в присутствии в работе под редакцией Болгова такой части «Введения» как «Хроника Марцеллина в контексте позднеантичной историографии». Здесь перечисляется ряд позднеантичных хроник, от которых, как сказано, труд Марцеллина отличается более высокой информативностью. Мне этот тезис представляется очень жестким, т. к. применительно ко многим реалиям истории Запада V и VI вв. Марцеллин далеко не так информативен, как, например, Проспер Тирон, Иоанн Биклярский или Идасий. К тому же позднеантичная историография — это не столько хроники, сколько многие исторические труды как светских, так и церковных авторов, чьи опусы лишены структуры погодных записей. Специалисты (и тот же Кроук в другой своей книге [Croke, p. 145–215, 257–265]) немало потрудились над оценками репрезентативности пассажей «Хроникона» Марцеллина в сравнении с соответствующими текстами Иордана, Григория Турского, Исидора Севильского, ранневизантийских церковных историков и других авторов VI–VII вв. Никто из подобных историописателей в указанном разделе рецензируемой книги даже не упомянут. К тому же такие сочинения как «Хроника» Иоанна Малалы и «Пасхальная хроника» (с. 14) с их ярко выраженными средневековыми литературными чертами (см. соответствующие статьи Я. Н. Любарского) к позднеантичной историографии вряд ли можно отнести.

В качестве примеров содержания других частей «Введения» возьмем хотя бы начальные тезисы разделов «Основные мотивы хроники», «Источники» и «Рукописи». Начнем с раздела «Основные мотивы хроники»:

Преобладающие мотивы хроники — отношение Марцеллина к событиям в его родной местности — Иллирике, и в Константинополе, городе, где он жил и писал

свою летопись. Марцеллину есть что рассказать об Иллирике, и он это делает с тщательностью и правдивостью, основываясь на собственных знаниях о местных достопримечательностях, событиях и местной географии. Иногда, как, например, при описании землетрясения в Дардании в 518 г. он использует доступные ему официальные местные источники.

Хроника Марцеллина — важный источник информации для изучения вторжений в империю варваров — гуннов (422, 441, 442, 447, 452), остготов (478, 480) и болгар (499, 502, 517) (с. 6–7).

Соответственно в начале раздела «The Chronicle's Perspective» у Кроука читаем:

The predominant aspects of the chronicle are Marcellinus' treatment of events in his native area of Illyricum and of Constantinople itself, the city where he worked and wrote his chronicle. Marcellinus has a lot to say about Illyricum in his chronicle and what he does offer is generally of a distinctly precise and relatively full nature, suggesting an intimate knowledge of local personalities, local affairs and local geography. On occasion, such as for the earthquake in Dardania in 518, he may also have had direct access to official local sources.

The chronicle is an important source of information for the successive invasion of the Huns (422, 441, 442, 447, 452), Ostrogoths (478, 480) and Bulgars (499, 502, 517)... (p. XX).

Читаем начало раздела «Источники»:

Хроника Марцеллина достаточно явно является продолжением хроники Иеронима, который до этого перевел хронику Евсевия Кесарийского и продолжил ее до 378 г.

Для последующих авторов это стало общепринятой практикой и формой для их хроник, как и типы используемых источников, и характер их употребления.

Тогдашняя хроника обычно в виде таблицы представляла собой перечень последовательных событий. Описываемый год начинался 1 сентября, а заканчивался 31 августа. Каждому году присваивался номер из 15-летнего индикта. У Марцеллина же календарный год длится с 1 января по 31 декабря. Этот прием в датировке был первым, и утвердился впоследствии на Западе, в отличие от Востока, где он долго игнорировался (с. 7).

У Кроука в начале раздела «Sources of Information»:

«In writing his chronicle Marcellinus was consciously continuing the chronicle of Jerome, who had previously translated the chronicle of Eusebius of Caesarea and continued it to 378. There was an established style and format for chronicles to follow, on the model of Jerome, as well as a tradition on the type of sources utilized and how they might be employed. The basic framework of the chronicle was the list of successive indiction numbers. The indictional year ran from 1 September to 30 August and each such year was given a number in the fifteen-year cycle of indictions. Alongside the indictions Marcellinus used a consular list, recording in annual succession the names of the two chief magistrates for the year which ran from 1 January to 31 December. Marcellinus' very reliable consular list reflects the viewpoint of the eastern court in that it records the eastern consul first and normally ignores western consuls not recognized in the east (p. XXII).

Как мы видим, в данном случае совпадение содержания текстов не полное. Несколько разнятся рубрикации текстов. Последним двум четким предложениям Кроука в соответствующем месте рецензируемого издания противостоит что-то непонятное. Что значит «Этот прием в датировке был первым»? Первым в практике хронографии? Первым в практике хронологии? У Кроука речь идет о византийской практике помещения (и комитом Марцеллином в том числе) восточноримского консула первым в погодном обозначении лет согласно консульским спискам, — при игнорировании имен тех западных консулов, которые не признавались на Востоке.

И, наконец, начало раздела «Рукописи»: «Представленный в настоящем издании текст дан по стандартному изданию Т. Моммзена. Он базируется на рукописях T и S. Полный список ...» (с. 13) (далее идет табличный список рукописей: первая колонка таблицы — датировка манускрипта, вторая колонка — аббревиатура, условное обозначение рукописи, третья — обозначение места хранения и принятое именование манускрипта).

У Кроука: «The text produced by Mommsen and reproduced here is based on T and S. The full range of manuscripts is as follows» (р. XXVI).

Сходство в приведенных текстах раздела дополняется сходством в следующих за текстами таблицах — одинаковые колонки, одинаковое содержание, — вплоть до аббревиатур в обозначении рукописей. Разница в том, что в рецензируемой работе названия мест хранения манускриптов даны в указанной таблице по-русски. Все сделано, как и полагается издателям, работавшим с перечисленными рукописями.

Нельзя сказать, что во всех продолжениях вышеприведенных первых строк и абзацев соответствующих разделов можно наблюдать только сходство с теми же аналогичными словами и мыслями Кроука (только выраженными по-английски). Например, в уже указанном разделе «Основные мотивы хроники» сходные с текстом Кроука абзацы разбавлены дополнительными замечаниями относительно информации, предоставляемой «Хрониконом» Марцеллина, в том числе и ссылками на наблюдения, сделанными в моих статьях по данному сюжету. Ссылки на подобные статьи основательны и корректны. А вот на книгу Кроука ссылок опять-таки нет, хотя, как и ранее (так и, надо сказать, позднее, в разделах, которые я не цитирую, жалея время читателя), упомянутое сходство продолжается.

Указанная методика — чередование обширных текстов, по своему содержанию соответствующих абзацам и страницам работы австралийского исследователя, с гораздо меньшими по объему личными наблюдениями и высказываниями авторов (со ссылками и на литературу и на источники) — пронизывает всю рецензируемую книгу.

Есть и исключения из правила жесткой зависимости авторского коллектива от текста Кроука. Например в том же «Введении» в разделе «Источники» приведена таблица ссылок на информационно-текстовые параллели между «Хрониконом» и знаменитым сочинением Орозия (с. 10), — таблица, идентичная своей родной сестре в работе Кроука (р. XXII–XXIII). Но у Кроука почти рядом имеется таблица параллелей между пассажами Марцеллина и сообщениями Геннадия Массилийского, а в рецензируемой книге такой таблицы нет,

хотя текстовая часть, посвященная Геннадию, — почти зеркальное отражение (только по-русски) соответствующего текста Кроука (с. 10).

Еще один пример. Когда у Кроука перечисляются реалии, которые Марцеллин заимствовал из так называемой «Константинопольской хроники», то исследователь, распределив эти реалии по группам, каждую группу оформил в виде ссылки на те пассажи «Хроникона», где реалии этой группы зафиксированы. У Кроука получилось 15 групп реалий, соответственно — 15 ссылок (р. XXIV, п. 11–25). Авторы рецензируемой книги, следуя текстуально (когда речь идет о «Константинопольской хронике») опять-таки за Кроуком, сделали только 7 ссылок (на 7 групп реалий) (с. 11, прим. 2–8).

Число примеров можно увеличить, особенно если обратиться к рассмотрению комментариев к пассажирам сочинения Марцеллина, но не эти исключения из правила составляют главную тенденцию структурирования книги и наполнения этой структуры содержанием, а все-таки почти полная зависимость от текста работы Кроука.

Комментарии составляют по объему большую часть книги (с. 127–215), но разбирать их так же, что разделы «Введения», я не буду, т. к. способ их составления тот же самый, что и метод написания упомянутых разделов. Следует, однако, оговориться, что в справке «От редактора», которая открывает книгу, написано: «В основу толкового комментария положена схема австралийского византолога Брайана Кроука, переработанная с учетом отечественной и новейшей зарубежной литературы» (с. 4). Следует уточнить — в основу комментария положена не только «схема», но и практически наполняющий эту схему текст, переведенный на русский язык.

Приведу лишь несколько примеров такого перевода, наглядно демонстрирующих, что стилистика английского языка, на котором писал комментарий Кроук, без редактирования (прежде всего, без учета синтаксиса) перенесенная в поле русской речи, дает неприятные на вкус плоды.

Почетные титулы автора, возможно, не были включены в первое издание хроники Марцеллина в 519 г., и были добавлены только в обновленном варианте в 534 г. как награда за придворную службу во времена императора Юстина (начало 520-х гг.), когда Марцеллин служил канцелярием патрикию Юстиниану (Cass., *Inst.* 1.17). Титул «комит» означает, что Марцеллин был причислен к одному из трех рангов знати — *vir clarissimus* (сиятельный муж). Это означало то, что это был человек сенаторского ранга, хотя необязательно, что он реально был членом константинопольского сената (с. 128–129).

Если сравнить эти стилистически и синтаксически очень неяршливые строки с текстом Кроука, то сразу видно, что переводчик стремился к дословному переводу (так учат на первых курсах университета):

The author's honorific titles were probably not included in the original edition of the chronicle in 519 but were only added to the up-dated edition in 534, having been asquired as a result of his service at the imperial court in the time of the emperor Justin (early 520s) when he acted as *cancellarius* to the patrician Justinian (Cass., *Inst.* 1.17). The title *comes* (count) indicates that he was enrolled in one of the three orders of counts, while *vir clarissimus* (most distinguished man) indicates that

he was a man of senatorial status at CP although not necessarily entitled to a seat in the Constantinopolitan senate» (p. 54).

Аналогичный пример стилистически и синтаксически неудобоваримого перевода:

Через своего полководца Сатурнина (PLRE 1: 807–808) Феодосий обсудил условия важного соглашения с готами, на основании которого они обосновались как федераты на римской территории на определенных условиях. Марцеллин здесь следует Орозию, 7.34.7, кроме даты 3 октября 382 г. (Cons. Const, s.a., 382 [IX 243]), которая больше подходит ко дню соглашения, которое было скреплено и оглашено в Константинополе (с. 131).

У Кроука:

Through his general Saturninus (PLRE 1: 807–808) Theodosius negotiated an important treaty with the Goths whereby they settled as *foederati* in Roman territory on certain conditions (Wolfram, 1988, 133–4; Heather, 1991, 157 ff. and Blockley, 1992, 40–1). M. is here copying Oros., 7.34.7 except for the date, 3 October 382 (Cons. Const, s.a., 382 [IX 243]), which most likely refers to the day the agreement was ratified and publicly proclaimed in CP (p. 58).

Здесь, кроме всего прочего, видно, что при переводе текста Кроука в неприкосновенности была оставлена форма ссылок на источники, благодаря чему они приобрели не принятый в российской академической науке вид. Можно также добавить (хотя это уже выходит за пределы формы и задач моей рецензии), что ради комментирования такого важнейшего явления в истории империи, как договор 382 г. с готами, можно было бы проигнорировать бледноватый пассаж Кроука, а обратиться к тексту опущенных при переводе имен — к блестящему толкованию этого соглашения Х. Вольфрамом и П. Хизером.

Дальнейшие примеры такого рода передачи текста Кроука можно приводить до финала комментариев, но воздержимся от этого, поскольку объем рецензии ограничен. Не удержусь лишь от замечания, касающегося одной из принципиальнейших сторон личности и творчества Марцеллина, а именно — его происхождения из Иллирика и его пристрастности к «иллирийским» сюжетам и реалиям «Хроникона»¹. В своих комментариях к таким пассажам Кроук данной тематики касается весьма неглубоко, полностью, однако, компенсируя это в другой своей книге о Марцеллине и его сочинении [Crooke, p. 48–77]². Поскольку комментарии

¹ Имеются в виду рассказы о полководце-иллирийце Савиниане Магне (Chronicon, a.479, 481.2), о поражении от болгар магистра иллирийских войск Ариста (a.499.1), о возвращении Анастасием на епископские кафедры ранее репрессированных иллирийских епископов (a.516.3), о бедствиях, причиненных Иллирику полчищами «конных гетов» (a.517), о землетрясении, поразившем провинцию Дарданию, и особенно (в этой связи) о трагедии города Скупи (a.518.1) — и т.п. См. перечень такого рода реалий [Козлов, с. 55–57].

² Предположение Кроука о Скупи как родине Марцеллина не имеет под собой серьезной базы. Другое дело, что пассаж о землетрясении, фиксируя события 518 г., коррелирует со смертью императора Анастасия (а значит — началом «счастливой» эпохи таких императоров-иллирийцев, как Юстин I и Юстиниан I). «Иллирийские сюжеты» Марцеллина четко показывают, что во втором десятилетии VI в. благополучие Иллирика подвергается серьезным испытаниям, но воцарение Юстина I и обретение его племянником сана патрикия, возможно, предвещали в глазах хрониста новый расцвет его родины.

рецензируемой работы воспроизводятся, прежде всего, с комментариев книги 1995 г., то на наблюдения, содержащиеся в монографии 2001 г., применительно к упомянутым сюжетам никаких намеков нет. В то же время монография 2001 г. числится в списке использованной авторами литературы под номером 85 и даже отличается в этом списке тем, что в ссылке, помещенной внизу страницы, указаны названия ее разделов (с. 218, прим. 1).

Особенность рецензируемой работы заключается также в том, что она предлагает два варианта перевода сочинения Марцеллина. Один вариант выполнен Н. Н. Болговым, второй — Д. И. Суровенковым. Прием неплохой, ибо компетентный читатель может сравнить качество обоих переводов с приведенным в этом же издании оригиналом текста источника. Текст Марцеллина, кстати говоря, как и у Кроука, подан в форме, предложенной Т. Моммзенем.

Разговор о переводах «Хроникона» с того варианта позднеантичной латыни, на которой он написан, — особый, долгий и может быть предметом отдельной рецензии или даже статьи. Я остановлюсь только на одном сюжете, иллюстрирующем только один случай передачи на русский язык рассказа Марцеллина. Речь идет о закате карьеры и смерти Иоанна Хрисостома. В оригинале сообщение Марцеллина об этих событиях выглядит так:

Joannem Constantinopolitanae civitatis episcopum, cui supra dicti sex antistites incassum aemuli fuere, aliosque triginta sibimet episcopos conscivere, nolente Archadio principe, in Cucusum Armeniae oppidum exsulem miserunt, eumque post annum in villam quae Comana in regione Pontica dicitur, de exsilio in exsilium relegarunt. Hunc ibidem mortuum religiosa orthodoxorum plebs in atrio Basilisci episcopi sancti, idemque martyr, ab eodem martyre in somnis admonita, in novum moxque repertum sepulcrum recondidit (Marc. Comes, a.403.3).

Перевод приведенного рассказа Кроуком:

The six bishops mentioned above were unsuccessful rivals of John, the bishop of the city of Constantinople, and they were in league with another thirty bishops. Against the will of the emperor Arcadius, they sent him into exile to the town of Cuccus in Armenia, and after a year relegated him from one exile to another, at a villa called Comana in the Pontic region. When he died there the religious people from among the orthodox buried him in the new and recently discovered tomb in the church of the bishop and martyr Basiliscus, after being directed in dreams by the martyr (p. 8–9).

Перевод Болгова:

Шесть епископов, упомянутых нами прежде, оказались неудачливыми соперниками Иоанна, патриарха Константинопольского. Они в союзе с другими тридцатью епископами против воли императора Аркадия сослали патриарха Иоанна в город Куккуз в Армении, а спустя год отправили его в другое место — поселение Комана в Понтийской области. Когда он умер, там же верующие православные похоронили его в гробнице в церкви епископа и мученика Василиска, но затем побуждаемые во сне этим мучеником, построили новую гробницу (с. 52).

Перевод Суровенкова:

Шесть выше названных епископов, которые [прежде] безуспешно были соперниками епископа города Константинополя Иоанна, приняв на свою сторону тридцать других епископов, вопреки воле принцепса Аркадия, отправили [Иоанна] в изгнание в крепость Куккус в Армении, а спустя один год они переправили его из одного места изгнания в другое, на виллу, которая называется Комана, в области Понт. И его, там умершего, благочестивая толпа православных сначала похоронила в атриуме Василиска, епископа и мученика, а потом, побуждаемая во сне этим же мучеником, в новой, вскоре построенной гробнице (с. 102).

Как мы видим, в данном случае перевод Болгова в ряде мест рассказа об Иоанне по смыслу отличается от перевода Суровенкова, но имеет сходство с переводом Кроука. Так, в оригинале Иоанн назван *Constantinopolitanae civitatis episcopus*. Суровенков переводит это именование как *епископ города Константинополя*, Болгов — как *патриарх Константинопольский*, Кроук — как *the bishop of the city of Constantinople*. Очевидно, что Кроук и Суровенков передают чин Иоанна практически адекватно тексту латинского оригинала. Другой пример. Аркадий именуется Марцеллином как *princeps*. Кроук и Болгов переводят этот термин как *the emperor* и *император*, Суровенков — как *принцес*.

Сходен с этим характер перевода фразы о ссылке Иоанна «in Cucusum Armeniae oppidum»: Кроук и Болгов переводят эту фразу «to the town of Succusus in Armenia» и «в город Куккуз в Армении», а Суровенков, на мой взгляд, гораздо ближе к оригиналу — «в крепость Куккус в Армении». Как известно, разница в понятиях «город», «town» и «крепость» исторически весьма существенная. Также наблюдается сходство у Болгова и Кроука в передаче смысла термина «villa» (применительно к Комане), соответственно — «поселение» и «villa». Суровенков, затрудняясь в передаче смысла термина, предпочел его не переводить, оставив в значении оригинала — «вилла».

Таким же образом переводчики относятся к передаче именованного первого места захоронения Иоанна. Марцеллин пишет, что Иоанн первоначально был погребен «in atrio Basilisci episcopi sancti, idemque martyris». Суровенков предпочел оставить при переводе термин «атриум», обозначающий, как известно, передний зал храма. Кроук пишет, что первым местом погребения Иоанна стала «tomb in the church of the bishop and martyr Basiliscus». В переводе Болгова содержание то же, что и у Кроука, — Иоанн был погребен «в гробнице в церкви епископа и мученика Василиска». Думаю, перевод Суровенкова и в данном случае более точен, ближе к оригиналу.

В целом, полагаю, выход на русском языке книги о комите Марцеллине и его сочинении можно оценивать очень неоднозначно. С одной стороны, российский читатель получил возможность ознакомиться с переводом уникальной и объемной позднеантичной летописи, с многочисленными реалиями, касающимися ее информации и ее автора. С другой стороны, немаловажен вопрос об оригинальности и самостоятельности такого рода труда, выполненного в Белгородском университете.

Козлов А. С. Балканы в V — середине VI в. в изображении комита Марцеллина // Россия — Крым — Балканы: диалог культур. Екатеринбург, 2004. С. 55–57. [Kozlov A. S. Balkany v V — seredine VI v. v izobrazhenii komita Martsellina // Rossiya — Krym — Balkany: dialog kul'tur. Ekaterinburg, 2004. S. 55–57.]

Croke B. Count Marcellinus and His Chronicle. Oxford, 2001. 316 p.

Рецензия поступила в редакцию 27.07.2014 г.

УДК 821.111 + 929 Остин + 821.161.1

О. Г. Сидорова

ЖИЗНЬ КАК РОМАН — ИЛИ КАК ПЬЕСА?

Рец. на книги: *Томалин К. Жизнь Джейн Остин : биография / пер. с англ. А. Дериглазовой. — М. : Колибри ; Азбука-Аттикус, 2013. — 448 с. ; Шайтанов И. О. Шекспир. — М. : Молодая гвардия, 2013. — 474 с. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1425).*

Рассматриваются две биографии классиков английской литературы, которые вышли на русском языке в 2013 году. Биография Джейн Остин, написанная известным английским биографом Клэр Томалин, является первой биографией английской писательницы на русском языке. Новая биография У. Шекспира, написанная И. Шайтановым, представляет собой заметное явление в отечественном шекспироведении. Отмечено влияние, которое новые биографии классиков английской литературы призваны оказать как на широкую читательскую аудиторию, так и на отечественную англистику.

Ключевые слова: биография; английская литература; Джейн Остин; Шекспир; русскоязычные читатели.

Обосновывая проблему внешнего и внутреннего в биографии творческого человека, Г. О. Винокур еще в 1924 г. писал о человеческой личности не как о застывшей, определенной форме, но как о «модификации личности в ее развитии...», а развитие личности понимается автором как «не что иное, как синтаксически (вовсе не эволюционно!) развернутая личность». При огромном многообразии биографий писателей, заполняющих полки книжных магазинов, описывающих становление и модификацию их творчества на протяжении жизни, мы выделяем две биографии, вышедшие в 2013 г., — переводную и оригинальную, биографии классиков английской литературы, получивших всемирное признание, — Джейн Остин и Уильяма Шекспира.

Рецепция творческого наследия Джейн Остин в России складывалась драматично. Справедливости ради следует отметить, что даже на родине писательницы широкий интерес публики к ее произведениям возник далеко не сразу после их публикации, и в целом ее литературная репутация складывалась непросто — в общем, можно утверждать, что на своей родине Джейн Остин потребовалось

примерно сто лет, чтобы стать признанным классиком литературы. Но в XX в. ее творчество приобрело всемирную известность, шагнув далеко за пределы англоязычного мира, оно стало популярным в разных частях света. Тех, кто интересуется особенностями и парадоксами рецепции творчества писательницы, отсылаем к книге *The Reception of Jane Austen in Europe* (eds. A. Mandal and V. Southam), изданной в Лондоне в 2007 г. в академической серии *Reception of British Authors in Europe*. Обратим внимание на тот выразительный факт, что рецепции творчества Дж. Остин в России далеко не случайно посвящена последняя и самая компактная по объему глава исследования (автор — американский исследователь Catherine Nepomnyashchy) — творчество писательницы пришло к русскоязычным читателям намного позже, чем к читателям других стран.

Парадоксально, но факт: роман Дж. Остин «Гордость и предубеждение» был впервые напечатан в Советском Союзе на английском языке в 1961 г. Лишь шесть лет спустя, в 1967 г., в серии «Литературные памятники» появился его перевод на русский язык, выполненный И. С. Маршаком, с предисловием Н. Демуровой. Другие романы Остин были переведены на русский язык в конце 1980-х гг. Хотя, кроме уже упомянутой Н. Демуровой, о творчестве Джейн Остин писали ведущие советские и российские англисты В. В. Ивашева, Н. П. Михальская, Е. Ю. Гениева, но до сих пор ощущается явный недостаток серьезных работ отечественных литературоведов, посвященных творчеству писательницы, равно как и серьезных трудов историко-биографического характера. С этой точки зрения появление перевода биографии Джейн Остин, написанной К. Томалин, становится особенно важным.

В 2013 г. в издательствах «Колибри», «Азбука-Аттикус» вышла первая полноценная биография Джейн Остин на русском языке: Клэр Томалин «Жизнь Джейн Остин» (*Claire Tomalin Jane Austen: A Life*) в переводе А. Дериглазовой, появившаяся на английском языке еще в 1999 г. К. Томалин принадлежит целая серия биографий английских писателей, и книга, посвященная Остин, занимает среди них достойное место. Автор описывает жизнь своей героини во всем ее многообразии, развенчивая сложившийся стереотип о том, что жизнь писательницы была монотонной и бессобытийной. Не случайно в эпиграф книги вынесена фраза потомков семьи Остинов о том, что жизнь их знаменитой тетушки «была вовсе не столь скудна событиями, как принято считать». В принципе, читателю книги К. Томалин становятся понятны истоки обеих точек зрения. С одной стороны, Джейн Остин, прожившая немногим более сорока лет, провела всю свою жизнь в пределах ограниченной части Англии, никогда не имела собственной семьи и собственного дома, кроме семьи и дома родителей, и лишь за несколько лет до смерти, после того, как ее романы начали печататься, «у нее впервые появились собственные деньги, за которые ей никого не приходилось благодарить». Круг общения Джейн Остин — это жители английской провинции, прежде всего, члены многочисленных кланов Остинов и Ли (девичья фамилия матери писательницы), землевладельцы, оксфордские ученые, священнослужители, офицеры армии и флота, их жены, дочери, сестры, дети, невесты, племянницы. Так, в семье родителей Джейн Остин было

шестеро братьев и две сестры. Были также многочисленные кузины, кузены, другие родственники — семейная история в мире Остин воспринималась как чрезвычайно важная часть бытия. К. Томалин характеризует семью Остинов как «медикратов», т. е. людей, добивавшихся почестей, заслуг и положения собственным трудом, талантом и трудолюбием. Биограф наглядно показывает, что жизнь Джейн Остин — это не в последнюю очередь жизнь ее семьи. Рождения и смерти, браки, болезни, карьера братьев, воспитание племянниц, финансовые проблемы, обустройство быта — все это входило в канву жизни писательницы. Это тот мир, который Джейн Остин называла своим и искренне любила, тот мир, в котором рождались и ценились произведения писательницы.

Следует признать, что жизнь провинциальной Англии указанного периода могла рассматриваться под разными углами зрения. Так, знаменитая французская писательница мадам де Сталь, прибывшая в Лондон зимой 1813–181 г., отзывалась как об английской провинции, так и о романах Остин с неприкрытым пренебрежением. С другой стороны, сама Джейн Остин отказалась встречаться с именитой француженкой, не в первый раз предпочтя свое привычное существование блеску столичных салонов. К. Томалин убедительно показывает, «из какого сора» выросли романы Остин. Прекрасно образованные, деятельные, энергичные родители, братья, друзья семьи; широкий и разнообразный круг общения и чтения; укорененность писательницы в жизни Хемпшира, ее пристальный интерес к деталям поведения, психологическим мотивировкам — вот на что опирается писательница. Любопытно, что, расширяя фон при описании жизни Остин, К. Томалин наглядно показывает процесс творческого отбора и определения собственного материала, а следовательно, и обоснование творческого метода Остин. Автор биографии неоднократно приводит авантюрные, драматические, даже трагические реальные истории знакомых и родственников семьи Остинов — это и драматическая история женитьбы богатого соседа, и казнь на гильотине первого мужа одной из невесток, и ложное обвинение и угроза ссылки на каторгу богатой тетушки, и смерть при родах четырех (!) молодых родственниц. При этом в романном мире Джейн Остин почти нет смертей, как почти нет там внешних драматических событий, так привычных сегодняшнему читателю жанра *эксн*. Остин явно интересуется другим, и, как становится понятным при чтении ее биографии, она сознательно и целенаправленно производит отбор материала, героев, сюжетов и тем для своих произведений.

Полагаю, что биография Джейн Остин, написанная Клэр Томалин и изданная в русском переводе, представляет интерес для разных групп читателей. Она написана живо и увлекательно, заполнена любопытными деталями быта и нравов эпохи, остроумными комментариями автора («сложно избавиться от ощущения», пишет К. Томалин, анализируя описания нарядов в письмах и романах Остин, «что, живи она в наше время, не вылезала бы из рваных джинсов и растянутого свитера и имела бы лишь одну твидовую юбку и одно приличное платье для вечерних выходов») — эти черты не могут не привлечь читателей (чаще почитательниц) романов писательницы, воспринимающих, прежде всего, их романтическую составляющую. Напомним также, что сюжет

каждого из шести знаменитых романов остиновского канона строится вокруг matrimониальных планов и перспектив его героини или героинь, и эта их особенность привлекает множество читателей, кинематографистов, зрителей далеко не всегда взыскательного толка. Знакомство с книгой К. Томалин, в которой творчество писательницы рассматривается в контексте биографии и далеко не сводится к обсуждению сюжетов (Томалин, в частности, касается вопросов языка, стиля, особенностей юмора и др.), будет для них не только интересным, но и крайне полезным. Мы имеем в виду, прежде всего, тех читателей, которые привычно воспринимают Остин как автора популярных романов и поставщика сюжетов для многочисленных экранизаций и сиквелов разного рода. Одним из парадоксов рецепции романов Джейн Остин в современной России является их массовое восприятие, по крайней мере, у значительной части читателей, как развлекательного чтения. Причиной этого является позднее их появление на русском языке, совпавшее по времени с появлением телевизионных сериалов, последовавшее за этим падение интереса к серьезному чтению, а также явный недостаток серьезных русскоязычных историко-биографических и литературоведческих работ, посвященных Остин.

С другой стороны, представленная биография, несомненно, важна для специалистов в области английской литературы — автор дает не только бытовой, исторический, но и культурно-литературный контекст ее произведений, приводит интересные параллели между творчеством Остин и ее предшественников и современников, малоизвестных отечественным читателям (например, М. Р. Митфорд, Ш. Смит, М. Брантон и др.). К. Томалин неоднократно ссылается и на академическое остиноведение, более полутора веков успешно развивающееся в Британии, и на ранние произведения писательницы, малоизвестные русскоязычной публике. В любом случае русскоязычный читатель уже прочел основные произведения великолепной Джейн Остин, теперь — появилась возможность прочесть ее качественную биографию. Отдельно отметим хорошее качество перевода, выполненного А. Дериглазовой, — хотя, к сожалению, не обошлось без нескольких неточностей, но в целом перевод выполнен на очень достойном уровне.

Первая биография Уильяма Шекспира, вышедшая в отечественной серии биографий «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия» еще в 1964 г., была написана знаменитым советским шекспироведом А. А. Аникстом. Спустя пятьдесят лет эстафету подхватил известный российский литературовед И. О. Шайтанов — очевидно, что пришла пора дать русскоязычным читателям новую биографию У. Шекспира, написанную с учетом современных тенденций, находок и подходов, опирающуюся, в том числе, на данные зарубежных архивов, с цитатами, взятыми не только из переводов, но и из текстов оригинала.

Написать серьезную биографию великого английского драматурга — предприятие, требующее не только энциклопедических знаний и подготовки, но и отчаянной храбрости по ряду причин. За 450 лет, прошедших со дня его рождения, мир изменился кардинальным образом. Конечно, Шекспир стал человеком и драматургом на все времена — но как приблизить его время, его мир, его театр и его творения к современному(!) русскоязычному(!) читателю(?) и

зрителю? И. О. Шайтанов берется за это отчаянное предприятие и уверенно с ним справляется.

В принципе, внешняя, событийная сторона хрестоматийной биографии Уильяма Шекспира из Стратфорда описывалась многократно разными авторами. Но истина, как известно, часто кроется в деталях — в данном случае, мы имеем в виду детали трактовки дошедших до нас фактов и документов. С этой точки зрения новая биография У. Шекспира заслуживает самого пристального внимания. Во-первых, обращает на себя внимание ее полнота — И. О. Шайтанов удивительным образом ориентируется в огромном море исследований, подходов, точек зрения на жизнь и творчество Шекспира. Однозначно стоя на позициях стратфордианцев, т. е. сторонников той точки зрения, что автором произведений, известных сегодня во всем мире, является именно Уильям Шекспир, уроженец Стратфорда-на-Эйвоне, автор биографии одинаково уверенно, глубоко, остроумно и тонко комментирует и трактует как факты биографии писателя, так и его произведения. Не менее убедительными выглядят и страницы книги, посвященные полемике с антистратфордианцами.

Мы не ставим перед собой цели перечислить все аспекты, которые затронуты в биографии, написанной И. О. Шайтановым — жизнь конкретного автора рассматривается в ней на широком историческом, культурном («Ему повезло с эпохой», — отмечает пронизательный биограф) и даже сугубо бытовом фоне. Так, например, насколько нам известно, впервые на русском языке подробно излагается бытовая и судебный сюжет, связанный с семейством Беллот-Маунтджой, в котором *gentle Shakespeare* (устойчивая характеристика драматурга у современников) принимал участие в качестве свидетеля. Но, какими бы увлекательными ни были сюжеты «в духе современного интереса к повседневности», принципиальной является деятельность Шекспира как поэта и как ведущего драматурга одного из лучших театров. Другое дело, что автор биографии обнаруживает в своем герое ряд черт — все ту же *gentleness*, например, которые проявляются и в творчестве, и в отношениях с коллегами по театральному цеху, и в быту.

Очевидно, что отдельного внимания требуют те страницы книги, где автор анализирует тексты шекспировских произведений, трансформации жанров, многообразие типов и характеров, язык и стиль автора. Очевидно также, что это невозможно полноценно рассмотреть в рамках рецензии. Отметим — невозможно не отметить — интереснейшую гипотезу, высказанную И. О. Шайтановым относительно шекспировских комедий, согласно которой «сам жанр комедии первоначально возник у Шекспира как заказной», связанный, прежде всего, с бракосочетаниями заказчиков.

Кроме того, на нашей памяти, это первая русскоязычная литературоведческая работа, в которой все произведения Шекспира цитируются по-английски и по-русски, более того, из всего разнообразия русских переводов на основании пристального анализа оригинала выделяются те, которые, по мнению автора, наиболее точно отражают мысль драматурга. Так, переводы сонетов, выполненные разными переводчиками, например, С. Маршаком и Б. Пастернаком, сравниваются между собой и с оригиналом. В том случае, когда, по мнению

И. Шайтанова, оригинал сонета не находит адекватного отражения в русском языке, автор предлагает свой вариант перевода. Так, в частности, происходит с сонетом 15 — его перевод на русский язык, сделанный И. О. Шайтановым, приведен в тексте.

Не менее интересным становится и пристальный анализ текстов пьес Шекспира и их сравнение с переводами. Отметим, что в своем сравнительно-сопоставительном исследовании И. О. Шайтанов опирается, как правило, не на один удачный вариант перевода, но обращается к разным переводам разных авторов. Именно поэтому, цитируя, например, «Отелло» в основном в переводе Б. Пастернака, автор делает необходимое уточнение: «Краса Отелло — в подвигах Отелло» (1,3). На самом же деле Дездемона говорит нечто иное: «I saw Othello's visage in his mind». Точнее Пастернака в этом месте А. Радлова: «Дела Отелло — вот его лицо». И, наконец, в подстрочном переводе М. Морозова эта строка звучит верно: «Я увидела лицо Отелло в его душе» (ст. 385).

Являясь одним из древнейших жанров европейской прозы, восходящим к античности, претерпев многочисленные изменения в ходе исторического развития, биография получает второе рождение в современной литературе. Жизнеописания писателей, в которых конкретные факты биографий неотделимы от их творчества и связаны между собой, пользуются большой популярностью среди читателей разных стран. Современный критик утверждает: «Область серьезного читательского чтения переместилась сейчас с художественной литературы, с романов и повестей, как бывало раньше, в область мемориальную, дневниковую, которую на западе достаточно выразительно называют “нон-фикшн” (переведем энергично: никакой фантазии). Причины здесь очевидны: жизнь сама по себе интереснее любого романа» (С. Есин). Оставляя в стороне полемическую заостренность данного утверждения, подчеркнем, однако, что принцип «никакой фантазии» действительно выступает одним из очевидных преимуществ биографического жанра. Читатели России и Великобритании с удовольствием читают биографии писателей. Парадоксально, но факт: несмотря на то, что в русскоязычной традиции существует масса интересных и глубоких писательских биографий, среди них почти нет биографий английских классиков. Не в последнюю очередь причиной подобного состояния являлась закрытость Советского Союза, практическая недоступность зарубежных библиотек и архивов для советских литературоведов. Сегодня даже те биографии, которые все-таки были написаны на русском языке, труднодоступны в силу того, что были изданы давно, а также частично устарели. Издатели серии «Жизнь замечательных людей», очевидно, осознавая сложившееся положение вещей, в ряде случаев издавали биографии английских классиков в переводах с английского языка. Джейн Остин, однако, не вошла в этот ряд по вполне понятным причинам — ее литературное творчество пришло к отечественным читателям с большим опозданием. Таким образом, появление в 2013 г. сразу двух биографий классиков английской литературы на русском языке становится особенно значимым — многое в этих изданиях сделано впервые (мы отметили это выше) и на качественно новом уровне. Замечательно, что наконец-то прорвана «информационная блокада», касающаяся фактов биографии Джейн

Остин, и что Россия, в которой знают и любят Шекспира, достойно отмечает юбилей классика.

Появление биографий Джейн Остин (автор К. Томалин) и Уильяма Шекспира (автор И. Шайтанов) становится знаменательным событием для отечественных англистов, а также для всех, кто любит английскую литературу и творчество замечательных классиков, т. е. для огромного числа отечественных читателей.

Рецензия поступила в редакцию 02.02.2014 г.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИИ

II ПАВЕРМАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ. ЛИТЕРАТУРА. МУЗЫКА. ТЕАТР

Международная научно-практическая конференция

Главным событием научной деятельности кафедры зарубежной литературы в 2013/2014 уч. г. стало проведение международной научно-практической конференции «II Павермановские чтения. Литература. Музыка. Театр», посвященной памяти основателя кафедры доктора филологических наук, профессора Валерия Марковича Павермана. В конференции, состоявшейся 8 ноября 2013 г., приняли участие ученые из США, Азербайджана, Украины, России. Универсальность культурной деятельности Валерия Марковича обусловила междисциплинарный характер научного диалога, основную проблематику которого составили вопросы, близкие к сфере его интересов.

В рамках конференции прошло заседание четырех секций. Секция «Музыка и литература» обсуждала самые разные точки соприкосновения словесного и музыкального творчества. Среди них — музыка как предмет изображения в произведении, музыкальная мифология как часть идеологической концепции писателя, музыкальность литературного текста.

Секция «Поэтика интермедиальности» была посвящена разным формам взаимодействия искусств. В ходе разговора ее участниками было выработано многоаспектное определение интермедиальности — феномена, с одной стороны, подразумевающего синтез разных медиаязыков внутри единого художественного целого, а с другой стороны, понимаемого как соотношение друг с другом разных художественных версий одного и того же нарратива, воплощенного средствами разных искусств. Большинство выступлений на эту тему касались вопросов экранизации литературного текста.

Работа секции «Проблемы анализа и интерпретации художественного текста» касалась разных вопросов исследования и толкования поэтических, драматургических и повествовательных жанров. Особым предметом обсуждения стали проблемы методики преподавания зарубежной литературы в вузе и школе, которым также была посвящена работа отдельной секции.

По итогам конференции в 2014 г. вышел сборник научных статей с тем же заглавием, что и тема конференции.

Среди научно-методических достижений кафедры — переиздание рекомендованного УМО по классическому университетскому образованию учебного пособия доктора филологических наук О. Н. Турышевой «Теория и методология зарубежного литературоведения» (М. : ФЛИНТА : Наука, 2013). Данное учебное пособие представляет собой опыт описания путей развития западного литературоведения в XIX–XX вв. История западной критики рассматривается в нем как история сложного диалогического взаимодействия четырех научных парадигм: поэтики, герменевтики, феноменологии и социологии. Каждая научная парадигма представлена в пособии как совокупность школ и концепций, опирающихся на принципиально солидарную теорию текста и практикующих в той или иной степени солидарную методологию работы с художественными феноменами.

Л. А. Назарова

ИНФОРМАЦИЯ

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ФИЛОЛОГИИ (2013–2014)

Браун, Т. Hydriotaphia: погребение в урнах, или Рассуждение о погребальных урнах, недавно найденных в Норфолке, 1658 / Т. Браун ; пер. и коммент. В. Ю. Григорьева ; вступ. ст. О. Г. Сидоровой. — Екатеринбург : Изд-во Урал, ун-та. 2013. — 200 с.

Сэр Томас Браун (1605–1682) — автор многих философских работ, исследующих природу человека, природу его происхождения, жизни и смерти.

Книга представляет первую часть так называемого «двойного эссе», вторая часть — «Сад Кира». Эссе посвящено феномену смерти, начинаясь экскурсом в культуру погребения различных народов и эпох, постепенно восходит к торжественно-мощному финалу философского осмысления смерти.

На русском языке публикуется впервые.

Едва выйдя в свет, книга Т. Брауна, подготовленная Издательством Уральского университета, была отмечена почетным дипломом Российской государственной библиотеки на конкурсе Ассоциации книгоиздателей России «Лучшие книги года 2013» и дипломом в номинации «Высокая культура издания учебных и научных книг» — на II Уральском межрегиональном конкурсе «Университетская книга».

Изучение иностранных языков и литератур: теория, история, практика : сб. науч. тр. / под ред. О. Г. Сидоровой, Л. А. Назаровой. — Екатеринбург : Ажур, 2014. — 128 с. — Сер. «Вопросы романо-германской филологии». Вып. 3.

Сборник продолжает серию, посвященную актуальным проблемам романо-германской филологии. В него вошли статьи преподавателей, аспирантов и магистрантов отделения романо-германской филологии филологического факультета Уральского федерального университета. В поле зрения авторов — проблемы функционирования иностранных языков (английского, немецкого, французского) и зарубежной литературы. Сборник будет интересен специалистам филологического и — шире — гуманитарного профиля, заинтересованным в обновлении методологии современного литературоведческого и лингвистического исследования.

Казарин, Ю. В. Культура поэзии. Статьи. Очерки. Эссе. — М. : Русский Гулливер ; Центр современной литературы, 2013. — 320 с. — Сер. «Гуманитарные исследования».

Книга Юрия Казарина, известного поэтолога и литератора, включает в себя очерки, статьи и эссе, в которых содержатся портреты современных поэтов и анализируются особенности формирования особой сферы словесной культуры — культуры поэзии. Кроме того, в книгу вошли короткие эссе, посвященные рассмотрению проблем этико-эстетического содержания эпохи посткнижной культуры, онтологической нравственности и социальной безответственности. Очерки, статьи и эссе публиковались в журнале «Урал», где Ю. Казарин ведет рубрику «Слово и культура», а также в других печатных и электронных изданиях.

Русский язык в многоречном социокультурном пространстве / отв. ред. Б. М. Гаспаров, Н. А. Купина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. — 324 с.

В монографии исследуется феномен многоречия — существования и функционирования подсистем русского национального языка, функциональных разновидностей литературного языка, субъязыков разных социальных и профессиональных групп, а также субъязыков отдельных личностей. Предложена теоретическая интерпретация многоречия в проекции на категории коммуникативной толерантности и коллективной идентичности.

На материале языкового существования описаны особенности формальной представленности и функций многоречия в социокультурных коммуникативных практиках и в индивидуальной практике отдельной языковой личности. Специальный раздел монографии посвящен анализу положения русского языка в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения / под общ. ред. [и с предисл.] О. В. Зырянова ; [авт.: О. В. Зырянов, Л. М. Митрофанова, Н. В. Пращерук и др.]. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2013. — 480 с. : ил.

В монографии исследуется феномен творческой индивидуальности Д. Н. Мамина-Сибиряка. Комплексный анализ онтологических основ жанрово-родовой специфики художественного мира уральского писателя-классика производится в контексте общероссийского литературного процесса, в диалоге с национальной художественно-эстетической традицией.

Книга адресована специалистам-филологам, а также широкому кругу любителей отечественной литературной классики.

Феномен незавершенного / под общ. ред. [и вступ. ст.] Т. А. Снигиревой и А. В. Подчиненова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. — 528 с.

Феномен незавершенного рассматривается не только как предмет, но и как инструмент исследования. Анализируется многофункциональность незавершенного в литературном процессе и творческой биографии писателей. Очерчиваются и уточняются различные аспекты исследования незавершенного: литературоведческий, лингвистический, философский.

Список сокращений

НАРМ	Национальный архив Республики Молдова
НПЛ	Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
ОГЛИМТ	Орловский объединенный государственный литературный музей И. С. Тургенева
ОМПУ	Объединенный музей писателей Урала
ПВЛ	Повесть временных лет
ПМДЭЭ ЮФУ – ИСЭГИ	Полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Южного федерального университета и Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН
ПОС	Псковский областной словарь с историческими данными
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГИА	Российский государственный исторический архив
СПб ИИ РАН	Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук
СПФА РАН	Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

Сведения об авторах

Боброва, Мария Владимировна (bomari pgu@yandex.ru). Выпускница филологического факультета Пермского государственного университета (2000). Доцент кафедры русского языка Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, старший научный сотрудник кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета. Кандидат филологических наук (2004), доцент. В настоящее время — руководитель научного проекта «Материальная и духовная культура в лексике и фразеологии Пермского края». Сфера научных интересов — ономастика, диалектология, историческая лексикология, фразеология, диалектная лексико- и фразеография.

Борисова, Елизавета Олеговна (liska5@yandex.ru). Выпускница филологического факультета Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (2012), аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Сфера научных интересов — этнолингвистика, диалектология.

Будрина, Людмила Алексеевна (ludmila.budrina@mail.ru). Выпускница факультета искусствоведения и культурологии Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2000). Кандидат искусствоведения (2004), доцент кафедры истории искусств Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Сфера научных интересов — камнерезное искусство, международные контакты в области прикладного искусства в XIX — первой половине XX в.

Быков, Леонид Петрович (ruslitXX@yandex.ru). Выпускник филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Доктор филологических наук (1999), профессор кафедры русской литературы XX и XXI в. Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Сфера научных интересов — русская поэзия XX в., региональная литература, литературная критика.

Васильев, Игорь Евгеньевич (bazilio@k66.ru). Выпускник филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1971). Доктор филологических наук (1999), профессор кафедры русской литературы XX и XXI в. Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Сфера научных интересов — русская литература XX в., русский авангард.

Владыкина, Татьяна Григорьевна (tgvladykina@mail.ru). Доктор филологических наук, профессор Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук. Сфера научных интересов — удмуртский фольклор, финно-угорский фольклор, жанровая система, мифология, символика образов.

Власкина, Нина Алексеевна (nvlaskina@gmail.com). Выпускница факультета филологии и журналистики Ростовского государственного университета (2004), кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории филологии Института социально-экономических и гуманитарных исследований. Сфера научных интересов — этнолингвистика, этнография, фольклористика, визуальная антропология.

Возчиков, Дмитрий Викторович (catullus89@mail.ru). Выпускник исторического факультета Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (2013). Аспирант кафедры истории Древнего мира и Средних веков УрФУ. Сфера научных интересов: история Венецианской республики, Венецианская Романия, дипломатические и культурные связи Венеции и поздней Византии, образ Востока в Европе эпохи Ренессанса, средневековые путешествия в Индию и Китай.

Глухова, Галина Анатольевна (galant@udm.ru). Кандидат филологических наук, доцент кафедры удмуртской литературы и литературы народов России Удмуртского государственного университета. Сфера научных интересов — удмуртский фольклор, обряды и жанры, народная игровая культура, ряженье, взаимосвязи фольклора и литературы.

Грачатчикова, Наталья Борисовна (n.gramatchikova@gmail.com). Выпускница филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1994), кандидат филологических наук, доцент кафедры фольклора и древней литературы УрФУ, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН. Сфера научных интересов — этнография, фольклористика, мифология, антропология.

Григорьев, Георгий Алексеевич (muzeybazhova@yandex.ru). Выпускник филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2010). Заведующий Мемориальным домом-музеем П. П. Бажова. Сфера научных интересов — жизнь и творчество П. П. Бажова, эпистолярное наследие, русская литература и литература Урала.

Дубовцев, Алексей Николаевич (dubovcev-aleksei@mail.ru). Выпускник филологического факультета Удмуртского государственного университета (2012). Аспирант кафедры теории литературы и истории русской литературы Удмуртского государственного университета. Сфера научных интересов — история русской литературы XX в.

Житкова, Людмила Николаевна. Выпускница филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1958), кандидат филологических наук (1973), доцент кафедры русской литературы Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Сфера научных интересов — теория и история русской литературной критики.

Збоев, Артём Вячеславович (zboev.art@mail.ru). Выпускник Вятского государственного гуманитарного университета (2012). Аспирант кафедры всеобщей истории ВятГГУ. Сфера научных интересов — история Второй мировой войны и начального периода холодной войны; история Болгарии в 1939–1953 гг.

Козлов, Александр Сергеевич. Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1971). Кандидат исторических наук (1975), доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков исторического факультета Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Сфера научных интересов — история Римской империи и ранней Византии, западной и Центральной Европы V–XI вв., история средневековой исторической мысли, история раннесредневековых кочевых народов.

Комаров, Константин Маркович (poetezis@mail.ru). Выпускник филологического факультета Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (2011). Аспирант кафедры русской литературы XX и XXI вв. Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Сфера научных интересов — творчество В. Маяковского, текстуализация телесности.

Литовская, Мария Аркадьевна (marialiter@gmail.com). Выпускница филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького, доктор филологических наук (2000), профессор кафедры русской литературы XX и XXI в. Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Сфера научных

интересов — русская литература XX в., социология литературы, детская литература, региональная литература.

Мазур, Людмила Николаевна (Lmaz@mail.ru). Выпускница исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1983). Доктор исторических наук (2006), профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Сфера научных интересов — сельская истории России XX века, источниковедение, методы исторического исследования.

Макарова, Антонина Леонидовна (dimitri.makarov@mail.ru). Выпускница Уральской государственной консерватории им. М. П. Мусоргского (2009). Аспирант и преподаватель кафедры истории музыки Уральской государственной консерватории им. М. П. Мусоргского. Сфера научных интересов — история русской музыки XIX–XX вв.

Морозан, Владимир Васильевич (v_moga@mail.ru). Выпускник исторического факультета Ленинградского государственного университета (1990). Доктор исторических наук, профессор кафедры истории предпринимательства и менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета. Сфера научных интересов — экономическая история России, история российского дворянства, генеалогия, краеведение.

Накарякова, Анна Андреевна (anytkan@mail.ru). Выпускница филологического факультета Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Магистрант кафедры русской литературы XX–XXI вв. Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Сфера научных интересов — творчество Владимира Набокова, литература русской эмиграции первой волны.

Нефедов, Сергей Александрович (hist1@ya.ru). Выпускник Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1973). Доктор исторических наук (2007), ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН. Сфера научных интересов — экономическая история, военная история.

Пращерук, Наталья Викторовна (pvn1108@gmail.com). Выпускница филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1980). Доктор филологических наук (1999), профессор кафедры русской литературы Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Сфера научных интересов — творчество И. Бунина, К. Леонтьева, Ф. Достоевского, религиозно-философская проблематика русской классики, типология художественного сознания, функционирование классического текста в современной культуре, вопросы интертекстуальности и др.

Сатовская, Светлана Николаевна (satovskaja@mail.ru). Выпускница филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1999). Соискатель кафедры зарубежной литературы Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Сфера научных интересов — немецкая литература XX–XXI вв., творчество Г. Грасса.

Семенов, Олег Владимирович (helg2008@list.ru). Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2002). Кандидат исторических наук (2005), доцент кафедры истории России УрФУ. Сфера научных интересов — местное управление России в эпоху позднего Средневековья, система ямской гоньбы на территории Сибири в конце XVI–XVII вв.

Сидорова, Ольга Григорьевна (ogs531@mail.ru). Выпускница филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (1981). Доктор филологических наук (2005), зав. кафедрой германской филологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Сфера научных интересов — современный британский роман, англоязычная мультикультурная и постколониальная проза, имагология, история перевода.

Слобожанинова, Лидия Михайловна. Выпускница филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1948), кандидат филологических наук, ветеран Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Сфера научных интересов — творчество П. П. Бажова и Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Слядзь, Андрей Николаевич (slyads@mail.ru). Выпускник исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (2013). Аспирант Санкт-Петербургского государственного университета. Сфера научных интересов — политическая и социально-экономическая история Византии VIII–XI вв., история международных отношений в раннее Средневековье, история домонгольской Руси, история средневекового папства.

Снигирев, Алексей Васильевич (alex_sengir@rambler.ru). Выпускник Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи Уральского государственного юридического университета. Сфера научных интересов — лингвистический анализ художественного текста.

Снигирева, Татьяна Александровна (tas0905@rambler.ru). Выпускница филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1976). Доктор филологических наук (1997), профессор кафедры русской литературы XX в. Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Сфера научных интересов — движение поэтической мысли в России XX в., художественный мир крупнейших поэтов XX столетия, а также проблемы, предполагающие тесный контакт с другими формами гуманитарного знания — культурологией, геопоэтикой, философией, социологией.

Титаренко, Анастасия Сергеевна (stsovet08@mail.ru). Выпускница Уральского государственного педагогического университета (2009). Аспирант кафедры истории России Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Сфера научных интересов — Россия и Китай начала XX в., Русско-японская война.

Турышева, Ольга Наумовна (oltur3@yandex.ru). Выпускница филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1988). Доктор филологических наук (2011), доцент кафедры зарубежной литературы Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Сфера научных интересов — теория литературы, художественная рецепция.

Ушаков, Никита Вадимович. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии восточных славян и неславянских народов Европейской России Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера).

Summary

P. P. BAZHOV — YESTERDAY, TODAY, TOMORROW.
THE WRITER'S 100TH BIRTHDAY

Litovskaya M. A.

Yekaterinburg, Ural Federal University
marialiter@gmail.com

The Intricacies of the Plot: Poetics of Compromise in the Works of P. P. Bazhov

The article examines the peculiarities of P. P. Bazhov's creative behaviour, analyzing reasons for the writer's success with professional and amateur readers, showing various ways of genre and style text organization which help the writer bypass censorship and create an alternative history of the Urals.

Key words: 20th century Russian literature; belle-lettre history of the Urals; P.P. Bazhov; soviet conformism; artistic historicism.

Vasilyev I. E.

Yekaterinburg, Ural Federal University
bazilio@k66.ru

The Ways and Means of Regional Identity Formation in the Creative Work
of P. P. Bazhov and A. P. Bondin

The article studies the ways and means of regional identity formation in the creative work of P. P. Bazhov and A. P. Bondin. The author demonstrates that the self-determination of the two Ural prose-writers was conditioned by the interiorization of values which meant introduction to history, culture, and the Region's nature. As the regional factor was brought forward, the writers' creative personalities took shape.

Key words: region; identity; identificational resource; history; myth; folklore; nature; dialect.

Bykov L. P.

Yekaterinburg, Ural Federal University
ruslitXX@yandex.ru

Bazhov and Shergin

In the 20th century, works of P. P. Bazhov (1879–1950) and B.V. Shergin (1893–1973) bore features of the Russian prewritten period. In their books of fairytales, the folk word is as natural and expressive as the spoken word. Their tales take literature back to the sphere where it was withdrawn from and made conventional. The regional accents of the tales establish a prolific dialogue between literature and folklore which testifies to the national durability of artistic consciousness.

Key words: tale; folklore; spoken word; literature; regional lifestyle; biography.

Grigoryev G. A.

Yekaterinburg, the Bazhov's Museum
muzeybazhova@yandex.ru

P. P. Bazhov's Historic Views (with Reference to his Epistolary Legacy)

The author examines P. P. Bazhov's historic views with reference to the writer's epistolary legacy which has never been done previously. The article draws the author's historic interests, and reveals distinct features of his historic thinking.

Key words: P. P. Bazhov; epistolary legacy; history of the Urals; literature of the Urals.

THE THEME OF THE FOLK AND NATIONAL CHARACTER
IN 19TH — 20TH CENTURY RUSSIAN LITERATURE

Zhitkova L. N.

Yekaterinburg, Ural Federal University

Folk Origins as an Aesthetic Category in 19th Century Russian Literary Criticism

The article studies the main periods of formation and development of the category of folk origins in literary criticism of the 19th century, focusing her attention on the aesthetic positions of V. Belinsky, I. Kireevsky, V. Maykov, Ap. Grigoryev, as well as N. Chernyshevsky, A. Skabichevsky, and N. Shelgunov.

Key words: categories of folk origins and nationality; type of Russian worldview; Slavophile and culture criticism; folk realism.

Slobozhaninova L. M.

Yekaterinburg, Ural Federal University

The Image of the Folk in the Works of Democratic Writers (2nd Half of the 19th Century)

The article studies the distinctive features of the national character in the works of D. N. Mamin-Sibiryak between the 1880s — 1890s, and discovers their connections and divergences from the works of renowned Russian writers of the democratic camp such as A. P. Chekhov, V. G. Korolenko, and G. I. Uspensky.

Key words: D. N. Mamin-Sibiryak; A. P. Chekhov; essay typification; national character; democratic writers.

Prashcheruk N. V.

Yekaterinburg, Ural Federal University

pnv1108@gmail.com

‘Bast-Shoed Onegins’ and ‘Underground’ People in I. A. Bunin’s Short Stories of 1909–1913

The author studies the typology of folk characters in I. A. Bunin’s short stories of 1909–1913, concentrating their attention on the characters that lost their patriarchal integrity, whose consciousness and behaviour are complicated by a variety of psychological complexes. The author demonstrates that while creating such characters, Bunin referred to the traditions and discoveries of Russian literature in how it portrayed the nobility or intellectuals of miscellaneous ranks.

Key words: national character; man of the people; psychologism; intellectual nobility; underground hero; tradition; groundlessness; dissonance with the world; estrangement.

Nakaryakova A. A.

Yekaterinburg, Ural Federal University

anytkan@mail.ru

Towards the Issue of Nabokov’s Characters’ National Identity: Russians among Illusory
Foreigners

The article considers a significant and ambiguous theme in the creative work of V. Nabokov, i.e. the issue of national identification focusing on the literary characters of the writer, and, more particularly, ones identifying themselves as Russians which is the object of the author’s attention in this article. With reference mainly to Nabokov’s Russian-language prose, the author considers varieties of national reflection and the manifestation of Russianness in his characters. For the convenience of their analysis, the author divides Nabokov’s characters into the ones cultivating their Russianness and the ones hiding it. This approach is well within the writer’s worldview and his poetics, where much is based on antithesis and contraposition.

Key words: emigrants; Russianness; nation; national identification; self-identification; folk; Vladimir Nabokov.

Snigireva T. A.

Yekaterinburg, Ural Federal University
tas0905@rambler.ru

Snigirev A. V.

Ural State Law University
alex_sengir@rambler.ru

Proof by Contradiction: Russia, the Russian Language and Character in B. Akunin's Novels

The article studies the peculiarities of national discourse representation in B. Akunin's creative work. The authors demonstrate what language devices the writer employed making nations face each other thus revealing their distinctive character, clichés and stereotypes thereof.

Key words: national identity; national barriers of perception; mentality; national language.

FOLKLORE ARCHIVAL MATERIALS: PROBLEMS OF ARCHAEOGRAPHY AND TEXTOLOGY

Gramatchikova N. B.

Yekaterinburg, Ural Federal University
n.gramatchikova@gmail.com

The UrFU's Folklore Archive: Student Internship Methods and New Archival Material
Representation Prospects

The article considers the history of the UrFU's archive as of its establishment to the present day. The account is made with reference to articles and reports of the heads of the Department and archival student internship. Additionally, the author seeks to outline the present problems of the archive caused by the need to represent archival data in new formats.

The author studies possibilities for students to have archival internship, and learn to make an inventory of the materials, form databases, and describes the first results of the reorganization process of archival data as a stage in philologists' professional development and archival data publication possibilities.

Key words: folklore archive; folklore internship; archival materials; collection; inventory; department of folklore and old literature; students of philology; data representation.

Vladykina T. G.

Udmurt Institute of History, Language and Literature,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
tgvladykina@mail.ru).

Glukhova G. A.

Izhevsk, Udmurt State University
galant@udm.ru

Local Folklore Archives and Educational Process

The article studies problems of storage and systematization of archival materials of the Folklore Funds of the Udmurt Institute for Research in History, Language and Literature (Russian Academy of Sciences, Ural Branch) and the Faculty of Udmurt Philology of Udmurt State University and their use in teaching publications and academic curriculum.

Key words: traditional culture; Udmurt folklore; archival funds; systematization; university subjects; curricula.

Vlaskina N. A.

Institute of Social and Economic Research (Southern Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences)
nvlaskina@gmail.com

The 'Cossack Brand' of Settlements of Rostov Region: Issues of Identity and Culture-Building

The article focuses on the problems of local territorial image (or brand) promotion. The author considers Millerovsky District, Rostov Region as a region where there has risen a contraction between the intensively promoted brand of it as a Cossack area and the history of the region which was inhabited by peasants of Kharkov, Poltava and other provinces. The research is done with reference to a variety of sources of the unified archive of dialectological and ethnolinguistic expeditions of the Institute of Social and Economic Research (Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences). The author singles out the main sources promoting the Cossack image of the region, i. e. the media, educational and cultural centres, and the local authorities. The author concludes about the vague character of the ethnical identity of the local population.

Key words: brand; identity; Cossack; Ukrainian; traditional culture.

Ushakov N. V.

St.-Peterburg, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera).

Record and Description System of Modern Digital Field Ethnographic Materials

The article describes the main issues connected with the record and description of digital field materials, starting at the beginning of their collection and with a view to archiving. The author describes seven main types of digital field materials (textual, illustrative, photographic, audio, and video materials, objects and copies) and four stages of collection processing. The author considers the main problems of storage and comparison of digital materials in the archives revealed as a result of a decade-long influx of heterogeneous digital data (the issue of data registration unit, databases completion, etc.). The author provides step-by-step explanations about how to organize all the existing types of digital materials into a system according to general formal criteria which facilitates the subsequent processing of multiple files and efficiently combines digital and other data storage options.

Key words: digital field materials; ethnography; archiving; collection; data registration unit; database; field processing; office data processing.

PHILOLOGY

Turysheva O. N.

Yekaterinburg, Ural Federal University

oltur3@yandex.ru

Greta or Gregor? On the Subject of Speech in an Excerpt of F. Kafka's *The Metamorphosis*

The author focuses on the subject attribution of the phrase in Kafka's *The Metamorphosis* lacking an obvious addresser. The analysis results in an interpretation of metamorphosis in Kafka's work. Additionally, the author puts forward thoughts on the openness of meaning in Kafka's creative work.

Key words: F. Kafka; *The Metamorphosis*; subject of the statement; an interpretation of a character's transformation; openness of meaning.

Satovskaya S. N.

Yekaterinburg, Ural Federal University

satovskaja@mail.ru

The Autobiographic Aspect of G. Grass's *Danzig Trilogy*

The author analyzes the autobiographical aspect of G. Grass's *Danzig Trilogy* in its various manifestations and interpretations. More particularly, autobiographical markers are deciphered through a comparison of the *Danzig Trilogy* with Grass's autobiographical novel *Peeling the Onion*.

Key words: autobiographism; trilogy; interpretation; autoreflexion; autobiographic trace.

Dubovtsev A. N.

Izhevsk, Udmurt State University
dubovcev-aleksei@mail.ru

The Eschatological Myth in N. S. Gumilev's Prose (with Reference to *Deucalion*)

The article is devoted to the analysis of the eschatological myth in N. Gumilev's last prosaic work. It is assumed that N. Gumilev anticipated a number of ideas of the Russian religious philosophy of the beginning of the 20th century. More particularly, the author draws a connection between the philosophy of technology and the Christian idea of apocatastasis. The article reveals the meaning-forming function of the minus device expressed in the conceptual incompleteness of the text.

Key words: N. S. Gumilev's creative activity; poet's prose; philosophy of technology; apocatastasis; minus device; eschatology.

Komarov K. M.

Yekaterinburg, Ural Federal University
poetezis@mail.ru

The Textualization of Corporality in V. Mayakovsky's Poem *About This*

The article considers the functioning of the corporality textualization mechanisms in V. Mayakovsky's Poem *About This* in the context of corporality concepts formed in Russian futurist poetry and avant-garde aesthetics as a whole. The author analyzes such aspects as the author's corporality, corporal imagery, corporality as a means to unfold a lyrical plot and its role in the formation of a coherent image of a lyrical subject, etc.

Key words: corporality; Vladimir Mayakovsky; physiologization; materialization of semantics; energy field.

Borisova E. O.

Yekaterinburg, Ural Federal University
liska5@yandex.ru

The Realization of the Naive Ideas of Velocity in the Russian Word-Stock

The author examines the means and peculiarities of the expression of velocity in the lexical meanings of words in Russian (mainly, with reference to dialectal material), revealing a number of ideograms, and examples of their lexical realization. The author singles out characteristics meaningful for the linguistic expression of the idea of velocity (the part of speech of the word, the place of the velocity component within the semantic structure of the word, agentivity, thematic class, characteristics, and additional indications of velocity). With reference to these parameters, the author forms 12 semantico-grammatical groups (velocity of travel, velocity regulation, velocity as compared to the norm, etc.).

Key words: dialectal words; semantics; semantico-grammatical groups; velocity.

Bobrova M. V.

Perm State University
bomari pgu@yandex.ru

Phraseophantoms in Dialectal Dictionaries of Perm Region

The article is connected to a sphere of linguistic source study, i.e. lexicographic criticism. The author analyzes the description of entries for idioms in dialectal dictionaries of Perm Region, and reveals the most frequent reasons for mistakes authors make when relating set expressions, as well as considers various types of phraseological phantoms, or phraseophantoms, pseudophraseologisms (related to names of entries, grammar and semantics), and their types. Additionally, the author describes ways to avoid mistakes in dialectal phraseography.

Key words: Perm subdialects; dialectal phraseography; lexicographic criticism; phraseological phantom.

ARTS AND CULTURE STUDIES

Budrina L. A.

Yekaterinburg, Ural Federal University
ludmila.budrina@mail.ru

Forgotten Names of Ural Stonecutter: Ivan Sergeevich Stebakov

The article examines the activity of a little-known privately owned enterprise that competed with the Yekaterinburg Imperial Stone-Cutting Factory in the 1960s–1880s, its owner and produce. The author provides information about the participation of the factory in question in national and international exhibitions, as well as information about the evaluation of works given by both Russian and foreign specialists. For the first time in history, illustrations collected with regard to the attribution of works give a pictorial presentation of the factory's range of products.

Key words: Ivan Sergeevich Stebakov; Yekaterinburg Stone-Cutting Factory; art of stonecutting; stamp; paperweight; vase; jasper; rock crystal; cult objects; all-Russian exhibitions; world exhibitions.

Makarova A. L.

Ural State Conservatory named after Mussorgsky
dimitri.makarov@mail.ru

The Myth of Joan of Arc as P. I. Tchaikovsky's *The Maid of Orleans* Opera Context

The article considers interpretations of Joan of Arc's personality and life in the European art of the 15th–19th centuries, tracing the stages through which this historic heroine was transformed into a mythical one. With regard to this, the author determines the correspondence of P. I. Tchaikovsky's *The Maid of Orleans* with the semantic field surrounding the image of Joan by the 1870s. Close attention is paid to pieces of music devoted to the national heroine of France, determining the extent to which they could have influenced the musical text and concept of Tchaikovsky's work. Finally, the author concludes that *The Maid of Orleans* is well within the tendency towards the sacralization of Joan of Arc.

Key words: Tchaikovsky; Joan of Arc; *The Maid of Orleans*; historic myth; sacralization; dethronement; historico-patriotic interpretation.

HISTORY

Slyadz' A. N.

St.-Peterburg State University
slyads@mail.ru

Sviatoslav II — an ally of Michael VII? Towards the Accuracy of an Excerpt of V. N. Tatishchev's *Russian History*

The author analyzes the ambiguous account of an event in V.N. Tatishchev's *Russian History* according to which in 1076 Sviatoslav II Yaroslavich (1073–76) and his brother Vsevolod I assisted Michael VII Doukas (1071–78) in suppressing the anti-Byzantine rebellion in Chersonesus and in their conflicts with Bulgarians. These facts which are more legendary than real are of considerable interest, as proving them wrong would make it possible to at least find out something that could not have happened and, thus, have a closer look at the scarce but very much viable details of the 11th century military and political connections between Byzantium and Rus.

Key words: Byzantium; Rus; Chersonesus; Sviatoslav II Yaroslavich; Michael VII Doukas; V. N. Tatishchev.

Vozchikov D. V.

Yekaterinburg, Ural Federal University
catullus89@mail.ru

Practices of India and Southeastern Asia: an Account of a 15th Century Venetian Traveller

The article observes the images of religious traditions of South and Southeastern Asia in the account of Niccolò de' Conti (ca. 1395–1469), a Venetian merchant, who travelled to India, Indochina and Nusantara in 1420–1430s. The author of the article focuses on the idealized image of the Brahmins in this source. The article highlights the gradual replacement of the 'Christians–Pagans' opposition by the opposition of 'culture and barbarism' in the Renaissance discourse. This article also considers how the European image of the Oriental religious practices before the Age of Discovery was influenced by the humanistic reacceptance of the Greco-Roman tradition.

Key words: Republic of Venice; India; Niccolò de' Conti; Hinduism, orientalism, humanism, medieval voyages.

Semenov O. V.

Yekaterinburg, Ural Federal University
helg2008@list.ru

The Turinsk Mail Staging Post in the Late 16th – 1st Third of the 17th Century: Its Establishment and Functioning

With reference to a wide range of archival and published materials, the author outlines the history of establishment and functioning of the Turinsk mail staging post in the late 16th – first third of the 17th century giving a detailed characteristic of coachmen's professional, economic, and social activity, emphasizing their significant role in local life. The author concludes that the initially hard conditions of life of the Turinsk mail staging post gradually deteriorated which hindered the development of Siberia.

Key words: Siberia; Turinsk; Turinsk mail staging post; coachman rush; coachman; cart.

Morozan V. V.

St.-Peterburg State University
v_moga@mail.ru

Compiling a Genealogy Book of the Bessarabian Nobility

The article considers one of the most difficult stages of Bessarabian nobility formation after its annexation to Russia in 1812. The process of formation of social elite was still far from completion both in the Principality of Moldavia and in the newly acquired area. This factor significantly impeded the efforts of the Russian authorities on the formation of the bodies of local government. It was necessary to form a genealogical book of the nobility of Bessarabia to complete the creation of a local noble society. This story is considered in the article.

Key words: Russian history; landed gentry; local history; genealogy book.

Titarenko A. S.

Yekaterinburg, Ural Federal University
stsovet08@mail.ru

The Idea of China in Russian Folk Consciousness (2nd Half of the 19th – Early 20th Century)

The article is devoted to the problem of China and Chinese's image creation in Russian folk consciousness in the 2nd half of the 19th – early 20th century. The author analyzes the sources and factors of this process, the main characteristic features of the image of China, and the role of ethnic stereotypes in its structure.

Key words: image of China; national character; Boxer Rebellion; Russo-Japanese war; myth of Russian-Chinese friendship; yellow threat.

Mazur L. N.

Yekaterinburg, Ural Federal University
Lmaz@mail.ru

The Emergence and Evolution of Rural Bureaucracy in Russia in the 2nd Half of the 19th – Early 20th Century

The author considers the theoretical and historical aspects of rural bureaucracy's emergence as a separate social group, singling out the stages of its evolution, its structure, and functions at different stages as well as the moulding models of supremacy. The author pays her main attention towards the characteristics of the first stage of rural bureaucracy's emergence, its structure, functions and role in the rural community.

Key words: bureaucracy in Russia; rural bureaucracy; structural and functional evolution; place within the system of power.

Nefedov S. A.

Yekaterinburg, Institute for History and Archaeology, Russian Academy of Sciences,
Ural Branch
hist1@ya.ru

The History of the Urals within the Context of a Three-Factor Model of the Historical Process

The author analyzes the influence of the demographic, technological and geographic factors of the historical processes in Ural Region. In the context of the article, the influence of the demographic factor is analyzed through the prism of neo-Malthusian theory which postulates the existence of the so-called demographic cycles. The effect of the technological factor is regarded within the diffusionist approach. The role of the geographic factor manifests itself in the natural and climatic conditions of the region which condition the formation of the agricultural and farming communities. Until the 16th century, the history of the Urals had been conditioned by recurring nomadic invasions caused by the development of the armoury of the cavalry. Ivan IV's reforms and the establishment of the Marksman Troops was the reason for the first wave of Russian conquests. Peter the Great's reforms and the creation of a regular army resulted in yet another wave of Russian conquests and the definitive inclusion of the region into the Russian Empire. After this event, the political history of the Urals ceased to have an independent character, and was determined by social processes in Central Russia. As a result, the author demonstrates that the historical process in the Urals combined demographic cycles and waves of conquests caused by breakthroughs in military technology.

Key words: Urals; farmers; nomads; demographic pressure; demographic cycle; neo-Malthusianism; diffusionism; waves of conquests; military technology.

Zboev A. V.

Kirov, Vyatka State University
zboev.art@mail.ru

The Escalation of US Policy in the Balkans at the Beginning of 1941: a Visit of Colonel W. Donovan to Sofia

The article is devoted to American Colonel W. Donovan's visit to Sofia as a notable and significant stage of his tour of the Mediterranean at the beginning of 1941 undertaken to prevent the expansion of the Axis in the Balkans. The author considers the features of the US Policy in Bulgaria during the period of transition of Washington from isolationism to involvement in European affairs. The author considers the perception of Donovan's mission by his contemporaries and analyzes controversial episodes of his stay in Sofia with reference to Bulgarian, English, and Russian historiography, as well as the latest publications of sources. Additionally, the author emphasizes the significance of the Mission in the context of the US policy during the initial stage of World War II.

Key words: W. Donovan; Wild Bill; F. Roosevelt; Boris III; intelligence; special operations; US Foreign Policy; Balkans; the Mediterranean; Bulgaria.

REVIEWS

Kozlov A. S.

Yekaterinburg, Ural Federal University

Review of Marcellinus Comes. *A Chronicle / Translation and Commentary* by N. N. Bolgov. Belgorod: BelGU, 2010. — 230 p.

The review demonstrates an overwhelming substantial and textual dependence of the translation and commentary of the chronicle by an Early Byzantine author Marcellinus Comes that was made in Belgorod University on the translation and commentary authored by the Australian scholar of Byzantium B. Croke.

Key words: B. Croke; Marcellinus Comes; Early Byzantium; Latin chronicles of late antiquity.

Sidorova O. G.

Yekaterinburg, Ural Federal University

ogs531@mail.ru

Life as a Novel — or as a Play? Review of: Tomalin C. *Jane Austen: A Life / Translated from English* by A. Deriglazova. M.: Kolibri, Azbuka-Attikus, 2013; Shaitanov I. O. *Shakespeare. M.: Molodaya Gvardiya*, 2013. (Zhizn' Zamechatel'nykh Lyudey: ser. biogr.; vol. 1425).

Biographies of the two English classic authors, published in Russia in 2013, are reviewed. Jane Austen's biography (written by C. Tomalin, a well-known English biographer) is the first biography of the popular writer in Russian. A new biography of Shakespeare, written by I. Shaitanov, is viewed as an important step in the Russian Shakespeare's studies. The biographies' impact both on the wide reading public and on the Russian scholars is analyzed.

Key words: biography; English literature; Jane Austen; Shakespeare; Russian readers.

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2014. № 2 (127)

Редактор и корректор
Компьютерная верстка

А. А. Макарова
Л. А. Хухаревой

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27.10.12
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

Подписано в печать 30.06.2014. Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Уч.-изд. л. 27,0. Усл. печ. л. 26,81. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 1495.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
Отпечатано в ИПЦ УрФУ. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

ПАМЯТКА АВТОРА

Информация о журнале

- Серия «Гуманитарные науки» журнала «Известия Уральского федерального университета» является периодическим изданием (4 номера в год). Журнал включен в Перечень ведущих научных журналов ВАК и подписной каталог «Пресса России. Газеты и журналы» (т. 1), индекс 82412. Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки.
- Редакционная политика журнала ориентируется на современные гуманитарные исследования, свободные от идеологических штампов, базирующиеся на использовании различных научных парадигм, введении в научный оборот новых источников. Приветствуется академический уровень подачи материала, историографическая полнота и дискуссионность (в рамках проблематики журнала и по заранее выбранному сообществом экспертов проблемам). Редколлегия журнала следует правилам научного либерализма, предусматривающего публикацию мнений вне зависимости от идеологических взглядов.

Порядок приема и движения рукописи

- Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды объемом не более одного учетно-издательского (авторского) листа (40 000 знаков).
- К рукописи прилагается одна официальная рецензия.
- Авторский оригинал предоставляется в электронной версии и с обязательной распечаткой текста, резюме на русском и английском языках (тема и цель работы, методология исследования, источники, основные результаты выводы, не более 700 знаков), перечнем ключевых слов на русском и английском языках и сведениями об авторе: фамилия, имя, отчество; год окончания вуза и его название; место работы; ученая степень и звание; сфера научных интересов; средство связи (телефон, e-mail, почтовый адрес):
- Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту.
- Страницы рукописи нумеруются.
- Иллюстрации к статье даются отдельным файлом, с нумерацией и соответствующей распечаткой.

Сведения об авторе

ФИО	
E-mail	
Организация	
Organization (на английском языке)	
Адрес места работы Рабочий телефон Служебный e-mail	
Год окончания вуза, название вуза, факультета	
Год защиты диссертации (кандидатской, докторской)	
Звание, должность	
Код научной специальности	
Сфера научных интересов	
Контактный телефон	

- Рукописи высылаются по адресу: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, главному редактору серии «Гуманитарные науки» журнала «Известия Уральского федерального университета».
- Статьи принимаются к рассмотрению в течение всего года.
- Анонимное рецензирование статей осуществляется ведущими российскими и зарубежными учеными.
- Редакция уведомляет автора рукописи о том, принят или не принят к публикации материал. Рукописи, не принятые редакцией к изданию, не рецензируются и автору не возвращаются.

Требования к авторскому оригиналу

Подготовка электронного варианта рукописи

- **Формат бумаги** — А4 (210 × 297 мм), ориентация книжная.
- **Программа** — Word, **гарнитура** — Times.
- **Поля** — все по 2 см.
- **Размер шрифта** (кегель) — 14 (алгоритм набора: Формат — Шрифт — Размер 14).
- **Межстрочный интервал** — полуторный (Формат — Абзац — Междустрочный — Полуторный).
- **Абзацный отступ** — 1,25 (Формат — Абзац — Первая строка — Отступ 1,25).
- **Выравнивание текста по ширине** (Формат — Абзац — Выравнивание — По ширине).
- **Нумерация страниц** (Вставка — Номер страницы — Внизу, справа).
- **Переносы обязательны** (Сервис — Язык — Расстановка переносов — Автоматическая расстановка переносов).
- **Межсловный пробел** — один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях *т. е.*, *т. п.*, *т. д.*, *т. к.* Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: *М., 1995*. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: *А. С. Пушкин*.
- **Дефис** должен отличаться от тире, например: *Творчество Н. Заболоцкого конца 1920-х — начала 30-х годов*. **Тире** должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах, например: *1941–1945 гг., с. 8–61*.
- **Кавычки** должны быть одного начертания по всему тексту («...» — внешние, «...» — внутренние).
- **Точка, запятая и точка с запятой** при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски, например: *«Наши дети — энциклопедисты по самому характеру своего мышления», — говорил Маршак¹*.
- **Буква ё/Ё** заменяется буквой е/Е за исключением важных для смыслового различия контекстов, например: *Всем обо всё*.
- При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.
- Не допускаются пробелы между абзацами.

Виды и приемы выделений в тексте

- Основные виды выделений в рукописи — **рубрикационные** (заголовки рубрик) и **смысловые** (термины, значимые положения, логические усиления).
- Смысловые выделения в авторском тексте оформляются разрядкой (Формат — Шрифт — Интервал — Разреженный — 2).
- Короткие примеры в авторском тексте выделяются светлым курсивом, при необходимости используется полужирный курсив, например: «Неблагозвучны громоздкие сочетания согласных на стыке слов (*пусть встреча состоится*)». Отдельные фрагменты цитируемого текста выделяются мелким шрифтом с отбивками от основного текста.

Библиографические ссылки и примечания

- Ссылки — затекстовые, оформляются в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008, введенным с 1 января 2009 г., с обязательным указанием общего объема или конкретных страниц цитируемого источника.
- Отсылки в тексте — в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1–3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники), а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитировании. Например: [Толстой, т. 4, с. 285]. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора. Отсылки в тексте на архивные документы оформляются аналогично: в квадратных скобках, элемент отсылки через запятую. Ссылки на архивный источник за текстом — по правилам оформления затекстовых ссылок.
- Для ссылок на электронные ресурсы вместо слов «Режим доступа» используют аббревиатуру URL (Uniform Resource Locator — унифицированный указатель ресурса) и ссылку на дату обращения. Например: URL: <http://www.prognosis.ru> (дата обращения: 13.03.2009).
- Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания приводятся в виде отсылки в квадратных скобках.

Телефон для справок: (343)350-75-92. Электронный адрес: izvestia.2@yandex.ru